

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. А. СИДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Г. Бескровный, И. У. Будовниц (ответственный секретарь),
Р. П. Ладыкин, Г. М. Деренковский, М. П. Ким, чл.-корр.
АН СССР *М. В. Нечкина, А. А. Новосельский, Ю. А. Поляков,*
М. К. Рожкова, А. Л. Сидоров (ответственный редактор),
Л. В. Черепнин.

14 января 1956 г. исполняется семьдесят лет академику Николаю Михайловичу Дружинину, виднейшему советскому ученому-историку и педагогу, автору капитальных исследований, посвященных социально-экономической истории России и истории русского революционного движения XIX в.

Институт истории Академии наук СССР сердечно приветствует дорогого юбиляра, желает ему доброго здоровья и новых успехов в его неутомимой творческой работе.

В ознаменование юбилея Институт истории посвящает академику Н. М. Дружинину настоящий том «Исторических записок», составленный из работ друзей и учеников юбиляра.

Н. М. ДРУЖНИН

В. К. ЯЦУНСКИЙ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ДРУЖИНИН

Николай Михайлович Дружинин родился 1 января (ст. ст.) 1886 г. в г. Курске. Когда ему было десять лет, семья переехала в Москву, где Николай Михайлович получил среднее (окончил в 1904 г. 5-ю классическую гимназию) и высшее образование. Николай Михайлович окончил два факультета Московского университета — юридический по экономическому отделению и историко-филологический. На экономическом отделении он занимался преимущественно политической экономией, историей хозяйства и рабочим вопросом; кроме того, он получил хорошие знания и по юридическим дисциплинам.

Одна из студенческих работ Н. М. Дружинина — «Врачебная помощь фабричным рабочим по русскому законодательству» — была доложена им 19 февраля 1910 г. на заседании секции по истории труда Русского технического общества. Таким образом, 19 февраля 1955 г. исполнилось сорок пять лет его научной деятельности. Дипломное сочинение, представленное Н. М. Дружининым при окончании юридического факультета, было написано на тему: «Охрана женского и детского труда в промышленности России».

По окончании юридического факультета Николай Михайлович поступил на историко-филологический, где с самого начала специализировался по истории России, занимаясь преимущественно в семинарах профессора (впоследствии академика) М. М. Богословского, по рекомендации которого он был после окончания историко-филологического факультета в 1918 г. «оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию».

Прохождение Н. М. Дружининым университетского курса два раза прерывалось: первый раз в 1905—1906 гг. вследствие активного участия Николая Михайловича в революционном движении в второй раз — в 1916—1917 гг. вследствие призыва его в 1916 г. во время государственных экзаменов на военную службу.

Университет дал Николаю Михайловичу солидную подготовку к будущей научной деятельности не только по истории России, ставшей его основной научной специальностью, но и в области экономики и права. Хорошие знания в области экономики и права оказались особенно полезными Николаю Михайловичу в его исследованиях по социально-экономической истории.

Еще с гимназических лет Н. М. Дружинин живо интересовался художественной литературой и увлекался театром, в особенности постановками Малого и Художественного театров. Этот интерес Николай Михайлович сохранил и в зрелые годы, когда он стал изучать также русское изобразительное искусство. Интерес к искусству, отчасти связанный с последующей деятельностью Н. М. Дружинина на поприще музееведе-

ния и экскурсионного дела, повлек за собою написание небольших популярных работ на эти темы.

Углубленное знакомство с художественной литературой и искусством давало Николаю Михайловичу необходимые знания для понимания истории культуры. Оно сказалось и на внешней стороне его научных трудов, обычно написанных живым и образным и в то же время ясным и простым языком.

Еще в старших классах гимназии под влиянием ранних произведений М. Горького у Н. М. Дружинина зародилось стремление к путешествиям. Летние каникулы 1902 и 1903 гг. были им использованы для поездок по Волге, Днепру, Черному морю, для пешеходных экскурсий по центральным промышленным губерниям и по Крымскому побережью. Он сохранил любовь к путешествиям и впоследствии, побывав в Поволжье, на Кавказе, в Казахстане, Прибалтике и в других местах нашей обширной Родины. Ленинское указание о необходимости для исследователя учитывать районные особенности изучаемых исторических явлений и процессов стало для Н. М. Дружинина одним из руководящих принципов в научной работе.

Таким образом, полученная Н. М. Дружининым подготовка для научной работы в области русской истории, оказалась исключительно разносторонней и глубокой. Одновременно формировались его политические взгляды. Уже в старших классах гимназии Н. М. Дружинин все больше и больше втягивался в политические интересы и споры. В последнем классе гимназии он уже считал себя социал-демократом, изучал нелегальную политическую литературу, в частности труд В. И. Ленина «Что делать», принимал участие в печатании революционных воззваний.

После события 9 января 1905 г. Н. М. Дружинин — студент первого курса — по предложению Инессы Арманд, члена Московской большевистской организации, сделался одним из хранителей нелегальной библиотеки Московского комитета. В связи с выполнением этих обязанностей он был в начале февраля 1905 г. арестован, исключен из университета и пробыл два с половиной месяца в одиночном заключении. Тюрьма стала для Николая Михайловича, как и для многих юношей того времени, своего рода «революционным университетом». Там он стал большевиком по своим политическим убеждениям. После освобождения из заключения Н. М. Дружинин был выслан в Саратов, где принял активное участие в организационной и агитационной работе местной большевистской организации. В конце июля 1905 г. он был в Саратове арестован и приговорен к трехмесячному одиночному заключению. После опубликования манифеста 17 октября Н. М. Дружинин был освобожден из тюрьмы. Партийная организация в тот момент вышла из подполья. Николай Михайлович с увлечением целиком отдался агитационной работе. После подавления московского вооруженного восстания он вернулся в Москву, где посвятил себя партийной работе сначала в Рогожском, потом в Городском районе.

Осенью 1906 г. Николай Михайлович вновь поступил в Московский университет и в дальнейшем вел только просветительную работу на рабочих курсах.

Николай Михайлович, будучи широко образованным историком, свою научную деятельность сосредоточил преимущественно на проблемах истории России XIX в. Его путь как ученого отражает развитие советской историографии по изучению этого периода. Дореволюционные историки мало им занимались. Усилия наиболее выдающихся представителей русской буржуазной историографии — В. О. Ключевского,

С. Ф. Платонова, Н. П. Павлова-Сильванского, М. М. Богословского — не шли дальше изучения периода Петра I. Среди буржуазных ученых того времени существовало даже мнение, что XIX столетие является эпохой настолько близкой к современности, что ее историческое изучение является еще преждевременным делом.

Конечно, было бы ошибкой утверждать, что историей XIX в. дореволюционная историография совсем не занималась, но во всяком случае наследство, оставленное ею советским историкам, было довольно скудным. Основными вопросами истории России в XIX в., которыми занялись советские историки, были две проблемы: во-первых, история революционного движения и общественной мысли и, во-вторых, история производственных отношений и в связи с нею история трудовых классов — рабочих и крестьян.

Н. М. Дружинин работал и работает в обеих названных областях. В каждой из них ему принадлежат крупные труды. В каждой из них он является ведущим исследователем. Благодаря своим трудам в этих двух направлениях Николай Михайлович сделался наиболее авторитетным советским специалистом по вопросам истории России XIX в. Эти труды в совокупности с другими сторонами его научной деятельности доставили ему почетное звание действительного члена Академии наук СССР.

Научный путь Николая Михайловича, будучи единым по своей целеустремленности и методологии, по своей тематике, может быть разделен на два этапа. На первом этапе, охватывающем двадцатые годы и первую половину тридцатых годов, он занимался преимущественно историей революционного движения и общественной мысли в России XIX в., хотя и не ограничивал свою научную работу только этими проблемами.

На втором этапе, примерно с середины тридцатых годов и до настоящего времени, не прекращая работы по истории революционного движения и общественной мысли, Николай Михайлович переносит центр тяжести своих исследований в область социально-экономической истории XIX в. и предшествующего времени.

На первом из двух названных этапов научной деятельности в центре внимания Николая Михайловича как исследователя стояло движение декабристов. Интерес Николая Михайловича к декабристам, вполне понятный сам по себе, был усилен отмеченной в 1925 г. столетней годовщиной их восстания, а также практической работой Николая Михайловича в Музее революции, где он с 1924 г. стал работать в качестве руководителя экскурсий, а в 1926 г. занял должность ученого секретаря. Его первой работой по истории движения декабристов была популярная брошюра «Кто были декабристы и за что они боролись», написанная по предложению Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, вышедшая в 1925 г. к столетнему юбилею декабристского восстания и в следующем году переизданная. Когда Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев образовало секцию по изучению движения декабристов, Н. М. Дружинин был избран одним из ученых секретарей секции (другим был Б. Е. Сыроечковский) и активно участвовал в подготовке издававшихся ею сборников «Декабристы и их время».

В 1926—1929 гг. Николай Михайлович работал над главным своим трудом по истории декабристов — монографией «Декабрист Никита Муравьев». Книга вышла в свет в 1933 г. Это не только монография об одном из вождей декабристов, но и исследование о Северном обществе, а отчасти и о декабристском движении в целом.

Кроме этой основной работы о декабристах, Николай Михайлович опубликовал ряд статей о других деятелях этого движения — о Пестеле,

С. Трубецком, Чернышеве, Якушкине, а также о программе Северного общества. Интерес к декабристам Н. М. Дружинин сохраняет до самого последнего времени: в 1954 г. под его редакцией (совместно с Б. Е. Сыроечковским) вышел сборник статей: «Очерки из истории движения декабристов».

Работая преимущественно над темами, связанными с движением декабристов, Николай Михайлович уже в этом периоде своей научной деятельности занимался и вопросами социально-экономической истории. В 1926 и 1927 гг. в трудах Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) им была опубликована работа «Журнал землевладельцев 1858—1859 гг.». Тема этого исследования тесно связана с историей падения крепостного права, вопроса, вызывавшего глубокий интерес у Николая Михайловича на всем протяжении его научной деятельности.

В двадцатых годах вышли две популярные работы Н. М. Дружинина, посвященные русским экспедициям первой половины XIX в. Первая из них «Русские мореплаватели в старой Японии» была напечатана в 1924 г., вторая — «В страну туркмен и узбеков (Туркмен-Хивинская экспедиция Н. Н. Муравьева)» была опубликована в 1927 г. В этих произведениях нашел свое отражение интерес автора к истории путешествий.

С середины 30-х годов в научных интересах Николая Михайловича все больше места начинает занимать социально-экономическая история. Он начинает работу над своим многолетним фундаментальным трудом о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселева. Эта проблема интересовала Николая Михайловича еще со студенческих лет. Данному вопросу было посвящено его дипломное сочинение при окончании им историко-филологического факультета. Работа потребовала длительных изысканий в архивах Ленинграда и Москвы. Поэтому хронологически первой из опубликованных в этот период работ Николая Михайловича по социально-экономической истории был не этот труд, а имевшая крупное принципиальное значение статья «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского», напечатанная в 1939 г. в сборнике «Против исторической концепции М. Н. Покровского». В этой статье Николай Михайлович не только подверг основанной на фактах убедительной критике взгляды Покровского на социально-экономическую историю России и на внутреннюю и внешнюю политику правительства первой половины XIX в., но и дал исторически верные общие контуры той картины социально-экономической жизни первой половины XIX в., которая имела место в действительности.

Первый том монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» был закончен в 1944 г. и вышел из печати в 1946 г.

Русская историография как дореволюционная, так и советская интересовалась преимущественно помещичьими крестьянами. История государственных крестьян, особенно в XIX в., была изучена гораздо меньше. Между тем государственные крестьяне составляли весьма многочисленную группу трудящегося населения, лишь немногим уступавшую помещичьим крестьянам.

Вопрос о государственных крестьянах был неразрывно связан с крестьянским вопросом вообще. Реформа Киселева находилась в исторической связи с реформой 19 февраля 1861 г. Проследить эту связь автор считал одной из важнейших задач своего исследования.

Основным достоинством обширной монографии Н. М. Дружинина является сочетание в ней высокого методологического уровня научной

работы с освоением огромного, ранее не использованного исследователями архивного материала. Подвергнув подробному порайонному изучению экономическое и правовое положение государственной деревни в 30—40-х годах XIX в., он выяснил историческую обстановку киселевской реформы и причины, побудившие правительство предпринять ее. Особенный интерес представляет здесь описание положения государственных крестьян в губерниях Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы, где государственные крестьяне эксплуатировались иначе, чем в остальной России. Здесь государственные деревни сдавались в аренду местным дворянам, а также царским генералам и крупным чиновникам. До исследования Н. М. Дружинина этот кардинальной важности факт оставался совершенно неизвестным историкам. Значительный интерес представляет также нарисованная автором очень живыми красками картина жизни крестьян дореформенной Сибири. До сих пор у нас изучалась почти исключительно история Сибири XVI—XVII вв. Работы С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, В. И. Шункова, В. Н. Шерстобоева дали очень много для истории Сибири этих столетий. Исследование Н. М. Дружинина внесло серьезный вклад в историю Сибири XIX в.

С большой полнотой показан в книге генезис киселевской реформы. В ней дан подробный анализ первоначальных проектов реформы, выявлена как классовая сущность каждого проекта, так и влияние на его содержание политической обстановки, в которой возникал тот или иной проект. Автор детально выяснил, как разрабатывались Киселевым основные положения подготавливавшейся им реформы, как работали те чиновники, которых привлек к этому делу Киселев, как составлялись и проводились через соответствующие инстанции проекты законов, которыми реформа вводилась в жизнь. Хорошо показано в книге отношение, которое встречали проекты Киселева со стороны высшей николаевской бюрократии и со стороны царя. Очень убедительно показаны причины неудачи, которая постигла Киселева при его попытке провести инвентаризацию помещичьих имений.

Николай Михайлович вскрыл социальную сущность и историческое значение реформы Киселева и дал детальный юридический анализ конкретного содержания тех законов 1837—1841 гг., совокупность которых составила эту реформу.

Труд Н. М. Дружинина разрешил ряд важных проблем истории крестьянства XIX в. Выход в свет этого исследования был крупным событием в советской исторической науке. Автор в 1947 г. был награжден за него Сталинской премией.

Работу над вторым томом своего исследования Н. М. Дружинин заканчивает в настоящее время.

В последние годы Николай Михайлович расширил изучение социально-экономической истории России и в тематическом и в хронологическом разрезе, подвергнув научной разработке важные общие вопросы истории производительных сил и производственных отношений России XVII—XIX вв. Он выступил со статьями «О периодизации истории капиталистических отношений в России» («Вопросы истории», 1949, № 11 и 1951, № 1) и «Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы» (там же, 1954, № 7).

В докладе о социально-экономических предпосылках образования русской буржуазной нации, прочитанном в собрании Отделения исторических наук, и в докладе о генезисе капиталистических отношений в России, представленном им на всемирный конгресс историков в Риме (сентябрь 1955 г.), Николай Михайлович выступил с очень интересной попыт-

кой наметить общие контуры процесса возникновения капитализма в России, опираясь на накопленный советскими историками фактический материал.

Занимаясь преимущественно проблемами социально-экономической истории и отчасти истории революционного движения, Н. М. Дружинин в этом периоде своей научной деятельности не оставлял вне своего исследовательского внимания и другие стороны истории России XIX в. Его перу принадлежат главы по истории внешней и внутренней политики самодержавия в 1828—1847 гг. и по истории Крымской войны во 2-м томе учебника истории СССР для исторических факультетов, брошюра о Синопском бое. Он полемизировал с Е. В. Тарле по поводу некоторых вопросов истории Крымской войны («Исторический журнал», 1944, № 12 и 1945, № 4).

Николай Михайлович принял весьма активное участие в написании истории столицы нашей Родины — Москвы. Он является одним из авторов III и IV томов издаваемой Институтом истории АН СССР многотомной «Истории Москвы», в которых излагается история Москвы XIX в., и редактором III тома (совместно с М. К. Рожковой).

Таким образом, Николай Михайлович работает в самых различных отраслях истории России XIX в., выделяясь широтой и глубиной своих знаний.

Н. М. Дружинин всегда был и продолжает оставаться организатором научной работы. На первом этапе своей научной деятельности, когда он был сначала работником внешкольных просветительных учреждений, а потом ученым секретарем (1926—1931 гг.) и заведующим отделом (1931—1934 гг.) в Музее революции, это была работа в области экскурсионного, лекционного и музейного дела. Со времени поступления в Институт истории АН СССР в 1938 г. он ведет организационную работу в области истории СССР. С 1945 по 1951 г. Николай Михайлович заведовал сектором истории СССР XIX в., сделав сектор центром научной мысли по истории СССР XIX в. Научные доклады в секторе посещало большинство историков Москвы, интересующихся проблемами истории СССР XIX в.

С 1945 г. непрерывно Н. М. Дружинин состоит членом редакционной коллегии журнала «Вопросы истории». Он является председателем редакционной коллегии многотомного издания «Очерки по истории СССР». Под его редакцией вышел ряд крупных научных исследований и публикаций документов, как, например, «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права» (М., 1949), Записки С. П. Трубецкого (в сборнике «Декабристы и их время», т. 5, М., 1932), III том «Истории Москвы», о котором уже упоминалось выше, крупные монографии К. В. Сивкова («Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в.», М., 1951), И. В. Мешалина («Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в.», М., 1950), М. К. Рожковой («Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия», М.—Л., 1949). В настоящее время под его редакцией подготавливается к изданию десяти томное собрание документов по истории крестьянского движения пореформенной эпохи.

Н. М. Дружинин активно работает в качестве члена бюро Отделения исторических наук АН СССР. Он состоит членом Ученых советов — Института истории АН СССР, Института славяноведения и ряда других научных учреждений.

До 1948 г., когда состояние здоровья вынудило Николая Михайловича оставить педагогическую работу, он систематически вел преподавание в высшей школе. Основным центром его педагогической деятельности был Московский университет, где с 1929 по 1932 г. Николай Михайлович преподавал методику музейного дела на этнологическом факультете, а с осени 1934 г., когда был организован исторический факультет, был назначен профессором истории СССР.

Кроме университета, Н. М. Дружинин работал также и в ряде других высших учебных заведений Москвы: в Городском педагогическом институте (1935—1939 гг.), в Высшей партийной школе (1943—1945 гг.), в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1946—1948 гг.). В 1938—1940 гг. он систематически ездил в Минск читать курс истории СССР на Высших курсах при ЦК Коммунистической партии Белоруссии. Наряду с большой научной эрудицией, Николая Михайловича как преподавателя отличает блестящий дар слова.

Глубокие по содержанию, прекрасные по форме его лекции производили незабываемое впечатление на слушателей. Николай Михайлович не любит внешних эффектов речи и вычурных выражений. Его язык всегда прост и ясен. Но тем доходчивее были его лекции для слушателей. Его занятия не только давали студентам отчетливое знание важнейших явлений и процессов прошлого, но и воспитывали историческое мышление учащихся, будили в них чувство патриотизма.

Как в высшей школе, так и в Институте истории АН СССР Н. М. Дружинин всегда уделял большое внимание делу подготовки научных кадров. Под его руководством защитили диссертации многие аспиранты и докторанты. Оставив преподавание в высшей школе, он и теперь продолжает вести подготовку научных кадров в Институте истории АН СССР. Его ученики работают в научных учреждениях и высших учебных заведениях Москвы и различных городов нашего обширного отечества. Некоторые из них выросли в крупных самостоятельных ученых.

Резюмируя все сказанное выше о деятельности Николая Михайловича как ученого и профессора, следует подчеркнуть несколько основных черт, характерных для нее на всем ее протяжении.

Первой из них является высокий методологический уровень научной и преподавательской работы. Н. М. Дружинин всегда был в своих научных трудах последовательным и принципиальным марксистом-ленинцем. Он показал себя в этих трудах также исключительным мастером историко-юридического и историко-экономического анализа. Полученное им образование и революционная деятельность в молодые годы много действовали на выработку в нем этих необходимых качеств историка-исследователя.

Научные исследования Николая Михайловича всегда прочно базируются на огромном количестве документального материала, нередко впервые введенного им в научный оборот. К источникам он относится строго критически, тщательно выясняя, что может дать тот или иной документ и насколько достоверны сообщаемые этим источником сведения. В анализе исторических документов Н. М. Дружинин обнаруживает тонкое мастерство опытного историковеда. Основывая свои выводы на прочной базе источников, Николай Михайлович никогда не выступал с внешне эффектными, но не подкрепленными в достаточной мере документальным материалом построениями, какими бы заманчивыми такие гипотезы ни казались. Надежная база источников, как необходимое обоснование для каждого вывода, твердое убеждение в абсолютной недопустимости для исследователя «улучшать или ухудшать историю» являются

второй характерной чертой всех научных работ и лекций Николая Михайловича.

Н. М. Дружинин умеет создавать живые портреты как крупных исторических деятелей, так и рядовых людей прошлого. В этих портретах он всегда умеет показать классовое лицо того или иного исторического деятеля. Таким путем Николай Михайлович помогает читателю или слушателю лучше представить себе и, следовательно, лучше понять конкретную жизнь и действия наших предков.

Наконец, нельзя не подчеркнуть прекрасную литературную форму его произведений, докладов и лекций. В умении рисовать яркие и живые характеристики людей прошлого, в талантливой литературной форме сочинений и устных выступлений проявляется усвоение Н. М. Дружининым лучших сторон литературного мастерства школы В. О. Ключевского, учеником которого был университетский учитель Николая Михайловича М. М. Богословский.

Правительство высоко оценило заслуги Н. М. Дружинина, наградив его орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Николая Михайловича отличают большое личное обаяние, отзывчивость и доброта. Сто тысяч рублей, полученные им в качестве Сталинской премии, он полностью пожертвовал на улучшение детского дома в поселке Нудоль Новопетровского района Московской области, где воспитываются сироты, потерявшие родных во время Отечественной войны.

Будучи авторитетнейшим ученым, Николай Михайлович всегда внимателен к критическим замечаниям других. Он равно прост и приветлив со всеми, с кем ему приходится общаться.

Признание научных заслуг Николая Михайловича и отношение к нему как к человеку со стороны широких кругов историков нашей страны ярко проявились в январе 1951 г., когда коллектив работников Института истории АН СССР организовал его чествование в связи с 65-летием со дня рождения и сорокалетием научной деятельности. Николай Михайлович получил в этот день 29 адресов и 52 телеграммы от учреждений, не считая многочисленных телеграмм от отдельных лиц. Его приветствовали Президиум Академии наук СССР и ряд ее учреждений, Министерство высшего образования СССР, Министерство просвещения РСФСР, университеты, педагогические институты и другие учебные заведения, архивы, музеи, библиотеки. Особенно многочисленны были приветствия от научных учреждений и учебных заведений, находящихся вне Москвы.

От Буковины и Галичины на западе до Прибайкалья на востоке, от Карелии и республики Коми на севере до Закавказья и Средней Азии на юге откликнулись коллективы историков на юбилей Николая Михайловича. Адреса и телеграммы прислали почти все существовавшие тогда академии союзных республик, три филиала АН СССР (Молдавский, Карело-Финский и Казанский), 17 университетов, 23 педагогических института. Особенно широко откликнулись научные учреждения и учебные заведения Грузии (девять учебных заведений и научных учреждений Тбилиси, Кутаиси и Гори).

Николаю Михайловичу исполняется семьдесят лет, но он находится в расцвете своих творческих сил, и можно быть твердо уверенным, что наша наука получит от него не только второй том его труда о государственных крестьянах, но и другие ценные исторические исследования.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Н. М. ДРУЖИНИНА

1922

Лекционная работа — «Вестник просвещения», № 9, стр. 11.

1924

Русские мореплаватели в старой Японии, Л., 141 стр.

Музей революции — «Вестник просвещения», № 10, стр. 5.

Царицыно — Марфино — в сб.: «По окрестностям Москвы», М., стр. 67—71; 79—85.

1925

Кто были декабристы и за что они боролись, М., 112 стр.

Петербургский Совет рабочих депутатов 1905 года, М., 132 стр.

Самообразовательные экскурсии. № 8. Листовки к экскурсии в Царицыно, М., 11 стр.

То же. № 10. На выставку «1905 г.», М., 20 стр.

Вступ. статья и прим. к кн.: Е. Ю. Григорович. Зарницы. Наброски из революционного движения 1905—1907 гг., под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского, Л., 113 стр.

Рец. на кн.: Л. Л. Аксельрод. Этюды и воспоминания, Л., 1926 — «Каторга и ссылка», кн. 8, стр. 279—280.

1926

Кто были декабристы и за что они боролись, изд. 2-е, М., 128 стр.

Русская революция в произведениях изобразительного искусства. Выставка картин, рисунков и скульптуры (каталог), М., 52 стр.

Революционное движение в Москве. В кн.: По революционной Москве. Справочник-путеводитель, М., стр. 24—37.

Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Анна Васильевна Якимова (Кобозева), М., 48 стр.

Выставка 1905 г. — «Наука и искусство», № 1, стр. 4.

Деятельность секции по изучению декабристов и их времени при Всесоюзном объединении политкаторжан и ссыльных поселенцев (Отчет) — «Каторга и ссылка», кн. 5, стр. 296.

«Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. 1 — Труды Института истории РАНИИОН, вып. 1, стр. 465—522.

Музей революции СССР как объект экскурсионного изучения — «На путях к новой школе», № 1, стр. 21.

Экскурсия на выставку «1905 г.» — в кн.: — «1905 г. в экскурсиях по Москве», М., стр. 11.

Рец. на кн.: В. Вакар. Накануне 1905 г. в Киеве (июльская стачка 1903 г.), Киев, 1925 — «Каторга и ссылка», кн. 6, стр. 251.

Обзор журнала «Красный архив», тт. 13, 14 — «Каторга и ссылка», кн. 5, стр. 266—267.

Рец. на кн.: В. Манилов. Вооруженное восстание в частях Киевского гарнизона (ноябрь 1905 г.), Киев, 1926 — «Каторга и ссылка», кн. 7—8, стр. 355—356.

Рец. на кн.: В. Манилов. Киевский Совет рабочих депутатов в 1905 г., Киев, 1926 — «Каторга и ссылка», кн. 7—8, стр. 355—356.

Рец. на кн.: Н. Романовская. Подпольная типография в Миусском районе в 1905 г. — «Вестник просвещения», № 5—6, стр. 117.

Рец. на кн.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе, под ред. О. А. Варенцовой и др., Иваново-Вознесенск, 1925 — «Каторга и ссылка», кн. 22, стр. 260—262.

Ред. По революционной Москве. Справочник-путеводитель, М., 106 стр.

1927

В страну туркмен и узбеков (Туркмен-Хивинская экспедиция Н. Н. Муравьева), Л., 118 стр.

- Методическое введение к кн.: «Октябрь в экскурсиях по Москве», М., 16 стр.
 Методы историко-революционной экспозиции.— Музей революции СССР. Сборник 1, М., стр. 15—25.
 Журнал землевладельцев 1858—1860 гг., ч. 2 — Ученые записки РАНИИОН, т. II, М., стр. 251—310.
 Письмо в редакцию по поводу рецензии на справочник «По революционной Москве» — «Печать и революция», № 8, стр. 215—217.
 Юбилейные выставки — «Пролетарская революция», № 10, стр. 17.
 Рец. на кн.: Декабристы. Сборник материалов, Л., 1926 — «Каторга и ссылка», № 7, стр. 223—227.

1928

- Конституция Никиты Муравьева (Происхождение и различия вариантов). В кн.: Декабристы и их время, т. I, М., стр. 62—108.
 Альбом по истории ВКП(б). 1874—1917, М., 56 стр.

1929

- Приключения капитана Головнина (2-е изд. книги «Русские мореплаватели в старой Японии»), М., 189 стр.
 Массонские знаки П. И. Пестеля — «Музей революции СССР», сб. 2, стр. 12—49.
 Музей революции СССР — «Красная нива», № 23, стр. 59.

1930

- Анна Васильевна Якимова — член Исполнительного комитета партии «Народная воля», М., 2-е изд., дополн., 48 стр.
 Принципы экспозиции музейного материала — «Бюллетень Центр. совета Всес. об-ва политкаторжан и ссыльных поселенцев», № 5—6, стр. 31.
 Производственная работа Музея революции СССР. 1929—1930 гг. (Работа Музея революции СССР. О представителях музейного съезда. Обмен опытом с Историческим музеем. Инструкции) — Справочник Музея революции СССР, вып. 1.
 Путеводитель по Музею революции СССР. — Справочник Музея революции СССР, вып. 1, 2, 3, 4.
 Семейство Чернышевых и декабристское движение. В сб.: «Яропслец». Труды об-ва изуч. Моск. обл., стр. 17—43.

1931

- История Пролетарской (б. Рогожско-Симоновской) большевистской организации (1906—1916), М.—Л., 128 стр.
 Классовая борьба как предмет экспозиции историко-революционного музея — «Советский музей», № 1, стр. 32—50.
 Материалы по реконструкции отдела «Народная воля» — Справочник Музея революции СССР, вып. 3, стр. 10.
 Пятидесятилетие «1 марта 1881 г.» в Музее революции СССР — Справочник Музея революции СССР, в. 3, стр. 8.
 Этикетаж историко-революционного музея — «Советский музей», № 3, стр. 63—76.
 Рец. на кн.: Крепостная Россия, Л., 1930 — «Каторга и ссылка», кн. 1, стр. 239—242.
 Рец. на статью: Л. В. Розенталя. Печатное слово в массовой работе музея («Научный работник», 1930, № 5—6) — «Советский музей», № 1, стр. 118—119.
 Рец. на кн.: Ф. И. Шмит. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929, — «Советский музей», № 4, стр. 124—127.

1932

- Записки С. П. Трубецкого (Публикация и комментарии). В кн.: «Декабристы и их время», т. II, М., стр. 9—22.
 Трубецкой как мемуарист. В кн.: «Декабристы и их время», — Там же, стр. 23—43.
 Крестьянские восстания XVII века, М., 10 стр.
 Декабристы. Текст с диапозитивам. М., Фабрика № 4 учебных пособий, 10 стр.
 Народная воля, М., Фабрика № 4 учебных пособий, 10 стр.
 Работа по учету и охране памятников революционного движения — Справочник Музея революции СССР, в. 4, стр. 39—41.
 Совместно с Н. Барсовой и А. Шестаковым — Музей революции СССР во второй пятилетке — Музей революции СССР, сб. 4, М., стр. 52—63.

Рогожская организация РСДРП(б) в 1906—1916 гг. — «Музей революции СССР», сб. 3, стр. 48—58.

Чернышевский и его время в кн.: «Чернышевский и Александр II», М., стр. 3—10.

Рец. на кн.: А. Мансуров. Техника музейного дела, М., 1931 — «Советский музей», № 2, стр. 124—126.

1933

Декабрист Никита Муравьев, М., 402 стр.

В. Г. Перов и его картина «Суд Пугачева» — «Музей революции», сб. 5, стр. 48—90.

1934

Как собирать историко-революционные материалы — Справочник Музея революции, вып. 6, стр. 5—22.

То же, М., 17 стр.

Революционное движение в Москве (от декабристов к народолюбцам) — «Борьба классов», № 7—8, стр. 80—88.

Целеустановки центрального общественного музея — «Советский музей», № 3, стр. 17—20.

Рец. на кн.: «Советский музей», журнал сектора науки Наркомпроса, М., 1933, № 1, 2, 3 — «Плакат и художественная репродукция», № 2, стр. 18—21.

Рец. на кн.: «Советский музей», изд. Музейного отдела Наркомпроса и Изогиза, 1934, № 1, 2 — «Плакат и художественная репродукция», № 10, стр. 13—17.

1935

Научная подготовка музейной экспозиции (Методика музейной работы) — «Труды Музея революции СССР», сб. 7, стр. 18—25.

Революционные знаки — «Известия», № 107.

30-я годовщина Кровавого воскресенья — «Плакат и художественная репродукция», № 2, стр. 11—13.

14 декабря 1825 г. в Петербурге — «Борьба классов», № 7—8, стр. 37—49.

Рец. на кн.: «Русская правда» по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому, под ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1934 — «За большевистскую книгу», № 3, стр. 16—18.

Рец. на кн.: Н. Шуйский. Крепостной Златоуст, Свердловск, 1935 — «За большевистскую книгу», № 11—12, стр. 16—17.

Рец. на кн.: «Советский музей», 1934, № 4 — «Обзор искусства», № 4, стр. 11—12.

1936

Схема программы по истории СССР на II курсе истфака, М., 9 стр.

Каховский Петр Григорьевич — БСЭ, т. 32, стр. 39.

Киселев Павел Дмитриевич — БСЭ, т. 32, стр. 442.

Рец. на сб. документов: «Восстание Емельяна Пугачева», Л., 1935 — «Книга и пролетарская революция», № 4, стр. 50—51.

1937

Кузьмин Анастасий Дмитриевич — БСЭ, т. 35, стр. 402.

Рец. на кн.: С. Н. Драницин. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность, Л. — «Историк-марксист», кн. 5—6, стр. 213—216.

1938

Лорер Николай Иванович — БСЭ, т. 37, стр. 415.

Лукин Михаил Сергеевич — там же, стр. 496.

Музей революции СССР — МСЭ, изд. 2-е, т. 7, стр. 70—71.

1939

Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского. В сб.: Против исторической концепции М. Н. Покровского, ч. 1, М.—Л., 1939, стр. 337—386.

Николай I (1796—1855) — БСЭ, т. 42, стр. 130—133.

Восточная война (1853—1856) — «Историк-марксист», № 2, стр. 112—128.

1940

- Государственные крестьяне в дворянских и правительственных проектах 1800—1833 гг. — «Исторические записки», т. 7, стр. 149—181.
 Совместно с С. В. Бахрушиным и др. Ред. Очерки по истории Московского университета, М., 96 стр.
 Восточный вопрос (1826—1847 гг.). В кн.: История СССР, т. II, под ред. М. В. Нечкиной, гл. XV, стр. 256—274.
 Восточная война (1853—1856 гг.) — там же, гл. XIX, стр. 328—348.
 Монархия Николая I. Внутренняя политика 1826—1847 гг. — там же, гл. XI, стр. 186—203.
 Россия и революция 1848 г. — там же, гл. XVIII, стр. 307—328.
 Углубление кризиса крепостных отношений в России в 20—50-е годы, там же, гл. X, стр. 166—186.

1941

- Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа — Ученые записки Московского городского педагогического института, т. II, Кафедра истории СССР, вып. 1, стр. 33—96.

1942

- Борьба с польско-шведской интервенцией в начале XVII века — «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны», вып. 4, Ташкент, стр. 51—55.
 Петр I и его реформы — там же, стр. 55—62.
 Великий русский полководец Суворов — там же, стр. 70—75.
 Оборона Севастополя — там же, стр. 83—87.
 Великие русские просветители (Герцен, Белинский, Чернышевский) — там же, стр. 87—94.
 Выставка «Отечественная война 1812 г.» — «Казахстанская правда», 17 февраля.

1943

- Гениальный русский полководец А. В. Суворов, М., 59 стр.
 Фельдмаршал Кутузов — «Казахстанская правда», 27 апреля.
 Национально-освободительное движение казахского народа в конце 1850-х годов.
 «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», Алма-Ата, 345 стр.
 Совместно с А. М. Панкратовой. Рец. на кн.: Е. Тарле. Крымская война, т. I, М.—Л., — «Исторический журнал», № 7, стр. 79—84.
 Le general Bagration, — «Litterature Internationale», № 12, стр. 53—57.

1944

- Синопский бой, М.—Л., 40 стр.
 Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева (Автореферат). — Известия АН СССР, серия истории и философии, № 5, стр. 225—226.
 Рец. на кн.: Е. Тарле. Крымская война, т. II, М., 1943 — «Исторический журнал», 1944, № 12, стр. 64—68.

1945

- Государственная деревня накануне реформы 1837—1838 гг. (Нечерноземный район) — «Исторический журнал», № 4, стр. 51—63.
 С. И. Мицкевич. (Некролог) — «Исторический журнал», № 3, стр. 93—95.
 Русская культура и ее национальные особенности — «Пропагандист», № 13, стр. 23—26.
 Синопский бой — «Доклады и сообщения историч. факультета МГУ», вып. 2, стр. 31—33.
 Спорные вопросы Крымской войны (по поводу статьи акад. Е. В. Тарле о Крымской войне) (письмо в редакцию) — «Исторический журнал», № 4, стр. 113—120.
 Рец. на кн.: Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг, М.—Л., 1945 — «Известия АН СССР, серия истории и философии», № 6, стр. 451—452.

1946

- Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 632 стр.
 Социально-политические взгляды П. Д. Киселева — «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 33—55.
 Приуральское возмущение 1834—1835 гг. — Ученые записки МГУ, вып. 87, стр. 139—155.
 Заседание памяти декабристов — «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 149—151.

Сектор истории СССР XIX — начала XX вв. Института истории АН СССР — «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 154—155.

Рец. на кн.: М. Нечкина. Следственное дело о А. С. Грибоедове, М.—Л., 1945—«Советская книга» № 3—4, стр. 74—78.

Ред. Х. Г. Айдарова. Чокан Валиханов, Алма-Ата, 198 стр.

1947

Москва накануне реформы 1861 года — «Вестник МГУ» № 9, стр. 41—60.

Москва в годы Крымской войны — «Вестник АН СССР», № 6, стр. 49—63.

Рец. на кн.: «Известия Казахского филиала Академии Наук СССР. Серия историческая», вып. 2. Алма-Ата, 1946 — «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 150—152.

Рец. на кн.: М. Нечкина — А. С. Грибоедов и декабристы, М.—Л., 1947 — «Вопросы истории», № 12, стр. 101—106.

1948

Московское дворянство и реформа 1861 года — «Известия АН, серия истории и философии», № 1, стр. 62—78.

Ред. кн.: Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 гг., М., 1948.

Рец. на кн.: В. Рштуни. Крестьянская реформа в Армении в 1870 г., Ереван, 1947 — «Советская книга», № 1, стр. 62—64.

Рец. на кн.: О. Е. Туманян. Развитие экономики Армении с начала XIX в. до установления Советской власти, Ереван, 1947 — «Советская книга», № 1, стр. 59—63.

1949

О периодизации истории капиталистических отношений в России — «Вопросы истории», № 11, стр. 90—106.

Выступление на обсуждении докладов. В кн.: Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки 5—11 января 1949 г., М.—Л., стр. 853—855.

Выступление на заседании сессии АН СССР, посвященном истории отечественной науки — «Вестник АН СССР», № 2, стр. 123—124.

Восточная война 1853—1856 гг. В кн.: История СССР, т. II, под ред. М. В. Нечкиной, изд. 2-е, М., гл. XIV, стр. 331—349.

Внешняя политика царизма в «восточном вопросе». Россия и славянские народы (1826—1847 гг.) — там же, гл. X, стр. 234—252.

Монархия Николая I. Массовое движение. Внутренняя политика самодержавия в 1828—1847 гг. Там же, гл. VII, стр. 154—171.

Государственные крестьяне. Там же, гл. I, стр. 30—38.

Революционное движение в конце 1840-х годов — нач. 1850-х годов. Россия и революция 1848 г. — Там же, гл. XIII, стр. 312—330.

Социально-экономические изменения в Казахстане в первой половине XIX в. Казахские восстания 1830—1840-х годов. Культура казахского народа — там же, гл. IX, стр. 222—226.

Казахстан в середине XIX в. В кн.: «История Казахской ССР», изд. 2-е, т. I, Алма-Ата, стр. 298—322.

Поглиблення кризи кріпосних відносин у Росії в 20—50-х роках. В кн.: Історія СРСР, т. II. Під ред. М. В. Нечкіної, Київ, 1949, стр. 146—163.

Монархія Миколи I. Внутрішня політика. 1826—1847 рр. — там же, стр. 163—178.

Східне питання (1826—1847 рр.) — там же, стр. 225—241.

Росія і революція 1848 р. — там же, стр. 270—288.

Східна війна (1853—1856 рр.) — там же, стр. 289—306.

Отв. ред. кн.: Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, ч. 1—2, М.—Л., 366 стр.

Отв. ред. кн.: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия, М.—Л., 390 стр.

Ред. кн.: Т. Ж. Шоинбаев. Восстание сыр-дарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856—1857), Алма-Ата, 106 стр.

1950

Ред. кн.: И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в., М.—Л., 257 стр.

1951

- О периодизации истории капиталистических отношений в России — «Вопросы истории», № 1, стр. 56—85.
 Программа северных декабристов — «Известия АН СССР, серия истории и философии», № 1, стр. 35—45.
 Ред. кн.: К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М., 249 стр.
 Четыре этапа разработанной северными декабристами политической программы. Реферат доклада — «Вестник АН СССР», № 3, стр. 126—138.

1952

- Киселевский опыт ликвидации общины. В кн.: Акад. Б. Д. Грекову ко дню 70-летия, М., стр. 351—372.
 Творческий путь академика Б. Д. Грекова — «Известия АН СССР, серия истории и философии», № 3, стр. 230—238.
 Государственные крестьяне. БСЭ, 2-е изд., т. 12, стр. 305—314.
 Творческий путь академика Б. Д. Грекова. (Реферат доклада на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова) — «Вестник АН СССР», № 6, стр. 106—107.
 Die Periodisierung der Geschichte der kapitalistischen Verhältnisse in Russland. Zur periodisierung des Feudalismus und Kapitalismus in der Geschichtlichen Entwicklung der UdSSR. Diskussionsbeiträge, Berlin. 1952, SS. 54—77.

1954

- Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы — «Вопросы истории», № 7, стр. 56—76.
 Проблема конфликта между производительными силами и феодальными производственными отношениями накануне 1861 г. — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 1, стр. 62—76.
 Москва в годы Крымской войны. В кн.: История Москвы, т. III, М., гл. XVII, стр. 728—786.
 Москва и реформа 1861 года — там же, т. IV, М., стр. 13—37.
 Внешняя политика царизма в 1826—1849 гг. «Восточный вопрос». Царизм и революция 1848—1849 гг. В кн.: История СССР, т. II, под ред. М. В. Нечкиной, изд. 3-е, М., гл. VIII, стр. 159—178.
 Внутренняя политика самодержавия в 1826—1847 гг. Массовое движение — там же, гл. VI, стр. 136—150.
 Государственные крестьяне — там же, стр. 24—28.
 Крымская война (1853—1856 гг.) — там же, гл. IX, стр. 216—234.
 Революция 1848 г. и отклики на нее в России. А. И. Герцен и революция 1848 г. — там же, гл. VIII, стр. 209—219.
 Социально-экономические изменения в Казахстане в первой половине XIX в. — там же, гл. XI, стр. 348—350.
 Формирование революционно-демократического лагеря в общественном движении народов России — там же, гл. VIII, стр. 197—203.
 Совместно с А. В. Ивановым, В. Д. Королюком и А. Н. Мальцевым. Ред. на кн.: История Белорусской ССР, т. I, Минск, 1954, — «Правда», 4 октября, стр. 2—3.
 Совместно с М. К. Рожковой. Ред. кн.: История Москвы, т. III, М., 870 стр.
 Предисловие к кн.: «Очерки из истории движения декабристов». Сборник статей под ред. Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского, М., стр. 3—14.
 Совместно с Б. Е. Сыроечковским. Ред. кн.: «Очерки из истории движения декабристов», М., 578 стр.

1955

- Генезис капитализма в России (Доклады советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме), М., 78 стр. На русск. и франц. яз.

Составлено научным кабинетом
 Института истории АН СССР.

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1905 г. В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Революционная борьба рабочих России к концу 1905 г. достигла высшей точки — вооруженного восстания. Это восстание охватило прежде всего крупные пролетарские центры. Одним из таких центров был город Ростов-на-Дону. Здесь произошло крупное вооруженное восстание, продолжавшееся восемь дней. Оно началось и происходило в те дни, когда героические пролетарии Москвы отбивали атаки озверелых опричников царя и когда развертывалась вооруженная борьба рабочих соседнего Донбасса.

Ростовский пролетариат самоотверженно дрался на баррикадах, и опыт его вооруженной борьбы явился серьезным вкладом в сокровищницу большевистской науки о победоносной революции.

Ростов-на-Дону являлся одним из крупных промышленных центров России. Население города вместе с примыкающей к Ростову Нахичеванью составляло в 1904 г. 155 496 жителей¹. К этому времени в городе имелись 124 фабрики и завода с 8806 рабочими и 377 ремесленных заведений с 17 175 рабочими². В Нахичевани имелись 84 предприятия с 3677 рабочими и 115 ремесленных заведений с 2575 рабочими.

Значительную часть рабочих города составляли металлисты. Самым крупным предприятием являлись Главные железнодорожные мастерские Владикавказской железной дороги, где в 1905 г. был занят 2691 рабочий³. Кроме того, в городе были расположены депо Владикавказской железной дороги (241 рабочий), мастерские Юго-Восточной ж. д. (219 рабочих) и депо Ростово-Екатериинской железной дороги (87 рабочих). Рабочие мастерских и депо составляли основной костяк ростовского пролетариата. В городе имелись и другие металлические заводы — «Акса́й» в Нахичевани (610 рабочих), завод Пастухова (600 рабочих), судоремонтный завод «Волго-Дон» (700 рабочих), чугунолитейный завод «Джон Мартин и К°» (200 рабочих), гвоздильный завод Панина (174 рабочих) и др. Всего на этих предприятиях числилось 3405 рабочих, а вместе с мастерскими и депо дорог — 6703 рабочих. Из других предприятий следует упомянуть табачные фабрики. Фабрика Асмолова имела 1923 рабочих, Кушнарёва — 1526, Асланиди — 797⁴. В числе рабочих этих фабрик было до 70% женщин.

¹ «Города России в 1904 году», СПб., 1906, стр. 163.

² Там же, стр. 339. В число ремесленных заведений несомненно попало много фабрично-заводских предприятий, так как на каждое ремесленное заведение приходится в среднем более 45 рабочих. Это, собственно, небольшие предприятия, а не ремесленные мастерские.

³ Сб. «Полвека борьбы и побед», Ростов-на-Дону, 1924, стр. 22 (первой пагинации).

⁴ «Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России», СПб., 1905, стр. 465.

Как видно из приведенных данных, концентрация производства в Ростове-на-Дону была довольно высокой, и пролетариат здесь сосредоточивался на предприятиях компактными массами.

Ростов являлся также крупным торговым центром на юге и имел порт, занимавший по грузообороту третье место после Одессы и Николаева, а также крупным узлом железных дорог на Юго-Востоке России. Здесь скрещивались Юго-Восточная, Екатерининская и Владикавказская дороги. Проведение этих дорог оказало серьезное влияние на развитие промышленности не только Ростова, но Таганрога, Сулина, Александровска-Грушевского (ныне г. Шахты), а также городов Северного Кавказа — Екатеринодара, Грозного, Новороссийска, Армавира, станций Тихорецкая, Кавказская, Минеральные Воды и др. В каждом из этих пунктов возникли железнодорожные мастерские и депо, вместе с ними появились квалифицированные рабочие.

Как крупный промышленный центр и железнодорожный узел, Ростов оказывал значительное экономическое влияние на все эти пункты. Еще большее влияние оказывало рабочее и революционное движение ростовского пролетариата на пролетариат всего Северного Кавказа, а также и на рабочих Донбасса.

Бурное развитие промышленности на Юге усилило процесс формирования пролетариата. Он создавался здесь в течение одного-двух десятилетий и на нем не тяготели различные крепостнические пережитки, имевшие место в старых промышленных районах, наиболее типичным из которых являлся Урал. Положение рабочих Ростова и других городов области было таким же тяжелым, как и во всей стране. Рабочий день длился 11½—12½ часов, а у рабочих табачных фабрик нередко доходил и до 15 часов. Мелкие мастерские ремесленного типа доводили рабочий день до 15—16 часов. Только в Главных мастерских Владикавказской железной дороги был установлен 10-часовой рабочий день. Заработная плата всюду была низкой, причем женщины получали меньше мужчин за одну и ту же работу.

К 1905 г. положение рабочих стало еще более ухудшаться вследствие роста цен на продукты питания и снижения заработной платы¹. Особенно ухудшилось положение неквалифицированных рабочих. Борьба против буржуазии и поддерживавшего ее самодержавия усиливалась.

Революционное движение в Ростове возникло еще в первой половине 90-х годов прошлого века. К концу этого десятилетия в Ростове уже сформировался Донской комитет РСДРП, который до второго съезда партии стоял на ленинских позициях. Он успешно руководил знаменитой стачкой рабочих 1902 г., показавшей высокую сознательность ростовского пролетариата и оказавшей серьезное влияние на революционное движение во всей России. Через полгода ростовский пролетариат вновь продемонстрировал свою сознательность и организованность, проведя в марте 1903 г. под руководством Донского комитета массовую демонстрацию. Необходимо отметить, что решающую роль в этих выступлениях играл авангард ростовского пролетариата — рабочие Главных железнодорожных мастерских Владикавказской железной дороги. Они играли ведущую роль и в последующих ростовских стачках. Они же возглавили и декабрьское вооруженное восстание в Ростове.

В. И. Ленин дал высокую оценку ростовскому пролетариату. Говоря о значении ростовской стачки в свете уже начавшейся революции, он

¹ См. соответствующие данные в сб. «Полвека борьбы и побед», стр. 27—28 (второй пагинации).

писал: «1902-ой год: громадная ростовская стачка превращается в выдающуюся демонстрацию. Политическое движение пролетариата не примыкает уже к интеллигентскому, студенческому движению, а само вырастает непосредственно из стачки. Участие организованной революционной социал-демократии еще более активное. Пролетариат завоевывает для себя и для революционных социал-демократов *своего* комитета свободу массовых уличных собраний. Пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству»¹.

Всей последующей борьбой ростовский пролетариат оправдал высокую оценку В. И. Ленина.

Таким образом, ростовские рабочие еще до революции 1905—1907 гг. приобрели значительный опыт революционной борьбы. В ходе революции они еще более закалились и выступили в первых рядах борцов, подняв знамя вооруженного восстания в декабре 1905 г.

* * *

К началу революции Донской комитет РСДРП оказался в руках меньшевиков. Они закрепились здесь после второго съезда партии и вели борьбу против созыва третьего съезда и Бюро комитетов большинства (БКБ), готовившего съезд.

О делах ростовских меньшевиков рассказывается в письме, опубликованном в № 7 газеты «Вперед». Сообщив о хорошем впечатлении, которое произвело на рабочих письмо об издании газеты «Вперед», автор пишет: «Вообще, рабочие здесь совершенно не осведомлены о разногласиях. На все их просьбы рассказать в чем дело, комитет отвечает уклончиво. Между комитетом и рабочими идет уже очень долгое время глухая вражда на почве истинно-бюрократического отношения Донского комитета. Комитет старается окружить себя молодыми рабочими, беспрекословно, без всякой критики исполняющими его волю; большинство старых, опытных и надежных рабочих более или менее удаляют от дел... Рабочие намерены представить требование, чтобы ком[итет] принимал без различия большевиков и меньшевиков, и чтобы литература большинства распространялась наравне с литературой меньшинства... Многие из рабочих высказываются безусловно в пользу съезда...»².

В марте 1905 г. ростовские меньшевики провели собрание 22 своих сторонников и приняли решение против созыва третьего съезда, показав тем самым, что они не хотят единства партии, не хотят положить конец дезорганизаторской работе, которую проводили меньшевистские лидеры.

В. И. Ленин придавал большое значение деятельности ростовской организации РСДРП. Он хотел обязательно привлечь представителя Ростова на третий съезд партии³. В. И. Ленин просил С. И. Гусева передать об этом М. Н. Лядову и Р. С. Землячке, которые объезжали партийные организации в целях подготовки съезда. М. Н. Лядов позднее вспоминал, что он дважды был в Ростове: первый раз — в 1904 г., второй — в 1905 г. В первый раз он не мог ни с кем встретиться, так как явка большевистской части комитета была провалена. «Второй раз,— пишет М. Н. Лядов,— у меня была явка к кому-то из рабочих ж.-д. мастерских, но к кому — я сейчас не могу припомнить. Было созвано совещание человек из 12 большевиков. После этого я виделся с официальным представителем меньшевистского комитета, который не захотел

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 119.

² «Вперед», № 7, от 21 (8) февраля 1905 г.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 256

созвать заседание Донского комитета, не желая предоставить мне делать доклад...»¹.

Приведенные данные лишний раз подтверждают, что в Ростове была сильная группа большевиков, состоявшая главным образом из рабочих. Учитывая это обстоятельство, Донской комитет послал своего представителя на третий съезд партии. Но на съезд он не явился, а предпочел отправиться в Женеву на меньшевистскую конференцию.

После третьего съезда Донской комитет попрежнему оставался в руках меньшевиков, хотя в него входили и большевики, настойчиво проводившие ленинскую линию. Что большевикам удавалось в объединенном комитете оказывать влияние на революционные события,— об этом свидетельствует ряд листовок Донского комитета, которые, несомненно, носят революционный характер.

В соседнем сравнительно крупном промышленном городе Таганроге социал-демократическая организация создавалась вне влияния Донского комитета. Весной 1905 г. здесь были организованы центральный кружок и кружки на предприятиях. В корреспонденции в газету «Пролетарий» сообщалось о признании Таганрогской группой решений третьего съезда; следовательно, группа являлась большевистской. В середине августа группа обратилась в ЦК РСДРП с просьбой включить ее в состав партии². В это время там побывал представитель ЦК, оказавший ей помощь. Что касается отношений с Донским комитетом, то Таганрогская группа считала необходимым поддерживать «соседские отношения, обмениваясь отчетами, литературой и различными услугами»³.

Пролетариат Ростова и других городов области с радостью встретил революцию. В самом Ростове готовилась стачка рабочих, но властям удалось ее парализовать, арестовав многих руководителей Донского комитета. Однако приготовления к стачке продолжались, и она была объявлена в начале февраля. Стачка носила экономический характер. Рабочие некоторых предприятий добились небольших уступок. К 25 февраля стачки прекратились.

После этого наступило некоторое затишье. Февральские стачки внесли оживление в рабочее движение города, но прошли они недостаточно активно. Донской комитет не сумел проявить должной организованности и оперативности.

В течение марта — апреля проходили забастовки мелких предприятий — шляпных и других мастерских. Они втягивали в движение наиболее отсталые слои рабочих, и в этом заключалось их политическое значение.

Подготовке празднования Первого мая посвящено было несколько листовок.

Однако подготовка началась с запозданием; и теперь, как и во время февральских стачек, меньшевистские руководители Донского комитета не проявили необходимой энергии и организованности. Стачек не было, хотя, правда, состоялись массовки, показавшие рост активности передовых рабочих, стремление их усилить революционную борьбу.

Сразу же после 1 мая вспыхнула стачка рабочих Главных железнодорожных мастерских. Стачка началась дружно, однако полиция арестовала организаторов забастовки, а дирекция заявила, что все рабочие

¹ М. Корчин. К сорокалетию вооруженного восстания в Ростове — сб. «1905 год на Дону, Листовки Донкома РСДРП», Ростов-на-Дону, 1945, стр. 6.

² «Пролетарий», № 17, от 14 (1) сентября 1905 г.

³ Там же.

будут уволены, если они не приступят к работе. Через три дня, 7 мая, стачка прекратилась.

Тем временем продолжались массовки рабочих за городом. Здесь рабочим разъясняли смысл политических событий и призывали к усилению революционной борьбы. Ряд листовок этого времени вскрывает явное влияние большевистской части Донского комитета¹. В некоторых из них провозглашается необходимость вооруженной борьбы. В листовке «Оружие народу!» говорится о преступлениях царизма и необходимости его свержения.

Ростовские рабочие горячо откликнулись на всеобщую стачку одесских пролетариев и восстание броненосца «Потемкин». Листовка «Революционные дни в Одессе» разъясняла значение этих событий и призывала рабочих поддержать своих братьев — рабочих и матросов с оружием в руках. «Товарищи ростовские рабочие и работницы! — говорилось в листовке. — Придет скоро и наш черед выступать с оружием в руках против нашего врага — самодержавия, поддержать наших борющихся товарищей в Одессе, Лодзи, Иваново-Вознесенске и других городах. Пусть во все углы рабочей массы проникнет мысль о вооружении. Пусть каждый несет в организацию свою лепту на оружие»².

Июльская стачка на Владикавказской железной дороге и кровавые расправы властей над бастующими в свою очередь убедили ростовских рабочих в необходимости вооруженной борьбы против самодержавия.

Забастовка на Владикавказской железной дороге готовилась в течение мая и июня. Социал-демократы Дона и Кубани разъясняли рабочим и служащим дороги важность стачки, призывали к дружным действиям. Незадолго до стачки на совещании социал-демократических организаций, где присутствовали представители Кубанского комитета, меньшевики из Донского комитета стали возражать против стачки, мотивируя это тем, что администрация дороги может объявить локаут, пользуясь тяжелым положением рабочих. Однако под влиянием требований представителей Кубанского комитета и ввиду возбужденного настроения рабочих Донской комитет должен был согласиться на стачку. Начали ее рабочие ст. Минеральные Воды 11 июля, на другой день к стачке присоединились станции Грозный, Кавказская и Тихорецкая. При этом забастовали рабочие и служащие не только службы движения, но и мастерских³. Ростов присоединился к стачке 15 июля. Здесь также к рабочим станции присоединились рабочие Главных железнодорожных мастерских. В этот же день объявили стачку новороссийские железнодорожники. На всей Владикавказской железной дороге, на которой работало около 24 тыс. рабочих и служащих, в том числе около 8½ тыс. рабочих мастерских, прекратилось движение. Бастующие, наряду с экономическими требованиями, выдвинули теперь и политические: свободу собраний, слова, печати и стачек, созыва Учредительного собрания и другие.

Наместник Кавказа двинул на Владикавказскую дорогу железнодорожные воинские части. Однако восстановить движение не удалось, и власти решили сорвать стачку с помощью вооруженной силы.

15 июля рабочие Ростова, пытавшиеся задержать подготовленный к отправке поезд, подверглись нападению жандармов, которые пустили в ход шашки. В результате один рабочий был убит и несколько человек ранено. Эта кровавая расправа вызвала большое возбуждение у ростовских рабочих. 18 июля, в день похорон убитого рабочего, забастовали

¹ Сб. «1905 год на Дону. Листовки Донкома РСДРП», стр. 49 и др.

² Там же, стр. 58.

³ Гос. архив Ростовской обл. (ГАРО), ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 129.

многие предприятия города. Похороны убитого превратились во внушительную демонстрацию. Стачка продолжалась еще несколько дней и прекратилась только 21 июля.

Июльская стачка железнодорожников Владикавказской дороги оказала серьезное влияние на рабочих. Они увидели, что царское правительство готово и дальше продолжать кровавые расправы с рабочим классом, что оно без борьбы не даст никаких свобод. Стачка показала, что добиться свободы можно лишь свергнув царизм вооруженным путем. Мысль о необходимости вооруженного восстания стала понятной и близкой рабочим. Они уже в это время стали вооружаться и кое-где ликвидировали наиболее ненавистных полицейских офицеров¹.

Большевики усилили свою работу по вооружению рабочих и приступили к организации боевой дружины. Правда, некоторые участники движения считают, что дружины стали создаваться еще в феврале 1905 г. Однако достаточно убедительных данных для такого утверждения нет.

Ход событий настойчиво диктовал необходимость ускорения не только вооружения рабочих, но и целенаправленной организации боевых дружин, всемерного усиления военно-технической подготовки вооруженного восстания. А этого как раз и не хотели меньшевики. Они допускали в листовках призывы к вооружению рабочих, но отвергали выдвигавшийся большевиками лозунг вооруженного восстания и всесторонней подготовки его. Их согласие на вооружение рабочих и создание боевых дружин преследовало лишь цели обороны от полицейских набегов, охраны митингов, а не цели восстания для свержения правительства.

Все это не могло удовлетворить ростовских большевиков, и с начала сентября они стали готовиться к полному разрыву с меньшевиками и созданию самостоятельного комитета. Это было тем более возможно, что после июльской стачки влияние большевиков стало явно усиливаться. В рабочем Темерникском районе их влияние становилось преобладающим, усилились они и в городском районе. Предполагалось сначала назвать себя «Группой донских рабочих», а затем — «Ростовско-нахичеванским комитетом РСДРП». Однако в самый момент оформления этого разрыва начались аресты, и самостоятельный большевистский комитет не был создан. Тем не менее большевистское влияние среди рабочих — социал-демократов заметно возросло.

В таком положении ростовская социал-демократическая организация пришла к всеобщей октябрьской политической стачке.

Весть о начавшейся в Москве и Петербурге всеобщей политической забастовке всколыхнула рабочих Ростова. 13 октября остановились работы в Главных железнодорожных мастерских. На другой день в столовой мастерских состоялся большой митинг с участием 4000 рабочих. Речи носили политический характер. Была принята резолюция о присоединении к всеобщей политической стачке и избрано организационное бюро по руководству стачкой. В этот день забастовали почти все предприятия города; стачка распространилась и по линиям Владикавказской, Юго-Восточной и Екатерининской дорог. Забастовали железнодорожники Таганрога, а затем и другие предприятия в городе. Забастовал также Сулинский завод. Повсюду проходили митинги и демонстрации. Кое-где произошли столкновения с войсками.

18 октября в Ростове был получен манифест царя. Он вызвал всеобщее возмущение и подъем настроения у всех слоев ростовского насе-

---

¹ Так, группой вооруженных рабочих в августе был убит подполковник Иванов, руководивший расправой на вокзале 15 июля.

ния. Бурно выражала свою радость буржуазия, полагавшая, что после издания манифеста с революцией покончено; она охвачена была надеждой, что ее вождения осуществляются полностью. Ее представители, выступая на митингах, расхваливали манифест царя и рисовали радужные перспективы дальнейшего процветания страны под эгидой конституции.

Иначе относились к манифесту рабочие. Они выражали удовлетворение тем фактом, что именно их революционный натиск на царизм заставил Николая II сделать уступки, дать обещание свобод, но они понимали, что от этих обещаний до осуществления подлинной свободы — дистанция огромного размера.

В этот же день состоялся грандиозный митинг трудящихся.

Большевики призывали не доверять правительству, готовиться к дальнейшей борьбе и требовали немедленного освобождения политических заключенных¹. По призыву представителей Донского комитета РСДРП, собравшиеся на митинге направились к тюрьме с целью освобождения политических деятелей. Под напором масс начальство вынуждено было освободить часть заключенных. У тюрьмы снова возник митинг. Когда с наступлением темноты участники его стали расходиться, на оставшихся напали черносотенцы, действовавшие под руководством переодетых жандармов и под прикрытием казаков. Свирепость бандитов дошла до того, что работницу-демократку, несшую знамя, убили и воткнули ей в рот древко знамени...

Нападение черносотенцев и казаков у тюрьмы было сигналом к всеобщему погрому в городе, который продолжался три дня. Громили еврейские магазины, убивали их владельцев, охотились за революционными рабочими. Были разгромлены сотни лавок, сожжены десятки домов, убито 45 человек и более 200 ранено.

Погромы произошли также в Таганроге. В Александровске-Грушевском 25 октября митинг подвергся нападению черносотенцев и полиции; было убито пять рабочих и более 25 ранено. Кровавые расправы имели место и в других городах и некоторых станицах в пределах Донской области и Северного Кавказа.

«Подвиги» ростовских черносотенцев с исключительной наглядностью показали истинные намерения царского правительства. В свете этих «подвигов» даже отсталым рабочим становился понятен действительный смысл царского манифеста и подлинный замысел правительства — успокоить массы лживыми обещаниями и поднять против них темные силы подонков общества для разгрома революционного движения. Ростовские рабочие и трудящиеся всего Северного Кавказа хорошо усвоили эти уроки, преподанные им кровавыми погромами защитников «трона и порядка». Основной вывод был один — беспощадная борьба с царизмом, решительная подготовка вооруженного восстания. Ростовские большевики всемерно усиливали свою деятельность в этом направлении. Меньшевики из Донского комитета склонялись к необходимости усиления работы по вооружению масс, но попрежнему оговаривали это вооружение лишь задачами самообороны. Вслед за погромом 22 октября произошли массовые аресты активных деятелей стачки. Это наводило на мысль о тесной связи между действиями черносотенцев и арестами: тем и другим руководила одна рука. В этот же день в столовой Главных железнодорожных мастерских состоялся большой митинг, на котором рабочие требовали освобождения арестованных.

¹ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», Ростов-на-Дону, 1926, стр. 114.

В октябре в Ростов приехал инструктор Военно-технического бюро ЦК РСДРП Бутягин («Макс»). Он окончил школу-лабораторию по изготовлению бомб в Киеве и был направлен на Северный Кавказ для подготовки восстания; в частности, он должен был создать лабораторию бомб и подготовить группы бомбистов. Этот инструктор и возглавил имевшуюся здесь группу большевиков, готовивших восстание. Среди этой группы были члены Донского комитета и райкомов: Анатолий Сабино, Ст. Войтенко, Ив. Вяземцев, Хижняков («Бекас»), Кочемов и другие революционные рабочие — социал-демократы. Все они готовили восстание через голову Донского комитета, так как последний в своем меньшевистском большинстве отвергал такую подготовку.

Инструктор Технического бюро ЦК позднее писал в своих воспоминаниях: «...Наша задача заключалась в том, чтобы оформить боевые десятки, создать из них боевые организации, выделить руководящую техническую группу с бомбистскими десятками. Причем эту работу нужно было проделать последовательно: сначала надо было поставить лабораторию взрывчатых веществ, обучить и приготовить преемника, заготовить достаточное количество материала... Конечно, с Донским меньшевистским комитетом эти задачи были неосуществимы...»¹.

Меньшевики не хотели восстания и не думали о его подготовке. Как свидетельствует один из них, член Донского комитета Смелов, «основным лозунгом был созыв Учредительного собрания... Как средство добиться Учредительного собрания выдвигалась... мирная всеобщая политическая забастовка»². Он отмечает также, что и вооружение рабочих «происходило в видах самообороны» от хулиганов и погромщиков. Автор вынужден тут же с сожалением признать, что «события скоро заставили рабочие дружины выступить совсем в другой роли», т. е. в восстании³.

Таким образом, большевики готовили вооруженное восстание вопреки желанию большинства Донского комитета, но при сочувствии значительной части рабочих Главных железнодорожных мастерских, а также и других крупных предприятий.

Начиная с этого времени в донесениях охраны все чаще встречается сообщение об усилении вооружения рабочих, о создании ими боевых дружин. Уже 21 октября, на другой день после окончания погрома, охранка доносила: «В городе настроение весьма подавленное. Деятельность всех сообществ сосредоточена исключительно на самообороне. По сведениям агентуры, оружие, находившееся у некоего Шварца (подтверждение предыдущих сведений), роздано по рукам. Имеются бомбы с металлической оболочкой, наполненные картечью. Среди железнодорожных рабочих насчитывают вооруженных от 300 до 500 человек. Вооружены они большого калибра револьверами с значительным запасом патронов»⁴.

Это сообщение преувеличивает количество вооруженных рабочих, — их было гораздо меньше в это время. Но факт усиления подготовки боевых сил отмечен верно. Это подтверждают и участники событий. Один из них, А. Водолазский, освобожденный из тюрьмы 21 октября, сообщает, что сразу же началась вербовка рабочих в дружины: «наплыв был так велик, что мы не могли использовать всех желающих», так как не хватало оружия⁵. Он далее пишет, что ему удалось за три дня навер-

¹ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 99.

² «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 65.

³ Там же.

⁴ ГАРО, ф. 2, д. 51, л. 39.

⁵ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 117.

бовать в «десяток» 35 человек. Другой участник подтверждает успешную вербовку дружинников. «Рабочие, — пишет он, — охотно шли навстречу нашим начинаниям, в течение пяти дней мне удалось организовать три десятка»¹. Третий участник, Горин, работавший в ремонтных мастерских Парамонова (вблизи вокзала), пишет, что уже 19 октября они «стали организовывать дружины, и десятками направляли их в центр города для противодействия погромщикам»². Он приводит несколько случаев отпора черносотенцам и казакам в домах на Старо-Почтовой улице и Николаевском переулке, причем стреляли в громил из окон и балконов домов. Он же затем сообщает: «После погрома пошла сейчас же усиленная работа по организации боевых дружин: стали организовывать десятки, выдвигать из десятков десятников».

Донесения охраны в течение ноября 1905 г. свидетельствуют об усилении активности большевиков в подготовке вооруженного восстания. Обращая внимание на деятельность железнодорожников, одно из донесений сообщает о постоянных митингах, на которых ораторы призывают к вооруженному восстанию. Особенно выделялся монтер железнодорожных мастерских Бочаров, речи которого, как отмечала охранка, отличались «крайне революционным направлением, каждый раз с призывом к вооруженному восстанию»³. Охранка отмечала также подготовку всеобщей забастовки и пропаганду «необходимости поголовного вооружения, для чего призываются к содействию рабочие слесарных цехов, которым предъявлено требование изготовлять металлические палки, кистени на тех заводах, на которых они работают»⁴.

Действительно, в это время большевики организовали группы рабочих, которые ковали холодное оружие. Об этом свидетельствуют воспоминания участников ростовского вооруженного восстания⁵. Один из участников восстания писал, что снабжать оружием и патронами дружинников «оказалось делом не легким, оружия не было и трудно было его достать»⁶.

В донесении от 14 ноября 1905 г. охранка называет в числе активных социал-демократических деятелей С. Рейзмана, В. Друцкого, рабочего К. Лисицина, — позднее активных участников восстания; охранка отмечала, что они пользуются большой «популярностью и доверием ростовской массы», и призывают к вооруженному восстанию⁷.

Как уже было отмечено, дружинники испытывали большой недостаток в оружии. Добывали его различными способами, в том числе и путем покупки в оружейных магазинах, а также за границей. Полицейские власти активно наблюдали за перевозкой грузов из-за границы. В одном из отношений Департамента полиции, адресованном начальнику Донского охранного отделения, сообщалось о провозе в различное время — с 27 июня по 18 июля — из г. Львежа в г. Ростов девяти ящиков оружия в адрес Эдельберга и Риделя, Шустера и Кипмана⁸. В ответном письме ростовская охранка сообщала, что Эдельберг и Ридель имеют в Ростове оружейные магазины, и «оружие ими получено из-за границы для торговли»; что касается Шустера и Кипмана, то они права торговли оружием не имеют, и адресованное им оружие задержано. Охранка присовокупляет, что, по ее сведениям, оружие, прибывшее в адрес Шустера, «предназна-

¹ Там же, стр. 182.

² Там же, стр. 162.

³ ГАРО, ф. 2, д. 51, л. 123.

⁴ Там же.

⁵ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 99 и др.

⁶ Там же, стр. 182.

⁷ ГАРО, ф. 2, д. 51, л. 93.

⁸ Там же, д. 47, л. 3.

чено для отправки на Кавказ в г. Пятигорск»¹. Не подлежит сомнению, что дружинники покупали оружие в указанных магазинах, а оружие Шустера и Кипмана предназначалось, очевидно, революционным организациям.

Приведенные факты показывают, что большевики Ростова, готовя восстание, действовали в двух направлениях. Они систематически разъясняли массам необходимость восстания и его подготовки, призывая рабочих вступать в боевые дружины; они организовывали эти дружины, вооружали их, обучая владеть оружием, особенно таким, как бомбы. Иначе говоря, подготовка велась в политическом и военно-техническом отношении. В городе имелась лаборатория по изготовлению бомб, о чем в одном из документов Ростовского партархива говорится: «В Нахичевани на 11-й линии в небольшом каменном доме... была организована лаборатория взрывчатых веществ. На другой конспиративной квартире помещался первый штаб... рабочих дружин и бомбистских десятков, которые были организованы и практически обучены обращению с бомбами и метанию их. Все сношения лаборатории и штаба боевой дружины с организацией велись через одно лицо... Военная техника была поставлена настолько конспиративно, что только два члена комитета ростовской организации (большевики) знали местонахождение лаборатории и явочную квартиру боевой дружины... Октябрь, ноябрь и половину декабря были заняты обучением десятков бомбистов, револьверистов и винтовочников»².

В это же время была развернута работа среди солдат расположенного в Ростове 196-го пехотного Заславского полка. В подробном донесении от 14 января 1906 г. о ростовском вооруженном восстании охранка сообщает о посещении солдатами Заславского полка и местной запасной батареи митингов, где выступали ораторы из «революционной среды». Донесение отмечает, что «усиленная пропаганда в упомянутых воинских частях, а затем деморализация их стали настолько очевидными (нижние чины открыто группировались у казарм на улице около ораторов-революционеров, которые и посещали казармы)», что градоначальник экстренно добивался от наказного атамана разрешения вывести эти войска из города. В результате «Заславский полк и запасная батарея были выведены из Ростова... почти накануне открытого восстания»³.

Следовательно, и с этой стороны, со стороны подготовки солдат к восстанию, ростовские большевики действовали весьма активно. Но власти тоже не дремали и сумели своевременно вывести распропагандированные части. Это, конечно, ухудшало положение революционеров, тем более, что выведенные войска заменялись главным образом казаками, среди которых имелись наиболее свирепые сотни казаков-калмыков.

Тем временем общественно-политическая жизнь в Ростове становилась все более оживленной. Созывались большие митинги с постановкой политических вопросов, проходили забастовки отдельных предприятий, в революционное движение вовлекались все более широкие слои рабочих.

Рабочие не только Ростова, но и других городов Донской области и Северного Кавказа с каждым днем глубже осознавали свои интересы и старались использовать завоеванные рабочим классом «дни свободы», добиваясь явочным порядком осуществления провозглашенных манифестом 17 октября обещаний.

¹ ГАРО, ф. 2, д. 47, лл. 3 и 7.

² Цит. по сб. «1905 год на Дону. Листовки Донкома РСДРП», стр. 16 (указ. статья М. Корчина).

³ ГАРО, ф. 2, д. 69, лл. 247—248.

Прежде всего возникло стремление организовать профессиональные союзы. Эта задача была близка и понятна даже недостаточно политически развитым рабочим. Движение за создание профсоюзов возникло еще летом (например, у типографских рабочих), но по-настоящему союзы стали создаваться лишь после октябрьской стачки. Раньше всех оформился Союз рабочих и служащих Владикавказской ж. д. Инициатором выступило Организационное бюро Главных мастерских дороги, созданное в момент объявления октябрьской стачки для руководства ею. 24—28 октября состоялся делегатский съезд союза, на котором присутствовали делегаты от всех крупных станций дороги. Было избрано Ростовское бюро союза, которое руководило всеми местными организационными бюро, созданными на каждой крупной станции — Тихорецкой, Кавказской, Минеральных Водах, Новороссийске, Армавире, Грозном, Баку.

Союз железнодорожников сыграл большую роль в момент декабрьской политической стачки и декабрьского вооруженного восстания. Революционная роль его особенно возросла, когда с 2 декабря во главе его стал большевик С. Рейзман, сыгравший выдающуюся роль в дальнейших событиях.

Следует отметить, что в бюро союза все время шли трения между представителями служащих и рабочих. Первые занимали весьма умеренную позицию, вторые — революционную. Особенно острый конфликт возник в связи с вывозом рабочими на тачке мастера-provокатора Башкова. На открытом заседании бюро 30 ноября представители служащих в бюро потребовали резкого порицания рабочих; большинство против этого возражало¹. В результате было решено выразить сожаление по поводу случая с Башковым.

После этого многие служащие стали подавать заявления о выходе из бюро. Было ясно, что «дело Башкова» — лишь повод, а причина разногласия лежит глубже. Среди служащих в бюро было много высоко оплачиваемых специалистов, которые явно тяготели к буржуазии. Председателем бюро в это время был «левый» либерал Шведов. В результате частых споров и конфликтов Шведов подал в отставку. На заседании бюро союза 2 декабря председателем единодушно был избран рабочий мастерских большевик С. Рейзман. В ответ на избрание он произнес краткую речь, которую закончил характерным лозунгом: «Да здравствует единство! Да здравствует борьба!»².

Рейзман начал интенсивную работу по сплочению рабочих, оказанию помощи боевой дружине, установлению более тесной связи с другими рабочими организациями, и прежде всего с созданным в начале ноября Советом рабочих депутатов.

Были организованы союзы металлистов, типографских рабочих, хлебобулочных рабочих, моряков торгового флота и некоторые другие. Профсоюзы интеллигентных профессий объединились в «союз союзов», находившийся под влиянием местных либералов.

Оформившийся в начале ноября Ростовский Совет рабочих депутатов возник, как и Советы других городов, из стачечной борьбы рабочих. Рабочие ряда предприятий стали выбирать своих депутатов еще в октябре. Эти депутаты должны были представлять и отстаивать интересы рабочих перед хозяевами. Затем появилась необходимость объединить этих депутатов в целях более организованной борьбы всех рабочих. Характерно, что и здесь толчком к оформлению Совета явилась стачка.

¹ «Донская речь», № 285, от 2 декабря 1905 г.

² «Донская речь», № 287, от 4 декабря 1905 г.

4 ноября возник конфликт рабочих табачных фабрик с хозяевами. Собрался митинг, на котором присутствовало до 5000 рабочих. Начали выдвигать требования к хозяевам фабрик. Положение рабочих этих фабрик, особенно работниц, было очень тяжелым. Табачники были одним из наиболее отсталых отрядов рабочих. Но революция подняла их и за несколько месяцев они настолько политически выросли, что выступили теперь единым фронтом. На другой день в помещении ремесленной управы состоялось собрание рабочих депутатов от всех табачных фабрик, в котором приняло участие около 1000 чел. Ясно, что здесь были не только депутаты, но и активные рабочие. Обсуждался вопрос об уставе профсоюза и о продолжении стачки.

Одновременно в рабочих районах проходили выборы депутатов в Совет. На другой день, 6 ноября, выборы проходили на заводах «Акса́й», Китне́ра, Волго-Донского общества, Лейкина и др.¹ В это же время шли митинги рабочих других предприятий, где выражалось сочувствие бастующим табачникам и производились денежные сборы в их пользу.

7 ноября бастующие работницы были избиты казаками. Это вызвало возмущение не только рабочих, но и всего населения Ростова.

Рабочие продолжали выборы депутатов на тех предприятиях, где их еще не успели избрать. Вечером в этот же день в столовой Главных железнодорожных мастерских собрался большой митинг рабочих, на котором была принята резолюция о создании Совета рабочих депутатов. В этой резолюции было сказано: «Мы, представители фабрик и заводов и прочих предприятий городов Ростова и Нахичевани-на-Дону в числе 112 депутатов от 20 фабрик и заводов, в общем своем собрании 7 ноября 1905 г. в помещении столовой мастерских Владикавказской ж. д. постановили: по примеру своих петербургских товарищей учредить Совет рабочих депутатов и служащих контор разных предприятий»². На митинге наблюдался большой подъем. Решение о создании Совета заканчивалось словами: «Товарищи! Каждый из нас сознает, какое великое дело совершилось. Единение — сила! Поздравляем вас, рабочие и работницы, поздравляем вас, пролетарии, с Советом депутатов!»³.

На другой день состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов, происходившее в той же столовой. Был поставлен вопрос об отношении к стачке рабочих-табачников. Депутаты единодушно высказались за поддержку бастующих путем объявления двухдневной политической забастовки всех рабочих города, кроме железной дороги. Забастовка должна была начаться утром 9 ноября и закончиться утром 11 ноября. Эсеры выступили против проведения двухдневной забастовки и этим основательно дискредитировали себя. Они и до этого не пользовались большим влиянием среди рабочих, а после такого поведения их влияние было еще более подорвано.

Характерно, что на заявление отдельных депутатов об опасности проведения предложенных митингов подавляющее большинство ответило, что «оно не признает существования опасности», и «многие ораторы изъявили готовность грудью отстоять идеалы рабочего класса»⁴. Ввиду такого боевого настроения рабочих, председатель Совета — меньшевик вынужден был предложить резолюцию с решительными требованиями: «Немедленное снятие усиленной охраны, удаление казаков из города, преда-

¹ «Донская речь», №№ 261 и 262, от 7 и 8 ноября 1905 г.

² «Донская речь», № 267, от 13 ноября 1905 г.

³ Там же.

⁴ «Донская речь», № 264, от 10 ноября 1905 г.

ние суду градоначальника и чинов полиции, виновных в избиениях, отставка ростовской и нахичеванской городских дум, предательская и трусливая политика которых по отношению к организации народной милиции и их отказ немедленно вооружить население сделали возможным безнаказанное избиение казаками беззащитных женщин». «Резолюция была принята восторженно», — сообщает газета ¹.

Таким образом, Ростовский Совет, несмотря на руководство меньшевиков, должен был в этот момент под влиянием революционной обстановки стать на путь решительной борьбы с властями.

На другой день началась общегородская политическая стачка. Она проходила весьма дружно. На митингах выступали рабочие с призывом к укреплению единства и организованности; здесь обсуждались общеполитические вопросы, задачи рабочего класса, вопросы укрепления его организаций. Например, на большом митинге 9 ноября, состоявшемся в столовой Главных железнодорожных мастерских, обсуждались следующие вопросы: а) значение настоящей забастовки, б) значение Совета рабочих депутатов, в) общее политическое положение страны и отношение к этому положению рабочих организаций, г) городская дума и городская милиция. Митинг принял резолюцию, в которой одобрил постановление Совета рабочих депутатов от 8 ноября об объявлении двухдневной стачки и его решительные требования к властям ².

Приведенный перечень вопросов показывает, в каком направлении шла политическая деятельность большевиков, ибо руководящую роль на этих митингах играли они. Рабочее движение Ростова направлялось по линии сплочения и организованности сил пролетариата. Рабочим разъяснялась необходимость укрепления их организаций, дружной поддержки друг друга в борьбе против хозяев-капиталистов и царского правительства. Наглядным доказательством успеха организованной борьбы являлась общегородская стачка в защиту работниц. Она произвела огромное впечатление на все слои населения города. Рабочие почувствовали силу своей организованности. В результате моральной и материальной поддержки всех рабочих города табачники смогли продолжить свою стачку и добиться от хозяев существенных уступок. Стачка закончилась 19 ноября; рабочие добились повышения расценок, уменьшения рабочего дня до 9 часов, оплачиваемых отпусков. Предприниматели вынуждены были также согласиться оплатить рабочим дни стачки. Следует отметить, что серьезное влияние на хозяев оказал бойкот их изделий, объявленный стачечным комитетом и поддержанный всеми рабочими и населением города. Листовки стачкома о бойкоте рассылались во многие другие города, и там стачечники также получали поддержку трудящихся.

На заседании Совета 14 ноября были подведены итоги общей стачки. Отметив, что «дружное выступление сломило упорство фабрикантов», Совет подчеркнул, что этот успех «вдохновит всех товарищей на решительную борьбу со всем капиталистическим строем за полное освобождение рабочего класса» ³. На этом же заседании был рассмотрен вопрос о безработице, которая увеличивалась главным образом за счет обезземеленных крестьян и представляла собой «один из жгучих вопросов современности». Решено было поручить комиссии депутатов разработать вопрос об организации кассы для безработных, бесплатной столовой, бюро для приискания работы. Совет обратился ко всем гражданам с призывом оказать помощь безработным.

¹ Там же.

² ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 212.

³ «Донская речь», № 274, от 20 ноября 1905 г.

Ростовский Совет рабочих депутатов в первые же дни завоевал авторитет среди масс своей поддержкой и защитой рабочих перед хозяевами. Последующая работа Совета вплоть до начала декабрьской политической стачки шла по линии мирных способов борьбы. Именно в эту сторону направляли его деятельность меньшевики, имевшие в Исполнительной комиссии Совета большинство. Большевикам удавалось иногда оказывать влияние на содержание того или иного решения, но повернуть Совет в сторону подготовки вооруженного восстания не удалось.

Обсуждая вопросы, связанные с удовлетворением нужд безработных, организуя и поддерживая стачки рабочих, Совет не проходил мимо общеполитических вопросов. На заседании 15 ноября он выразил свое сочувствие восставшим севастопольским морякам, однако поддержать их стачкой отказался¹. В конце этого заседания было получено сообщение о начавшейся стачке почтово-телеграфных работников. «Сообщение было принято шумно и радостно»².

Совет обсуждал также вопрос о выводе казаков из города. Этот вопрос встал в связи с тем, что власти в конце ноября решили вывести из Ростова солдат 196-го Заславского полка, которые были основательно распропагандированы, и заменить их казаками. Вопрос вызвал на Совете 27 ноября «самые горячие дебаты». Газета «Донская речь» так передает обсуждение этого вопроса: «Одни требовали немедленно опротестовать привод казаков всеобщей политической забастовкой, не исключая водопровода и освещения; другие находили, что этого мало, что нужно, кроме того, вооружаться чем кто может: ружьем, револьвером, ножом и т. д., причем некоторые мастерские тут же изъявили согласие изготовлять холодное оружие. Совет рабочих депутатов постановил часть имеющихся у него денег ассигновать на огнестрельное оружие. Настроение среди собравшихся депутатов и многочисленной посторонней публики — приподнятое»³. Как видим, Совет должен был и в данном случае учесть настроение депутатов, пошедших за предложением большевиков о необходимости подготовки вооруженного отпора реакции. Вопрос о замене солдат казаками снова возник на заседании Совета 5 декабря. Дело в том, что накануне на митинг в столовой Главных железнодорожных мастерских явилась делегация от казаков и заявила о солидарности с рабочими и нежелании казаков выступать против рабочих. Это вызвало энтузиазм у собравшихся, восторженно приветствовавших казаков. В связи с этим Совет и решил еще раз рассмотреть вопрос о казаках. После обсуждения было принято другое решение — не протестовать против пребывания казаков в городе и начать усиленную агитацию среди них. Необходимо отметить, что казаки-делегаты, присутствовавшие на заседании Совета, подверглись аресту, а гарнизон в ответ на это отказался участвовать в параде 6 декабря по случаю именин Николая II.

Характерна позиция Совета в отношении вооружения, вопрос о котором снова возник на этом заседании. Этот вопрос настойчиво выдвигали большевики. Решено было «попрежнему вооружаться кто чем может, а также было высказано желание, чтобы рабочие от каждой фабрики или завода участвовали в боевой дружине»; но, с другой стороны, большинство Совета, под очевидным влиянием меньшевиков, рекомендовало «в случае вмешательства войск» — «не сопротивляться и этим сберечь свои силы». Под видом сбережения сил меньшевики старались удерживать

¹ ГАРО, ф. 2, д. 69, лл. 213—214.

² Там же.

³ «Донская речь», № 283, от 30 ноября 1905 г.

рабочих от активного отпора полиции. Одновременно, учитывая возможность нападения войск и черной сотни, решено было отменить назначенные на 6 декабря митинги, хотя это и «вызывало горячие возражения»¹.

Таким образом, меньшевики склонили большинство Совета к отказу от решительных действий, хотя условия для этого были благоприятны. Напомним заявление делегации казаков об их солидарности с рабочими, что давало основание ожидать от них хотя бы пассивной поддержки, тем более, что арест делегатов-казаков, как уже было известно Совету, вызвал возбуждение среди всего гарнизона. Следующий день подтвердил, что обстановка для митингов была благоприятна: гарнизон отказался идти на парад.

Все сказанное свидетельствует, что в Ростовском Совете, как и в Донском комитете РСДРП, происходила борьба двух линий — революционной и оппортунистической. Первую проводили большевики, стремившиеся превратить Совет в орган восстания; вторую — меньшевики, ограничивавшие деятельность Совета в значительной мере профессиональными рамками, не желавшие превращать Совет в орган восстания. Совет играл положительную роль в организации мирных способов борьбы; он спланировал и мобилизовывал массы на основе таких методов борьбы. Но он оказался неспособным возглавить рабочих, когда они поднялись на вооруженную борьбу с царизмом. В этот решающий момент борьбы Ростовский Совет оказался в стороне.

Характеризуя деятельность Ростовского Совета, один из наблюдателей писал, что Совет являлся силой «исключительно морального характера». «Никаких действий, направленных к организации силы материальной, не предпринималось, и никаких активных выступлений не имелось в виду»². Меншевистское руководство Совета и здесь, как и в ряде других мест, сыграло роковую роль в восстании рабочих.

Следует отметить, каким способом меньшевики добивались большинства в составе Донского комитета. В 20-х числах ноября впервые демократическим путем должен был быть избран Донской комитет. Для этой цели в здании Парамоновского училища в Темернике собралось 300—400 социал-демократов. Председательствовал меньшевик Гурвич (Иванов), который при намечении кандидатов впереди всех записывал угодных ему лиц, т. е. меньшевиков. Рассказывая об этом, один из большевиков пишет, что его фамилия была названа пятой или шестой, а Гурвич ее поставил 18-й или 19-й. «Не искушенная в дипломатических маневрах организация на первом своем легальном собрании дружно голосовала за первых 9 или 11 кандидатов, а больше уже ни за кого» — заключает автор³. Таким образом, Донской комитет оказался в подавляющей части меньшевистским. Большевистски настроенных членов комитета было избрано не более трех человек.

Необходимо сказать, что обострение политической обстановки мало отразилось на деревне Донской области и Северного Кавказа. Осенью 1905 г. развернулось массовое крестьянское движение в стране, но в Донской области крестьянское движение проявлялось слабо, а среди казачьего населения лишь в некоторых станицах (Усть-Медведицкой, например) имели место протесты против использования казаков в качестве полицейской силы. Это и понятно, так как в Донской области основную массу населения составляли казаки. Среди них, правда, началось уже расслоение

¹ «Донская речь», №№ 289 и 290, от 6 и 7 декабря 1905 г.

² «Русское богатство», 1908, № 6, стр. 86.

³ Сб. «1905. год в Ростове-на-Дону», стр. 147.

и появилась беднота, но и над беднотой тяготели сословные традиции казачьей жизни, которые тормозили революционное движение. Это обстоятельство в известной степени отразилось на обстановке в Ростове.

* * *

Как мы видели, обстановка в городе все более обострялась. Возбуждение населения возрастало. Рабочие стали проявлять все большее возмущение действиями правительства, его стремлением подавить революционное движение, лишить народные массы тех свобод, которые были вырваны у царя борьбой народа.

Между тем правительство начало усиленную подготовку к разгрому революционного движения. Директивы об этом давались и местным властям. При этом рекомендовалось в первую очередь нанести удар революционным партиям и Советам рабочих депутатов. Местные власти стали принимать меры по усилению гарнизонов. В Ростов прибыли дополнительные части казаков и была произведена замена малонадежных солдат Заславского полка более «надежными» казаками. Первым актом наступления на рабочих было объявление градоначальника 5 декабря о безусловном запрещении митингов, собраний и манифестаций под угрозой применения оружия¹. В порядок дня, после полуторамесячного периода «дней свободы», снова становились нагайка и штык.

Это объявление вызвало бурную реакцию рабочих. Они не желали мириться с отнятием у них одной из завоеванных ими свобод — свободы собраний. Они понимали, что такое объявление градоначальника являлось сигналом для наступления реакционных сил на революцию.

В такой обстановке 7 декабря в 11 часов дня Ростовское бюро железнодорожного союза получило из Москвы телеграмму о начавшейся всероссийской железнодорожной стачке с предложением немедленно к ней присоединиться. В этот же день в 3 часа дня было созвано экстренное заседание бюро. Единогласно было решено присоединиться к стачке. За подписью председателя бюро С. Рейзмана было разослано по линии телеграфное обращение с призывом прекратить работу 7 декабря в 12 часов ночи. «Все застигнутые забастовкой товарные поезда, — говорилось в телеграмме, — доводятся до больших станций по усмотрению местных бюро. Кондукторские бригады и паровозы возвращаются по усмотрению местного бюро. Пассажирские поезда доводятся до больших станций с буфетами. Поезда с запасными нижними чинами и хлебом для голодающих отправляются и пропускаются беспрепятственно. Местные бюро по своему усмотрению организуют поезда для безопасности линейных товарищей и для снабжения их провизией и водой. Забастовка прекращается только после уведомления со стороны Ростовского бюро. Для организации и руководства забастовкой назначается на 11 декабря съезд представителей линейных бюро в Ростове, просим прислать по два представителя».

«Товарищи! — говорилось в заключение. — От нашего дружного и единого выступления будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работы, присоединяйтесь к забастовке!»².

В решении бюро не было призыва превратить стачку в восстание. Однако в нем говорилось о том, что дружная и единая стачка может превратиться в «последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия», а это означало необходимость вооруженной борьбы. Большевики

¹ «Донская речь», № 289, от 6 декабря 1905 г.

² ГАРО, ф. 2, оп. 1, д. 69, л. 33.

железнодорожного бюро понимали это. На упомянутом заседании бюро возник вопрос, что делать, если администрация будет чинить препятствия. «К правильному проведению забастовки на этот случай решено было увеличить боевую дружину и отпустить для нее 150 руб. Затем предложено всем, у кого имеется свободное оружие, передавать бюро для дружины»¹. Значит, рабочие понимали, что дело неизбежно дойдет до вооруженной схватки. Отсюда забота об усилении боевой дружины в целях отпора властям.

Ночью 7 декабря, как и предусматривалось в обращении бюро союза, движение на дороге остановилось. Утром 8 декабря забастовали рабочие Главных железнодорожных мастерских. Начались митинги. Обсуждались вопросы, связанные с забастовкой, разъяснялось значение начавшейся стачки. В этот день забастовали станции Лихая и Морозовская Юго-Восточной железной дороги, а затем и другие станции этой дороги.

В этот же день вечером состоялось совместное заседание Исполнительной комиссии Совета рабочих депутатов и Донского комитета РСДРП с участием представителей союзов и стачечного комитета. Было принято решение о присоединении к начавшейся всероссийской политической стачке. В постановлении давалась характеристика политики царского самодержавия, стремившегося отнять завоеванные рабочими права; рабочие и работницы призывались «прекратить с утра пятницы 9 декабря работу на всех фабриках, заводах, во всех ремесленных заведениях». «Пусть жизнь страны снова замрет,— говорилось в постановлении.— Мы будем работать только на наших братьев. Поезда будут перевозить только солдат, возвращающихся из Маньчжурии, хлеб для продовольствия населения и топливо». Решение заканчивалось призывами: «Смело в бой, за свободу и счастье народа! Да здравствует всеобщая политическая забастовка! Мы требуем немедленного созыва Учредительного собрания!»².

Этот документ отличается от предыдущего своей меньшей определенностью. Здесь нет не только призыва к восстанию, но и призыва к свержению самодержавия. Весь документ пронизан мыслью о мирной политической стачке, как решающем средстве борьбы. В этом сказалось влияние меньшевистских вожakov из Донского комитета. Как показывают их собственные признания, они не хотели даже и этой стачки, считая ее преждевременной. Они согласились на ее объявление только под напором рабочих масс, под влиянием уже начавшейся стачки Главных железнодорожных мастерских и дороги, объявленной бюро союза железнодорожников во главе с большевиком Рейзманом.

Один из руководящих работников Донского комитета В. Смелов писал в начале 1906 г.: «Трудно передать то впечатление, которое произвела эта телеграмма (съезда 29 дорог о стачке.— Н. Я.) на организации, стоящие во главе движения... Достаточно будет сказать, что в первый момент явилось подозрение, не провокация ли это? До того неожиданным фактом явилось такое раннее объявление забастовки»³. Автор считал, что «такое раннее объявление всеобщей политической забастовки было тактической ошибкой»⁴. Меньшевики полагали, что надо было копить силы, объединять их и постепенно готовить стачку. Но эти социал-демократические маниловы как будто не замечали, что правительство повело решительное наступление на революционные организации, что оно уже начало громить их. И пока эти люди мечтали бы о накоплении сил,— они лишились бы и

¹ «Донская речь», № 291, от 9 декабря 1905 г.

² Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 324.

³ «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 66.

⁴ Там же.

тех организаций, которые уже имелись. Завороженные мирными идеями, они полагали, видимо, что и власти поддадутся этим идеям...

Вынужденные согласиться на объявление стачки, меньшевики принимали все меры, чтобы не дать ей выйти за пределы мирного течения. Тот же Смелов пишет, что 10 декабря 1905 г. весь Ростов уже бастовал и что «все время население призывалось» от имени социал-демократов «к сохранению полнейшего порядка, к продолжению мирной политической забастовки, которая должна сломить силу врага»¹. Так глубоко верили меньшевики в силу мирных средств борьбы, считая, что такие средства способны «сломить силу врага», т. е. армию, полицию и всю мощь государственной машины царизма. Впрочем, меньшевики и не думали чокнуться на эту мощь, они видели свою задачу только в достижении реформ.

Выдвигая и защищая «мирные методы борьбы», меньшевики действовали по шаблону, игнорируя живой опыт революционной борьбы. Свою проповедь мирной стачки они проводили тогда, когда уже стачка, как самостоятельная форма борьбы, изжила себя; она могла теперь играть роль лишь подсобного средства в решающей форме борьбы — вооруженном восстании. В. И. Ленин исчерпывающим образом это разъяснил, а история доказала и подтвердила ленинские выводы. Всю вредность меньшевистской позиции доказали также и ростовские события. Несмотря на руководство меньшевиков Донским комитетом и вопреки их сопротивлению, — ростовская стачка ходом вещей переросла в восстание.

Любопытно, что цитированный нами меньшевик Смелов признает революционное настроение рабочих Ростова. Он сообщает, что на многих предприятиях «рабочие бросали работу с полудня, не ожидая решения Совета рабочих депутатов», которое состоялось вечером (8 декабря); что рабочие заявляли: «Умрем от голода, но пусть это будет последняя битва», а на возражение, что предстоят праздники, один рабочий заявил: «У пролетариата не может быть праздника до завоевания полной политической свободы»². Конечно, такие заявления меньшевикам не нравились, и автор оценивает их, как «решимость отчаяния». На деле же это была решимость революционеров, которые не боялись сразиться с врагом.

Власти сразу предприняли репрессивные меры против руководителей стачки. В ночь с 8 на 9 декабря было арестовано 12 человек³. Это показывало, что разговоры о «мирной» стачке терпели крах. Власти не намерены были считаться с такими разговорами. Их могла убедить лишь энергичная борьба, чего и требовали большевики и шедшая за ними значительная часть рабочих. Последующие события подтвердили правильность такого взгляда.

На другой день, 9 декабря, в столовой мастерских состоялся грандиозный митинг, который решительно потребовал от градоначальника освобождения арестованных товарищей⁴. Градоначальник вынужден был считаться с категорическим требованием рабочих, и арестованные были освобождены. Этот факт произвел огромное впечатление на бастующих и оказал положительное влияние на ход забастовки. Он показал, что только решительная борьба может дать ощутимые результаты.

Охранка была возмущена «малодушием градоначальника», жаловалась на бездействие администрации, предлагая со своей стороны меры

¹ «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 75

² Там же, стр. 67.

³ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 25

⁴ Там же

расправы с руководителями движения — запрещение митингов, а также организацию «военных прогулок» и производство учебной артиллерийской стрельбы в окрестностях города, полагая, что такие действия «наверное окажут некоторое моральное воздействие»¹.

В начале стачки местные власти действительно растерялись. Градоначальник граф Пиллар фон Пильхау еще в конце ноября «заболел» и передал власть своему заместителю фон-дер-Вейде. Последний, после того как он был вынужден освободить арестованных деятелей революционного движения, также «заболел» и ушел в отставку, передав власть и. д. градоначальника полицмейстеру Прокоповичу. Вступив в новую должность, Прокопович в тот же день, 10 декабря, объявил в Ростове положение чрезвычайной охраны, запретив любые собрания и митинги под угрозой применения оружия². В ответ на это объявление Совет рабочих депутатов заявил, что митинги попрежнему будут проходить, и охранять их будет боевая дружина.

Это был момент, когда власти уже оправились и начали принимать меры против бастующих. 11 декабря градоначальником был назначен воинский начальник Макеев. В этот день забастовка в городе стала всеобщей.

Несмотря на запрещения митингов, они попрежнему проходили под охраной дружинников. Охранка сообщала, что 10 декабря митинги разгонялись войсками; в частности к городскому театру, где проходил митинг, были посланы войска для разгона собравшихся. В подробном донесении от 14 января 1906 г. о декабрьских событиях в Ростове охранка, сообщив о попытках разгона митинга в городском театре 10 декабря, писала: «Вслед за этим в течение остального дня и ночи на перекрестках улиц располагались патрулями и разведчиками рабочие вооруженной рабочей дружины. 11 и 12 декабря прошли так же, как 10-е, с тою лишь разницей, что огромные митинги одновременно происходили в театре (городском.— Н. Я.) и в столовой Владикавказских мастерских. При этом 12-го толпа, несмотря на поставленный наряд полиции, насильственно ворвалась в театр и устроила митинг»³. Далее сообщалось, что этот митинг будто бы был рассеян. Участники движения, находившиеся в охране этого митинга с дружиной, опровергают факт разгона митинга 12 декабря и относят его к 13 декабря⁴.

Из приведенного сообщения охранки явствует, что рабочие были настроены весьма решительно, и уже с 10 декабря дружинники патрулировали улицы. Такая активность благоприятствовала развитию восстания, если бы руководители Донского комитета возглавили его и повели решительное наступление. Но этого не случилось и не могло случиться, несмотря на боевое настроение рабочих, меньшевики остались верны своей сппортунистической позиции «мирной борьбы».

Каково же, однако, было соотношение сил в этот момент? Мы уже упомянули о назначении 11 декабря нового градоначальника — Макеева. На другой день он собрал заседание гласных думы, где присутствовали уже известный нам Прокопович и начальник жандармского управления Карпов. Макеев предложил следующий план разгрома рабочих: 1) дума должна обратиться с воззванием к населению о прекращении стачки, как незаконной, так как де никто из властей ее не объявлял; 2) пригласить

¹ Там же, л. 37.

² Там же, л. 248.

³ Там же, л. 249.

⁴ См., например, А. Водолазский. Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону в 1905 году — «Каторга и ссылка», 1927, кн. 37, стр. 35—36

в город с условием особой оплаты по 40 руб. в месяц казаков из соседних станиц в количестве 200—400 человек, предоставив их в распоряжение полицмейстера. С своей стороны Макеев обещал направить все наличные военные силы, включая артиллерию, против бастующих, причем митинги предлагалось расстреливать.

Этот зверский план был целиком одобрен городской думой. Предложение Макеева расстрелять митинги шрапнелью «отцы города» встретили аплодисментами. Таким образом, «представительный» орган ростовской буржуазии благословил карателя Макеева действовать силой оружия. Дума пропустила воззвание, где были повторены смехотворные «аргументы» против стачки, которую, дескать, никто из властей не объявлял. Факт единения ростовской буржуазии с царскими властями против рабочих лишний раз показал, насколько большевики правильно оценивали буржуазию как контрреволюционную силу. Необходимо отметить, что ростовская дума проявляла себя одной из наиболее реакционных среди всех других городских дум России; еще во время октябрьских погромов она фактически поддерживала черносотенцев.

Надо отметить, что среди ростовской буржуазии было и либерально настроенное крыло. Эта часть буржуазии имела свои органы печати — газеты «Приазовский край» и «Донская речь». Первая выражала взгляды либеральной буржуазии типа правых кадетов; что касается «Донской речи», то она стремилась быть демократической газетой, отражавшей в известной мере настроения демократической интеллигенции.

Газета помещала подробные отчеты о рабочих митингах, о заседаниях Совета рабочих депутатов, резко критиковала власти, в том числе и местные. Газета заявляла, что не примыкает к кадетам, хотя тут же оговаривалась, что если «когда-нибудь и примкнет, то исключительно по тактическим соображениям»; газета же стремится «будить сознательность читателей, давать им руководящую нить для сознательного выбора партии, к которой мог бы читатель примкнуть»¹. Конечно, эти суждения об объективности газеты являлись маскировкой, ибо газета явно пропагандировала взгляды «левых» кадетов. Стремление либералов из «Донской речи» показать себя демократами диктовалось желанием не оттолкнуть от себя демократические слои местной интеллигенции и внушить рабочим свое лояльное отношение к их борьбе. Надо сказать, что за отсутствием в городе революционной газеты, многие рабочие читали «Донскую речь». Можно отметить, что газета действительно не выступала против рабочего движения в мирных его формах, включая и стачку. Она поддерживала стачку почтово-телеграфных работников и более или менее объективно освещала революционное движение в стране и в городе. Но как только речь заходила о такой решающей форме борьбы, как вооруженное восстание, «Донская речь» поднимала свой голос против. В статье редактора-издателя газеты М. Берберова «Мирная революция» заявлялось, что «не крови и насилия желаем мы, а мира и закона, чтобы не проливалась кровь человеческая и не производилось насилия. Мы жаждем порядка, дабы служить вековым идеалам прогресса»². Речь, разумеется, шла о буржуазном «мире и законе», о буржуазных идеалах «прогресса». Автор прямо заявляет, что газета стоит за реформы, предлагаемые кадетами и проводимые «теми путями и средствами, какие применяются на Западе».

Что касается крупной буржуазии, в том числе ростовских отделений буржуазных партий — октябристов и кадетов, то они заняли резко отрицательную позицию по отношению к начавшейся стачке железнодорож-

¹ «Донская речь», № 282, от 29 ноября 1905 г.

² «Донская речь», № 251, от 28 октября 1905 г.

ников и рабочих предприятий, причем октябристы оказывали прямую помощь властям по разгрому восстания. Их представители заседали в качестве гласных в городской думе, которая, как уже сказано, занимала контрреволюционную позицию.

В середине ноября в городе образовалась партия «правового порядка». На первом ее закрытом собрании 15 ноября присутствовали «истинно-русские люди» — отставные генералы и полковники, войсковые старшины, окружные атаманы. Собрание устами черносотенца А. Леонова заявило о необходимости издания газеты, чтобы добиваться «твердой и сильной власти» и провести в Государственную думу своих людей. Таким образом, все контрреволюционные силы Ростова объединились против восставших рабочих. Буржуазия, в том числе и либеральная, встала на защиту царизма против рабочих.

На какие военные силы опирался Макеев в своих действиях? По свидетельству одного из руководителей восстания, власти располагали сотней казаков из калмыков, сводной ротой солдат под командой пристава, сводной ротой жандармов, батальоном солдат из трех рот и 200 казаков и полицейских конных частей. Кроме того, имелась батарея из четырех 3-дюймовых орудий¹.

Как видим, военные силы властей были не столь велики, хотя они и могли получить подкрепление из Новочеркасска, а также нанять казаков, согласно плану Макеева. Благоприятным для властей было то, что кругом Ростова были казачьи станицы, основное население которых было настроено контрреволюционно.

Что же имели рабочие? По сообщению В. Смелова, дружинников было 350—400 человек². Эти данные подтверждаются сообщением Ал — а, который пишет, что «ко времени декабрьской забастовки она (дружина. — Н. Я.) насчитывала в своих рядах 400 или 450 человек», причем социал-демократы имели 200—250 чел., эсеры — 60—70 чел., поалейционисты — столько же, да еще десятка два имела «студенческая» дружина³. Данные этих авторов можно считать более точными, так как их сообщения сделаны вскоре после восстания и сами они непосредственно наблюдали события. Охранка еще в октябре (донесение от 26 октября) считала, что «среди железнодорожных рабочих насчитывают вооруженных от 300 до 500 человек»⁴. Это, конечно, преувеличение, вызванное, очевидно, стремлением добиться усиления войск и полиции. Возглавлявший тогда штаб восстания «Макс» уже в советское время писал, что активное ядро дружины насчитывало 250—300 боевиков⁵. Другой участник движения считает, что было 200 дружинников⁶. В это число, очевидно, не входили дружинники, прибывшие позднее из Тихорецкой, Кавказской и из некоторых других мест на помощь ростовским рабочим.

Следовательно, максимальное число дружинников в самом городе составляло около 400 человек. Вооружены они были главным образом револьверами, хотя имелась значительная группа винтовочников. Дружина обладала и бомбами. Сколько было бомб — трудно сказать. Охранка сообщала 10 декабря, что митинги охраняются боевой дружиной в 100 человек, в том числе пять человек с разрывными снарядами⁷.

¹ См. «Донская речь» и «Приазовский край» за ноябрь 1905 г.

² «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 73.

³ «Русское богатство», 1908, № 6, стр. 77.

⁴ ГАРО, ф. 2, д. 51, л. 39.

⁵ «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), стр. 167, а также сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 100.

⁶ «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), стр. 174.

⁷ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 37.

Таково было соотношение сил в городе в канун вооруженной схватки. Благоприятной для восставших рабочих была вся обстановка, сложившаяся как в стране, так и в Донской области и на Северном Кавказе. Восстание в Ростове-на-Дону не было изолированным явлением. В это время в Москве шли уже бои между дружинниками и войсками. Стачка охватила всю Владикавказскую дорогу, которая фактически была в руках рабочих. Готовилось восстание в Минеральных Водах. В Новороссийске власть была уже фактически в руках Совета рабочих депутатов, Таганрог, соседняя Екатеринославская губерния были охвачены стачкой, накануне восстания были Екатеринослав и Александровск. Екатерининскую дорогу захватили восставшие рабочие. В таких условиях особенно необходимы были решительные действия восставших. Таких действий требовали ростовские большевики, стоявшие во главе дружин. Они предлагали начать наступление на город из рабочего района Темерника, который являлся основной опорой рабочих Ростова. Однако меньшевистское руководство Донского комитета дважды отвергло требования большевиков.

Один из активных участников восстания в своих воспоминаниях пишет, что совещание десятников дружин, состоявшееся после освобождения арестованных руководящих работников и до начала военных действий, очевидно 11 или 12 декабря, предлагало выступить из Темерника в город с целью захватить Макеева, обезоружить казаков, «вообще перейти от обороны к нападению». Такие действия, продолжает он, дали бы возможность захватить Ростов, и в случае успеха «события могли бы принять совершенно иной оборот». «Но этому плану воспротивился Донской комитет РСДРП, находившийся в руках меньшевиков и предписывавший держаться оборонительной тактики. Пришлось подчиниться»¹.

Такая позиция меньшевиков подтверждается и ими самими. Один из них, бывший в то время председателем Совета, в своих воспоминаниях сообщает, что «наиболее горячие из дружинников торопили руководителей движения с открытием военных действий. Но ревком (т. е. Донской комитет. — Н. Я.) каждый раз признавал необходимым дожидаться начала военных действий со стороны властей...»². Но даже и тогда, когда начались военные действия «со стороны властей», меньшевики не думали о восстании. Один из руководителей Донского комитета, В. Смелов, признавал, что даже 13 декабря вечером на заседании руководящих организаций «после пережитых ужасов дня, после целого ряда зверств, свидетелями которых были все члены организации..., организация была далека от мысли организовать вооруженное восстание...»³.

Так действовали меньшевики в самый острый момент революционной борьбы — в момент восстания. Они все силы направляли на то, чтобы удержать рабочих от активных действий даже тогда, когда уже лилась кровь рабочих, когда власти обстреливали рабочий район артиллерией. Такая позиция была явным предательством интересов пролетариата, чем бы она ни мотивировалась.

Однако, несмотря на предательскую позицию меньшевиков и их попытки сорвать восстание, сделать этого им не удалось. Ход событий опрокинул позицию сторонников «мирного пути». Действия масс оказались сильнее меньшевистских заклинаний. Вооруженное восстание ростовских рабочих стало фактом.

13 декабря утром отряд боевой дружины начал наступление на ростов-

¹ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 314.

² «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), стр. 175.

³ «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 71.

ский вокзал и заставил уйти роту солдат, обезоружил жандармов и занял вокзал¹. В цейхгаузе было захвачено два ящика с ружьями.

Так началось ростовское восстание. Захват важного стратегического пункта — вокзала и станции крупного железнодорожного узла — окрылил рабочих и вдохнул новую энергию в среду борцов, взявших за оружие против своих заклятых врагов.

Но враги не примирились с понесенным поражением. Макеев издал приказ занять вокзал и «очистить железнодорожное поселение Темерник от мятежников»². В 1 час 13 мин. дня началась бомбардировка вокзала и столовой Главных железнодорожных мастерских, где проходил митинг. Один снаряд попал прямо в столовую, девять человек было убито и несколько ранено. Вечером войскам удалось снова занять вокзал.

Этот расстрел митинга показал рабочим, на что способны царские власти. Негодование охватило рабочие массы и трудовое население не только Темерника, но и всего Ростова. Не взирая на меньшевистские увертки, опираясь на поддержку рабочих масс, большевики действовали с исключительной энергией. Один из активных участников восстания отмечает, что в момент восстания рабочие не различали, кто из них был меньшевиком или даже эсером, — был достигнут единый фронт рабочих во главе с большевиками: «Рабочие в декабрьские дни 1905 г. действовали по-большевистски, и тогда не было разницы между теми, кто называл себя эсером, меньшевиком или как-нибудь иначе»³.

В эту же ночь началось сооружение баррикад около мастерских на проспекте Коцебу (ныне И. Ставского). Баррикады строили прочные — из котельных плит, бочек с цементом, мешков с землей. Для руководства восстанием был избран, точнее оформлен штаб, который фактически действовал и раньше. В него вошли известные всем рабочим инструктор ЦК РСДРП Бутягин («Макс»), участник восстания «Потемкина» матрос Хижняков («Бекас»), Ст. Войтенко («Аксаец»), А. Собино и некоторые другие. Штаб обосновался на Извольской улице (ныне улица Вигулевского) в небольшом домике, на котором сейчас прикреплен мемориальная доска с надписью: «В этом здании в дни героического вооруженного восстания ростовских рабочих против ненавистного царского самодержавия в декабре 1905 г. помещался большевистский штаб рабочей боевой дружины».

В этот же день дружинники убили пристава Слюсарева, дававшего сигналы артиллеристам.

В то время как большевики во главе боевой дружины при поддержке всего населения Темерника принимали меры к обороне рабочего района и готовились к активным действиям в уже начавшемся восстании, меньшевики из Донского комитета попрежнему выступали против восстания, а некоторые из них умывали руки, отстраняясь от борьбы. Как свидетельствует Смелов, вечером 13 декабря состоялось заседание руководящих революционных организаций, принявшее решение о том, чтобы «в случае военных действий власть переходила в руки начальника боевых дружин, ему предоставлена была свобода действий»⁴. А начальником боевых дружин был большевик. Меншевики теперь решили совсем отстраниться от участия в движении и «согласились» передать руководство восстанием на Темернике в руки большевиков. Меншевик Гурвич, бывший тогда председателем Совета, «сидя в костюме железнодорожного служащего и держа

¹ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 250. См. также: сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 100, 104, 120, 121, 150; «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), стр. 175.

² ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 250.

³ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 312

⁴ «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 71.

в руках осколок снаряда, которым убито было несколько товарищей..., сказал: «Наше дело кончилось... Мы агитировали, организовывали, теперь вам (жест в сторону начальника дружины) надо действовать»¹.

Так выразили свое отношение к восстанию ростовские меньшевики. Пока дело шло о мирной агитации, они верховодили. А как только дело дошло до настоящей борьбы с оружием в руках, они сразу бросились в кусты. Но они не просто отошли от восстания, а мешали ему. Когда через два дня после успешной атаки на вокзал и вторичного его захвата начальник дружины отправился к членам Донского комитета с целью добиться санкции наступать на город, он получил от члена комитета — меньшевика решительный отказ и выслушал даже угрозу предать работников штаба партийному суду, если они попытаются наступать на город. «Горячие головы, авантюристы, — заявил член комитета начальнику дружины, — ваше вооруженное восстание приведет рабочих только к большим жертвам...»². Вот как подло вели себя меньшевики в момент восстания.

В это время Совет рабочих депутатов, руководимый меньшевиками, фактически перестал существовать. Его председатель и в большинстве своем Исполком отстранились от дела восстания, а члены Исполкома — большевики включились в активную борьбу в составе боевой дружины.

Огромную энергию развил председатель бюро железнодорожного союза С. Рейзман. На собравшемся 11 декабря делегатском съезде Владикавказской ж. д. представители мест доложили о ходе стачки, которая началась на всех станциях дороги. В связи с начавшимся восстанием съезд не закончил своей работы, и делегаты разъехались по местам, чтобы организовать помощь рабочим Ростова. Еще ранее, в начале забастовки, Центральное бюро (так называли бюро железнодорожного союза в Ростове) сформировало «делегатский поезд», на котором рабочие-железнодорожники отправились по станциям дороги с целью разъяснить значение начавшейся стачки и оказать помощь местным бюро союза. Они провели митинги на станциях Тихорецкая, Кавказская, Екатеринодар, Новороссийск, Минеральные Воды. Этот поезд сыграл серьезную роль в мобилизации и организации сил рабочих указанных станций для восстания.

После занятия войсками вокзала вечером 13 декабря Рейзман направил по всем станциям телеграмму. Известие о занятии вокзала властями, он призывал к усилению борьбы: «Сообщение прервано. Ваши поручения исполнять не можем. Организуйте новое Центральное бюро. Организуйтесь, вооружайтесь, побеждайте! Долой царское правительство! Да здравствует революция!»³. Часть выехавших из Ростова делегатов съезда — от Грозного, Дербента и Котельникова — собралась на ст. Батайск, где после совещания 14 декабря послала по станциям дороги телеграмму: «Ростов вступил в революционную борьбу. Наши товарищи выдерживают жестокий натиск артиллерии, казаков. Мы, оставшиеся делегаты, видя мужественную кровавую борьбу героев — ростовских товарищей, призываем всех линейных товарищей сомкнуться тесно в ряды бойцов и дружно стать на защиту попираемой свободы»⁴. Дело не ограничивалось призывами. Делегаты принимали активнейшее участие в организации боевых дружин в Тихорецке, Кавказской, Минеральных Водах, Грозном и на других станциях дороги. В это же время по линии был отправлен новый

¹ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 152.

² Там же, стр. 108.

³ П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко. Очерки истории большевистских организаций на Дону, Ростов-на-Дону, 1948, стр. 97.

⁴ Сб. «Боевые дни (декабрьская политическая забастовка и вооруженное восстание 1905 года в Тихорецке)», Тихорецк, 1930, стр. 30.

«делегатский поезд». Целью посланных было организовать вооруженную подмогу ростовским рабочим, восставшим против царского правительства. Делегаты развернули активную работу и уже через день стали прибывать дружинники со станций дороги. Вечером 14 декабря в Тихорецк приехал из Ростова тов. Бочаров. Он выступил на митинге, призывая оказать помощь ростовским рабочим, после чего в Ростов выехало 73 дружинника¹.

Между тем в Ростове шли бои дружинников против войск правительства. 14 декабря около 12 часов дня снова начался артиллерийский обстрел Темерника, а казаки и солдаты Феодосийского полка пошли в наступление против баррикад. Дружинники геройски отбивали эти атаки, и войскам не удалось прорваться. Однако в этом бою дружинники потеряли своего любимца — пламенного революционера, молодого рабочего-большевика, члена боевого штаба Анатолия Собино (настоящее его имя — Виталий). Пуля врага сразила его, когда он отважно дрался на баррикадах. Когда отбили атаку, к труп подошел отец Анатолия, взял его винтовку и сказал: «Товарищи! Не отчаивайтесь, я умею стрелять так же метко, как и мой единственный сын...»². Анатолия Собино на другой день торжественно похоронили.

Отражение атаки противника вдохнуло новую энергию в бойцов дружины. 15 декабря утром они повели наступление на вокзал, где оставалась рота капитана Обуха и сотня казаков под командой есаула Кутырева. Последний был ранен, убит один казак, после чего войска оставили вокзал, и его заняли дружинники.

Удача этого наступления и овладение вокзалом сильно подняли дух восставших. Даже охранка вынуждена была писать, что «с утра 16-го числа сочувствовавшая и все время содействовавшая мятежникам часть населения г. Ростова... начала распространять по городу слухи о том, что войска отступили от вокзала под влиянием стрельбы мятежников...»³.

Итак, восставшие снова получили в свое распоряжение важнейший опорный пункт — вокзал, который оставался в их руках до конца восстания.

Это событие необходимо оценить и с точки зрения марксистско-ленинского учения о восстании. Одно из главных положений марксизма-ленинизма о вооруженном восстании гласит, что только наступательная тактика обеспечивает успех восстания. Это подтверждается и опытом ростовского восстания. Дважды дружинники наступали на вокзал, — и оба раза успешно. Следует вообще несколько изменить сложившееся представление, будто в вооруженных восстаниях 1905 г. повсюду применялась лишь оборонительная тактика. Конкретное изучение восстаний дает основание утверждать, что было немало случаев и наступательной борьбы. Мы видим это в Ростове, такие же факты имели место в Донбассе и некоторых других местах.

Захватив вокзал, руководители ростовского восстания стали думать о наступлении на город с целью захвата его. Очевидно, этот план возник после занятия вокзала. Участники восстания пишут об этом, не называя даты, но, учитывая обстановку после занятия вокзала, — прибытие подмоги, общий подъем настроения в связи с данным успехом, — надо считать, что задача захвата города встала как раз в эти дни. В это время руководители восстания уже знали, что Новороссийск в руках рабочих, в Минне-

¹ Там же, стр. 31.

² «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 72; см. также «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 133.

³ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 250.

ральных Водах хозяевами положения также стали рабочие, успешная революционная борьба шла в Екатеринодаре, Пятигорске, Грозном, восстание происходило в ряде пунктов соседней Екатеринославской губернии. Вся обстановка на Юге и Юго-Востоке была благоприятной для активных наступательных действий ростовских рабочих.

Однако меньшевистские вожаки Донского комитета, как и в начале восстания, категорически потребовали отказаться от мысли наступать на город и в этот наиболее благоприятный момент. Меньшевики, не допуская такого наступления, считали вообще невозможными наступательные действия боевой дружины. Тот же Смелов писал: «Возможны ли были наступательные действия рабочих, т. е. перенесение военных операций в город? Безусловно, нет. Более горячие головы предлагали это, но Совет десятников отвергал всякие нелепые планы»¹. Далее шли обычные аргументы оппортунистов, — в городе-де прямые улицы и негде зацепиться, «винтовочников» мало, да и они годны лишь к стрельбе из-за засад и т. д.

Ссылка автора на «Совет десятников» является лживой, ибо командиры десятков дрались на баррикадах и заставили отступить войска с вокзала, доказав тем самым полную возможность наступательной тактики и никчемность «аргументов» меньшевиков. Ссылка же на «прямые улицы» опрокинута была именно опытом декабрьского восстания.

Потеря вокзала вызвала растерянность у властей и известную деморализацию солдат и казаков. Основная масса населения сочувствовала восставшим. Восставшие начали получать подмогу от соседних станций. Общая обстановка, как уже отмечено, была также благоприятной. Северная часть города, Нахичевань, фактически была в руках армянской дружины, также сочувствовавшей рабочим, хотя активно и не включившейся в борьбу. Здесь находилось много рабочих, которые были на стороне восставших. В самом городе были отряды дружинников. При этом охранка была озабочена из-за возможности усиления дружинников Темерника за счет рабочих города. В донесении от 17 декабря она предлагала отрезать Темерник от города, так как «можно ожидать усиления бунтовщиков и городскими рабочими. Они сначала отстали, а затем, видя упорство оставшихся, предполагают вновь к ним примкнуть»². Таким образом, положение властей было далеко не блестящим. Они определенно опасались усиления восставших и проявляли нервозность.

Все это говорило о целесообразности наступления на город; требовались лишь решительные и организованные действия. Однако большевики, возглавлявшие боевую дружину, не решились нарушить приказ Донского комитета. Это объясняется рядом обстоятельств. В течение всех революционных месяцев работа шла под руководством единого комитета. Внутренняя борьба не исключала на той стадии движения общего руководства Донского комитета. К тому же авторитет последнего был еще силен среди рабочих социал-демократов, которые, хотя и склонялись к тактике большевиков, но считали необходимым добиваться единства. Не следует также забывать, что многие из них тогда еще глубоко не разбирались в разногласиях между большевиками и меньшевиками. Надо иметь также в виду, что руководители ростовских большевиков были более молодыми революционерами и, следовательно, менее опытными в партийной работе, чем меньшевистские заправилы Донского комитета, которые пускали в ход различные дипломатические приемы. Все это и создавало такую обстановку внутри организации, когда руководители восстания не решились нарушить приказ Донского комитета.

¹ «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 76.

² ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 56.

Тем временем бои продолжались. Боевая дружина прочно удерживала за собой вокзал. С этого пункта направлялись «делегатские поезда» по линии, посылались телеграммы с просьбами об организации помощи. И эта помощь приходила. Прибыла боевая дружина из Тихорецка в составе более 70 человек, среди которых было несколько десятков винтовочников¹, а также дружинники со станции Кавказская. Один из участников восстания сообщает, что всего прибыло из различных станций около 150 человек².

Дружинники делали вылазки в город с целью парализовать действия казаков и попытаться захватить у них винтовки. Так, например, несколько человек отправилось в район Новопоселенского сада, вблизи которого находились казаки. Группа зашла в нелегальную квартиру, где находилось 18 дружинников, оставленных там для наблюдения за казаками и предупреждения штаба в Темернике в случае нападения на его левый фланг. Из этих дружинников трое присоединились к группе. Приблизившись к казакам, один из дружинников бросил бомбу. Взрывом было сбито с ног несколько казаков³, и группа благополучно добралась до Темерника, кроме трех ростовских товарищей, которые вернулись к своей дружине. В донесениях охраны отмечаются и другие случаи вылазки дружинников в город; 17 декабря, например, дружинники стреляли в пристава около 1-го полицейского участка⁴. Возможно, что это были городские рабочие, действовавшие самостоятельно.

Как же жил осажденный Темерник, который своей героической обороной напоминал Пресню Москвы?

Все наблюдатели утверждают, что здесь господствовал образцовый порядок; всюду были расставлены патрули, особенно на границе с городом и позади поселения, откуда также ожидали атаки казаков. Было введено военное положение; все население строго выполняло постановления штаба. Было организовано питание дружинников, а эта задача была довольно сложной — надо было кормить 400—450 чел. Была организована столовая, пекарня. Многие нуждались и в квартире, так как не проживали в районе, да и командование установило такой порядок, чтобы каждый десяток спал в одном месте и сразу по сигналу в полном составе являлся в определенное место по указанию штаба⁵. Один из активных участников восстания пишет о повстанцах Темерника: «Они ввели у себя нечто вроде управления осажденной крепостью со своими оружейными мастерскими, вещевыми и продовольственными складами, лазаретами и т. д.»⁶. Другой участник восстания пишет: «Организация обороны шла успешно. По Луговой улице была открыта столовая, обслуживавшая дружину. По проспекту Коцебу, в Ломоносовском училище и по Церковной улице были развернуты лазареты. Заведывание ими принял на себя доктор Друцкий, член социал-демократической организации.

На Шаховской улице начала функционировать мастерская по ремонту оружия и изготовлению патронов. Позднее вторая мастерская была открыта на Колодезной улице.

Темерник действительно принял вид боевого центра. Вся его жизнь стала регулироваться распоряжениями штаба.

¹ Сб. «Боевые дни», стр. 31, см. также В Толмачев. Ростовский рабочий в революции 1905 г., Ростов-на-Дону, 1925, стр. 60

² «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 314

³ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 155 и 160—161.

⁴ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 251.

⁵ «Русское богатство», 1908, № 6, стр. 91.

⁶ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 156

Население Темерника было сплошь на нашей стороне, оказывая всяческое содействие»¹.

Была даже своя тюрьма или гауптвахта, куда сажали арестованных шпионов или подозрительных лиц.

Жители Темерника, оказывая штабу содействие, приносили дружинникам хлеб, сухари, молоко. Продовольствие доставляли также жители города и Нахичевани, деятели Крестьянского союза из соседних деревень². Сопоставляя положение в Темернике и в городе, уже цитированный нами наблюдатель, перешедший в Темерник во время восстания, пишет: «Контраст по сравнению с городом представлялся очень резким. Там было прямо-таки страшно даже днем выйти из дома. То там, то здесь гремели ружейные выстрелы, и вдоль улиц, жалобно свистя, проносились пули. Почти повсюду на углах стояли патрули и при приближении прохожих кричали им: «Руки вверх!» и направляли на них винтовки. Совершенно иную картину представляло собой Темерницкое поселение. Улицы были оживлены, жители чувствовали себя совершенно в безопасности и, взвинченные событиями, собирались кучками и оживленно беседовали, обмениваясь новостями и комментируя создавшееся положение; местами толпились дружинники, вооруженные самым разнокалиберным и разносортным оружием»³.

Автор, пробыв несколько последних дней восстания с дружинниками, передает их настроения. Перед сном они беседовали по различным вопросам, а главное — о том, как сломить врага, строили различные планы захвата Ростова, настроены были по-боевому. Некоторые выражали недовольство: «Надо бы раньше не зевать, — а то одни только разговоры да резолюции. На этом далеко не уедешь»⁴. Эти слова прямо были направлены против меньшевистских руководителей Донского комитета. После дневных боев или вылазок против врага вечером «вся революционная армия стекалась к определенному пункту, чтобы представить рапорты главнокомандующему через своих ближайших начальников и получить распоряжения на завтрашний день»⁵.

Так жил и действовал Темерник в дни вооруженного восстания. Что же происходило в эти дни на линии Владикавказской железной дороги?

Главную роль здесь играли, как и в Ростове, рабочие железнодорожных мастерских. Так, на ст. Тихорецкая были сравнительно крупные мастерские, на которых работало тогда 1082 рабочих. Здесь было много участников революционного движения, среди которых выделялся машинист Лука Чернышев, большевик, участник всех прежних стачек. Он являлся в декабрьские дни председателем «Организационного бюро», руководившего стачкой и восстанием. Социал-демократической группой руководил «Кубанец». Вообще вся социал-демократическая организация Тихорецка состояла из кадровых рабочих.

Начав стачку 8 декабря, рабочие в тот же день разоружили жандармерию станции, в том числе палача рабочих жандармского подполковника Мартоса. Разоружение проходило на глазах 12 казаков, которые пальцем не пошевелили в защиту Мартоса, о чем доносил сам Мартос⁶. Его подвергли домашнему аресту, но не выключили у него телефон. Это упущение восставших рабочих стоило позднее очень дорого пролетариям Ти-

¹ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 129.

² «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 73.

³ «Русское богатство», 1908, № 6, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 91.

⁵ Там же, стр. 89.

⁶ Сб. «Боевые дни», стр. 65—66 (документы).

хорецкой. Захватив станцию и вооружив значительное число дружинников (у Мартоса отняли 24 револьвера, а позднее взяли на складе 28 пудов разобранных винтовок, которые отремонтировали затем в мастерских), руководители восстания в Тихорецке, как уже указывалось, послали 14 декабря вечером 73 дружинника в Ростов. Прибывшая 16 декабря на станцию 4-я сотня 16-го Кубанского пластунского полка отказалась наступать на рабочих, и казаки стали посещать митинги¹. А митинги собирались огромные при участии крестьян и даже казаков из соседних станиц. Между тем Мартос, пользуясь телефоном, связался с казачьим начальством, прося присылки войск. 19 декабря на рассвете появились три сотни казаков. Сопrotивление рабочих было бессмысленно ввиду явного преобладания сил у казаков, и рабочие не вступили с ними в бой, хотя стачку продолжали до конца декабря.

Станция Кавказская, которой с начала стачки также управляли рабочие, была занята казаками 16 декабря. Фактически в руках рабочих до 20-х чисел декабря находилась и станция Армавир. Узловая станция Минеральные Воды находилась в руках рабочих с 10 декабря. Всеми делами заправляли рабочие, избравшие забастовочное бюро. В депо старые начальники были отстранены и выбраны начальники отделений из рабочих. Была сформирована боевая дружина. Попытка властей вызвать Осетинский конный дивизион провалилась, так как этот дивизион восстал. На станции разоружили жандармов, создали «комиссию по вооружению», захватили в кондукторском помещении 170 револьверов. После приезда сюда 14 декабря вечером или 15-го утром делегации из Ростова во главе с Бочаровым настроения восставших еще более поднялось. Действовала и телеграмма Рейзмана от 15 декабря, полученная здесь в тот же день. К этому времени восстание охватило Пятигорск, началось брожение в местных войсках. Была полная возможность овладеть пятигорским складом оружия, на что дали согласие и солдаты. Но приехавшие сюда делегаты из Минеральных Вод проявили излишний «демократизм», желая добиться согласия у офицеров. Между тем власть в городе фактически оказалась в руках кадетов и вступивших с ними в союз меньшевиков, которые стремились сорвать восстание. В результате восставшие оружия не получили.

Еще 15 декабря в Минеральных Водах начали готовить боевую дружину для посылки в Ростов. Однако, стремясь организовать эту дружину в большом составе, минераловодцы затянули дело и смогли ее послать лишь 18 или 19 декабря. В дружине было около 150 человек, из них значительная часть была вооружена винтовками. Перед станцией Кавказской, у моста через Кубань поезд дружинников попал в засаду казаков, прорваться через которую он не смог и вернулся обратно².

Боевая дружина станции Минеральные Воды решила захватить оружейный склад в Георгиевске, где, по данным дружинников, имелось 1000 винтовок и много патронов. Сама станция Георгиевск была захвачена железнодорожниками в середине декабря, когда были разоружены жандармы. Тогда же хотели воспользоваться указанным оружием, но начальник гарнизона категорически отказался выдать винтовки. И вот теперь вся сводная дружина станции Минеральные Воды и соседних станций решила с оружием в руках овладеть Георгиевским арсеналом. В ночь на 20 декабря началась атака на оружейный склад. Однако двухдневная борьба дружинников 20 и 21 декабря окончилась безуспешно — гарнизон

¹ Там же, стр. 31.

² Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 206.

получил подкрепление и отбил нападавших. Через несколько дней, когда уже потерпело поражение восстание в Ростове и Новороссийске, рабочие ст. Минеральные Воды прекратили борьбу, распустив дружину¹.

Дружно забастовали 8 декабря железнодорожники ст. Грозный. Был создан стачечный комитет, рабочие захватили управление 4-го Грозненского отделения Владикавказской железной дороги и телеграф. Стачечный комитет отказался предоставить поезд для солдат, которых власти предполагали послать на ст. Георгиевск для защиты оружейного склада. Была создана боевая дружина, и местные большевики готовились начать восстание. Однако эта подготовка затянулась, и восстание так и не началось. 25 декабря в Грозном появился первый поезд из Москвы, от пассажиров которого рабочие узнали о поражении московского вооруженного восстания, а еще раньше узнали о поражении рабочих в Ростове. 26 декабря стачка прекратилась².

Большую помощь Ростову мог оказать Таганрог, — сравнительно крупный промышленный город. Социал-демократическая организация здесь была, как уже отмечалось, большевистской. Под ее руководством рабочие дружно начали забастовку. 8 декабря забастовали железнодорожники, получившие накануне телеграмму о стачке в Екатеринославе. На другой день остановились котельный, металлургический и кожевенный заводы. 10 декабря бастовали уже все предприятия города.

Еще 5 декабря возник Совет рабочих депутатов, но свое окончательное оформление он получил только 10 декабря. Совет издавал «Известия», выпущено было пять номеров. Созданная в Таганроге дружина была немногочисленной из-за отсутствия оружия. Партийная организация и Совет имели большое влияние на стоявшую в городе артиллерийскую бригаду, связь с которой осуществлялась через офицера-большевика Волошина. Надеясь на эту бригаду и ссылаясь на недостаточность сил, партийная организация оттягивала вооруженное выступление.

Тем временем власти пришли в себя и получили в подкрепление три сотни казаков. 15 декабря начальник гарнизона объявил город на положении чрезвычайной охраны. На другой день были заняты помещения Совета, действовавшего легально, и железнодорожная станция. В ночь на 17 декабря были арестованы руководящие работники Совета. Эти удары значительно ослабили рабочие организации. Однако оставшиеся на свободе некоторые руководители революционных рабочих решили поднять восстание. Начали его рабочие котельного завода. Созвав митинг и разъяснив собравшимся создавшееся положение, дружинники вместе с рабочими разоружили городских на заводе и двинулись к металлургическому заводу с тем, чтобы, проделав там ту же операцию с полицией, привлечь рабочих к восстанию. Однако недалеко от завода их встретили казаки. Началась перестрелка, и рабочие, потеряв трех человек убитыми и девять ранеными, вынуждены были прекратить борьбу. Поднять восстание не удалось³.

Таким образом, из-за нерешительности партийной организации и Совета, было упущено время и не использован благоприятный момент для восстания в первые дни стачки. Однако дружная стачка в Таганроге и активная работа Совета в первые дни его деятельности помогли восстав-

¹ См. канд. диссертацию М. В. Дрогаиной «Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. на Кавказских минеральных водах», 1947 (рукопись).

² См. Е. П. Киреев. Рабочий класс и большевистская организация Грозненского нефтепромышленного района в революции 1905—1907 гг., Грозный, 1950, стр. 104.

³ ГАРО, ф. 8, д. 1406, л. 27; д. 1414, л. 161.

шим рабочим Ростова тем, что отвлекали на себя часть сил врага, которые могли быть использованы против пролетариев Ростова.

Как видим, на всей линии Владикавказской железной дороги происходили серьезные волнения, а на ряде станций — вооруженные восстания. Охранка считала эту линию «магистралью революционных действий»¹. Все это благоприятствовало восстанию в Ростове, где революционеры продолжали отбивать атаки противника, находясь все время под артиллерийским огнем. Правда, некоторые участники восстания и охранка свидетельствуют, что 16, 17 и 18 декабря артиллерия не стреляла ввиду большого тумана и сильных дождей. По донесениям охранки, эти дни заполнены были борьбой дружинников с черносотенцами и жандармами. При этом все время подчеркивается, что настроение на Темернике боевое, восставшие «сдаваться не желают» и что будто бы у восставших много оружия и запасных солдат, «которые стреляют из винтовок»². Конечно, последнее — преувеличение, продиктованное страхом и желанием оправдаться перед высшим начальством в неуспехе подавления восстания. Однако имеются и такие сообщения, которые едва ли можно подвергать сомнению. Так, в двух донесениях от 18 декабря сообщается, что дружинники появляются на Большой Садовой улице города, привлекают на свою сторону распропагандированных рабочих, образуя значительные толпы и «нападая на жандармских и полицейских чинов», причем «это продолжается ежедневно с раннего утра и до поздней ночи. Таким путем 16 и 17 декабря были обезоружены жандармы Украинский и Приходько...»³.

Второе донесение за это же число характеризует обстановку в Темернике. «Жители, — говорится в донесении, — вновь возвращаются на Темерник и оказывают большое содействие бунтовщикам, дабы предотвратить атаку казаков и уничтожение имущества. Предполагают держаться упорно. Артиллерийская стрельба, по их мнению, почти безрезультатна. В революционной среде утвердительно говорят, что на днях придет сильная поддержка с Кавказа»⁴.

Эти показания врага для нас очень важны, ибо они свидетельствуют, что боевой дух не оставлял восставших в дни, когда положение уже становилось тяжелым. Охранка также верно говорит об ожидавшейся помощи, — такая помощь должна была придти из Минеральных Вод, но казаки, как мы уже знаем, успели перерезать путь у ст. Кавказская. Об ожидании темерникцами помощи говорится и в донесении от 20 декабря: «На Темернике сдаваться не хотят, так как поджидают из Нахичевани «самооборону»⁵. Однако нахичеванская самооборона, созданная армянской националистической организацией, хотя и была достаточно сильная, но не хотела принимать участия в восстании, соглашаясь драться лишь в том случае, если черносотенцы снова начнут погромы.

19 декабря возобновился артиллерийский обстрел Темерника. В этот день Макеев был назначен временным генерал-губернатором. Он сразу же объявил Ростов на военном положении, чтобы свирепо расправиться с восставшими по законам военного времени. На военном совете вечером 19 декабря было решено «повести правильную атаку с целью разбить на-

¹ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 251.

² Там же, л. 57.

³ Там же, л. 69.

⁴ Там же, л. 61.

⁵ Там же, л. 68.

голову мятежников»¹. В осуществление этого решения в 8 часов утра 20 декабря начался артиллерийский обстрел столовой и Главных железнодорожных мастерских. В ответ дружинники стали обстреливать артиллеристов из ружей и не безуспешно — были ранены артиллерист-наводчик и казак².

После артиллерийской подготовки «пехота и казаки цепью двинулись к вокзалу и в первом часу дня вокзал после успешной перестрелки с мятежниками был занят войсками»³.

Но и после этого обстрел вокзала дружинниками продолжался, хотя стрельба эта, как отмечала охрана, была уже «менее интенсивна, чем то было с утра 15 декабря»⁴.

Тем не менее дружинники отбивались от наступающих казаков и солдат, и последним не удалось в этот день продвинуться дальше вокзала. Однако положение восставших становилось тяжелым. На исходе были боеприпасы. Восставшие не получали уже помощи с линии и знали, что почти повсюду в стране — в Москве, Донбассе, Харькове и других местах — восстания подавлены, в руках восставших оставался пока лишь Новороссийск. Ввиду создавшегося тяжелого положения еще 19 декабря было решено перебраться в Нахичевань и попытаться там договориться с армянской дружиной о совместной борьбе или перейти к партизанской борьбе. Начальник дружины «Макс» и Ст. Войтенко 19 декабря отправились в Нахичевань для переговоров с армянскими дружинниками и для приготовления квартир и столовой завода «Акса́й» в качестве базы.

Вечером 20 декабря Хижняков («Бекас») созвал совещание десятников и передал им приказ штаба⁵. Все тотчас же двинулись через станицу Гниловскую на противоположную сторону Дона, прошли тем берегом на север и снова перешли Дон против завода «Акса́й». Переход был очень сложным и трудным, так как приходилось переносить по льду оружие, порох, боеприпасы. Некоторые были с бомбами. Особенно беспокоили бомбы, ибо достаточно было провалиться дружиннику с бомбами и удариться о лед, и бомбы могли взорваться. Проваливались многие, так как лед был еще тонкий. Но несшие бомбы товарищи проявляли исключительное самообладание. Шло очень много людей — до 1000 человек⁶. Один из участников восстания, А. Водолазский, свидетельствует, что только в его группе шло 130 человек⁷. Другой участник так описывает этот отважный переход: «Впереди несли знамя, за ним шла дружина с винтовками и револьверами. Далеко впереди, саженой на тридцать, шла разведка, вооруженная винтовками, и несколько бомбистов. Позади колонны шли остальные бомбисты и те, кто нес порох, дробь, динамит, пироксилин и все остальное боевое снаряжение. Дружина направлялась левой стороной реки Дона к заводу «Акса́й»»⁸.

На завод «Акса́й» пришли поздно ночью. Все оружие и боеприпасы сложили в столовой завода, оставили дежурных для охраны, а остальные разошлись по квартирам, приготовленным еще накануне.

На рассвете 21 декабря вся окрестность огласилась грохотом — это взорвались боеприпасы в столовой «Акса́й»; погибло все, что с таким

¹ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 253.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47), стр. 176—177.

⁶ «Русское богатство», 1908, № 6, стр. 103—104. Автор описания сам шел с дружиной.

⁷ Сб. «1905 год в Ростове-на-Дону», стр. 138.

⁸ Там же, стр. 187—188.

трудом доставили дружинники из Темерника, погибла охрана столовой. Причина взрыва так и осталась неизвестной. Многие участники восстания предполагают неосторожность охраны. Это событие исключало возможность дальнейшей борьбы.

Тем временем власти, ничего не зная об уходе дружинников из Темерника, готовились атаковать это поселение. Лишь в донесении от 21 декабря охранка сообщает, что она получила сведения об уходе из Темерника боевой дружины в Нахичевань¹. В этом же донесении говорится о взрыве в столовой завода «Аксай», в результате которого, по данным охранки, 10 чел. было убито и несколько ранено. В тот же день было послано донесение в Департамент полиции, в котором сообщалось, что в столовой были разрывные снаряды (бомбы), более сорока ружей и что столовая загорелась «от нечаянного взрыва бомбы»². Здесь говорится также, что в железнодорожных мастерских взято 14 ящиков патронов, более 40 пудов пороха, динамит, материалы для изготовления разрывных снарядов, два ящика прокламаций, сигнальная пушка. Арестовано было 64 человека. В более подробном докладе от 14 января 1906 г. о ходе восстания в целом охранка сообщает уже, что пороху и патронов взято 24 ящика, в различных местах найдено около десятка разрывных снарядов, взята вся переписка Совета рабочих депутатов у секретаря Совета Матвеевой, арестовано до 200 человек³.

Аресты продолжались и в последующие дни. Хватали любого рабочего, вызывавшего малейшее подозрение. Началось массовое увольнение из Главных железнодорожных мастерских — уволено было более 400 человек «неблагонадежных». Мастерские начали работать только с 18 января 1906 г.

По делу о ростовском вооруженном восстании было проведено два судебных процесса. По первому судили 45 чел., по второму — 7 чел. Среди обвиняемых были люди, никакого отношения не имевшие ни к революционному движению, ни к восстанию, как, например, некий Гончаренко. Он был оговорен одним казаком и приговорен к 15 годам каторги. По первому процессу были осуждены все 45 обвиняемых, в том числе и С. Рейзман, который был замучен в тюрьме и умер в 1906 г. Многие подолгу сидели в тюрьмах и так и умерли там, не дождавшись суда.

Были подвергнуты жестокому карам и рабочие железнодорожных станций на линии Владикавказской железной дороги. Особенно свирепо расправлялся на станции Тихорецкой жандармский офицер Мартос, о котором уже говорилось выше. Благодушие рабочих, оставивших этого свирепого палача фактически на свободе, стоило многих жертв. В числе замученных Мартосом был руководитель тихорецких большевиков, потомственный пролетарий, машинист депо Лука Чернышев. Когда восстание в Ростове было подавлено и некоторые большевики, уходя от расправы, оказались в Тихорецке, они зашли к Чернышеву, советуя ему скрыться вместе с ними. Но он отказался, заявив: «Мы, революционеры, выдвинутые своими же братьями рабочими, должны быть с ними вместе до конца и перенести все репрессии»⁴. Конечно, тов. Чернышев должен был скрыться, чтобы иметь возможность продолжать борьбу, но в приведенных его словах чувствовалась непреклонность революционера, бесстрашие его перед лицом озлобленных врагов.

¹ ГАРО, ф. 2, д. 69, л. 73.

² Там же, л. 75.

³ Там же, лл. 252—255.

⁴ «Боевые дни», стр. 93.

Погиб также на бессрочной каторге бывший участник восстания на броненосце «Потемкин» Хижняков («Бекас»), который значился там как «Семен Неизвестный». Это был отважный боец, отличавшийся природным умом, твердой выдержкой, непреклонной волей. Отважный переход дружинников из Темерника в Нахичевань был проведен под его руководством¹.

В чем же причина поражения ростовского восстания?

Эти причины — общие для всех вооруженных восстаний в декабре 1905 г. Соотношение сил в целом было еще на стороне царизма, восстание не стало одновременным в городе и деревне, не сложился еще союз пролетариата с крестьянством, не присоединились к восставшим войска. Но были местные причины, которые сводятся к следующему. Стачка в Ростове началась успешно, и в первый момент власти растерялись. Однако восставшие не воспользовались этим обстоятельством и не организовали наступления на город. В целом оборонительная тактика, несмотря на несколько наступательных операций, обрекала восстание на поражение. А тактика эта была следствием предательской политики меньшевистского Донского комитета.

Одной из основных особенностей ростовского восстания было сопротивление Донского комитета как самому восстанию, так и его активному проведению, когда оно стало фактом. Именно такая позиция Донского комитета толкнула восставших на оборону в пределах Темерника и тем самым обрекла их на поражение.

Нельзя упускать из виду также и то обстоятельство, что Ростов находился в окружении казачьего населения, среди которого революционное движение тогда было еще очень слабым. С другой стороны, власти использовали казаков, как подвижную военную силу против восставших не только в г. Ростове, но и на станциях дороги.

Имели значение и другие моменты — недостаточная подготовленность к восстанию, нехватка оружия и слабая обученность дружинников. Как и в других восстаниях, организаторы восстания не имели опыта вооруженной борьбы. Боевая дружина слабо использовала такое важное оружие, как бомбы, хотя изготовлено их было немало.

Несмотря на поражение, ростовское восстание имело огромное значение для рабочих всей страны и особенно для рабочего класса всего Юго-Востока России. Это восстание показало полную возможность победы при условии привлечения рабочими на свою сторону крестьянства и трудового казачества. Восстание еще более подняло роль ростовского пролетариата, усилило значение Ростова, как важнейшего революционного форпоста на юге России.

Поражение ростовского восстания многому научило рабочих, которые учли уроки «генеральной репетиции» 1905 г. во время победоносной пролетарской революции 1917 г. В ходе всей революции 1917 г. и гражданской войны пролетарский Ростов показал себя несокрушимым оплотом большевистской партии.

---

¹ См. некролог о нем в «Историко-революционном вестнике», 1922, № 1 (14), стр. 72—73.

Л. М. ИВАНОВ

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА 1905 г. НА УКРАИНЕ

«Октябрьская революция», как называл В. И. Ленин Всероссийскую политическую стачку 1905 г., — один из ярчайших примеров революционного натиска пролетариата на самодержавие, вовлечения самых широких народных масс в политическую борьбу.

До этого революция в стране непрерывно росла, захватывая все новые слои населения и поднимаясь на высшую ступень. Чтобы остановить революцию и задуть ее на том этапе, когда она еще не вылилась в открытое вооруженное восстание всего народа, самодержавие спешно заключило мир с Японией и обнародовало манифест 6 августа о созыве законосовещательной Думы. Эти акты, как указывал В. И. Ленин в начале октября 1905 г., явились началом «новой полосы в истории русской революции»¹, полосы, когда с полной отчетливостью выявились позиции основных классов и их отношение к революции.

По призыву большевиков, пролетариат ответил на попытку срыва революции организацией активного бойкота булыгинской Думы. Лозунг «Долой булыгинскую Думу!» прокатился по всей стране, находя широкую поддержку во всех слоях трудового народа. ««Долой Государственную думу», потому что она обман и издевательство над рабочими и крестьянами, потому что в ней соберутся враги народа — царские чиновники, помещики, купцы и фабриканты; потому что она выдумана царскими чиновниками для еще большего подавления и угнетения народа», — говорилось в листовке Одесского комитета большевиков².

Либеральная и националистическая буржуазия Украины, увидев в булыгинской Думе средство удушения революции, приложила все усилия к тому, чтобы сорвать ее бойкот. На публичных диспутах в Харькове, Екатеринославе, Киеве, Одессе и многих других городах она пыталась убедить рабочих и городские демократические слои в необходимости принятия булыгинской Думы. В начале октября известный кадет проф. Н. А. Гредескул выступил с публичной лекцией в Харьковском университете, в которой, разобрав позиции различных партий по вопросу об отношении к проектируемой Думе, признал наиболее целесообразной тактику меньшевиков. В разгар борьбы вокруг Думы на Украину неоднократно приезжали виднейшие лидеры либерализма — П. Н. Милоков и другие, восхвалявшие в докладах и лекциях булыгинскую Думу, которая, по их словам, знаменовала начало эры конституционализма.

Поднимая пролетариат на активный бойкот Думы, большевики разоблачали либеральную буржуазию и ее сделку с самодержавием и вели

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 318.

² «Красный архив», 1940, т. 5(102), стр. 85

борьбу с меньшевиками, отвергавшими бойкот Думы. В октябре 1905 г. по вопросу об отношении к булыгинской Думе большевики добились изоляции либеральной буржуазии, что определило успех тактики активного бойкота. Эта тактика была полностью поддержана пролетариатом и в значительной степени — городскими демократическими слоями, в частности демократической интеллигенцией, которой высокий избирательный ценз закрывал доступ в Думу. Недовольство булыгинской Думой выражали также широкие слои крестьянства.

Поднимая пролетариат на борьбу с самодержавием, большевики призывали рабочих готовиться к вооруженному восстанию и свержению царизма, разъясняли лозунги партии о временном революционном правительстве.

На многочисленных митингах, состоявшихся на заводах и шахтах Донбасса, в Екатеринославе, Харькове, Николаеве, Одессе, раздавались призывы большевиков о вооруженном восстании и образовании временного революционного правительства, проводились сборы денег на приобретение оружия. Выдвигая идею созыва всенародного Учредительного собрания, украинские большевики говорили рабочим: «Пока живо царское правительство, пока не сломлена сила царских чиновников, грабящих и избивающих народ,— до тех пор созвать такое Учредительное собрание невозможно. Поэтому прежде всего нужно свергнуть царское самодержавие и заменить его Временным революционным правительством, которое только и может созвать свободно избранное всенародное Учредительное собрание.

Итак: Долой самодержавие!, Да здравствует Временное революционное правительство! ¹.

Большевики от имени рабочих заявляли, что они не допустят созыва Государственной думы и приложат все силы к ее срыву: «Мы помешаем правительству и имущим классам устроить Государственную думу. Мы будем убеждать всех отказываться от выборов в Думу, мы будем разгонять избирательные собрания, постараемся помешать им, постараемся разогнать самую Думу. Мы везде и всюду будем клеймить кличкой народных предателей всех, кто примет участие в выборах. В день выборов мы устроим всеобщую забастовку рабочих и с оружием в руках будем препятствовать выборам. Не останавливаясь ни на шаг, не покладая рук, мы будем вооружаться, объединяться, мы будем вести нашу борьбу до тех пор, пока не победим окончательно».

Работе большевиков, направленной на развитие революции, всюду мешали меньшевики, предававшие интересы пролетариата. 21—24 августа 1905 г. в Киеве состоялась меньшевистская конференция, на которой присутствовали делегаты от меньшевиков Одессы, Харькова, Киева, Бердичева, Чернигова, Полтавы и других городов, а также от «Спілки». Эта конференция, по замыслу ее организаторов, должна была сплотить меньшевистские организации и противопоставить их большевикам. В принятой резолюции о Думе не было ни слова о бойкоте, а, наоборот, выдвигалась как центральная мысль идея «давления» на будущую Думу.

Эта резолюция была подвергнута В. И. Лениным уничтожающей критике в его статье «Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания» ². Показывая всю глубину политического падения меньшевиков, В. И. Ленин в другом месте писал: ««Искра» осталась *объединенной*, не в силу договора, а

¹ ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., инв. № 1825

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 327—343.

в силу хода вещей, с «Освобождением». В нелегальной печати за активный бойкот встали революционные социал-демократы и крайняя левая революционной буржуазной демократии. Против бойкота встали оппортунистические социал-демократы и крайняя правая буржуазной демократии»¹.

Украинским большевикам приходилось вести борьбу также с бундовцами, имевшими особенно разветвленную сеть своих организаций на Правобережной Украине. Бунд, как и меньшевики, был против вооруженного восстания, выступал против лозунга временного революционного правительства. Правда, на конференции социал-демократических организаций в сентябре 1905 г. Бунд склонялся к лозунгу бойкота. Но после конференции Бунд, как и РУП (Революционная украинская партия, с конца 1905 г.— УСДРП), делегат которого присутствовал на этой конференции и не возражал против бойкота, искажал и извращал лозунг активного бойкота, снижая его до пассивного отстранения от выборов.

Огромное значение для развития революционной борьбы осенью 1905 г. на Украине имело то обстоятельство, что к этому времени большевистские организации уже окрепли и накопили большой опыт революционной борьбы и работы в массах.

Неоценимое значение для большевиков Украины имело и то, что почти все крупные комитеты с самого начала революции непосредственно были связаны с В. И. Лениным, получая от него советы и указания.

Большевистские комитеты Екатеринослава, Одессы, Николаева, Луганска проявляли большую активность, и их влияние, особенно Екатеринославского, Одесского и Луганского комитетов, выходило далеко за пределы этих городов. После III съезда партии укреплявшая большевистская группа «Вперед» в Харькове, руководящую роль в которой играл Артем (Ф. Сергеев), получила права комитета.

Большевики Украины поставили перед собой задачу создать крепкую партийную организацию в Донбассе. Екатеринославский и Луганский комитеты еще в мае 1905 г. начали работу по организации Рудничного союза. Влияние меньшевистского Донецкого союза среди металлистов Донбасса падало с каждым днем. Сложнее дело обстояло на шахтах и рудниках, в силу непостоянного состава рабочих, часть которых была связана с землей. Но и среди этой отсталой прослойки донецких рабочих росло влияние большевиков. На заводах и шахтах стали появляться большевистские организации. Одной из самых деятельных организаций была большевистская группа на Петровском заводе в Енакиеве. Возникли большевистские организации в Гришине, Горловке и на ряде железнодорожных станций, укреплялись большевистские группы и организации на шахтах Донбасса и Криворожья.

Наиболее мощной большевистской организацией в Донбассе был Луганский комитет, руководивший также революционным движением рабочих окрестных заводов и шахт. После неудачной июльской забастовки и последовавшего ареста К. Е. Ворошилова и других руководителей ослабевшая вначале работа осенью вновь оживает. Расширилась под руководством комитета деятельность делегатского собрания, возникшего на паровозостроительном заводе после успешно проведенной забастовки в феврале 1905 г.

Луганские рабочие дали отпор меньшевикам, которые пытались захватить партийную организацию в свои руки. Об этом рабочие сообщали

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 371.

19 сентября 1905 г. В. И. Ленину¹. Меншевикам удалось привлечь к себе лишь некоторых рабочих мелких заводов и мастерских, но на паровозостроительном заводе они успеха не имели. На состоявшемся собрании рабочих организаторов в сентябре 1905 г. все они высказались против объединения с меньшевиками, признавая возможным только соглашения по совместному проведению митингов, массовок и т. д.

Помимо общегородского комитета, в Луганске существовали комитеты на паровозостроительном и патронном заводах, в железнодорожных мастерских и в самом городе. Эти комитеты осенью 1905 г. были укреплены; возобновились занятия кружков, часто проводились митинги. Комитет держал рабочих в курсе партийной жизни. Так, например, 17 сентября на собрании организованных рабочих был сделан доклад «О III съезде, о наших разногласиях с меньшинством»; были сделаны и другие доклады. В связи с ростом партийной работы и тяги рабочих к политическому просвещению, Луганский комитет испытывал недостаток в пропагандистах². К. Е. Ворошилов, говоря о деятельности Луганского комитета за последние месяцы 1905 г., отмечал, что «большевистская организация быстро окрепла и выросла, впитав в себя все лучшие элементы пролетариата»³.

В Одесской организации, наряду с общегородским комитетом, обладавшим уставными правами, т. е. правом посылки делегата на общероссийские съезды и конференции партии, существовало еще три районных комитета: Дальнический, Пересыпский и Городской, делившихся, в свою очередь, на подрайоны: Дальнический — на четыре подрайона, Городской — на пять⁴. Районы и подрайоны возглавлялись комитетами в составе 3—5 чел. Такая структура в условиях Одессы была наиболее целесообразной, позволяя охватывать партийным влиянием все заводы и фабрики и быстрее откликаться на все события. В других городах с крупными предприятиями (как, например, в Екатеринославе) структура была несколько иной: вместо районов и подрайонов существовали комитеты на отдельных заводах.

Одесский комитет вел короткие протоколы своих заседаний, которые посылались В. И. Ленину; свои резолюции комитет печатал, и с ними знакомились все активные работники организации⁵. Решения комитетов доводились до сведения районных и подрайонных комитетов и в случае важности вопросов проводилось их обсуждение и голосование. Комитетом были приняты резолюции о Государственной думе, профсоюзах, об отношении к крестьянскому движению и другие⁶. Из них резолюция о Государственной думе была обсуждена на всех подрайонных комитетах, где получила всеобщую поддержку.

Эта резолюция, исходя из плана В. И. Ленина об активном бойкоте, предлагала «сосредоточить агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство». Резолюция говорила о том, что агитационная кампания по разоблачению Думы должна вестись как среди рабочих, так и среди крестьян; крестьянам надо пояснять, что Дума является грубой подделкой народного представительства, что крестьяне должны решительно отказаться от выборов и «активно противодействовать всем попыт-

¹ «Пролетарская революция», 1926, № 4/51, стр. 43—44.

² Там же, стр. 44.

³ К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 630.

⁴ «Пролетарская революция», 1925, № 12/47, стр. 55—57.

⁵ Там же, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 52—57.

кам насильственно созвать волостные избирательные собрания». Эта борьба против булыгинской Думы, указывалось в резолюции, должна идти одновременно с разоблачением «вредных и затемняющих классовое самосознание пролетариата планов «Искры» и ее последователей (план кавказских меньшевиков, план, выработанный южной конференцией меньшинства)...»¹

Одесская большевистская организация охватывала своим влиянием огромный прилегающий район. Крепи связи с другими городами, прежде всего с Николаевом, Херсоном, Елисаветградом и Вознесенском.

В сентябре 1905 г. Одесский комитет принял специальную резолюцию о профсоюзах и переслал ее В. И. Ленину. Исправляя целый ряд допущенных неправильностей в понимании задач профессионального движения, В. И. Ленин вместе с тем поддержал инициативу Одесского комитета, подчеркивая важность работы революционной социал-демократии в профсоюзах². Опираясь на это указание В. И. Ленина, большевики развернули большую работу по созданию профсоюзов и участию в их работе.

В Николаеве большевики имели прочные позиции в заводском районе, особенно на судостроительном заводе. Большевистские организации и группы существовали в порту, на ракетном заводе, на заводе Донских, в Городском районе. Организаторы этих групп отчитывались в своей работе перед комитетом, который направлял их деятельность. Работа настолько разрослась, что стал необходимым созыв конференций. Помимо майской конференции, на которой был заслушан доклад об итогах III съезда партии, были проведены конференции в июле (в связи с всеобщей забастовкой) и в ноябре.

Большевистские организации росли, их влияние все глубже проникало в толщу рабочих масс. В Александровске по вопросу о бойкоте булыгинской Думы и вооруженном восстании большевики повели за собой рабочих, и под их влиянием комитет высказался за бойкот. Победили большевики и по вопросу о временном революционном правительстве и участии в нем социал-демократов, несмотря на приезд представителей меньшевистского центра. Рабочие на собраниях решительно высказались за большевистскую точку зрения. Рабочие Киева осуждали меньшевистский комитет за бездеятельность и соглашательство с либеральной буржуазией и искали связи с большевиками. Опираясь на это сочувствие рабочих, немногочисленная группа большевиков Киева добилась их поддержки бойкота булыгинской Думы и позднее, в период существования «Шулявской республики», оказывала влияние на работу Совета.

Большевистские организации на Украине были в большинстве пролетарскими по своему составу. В Луганске из 2000 членов партии подавляющее большинство составляли рабочие паровозостроительного и патронного заводов, железнодорожных мастерских и других предприятий.

¹ «Пролетарская революция», 1925, № 12/47, стр. 52—55; см. также «Пролетарий», 1905, № 21. Верно отражая в целом установку В. И. Ленина, эта резолюция в ряде мест давала неправильные советы. Так, например, она говорила, обращаясь к крестьянам, что выборные собрания необходимо разгонять силой. Между тем, В. И. Ленин по поводу подобного же совета ЦК писал: «Одно из двух: или нет условий для применения силы в серьезных размерах, — тогда ограничиваться агитацией, речами, стачками, демонстрациями, убеждая выборщиков, отнюдь не «разгоняя» их. Или есть условия для применения силы в серьезных размерах — тогда надо направлять эту силу не против выборщиков, а против полиции и правительства. Тогда боритесь за восстание» (Ленинский сборник, т. V, стр. 500).

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 306—310.

В Одессе большевистская организация к октябрю 1905 г. выросла до 350 чел., из них только 15 было интеллигентов, использовавшихся главным образом в качестве пропагандистов. Рабочие занимали ведущее место в руководящих органах — районных и подрайонных комитетах¹. Так же обстояло дело и в других рабочих районах.

Укрепление большевистских организаций имело огромное значение в деле успешной подготовки и проведения Октябрьской политической стачки.

Предвестником нового подъема революции на Украине явились проходившие в ряде мест в сентябре — начале октября забастовки и митинги. В Екатеринославе 3 сентября забастовали рабочие машиностроительного завода быв. Эзау, добивавшиеся разрешения на организацию «выборной комиссии» из рабочих². Стачка затянулась до 23 сентября, когда администрация, не желая уступать, закрыла завод. При возобновлении работы 27 сентября многие рабочие не были приняты обратно и заменены другими. 5 сентября забастовали рабочие депо Юго-Восточных железных дорог в Харькове, поддержанные позднее рабочими паровозостроительного завода. С 12 по 15 сентября проходила забастовка на чугунолитейном заводе Трепке; 20 сентября она вспыхнула вновь. Прошли также забастовки на металлоткацкой фабрике, механическом заводе Закржевского, заводе Игнатьевых и др.³

В Донбассе 1 октября в ответ на объявление о снижении заработной платы на 10—15%⁴ объявили забастовку рабочие Рутченковского каменноугольного т-ва и Лидиевского рудника Днепропетровского завода. В Одессе в сентябре прошла длительная забастовка на чаеразвесочной фабрике Высоцкого, охватившая около 400 рабочих, из которых основной контингент составляли женщины.

В это же время прошли забастовки на ряде сахарных заводов. 19 сентября рабочие Мезенковского сахарного завода в Сумском уезде потребовали введения третьей смены, то есть сокращения рабочего дня с 12 до 8 часов⁵. 24 сентября началась забастовка 1300 рабочих Киевского сахарорафинадного завода в Демиевке⁶. В Подольской губернии забастовки имели место на Войтовецком, Проскуровском и Джурином сахарных заводах. Главным требованием забастовавших было повышение заработной платы.

Следует отметить, что большинство этих забастовок были кратковременными и не вылились в массовые выступления. Рабочие крупных заводов, истощенные тяжелыми и длительными летними боями, еще находились в стадии накопления новых сил; выступления на мелких заводах были как бы пробой сил перед новой схваткой. Характерна в этом отношении определенность требований бастовавших рабочих. Если во время весенних экономических стачек рабочие, наряду с требованиями сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, выставляли десятки мелких требований, то теперь они добивались 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, создания рабочей комиссии для разбора конфликтов и установления расценок, оплаты забастовочных дней и неприкосновенности рабочих во время забастовок. Забастовки проходили в обстановке повышенного общественного настроения, когда повсеме-

¹ «Пролетарская революция», 1925, № 12/47, стр. 64.

² ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 4, ч. 17, т. IV, л. 53.

³ Там же, ч. 53, лл. 134, 135, 133, 139 и др.; ЦГИА УССР, ф. Харьковск. охр. отд. (ХОО), 1905, д. 102, лл. 117, 120, 127, 135 и др.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 4, ч. 17, т. IV, л. 65.

⁵ Там же, ч. 24, лл. 125, 129.

⁶ Там же, ч. 53, л. 153.

стно, особенно в городах, проходили митинги, собрания, сходки рабочих под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой Государственную думу!».

Рабочие использовали для борьбы с самодержавием и университетскую автономию. «В общей системе самодержавно-крепостнического гнета,— писал В. И. Ленин по этому поводу,— была пробита, таким образом, маленькая брешь. И в эту брешь сейчас же устремились с неожиданной силой новые революционные потоки»¹. Вопреки планам правительства и намерениям профессуры, рассчитывавших автономией отгородиться от улицы и революционных событий, аудитории университетов и высших учебных заведений Екатеринослава, Харькова, Одессы, Киева в сентябре—октябре заполнились рабочими, а студенческие митинги превратились в народные собрания, на которых представители большевистских организаций выступали против либералов и меньшевиков, отстаивая тактику бойкота булыгинской Думы и основные революционные лозунги.

В сентябре в Киевском университете на сходке присутствовало до 3 тыс. рабочих. В Харькове 11 сентября на заседании юридического общества был зачитан доклад М. Ковалевского о законе 6 августа, собравший массу народа, в том числе и рабочих, и закончившийся демонстрацией на Сумской улице. 12 сентября в Харьковском университете состоялась многочисленная сходка студентов, а 29 сентября там вновь прошел огромный митинг рабочих и студентов. В Екатеринославе 27 и 28 сентября в помещении Высшего горного училища состоялись митинги студентов в присутствии многих рабочих. Особенно много рабочих стало проникать в стены учебных заведений с первых дней октября, в связи с началом новой волны забастовочного движения. На этих митингах студенты, протестуя против реакционной политики Министерства народного просвещения, выносили решения не начинать занятий и продолжать борьбу за демократические свободы. В среде студенчества шел процесс политического расслоения. Часть студенчества приняла близкое участие в революционных событиях, в демонстрациях и баррикадных столкновениях во время октябрьской политической забастовки. Реакционная профессура и черносотенное студенчество — белоподкладочники — стали организовываться для борьбы с революцией в союзы академистов, поддерживаемых властями и полицией.

В движение вовлекались и учащиеся средних учебных заведений. В сентябре в гимназиях и реальных училищах Харькова, Киева, Одессы, Екатеринослава и других городов имели место забастовки учащихся, отказ их от продолжения занятий с требованием изменения программы преподавания, допуска ученических организаций, разрешения собраний и т. д.

Общий подъем революционного движения в стране вызвал массовое движение украинского народа против национального гнета. Эта борьба окрепла и усилилась к осени 1905 г. Рабочие и крестьяне Украины одновременно с требованием 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьей земли, политических свобод, требовали отмены всех законов, направленных против украинского языка и культуры.

Украинское национально-освободительное движение достигло значительного размаха и силы, захватило широкие слои украинского народа. Это было демократическое движение, направленное против всей системы полицейско-самодержавного строя. Национальный гнет и ущемление

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 346—347.

национальных прав царизмом являлись величайшим злом и препятствием для интернационального сплочения рабочих и укрепления дружбы народов в их борьбе за свое освобождение. В уничтожении национального гнета был равно заинтересован как русский, так и украинский пролетариат; и тот и другой являлись подлинными выразителями социальных и национальных интересов угнетенного народа.

Украинская буржуазия, на словах выступая против национального угнетения, старалась всеми способами подчинить народ своим интересам и противопоставить его другим народам. Это была программа срыва революции и натравливания одного народа на другой. С самого начала революции украинские националисты пытались нащупать почву для соглашения с русскими либералами, выступая на съездах земцев и других буржуазно-либеральных организаций.

В октябре 1905 г. рабочие Москвы и Петербурга подали пример остальным городам и промышленным центрам. Начавшаяся Всероссийская политическая забастовка послужила вдохновляющим примером для рабочих Украины. Уже 10 октября забастовка на Украине приняла всеобщий характер. Бастовали рабочие Екатеринослава, Харькова, Николаева, Одессы, Киева и многих других городов. Остро протекала забастовка в Донбассе. Рабочие, остановив движение по железной дороге и захватив ее в свои руки, стали рассылать делегации по заводам и станциям, призывая к общей мобилизации сил. В. И. Ленин по поводу октябрьских событий писал: «Восстание разгоралось. Кровь лилась уже во всех концах России. Народ бился на баррикадах от Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири»¹.

Движение захватило и демократические слои.

В дни октябрьской забастовки в Харькове, Екатеринославе, Одессе вместе с рабочими в дружинах и отрядах самообороны на баррикадах сражалась революционная часть студенчества и интеллигенции.

Революционное движение перекинулось и в деревню. Обращаясь к рабочим и крестьянам, большевики призывали вооруженным восстанием в городах, посадах и местечках, в селах и деревнях завоевать необходимые свободы².

В Екатеринославе накануне всеобщей забастовки почти ежедневно на улицах города и на заводах проходили митинги, сходки и демонстрации. 29 сентября на митинг около Высшего горного училища собралось до трех тысяч человек. Митинг проходил при непрекращающихся криках «Долой самодержавие!» Такие же митинги и уличные демонстрации в разных частях города прошли 1 и 6 октября³. В обстановке ежедневных митингов и столкновений с полицией, пытавшейся не допустить занятия улиц народом, 10 октября вспыхнула забастовка, сразу охватившая все предприятия города и трамвай. В этот же день начались столкновения с войсками.

На другой день, 11 октября, на Брянской площади собрались рабочие всего заводского Екатеринослава. Сюда же на поездах прибыли рабочие из Нижнеднепровска. На призывы ораторов-большевиков к вооруженному восстанию рабочие отвечали громовыми возгласами: «Да здравствует республика!» К площади из разных пунктов стали стягиваться войска и казаки. Уже пролилась кровь на Пушкинской, Кудашевской и других улицах. Рабочие бросились строить баррикады, им помогали

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 397.

² «Революція 1905—1907 років на Україні», Київ, 1949, стр. 137.

³ «Красный архив», 1935, т. 6 (73), стр. 97, 99—100.

женщины и подростки. Спиливали столбы, таскали камни, рельсы, шпалы с строящейся линии трамвая. Перед баррикадами были вырыты рвы и протянута проволока. Так выросли баррикады на Чечелевских улицах. Их защищали рабочие екатеринославских заводов. Войска повели против баррикад настоящую осаду. Пехота вела наступление, а казаки охраняли ее фланги и тыл от неожиданных нападений рабочих из переулков и улиц. К трем часам дня пала первая баррикада. Но рабочие не сдавались. С крыши одного из домов была брошена одна бомба в солдат, другая — в казаков. Прячась на крышах, за заборами, дружинники отстреливались от нападавших войск. Только к вечеру, когда уже стемнело, была занята последняя баррикада на 1-й Чечелевской улице¹.

Одновременно происходили столкновения в других частях города. На главном проспекте, против здания Окружного суда, баррикада была воздвигнута из решеток бульвара и камней. Защитники ее, главным образом учащиеся, оказали сопротивление полиции и пехоте, отбиваясь камнями и стрельбой из револьверов. Солдаты дали два залпа. Толпа дрогнула, оставив на месте убитых и раненых². На Широкой улице собралось до 10 тыс. человек, направившихся отсюда на Брянскую площадь, чтобы соединиться там с остальными рабочими. На Военной улице путь им преградил отряд казаков, но рабочие продолжали продвигаться вперед. Тогда последовали залпы, и рабочие рассеялись, захватив своих убитых и раненых³.

Сопротивление было оказано рабочими и около депо станции Екатеринослав. Рабочие поселка Амур пытались оказать помощь рабочим, сражавшимся в городе, но мост через Днепр был занят войсками и только немногим удалось перебраться через реку на помощь бойцам, бившимся на баррикадах.

Поражение в открытом бою не сломило рабочих. Забастовка продолжалась с прежним упорством, и когда был объявлен манифест 17 октября, рабочие на многочисленных митингах и шествиях заявили, что подлинной свободы можно добиться не манифестом, а вооруженным восстанием⁴.

В Донбассе остановилось все железнодорожное движение. 10 октября на станциях проходили многочисленные митинги, на которых присутствовали не только железнодорожники, но и рабочие близлежащих рудников и шахт. Большие митинги проходили также на рудниках.

С началом октябрьской стачки революционное движение в Донбассе резко усилилось. В Юзовке рабочие вечером 7 октября устроили шествие с красным флагом. В этот же день разразилась всеобщая забастовка в Александровске, начатая рабочими железнодорожных мастерских. 13 октября началась забастовка на Дебальцевском механическом и Днепровском металлургическом заводах. Рабочие Днепровского завода, бросив работу, двинулись с красным флагом в с. Каменское, чтобы соединиться там с местными рабочими, но были встречены полицией и отеснены. 15 октября выступили рабочие Никополь-Мариупольского завода. Их попытка присоединить к забастовке рабочих завода «Русский Провиданс» кончилась безуспешно из-за противодействия полиции⁵.

В Харькове, начиная с первых дней октября, почти ежедневно проходили митинги, центром которых были паровозостроительный завод и завод

¹ «Право», 1905, № 45—46. Приложение, стб. 23, 45—46.

² «Красный архив», 1935, т. 6 (73), стр. 113.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 107.

⁵ ЦГИАМ, ф. ДП, 4 дел-во, 1905 г., д. 4, ч. 17, т. IV, лл. 64, 71, 77.

сельскохозяйственных машин Гельферих-Саде. 1 октября на митингах в технологическом институте и на паровозостроительном заводе, куда собрались также рабочие соседних предприятий — металлоткацкой фабрики Шпара, механических заводов Закржевского, Игнатьевых и др., рабочие поддержали лозунг большевиков о бойкоте булыгинской Думы, встретив его возгласами: «Долой самодержавие, да здравствует Учредительное собрание!»¹ 6 октября состоялся митинг на заводе Гельферих-Саде, 8 октября — на паровозостроительном заводе. Главной темой выступлений был вопрос о бойкоте Думы и свержении самодержавия².

Октябрьская стачка в Харькове началась 4 октября забастовкой рабочих железнодорожных мастерских и конки. Ее организаторами явились рабочие паровозостроительного завода. Бастующие выставили экономические требования. Это был необходимый этап в деле подготовки к всеобщей забастовке: надо было привлечь к борьбе менее сознательных рабочих, удельный вес которых в железнодорожных мастерских и на конке был весьма значительным. Железнодорожники потребовали разрешения рабочих собраний, возвращения расписок о неучастии в забастовках, повышения оплаты труда и др. Требования рабочих конки сводились главным образом к введению двухсменной работы на линиях, 9-часового дня в депо и повышения оплаты всем категориям рабочих и служащих³. На другой день забастовали фабрики Жоржа Бормана, а 6 октября — Мельгозе⁴.

9 октября ветером в Харькове началась забастовка на станциях Курско-Харьковской и Харьковско-Николаевской железных дорог⁵. 10 октября забастовал паровозостроительный завод. Это было самое крупное предприятие в городе, на котором работало около 3,5 тыс. рабочих (всего рабочих в Харькове было 12—13 тыс.). Гудок на заводе, возвестивший о начавшейся забастовке, послужил сигналом к прекращению работы на всех предприятиях города. После этого состоялся короткий митинг рабочих паровозостроительного завода и прилегающих к нему предприятий. Отсюда масса рабочих в несколько тысяч человек направилась к железнодорожным мастерским. По дороге демонстранты снимали рабочих мастерских и заводов, замешкавшихся с объявлением забастовки; на более отдаленные предприятия направлялись для этой цели специально выделенные группы. Масса росла и, после того как к ней присоединились рабочие железнодорожных мастерских и канатной фабрики, достигла 10—12 тыс. чел. Было устроено несколько импровизированных трибун, с которых выступали ораторы, призывавшие харьковских рабочих включиться во всеобщую политическую забастовку. Провокаторы пытались внести панику криками «казаки!», но безуспешно. Рабочие постановили начать всеобщую политическую стачку, не выставляя экономических требований⁶.

После этого рабочие организованно направились в город. При повороте на Чеботаревскую улицу на голову колонны налетели казаки. Шедшие во главе дружинники не растерялись и встретили казаков выстрелами из револьверов. Казаки отступили, рабочие двинулись дальше по Екатеринославской улице. Путь через мост был прегражден драгунами,

¹ ЦГИА УССР, ф. ХОО, 1905 г., д. 102, лл. 156—159.

² Там же, лл. 168, 176.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, 4 дел-во, 1905 г., д. 4, ч. 53, лл. 153—156.

⁴ ЦГИА УССР, ф. Харьковского губ. жанд. упр. (ХГЖУ), 1905 г., д. 80, л. 124.

⁵ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 4, ч. 53, л. 157.

⁶ «Новая жизнь», 1905, № 2.

открывшими по демонстрантам стрельбу залпами. Дружинники залегли за опрокинутыми вагонами и открыли ответный огонь. Часть рабочих бросилась к оружейному магазину и, захватив имевшиеся там охотничьи ружья и револьверы, присоединилась к дружинникам. Под напором дружинников и вооруженных рабочих солдаты отступили, а рабочие разошлись по домам. Столкновения с войсками в этот же день происходили и в других частях города.

На следующий день в центре, около университета, стали возникать баррикады. Прилежавшие улицы заваливались спиленными телефонными столбами, а окна и двери университета закладывались кирпичами и поленьями. В кольце баррикад оказались Соборная площадь, университет и часть Университетской улицы. В нескольких местах развевались красные знамена. Против рабочих власти направили черносотенцев, которые намеревались прервать сообщение между центром города и фабричным районом. С баррикад было дано знать об этом на паровозостроительный завод, где с утра собрались рабочие всего района.

Опыт столкновений 10 октября был учтен большевиками. Они призвали всех, кто овладел оружием, влиться в дружины. Призыв был услышан, и как только было получено известие о движении черносотенцев, несколько сот рабочих, вооруженных ружьями и револьверами, во главе с 60—70 дружинниками ускоренным шагом направились к университету. На Павловской площади их встретили черносотенцы. Вооруженные дубинами и револьверами, они бросились на рабочих, но получили от дружинников такой отпор, что разбежались, бросая по пути хоругви и царские портреты.

С приходом заводских рабочих постройка баррикад пошла быстрее. Окружающие улицы были запружены народом, который помогал строить баррикады, предупреждая рабочих о передвижениях полиции и войск. Для руководства постройкой баррикад и предстоящей борьбой против войск из представителей различных партий был создан боевой коалиционный комитет, в котором большевики стали руководителями всей борьбы. Оружия не хватало; к району университета стягивались войска. Ввиду этого решено было сделать вылазку для пополнения запаса оружия и охраны рабочих на окраинах, куда, по слухам, направились черная сотня. Один отряд дружинников захватил оружейный магазин на Николаевской площади. Заметив дружинников, два взвода казаков и драгун с шашками наголо налетели на рабочих, а рота пехоты дала залп. На месте осталось 89 человек, из которых было убито и умерло от ран 13¹. Все же рабочим удалось унести оружие на баррикады². Было ясно, что предстоит ожесточенная борьба. Защитники баррикад, состоявшие в основном из рабочих паровозостроительного завода и железнодорожных мастерских, посменно дежурили на баррикадах; другие производили дополнительные укрепления. Сандружинницы готовились к приему раненых. По сведениям «Новой жизни», видимо преувеличенным, защитники баррикад имели 250 ружей и 120 револьверов³.

Либеральная буржуазия города при первых же выстрелах и известиях о сооружении баррикад поспешила создать так называемый «Комитет общественной безопасности», который взял на себя роль посредника между восставшими и властями. Без ведома восставших комитет начал

¹ «Революція 1905—1907 років на Україні», стр. 201—202.

² Всего за 11—12 октября рабочим удалось забрать оружие в четырех магазинах. См. «Из истории рабочего движения на Украине» — «Красный архив», 1940, т. 5 (102) стр. 90.

³ «Новая жизнь», 1905, № 2.

переговоры с властями о сдаче баррикад. В первую минуту губернатор обещал комитету разрешить создание милиции для охраны населения, но получив телеграмму от Трепова: «водворить порядок во что бы то ни стало; баррикады уничтожить; при сопротивлении в зданиях такие подлежат уничтожению артиллерийским огнем»¹, резко изменил фронт. Ночью баррикады были окружены войсками, открывшими огонь по защищавшим их отрядам рабочих². Один из таких отрядов, охранявший группу рабочих, уходивших домой с баррикад, был окружен драгунами. Обезоруженные рабочие были избиты. Несколько человек, пытавшихся бежать, были убиты; у одного была отрублена кисть руки.

Вина за пролитую кровь рабочих полностью падает на либералов из «Комитета общественной безопасности». Именно по их просьбе защитники баррикад отправили несколько отрядов для охраны города, но все они «попали в гнусную западню: возвратился только один отряд; остальные же были варварски истреблены»³.

12 октября утром рабочие железнодорожных мастерских и паровозостроительного завода сделали попытку пробиться к университету, но безуспешно. Весь район баррикад был плотно обложен кольцом войск⁴. Днем «Комитет общественной безопасности» передал на баррикады сообщение о том, что губернатор согласен на условия сдачи баррикад, выдвинутые осажденными: пропуск без обыска и устройство митинга на Скобелевской площади. Эти условия были выработаны после того, как эсеры и меньшевики, обладавшие большинством в боевом коалиционном комитете, против голосов большевиков согласились на ведение переговоров и сдачу баррикад. Первоначально власти предложили рабочим покинуть баррикады без всяких условий, сдавшись на милость войскам. Рабочие отказались, выдвинув указанные условия, которые, несмотря на противодействие либеральной буржуазии, были приняты.

12 октября в 12 часов дня рабочие-дружинники покинули баррикады и стройными рядами прошли на Скобелевскую площадь, где их ожидали рабочие всего города. Власти не решались на открытое нападение, опасаясь колебаний в войсках⁵.

На следующий день, 13 октября, большинство рабочих, собравшихся на митинг у паровозостроительного завода, охранявшегося отрядами дружинников, отвергло уговоры меньшевиков и тредьюнионистски настроенных руководителей «Харьковского общества взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом» прекратить борьбу и приступить к работе. Рабочие были полны решимости не допускать созыва булыгинской Думы и высказались за продолжение борьбы и привлечение солдат на свою сторону⁶. 14 октября состоялись похороны жертв баррикадной борьбы, превратившиеся в грандиозную демонстрацию рабочих.

Пример харьковских рабочих, мужественно и самоотверженно выступивших на борьбу с самодержавием и выказавших твердую решимость продолжать борьбу, несмотря на первые неудачи, оказал огромное влияние на развитие всеобщей стачки на Украине. Ему последовали рабочие железнодорожных станций и заводов Ворожбы, Славянска, Купянска, Люботина и др.⁷

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1350, ч. 64, л. 5.

² «Летопись революции», 1924, № 1 (6), стр. 246.

³ «Новая жизнь», 1905, № 2.

⁴ ЦГИА УССР, ф. ХГЖУ, 1905 г., д. 472, л. 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 37.

⁷ Там же, л. 21.

В Одессе с получением первых вестей о забастовке железнодорожников началась подготовка к выступлению. Большевистский комитет вынес решение призвать рабочих к стачке и организовать демонстрацию. 9 октября 150 рабочих-передовиков, собравшихся за городом, с пением революционных песен, под красными флагами направились в город, но были остановлены полицией на Белостокской улице. 11 октября забастовали телеграфисты ст. Одесса-главная, 12 октября — рабочие ст. Застава, 13 октября — рабочие и служащие ст. Одесса-порт, 14 октября — рабочие железнодорожных мастерских¹. В железнодорожных мастерских после начала забастовки собрались рабочие всего железнодорожного узла. Был избран стачечный комитет, в который вошли представители рабочих и железнодорожников.

14 октября забастовали учебные заведения — гимназии, реальные и коммерческие училища. Днем учащиеся средних учебных заведений вместе со студентами собрались на сходку в университете, куда пришли также забастовавшие служащие железной дороги². На другой день утром аудитории университета оказались заполненными рабочими заводов и железнодорожниками. Тут были печатники, рабочие чаеразвесочной фабрики Высоцкого, табачных фабрик (начавших забастовку в этот же день) и других предприятий. Всего собралось 6—7 тыс. чел. Выступавшие ораторы-рабочие призывали устроить 17 октября демонстрацию и организовать самооборону. Здесь же производился сбор денег на вооружение рабочих. После перерыва митинг вечером возобновился. Количество собравшихся увеличилось до 10 тыс. чел.³

16 октября, в воскресенье, рабочие вновь стали собираться к университету, но он оказался окруженным войсками. В этот же день стала известна телеграмма начальника Юго-Западных железных дорог Хижнякова, предупреждавшая забастовавших рабочих и служащих, что железные дороги находятся на военном положении и, следовательно, участники забастовки будут караться по военным законам⁴. Ответом на эту телеграмму была листовка комитета РСДРП, в которой говорилось: «Хижняков грозит, что вы будете рассчитаны... Он не понимает, что расправа уже началась — расправа народа со своими врагами. Мы рассчитаем очень скоро всю царскую сволочь, вместе с царем. Мы рассчитываемся с нашими врагами и угнетателями». Заканчивалась листовка призывом «Вооружайтесь!»⁵.

Весь день на улицах Одессы происходили столкновения с войсками и полицией. На Ришельевской, Преображенской, Греческой, на углу Тираспольской и Преображенской, на углу Кузнецкой и Успенской, на углу Б. Арнаутской и Мещанской улиц и в других местах были воздвигнуты баррикады. На Дерибасовской улице рабочие взломали оружейный магазин, захватив несколько ящиков с револьверами и около 60 охотничьих ружей. На Преображенской улице в полицию из-за баррикад был открыт огонь. Стоявшая поблизости рота солдат дала два залпа по толпе. Стрельба шла во многих частях города. В этот день четыре рабочих было убито и 41 ранен (из них шесть человек умерло от ран)⁶.

Борьба рабочих не была планомерной и не руководилась из единого центра. Это были действия передовых отрядов без определенного плана,

¹ ЦГИА УССР, ф. Одесск. охр. отд. (ООО), 1905 г., д. 219, лл. 24, 27, 28, 37.

² ЦГИА УССР, ф. Одесск. губ. жандармск. упр. (ОГЖУ), д. 1565, лл. 157, 173.

³ Там же.

⁴ ЦГИА УССР, ф. ООО, 1905 г., д. 219, л. 108.

⁵ Там же, л. 109.

⁶ ЦГИА УССР, ОГЖУ, 1905 г., д. 1565, лл. 158—160.

возникавшие по мере потребности, тут же на месте. Защитники той или иной баррикады, оказав сопротивление, покидали ее и, сосредоточившись в другом месте, возводили новые баррикады. Большевистский комитет, подводя итоги первого дня борьбы, в листовке «Ко всем гражданам» писал: «Вчера был первый день открытой борьбы... Но не забывайте, граждане, что это только первый день... казаки и полиция могут одерживать победы лишь на отдельных улицах, но не могут победить всего народа». «Пусть,— говорилось далее в листовке,— подымутся и восстанут все, кто еще не восстал, пусть подымется весь народ. Восставший народ непобедим. Не забывайте, что солдаты уже братаются с народом: еще несколько дней борьбы — и они начнут вместе с нами сражаться против самодержавия». Далее листовка выдвигала хорошо продуманный и разработанный план восстания: 1) остановить все фабрики, заводы, мастерские, торговые заведения, прекратить освещение; 2) послать своих людей во все окружающие деревни, чтобы поднять и там восстание; 3) всеми средствами проникать к солдатам, звать их на свою сторону; 4) всеми средствами и путями добывать оружие и собирать деньги для этой цели; 5) подготовить ломы, лопаты, проволоку для устройства баррикад, выбрать места для их постройки; 6) собираться на митинги, требовать открытия для этой цели всех общественных зданий¹.

На другой день забастовка охватила всех рабочих Одессы. Состоялись многочисленные митинги и большая демонстрация.

В Николаеве забастовка железнодорожников началась, как и везде, 10 октября, но городские рабочие присоединились к ней позднее. 17 октября стал судостроительный завод, за ним — Черноморский.

Киев был единственным городом Украины, где борьба ограничилась одной только забастовкой. Несмотря на то, что Киевский комитет РСДРП находился в руках меньшевиков, широкое стачечное движение развернулось и здесь. Киев не был тогда промышленным центром. Это был административный центр огромного края с большой прослойкой чиновничества, торговый город с многочисленными банками и кредитными учреждениями, а также учебный центр с большим количеством интеллигенции. В Киеве имелось большое количество мелких торгово-промышленных заведений и мастерских, лавок и т. п. Рабочее население города, несмотря на наличие нескольких крупных предприятий (Южно-русский завод, «Гретер и Криванек», железнодорожные мастерские), составляло не большой процент.

Однако с развитием революции большевистское влияние в рабочей среде росло с каждым днем. Об этом свидетельствует тот факт, что в октябрьские дни большинство рабочих, несмотря на все маневры меньшевиков, решительно выступало против булыгинской Думы. На рабочих митингах побеждала точка зрения бойкота Думы, и большевики неизменно оказывались руководителями этих митингов.

Начавшиеся 9 сентября сходки студентов Киевского университета, как и повсюду, превратились в народные митинги. Превращение студенческих сходок в массовые митинги сопровождалось острой борьбой в среде самого студенчества. Киевский университет являлся одним из привилегированных университетов. Главный контингент студентов составляли здесь дворянские сынки, дети чиновников и зажиточных слоев. Несколько более демократическим был состав студентов Политехнического института, но и в нем преобладали помещичье-буржуазные элементы. Большинство студентов университета и института было за продолжение занятий и лишь

¹ «Революція 1905—1907 років на Україні», стр. 228—229.

меньшинство — за допуск в здание «посторонней публики», то есть рабочих, и за проведение митингов¹. Эта борьба шла в течение всего сентября, и вопрос был решен не студентами, а рабочими, которые стали являться в аудитории, превращая студенческие сходки в народные митинги. Уже 9 сентября на митинге в Политехническом институте присутствовало до тысячи рабочих Шулявского района, 23 сентября в университет явилось до 5 тыс. чел., большинство которых состояло из так называемых «посторонних»².

Если еще 30 сентября студенты университета в присутствии нескольких тысяч «посторонних» спорили о том, начинать ли занятия, допускать ли «посторонних» в аудитории, то с развитием всероссийской стачки с этими спорами было покончено. 3 октября в Политехническом институте состоялся политический митинг, на котором присутствовало до 1500 рабочих. На митинге было решено собраться вновь, пригласив как можно больше народа. На митинге 5 октября присутствовало уже 2 тыс. чел. Главной темой всех речей был вопрос о борьбе с булыгинской Думой; тут же шел сбор средств на вооружение дружины³. 9 октября на митинг в университете собралась огромная масса народа со всех концов города. Выступавшие на нем большевики выдвинули лозунг бойкота булыгинской Думы.

10 октября начались стачки. Первыми забастовали рабочие железнодорожных мастерских и станции Киев-II⁴. На следующий день забастовали служащие Управления Юго-Западных железных дорог⁵. Этой стачкой руководил большевик Г. М. Кржижановский. 13 октября прекратили работу рабочие Южно-русского завода. С этого момента митинги в университете происходили непрерывно в течение нескольких дней. 12 октября на митинге побывало до 10 тыс. человек, 13-го—до 15 тыс. человек. Больше всего на этих митингах было рабочих железнодорожных мастерских и Южно-русского завода⁶. Среди присутствующих были также солдаты и офицеры⁷. На митингах было решено вовлечь в забастовку все заводы, остановить занятия в учебных заведениях, прекратить торговлю. Выполнение этого решения было возложено на тут же создававшиеся специальные группы. Для охраны митингов от нападения полиции были выделены дружинники⁸.

Развитие революционного движения в Киеве, оказывавшее сильное революционизирующее влияние на весь Юго-западный край, серьезно обеспокоило правительство. По приказу Трепова, требовавшего разгона «сборищ в университете» применением «открытой силы», местная власть передала охрану города воинским властям, о чем было оповещено объявлениями, расклеенными утром 14 октября⁹. Университет был окружен нарядом войск и полиции¹⁰. После этого митинги в университете прекратились, и борьба была перенесена на улицу. Забастовка расширялась; в нее включались средние учебные заведения, рабочие табачных фабрик, лесопиль-

¹ ЦИА УССР, ф. Канц. киевск. губернатора (ККГ), секр. часть 1905 г., д. 157, лл. 10, 11, 22 и др.

² Там же, лл. 11, 26 и др.

³ Там же, лл. 40, 60.

⁴ ЦИА УССР, ф. Киевск. охр. отд. (КОО), 1905 г., д. 195, л. 26.

⁵ ЦИА УССР, ф. ККГ, секр. часть, 1905 г., д. 157, лл. 75, 81.

⁶ ЦИА УССР, ф. КОО, 1905 г., д. 195, л. 202.

⁷ ЦИА УССР, ф. ККГ, секр. часть, 1905 г., д. 157, лл. 75, 86.

⁸ ЦИА УССР, ф. киевского ген.-губернатора (КГГ), 3-е дел-во, 1905 г., д. 391, ч. 3, л. 2.

⁹ ЦИА УССР, ф. ККГ, секр. часть, 1905 г., д. 158, л. 25.

¹⁰ ЦИА УССР, ф. КГГ, 3-е дел-во, 1905 г., д. 391, ч. 3, л. 2.

ного завода и ряда мелких предприятий. 15 октября забастовали рабочие завода Гретера и Криванека и мастерские Шулявки. Газеты не выходили. Прекратилось движение трамвая.

С 14 по 18 октября улицы города были заполнены рабочими. На Владимирской улице и Крещатике неоднократно происходили столкновения с полицией. Попытки рабочих проводить митинги на улицах пресекались войсками¹.

В Полтаве забастовка железнодорожников и рабочих, к которой присоединились учащиеся, началась 11 октября². Для руководства стачкой железнодорожники избрали стачечный комитет. Забастовки имели место также в Чернигве, Крюкове, Конотопе, Золотоноше, Лубнах, Белой Церкви и многих других городах и местечках. В Житомире забастовщики 16 октября закрыли магазины, сняли рабочих мастерских, типографий, электростанции и собрались на улицах и площадях. Из толпы раздавались крики: «Долой царя, да здравствует революция!»³. Сходки на улицах состоялись также в Могилеве-Подольском. Выступающие ораторы призывали к свержению самодержавия и учреждению республики, что встречало полное сочувствие участников митингов⁴.

Октябрьская стачка привела в движение весь пролетариат Украины. Однако забастовки рабочих угольных шахт и рудников, значительная часть которых была еще тесно связана с землей, проходили менее организованно, зачастую носили экономический характер, не были столь упорными, как стачки заводских рабочих.

Бастовали также рабочие ремесленных заведений, мастерских, фабрик и заводов, находившихся в сельских местностях. Значительно усилилось движение рабочих предприятий пищевой промышленности: табачных, водочных, мукомольных и других. Слабее участвовали в октябрьской забастовке рабочие сахарных заводов, где движение развернулось только в конце октября и ноябре.

Октябрьская политическая стачка на Украине нанесла тяжелый удар по самодержавию. Экономическая жизнь страны была парализована. Транспорт не работал, заводы стояли. Екатеринославский губернатор в телеграмме на имя министра внутренних дел писал о надвигающейся катастрофе в горной промышленности юга России. Буржуазия, особенно же те ее слои, которые были связаны с Донбассом и иностранным капиталом, настаивала перед правительством на расправе с рабочими. Председатель Совета съезда горнопромышленников юга России Авдаков требовал от Трепова увеличения количества войск в Донбассе⁵.

Октябрьская политическая забастовка на Украине была одним из звеньев той борьбы, которая разгоралась по всей России. Начавшись с выступления рабочих Москвы, стачка превратилась во всероссийскую, охватив всю страну, почти всех рабочих, вплоть до самых отсталых масс. В этих условиях, чтобы не быть сметенной революцией, царь выступил с манифестом 17 октября, в котором объявлял о политических свободах и о созыве законодательной Думы.

Манифест 17 октября являлся победой революции, но такой победой, которая не дала еще решительного перевеса ни той, ни другой стороне.

Весть о манифесте дошла до Украины 18 октября. Рабочие всех городов, бросая работу, вышли на улицу, чтобы приветствовать свою победу и

¹ ЦГИА УССР, ф. КГГ, 3-е дел-во, 1905 г., д. 391, ч. 3, лл. 3—5.

² «Полтавщина», 1905, № 264.

³ ЦГИА УССР, ф. ККГ, секр. часть, 1905 г., д. 158, л. 25.

⁴ Там же, л. 112.

⁵ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 4, ч. 17, т. IV, л. 110.

потребовать осуществления обещанных прав. В Одессе, Киеве, Екатеринославе и многих других местах рабочие добились освобождения из тюрем и полицейских участков политических заключенных. В некоторых местах это приводило к столкновению с войсками и полицией. Так, в Полтаве демонстранты, получив обещание губернатора выпустить заключенных, собрались у ворот тюрьмы, но были атакованы казаками¹. То же произошло в Николаеве, где сотня казаков нагайками разогнала народ, столпившийся у городской тюрьмы в ожидании освобождения политических узников².

В Киеве, Кременчуге и ряде других мест уже первый день «свободы» закончился массовыми расстрелами. В Кременчуге, добившись освобождения арестованных, ликующие массы горожан заполнили улицы города. Около 11 часов вечера на Екатерининской улице, у Народного дома, они были окружены казаками, открывшими стрельбу. Несколько человек было убито и ранено³.

В Киеве рано утром улицы города стали заполняться радостно возбужденным народом, но вскоре началась стрельба на Софийской площади: рабочие потребовали освобождения арестованных, но вместо этого по ним был дан залп, которым ранило двух человек. Однако рабочие, вызвав полицеймейстера, настояли на освобождении арестованных, находившихся в одном из полицейских участков. Часам к трем дня большая масса народа собралась на площади у городской думы. Сюда пришли железнодорожные рабочие, а также рабочие Арсенала, впервые в 1905 г. бросившие работу⁴. От университета, где уже с утра шли митинги, по Владимирской и Фундуклеевской улицам подошло 8—10 тыс. чел. Вся огромная площадь и прилегающая часть Крещатика были заняты народом. Реяли красные знамена, с балкона Думы выступали ораторы. Неожиданно появились войска — артиллерия, драгуны и пехота. Последняя дала залп по толпе, а затем несколько залпов по зданию Думы. Толпа в панике бросилась бежать, солдаты и полиция хватали и задерживали бегущих. У Думы было убито шесть чел. (все рабочие), тяжело ранено 27, легко ранено 84 и арестовано 124 чел.⁵

Выполняя указания В. И. Ленина, украинские большевики провели огромную работу по разоблачению царского манифеста и либералов, сеявших конституционные иллюзии, доказывавших народу, что издание манифеста означает начало подлинной свободы, конец революции. В прокламациях, на рабочих митингах и массовках большевики указывали, что манифест не «дарован» царем, а вырван у него борьбой пролетариата, что подлинная свобода наступит лишь с уничтожением самодержавия; поэтому рабочим нельзя складывать оружие, а необходимо в союзе с крестьянством продолжать борьбу до полной победы, вооружаться, создавать вооруженные отряды и дружины.

События первого дня «свободы» показали рабочим правоту большевиков, предупреждавших о том, что самодержавие вовсе не думало всерьез выполнять свои обещания. «Пока существует самодержавие, пока власть в его руках, а не в руках народа, до тех пор пролетариат не сможет воспользоваться даже теми свободами, которые самодержавие теперь дает», — учили рабочих николаевские большевики⁶. Одесские большевики,

¹ «Полтавщина», 1905, № 264.

² ЦГИА УССР, ф. Николаевск. охр. отд., 1905 г., д. 25, лл. 143—145.

³ «Полтавщина», 1905, № 270.

⁴ ЦГИА УССР, ф. Киевск. губ. жанд. упр. (КГЖУ), 1905 г., д. 937, л. 2.

⁵ ЦГИА УССР, ф. КГГ, 3-е дел-во, 1905 г., д. 391, ч. 3, лл. 7—9; ф. КГЖУ, 1905 г., д. 937, лл. 3—5; «Летопись революции», 1925, № 2, стр. 122—123.

⁶ ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., инв. № 1992.

разоблачая манифест, писали в листовке «К революционному народу»: «Николай Кровавый нашел себе союзников среди фабрикантов, купцов и помещиков; мы, пролетарии, будем искать себе союзников среди деревенской и городской бедноты... Вооруженное восстание, низвержение монархического правительства и замена его временным революционным правительством, — вот тот путь, которым мы придем к демократической республике и самодержавию народа»¹.

Обещание созыва законодательной Думы и создание правительства Витте вызвало восторг у буржуазии, открыто повернувшей с этого момента в сторону контрреволюции. «Горнозаводской листок» — орган Совета съездов горнопромышленников юга России приветствовал посылку Советом съездов телеграммы Витте, заявляя, что последний является «наиболее желательным союзником для умеренных прогрессистов, в том числе для прогрессистов-промышленников»².

Украинская буржуазия, как и русская, спешила воспользоваться манифестом для укрепления своих позиций. Политические организации либералов — «Освобождение» и «Союз земцев-конституционалистов» — вскоре после издания манифеста оформились в кадетскую партию. В это же время возник «Союз 17 октября». Организации этих партий появляются и на Украине. Одним из лидеров октябристов был крупный екатеринославский помещик Родзянко.

После манифеста 17 октября среди украинских буржуазных националистов начались переговоры о слиянии националистических украинских организаций, закончившиеся в декабре 1905 г. созданием так называемой украинской радикально-демократической партии.

На другой день после выхода манифеста на Украине в ряде мест начались погромы. В последующие дни погромная волна захватила Одессу, Киев, Херсон, Чернигов, Николаев, Екатеринослав, Елисаветград, Луганск, Юзовку, Бахмут, Кременчуг, Александровск и много других городов и местечек, а потом перебралась в деревню. Погромы готовились полицией и жандармами с ведома и при поддержке министерства внутренних дел³.

Рабочие дружины и отряды самообороны мужественно боролись с черносотенцами. В Одессе 18 октября вечером дружинникам удалось приостановить начавшийся погром в Дальницком районе⁴. В Александровске стачечный комитет при первых же слухах о погроме мобилизовал рабочих, выставил заградительные цепи, а дружины вступили в борьбу с громадами. В Елисаветграде самоотверженно дравшаяся с погромщиками дружина завода Эльворти была разогнана казаками. Организованно выступили против погромщиков рабочие Екатеринослава, не допустившие распространения погрома в заводские районы. В Николаеве немедленно после начала погрома большевики организовали из передовых рабочих дружины, которые уже на другой день вытеснили погромщиков из Слободки и вокзального района.

В единый грязный и кровавый клубок сплелись в эти дни царь и босяки, министры и хулиганы, духовенство и воры. В Киеве погромщиков на черные дела благословлял на Софийской площади митрополит Флавиан,

¹ Сб. «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. II, М.—Л., 1955, док. № 667.

² «Горнозаводской листок», 1905, № 46, стр. 8201.

³ «Материалы по истории русской контрреволюции», т. I, СПб., 1908, стр. ХСIII—СI.

⁴ «Пролетарий», 1905, № 25.

на Караваевской улице ободрял их с балкона редактор «Киевлянина», будущий член Государственного совета Пихно. Командующий Одесским военным округом барон Каульбарс бросил публично свою знаменитую фразу: «Нужно признаться, что все мы в душе сочувствуем этому погрому».

Из крупных городов Украины только в Харькове не было погрома. Полиция и здесь готовила погромы, но черносотенцы после урока, полученного 11 октября, не решились выступить.

Удалось не допустить погрома и рабочим Конотопа, где в октябрьские дни в депо и железнодорожных мастерских возникли дружины и отряды самообороны. Эти дружины не только несли охрану города, но и выезжали в соседние города — Кролевец, Новгород-Северский и другие. Не было погрома и в Енакиеве, где рабочие Петровского завода, возглавляемые приехавшими из Луганска большевиками, дали отпор черносотенцам и полиции. В Бахмут для борьбы с черносотенцами приехали рабочие Дружковского завода во главе со своей дружиной. Отпор черносотенцам рабочие дали также на Донецко-Юрьевском заводе, Щербиновском руднике и в Дебальцево¹.

Дали отпор черносотенцам и рабочие Луганска. В течение трех дней, 18—20 октября, в городе проходили митинги и демонстрации рабочих. Дважды рабочие собирались у тюрьмы, требуя освобождения К. Е. Ворошилова, арестованного за организацию забастовки. 21 октября полиция выпустила против рабочих черносотенцев. Рабочие дружины, которые возглавлял А. Пархоменко, разогнали банды черной сотни, действовавшие под прикрытием полиции и войск.

Погромная волна, прокатившаяся в дни «свобод», была ответом самодержавия на октябрьскую забастовку. Она свидетельствовала о том, что царизм, видя бессилие одних полицейских средств борьбы, стал разжигать гражданскую войну, натравливая черносотенные подонки на революционеров, и провоцировать национальную вражду.

Этим погромам и натравливанию одной части населения на другую способствовали украинские националисты, которые непосредственно смыкались с царизмом в общей борьбе против революции и интернационализма рабочих. Наиболее откровенно антисемитизм и политику вражды к русскому народу проводила «Украинская народная партия».

В ответ на разжигание национальной вражды русские и украинские рабочие еще теснее сплотились между собой, совместно готовясь к штурму самодержавия.

В ходе октябрьской политической стачки, по примеру Петербурга и других городов, на Украине стали возникать Советы рабочих депутатов. Первый Совет рабочих депутатов возник в Екатеринославе. Сперва он представлял собой делегатское собрание рабочих, первое общегородское собрание которого состоялось 17 октября в связи с вопросом о всеобщей забастовке. Несколько ранее в Екатеринославе возникло, также в связи с забастовкой железнодорожников, делегатское собрание рабочих Екатерининской железной дороги. По воспоминаниям участников, Советы рабочих депутатов возникли и на некоторых заводах, как, например, на крупном заводе Шодуара. Деятельность этого заводского Совета распространилась на весь Амур (район города).

Делегатские собрания, на базе которых возник Екатеринославский Совет рабочих депутатов, действовали сперва спорадически на заводах во время забастовок, а затем, во второй половине года превратились в по-

¹ «Новая жизнь», 1905, № 2.

стоянные учреждения. Слившись в октябре в общегородское делегатское собрание, они на новом этапе борьбы превратились из органов руководства забастовками на отдельных заводах в революционный орган подготовки восстания — Совет рабочих депутатов.

Позднее стали возникать Советы и в других городах.

В Киеве на огромном митинге 21 октября в Политехническом институте, по инициативе рабочих, была принята резолюция о необходимости создания, по примеру петербургских рабочих, Совета рабочих депутатов. В следующие дни по заводам проходили выборы депутатов Совета. На Южно-русском заводе и в железнодорожных мастерских такие выборы прошли 24 октября. На следующий день выбрали депутатов рабочие Арсенала. Выборы в Киевский Совет проходили по норме — 1 депутат от 100 рабочих. Это обеспечивало большинство в Совете рабочим крупных предприятий: железнодорожных мастерских, Южно-русского завода, завода Гретера и Криванека, которые отличались высокой сплоченностью и революционной сознательностью, что во многом определило линию поведения Совета. Первое общегородское собрание Совета, названного в печати «Союзом делегатов», состоялось 30 октября.

В Харькове, несмотря на то, что большевистский комитет 31 октября выпустил специальную прокламацию, посвященную Советам рабочих депутатов, в которой подробно знакомил рабочих с деятельностью Петербургского Совета¹, создать Совет рабочих депутатов из-за сопротивления меньшевиков не удалось.

Подготовительная работа по организации Советов началась также в Одессе, Николаеве, на ряде железнодорожных станций и металлургических заводов Донбасса.

Осенью на Украине, под прямым влиянием октябрьской политической стачки, поднялась новая волна крестьянского движения. Начавшись, как и весной, в Черниговской губ., крестьянское движение скоро перебралось в другие районы, приняв особенно сильный размах в ноябре-декабре 1905 г. По свидетельству властей Черниговской губ., «народ в деревнях не удовлетворен манифестом 17 октября, каковой ими не понят и дал повод к самым разнообразным толкованиям. Манифест 3 ноября (о выкупных платежах), к сожалению, опоздал, он мог произвести впечатление 17 октября, но не после разгрома помещичьих усадеб»².

В октябре крестьянским движением было охвачено на Украине 34 уезда из 94. Забастовки сельскохозяйственных батраков прошли в 14 уездах. В 11 уездах были разгромлены помещичьи имения. Характерно, что осенний подъем крестьянского движения сопровождался обострением внутрикрестьянской борьбы между кулачеством и беднотой. Правительство сознательно разжигало эту борьбу, рассчитывая на то, что манифест 3 ноября 1906 г. вызовет отход от общекрестьянской борьбы за землю деревенской верхушки. Наиболее характерными в этом отношении были события в Черниговской губ., где кулаки совершили целый ряд нападений на вожakov крестьянского движения. Наиболее крупным из них был организованный кулаками в селе Выхвостове самосуд над организаторами разгрома имения уездного предводителя дворянства.

Выражением размаха крестьянского движения осенью 1905 г. служило то, что именно в это время быстро возникали местные отделения Всероссийского союза. На ноябрьском съезде Всероссийского крестьянского

¹ ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., инв. № 32381.

² «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 116.

союза в Москве присутствовали делегаты крестьянских союзов Полтавской, Херсонской, Черниговской, Киевской и Екатеринославской губерний¹. Существовали крестьянские союзы также и в Харьковской губ.

* * *

Октябрьская политическая стачка привела в движение весь пролетариат Украины. Можно считать, что в этот период на Украине, как и по всей России в целом, число стачечников было наивысшим за все время революции.

Успеху стачки способствовало то, что она вспыхнула внезапно и быстро распространилась на всю территорию страны, вплоть до ее самых отдаленных окраин. Ставя вопрос о возможности восстания, В. И. Ленин в 1906 г. писал по этому поводу: «Все убедились, что чрезвычайно важным условием успеха политической забастовки является ее внезапность, возможность застигнуть правительство врасплох». Особо важно, подчеркивал он, для успеха стачки участие железнодорожников: «Остановятся железные дороги — забастовка имеет все шансы стать всеобщей»².

На Украине железные дороги не работали длительное время. С 10 по 20 октября не было движения по Харьковско-Николаевской, Киевско-Одесской, Харьковско-Севастопольской железным дорогам. Особо надо отметить стачку на Екатерининской железной дороге, к которой присоединились рабочие металлургических и машиностроительных заводов Донбасса. Слабее стачка прошла на Юго-Западных железных дорогах, пролежавших по району с слабо развитой промышленностью.

Октябрьская стачка на Украине, как и во всей стране, всколыхнула широкие демократические слои, демократическую интеллигенцию и привела к тому, что в революционной борьбе, наряду с пролетариатом, стоявшим во главе общедемократического движения, широкое участие приняло революционное студенчество, железнодорожные служащие, мелкобуржуазная интеллигенция.

Окончив стачку, украинский пролетариат вместе с русским рабочим классом начал готовиться к новому этапу борьбы, нашедшему свое выражение в декабрьских битвах с царизмом. «Не «перспективы» мирной конституции «открыло» 17-ое октября, это либеральная сказка, а *гражданскую войну*. Эта война подготовлялась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 года»³.

На Украине политическая стачка ярко продемонстрировала ее связь с вооруженным восстанием. Особенно показательны в этом отношении события в Екатеринославе, Харькове и Одессе. В ходе октябрьской стачки возникли Советы, органы подготовки и руководства восстанием, зачаточная форма новой, революционной власти.

Октябрьская стачка показала силу единовременного выступления пролетариата, его солидарность в борьбе против самодержавия, его интернационализм. «Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия, — писал в октябре 1905 г. В. И. Ленин, — выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма»⁴.

¹ «Материалы к крестьянскому вопросу», СПб., 1905, стр. 4—5.

² В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 99, 100.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 353.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362.

Г. М. ДЕРЕНКОВСКИЙ, И. М. РАСЧЕТНОВА,
М. С. СИМОНОВА

1905 ГОД В САРАТОВЕ

I

10 января 1905 г. в Саратове в Коммерческом клубе происходил традиционный литературно-музыкальный вечер в пользу «недостаточных» (неимущих) студентов Московского сельскохозяйственного института. Присутствовали рабочие, учащаяся молодежь, служащие, интеллигенция. В разгар веселья в зал вбежала группа возбужденных людей. «Нет места танцам! — крикнул кто-то из них. — Нет места веселью, когда наших братьев расстреливают тысячами!» На сцену поднялся железнодорожник Иван Другов и огласил только что полученные первые телеграфные сообщения о кровавом злодеянии царизма в Петербурге. Он призвал саратовских рабочих к забастовке протеста. Возник митинг. Рабочий Алексей Петров и другие члены Саратовской организации РСДРП призывали к организации всеобщей забастовки. Раздавались призывы к вооруженной демонстрации¹, тысяча взволнованных участников митинга разошлась по домам, разнося по городу весть о расстреле рабочих в Петербурге.

Начиная с 8 января в саратовских газетах печатались сообщения о забастовках на Путиловском и на других заводах Петербурга. Население Саратова внимательно следило за развертывавшейся борьбой петербургских рабочих. 10 января не были получены петербургские газеты, и это еще больше обострило интерес к событиям. В саратовских газетах публиковались телеграммы из Петербурга о всеобщей забастовке от 8 января и утренние телеграммы от 9 января, рассказывавшие о самом начале шествия к царю. Полученное 10 января вечером известие о расстреле петербургских рабочих быстро разнеслось по городу и рабочим предместьям и потрясло всех. На заводах царило необычайно сильное возбуждение.

Быстро и организованно реагировал саратовский пролетариат на кровавое злодеяние царизма. Никогда еще в Саратове не было такой крупной забастовки, какая началась с 12 января. Организатором ее была социал-демократическая организация, в которой преобладающим влиянием пользовались большевики. Утром 11 января Саратовский комитет РСДРП вынес решение начать со следующего дня забастовку, выработал план ее проведения и выпустил листовку с призывом к всеобщей забастовке.

«Первый удар революции раздался! — говорилось в листовке. — Весь рабочий люд Петербурга, как один человек, поднялся на борьбу с капиталистами и царским правительством». В листовке далее говорилось, что царское правительство встретило штыками и пулями петербургских рабо-

¹ «Начало первой русской революции», сб. документов, М., 1955, стр. 386.

чих, которые 9 января направились к Зимнему дворцу. «Пусть пролитая кровь рабочих падет проклятием на царское правительство! Пусть захлебнется оно в народной крови! Ему недолго осталось существовать. Пламя святой борьбы за свободу разливается все шире и шире! Оно охватывает всю Россию! После Баку — Питер, после Питера — Москва!

Товарищи! Час решительных действий настал! Очередь за нами! Поддержим бакинских, питерских и московских товарищей! Их дело — наше дело, дело всего рабочего класса!

Товарищи! Бросайте работу! Да здравствует всеобщая стачка! Долой правительство убийц и насильников! Да здравствует всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует социал-демократия!»¹.

Источники позволяют утверждать, что в тот же день на ряде крупных заводов, где имелись подпольные социал-демократические организации, на митингах обсуждался вопрос о забастовке. Саратовский губернатор П. А. Столыпин сообщал министру внутренних дел, что первые сведения о предполагавшемся прекращении работ на механическом заводе Беринга и «решенном движении рабочих этого завода к железнодорожным мастерским, депо и прочим фабрикам» он получил 11 января, «в самый первый день принятого социал-демократическим комитетом решения»².

Рабочий железнодорожных мастерских большевик А. А. Петров распространил среди рабочих депо и железнодорожных мастерских листовки с призывом к забастовке. Идея забастовки протеста одобрялась рабочими. Начальник саратовской охраны доносил в Департамент полиции, что «с 7 часов утра 12-го на местных заводах Беринга, Чирихиной и других, а также в мастерских Рязано-Уральской железной дороги агитаторы из рабочих и интеллигентов начали призывать последних к общей забастовке и немедленному прекращению работ», причем «рабочие, в большинстве возбужденные происшедшим в С.-Петербурге, бросили работу...»³. Вечером 11 января решение Саратовского комитета РСДРП о забастовке было одобрено на собрании 40 рабочих — социал-демократов⁴.

Утром 12 января дружно забастовали все 260 рабочих завода Беринга. Они направились в депо и железнодорожные мастерские при станции Саратов-товарная. 299 рабочих депо и все 944 рабочих с 240 служащими мастерских бросили работу. Утверждение полицейских железнодорожных властей о том, что рабочие депо несочувственно встретили предложение «прекратить работу и присоединиться к общей массе забастовщиков» и что работа прекратилась лишь «под влиянием угроз»⁵, легко опровергается другими источниками, в частности данными прессы. В сообщении, опубликованном 13 января в газете «Саратовский дневник», говорилось: «Рабочие депо и мастерских, зная о имеющейся быть стачке накануне, т о т ч а с присоединились к забастовщикам, как только последними было представлено требование прекратить работу». Разделившись на группы, бастующие двинулись в обход по предприятиям. Когда бастующие шли по полотну железной дороги, к ним присоединились рабочие товарной станции, стрелочники, ремонтные рабочие. Число бастующих быстро росло. Губернатор признавал, что «как только у фабрик и заводов появлялись отдельные группы демонстрантов, рабочие немедленно прекращали работы»⁶. Десять делегатов бастующих вошли в цехи гвоздиль-

¹ «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 218—219.

² «Начало первой русской революции», стр. 387, 391.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., л. 4, ч. 64, л. 19.

⁴ См. Протоколы Третьего съезда РСДРП, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 140.

⁵ «Начало первой русской революции», стр. 383.

⁶ Там же, стр. 389.

ного завода Общества русской железной промышленности (бывш. Б. Гантке) и призвали рабочих забастовать. В течение пяти минут забастовали все 450 рабочих этого завода¹. На Волжском сталелитейном заводе сразу же прекратили работу почти все 600 рабочих. Несколько задержались, чтобы закончить почти готовую плавку стали, рабочие одной из мартеновских печей². На заводском дворе с большим подъемом прошел митинг. Ораторы говорили о расстреле рабочих в Петербурге и призывали к забастовке. Отсюда часть бастующих направилась «снимать» рабочих с предприятий, расположенных в районе деревни Князевки, другая — к железнодорожной лесопилке. Здесь, как и всюду, рабочие сочувственно отнеслись к призывам бастующих и прекратили работы.

Около полудня вся масса забастовавших рабочих и примкнувшая к ним сочувствовавшая публика направилась в город. В Солдатской слободке они натолкнулись на полицейских и казаков, преградивших им путь. Была сделана попытка прорваться, но казаки пустили в ход нагайки и рассеяли демонстрантов. Отдельным группам бастующих все же удалось проникнуть в город. По их призыву или по собственному почину прекратили работу рабочие небольших механических заводов: Коробова (92 чел.), Парусинова (30 чел.), Макарова (25 чел.) и писчебумажной фабрики Тихомирова (200 чел.).

С 5 час. дня было прекращено товарное движение между станциями Увек и Аткарск, а также по береговым линиям. Предпринимались попытки прекратить и пассажирское движение, но оно еще продолжалось под охраной войск.

По полученным Департаментом полиции сведениям, всего в Саратове 12 января забастовало до 4 тыс. рабочих³. Саратовский комитет РСДРП обратился с воззванием к гражданам Саратова, призывая их поддержать начатую рабочими забастовку. «Служащие железной дороги, всевозможных контор и учреждений, учащая молодежь, — говорилось в листовке, — организуйте всеобщую забастовку! Присоединяйтесь к рабочим, выставьте ваши требования, выставьте требования политического освобождения страны»⁴.

Под влиянием рабочих, вечером 12 января обсуждался вопрос о забастовке служащих Управления Рязано-Уральской железной дороги. С утра 13 января железнодорожные рабочие явились во все расположенные в

¹ «Приволжский край» № 9, от 13 января 1905 г.

² П. А. Столыпин писал министру внутренних дел, что на Волжском сталелитейном заводе «директор просил выпустить из печи расплавленную сталь, но получил отказ, последствием чего будет довольно крупный убыток» («Начало первой русской революции», стр. 389). Однако это утверждение Столыпина не подтверждается другими источниками. В своих воспоминаниях очевидец и активный участник революционных событий рабочий Волжского сталелитейного завода и член заводской организации РСДРП П. И. Власов пишет: «Завод стал, за исключением мартеновских печей, так как здесь среди рабочих произошло разногласие: одни требовали немедленной остановки печей, другие настаивали на том, чтобы дать возможность печам спустить готовую уже плавку... Здесь главным образом имелось в виду не заморозить сталь в печах, так как, если бы это случилось, то после забастовки печи пришлось бы разбирать, на что потребовался бы по меньшей мере месяц, а это прежде всего ударило бы по рабочим не только мартеновских печей, но и сталелитейного цеха, где работало до 150 человек. В конечном счете печи еще продолжали работать два часа, и когда плавка была спущена, они были остановлены» (А. В л а с о в. Воспоминания о 1905 годе в Саратове — «Старый большевик», сб. 2, М., 1932, стр. 216).

³ «Начало первой русской революции», стр. 686.

⁴ «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 218. В другой листовке — «Ко всем гражданам» — Саратовского комитета РСДРП содержался аналогичный призыв: «Служащие железной дороги, различных контор, частных и общественных учреждений, учащая молодежь — бросайте ваши занятия, примыкайте к всеобщей стачке, присоединяйте ваши требования к требованиям организованного пролетариата!» (там же, стр. 217).

городе отделы Управления дороги, призывая служащих присоединиться к забастовке. К полудню 1700 служащих Управления Рязано-Уральской железной дороги, врачебной службы и строительной конторы Астраханской железной дороги прекратили работу.

Тем временем на Волжском сталелитейном заводе, в прокатном цехе происходил митинг рабочих. П. И. Власов распространил изданные Саратовским комитетом РСДРП листовки, содержавшие политические и экономические требования. Явившиеся полицейские были встречены возгласами: «Долой палачей!» Им пришлось немедленно уйти. В 11 часов утра закончился митинг и 200 его участников пошли «снимать» рабочих мукомольных мельниц. Отряд казаков налетел на безоружных рабочих. Несколько человек было арестовано. Возникла стычка. Одного из арестованных на пути в полицейский участок бастующим удалось отбить. В связи с этим наглым нападением казаков на рабочих, Саратовский комитет РСДРП обратился к гражданам города с призывом: «Вооружайтесь чем можете!» В листовке указывалось: «Не нападать на представителей администрации мы призываем, а защищаться. И если администрация вновь попытается помешать нам в обсуждении наших кровных интересов, мы должны дать — и мы дадим ей должный отпор. Помните, граждане, хладнокровие и настойчивость!»¹

Ряды бастующих непрерывно расширялись. К ним примкнули рабочие мельниц Скворцова, Рейнике, Бореля, Шмидта и других общей численностью до 1500 чел. Забастовали также рабочие завода Чирихиной, типографий Яковлева, Шелгорн, Сергеева, Феокистова и местных газет (около 750 чел.). Прекратили работу механические заводы Терентьева, Бенц и другие предприятия. Остановилась также городская электростанция. В тот же день с утра забастовали паровозные бригады депо Саратова, отправление товарных поездов со станции Саратов прекратилось. Прервана была телеграфная связь между Увеком и Саратовом. На непродолжительное время удалось прервать также телеграфную связь Саратова с Аткарском. С 14 января пассажирские поезда отправлялись в сторону Москвы с паровозами и паровозными бригадами, прибывшими из депо Аткарск. В первые два дня стачки число бастующих рабочих промышленных предприятий достигло почти 7500 чел.

Таким образом, саратовский пролетариат одним из первых организованной политической стачкой заявил протест против расстрела петербургских рабочих. В авангарде стачечной борьбы выступили саратовские металлисты и железнодорожные рабочие — наиболее передовой и сознательный отряд пролетариата. Душой движения и его руководителем была саратовская социал-демократическая организация, выпустившая за время январской забастовки несколько листовок. Только за 12 и 13 января Саратовским комитетом РСДРП было выпущено до 10 тыс. экземпляров различных листовок и собрано в фонд помощи петербургским стачечникам 700 руб. и в помощь бастующим Саратова — 2700 руб.² Прокламации широко распространялись по всему городу и расклеивались даже на главных улицах³. В первый момент забастовка носила исключительно политический характер, а затем, наряду с политическими требованиями, были выдвинуты и экономические требования, что придало стачке еще большую силу и размах.

Требования рабочих были сформулированы в листовках Саратовского комитета РСДРП. Саратовские рабочие требовали созыва Учредительного

¹ «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 220.

² Там же.

³ «Начало первой русской революции», стр. 389.

собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов; прекращения войны; прекращения всех дел по политическим преступлениям, освобождения и «восстановления в правах всех пострадавших по таким делам»; восьмичасового рабочего дня; права праздновать Первое мая без вычета из заработной платы; отмены сверхурочных работ, обысков и штрафов; повышения заработной платы и выдачи ее сполна каждые две недели; улучшения санитарных условий труда; личной неприкосновенности для всех стачечников и выдачи заработной платы за все дни забастовки и др.¹ Надо отметить, что в ходе забастовки, в целом носившей политический характер протеста против кровавого злодеяния царизма, саратовские рабочие предъявляли своим хозяевам экономические требования. Это относится и к рабочим железнодорожных мастерских, предъявившим своему начальству «чисто экономические требования»².

14 января к забастовке примкнули рабочие нескольких мелких предприятий; кроме того, бастовали служащие городской управы, губернской и уездной земских управ и ряда других государственных и общественных учреждений и частных контор. В этот день забастовали также парикмахеры, не работавшие два дня. 14 января прекратили занятия учащиеся среднего технического училища и фельдшерской школы, а на следующий день — ученики первой мужской гимназии и реального училища, которые, как доносила охранка, заявили, что они «настроены нервно всем происшедшим в Петербурге» и «не могут теперь пока заниматься»³. 15 января полиция подвергла избиению учащуюся молодежь, и это еще более усилило царившее в городе возбуждение. Последними, 17 января, вступили в забастовку приказчики. Они толпами ходили по улицам и закрывали магазины.

16 января в 12 часов дня за городом в Парусиновой роще состоялся большой митинг, на котором участвовало около 2000 чел., из которых, по данным охранки (повидимому, преувеличенным), до 800 чел. было вооружено револьверами, охотничьими ружьями, кинжалами, финскими ножами и железными палками. Находившиеся вблизи войска, учитывая решительное настроение собравшихся, не решались разогнать митинг и поставили перед собой ограниченную задачу — воспрепятствовать участникам митинга пойти в город организованной демонстрацией. Митинг был организован Саратовским комитетом РСДРП, представители которого в своих речах призывали к вооружению рабочих и к свержению самодержавия. Они призывали также продолжать стачку до тех пор, пока требования рабочих не будут удовлетворены. Во время митинга распространялись социал-демократические листовки. В 4 часа митинг закончился, и участники его спокойно разошлись по домам⁴.

¹ «Красная летопись», 1922 № 1, стр. 220—221.

² «Начало первой русской революции», стр. 384. Напрасно составители сборника опровергают этот факт, утверждая, что среди требований были и политические. Ссылка их на документ № 237 не состоятельна, поскольку в этом документе приводятся требования не рабочих железнодорожных мастерских, а служащих Управления дороги.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, оп. 5, 1905 г., д. 4, ч. 64, лл. 34—36. Поведение учащихся охранка ставила в связь с настроениями их родителей. «Необходимо отметить то, — говорилось в донесении, — что родители этих учеников, исключительно из интеллигенции, как-то: присяжные поверенные, доктора и лица, прикосновенные каким-либо образом к земству, сами потворствовали детям в «забастовке», предъявив требования гг. директорам заведений о приостановке учебных заведений, но начальники сих заведений, созвав педагогические советы, пришли к заключению приостановить занятия не более, как до 24 января» (там же).

⁴ Там же, л. 34.

В то время, как рядовые земские служащие примкнули к забастовочному движению, руководители саратовского земства и земские гласные вначале по-разному реагировали на события. Когда в Саратове узнали о Кровавом воскресеньи, губернский предводитель дворянства М. Ф. Мельников «заболел» и не явился на происходившее в те дни губернское земское собрание. Руководителем собрания оказался саратовский уездный предводитель дворянства либеральный кн. Ухтомский, который намерен был разрешить обсуждение «общегосударственных» вопросов, другими словами — требование конституции. Он довел, однако, до сведения земского собрания о предупреждении губернатора Столыпина относительно незаконности обсуждения «общих» вопросов и предложил гласным, чтобы они сами решили, можно ли обсуждать эти вопросы или нет. Трусливые гласные решили не идти на «самопожертвование», не подвергать опасности председателя и закрыть заседание. Однако выступлением графа Нессельроде открылось неофициальное заседание, которое одобрило резолюцию, принятую комиссией гласных по «общим» вопросам, включавшую 11 пунктов решения Петербургского земского съезда с добавлением требования свободы стачек. Когда Н. Н. Львов, один из основателей «Союза освобождения», предложил поехать к губернатору для предъявления принятой резолюции, его назвали «отсталым», а граф Нессельроде заявил, что, если уж идти, то надо «идти с народом». Гласные долго не покидали Саратова и собирались на частные совещания. Решено было не собираться земскому собранию до тех пор, пока не будет разрешено обсуждение «общих» вопросов. Но стоило Столыпину вновь пригрозить, как гласные присмирели, а наиболее, казалось, «порозовевший» после событий 9 января Нессельроде немедленно уехал за границу¹.

Забастовка вызвала растерянность среди царской администрации. В первые дни забастовки губернское жандармское управление сообщало в Департамент полиции, что, прекратив работу, заводские и железнодорожные рабочие не предъявляют никаких требований хозяевам, что забастовка носит характер «протеста правительству». Столыпин жаловался министру внутренних дел Святополк-Мирскому на недостаток войск и настаивал на присылке в Саратов подкреплений². В страхе метались те, кто являлся оплотом самодержавия. «Самое ужасное в этом роковом дне, — это потеря веры в царя, — с грустью констатировал значение дня 9 января сердобский уездный предводитель дворянства В. Н. Ознобишин.

Саратовские предприниматели 12 января собрались на совещание для согласования своих действий и выработки мер борьбы против забастовки. В тот же день П. А. Столыпин выпустил объявление, в котором угрожал бастующим рабочим увольнением и применением вооруженной силы³. Вечером он собрал у себя всех начальников воинских частей и предложил начальнику гарнизона предоставить в его распоряжение все вооруженные силы гарнизона; кроме того, были вызваны дополнительные части. Все наряды войскам давались по личному указанию Столыпина⁴. По распоряжению Столыпина, было арестовано 48 человек, среди которых было много членов местной социал-демократической организации⁵.

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1350, ч. 20, лл. 11—17; «Приволжский край», № 7, от 11 января 1905 г.

² ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1350, ч. 20, лл. 1, 2, 4—4 об.

³ «Начало первой русской революции», стр. 377—378.

⁴ Там же, стр. 389.

⁵ «Саратовский дневник», № 16, от 25 января 1905 г.

Несмотря на все принятые Столыпиным меры, забастовка продолжалась до 20 января, а в отдельных случаях и дольше. Выпуск местных газет возобновился с 18 января, а конка начала ходить с 17 января. По данным фабричной инспекции, завод Беринга бастовал свыше 8 суток, Волжский сталелитейный — 8 суток, завод Гантке — около 8 суток, мастерские Рязано-Уральской железной дороги — 7 суток; на других предприятиях забастовка продолжалась от 1 до 6 суток. Всего за время январской забастовки в Саратове было потеряно 29 760 рабочих дней¹. Забастовка прекратилась в связи с тем, что предприниматели пошли на уступки и в той или иной степени удовлетворяли экономические требования рабочих. Так, например, удовлетворена была часть требований служащих Управления Рязано-Уральской железной дороги о продолжительности рабочего дня, периодических прибавках жалованья, был установлен минимальный оклад жалованья, учреждалось особое посредническое бюро для рассмотрения конфликтов между служащими и железнодорожным начальством². Для рабочих Саратовских железнодорожных мастерских и депо был установлен 9-часовой рабочий день, повышена заработная плата чернорабочим, отменены штрафы и обыски, улучшены санитарные условия и т. д.³

Однако, поскольку требования рабочих были удовлетворены лишь частично, рабочие не были довольны достигнутыми соглашениями, тем более, что предприниматели вскоре начали нарушать свои обязательства и отказываться от тех уступок, которые они сделали. Это послужило поводом для объявления новой забастовки.

7 февраля забастовали рабочие всех паровых мельниц общим числом около 1300 чел. Саратовский комитет РСДРП в специальном обращении к рабочим мельниц рекомендовал им включить в число своих требований установление трехсменной работы, что давало возможность ввести 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, улучшение условий труда и др. В заключение комитет призывал рабочих сплотиться под знаменем РСДРП⁴. 8 февраля объявили забастовку рабочие гвоздильного и Волжского сталелитейного заводов. На следующий день к ним присоединились рабочие лесопильных заводов и мыловаренного завода Ананьева и Арно, предъявившие требования 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы. Вслед за ними забастовали рабочие депо и железнодорожных мастерских. 11 февраля в мастерских состоялся митинг рабочих железнодорожных мастерских и депо, на котором участвовало около 1000 чел. Слесарь А. А. Петров (большевик) распространил на митинге до 200 прокламаций Саратовского комитета РСДРП «К рабочим Саратовских ж.-д. мастерских», в которых были изложены политические и экономические требования рабочих⁵. К стачке примкнули рабочие заводов

¹ Гос. архив Саратовской обл. (ГАСО), ф. И-1, 1905 г., д. 83, л. 63.

² «Саратовский дневник», № 11, от 19 января 1905 г.

³ «Начало первой русской революции», стр. 381—382.

⁴ ГАСО, ф. СГЖУ, д. 31, л. 32.

⁵ См. ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, ч. 16, л. 7—7 об. Впервые опубликовано в «Красной летописи», № 1, 1922, стр. 223—225. В донесении вр. и. д. начальника Саратовского отделения Тамбово-Уральского жандармского полицейского управления железных дорог Бертгольда от 17 декабря 1905 г. говорится, будто прокламация не встретила одобрения рабочих (см. Сб. «Начало первой русской революции», стр. 396). Эта ложь легко опровергается другим документом, донесением того же ротмистра Бертгольда шефу жандармов, в котором он пишет, что по окончании чтения прокламации явился начальник мастерских, которому «Петров передал было один экземпляр прочитанной прокламации, но, не дав прочитать, сейчас же взял таковой обратно». С большим трудом жандармскому унтер-офицеру удалось потом добыть только две

Беринга, Бари и другие. Прекратилась работа телеграфа и движение пассажирских поездов. Общая численность бастующих превысила 6000 чел. На улицах происходили стычки между бастующими и полицией, состоялись массовые митинги. На одном из них, на Дегтярной площади, собралось до 4000 рабочих, настаивавших на удовлетворении всех выставленных стачечниками требований и освобождении арестованных. Для борьбы с забастовкой предприниматели намеревались использовать локаут, однако это им не удалось. Рабочие вновь добились некоторых уступок. На шестой день забастовка на мельницах и лесопильных заводах прекратилась, так как рабочие добились повышения заработной платы и удовлетворения требования, чтобы никто из них не был уволен за участие в стачке.

Со времени январской забастовки стачечное движение становится обычным явлением и повторяется через короткие промежутки времени. Так, например, 22 марта забастовали вновь рабочие завода Беринга. Поводом к забастовке послужило увольнение рабочего, получившего на заводе увечье¹. Социал-демократы связали этот случай с требованием обязательного страхования рабочих. В марте и апреле забастовки имели место и на других предприятиях. Наиболее крупная из них происходила на сталелитейном заводе, из-за увольнения 60 рабочих². Наряду со стачками, саратовские рабочие широко практиковали устройство политических митингов и демонстраций. Так, 17 марта в городском театре после происшедшей там лекции был устроен социал-демократами митинг, вылившийся в политическую демонстрацию. Когда участники митинга вышли из театра на улицу, на них напал отряд казаков и солдат и стал их разгонять; многие из них были арестованы³.

В связи с подготовкой к 1 Мая Саратовским комитетом РСДРП было организовано несколько массовок. На Лысой горе 10 апреля состоялось собрание рабочих — социал-демократов, которые решили ознаменовать пролетарский праздник политической забастовкой. Большая рабочая массовка состоялась 1 Мая в Парусиновой роще. Над собравшимися развевалось красное знамя с лозунгами «Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует социализм!» На митинге выступали представители Саратовского комитета РСДРП и рабочие крупнейших предприятий. Массовка охранялась вооруженной рабочей дружиной, так что расположенный недалеко отряд казаков и солдат не посмел напасть на собравшихся рабочих. По предложению Саратовского комитета РСДРП, была принята резолюция, в которой подчеркивалась решимость бороться против самодержавия «всеми средствами включительно до всеобщего восстания»; все граждане России призывались «ко всеобщему вооружению»; в Саратове объявлялась всеобщая забастовка, а рабочие призывались объединиться теснее под красным знаменем РСДРП. Эта резолюция была опубликована в № 8 большевистской газеты «Пролетарий».

На следующий день началась новая массовая забастовка, быстро охватившая заводы Беринга, сталелитейный, железнодорожные мастерские и

прокламации: одну под заглавием «Российская социал-демократическая партия» и другую под заглавием «Мы, забастовавшие рабочие города Саратова, требуем» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, ч. 16, 1905 г., л. 6—6 об.). Если бы рабочие были недовольны содержанием прокламации, присутствовавшему на митинге жандармскому унтер-офицеру не пришлось бы затрачивать столько труда, чтобы добыть лишь две прокламации из почти 200 распространенных среди нескольких сот рабочих.

¹ «Приволжский край», № 62, от 24 марта 1905 г.

² «Приволжский край», № 64, от 26 марта 1905 г.

³ «Вперед», № 14, от 12 апреля (30 марта) 1905 г.

депо, типографии. На этот раз забастовка не превратилась во всеобщую, так как местным властям удалось с помощью полиции и войск предотвратить приостановку работы мельниц, конки и торговых заведений. Все же забастовка охватила до 75% промышленных рабочих¹.

Во время забастовки почти ежедневно происходили массовые митинги рабочих в Парусиновой роще. 2 мая на большом трехтысячном митинге наряду с другими ораторами впервые выступали женщины-работницы.

Используя тяжелое экономическое положение саратовского пролетариата вследствие растущей безработицы, дороговизны жизни и голода в Поволжье, предприниматели угрозой локаута решили сорвать стачку и упорно отказывались идти на какие-нибудь уступки. Вследствие этого, в отличие от январской и февральской стачек, майская забастовка не во всех случаях закончилась победой рабочих. Если печатники добились полного удовлетворения своих экономических требований, и вынуждено было пойти на некоторые мелкие уступки железнодорожным рабочим управление Рязано-Уральской железной дороги², то почти трехнедельная борьба рабочих заводов Беринга и Гантке не увенчалась успехом, и им пришлось 19 мая приступить к работе на прежних условиях. Тем не менее майская забастовка имела огромное политическое значение. Она продемонстрировала растущее упорство революционной борьбы рабочих, идейно закалила их и подготовила к грядущим боям. Анализируя развитие революционных событий в Саратове, большевистский «Пролетарий» писал, что прошедшие в городе январская, февральская и майская забастовки «показывают, насколько сильно рабочая масса вовлечена в политическую и социальную жизнь страны»³.

II

Особенность саратовской организации РСДРП⁴ состояла в том, что она и после II съезда партии включала большевиков и меньшевиков. Организация пользовалась исключительным влиянием среди рабочих. Особенно усилилось это влияние после январских, февральских и майских забастовок. Корреспонденты заграничного большевистского центра отмечали в своих письмах, что эти забастовки пробудили в рабочих массах политическую активность и вызвали в них потребность организоваться. Одним из показателей этого было значительное увеличение количества социал-демократических ячеек и кружков⁵. В Саратове была сравнительно сильная эсеровская организация, но она сосредоточила свою деятельность преимущественно в деревне и лишь отчасти среди городской интеллигенции и учащейся молодежи, но не пользовалась влиянием среди рабочих. Обычно эсеров прогоняли с рабочих митингов, прерывали эсеровских ораторов, не принимали во внимание их призывы.

Саратовский комитет РСДРП проводил преимущественно большевистскую политику, но в отдельные моменты одерживали верх меньшевики, и тогда комитет принимал меньшевистские или полуменьшевистские решения. Объяснялось это не только особенностями социально-экономического развития Саратова — отсутствием значительного числа индустриаль-

¹ «Пролетарий», № 8, от 4 (17) июля 1905 г.; «Приволжский край», № 89, от 8 мая 1905 г.

² ГАСО, ф. СГЖУ, д. 31, лл. 323—324 об.

³ «Пролетарий», № 8, от 4 (17) июля 1905 г.

⁴ Много и плодотворно занимался изучением истории Саратовской организации РСДРП В. А. Осипов. Его книга «Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг.» вышла в Саратове в 1947 г. вторым изданием.

⁵ Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 27 — Н, № 20090 и оп. 10 — Н, № 19667.

ных рабочих и сильным мелкобуржуазным влиянием на пролетариат, хотя и это обстоятельство имело немаловажное значение. В Саратовском комитете РСДРП почти не было рабочих, что было серьезным минусом в работе саратовской организации и на что специально указывал В. И. Ленин¹. В состав Саратовского комитета входили почти исключительно интеллигенты. На протяжении 1905 г. неоднократно менялось соотношение сил в комитете, что вызывалось арестами, необходимостью для отдельных членов комитета временно скрываться из города или их вынужденным отъездом на работу в другие города.

Возглавлял Саратовский комитет до переезда в Петербург по решению большевистского центра летом 1905 г. И. П. Гольденберг (Мешковский). Это был большевик, один из первых пропагандистов марксизма в России. Временами он отходил от позиций ленинизма, а в годы первой мировой войны занял оборонческую позицию и в апреле 1917 г. выступил против знаменитых тезисов В. И. Ленина, но потом вновь вернулся к большевикам и умер в 1922 г. коммунистом. В разное время И. П. Мешковский был членом редакций большевистских изданий, членом ЦК партии. Возглавляя в 1905 г. Саратовский комитет РСДРП, Мешковский, занимавший в целом большевистскую позицию, вместе с тем проявлял колебания, делал уступки меньшевикам, стремился примирить их с большевиками.

В Саратове издавалась социал-демократическая легальная газета «Приволжский край». А. А. Шишкова считает эту газету органом ленинского направления². В действительности это не так. Газету редактировал видный меньшевик Д. А. Топуридзе; в числе ее наиболее активных сотрудников были И. М. Ляховецкий, В. Сережников, который одновременно сотрудничал в петербургской меньшевистской газете «Начало», и другие меньшевики. Однако, поскольку «Приволжский край» был органом Саратовского объединенного комитета РСДРП, на его страницах появлялись и статьи большевиков.

Путем хорошо налаженной переписки саратовские большевики поддерживали связь со своим заграничным центром. На страницах большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», а затем первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» публиковались корреспонденции саратовских большевиков о революционных событиях и партийной жизни в Саратове. В Саратов доставлялись издававшиеся за границей большевистские газеты и литература. Большой популярностью в начале 1905 г. пользовалась среди саратовских рабочих газета «Вперед». «Публика особенно довольна «Впередом», — отмечала в своем письме в заграничный большевистский центр 24 марта 1905 г. «Семенова»³. К сожалению, временами связь саратовской организации с заграничным центром нарушалась, что отрицательно сказывалось на деятельности саратовских большевиков.

В январе 1905 г. Саратовский комитет РСДРП издал отдельной листовкой статью В. И. Ленина о начале революции в России, опубликованную в газете «Вперед». Саратовский комитет руководствовался решениями Бюро комитетов большинства относительно порядка празднования 1 Мая. Накануне праздника в Саратове получила большое распространение написанная В. И. Лениным и изданная Бюро комитетов большинства

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 375—376.

² А. А. Шишкова. Из истории борьбы большевиков за союз рабочих и крестьян в годы первой русской революции — «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 13.

³ Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 10—Н, № 19667.

и редакцией газеты «Вперед» первомайская листовка. Находившаяся в течение трех месяцев (марта — мая) 1905 г. в Саратове разъездной агент заграничного большевистского центра «Семенова» (эту кличку до сих пор не удалось расшифровать) в своих письмах в центр резюмировала свои впечатления о делах в саратовской организации РСДРП следующими словами: «По отношению к б[ольшинст]ву здесь настроение самое благоприятное». «Мартовский вопль в приложении к 94 № [«Искры»], — пишет она в том же письме, — был встречен как старческий и здесь никакого действия не имел в общем»¹. Саратовский комитет был в числе тех, кто высказался за созыв III съезда партии. Правда, это решение было принято не сразу, так как пришлось преодолеть сопротивление меньшевиков, но самый факт посылки делегата на III съезд, а не на меньшевистскую конференцию, говорит о преобладании в то время большевистского влияния в Саратовском комитете РСДРП.

Как это видно из письма «Константина», посланного 1 июня из Саратова в заграничный большевистский центр, вокруг решений III съезда партии в саратовской организации развернулась острая борьба между большевиками и меньшевиками². Меньшевики агитировали против решений III съезда партии. Обсудив итоги съезда и меньшевистской конференции, Саратовский комитет РСДРП большинством 7 голосов против 3³ вынес противоречивую резолюцию. С одной стороны, резолюция оставляла открытым вопрос о законности съезда, мотивируя это отсутствием «всех необходимых документов». В то же время комитет признал «идейную позицию III съезда, выразившуюся в его резолюциях и его организационном уставе, соответствующей идейной позиции Саратовского комитета». Кроме того, Саратовский комитет признал «центры, избранные съездом», но тут же, делая уступку меньшевикам, постановил «войти в сношения с Организационной Комиссией, с целью участия в организуемых ею конференциях и работах по подготовке IV съезда и с целью получения от нее литературы». Резолюция, далее, признала «необходимой на страницах центрального органа свободную дискуссию по тактическим и организационным вопросам (в особенности по аграрному вопросу)». В заключение в резолюции говорилось: «Принимая во внимание, что различные разногласия между «большинством» и «меньшинством» не настолько значительны, чтобы исключать возможность совместной работы в единой организации — выразить пожелание, чтобы центры, избранные съездом и конференцией, возможно скорее пришли к необходимому на этот счет соглашению»⁴.

Противоречивый характер резолюции объяснялся наличием в составе одной организации большевиков и меньшевиков, идейной борьбой между

¹ Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 10 — Н, № 19667.

² Там же, оп. 27 — Н, № 20093.

³ По данным, содержащимся в письме «Константина» от 1 июня 1905 г. в заграничный большевистский центр, в состав Саратовского комитета входило 10 человек — пять большевиков, три меньшевика и два члена, занимавших промежуточную позицию («болото»). Кроме того, в комитет входили еще один большевик, находившийся в тот момент в отъезде, и один меньшевик — «представитель другого района». Большевики занимали в комитете все наиболее важные посты — ответственного редактора, пропагандиста-агитатора, ответственного организатора, руководителя губернской (по работе в других городах губернии) и аграрной группы и организатора одного из городских районов. Трое меньшевиков были «без определенных занятий, бездельничали». К «болоту» принадлежали секретарь (он же кассир) и техник.

⁴ «Пролетарий», № 10, от 2 августа (20 июля) 1905 г. Одновременно эта резолюция была напечатана в меньшевистской «Искре» (№ 106, от 18 июля 1905 г.).

ними. Нельзя при этом согласиться с встречающимся в литературе мнением, что содержавшееся в резолюции Саратовского комитета указание на то, что разногласия между «большинством» и «меньшинством» не настолько значительны, чтобы исключалась возможность работы в единой организации, было якобы выдвинуто только меньшевиками и примиренцами. Наоборот, тенденция к объединению обеих частей партии, стремление к преодолению раскола, наличие которого неблагоприятно отражалось на развитии революционного движения, все время исходило от большевиков, что нашло свое выражение в ряде партийных документов¹.

Резолюция Саратовского комитета обсуждалась на общем собрании периферийных работников и была одобрена большинством 45 против 20 при одном воздержавшемся². Опубликованные данные о голосовании резолюции по отдельным пунктам дают основание заключить, что две трети участвовавших в голосовании были большевиками, часть которых по отдельным вопросам проявляла колебания.

На этом же собрании была единогласно принята резолюция, признававшая неприемлемыми резолюции по аграрному вопросу, принятые как III съездом партии, так и меньшевистской конференцией³. На ошибочность резолюции саратовской организации сразу же указал В. И. Ленин, выразивший пожелание получить разъяснения относительно взглядов саратовской организации по аграрному вопросу⁴. Однако разъяснения по этому вопросу, по непонятным причинам, не были получены. Нельзя признать убедительным мнение В. Осипова (которого придерживается В. М. Гохлернер) о том, что резолюцию по аграрному вопросу «протаскивали» меньшевики с целью сорвать решения III съезда партии⁵. В. Осипов не учитывает того обстоятельства, что резолюция была принята единогласно и что она отклоняла решение по аграрному вопросу не только III съезда, но и меньшевистской конференции. Позиция Саратовского комитета по аграрному вопросу в 1905 г. до сих пор не получила освещения в литературе. Имеется лишь свидетельство В. П. Антонова-Саратовского о том, что саратовская организация цеплялась за решения II съезда партии по аграрному вопросу, считая знаменитые отрезки «альфой и омегой последовательного большевизма»⁶. Впоследствии, однако, под влиянием опыта работы в деревне и критики позиции Саратовского коми-

¹ См., например, письмо делегатов III съезда РСДРП делегатам-меньшевикам, не явившимся на съезд и организовавшим в Женеве меньшевистскую конференцию, от 25 апреля 1905 г. (Протоколы третьего съезда РСДРП, стр. 495—496; Открытое письмо ЦК РСДРП к Организационной Комиссии) «Пролетарий», № 11, от 9 августа (27 июля) 1905 г. См. также предисловие В. И. Ленина к брошюре «Рабочие о партийном расколе». Соч., т. 9, стр. 141—146.

² «Пролетарий», № 10, от 2 августа (20 июля) 1905 г.

³ Как известно, необходимость пересмотра аграрной программы вполне назрела уже в начале 1905 г. В. И. Ленин выступил на страницах большевистской газеты «Вперед» с изложением проекта изменения аграрной программы и замены пункта «Об отрезках» «поддержкой крестьянских требований вплоть до конфискации всей помещичьей земли» (В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 151). Но на III съезде РСДРП и на меньшевистской конференции аграрная программа не пересматривалась; дело ограничилось выработкой тактической резолюции. «Обе половины партии сошлись при этом на поддержке крестьянского движения *вплоть до конфискации всей помещичьей земли*» (там же).

⁴ «Пролетарий», № 10, от 2 августа (20 июля) 1905 г., Ленинский сборник, т. XVI, стр. 130.

⁵ В. Осипов. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг., Саратов, 1947, стр. 81; В. М. Гохлернер. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции.— «Исторические записки», т. 52, стр. 194.

⁶ В. П. Антонов-Саратовский. Красный год, ч. 1, ГИЗ, 1927, стр. 182.

тета в этом вопросе последний пересмотрел свои взгляды и присоединился к резолюции III съезда партии¹.

В первое время после III съезда РСДРП саратовская организация испытывала большой недостаток в партийной литературе. В июле 1905 г. в большевистский заграничный центр из Саратова сообщали: «Литературы у нас совершенно нет, а спрос громаднейший»². Этим пытались воспользоваться меньшевики, чтобы наводнить Саратов меньшевистской литературой. В связи с этим Саратовский комитет РСДРП предпринял издание собственной нелегальной двухнедельной газеты «Пролетарская борьба». В подготовке первого номера этой газеты принял деятельное участие пролетарский поэт большевик А. А. Богданов³. Под псевдонимом «Прибой» он, в частности, поместил стихотворение «К борьбе пролетарий!.. К оружию голодный!..», в котором был воплощен в художественных образах выдвинутый III съездом РСДРП лозунг о вооруженном восстании⁴. В передовой статье «К саратовскому пролетариату», подписанной Саратовским комитетом РСДРП, разъяснялись мотивы, побудившие предпринять издание нелегальной газеты: «Чтобы в грядущем обновлении России пролетариат смог выступить сплоченным и смог завоевать широкие права и вольности для себя и для всего народа, нам необходимо ясное понимание наших задач, нам необходима организованная сильная партия, нам необходима наша собственная газета. Так пусть же будет ею наша вольная «Пролетарская борьба»! Пусть скорее из двухнедельной превратится она в еженедельную, ежедневную! С нею мы поведем нашу борьбу против царского самодержавия, нашу борьбу за демократическую республику, за светлое царство социализма»⁵.

К сожалению, номер «Пролетарской борьбы» не увидел света: в момент его печатания полиция произвела налет на подпольную типографию и захватила ее вместе с уже отпечатанными первыми экземплярами газеты⁶. Все же стихотворение А. А. Богданова сохранилось в нескольких вариантах и получило широкое распространение в рабочей прессе.

Одновременно с попытками наладить постоянный выпуск подпольной литературы Саратовский комитет РСДРП широко развернул устную пропаганду. В связи с этим была создана постоянно действующая при комитете коллегия пропагандистов. Раз в неделю устраивались массовки, на которых присутствовало до 250 рабочих. На этих массовках боль-

¹ После III съезда партии Саратовский комитет РСДРП усилил свою работу среди крестьян. В многочисленных изданиях, в «Крестьянском листке» пропагандировались решения III съезда партии об отношении к крестьянскому движению, лозунг конфискации помещичьих, монастырских, удельных и прочих земель, ленинская идея союза рабочего класса и крестьянства, всенародное вооруженное восстание. Для пропагандистов, ведущих занятия в кружках «сознательных крестьян», Саратовским комитетом РСДРП была выработана программа, опубликованная в центральном органе большевиков — газете «Пролетарий». Эта программа переиздавалась Казанским комитетом РСДРП отдельной листовкой в виде приложения к резолюции III съезда партии об отношении к крестьянскому движению. В октябре 1905 г. газета «Пролетарий» указывала на Саратовский комитет РСДРП как на один из наиболее связанных с деревней (см. об этом подробнее в упомянутой статье В. М. Гохлернер).

² Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 27—Н, № 20094.

³ А. А. Богданов принимал активное участие в агитационно-пропагандистской деятельности Саратовского комитета РСДРП. Особенно активно проявил себя на работе в аграрной группе Саратовского комитета РСДРП (см. статью В. М. Гохлернер. «Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции». — «Исторические записки», т. 52, стр. 213).

⁴ Стихотворение А. А. Богданова сохранилось под названием «Песня пролетариев» в нескольких вариантах и получила широкое распространение в рабочей прессе (см. А. А. Богданов. Стихи, ГИХЛ, 1936, стр. 12).

⁵ ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 3948.

⁶ Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 27—Н, № 20094

шевики популяризировали решения III съезда партии, находившие единодушную поддержку со стороны рабочих — социал-демократов, что нашло свое выражение в одной из принятых на массовке резолюций, опубликованной в большевистской газете «Пролетарий»¹. Выразив свое недовольство против очередных жертв кровавого самодержавия в Одессе, Лодзи, Либаве и других районах России, рабочие считали, что «позорный и проклятый строй может быть уничтожен только путем всенародного вооруженного восстания». «Создание благоприятных условий,— говорилось далее в резолюции,— для свободной борьбы рабочего класса за конечную цель (социалистический строй) возможно только при демократической республике, для установления которой восставший народ должен образовать Временное Революционное правительство». «Пролетариат,— указывалось в резолюции,— как самый революционный класс в современном обществе, в интересах наиболее прогрессивной деятельности Временного правительства, для давления и контроля над ним, должен стремиться к посылке во Временное правительство своих уполномоченных, а также захвату пролетариатом власти на местах». «На основании всего этого,— говорилось в заключении резолюции,— мы, посылая свой братский, революционный привет всем товарищам пролетариям, борющимся за указанные цели, постановляем:

Под руководством единого истинного вождя рабочего класса, социал-демократической рабочей партии, немедленно готовиться к открытому вооруженному восстанию, входя в организуемые местным комитетом партии боевые дружины и оказывая во всей деятельности партии поддержку как денежную, так и личным участием в революционной работе».

В связи с решением III съезда о вооруженном восстании Саратовский комитет РСДРП обратил особое внимание на работу среди войск. Комитет начал издавать специальные листовки, обращенные к солдатам и создал военную организацию. Тогда же комитет усилил свое внимание к организации боевых дружин. Последние были приведены в боевую готовность во второй половине июля, когда возникла угроза черносотенного погрома в Саратове. Саратовский комитет РСДРП 28 июля выпустил специальную листовку «Ко всем гражданам», в которой призывал к организованному отпору черносотенцам и царизму. Листовка заканчивалась словами: «Революционный пролетариат смелой рукой отразит нападение громил... Комитет организует пролетарскую самооборону: сотни передовых борцов стекаются под их знамя, полные энтузиазма, готовые на все. Граждане! Мы призываем вас помочь нам всем, чем возможно: давайте нам людей, оружие, денег на приобретение оружия»².

29 июля Саратовский комитет созвал заседание коллегии пропагандистов, в котором приняло участие 24 чел., но все собравшиеся были арестованы внезапно нагрянувшей полицией. Другое собрание, происходившее на Зеленом острове, в котором участвовали представители рабочих социал-демократических кружков и которое проводил Н. М. Дружинин, избежало ареста. На этом собрании было решено провести в центре города на следующий день вооруженную демонстрацию, чтобы тем самым предупредить черносотенный погром. Полиция пустила слух, будто вооруженная демонстрация готовилась с целью захвата правительственных учреждений. Но это не соответствует действительности, и полицейская версия была придумана для того, чтобы оправдать

¹ «Пролетарий», № 12, от 16 (3) августа 1905 г. Листовка была также напечатана в восстановленной после полицейского разгрома нелегальной типографии Саратовского комитета РСДРП (В. О с и п о в. Указ. соч., стр. 87).

² «Пролетарий», № 16, от 14 (1) сентября 1905 г.

действия полиции, предпринявшей массовые аресты и поощрявшей погромщиков: для захвата власти плохо вооруженные саратовские революционеры еще не были подготовлены. Вооруженная демонстрация была сорвана новыми массовыми арестами, произведенными 30 июля. В числе других был арестован Н. М. Дружинин¹, у которого оказался заряженный револьвер системы Смит-Вессон с 12 запасными патронами и 10 штук «шутих» для пугания кавалерийских лошадей.

После этих массовых арестов активность саратовской организации РСДРП на время снизилась, но революционное движение продолжалось, захватывая новые слои трудящихся, активизируя крестьянство, вовлекая в движение и уездные города.

В самом Саратове летом 1905 г. РСДРП создала первые нелегальные профессиональные союзы — типографов, железнодорожников, рабочих завода Беринга и др. Дело это было новое, и перед Саратовским комитетом встал вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов. В письмах в заграничный большевистский центр саратовские большевики просили опубликовать в «Пролетарии» ряд статей о профессиональных союзах, «так как в этом вопросе нет достаточной ясности». Одновременно они делились своими соображениями о характере деятельности профессиональных союзов и их взаимоотношениях с РСДРП².

Саратовский комитет РСДРП выработал примерный устав партийного социал-демократического профсоюза рабочих, рассматривавший профессиональный союз как партийную организацию. Этот устав был опубликован как типовый в «Пролетарии». В. В. Воровский в статье «Первые шаги профессионального движения», приветствуя инициативу Саратовского комитета РСДРП, вместе с тем указывал на ошибку комитета, отождествлявшего профессиональные союзы с партийными организациями, что, с одной стороны, суживало профессиональное движение, а, с другой — вело к расплывчатости партийных организаций; было бы правильнее, указывалось в статье, «считать профессиональные союзы не партийными, а примыкающими к партии организациями»³. Саратовский комитет учел указания центрального органа партии. В постановлении о профессиональных союзах, принятом после получения в Саратове № 11 «Пролетария», Саратовский комитет РСДРП счел «единственно целесообразным... выступление перед массой для организации ее в социал-демократические профессиональные союзы, примыкающие к партийной организации и работающие под ее руководством»⁴.

Примерно в середине августа саратовские большевики получили письмо от Н. К. Крупской, которая послала им шифр для упрочения их связей с Центральным Комитетом, «без чего невозможна бесперебойная доставка литературы». Со своей стороны Н. К. Крупская просила саратов-

¹ Н. М. Дружинин — большевик. Работал в Саратовской организации РСДРП в течение 1905 г. В начале 1906 г. выехал в Москву, где работал в большевистской организации Рогожско-Симоновского района. В 1907 г. поступил учиться, отошел от партии и целиком посвятил себя научной работе. В настоящее время — действительный член Академии наук СССР.

² Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 27—Н, №№ 20090 и 20094. В № 22 газеты «Пролетарий» (от 24/11 октября 1905 г.) редакция информировала партийные организации, что ее взгляд на взаимоотношения между социал-демократической партией и профсоюзами изложен в статьях: 1) «Профессиональное движение и социал-демократия» (№ 8); 2) «Первые шаги профессионального движения» (№ 11); 3) «О профессиональном движении и о задачах социал-демократии», послесловие (№ 21).

³ «Пролетарий», № 11, от 9 августа (27 июля) 1905 г. Последние слова принадлежат В. И. Ленину и вставлены им в статью В. В. Воровского при ее редактировании (см. Ленинский сборник, т. XVI, стр. 272).

⁴ Библиотека ИМЭЛС, ЦЛ — 108.

ских большевиков «сделать все возможное, чтобы облегчить ЦК возможность доставить литературу в Саратов». Кроме того, она сообщала, что «Пролетарий» послал в Саратов новинки партийной литературы и просила подтвердить их получение¹. С этого времени улучшилась работа по доставке в Саратов большевистской литературы и распространению ее среди рабочих.

В это же время Саратовский комитет РСДРП в своей пропагандистской работе широко популяризировал большевистскую тактику бойкота булыгинской Думы. На эту тему выпускались листовки и велась устная агитация.

8 сентября на собрании, созванном районным комитетом РСДРП Горного района г. Саратова, с участием около 120 человек, преимущественно членов профсоюзов, после обсуждения доклада о тактике социал-демократии по отношению к булыгинской Думе была принята резолюция, в которой, между прочим, говорилось: «Переходя к вопросу о способах борьбы против Государственной думы и отстаивающих ее партий, собрание находит необходимым: а) развить самую энергичную агитацию в широких массах в целях выяснения истинного значения Думы; б) устройство народных демонстраций, общих политических стачек; проникновением народа на собрания выборщиков, протестовать против новой попытки ввести в заблуждение народ; не останавливаться перед вооруженным отпором всем темным силам самодержавия, стремящимся и на будущее время держать народ в рабстве; в) готовиться уже теперь ко всероссийской стачке с основными требованиями: долой дворянскую и купеческую Думу, да здравствует временное революционное правительство...; всенародное Учредительное собрание для установления единственно отвечающего интересам народа государственного строя — демократической республики; г) так как всероссийская стачка должна носить боевой характер, так как правительство царя и идущих в царскую Думу партий постарается подавить народный протест вооруженной силой, и поэтому стачка может перейти в открытое восстание, — необходимо возможно больше усилить агитацию в войсках и приступить к немедленному вооружению народа»².

На собрании рабочих-организаторов, представителей предприятий и кружка Берегового района г. Саратова несколькими днями раньше обсуждался тот же вопрос о бойкоте булыгинской Думы. Собрание приняло резолюцию, в которой говорилось: «Мы признаем, что только всенародное вооруженное восстание даст нужное народу..., а потому мы, называя всякого, тем или иным способом участвующего в деле избрания булыгинской Думы, предателем интересов народа и врагом его, наравне с самодержавием царя, считаем необходимым в самых широких размерах распространять свою резолюцию. . ., чтобы в нужный момент поднять знамя восстания»³.

Саратовский комитет РСДРП в интересах укрепления партийной организации и поднятия сознательности ее членов, наряду с устной информацией о решениях комитета, начал публиковать свои решения в виде отдельных листовок. Центральный орган партии — газета «Пролетарий» одобрил это мероприятие и поставил его в пример другим партийным организациям, призвав их сделать «дальнейшее вперед: следует публиковать не только постановления, но и мотивы решений — может быть, лучше

¹ Архив ИМЭЛС, ф. 25, 26, оп. 29—Н, № 20095.

² «Пролетарий», № 21, от 17 (4) октября 1905 г.

³ Там же.

всего в виде извлечения из протоколов заседаний, из речей за и против решения»¹.

В тех же целях улучшения партийной работы и поднятия идейного уровня и активности членов партии Саратовский комитет РСДРП принял постановление о взаимоотношениях комитета с периферийными организациями. Руководствуясь решениями III съезда партии, Саратовский комитет РСДРП предоставил районным комитетам право решающего голоса по важнейшим вопросам партийной работы. Такие же права были предоставлены губернской группе и военной организации². В связи с этим решением указанные организации получили возможность самостоятельно издавать листовки и другую печатную литературу.

Активизация партийных организаций привела к тому, что упорная борьба между большевиками и меньшевиками увенчалась полным успехом большевиков. По инициативе рядовых рабочих — членов партии, в августе 1905 г. Саратовский комитет РСДРП был реорганизован. Отныне в него входило только шесть человек: три ответственных организатора районов, пропагандист-агитатор, редактор-секретарь и организатор аграрной группы. Пять членов комитета были большевиками и один — меньшевиком. По этому поводу Н. К. Крупская сообщала бакинским большевикам: «Из Саратова пишут: миновали красные деньки меньшинства»³.

Успехи саратовских большевиков по руководству классовыми боями пролетариата, реализация решений III съезда партии, борьба большевиков с меньшевиками за укрепление и поднятие боеспособности партийных организаций привели к тому, что саратовская организация РСДРП не только укрепилась в качественном отношении, но и выросла количественно, и к моменту, когда разразилась всеобщая октябрьская стачка, она представляла из себя большую политическую силу, безраздельно руководившую саратовским пролетариатом.

III

26 сентября 1905 г. в Саратове забастовали типографские рабочие. Стачка началась с типографии Яковлева и быстро охватила всех остальных печатников. Забастовкой, продолжавшейся до 6 октября включительно⁴, руководил Саратовский комитет РСДРП. Забастовка в общем прошла успешно, и рабочие отдельных профессий добились от хозяев существенных уступок. Так, по соглашению переплетчиков с хозяевами рабочий день был сокращен до 9 часов; работы накануне праздников и воскресных дней прекращались на час раньше обычного; в таблицу праздников был включен день 1 Мая; рабочие, получавшие не более 25 рублей в месяц, получили прибавку в 10%; были отменены сверхурочные работы и т. д.⁵ Саратовская стачка типографских рабочих находилась в прямой связи с забастовкой печатников Москвы, Петербурга и других городов.

9 октября в 2 часа дня саратовские железнодорожники получили из Москвы телеграмму о начавшейся на шести дорогах страны политической забастовке. В тот же день к ней примкнули рабочие и служащие Рязано-Уральской железной дороги, приостановившие товаро-пассажирское движение. 10 октября днем во дворе дома графа Нессельроде, где помещался отдел статистики Управления Рязано-Уральской железной дороги, со-

¹ «Пролетарий», № 12, от 16 (3) августа 1905 г.

² Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛП—108.

³ «Красный архив». 1934, т. I (62), стр. 184.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., оп. 5, д. 1800, ч. 29, л. 71.

⁵ «Саратовский дневник», № 208, от 13 октября 1905 г.

брался многочисленный митинг, в котором приняло участие более 1000 железнодорожных служащих. На митинге была оглашена телеграмма из Аткарска, извещавшая собравшихся, что к забастовке примкнула вся линия железной дороги и что делегаты забастовавших станций — Аткарска, Камышина, Ртищева, Козлова, Рязани, Уральска и других — прибудут в Саратов с особым делегатским поездом 11 октября для выработки общих требований.

10 октября с утра забастовали саратовские и князевские железнодорожные мастерские, депо, железнодорожная линия Саратов — Увск, заводы Беринга, Гантке и другие. Вечером того же дня в Парусиновой роще происходил созданный Саратовским комитетом РСДРП большой народный митинг, привлечший до трех тысяч человек. Представители Саратовского комитета призывали рабочих вооружаться и готовиться к вооруженному восстанию для свержения самодержавия.

На следующий день железнодорожные рабочие и служащие снова явились на митинг во двор дома графа Нессельроде, но полиция их туда не допустила. Митинг все же состоялся во дворе помещения службы тяги Рязано-Уральской железной дороги на Александровской улице. В 3 часа дня в Парусиновой роще собралось около четырех тысяч человек: здесь были рабочие, а также примкнувшие к забастовке учащиеся средних учебных заведений, служащие Управления железной дороги и так называемый «третий элемент» (мелкие чиновники, служащие земства и городской управы и т. п.). «Немедленно же, — как гласит полицейское донесение, — было приступлено к произнесению самых возмутительных речей, ничего общего с экономической забастовкой не имеющих»¹. Ораторы призывали к свержению самодержавия, созданию боевых дружин, разгрому оружейных магазинов для захвата оружия. На митинге производился сбор денег на приобретение оружия. Митинг прошел с большим воодушевлением и закончился пением рабочей «Марсельезы». Вечером того же дня был в принципе решен вопрос о присоединении к забастовке всех типографских рабочих. На следующий день все типографии прекратили работу; выходили только газеты, широко освещавшие ход всероссийской политической забастовки.

Народные митинги и собрания стали повседневным явлением. 12 октября в Парусиновой роще вновь собралось до пяти тысяч человек. Прибывшие в Саратов делегаты забастовавших станций Рязано-Уральской железной дороги информировали собравшихся о ходе забастовки в Аткарске, Пензе и Козлове. Ораторы призывали рабочих к решительной борьбе с самодержавием, к установлению демократической республики. Здесь же производились сборы денег на вооружение и распространялась социал-демократическая литература. По просьбе представителя мельничных рабочих, заявившего, что они также решили прекратить работу и обращаются к митингу за помощью и поддержкой, участники митинга направились в город, где остановили мельницы Бореля и Богословского. Близ боен на Большой Сергиевской улице участников шествия встретили казаки во главе с приставом 5-го полицейского участка, но рабочие не допустили к себе казаков, встретив их выстрелами и камнями. Пристав «был стащен с дрожек, шашка на нем разломана, портупея изорвана и сам он еле успел скрыться в одном из дворов»². Казакам пришлось ускакать, но в это время прибыли другие казаки, которые преградили рабочим дальнейший путь. Демонстрация была разогнана и 185 человек арестовано. Когда их

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., л. 1800, ч. 29, л. 72 об.

² Там же, л. 73—73 об.

конвоировали в полицейский участок, население громко приветствовало их и бросало камнями в конвоиров; раздалось несколько выстрелов. В участке арестованные были переписаны, большая часть их была освобождена, а 33 человека заключены в тюрьму.

В тот же вечер в помещении пассажирского вокзала состоялось собрание съехавшихся со всей линии представителей рабочих и служащих Рязано-Уральской железной дороги совместно с саратовскими железнодорожниками. На собрании были выработаны требования, носившие преимущественно политический характер. Эти требования сводились к созыву всенародного Учредительного собрания, избранного на широких демократических основаниях, к уничтожению самодержавия и замене его демократической республикой.

В течение всего дня на фабриках и заводах, на площадях и улицах города происходили митинги и демонстрации, раздавались призывы захватить телеграф, ликвидировать полицию, создать вооруженную милицию из народа.

13 октября вся жизнь в городе была парализована. Бездействовала железная дорога, бастовали все фабрики и заводы, стали все мельницы, остановилась конка, закрылись все частные и казенные городские учреждения, магазины и аптеки, прекратились занятия в школах; начиная с 9 октября железнодорожный телеграф находился в руках бастующих, которые сносились с Москвой и другими железнодорожными станциями, обмениваясь сведениями о ходе забастовки. Несколько дней не работал правительственный телеграф с Москвой и Петербургом.

Несмотря на расклеенные в городе объявления губернских властей с угрозой, что собрания бастующих будут разгоняться силою оружия, во дворе городской управы и на пассажирском вокзале при огромном стечении народа произошло два массовых митинга (обычное место рабочих собраний — Парусиновая роща — было занято казаками). По словам полицейского донесения, речи, произносившиеся в этот день, отличались «особенно революционным характером»¹. Собравшийся во дворе городской управы митинг вынес решение захватить правительственный телеграф и губернскую типографию, образовать вместо полиции народную гвардию и вооружить ее на средства, ранее отпускавшиеся на содержание полиции, открыть элеваторы и другие зернохранилища для раздачи хлеба бастующим². Другой митинг, собравшийся на вокзале, вынес решение создать отряд в 100 человек, который должен был в тот же вечер напасть на тюрьму и освободить политических заключенных. К сожалению, эта попытка не удалась, так как полиция, заранее предупрежденная провокаторами, приняла предупредительные меры.

Вечером 13 октября у здания городской думы произошло вооруженное столкновение бастовавших рабочих с полицией и казаками. С обеих сторон были убитые и раненые. Поздно ночью полиция предприняла массовые аресты. 14 октября в течение дня происходили неоднократные столкновения народа с войсками. Временный управляющий губернией вице-губернатор Кноль телеграфировал командующему войсками Казанского военного округа о «крайне опасном», «безвыходном» положении в Саратове и требовал присылки подкреплений. Чтобы не допускать митингов и собраний, войска патрулировали по улицам и заняли вокзал, Театральную площадь, здание городской управы и другие общественные помещения.

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 75 об

² «Пролетарий», № 26, от 25 (12) ноября 1905 г.

В этот день Саратовский комитет РСДРП выпустил специальные листовки, обращенные к солдатам. В одной из них разъяснялось значение всероссийской политической забастовки. «Солдаты,— говорилось в этой листовке,— вы такие же рабочие и крестьяне, как и мы, но только в солдатских мундирах. И вам не сладко живется, и над вами тяготеет жестокий гнет царя и его приспешников. И вот вас, таких же бесправных, как и мы, людей, начальство посылает усмирять нас, честных рабочих! Разве вы станете стрелять в нас, своих братьев? Нет, солдаты! Вы не будете кровопийцами. На команду стрелять — отвечайте отказом. С оружием в руках переходите на сторону восставшего народа». Листовка заканчивалась призывом: «Да здравствует союз восставшего народа и революционной армии!»¹.

В ходе октябрьской политической забастовки в Саратове либералы и эсеры пытались захватить в свои руки руководство стачечным движением. Они образовали центральный стачечный комитет для руководства всей забастовкой, куда вошел и меньшевик Топуридзе. Однако осуществить свои намерения им не удалось, и руководство стачкой на саратовских заводах и фабриках попрежнему оставалось в руках большевиков. Только на Рязано-Уральской железной дороге центральному стачечному комитету частично удалось оказать известное влияние на ход забастовки.

Благодаря принятым властями репрессивным мерам и массовым арестам, а также занятию усиленными нарядами полиции и войск обычных мест, где происходили митинги и массовые собрания, дни 15, 16 и 17 октября прошли в Саратове относительно «спокойно». 15 октября открылись магазины и приступили к работе рабочие казенного винного склада. 16 и 17 октября в здании саратовского вокзала происходили собрания железнодорожников. Вице-губернатор Киолль разрешил эти собрания под условием, чтобы вход на них разрешался только по именным билетам, без «посторонней» публики, и чтобы на собрании присутствовали представители саратовской охраны. Однако, как сообщает полицейское донесение, «оба дня собравшиеся делегаты удаляли жандармов из зала, где происходили заседания, и последние безропотно повиновались, при чем обе сходки носили все тот же революционный характер». Ораторы призывали к «непременному и скорейшему вооружению всех граждан», отобранию помещичьей земли и отмене выкупных платежей и к продолжению борьбы вплоть до свержения самодержавия и установления демократической республики². Для выработки решений, направленных на продолжение забастовки и создание боевых дружин на случай правительственных репрессий, было решено устроить рано утром 18 октября конспиративное собрание на одном из волжских пароходов. Однако охране удалось в момент отплытия парохода арестовать всех собравшихся на нем 122 делегатов железнодорожных рабочих и служащих.

В тот же день в 12 часов дня в Саратове был опубликован царский манифест 17 октября. Под давлением народных масс властям пришлось освободить из тюрьмы всех политических заключенных, в том числе и арестованных утром делегатов железнодорожников. В 4 часа дня на Театральной площади состоялся пятитысячный митинг, а вечером имел место другой многочисленный митинг в городском театре, на котором ораторы призывали к дальнейшей борьбе с царизмом. Саратовские большевики сразу же правильно оценили истинную сущность царского манифеста.

¹ Биб-ка ИМЭЛС, № Ц—23134.

² ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 77—77 об.

В листовке, выпущенной Саратовским комитетом РСДРП 19 октября, говорилось: «Восставший народ бился и бьется прежде всего за полное уничтожение царской власти и за замену ее властью народа, демократической республикой... Правительство не обманет народа. На его пустозвонное обещание все граждане ответят усиленной борьбой, они силою возьмут то, что только обещает царь»¹.

Одновременно с консолидацией революционных сил подняла голову и реакция. Организаторами ее в Саратове выступили вице-губернатор Кнольль, епископ Гермоген, биржевик Селиванов, купец Уваров и поп Владыкин. 19 октября, в тот момент, когда на Театральной площади происходил революционный митинг, в кафедральном соборе в присутствии Кнолля состоялся молебен по случаю «дарования свободы». После молебна Гермоген обратился к собравшимся с погромной речью, в которой призывал собравшихся в соборе черносотенцев «соединиться в один тесный и плотный союз» для борьбы с революционным движением². Речь его была отпечатана отдельным листком, который черносотенцы распространяли в городе. В тот же день многие граждане Саратова получили анонимные письма. «Если революционное движение не кончится,— угрожали в этих письмах черносотенцы,— то мы, подданные нашего царя, постоем за него»³. Около часу дня на Театральной площади начались столкновения между участниками революционного митинга и черносотенцами, которые были обращены в бегство прибывшей боевой дружиной.

Около пяти часов дня в разных частях города начался погром. Погром продолжался два дня, сопровождаясь зверствами, убийствами, грабежами и пожарами. В отдельных местах имели место столкновения между боевыми дружинами самообороны и погромщиками. На Грошевой улице, например, боевая дружина обратила в бегство шайку громил, но так как последние пользовались содействием казаков и полиции, а дружинники были плохо вооружены и очень быстро истощили свои запасы, то в эти дни перевес сил оказался на стороне погромщиков. Газета «Приволжский край» обращала внимание на разницу в поведении войск, с одной стороны, казаков и полиции, с другой,— во время погрома. В то время как солдаты, особенно артиллеристы, делали попытки оказать противодействие громилам и даже задерживали отдельных черносотенцев с награбленным имуществом, казаки и полиция поощряли черносотенцев и сами непосредственно участвовали в погромах.

Характерно, что во время погрома городская дума бездействовала, и либеральные гласные не приняли никаких мер для прекращения бесчинства.

20 октября утром вернулся из отпуска саратовский губернатор П. А. Столыпин⁴. Он так же как и вице-губернатор Кнольль, проявил в первое время сознательное бездействие и только после того, как черносотенцы сделали свое дело и погром уже утих, Столыпин распорядился «навести порядок». С новым листком к населению обратился и «смиранный Гермоген», в котором подчеркнул заслуги П. А. Столыпина в «укрощении крамольников»⁵.

¹ В. О с и п о в. Указ. соч., стр. 106.

² «Саратовский дневник», № 211, от 23 октября 1905 г.

³ «Приволжский край», № 207, от 25 октября 1905 г. В связи с происшедшим в городе погромом саратовские газеты не выходили до 23—24 октября.

⁴ Любопытно, что в связи с железнодорожной забастовкой Столыпину пришлось добираться от Твери до Саратова на пароходе.

⁵ «Приволжский край», № 211, от 29 октября 1905 г.

IV

Радость реакции была преждевременной. «Крамольники» не только не были «укрощены», но революционное движение вслед за октябрьскими событиями поднялось на новую, высшую ступень.

В ночь с 15 на 16 ноября в Саратове началась забастовка почтово-телеграфных служащих, примкнувших к всероссийской забастовке работников почты и телеграфа, которую В. И. Ленин называл «великой». 24 ноября 1905 г. в газете «Приволжский край» было опубликовано обращение «Ко всем гражданам г. Саратова», разъяснявшее цели и характер забастовки. В обращении говорилось о тяжелом экономическом положении почтово-телеграфных служащих, отстаивалась идея необходимости активно бороться за свои права. Почтовики выражали свою готовность упорной борьбой добиваться права организации профессионального союза и создания своей общероссийской организации — Всероссийского почтово-телеграфного союза. Призыв к пролетарской солидарности в борьбе с царским правительством за свои экономические и политические права имел революционизирующее влияние на народные массы. Почтово-телеграфная забастовка дала новый толчок борьбе рабочего класса за создание революционным путем своих профессиональных организаций. Как и во всей стране, эту борьбу в Саратове возглавили большевики. Как и во всей стране, в Саратове процесс нарастания революции вызвал неизбежную перегруппировку классовых сил и выражавших их интересы политических партий. Выдвинутый большевистской партией лозунг вооруженного восстания вынудил либеральную буржуазию открыто перейти в лагерь врагов революции. Что касается мелкобуржуазных партий, меньшевиков и эсеров, то дальнейшее нарастание революции вынуждало их принять этот лозунг, чтобы сохранить какое-то влияние в народных массах.

Саратовские большевики быстро оправались после октябрьских репрессий. Большевистская газета «Новая жизнь» в корреспонденции из Саратова отмечала, что «после временного затишья, которое являлось следствием событий 19—20 октября, работа местного социал-демократического комитета снова закипела. Почти ежедневно и в нескольких местах сразу происходят собрания рабочих, агитаторов и пропагандистов буквально рвут на части. Организуются беспартийные профессиональные союзы легковых и ломовых извозчиков, портных, служащих губернского земства и т. д.»¹. Массовые митинги проводились среди приказчиков, рабочих и служащих городского транспорта, мельников, рабочих механических заводов и ремесленных мастерских².

Однако большевики не ограничивались организацией борьбы за улучшение экономического положения трудящихся. Последовательно проводя большевистскую тактику, они использовали профессиональное движение рабочих для развертывания массовой политической агитации на основе большевистских лозунгов о подготовке всенародного вооруженного восстания. Агитация за организацию профессиональных союзов и введение 8-часового рабочего дня, работа по налаживанию помощи безработным, организация ряда экономических стачек в ноябре сочетались с устройством массовых митингов, на которых широко обсуждались вопросы современного политического положения и велась агитация за вооруженное восстание.

Один из таких митингов состоялся 20 ноября. Митинг, на котором присутствовало четыре тысячи человек, принял резолюцию о солидарности

¹ «Новая жизнь», № 25, от 30 ноября 1905 г.

² См. «Приволжский край», №№ 226, 227, 233, 235, от 17, 18, 26 и 29 ноября 1905 г. и др.

по всем обсуждавшимся вопросам с позицией Саратовского комитета РСДРП¹. Газета «Новая жизнь» сообщала об устройстве митингов и среди непролетарской части городского населения. На одном из таких митингов приняли участие крестьяне, приехавшие в город, на базар. По просьбе крестьян, представитель Саратовского комитета РСДРП выступил по вопросу об аграрном движении. Оратор призывал крестьян к объединению с рабочими в общей революционной борьбе².

На факт массовой агитации большевиками за лозунг всенародного вооруженного восстания указывает жандармский «Обзор революционного движения в Саратове». Несмотря на тенденциозность этого документа, отличающегося крайней враждебностью к революционному лагерю, он дает довольно полную картину состояния революционного движения в Саратове в ноябре — декабре 1905 г. Фактические данные, приведенные в документе, указывают на широкую осведомленность саратовской охранки, благодаря провокаторам, пробравшимся в рабочую среду, о деятельности Саратовского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов. «Обзор» отмечает, что в течение ноября 1905 г. на многочисленных митингах велась массовая противоправительственная агитация, и слушателям ораторами внушались мысли о близости вооруженного восстания и о необходимости поголовного вооружения³.

7 ноября 1905 г. начальник саратовского отделения Тамбовско-Уральского жандармского полицейского управления железных дорог доносил начальнику губернского жандармского управления о состоявшемся за два дня до этого собрания рабочих саратовских железнодорожных мастерских. На собрании обсуждались вопросы об установлении 8-часового рабочего дня, устройстве общежития и больницы для рабочих, повышении поденной платы. По предложению председательствовавшего на митинге большевика А. Петрова, было принято решение об отчислении ежемесячно 2-дневного заработка на вооружение рабочих⁴.

Правильно связывая агитацию за всенародное вооруженное восстание с насущными экономическими нуждами рабочего класса, большевики добивались быстрого роста его политической сознательности. Тем самым укреплялось большевистское влияние в рабочей среде и в революционное движение втягивались все более широкие, ранее отсталые массы рабочих. Благодаря проведению этой тактики выросло влияние большевиков в наиболее крупных профессиональных организациях саратовского пролетариата — социал-демократическом союзе железнодорожников (объединял рабочих депо и мастерских, в отличие от либерального «Союза железнодорожников», объединявшего служащих Управления Рязано-Уральской железной дороги), союзах типографов и рабочих механических заводов.

Выполняя решения III съезда РСДРП, саратовские большевики начиная с конца октября сочетали работу по пропаганде и агитации лозунга вооруженного восстания с его военно-технической подготовкой. Однако в полной мере развернуть эту работу не удалось. Именно здесь наиболее ярко сказалась дезорганизующая роль меньшевиков и эсеров. Выше указывалось на организацию большевиками массовых сборов на воору-

¹ «Приволжский край», № 230, от 23 ноября 1905 г. Повестка дня митинга включала вопросы о манифесте 17 октября, о взаимоотношениях революционных сил, о революции и буржуазии, о всенародном Учредительном собрании (по последнему вопросу выступил Н. М. Дружинин).

² «Новая жизнь», № 25, от 30 ноября 1905 г.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 362.

⁴ ГАСО, ф. С — 4, д. 176, л. 164.

жение среди рабочих и населения. Начальник саратовского охранного отделения указывает в своем «Обзоре» на факты закупки в ноябре оружия в оружейных магазинах города. Но этого оружия было явно недостаточно.

Готовясь к вооруженному восстанию, Саратовский комитет РСДРП входил по техническим вопросам в отдельные соглашения с саратовской организацией эсеров, неустанно разоблачая вместе с тем мелкобуржуазную природу этой партии, ее авантюристическую тактику. В условиях подъема революции, когда к пролетарскому авангарду примкнули широкие слои трудящихся, такая тактика была единственно правильной, обеспечивающей рост большевистского влияния в пролетарских массах.

В ноябре 1905 г. эсеры имели в городе мастерскую по производству бомб. Однако значение ее в деле вооружения рабочих было мизерным. Особенно большой вред имела порочная эсеровская тактика индивидуального террора в условиях временного спада революционного движения в Саратове в ноябре 1905 г. в результате репрессий. В то время как большевики вели систематическую работу по укреплению революционных организаций и подготовку к вооруженному восстанию, эсеры провели несколько террористических актов против представителей царской администрации. Отдельные террористические акты были симптомом неверия эсеров в вооруженное восстание и наносили ему серьезный ущерб.

В связи с этими террористическими актами активизировались и местные власти. Жандармерия и полиция усилили репрессии против революционных рабочих. Обстановка в городе чрезвычайно усложнилась. В начале декабря была произведена серия арестов, нанесших серьезный ущерб саратовской организации РСДРП и рабочим. В ночь с 9 на 10 декабря 1905 г. эсеровская мастерская бомб была захвачена полицией.

Объединенная социал-демократическая и эсеровская боевая дружина саратовских рабочих, основная боевая сила, находившаяся в распоряжении Совета рабочих депутатов, к декабрю 1905 г. насчитывала около 300 членов. Основное ядро дружины составляли рабочие — социал-демократы. По инициативе большевиков была проведена большая организаторская работа среди дружинников и разработан устав социал-демократической боевой дружины. Однако дело военного обучения дружинников, так же как и их вооружения, отставало из-за раскольнических действий меньшевиков и эсеров.

По инициативе саратовских большевиков, в ноябре — начале декабря 1905 г. усилилась революционная работа в саратовском гарнизоне. Еще в октябре 1905 г. были установлены связи с рядом воинских частей. В ноябре революционная пропаганда велась в 227-м Балашовском пехотном полку (особенно успешно в писарской команде полка). Начальник Саратовского охранного отделения в «Обзоре» революционного движения в Саратове указывал на распространение революционной литературы и наличие устной революционной агитации в 228-м пехотном Хвалынском полку. К декабрю 1905 г. были установлены также связи с 1-й и 2-й батареями 3-й запасной артиллерийской бригады и другими воинскими частями.

4 декабря 1905 г. военная организация Саратовского комитета РСДРП обратилась к солдатам со специальной листовкой по поводу кронштадтских и севастопольских событий. Прокламация воспитывала солдат в духе солидарности с рабочим классом, подчеркивая общность целей их революционной борьбы и авангардную роль в ней рабочего класса. Прокламация заканчивалась призывами: «Долой самодержавие царя!»,

«Да здравствует самодержавие народа!», «Да здравствует революционная русская армия!»¹.

Саратовскими большевиками были предприняты попытки создания военной организации среди солдат гарнизона. Согласно имеющимся данным, эта организация — «Военно-политический союз РСДРП» — ставила своей целью борьбу за улучшение экономического положения солдат и организацию политической борьбы под лозунгом созыва всенародного Учредительного собрания. Однако в декабре 1905 г. работа по созданию военной организации лишь начиналась и далеко еще не была завершена.

Отсутствие активной поддержки со стороны воинских частей саратовского гарнизона явилось одной из основных причин; из-за которых декабрьская политическая стачка в Саратове не переросла в вооруженное восстание.

Важнейшим этапом в развитии революционного движения в Саратове явилось образование и деятельность Саратовского Совета рабочих депутатов.

Саратовский Совет возник в дни подготовки к декабрьской всеобщей политической стачке. Образование Совета было подготовлено успехами большевистской работы в пролетарских массах города, в первую очередь среди железнодорожников, типографов и рабочих механических заводов. В организации своей работы Саратовский Совет рабочих депутатов опирался на опыт советов крупнейших пролетарских центров страны — Москвы, Петербурга и других городов, более ранних по времени возникновения. Ко времени образования Совета в Саратове в нашей партии уже было выработано четкое отношение к Советам.

В организации и работе Совета саратовские большевики имели возможность руководствоваться ленинской оценкой роли Советов в революции, данной в ряде статей на страницах большевистской газеты «Новая жизнь».

В нашей исторической литературе нет достаточно четкой оценки деятельности Саратовского Совета. В. Осипов оценивает тактику Совета как меньшевистскую. «Вместо решительных действий, — пишет он, — по организации восстания, по примеру Московского Совета, где руководили большевики, Саратовский Совет, где оказалось засилье меньшевиков, примиренцев и эсеров, топтался на месте, не назначив восстания»². Между тем успехи Саратовского Совета рабочих депутатов в организации декабрьской всеобщей политической стачки определялись результатами работы большевиков. Упрощенно рассматривая вопрос о том, почему в Саратове не произошло вооруженного восстания, В. Осипов снимает по существу проблему борьбы большевиков с меньшевиками и эсерами как за влияние внутри Совета, так и вне его, не показывает в полной мере, как эсеровская и меньшевистская часть Совета под давлением революционного пролетариата Саратова, руководимого большевиками, была вынуждена проводить в конкретных случаях революционную тактику. Поэтому мы считаем своей задачей подробнее остановиться на характеристике деятельности Саратовского Совета рабочих депутатов с момента его образования.

По сообщению газеты «Приволжский край», 26 ноября состоялось общее собрание саратовской организации РСДРП, специально посвященное вопросу о создании Совета рабочих депутатов. Развернувшаяся на собрании дискуссия продолжалась около двух часов. Выступило более 20 ораторов. Меньшевики выступали против организации Совета, дока-

¹ ЦГИАМ, ф. Коллекции нелегальных изданий, № 31822.

² В. О с и п о в. Указ. соч., стр. 135

зывая, что деятельность беспартийного Совета приведет к подрыву влияния партии в рабочей среде. Большевики отстаивали необходимость создания Совета. Антонов-Саратовский рассказывает, что в решении вопроса о создании Совета в г. Саратове и его задачах большинство опиралось на статьи В. И. Ленина¹. В результате дискуссии была принята следующая резолюция: «Саратовская организация РСДРП признает желательным и необходимым создание в г. Саратове выборного совета рабочих депутатов для технического руководства массовыми выступлениями саратовского пролетариата и для обслуживания общих профессиональных нужд рабочего движения»².

Данные жандармского обзора позволяют расшифровать подлинный смысл определения задач Совета рабочих депутатов, искаженный меньшевистской редакцией газеты «Приволжский край». По данным «Обзора», собранием вменялось в обязанность Совету: «1) защита интересов рабочих; 2) разработка способов борьбы с правительством для того, чтобы добиться созыва Учредительного собрания; 3) на случай забастовок или вооруженного восстания — общее руководство рабочими массами и революционными организациями в борьбе с правительством; 4) в случае, если пролетариат захватит во время восстания власть в руки — принять на себя роль временного правительства»³.

Пункты 3 и 4 резолюции неоспоримо указывают на победу большевистской ленинской тактики в вопросе об определении роли и задач создававшегося в Саратове Совета рабочих депутатов.

Резолюция собрания не осталась бумажной декларацией, как это утверждает В. Осипов. Большевики Саратова вели неустанную борьбу за ее воплощение в революционную практику.

Большевики возглавили работу по организации выборов в Совет. 30 ноября Саратовский комитет РСДРП выпустил размноженное на mimeографе воззвание «К рабочим и работницам г. Саратова». Текст воззвания был целиком опубликован также в газете «Приволжский край»⁴. В воззвании разъяснялась необходимость организации Совета как решающего условия для победоносного завершения революционной борьбы с царским правительством. Большевики призывали саратовских рабочих последовать примеру пролетариата Петербурга, Москвы, Киева, Ростова-на-Дону и других городов и создать свою боевую организацию для руководства вооруженной борьбой. В воззвании разъяснялся порядок выборов в Совет⁵ и предлагалось закончить эти выборы к 7 декабря 1905 г.

В течение недели, с 30 ноября по 7 декабря, саратовские большевики развернули на предприятиях города широкую агитационную и организаторскую работу по подготовке выборов в Совет.

В рабочей среде призыв Саратовского комитета РСДРП организовать Совет встретил горячую поддержку. Как сообщал «Приволжский край»,

¹ В. П. Антонов-Саратовский. Указ. соч., стр. 132.

² «Приволжский край», № 235, от 29 ноября 1905 г.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 389. Жандармский «Обзор» указывает другую дату общегородского собрания членов РСДРП по вопросу о создании Совета рабочих депутатов — 29 ноября, но, вероятно, это ошибка, так как речь идет об одном и том же заседании 26 ноября.

⁴ «Приволжский край», № 237, от 1 декабря 1905 г.

⁵ В основу организационного строения Совета рабочих депутатов была положена структура Петроградского Совета: в состав Совета избирался один представитель от 100 рабочих (мелкие предприятия объединялись для выбора депутата), возглавлял Совет Исполнительный комитет.

3 декабря состоялись собрания на крупнейших предприятиях города — в железнодорожных мастерских, на механических заводах Беринга и Гантке, на табачной фабрике Левковича. Повсюду рабочие единогласно принимали решение организовать Совет рабочих депутатов¹.

К 1 декабря был выпущен mimeографированный список кандидатов в Совет по предприятиям. На предприятиях проводились митинги, на которых социал-демократы разъясняли порядок и значение проводимых выборов в Совет.

Саратовский комитет РСДРП выделил для организации предвыборных митингов и собраний наиболее опытных и авторитетных в рабочей среде пропагандистов. Об одном из предвыборных собраний приказчиков, состоявшемся 6 декабря, газета «Приволжский край» сообщала, что на собрании выступил от социал-демократической организации Н. М. Дружинин. В своей речи он рассказал о значении Совета рабочих-депутатов и призывал приказчиков «принять наряду с другими рабочими посильное участие в этом новом для саратовского пролетариата деле». Присутствующие единогласно поддержали это предложение и выбрали в Совет двух депутатов — социал-демократов².

Активное участие в выборной кампании принял профессиональный союз типографских рабочих. По указанию Саратовского комитета РСДРП, в типографии газеты «Саратовский дневник» было отпечатано до 1000 экз. обращения комитета «К типографам г. Саратова».

К 7 декабря выборы в Совет были произведены на всех предприятиях города. В состав Совета оказались избранными социал-демократы (как большевики, так и меньшевики) и эсеры³.

С первых дней своего существования Саратовский Совет рабочих депутатов возглавил борьбу за организацию всеобщей политической забастовки. Застрельщиком явился передовой отряд местного пролетариата — железнодорожники. Забастовка железнодорожников началась по решению Совета, принятому на первом его заседании 8 декабря 1905 г. На том же заседании Совета было решено с 9 декабря начать массовую агитацию на остальных предприятиях города с призывом поддержать начавшуюся стачку железнодорожников⁴.

Борьба за организацию всеобщей политической стачки в Саратове происходила в чрезвычайно сложной обстановке. Город был под знаком суровых полицейских репрессий. К декабрю 1905 г. в городе насчитывалось до 800 безработных. Владельцы многих мелких предприятий, в том числе мелких механических заводов, выжидали лишь удобного случая, чтобы закрыть свои предприятия. Забастовка рабочих являлась для них таким удобным предлогом. Тем не менее уже 8 декабря на заседании Совета делегаты предприятий решительно заявили, что «если стачка примет всероссийский характер, рабочие забастуют»⁵.

Забастовка началась в Саратове 9 декабря, в день возвращения из Москвы делегатов всероссийского железнодорожного съезда, известивших о начале всеобщей железнодорожной забастовки. С утра в этот день забастовали рабочие мастерских и депо Рязано-Уральской железной доро-

¹ «Приволжский край», № 241, от 6 декабря 1905 г.

² «Приволжский край», № 242, от 8 декабря 1905 г.

³ 8 декабря состоялись выборы Исполнительного комитета Совета. В состав Исполкома вошли большевики А. Петров и М. Коваль (переплетчик типографии), меньшевики и эсеры. Полностью состав Совета охранке установить не удалось (ЦГИА, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 391).

⁴ «Приволжский край», № 224, от 10 декабря 1905 г.

⁵ Там же.

ги. Днем они устроили собрание, на котором выступавшие ораторы-большевики, в том числе делегат железнодорожного съезда слесарь А. Петров, призывали рабочих ко всеобщей забастовке под руководством Саратовского Совета рабочих депутатов и к подготовке к вооруженному восстанию. В тот же день вечером на собрании служащих Рязано-Уральской железной дороги была принята резолюция о присоединении с 10 декабря к всеобщей железнодорожной забастовке. В резолюции подчеркивалась необходимость присоединиться к вооруженной борьбе с правительством за созыв Учредительного собрания¹. Практическое руководство движением возлагалось на членов избранного собранием забастовочного комитета и членов избранного на Всероссийском железнодорожном съезде в Москве Временного исполнительного комитета Рязано-Уральской железной дороги.

В ночь с 9 на 10 декабря власти арестовали 25 активных участников и руководителей забастовки. Случайно избежавшие ареста остальные руководители забастовки были вынуждены фактически перейти на нелегальное положение.

Несмотря на начавшиеся репрессии, с утра 10 декабря Саратовский железнодорожный узел полностью прекратил работу. На предприятиях города была развернута массовая агитация за организацию всеобщей политической стачки.

Совет рабочих депутатов и его Исполнительный комитет выпустили листовку, призывавшую присоединиться к всеобщей политической забастовке под лозунгом созыва всенародного Учредительного собрания².

С самого начала Саратовский Совет был тесно связан с Московским Советом. Известия о начавшемся в Москве вооруженном восстании послужили новым мощным толчком к подъему революционного движения в городе. 11 декабря Саратовский комитет РСДРП созвал общее собрание всех городских организаций, специально посвященное вопросу о поддержке московского вооруженного восстания. Собрание состоялось в фельдшерской школе, здание которой охранялось боевой рабочей дружиной. Председательствовал рабочий-большевик А. И. Клещевников. Выступавшие большевики Н. И. Малинин, В. П. Антонов-Саратовский, Н. М. Дружинин, А. А. Богданов и другие призывали к активной вооруженной борьбе с царским правительством, к массовому вооружению рабочих, говорили о «технике восстания», о том, как строить баррикады. Под влиянием большевиков было принято решение немедленно начать в Саратове всеобщую политическую забастовку и перевести ее в вооруженное восстание. Резолюция собрания не сохранилась, но, по воспоминаниям его участников — А. И. Клещевникова и др., — собрание сыграло важную роль в подготовке вооруженного восстания в Саратове.

В тот же день Совет рабочих депутатов принял решение о всеобщей забастовке рабочих Саратова.

12 декабря забастовали рабочие механических заводов Беринга, Гантке и др., предъявившие политические требования. Рабочие организовано, с пением революционных песен направились на Институтскую площадь для участия в митинге совместно с железнодорожными рабочими³. 13 декабря к забастовке присоединились типографы, приказчики, служащие земства, ремесленники⁴. 15 декабря забастовали рабочие

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 383.

² ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 1887.

³ «Приволжский край», № 246, от 13 декабря 1905 г.

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, лл. 384—385.

Волжского сталелитейного завода, механического завода Терентьева, табачной фабрики Левковича, мельницы Рейнеке.

Всего в декабрьской всеобщей политической забастовке в Саратове участвовало около 5000 промышленных рабочих. Несмотря на то, что по массовости охвата рабочих декабрьская забастовка уступала октябрьской, она отличалась более высокой организованностью и выросшим уровнем политической сознательности рабочего класса.

Необходимо учитывать, что борьба за всеобщую политическую стачку в городе происходила в условиях активной подготовки местных властей к разгрому революционного движения. Столыпин ставил своей целью подавить восстание в зародыше, предупредив дальнейшее вооружение и организацию рабочих. 12 декабря было издано обязательное постановление саратовского губернатора, воспрещавшее собрания и митинги. В ночь с 12 на 13 декабря жандармами были произведены обыски у членов комитетов и пропагандистов-агитаторов социал-демократической организации и эсеров. При этом было арестовано 19 чел. 13, 14 и 15 декабря полиции удалось сорвать проведение нескольких митингов, организованных большевиками.

13 декабря Саратовский комитет РСДРП вновь обратился ко всем гражданам, рабочим, железнодорожным и почтово-телеграфным служащим, солдатам и крестьянам с призывом всеобщей забастовкой поддержать героический московский пролетариат, поднявшийся на вооруженное восстание против царизма. Листовка заканчивалась призывами:

«Вооружайтесь для защиты свободы и правды!

Да здравствует всеобщая забастовка!

Да здравствует грядущая свобода народа!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»¹

14 декабря Саратовским комитетом РСДРП была издана вторая листовка в количестве 15 тыс. экз. «В Москве восстание, — говорилось в листовке, — на улицах древней столицы дерутся войска и народ, гремят выстрелы и сотни смелых борцов жертвуют жизнью во имя свободы. Там, в сердце России, в эти минуты идет последний, решительный бой, там решается судьба ненавистного самодержавия... Всеобщая политическая забастовка — вот наша ближайшая цель. Итак, к бою, товарищи!»².

15 декабря произошли первые открытые столкновения бастовавших рабочих с полицией и казаками. Полиция напала на демонстрацию рабочих, направлявшуюся с митинга в город для полного прекращения городского движения и торговли. Обстановка в городе говорила о неизбежности перерастания всеобщей политической стачки в вооруженное восстание³.

В тот же день вновь состоялось заседание Совета рабочих депутатов, обсуждавшее вопрос о переходе к открытой вооруженной борьбе. Было принято решение о созыве 16 декабря общегородского митинга с участием рабочих всех предприятий г. Саратова. Для охраны митинга от нападения полиции и казаков было решено направить боевую дружину. Совет ассигновал 150 руб. на покупку револьверов. Совет решил, что в случае нападения полиции дружина должна была дать вооруженный отпор; в случае удачного отражения полицейского натиска рабочие во главе с дружинниками должны были ворваться в город, связаться с солдатами саратовского гарнизона и начать вооруженную борьбу.

¹ ЦГИАМ, ф. Колл. нелег. изд., № 1881.

² Там же, № 9882.

³ «Приволжский край», № 248, от 20 декабря 1905 г.

Со своей стороны местные власти готовились к нападению на рабочих.

С утра 16 декабря Столыпин направил на Институтскую площадь полицию и казаков. Тем не менее сорвать митинг не удалось. На Институтскую площадь со всех концов города почти одновременно устремились рабочие, учащиеся, интеллигенты. Собралось около 3 тыс. чел. Выступавшие на митинге большевики рассказывали об успехах вооруженного восстания в Москве и призывали к активной поддержке героического почина московских рабочих. Как сообщала охранка, присутствовавшие на митинге приняли решение отправиться в город и силой прекратить городское движение и торговлю. Тем временем к Институтской площади были стянуты войска, получившие от Столыпина приказ разогнать митинг. Первая полусотня казаков была встречена револьверным залпом боевой дружины. Казаки, отступив, открыли ответный огонь. Дружинники и присутствовавшие на митинге, укрывшись в домах, продолжали в течение часа вести перестрелку с войсками. Но силы сторон были слишком неравны. На помощь полиции и казакам прибыли отряд пехоты и дополнительные полицейские части. 8 участников митинга было убито, 24 ранено.

На другой день, 17 декабря, было назначено общее заседание Совета рабочих депутатов в полном составе. По сообщению охранки, на заседании должен был быть решен вопрос «о применении единичного и массового террора с 20 декабря к войскам и членам полиции»¹. Очевидно, на обсуждение ставился вопрос о вооруженном восстании. Однако заседание не состоялось: 12 членов Совета было арестовано полицией, тогда же был арестован на улице направлявшийся на сходку член Исполнительного комитета Совета большевик Михаил Коваль. Но и после ареста Совета всеобщая забастовка в Саратове продолжалась.

17 и 19 декабря происходили митинги в Парусиновой роще. Собравшиеся обсуждали известия о поражении вооруженного восстания в Москве и вопрос о ходе всеобщей забастовки в городе. Железнодорожники и рабочие механических заводов решили продолжать забастовку, несмотря на репрессии со стороны правительства. 19 декабря состоялись похороны четырех убитых 16 декабря на Институтской площади. Столыпин надеялся в этот день повторить свое кровавое преступление: на углу Царевской ул. стояли наготове казаки и пулеметы, но рабочие, следуя призыву Саратовского комитета РСДРП, не допустили провокаций².

С 19 декабря всеобщая стачка пошла на убыль. Ослабленные репрессиями и массовыми арестами, фактически лишенные руководства после ареста Совета рабочих депутатов, рабочие Саратова были вынуждены прекратить борьбу. 19 и 20 декабря возобновили работу типографии, 21 декабря — служащие Управления Рязано-Уральской железной дороги. Упорнее всех продолжали борьбу рабочие механических заводов и железнодорожники. Движение составов через Саратов было возобновлено лишь 24 декабря³.

Подводя итоги деятельности Совета рабочих депутатов в Саратове, необходимо отметить, что за короткий срок своего существования, с 8 по 17 декабря, он сумел объединить под своим руководством все рабочее

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, оп. 5, 1905 г., д. 1800, ч. 29, л. 399.

² «Приволжский край», № 248, от 20 декабря 1905 г.

³ «Приволжский край», № 253, от 25 декабря 1905 г.

движение в городе. Под руководством Совета проходила декабрьская политическая всеобщая стачка в Саратове. Действуя в обстановке массовых репрессий против революционного движения и в условиях тяжелого материального положения рабочих, которым грозила безработица и массовое закрытие предприятий, работавших с неполной нагрузкой, Совет рабочих депутатов в лице большевистской его части добился активного включения в революционную борьбу всех отрядов рабочего класса Саратова. Организация Советом массовых пролетарских митингов в городе способствовала быстрому политическому росту саратовского пролетариата и привлечению в ряды революционных борцов наиболее передовых представителей городского трудящегося населения. Совет под влиянием большевиков вел работу по подготовке вооруженного восстания в городе.

Однако эта работа велась Советом недостаточно решительно и энергично. Совокупность ряда объективных и субъективных факторов не позволила перевести стачку в вооруженное восстание. Попытка начать восстание не увенчалась успехом и была сразу же подавлена. Тем не менее стачка саратовских рабочих и подготовка ими восстания, наряду с революционными выступлениями пролетариата в других городах, оказала помощь восставшим рабочим Москвы.

Несмотря на поражение революции 1905 г., опыт первого Совета рабочих депутатов в Саратове, как и в других городах страны, имел большое историческое значение. Советы были первой массовой беспартийной революционной организацией рабочего класса, созданной революционным творчеством народа для организации победы революции. Советы под руководством большевиков являлись органами вооруженного восстания, а в ряде районов — зачатками новой, революционной власти. Опыт первого Саратовского Совета рабочих депутатов жил в сознании саратовского пролетариата, и саратовские большевики успешно использовали его в революции 1917 г.

ФЕЛИКС ТЫХ

(Польская Народная Республика)

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ (СДКПиЛ) В 1905 ГОДУ

В начале XX в. Польское Королевство (или, как оно официально называлось, — Царство Польское) представляло собой страну с относительно развитой промышленностью, достигшей высокой степени централизации и концентрации, и с промышленным пролетариатом, насчитывавшим свыше 300 тыс. чел. В то же время экономика Царства Польского, так же как и всей России, была обременена серьезными феодальными пережитками, прежде всего в земледелии, где капитализм развивался по «прусскому» пути. В руках сравнительно небольшого класса помещиков находилось свыше 40% всей земли, в то время как основная масса крестьянства страдала от крайнего малоземелья. Польский рабочий класс, как и русский, страдал, по выражению В. И. Ленина, и от развития капитализма и от недостаточности его развития.

Переход к империализму не только не вел к уничтожению феодальных пережитков в экономике и политическом строе, но еще более консервировал их. Главным в смысле незавершенности буржуазно-демократических преобразований в Польше, помимо сохранения феодального строя, являлся факт государственного расчленения польских земель и отсутствие национальной независимости.

Тесный союз польских господствующих классов — буржуазии и помещиков между собой и с захватническими правительствами, огромная доля иностранного капитала в польской промышленности обусловили их контрреволюционность, нежелание и неспособность вести борьбу с феодальными пережитками — единственно реальный путь объединения и независимости польских земель. Возглавить эту борьбу мог только польский пролетариат, имевший потенциального союзника в лице крестьянства, которое также было заинтересовано в доведении до конца буржуазно-демократических преобразований, а также в революционном пролетариате государств, захвативших Польшу. Особенно важным для польского пролетариата был союз с русским пролетариатом. Центр международного революционного движения находился в России, здесь подымалась величайшая народная революция. Это усиливало ведущую роль входившего в Россию Царства Польского, как ядра всех польских земель, в борьбе народных масс за социальное и национальное освобождение. Царство Польское было главным звеном, соединявшим все польские земли с русской революцией. Поэтому во главе всего польского пролетариата в начале XX в. становится пролетариат Царства Польского. Это было обусловлено также и тем, что только пролетариат Царства Польского

имел к этому времени свою собственную марксистскую революционную партию — Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ).

Основанная в 1893 г. и возглавляемая такими выдающимися революционерами, как Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский, Феликс Дзержинский, Бронислав Весоловский и другими, СДКПиЛ с самого начала показала себя партией, кровно преданной делу пролетариата, воспитывающей польских рабочих в духе непримиримой борьбы с царизмом и собственной буржуазией, с ее идеологией национализма и шовинизма. СДКПиЛ воспитывала польский рабочий класс в духе братского боевого союза с русским пролетариатом, в понимании решающего значения русской революции для исторических судеб Польши, ее социального и национального освобождения.

Однако при всем этом СДКПиЛ не была последовательно марксистской партией, партией ленинского типа. Она допускала серьезные ошибки как в области стратегии, так и в области тактики. Основным источником этих ошибок было, с одной стороны, преувеличение степени капиталистического развития Польши и недооценка значения пережитков феодализма в ее экономике и в ее политических отношениях с Россией. С другой стороны, эти ошибки были обусловлены сильным влиянием на СДКПиЛ теорий, господствовавших в партиях II Интернационала, характерных для социал-демократических партий доленинского типа и, в частности, для левых в ведущей партии II Интернационала — германской социал-демократии. Значительная часть руководства СДКПиЛ (Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Леон Тышка) была лично связана с левыми в германской социал-демократической партии, занимая среди них руководящую роль. Главные из ошибок СДКПиЛ, с которыми партия вступила в революцию 1905 г., состояли в недооценке организующей роли партии, в сведении ее прежде всего только к роли массового агитатора революции, в преклонении перед стихийными формами развития революционного движения, а также в неправильных взглядах на движущие силы революции. СДКПиЛ видела в пролетариате единственную движущую силу революции в Польше и не понимала роли крестьянства как союзника пролетариата. Она недооценивала также революционных возможностей национально-освободительного движения в Польше, что проявлялось в отрицании ею ленинского лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. СДКПиЛ считала, что национальный вопрос при капитализме сводится только к борьбе за «свободу национальной культуры»¹. Руководители СДКПиЛ в экономических тенденциях капитализма видели только центристские тенденции, не замечая его второй тенденции — обособления национальных территорий, которая была особенно характерна для стран с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями, какой именно и была Польша в этот период.

I

Русско-японская война началась в обстановке растущей нужды народа, усиленной экономическим кризисом начала XX в., в обстановке полицейского и национального угнетения, сопровождавшегося ростом революционной борьбы масс. Война еще более углубила экономический кризис в Царстве Польском, увеличила безработицу, обострила социальные и политические противоречия. СДКПиЛ была единственной партией в

¹ R. Luksemburg. Czego chcemy? Warszawa, 1906, стр. 20.

Царстве Польском, которая заняла революционную позицию по отношению к войне. Она, по примеру большевиков, указывала массам на империалистический характер войны, решительно выступая против нее и призывая рабочий класс Царства Польского воспользоваться ослаблением царизма в этой войне, чтобы свергнуть ненавистное самодержавие совместными усилиями польского и русского пролетариата.

События 9 января в Петербурге нашли немедленный отклик в Царстве Польском. СДКПиЛ сразу же оценила петербургские события как начало революции во всей России и призвала польский рабочий класс начать всеобщую забастовку, указывая, что «от солидарной борьбы рабочего люда в России и в Польше зависит, сможет ли стать действительностью политическая свобода для народа»¹. СДКПиЛ выдвинула те же главные политические требования, что и большевики: демократическая республика и созыв Учредительного собрания на основе демократического избирательного права, 8-часовой рабочий день. Кроме того, она выдвинула целый ряд экономических требований. На события в России польский пролетариат ответил всеобщей забастовкой, охватившей впервые в истории все Царство Польское.

СДКПиЛ приложила все усилия к тому, чтобы придать забастовке целеустремленный характер. После окончания забастовки, принявшей очень острый характер, СДКПиЛ возглавила в последующий период могучую волну экономических забастовок, охвативших десятки тысяч рабочих. СДКПиЛ указывала, что интересы расширения движения требуют «углублять и соединять экономическую борьбу в одно гармоническое целое с политическими стремлениями нынешней революции»².

В результате январской всеобщей забастовки и экономических стачек последующих двух месяцев большинство польских рабочих добилось повышения заработной платы на 20—50%, сокращения рабочего дня на один час, значительного улучшения обращения администрации с рабочими, а также признания фабрикантами рабочего представительства на заводах.

Революционное выступление пролетариата оказало огромное влияние на активизацию крестьянского и национально-освободительного движения. Движение в деревне проявило себя в начальный период революции главным образом в виде забастовок фольварочных рабочих, выступлений крестьян за пользование помещичьими лесами и пастбищами, а также требований введения польского языка в школе, гмине и суде. Школьная забастовка под лозунгом полонизаций и демократизации школы уже с января охватила большинство городов Царства Польского. СДКПиЛ активно участвовала в организации школьной забастовки. Выступая против проводимой царизмом политики руссификации, СДКПиЛ указывала на неразрывную связь борьбы за польский язык с общей борьбой за демократию, возглавляемую пролетариатом.

Борьба польского пролетариата и крестьянства вызвала бешеное противодействие со стороны царских властей и польских помещиков и буржуазии. Приведя в движение все рычаги контрреволюционного идеологического воздействия на народные массы, польские имущие классы, кроме главного своего идеологического оружия — национализма, стали также широко использовать влияние римско-католической церкви. Но

¹ Воззвание Главного правления СДКПиЛ от 23 (10) января 1905 г. Архив Отдела истории партии при ЦК ПОРП (АНРП), 1905, ч. 1, вып. 2, № 1.

² R. Luksemburg. Z doby rewolucyjnej. Co dalej? — Dodatek do «Czerwonego Sztandaru», 1905, № 24.

ни эти меры, ни раскольническая деятельность социал-националистов из рядов Польской социалистической партии (ППС) не приостановили революционного движения. Уже в ходе первых месяцев революции авторитет СДКПиЛ среди польских трудящихся неизмеримо вырос, а ряды партии увеличились в несколько раз. Организации СДКПиЛ в главных промышленных центрах Царства Польского — Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне — становятся руководящими центрами революционного движения в стране.

Решения III съезда РСДРП и труд В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» имели громадное и непосредственное значение и для СДКПиЛ, которая в исходном, главном тактическом вопросе революции 1905—1907 гг., — какой класс должен возглавить революцию — пролетариат или либеральная буржуазия, — заняла правильную, близкую к большевикам позицию и резко выступала против меньшевистской тактической линии, выдвигавшей либеральную буржуазия в качестве гегемона революции. СДКПиЛ, так же, как и большевики, характеризуя начавшуюся в России революцию как буржуазно-демократическую, вместе с тем указывала на ее коренное отличие от буржуазных революций прошлого: «Началась первая в истории революция, руководимая сознательным рабочим классом под знаменем социал-демократии»¹. Роза Люксембург подчеркивала, что начавшаяся революция создала свои собственные методы борьбы, «не имеющие ничего общего ни с предыдущими буржуазными революциями, ни с существующими до сих пор парламентарными боями современного пролетариата». «Она создала, — продолжала Роза Люксембург, — новый метод борьбы, отвечающий ее пролетарскому характеру, как соединению борьбы за демократию с борьбой против капитализма, — революционную массовую стачку. Итак, как по своему содержанию, так и по своим методам, она является совершенно новым типом революции»².

СДКПиЛ постоянно указывала польским народным массам, что эта революция происходит в период, в который буржуазия во всем мире вследствие «острых классовых антагонизмов, опасаясь за свое будущее, поддерживает не революцию, хотя она и буржуазная, а царскую реакцию»³.

СДКПиЛ не сумела, однако, правильно понять второй стороны ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции в новых условиях — идеи о том, что главным союзником пролетариата в этой революции является крестьянство, призванное осуществить вместе с пролетариатом и под его руководством революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, создать временное революционное правительство в ходе победоносного народного восстания. Вместе с тем необходимо заметить, что правильное представление о тактической линии СДКПиЛ в революции 1905—1907 гг. можно составить только с учетом того капитального факта, что в польском рабочем движении в этот период существовали два коренным образом отличных течения: националистически-оппортунистическое, представляемое ППС, и революционно-интернационалистическое, представляемое СДКПиЛ. Для польского пролетариата самым существенным тактическим вопросом в революции был вопрос об отношении к русскому революционному

¹ «Czerwony Sztandar», 1906, № 47.

² R. Luksemburg. Rewolucja w Rosje — «Trybuna Ludowa», 1905, № 4.

³ «Czerwony Sztandar», 1906, № 124.

движению, к русской революции, ибо победа революции в Польше была невозможна без победы революции во всей России.

Оппортунизм и национализм ППС нашел свое яркое выражение в отрицательном отношении правого руководства этой партии к русской революции, тогда как вся революционная сущность СДКПиЛ выразилась в ее стремлении к единению с русской революцией. «Революция в нашем крае, — писала газета Варшавского комитета СДКПиЛ «Трибуна Людова», — с самого своего начала была, есть и останется в дальнейшем составной частью революции во всем государстве. В этом залог ее победы»¹. Таким образом, СДКПиЛ в этом главнейшем для польского пролетариата тактическом вопросе занимала правильную революционную позицию.

Политика правых ППС'овцев, видевших свою главную задачу в отрыве польского пролетариата от революционного влияния русского пролетариата и его борьбы, в подчинении польского пролетариата идеям буржуазного национализма, т. е. в подрыве дела социального и национального освобождения польского народа, привела, под влиянием деятельности масс в революции, к резкому обострению противоречий внутри ППС, явившись непосредственной причиной раскола в ППС в 1906 г. и исключения из ее рядов ярых националистов и врагов русской революции, создавших отдельную партию — «ППС-фракцию».

Болеслав Берут указывает, что борьба двух течений в польском рабочем движении «была борьбой двух классов, противоположных идеологий — идеологии пролетариата и идеологии буржуазии, борьбой марксизма-ленинизма с идеологическими влияниями буржуазии, просачивавшимися в рабочее движение, чтобы подчинить это движение целям и интересам господствующего класса — класса антагониста, целям и интересам капитализма»².

Май—июнь 1905 г. в Царстве Польском характеризуются возобновлением массовых политических выступлений польского рабочего класса, возглавляемых СДКПиЛ. Массовые демонстрации, началом которых явилась организованная СДКПиЛ 20-тысячная первомайская демонстрация в Варшаве, а также первомайские демонстрации в других городах, сопровождавшиеся политической забастовкой, вылились 9 (22) июня в вооруженное восстание лодзинских рабочих.

Баррикадная борьба лодзинских рабочих, продолжавшаяся четыре дня, была поддержана по призыву СДКПиЛ забастовками солидарности рабочих главных городов Царства Польского. Лодзинская организация СДКПиЛ, возглавившая борьбу лодзинских рабочих, не сумела, однако, придать восстанию организованный характер. Восставшие рабочие не были подготовлены к активной борьбе и ограничивались одной обороной. Несмотря на это, лодзинское восстание являлось большим шагом вперед на пути общего развития революции 1905 г., будучи первым вооруженным восстанием пролетариата в Российской империи. СДКПиЛ видела в восстании свидетельство революционных возможностей рабочих масс и начало перехода революции от всеобщих забастовок и политических демонстраций к более высокому этапу борьбы — этапу вооруженных восстаний. Извлекая уроки из лодзинского восстания, СДКПиЛ указывала, что успех восстания может гарантировать только одновременное проведение его во всей стране.

¹ «Trybuna Ludowa», 1905, № 1.

² Б. Берут. Об идеологических основах марксистской партии — «Правда», от 17 декабря 1948 г.

Усиление рабочего движения и обострение его форм, начиная с мая 1905 г., массовые политические демонстрации, вооруженные столкновения народа с полицией и войсками, восстание в Лодзи и т. п. привели к тому, что польская буржуазия сразу же после лодзинского восстания перешла к энергичному наступлению на рабочее движение, стремясь задуть его. С середины 1905 года она во главе с основной контрреволюционной партией польской буржуазии и помещиков — «Народовой демократией» (национал-демократическая партия), так называемыми эндеками, значительно энергичнее, чем раньше, стала оказывать помощь царизму в деле подавления революции. Польская буржуазия пустила в ход весь арсенал своих средств, начиная от идеологической диверсии, где главным орудием было использование национальных чувств и религиозных суеверий, и кончая прямым физическим истреблением революционеров с помощью польских черносотенных банд из созданной эндеками под видом спортивного общества организации «Сокол», а также с помощью доносов на революционеров в полицию и т. п.

Безмерно спекулируя словами «патриотизм», «нация», «отчизна», «Польша», — эндеки всячески старались убедить польских рабочих не бастовать, а вместе с польской буржуазией и помещиками добиваться от царизма небольших уступок, которые на деле только усилили бы классовое господство буржуазии. Типичным является в этом отношении изданное эндеками после майских дней 1905 г. воззвание к рабочим, в котором говорилось: «Рабочие! Мы апеллируем к вашим патриотическим чувствам, апеллируем к вашему рассудку. Если в стране существует безработица, так могут ли постоянные забастовки принести вам и стране пользу?... Плохо служит польскому рабочему делу тот, кто бросает Польшу в пучину беспорядков, в то время как у России, ослабленной войной, можно при последовательном и согласованном действии добиться многого»¹. В других своих изданиях эндеки пытались убедить польских рабочих, будто в самой России «на деле» нет никакого серьезного рабочего движения и даже вообще нет никакой революции².

Царские власти в Польше самым непосредственным образом стали прибегать к услугам партии эндеков, хотя формально она была нелегальной. В самый разгар лодзинского восстания, в целях быстрейшего его подавления, царская охранка старалась распространить среди лодзинских рабочих как можно больше эндековских воззваний. 24 (11) июня начальник лодзинской жандармерии доносил начальнику губернского жандармского управления о полученных им экземплярах упомянутой прокламации эндеков, которая, как он писал, «должна произвести отрезвляющее влияние на рабочие массы, почему и все полученные мною агентурным путем до 300 экземпляров означенной прокламации предполагал раздать через своих сотрудников по рукам рабочих»³. Трудно найти более яркий пример общности интересов царской охранки и польской буржуазии.

В половине 1905 г. эндеки создали специальную организацию под названием «Народовы звензек роботничы» — НЗР («Национальный рабочий союз») для ведения контрреволюционной диверсии в рядах рабочего класса. Главной задачей этой организации являлась борьба против СДКПил и ее идей о революционной борьбе пролетариата. Воздействуя

¹ Гос. Архив древних актов в Варшаве (AGAD), ф. архива Потоцких.

² Там же.

³ Гос. воеводский архив в Лодзи (APŁ), ф. Петроковского жандармского упр. (PGLZ), 1905/27, к. 297.

демагогическими и шовинистическими лозунгами на самые отсталые, темные, опутанные религиозными суевериями слои польского рабочего класса, эта организация пыталась увести пролетариат от революционной борьбы, выдвигая на первый план вопрос о мнимом «единстве» всех поляков.

Бешеную травлю социалистов во всей стране повело также и польское католическое духовенство¹. В июне 1905 г. польское духовенство создало так называемую «христианско-демократическую» рабочую организацию (хадеки), с той же целью, что и у НЗР. От последней она отличалась только тем, что в большем объеме прибегала к религиозной фразеологии. О том, чьим интересам служила эта организация, свидетельствует хотя бы такой факт, что директор Шейблеровской фабрики в Лодзи принуждал рабочих вступать в нее, грозя в противном случае увольнением².

СДКПиЛ клеймила позором и разоблачала перед народными массами подлинное лицо прислужников самодержавия в рясах и без ряс. В листовке «Союз нагайки, кропила и эксплуатации», изданной Главным правлением СДКПиЛ в июле 1905 г. по поводу наглого выступления архиепископа Попеля против восставших лодзинских рабочих, объявлявшего их виновниками июньских жертв, говорилось: «Кровавый царь может себе сказать: вот я убиваю рабочих, а польская буржуазия и католическое духовенство называют убийцами рабочих социал-демократов, а не меня, царя! Царь, клир, буржуазия — вот святая троица нагайки, кропила и эксплуатации»³.

Несмотря на коварные методы борьбы буржуазии и ее прислужников с рабочим движением, последнее не только не шло на убыль, но еще более росло и усиливалось.

В течение летних месяцев 1905 г. в Царстве Польском, как и во всей России, получили дальнейшее развитие массовые формы экономической и политической борьбы рабочего класса, тесно переплетавшиеся между собой. В области экономической борьбы рабочие выдвигали главным образом требования наступательного характера, однако большие усилия требовались также для защиты достигнутых в период январско-февральских стачечных боев завоеваний (заводские делегации, право на забастовку и т. п.). Вдохновителем и руководителем этой борьбы являлась СДКПиЛ.

В Варшаве с июля по сентябрь включительно СДКПиЛ возглавила мощную забастовочную волну⁴. В конце июля и начале августа около 20 тыс. варшавских металлистов объявили забастовку, чтобы поддержать бастовавших под руководством СДКПиЛ рабочих металлического завода «Лильпоп, Рау», выдвинувших ряд экономических требований. Забастовка отличалась большим упорством и в основном окончилась победой рабочих.

Забастовочная волна охватила ряд предприятий в Варшавском районе — текстильную фабрику в Марках с 4500 рабочими, рабочих Прушко-ва, Гродзиска и других местностей, а в самой столице — трудящихся тех отраслей, которые до этого времени еще слабо участвовали в революционном движении (каменотесы, водопроводчики, носильщики, продавцы

¹ «Czerwony Sztandar», 1905, № 26. Сразу же после лодзинского восстания, 15 (28) июня варшавский архиепископ Попель обратился с пастырским посланием к польским рабочим, призывая их отказаться от забастовок (AGAD, ф. архива Потоцких, Druki ulotwe z lat 1904—1918. «Arcybiskup Warszawski olo robotnikow i pracodawcow»).

² «Czerwony Sztandar», 1906, № 79.

³ AGAD, ф. графов Браницких, № 2366.

⁴ «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 311—312.

и т. д.)¹. «Забастовки вспыхивают за забастовками,— сообщал 5 августа из Варшавы корреспондент газеты СДКПиЛ «Z pola walki» («С поля боя») — среди бастующих произносят революционные речи, заводы превращаются на время в залы социалистических митингов. Такие митинги были нами организованы в последнее время, например, у Лильпопа (несколько раз), Рудзкого, Рона и Зелинского, Габриельмана, Фаянса, Вицля, Браумана и многих других»².

В летние месяцы СДКПиЛ возглавила стачечную борьбу также и в Лодзи. Массовые аресты и репрессии после подавления июньского восстания и введения военного положения в Лодзи только на короткое время задержали дальнейшее развитие революционного движения в городе. Администрация крупнейших лодзинских фабрик, воспользовавшись временной депрессией рабочих после жестокого подавления восстания, пыталась ухудшить условия труда. Однако руководимые СДКПиЛ рабочие энергично отбили эти попытки, выступив с рядом новых забастовок³.

Летом 1905 г. мощная забастовочная волна разразилась также в Домбровском бассейне.

В июле рабочие ряда копей и заводов явочным порядком стали вводить 8-часовой рабочий день.⁴ «В Сосновицком районе, — доносил начальник Петроковского губернского жандармского управления 8 (21) июля 1905 г., — брожение опять усиливается. Рабочие предъявляют все новые и новые требования... Занятия идут вяло, причем прекращаются работы самовольно, с таким расчетом, чтобы рабочий день не превышал восьми часов»⁵. В связи с осуществлением рабочими 8-часового рабочего дня в августе разгорелась упорная стачечная борьба, поскольку администрация отказывалась выдавать полную зарплату⁶. «Рабочие, — сообщал в другом донесении о рабочих бассейна начальник губернского жандармского управления, — настолько терроризовали администрацию заводов и фабрик, что она допускает всякие нарушения правил внутреннего распорядка, и фактически управляют заводами не директора, а рабочие»⁶.

Требования рабочих отдельных копей и заводов вырабатывались, как и в других рабочих центрах, местными социал-демократическими организациями⁷.

Как уже указывалось, лето 1905 г. было периодом не только усиленной экономической, но и политической борьбы польского рабочего класса. Обе формы борьбы тесно переплетались между собой, и это именно составляло ее силу. Часты были случаи столкновения рабочих с войсками и полицией. Так, 10 июля такие столкновения имели место в Варшаве и Згерже⁸.

С целью отвлечения народа от революции царизм неоднократно прибегал к организации еврейских погромов. Так, царские власти спровоцировали 12 августа большой погром в Белостоке, в результате

¹ «Z pola walki», 1905, № 11; AGAD, ф. Канцелярии варшавского ген.-губернатора (GGW), № 103729, к. 141, 148; № 103730, кн. 77.

² «Z pola walki», 1905, № 11.

³ «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 318, 321.

⁴ APL, PGŁŻ, 1905/27, к. 381.

⁵ Там же, к. 411, 360.

⁶ Там же, к. 357.

⁷ См., например, листовки с требованиями рабочих шахт «Париж» и «Кошелев», завода «Гута Банкова» и др. в сентябре 1905 г. (Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛ2—65, Ц 43043, Ц. 43041; AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — Zagłębie, № 4).

⁸ «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 313.

которого около 100 евреев было убито и несколько сот ранено. В ответ на эту зверскую провокацию Варшавский комитет СДКПиЛ организовал 18 августа в Варшаве однодневную политическую забастовку протеста. В этот день не работали все заводы и мастерские столицы¹.

Летние выступления рабочего класса оказали влияние на развитие крестьянского движения. В это время участились случаи самовольной пастьбы крестьянского скота на помещичьих и казенных лугах и массовая порубка владельческих и казенных лесов². Так, например, радомский губернатор доносил в июле 1905 г., что «в последнее время в некоторых местностях Радомской губернии имели место случаи своеволия крестьян, выразившихся в самовольной пастьбе ими скота в казенных и частных лесах, рубке казенного и частного леса, причем по заарестовыванию пасшегося без разрешения скота в нескольких случаях крестьяне, собираясь толпами, силой отнимали задержанный скот, учиняя вместе с тем насилие над лицами, его арестовавшими»³.

В политической области крестьяне усилили борьбу за демократизацию гминного самоуправления и введение польского языка в школе и в гмине. Отказ в уплате налогов на содержание полиции, жандармов и стражников принял среди крестьян массовый характер⁴.

Самый большой размах политического движения летом 1905 г. в Царстве Польском, как и в России, был связан с изданием царского манифеста о созыве булыгинской совещательной Думы.

СДКПиЛ сразу же сумела по-настоящему оценить характер и цели царского манифеста. Немедленно после его издания орган СДКПиЛ «Червоны Штандар» назвал его мнимой уступкой, сделанной под натиском революционных масс, «омерзительной комедией, безобразной насмешкой над политической свободой, ради которой тысячи пролетариев во всем государстве жертвуют своей кровью и жизнью»⁵. Партия разъясняла массам подлинную суть и цели булыгинской «конституции».

«С виду эта комедия кажется уж слишком чудовищной, — писал «Червоны Штандар», — слишком ясной, чтобы могла иметь какую-нибудь практическую цель для самодержавия, а все-таки у нее есть цель и притом тщательно продуманная. Деспотизм этой конституцией не уступает ни на шаг своих позиций и ни в малейшей степени не отказывается от своей власти. Законодателем остается кнут. Но в то же время кнут этот появляется в новом одеянии, создана вещь как будто на вид новая, новые отношения, рассчитанные на создание расстройств и замешательства в лагере революции». Статья осуждала позицию меньшевиков, призывавших рабочих принять участие в выборах в законосовещательную Думу, как «совершенно ошибочную», могущую только «вызвать замешательство в умах малосознательных слоев трудящегося народа» и льющую «воду на мельницу царского правительства»⁶.

СДКПиЛ призывала массы к активному бойкоту выборов с тем, чтобы не допустить созыва Думы. Партия выдвинула лозунг: «Посредством массовой революционной борьбы не допустить осуществления царской конституционной комедии».

¹ «Z pola walki», 1905, № 11.

² AGAD, GGW, № 103723, к. 184 i № 103708, к. 73 inn; Гос. воеводский архив в Кельцах, отделение в Радоме (APR), ф. канц. Радомского губернатора (KGR) № 1585, к. 5; № 2888, к. 51—56, 67—68, 76—80, № 2889, к. 2, 3, 10, 14, 15, 19.

³ APR, KGR, № 1319, к. 295.

⁴ AGAD, GGW, № 103723, к. 184; APR, KGR, № 2893, к. 1—4, 8.

⁵ «Czerwony Sztandar», 1905, № 28.

⁶ Там же.

и обратить ее в новый этап революции — вот вкратце тактика борьбы сознательного пролетариата по отношению к тактике обмана, применяемого царским правительством»¹. Применяя этот лозунг на практике, СДКПиЛ организовала во всей стране широкую политическую кампанию против булыгинской Думы². Почти все местные организации СДКПиЛ издали ряд специальных прокламаций, разоблачавших подлинный характер «конституционных» замыслов царского правительства и призывавших польский рабочий класс энергично протестовать против булыгинской Думы политической забастовкой и демонстрациями³.

Результаты этой кампании сказались быстро. Манифест о созыве булыгинской Думы был опубликован 19 августа, а уже 21 и 22 августа в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне, Ченстохове, Калише, Радоме, Кельцах, Люблине, Седльцах и в ряде других местностей Царства Польского вспыхнули всеобщие политические забастовки протеста против царского манифеста. Инициатива и руководство стачками принадлежали СДКПиЛ. В ряде мест стачки сопровождались уличными демонстрациями. К забастовке присоединились также рабочие Привислинской железной дороги⁴. Стачки продолжались от одного до трех дней. 23 августа царское правительство было вынуждено объявить Варшаву с уездом на военном положении.

В середине сентября 1905 г. состоялась первая за время революции общероссийская конференция социал-демократических организаций с участием РСДРП, СДКПиЛ, Бунда и Латышской социал-демократии, на которой было принято решение об организации по всей стране всеобщей забастовки протеста с целью срыва булыгинской Думы⁵.

В течение лета 1905 г. имело место дальнейшее укрепление партийных организаций СДКПиЛ. Только за июнь — июль месяцы были созданы организации партии в Радомске (Новорадомск), Скаржиске, Радоме, Сухеднове, Завердце, Калише, Ближине, Пабианице и других городах⁶. Seriously выросли за это время уже существовавшие партийные организации в Домбровском бассейне, Ченстохове, Белостоке и др.⁷

В конце июля в лесу, недалеко от деревни Дембе Вельке (под Варшавой) собралась варшавская партийная конференция СДКПиЛ, на которой в качестве представителя Главного правления партии присутствовал Феликс Дзержинский. Все участники конференции сразу же после ее открытия были арестованы. Среди арестованных был и Ф. Дзержинский (под кличкой Кжечковский)⁸. Однако, несмотря на то, что это было серьезным ударом по партии, деятельность ее в последующие месяцы не только не ослабела, но еще более усилилась.

¹ «Czerwony Sztandar», 1905, № 28.

² «Z pola walki», 1905, № 13.

³ AWP 1905, ч. 1, вып. 2 (Warszawa), № 4; APZ, PGZŁ, 1905/12, к. 415, 469; «Z pola walki», 1905, № 13.

⁴ AGAD, GGW, № 103730, к. 184; APL, PGZZ, 1905/27, к. 434; «Z pola walki», 1905, № 13; «Z pola walki» (Москва) 1931, № 11—12, стр. 319—320. В Лодзи и Ченстохове забастовка охватила не всех рабочих.

⁵ «Z pola walki» 1905, № 13; «Czerwony Sztandar», 1905, № 28.

⁶ «Z pola walki», 1905, № 12; AGAD, GGW, № 103729, к. 119—125; «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 316.

⁷ F. Dzierżyński. Pisma wybrane, Warszawa, 1951, стр. 140; «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 312.

⁸ Materiały do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce, pod red. J. Krasnego, т. II, М., 1927, стр. 118—119. Из 42 арестованных 32, то есть 80%, были рабочими. Это соотношение социального состава конференции было характерно и для партии в целом.

II

Большую революционную работу проводила СДКПиЛ в 1905 г. в войсках. Особенно усилилась она с июня месяца, после лодзинского восстания. Для развития революции в Царстве Польском успешная работа в войсках была особенно необходима по двум причинам: 1) Польша принадлежала к тем немногим районам страны, где в период революции было сосредоточено большое количество войск; 2) части, расположенные в Польше, состояли из русских солдат и офицеров (поляки отбывали военную службу во внутренних губерниях России), среди которых разжигались антипольские шовинистические настроения, имевшие целью отвлечь внимание солдат от революции, привить им ненависть к польскому революционному и национально-освободительному движению, изображая его опасным движением, угрожающим целостности и безопасности России.

В 1905 г. численность войск в Польше, которые сосредоточило там царское правительство, превышала 250 тыс. чел., что было немногим меньше численности всего промышленного пролетариата Царства Польского. В одной только Варшаве в январские дни 1905 г. было сосредоточено около 50 тыс. солдат, что превышало число всех промышленных рабочих столицы. Из состава войск Варшавского военного округа царское правительство решилось отправить на театр войны только один корпус¹. Из остальных частей и соединений были отправлены разновременно лишь группы офицеров и отдельные солдатские команды².

Несмотря на то, что весь уклад военной жизни царской казармы был направлен на превращение солдат в слепое и послушное орудие царизма, война и революция не могли не отразиться на настроениях армии, рядовой состав которой состоял из крестьян и рабочих.

С самого начала революции 1905 г. среди агитационной литературы СДКПиЛ появляются издания на русском языке, обращенные к солдатам частей, дислоцированных в Польше. В листовке «К солдатам», выпущенной в первые дни январской стачки, говорилось: «Нас гнут те же чиновники и фабриканты, что и вас. Свобода, которой требует русский народ — наша свобода. И мы, польские рабочие в Варшаве, Лодзи и других городах, решили бросить работу, чтобы поддержать наших русских товарищей.

Не забывайте же этого, солдаты! Когда царские чиновники прикажут вам стрелять в нас, польских рабочих, откажитесь делать это! Стреляя в нас, вы стреляете в своих же братьев. Усмиряя нас, вы усмиряете тех, кто борется за вас и ваших близких во всей России»³.

Много внимания вопросам революционной агитации в армии уделяла с первых же месяцев революции и пресса СДКПиЛ⁴.

В марте 1905 г. газета «*Z pola walki*» в статье «Настроение войск в Польше», приведя ряд примеров сопротивления солдат в Царстве Польском начальству, отказа действовать против народа и выехать на фронт,

¹ Сувалкская губерния и Щучинский уезд Ломжинской губернии были включены в состав Виленского военного округа. Все остальные губернии Царства Польского с Белостокским и Брест-Литовским уездами Гродненской губернии входили в Варшавский военный округ.

² «1905 г. Материалы и документы. Армия в первой революции», М.—Л., 1927, стр. 174.

³ APŁ, PGZZ, 1905/12, к. 287.

⁴ «*Z pola walki*», 1905, № 4 («*Wojsko wobec rewolucji*»); № 6 («*Nastroj wojska w Polsce*»), № 9 («*Agitacja Socjaldemokratyczna i nastrój w wojsku*»).

приходила к выводу, что при надлежащей агитации среди войск можно добиться крупных успехов. Статья указывала на необходимость направления на этот важнейший участок партийной работы большего количества людей, средств, литературы. «Идите, товарищи, к солдатам,— призывала статья,— постарайтесь завязать с ними отношения, организуйте среди них хотя бы небольшие группы решительных, преданных делу людей. Необходимо только начать, чтобы солдатские массы тронулись»¹.

Большую работу в войсках, помимо СДКПиЛ, развернула под общим ее руководством специальная военно-революционная организация, созданная еще в конце 1904 г. при содействии Киевского комитета РСДРП². Варшавская «Военно-революционная организация» (ВРО). С первых же месяцев своей работы ВРО стала пользоваться сильным влиянием среди солдат Пулавского гарнизона (Ново-Александрия), который был весьма значительным. Совместно с Южным комитетом СДКПиЛ ВРО проводила здесь большую агитационную работу³.

Главным инициатором и руководителем революционной работы СДКПиЛ в армии был Феликс Дзержинский. Еще в феврале 1905 г. Ф. Дзержинский в письме Заграничному комитету СДКПиЛ представил подробный план работы партии среди войск. Согласно этому плану, ВРО в Царстве Польском должна была самым тесным образом организационно связаться с СДКПиЛ; во всех центрах партийной деятельности на местах должна была существовать ВРО, в состав которой должен был входить представитель местного комитета СДКПиЛ; отдельные местные ВРО должны были иметь свой руководящий центр, охватывающий все Царство Польское, с представителем Главного правления СДКПиЛ в своем составе. «Я лично,— писал Ф. Дзержинский,— придаю этой работе громадное, просто колоссальное значение. Нашей обязанностью является заняться этим делом»⁴.

Из писем Ф. Дзержинского Заграничному комитету СДКПиЛ видно, что он с неослабевающим вниманием относился к военной работе партии. Ф. Дзержинский лично вел переговоры с Варшавской ВРО и добился самого тесного сближения ее с СДКПиЛ. Он сам приезжал в Пулавы, чтобы проверить состояние работы в воинских частях, постоянно заботился о политической литературе на русском языке для ВРО, просил присылать из-за границы русскую социал-демократическую прессу для солдат, в том числе большевистскую газету «Вперед»⁵.

Революционная агитация СДКПиЛ и ВРО не замедлила сказаться. В Пулавах часть солдат, получив известие о «кровавом воскресенье», выдвинула различные планы немедленного выступления, предлагая захватить поезда, идущие в Варшаву или близлежащие города, предварительно перебив, в случае сопротивления, офицеров. Особенно сильным было брожение среди солдат Белевского и Тульского полков⁶. «Солдаты,— писала о них газета «Z pola walki»;— прямо рвутся к активной борьбе, и комитету еле удается сдерживать их до времени, когда их выступление будет необходимо при общем вооруженном восстании»⁷. Южный комитет СДКПиЛ и ВРО часто устраивали в Пулавах весьма значительные по тому времени

¹ «Z pola walki», 1905, № 6.

² А. Петренко. Когда в Царстве Польском было неспокойно.— Сб. «В царской казарме. Солдаты и матросы в первой революции», М., 1929, стр. 123.

³ F. Dzierżyński. Pisma wybrane, стр. 75—76.

⁴ Там же, стр. 76.

⁵ Там же, стр. 71, 73, 79, 84, 86, 93, 94, 98, 102, 106, 110.

⁶ Сб. «В царской казарме», стр. 124.

⁷ «Z pola walki», 1905, № 4.

массовки солдат (до 400 чел.)¹. Под влиянием революционной агитации Белевский и Тульский полки отказались нести караульную службу в Радоме и Томашове и участвовать в усмирении забастовщиков. Возвращаясь из этих городов в Пулавы, солдаты пели революционные песни².

Стремление солдат пулавского гарнизона к восстанию особенно усилилось, когда 18 апреля 1905 г. стало известно, что по 500 чел. из каждого пехотного полка и 20 чел. из размещенной здесь артиллерийской бригады будут посланы на фронт. В течение ближайших дней дважды имели место попытка начать открытое восстание, однако обе они не удались. В ночь на 2 мая командование с помощью казаков отправило на Дальний Восток тысячу солдат³.

14(1) июля в Варшаве было подписано соглашение между СДКПиЛ и ВРО, оформившее их организационные связи. Соглашение предусматривало вхождение в состав руководства Варшавской ВРО представителя СДКПиЛ и его участие в редактировании всех изданий ВРО. Было установлено также, что вся финансовая и редакционно-техническая часть работы ВРО (печатание революционных изданий ВРО, транспорт и т. д.) обеспечивается Варшавским комитетом СДКПиЛ⁴. Первым представителем СДКПиЛ в Варшавской ВРО был Феликс Дзержинский. Он принимал руководящее участие в обсуждении плана работ ВРО, разработке организационных вопросов, составлении и редактировании «Соглашения» и устава ВРО, а также в редактировании всякого рода воззваний и прокламаций ВРО⁵.

Ф. Дзержинский успешно сорвал попытки Бунда нарушить соглашение СДКПиЛ и ВРО, заменив его соглашением между ВРО и Бундом. Расчет строился на недостаточной осведомленности русских социал-демократов, работавших в ВРО, об истинной позиции Бунда и его отношении к СДКПиЛ⁶.

Вслед за варшавской военной организацией возникли военные организации в Лодзи, Ченстохове, стала проводиться работа среди солдат в Домбровском бассейне, Радоме и других местах⁷. Все эти организации были объединены центральным руководством. Для нужд ВРО СДКПиЛ выделила специальную нелегальную типографию. С августа 1905 г. Варшавский комитет ВРО начал издавать свой газетный орган для солдат «Солдатский листок». С № 11 газета издавалась уже как орган «Военно-революционной организации социал-демократии Польши и Литвы»⁸. «Солдатский листок» объяснял солдатам цели революционной борьбы в России и Польше, разоблачал самодержавие, информировал о революционном движении в армии и флоте. Учитывая преобладание крестьян в составе армии, газета систематически помещала статьи о положении русского крестьянства и о крестьянском движении в России. Газета призывала солдат к солидарности с польскими рабочими и крестьянами, боровшимися за то же дело, что и революционный русский народ, оказывать сопротивление приказам командования стрелять в польских рабочих. Газета писала о бесправном и тяжелом положении солдат, призывая их переходить на сторону революции. Со второй половины 1905 г. ВРО СДКПиЛ начала издавать еще три солдатские газеты: «Голос гроховца»,

¹ AGAD, GGW, № 103709, к. 87.

² «В царской казарме», стр. 124.

³ «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 39.

⁴ «Czerwony Sztandar», 1905, № 33.

⁵ «Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 189—190.

⁶ F. Dzierżyński. Pisma wybrane, стр. 84; «Czerwony Sztandar», 1905, № 27.

⁷ F. Dzierżyński. Pisma wybrane, стр. 159—160.

⁸ Всего вышло 22 номера. Последний, 22-й, номер вышел 23 (10) февраля 1907 г.

«Голос кексгольмца», «Голос крепости»¹. Газеты эти писали главным образом о нуждах солдат тех частей, для которых они издавались.

В сентябре 1905 г. Комитет Варшавской ВРО выступил с предложением созвать съезд всех социал-демократических военно-революционных организаций России для объединения их деятельности, но так как это предложение было адресовано меньшевистскому центру, оно не получило практического осуществления.

Следует при этом указать, что варшавская ВРО поддерживала связь с меньшевистским ЦК лишь формально, фактически же, особенно с середины 1905 г., руководство всеми, в том числе и Варшавской ВРО, в Царстве Польском осуществляла СДКПиЛ. Ф. Дзержинский прямо заявлял Заграничному комитету СДКПиЛ в апреле 1905 г., что если дело дойдет до каких-либо уступок меньшевистскому ЦК по вопросу об уставе ВРО, он готов порвать полностью даже формальные связи с ним².

О том, насколько продвинулся процесс революционизирования русских солдат в Царстве Польском, свидетельствует один из рапортов петровского губернатора в сентябре 1905 г. о состоянии охраны Бендинского уезда (Домбровский бассейн), который охранялся Белозерским и Ладожским пехотными полками, а также 14-м Донским казачьим полком. «Между казаками и рабочим населением, — писал губернатор, — нет никакого общения и потому-то казак особенно страшен. Нельзя, к сожалению, того же сказать о Белозерском и Ладожском полках, которые пополняются главным образом новобранцами из Московского фабричного района, поэтому у солдат этих полков есть много общего с рабочими Домбровского и Сосновицкого районов, они сближаются между собой, и не всегда, быть может, охотно и решительно будут действовать оружием, в случае наступления в том надобности; кроме того, само население, чувствуя в солдатах некоторую к себе и своему положению симпатию, перестает их бояться»³. Как вывод, следовало предложить о немедленной замене этих полков более надежными.

8 августа 1905 г. военный суд в Варшаве приговорил к смертной казни семь офицеров Литовского гвардейского полка, сопротивлявшихся использованию солдат для подавления революционного движения. Солдаты полка отказались исполнить этот приговор и стреляли в казаков, вызванных для его исполнения⁴.

Варшавская ВРО вела также работу в войсковых частях, расположенных вне Варшавы, в частности в Гуре Кальварии, Плоцке, Влоцлавке, Новогеоргиевской крепости (Модлин), где у нее были связи с офицерами — саперами и артиллеристами (и через них — с солдатами). Наиболее прочные связи во второй половине 1905 г. ВРО имела с пехотными частями, в том числе с гвардейскими полками — Литовским, Петербургским и Кексгольмским, а также с артиллеристами и саперами⁵.

Факт распространения революционных изданий среди солдат Новогеоргиевской крепости подтверждают и архивные данные. В мае 1905 г. во время обыска, проведенного среди солдат крепости с целью обнару-

¹ Эти газеты издавались гектографированным способом, как органы «Военно-революционной организации СДКПиЛ» (Биб-ка ИМЭЛС, ЦУЖ ЦУЖ ЦУЖ Г673; Г667; Г654).

² «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 144, 163.

³ AGAD, GGW, № 103723, к. 87.

⁴ «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 318.

⁵ А. Петренко. ВРО РСДРП в Варшаве в 1905 г. — «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 301.

жения революционной литературы, среди других изданий в сундуке одного из солдат была найдена ленинская работа «К деревенской бедноте»¹.

На какие элементы армии опиралась в своей деятельности ВРО, указывает один из полицейских рапортов, сообщавший, что на укомплектование квартирующего в Гуре Кальварии понтонного батальона «присылаются запасные из бывших рабочих Путиловского завода, политическая благонадежность которых весьма сомнительна. Некоторые из них уже похвалялись, что они готовятся устроить бунт»².

Большевистская газета «Пролетарий» сообщала, ссылаясь на своих корреспондентов, что в Седлеце и в окружающем районе «нет ни одного полка, в котором бы при обысках не находили прокламаций в каждом солдатском ящике»³. «Общее настроение среди войск Варшавского гарнизона беспокойное, — писал в конце октября 1905 г. «Солдатский листок». — Дух недовольства и протеста против казарменного гнета прорывается на каждом шагу». Но, отмечала газета, «нет еще твердости. Агитируешь солдата, со всем соглашается, а через полчаса, глядишь, опять готов начальству ноги целовать... Но не падает наша бодрость. Знаем мы, что все дается упорной борьбой и если работать энергично, сознавая святость и необходимость работы, то можно многое сделать»⁴.

В этом направлении шла вся работа СДКПиЛ в армии и осенью 1905 г. Агитация среди солдат принимает в это время невиданный до сих пор размах. В своем докладе Николаю II о революционном движении в стране за октябрь — ноябрь 1905 г. Трепов отмечал, что в Царстве Польском «местные революционные партии задались целью во что бы то ни стало подорвать в войсках верность долгу присяги и тем парализовать усилия правительства, направленные к водворению порядка»⁵. Целый ряд солдатских восстаний, волнений, бунтов и восстаний осенью 1905 г. в Кронштадте, Свеаборге и Севастополе, наряду с сильным революционным движением в Польше, не могли не повлиять на настроения солдат, находившихся в Царстве Польском. В ноябре 1905 г. «Солдатский листок» писал, что «как в остальных частях русской армии, в варшавском гарнизоне тоже замечается брожение. По отдельным частям собираются подписи под приветствием восставшим севастопольцам»⁶. Пулавская организация СДКПиЛ выпустила в день казни лейтенанта Шмидта специальное воззвание к солдатам⁷. В ноябре группа офицеров — социал-демократов Модлинской крепости выступила с протестом против ареста лейтенанта Шмидта и приговора о смертной казни восставшим кронштадтским матросам⁸. «Выясняется усиленная деятельность агитаторов к пропаганде в войсках. Войска утомлены», — телеграфировал 4 ноября (22 октября) в Петербург варшавский оберполицмейстер⁹. Начальник Петроковского губернского жандармского управления, жалуясь в конце ноября на то, что «агитация среди войск ведется не без успеха» и что об агитаторах «солдаты перестают заявлять по начальству, хотя воззвания и всякого рода преступные издания раздаются им открыто на улицах», заключал: «Остаются безусловно верными правительству казаки, но и среди них слы-

¹ AGAD, GGW, № 103708, к. 107.

² Там же, к. 131.

³ «Пролетарий» № 12, от 16 (3) августа 1905 г.

⁴ «Солдатский листок», 1905, № 4.

⁵ «Исторический архив», 1955, № 1, стр. 121.

⁶ «Солдатский листок», 1905, № 6.

⁷ «Czerwony Sztandar», 1906, № 70.

⁸ AGAD, GGW, № 103708, к. 205.

⁹ AGAD, GGW, № 103719, к. 456.

шится ропот по поводу мобилизации, совершенно их разорившей, так как в станицах не хватает рабочих рук»¹.

Даже среди казачьих полков в Царстве Польском в отдельных случаях велась социал-демократическая агитация. Так, например, в 10-м Донском казачьем полку в г. Замостье в начале декабря 1905 г. за распространение среди казаков воззвания СДКПиЛ «Братья солдаты» было арестовано несколько нижних чинов².

С осени 1905 г. стали в больших количествах распространяться среди солдат издания не только Варшавской, но и местных ВРО СДКПиЛ — Лодзинской, Домбровского бассейна, Ченстоховской и др.³

В ноябре 1905 г. охранке удалось выследить и арестовать значительную группу руководящих работников Варшавской ВРО. 19 человек, в том числе четыре офицера, были преданы военному суду в Варшавской цитадели. В условиях подъема революции суд не решился на смертный приговор и длительные сроки наказания. Двое офицеров было приговорено к 2½ годам крепости, остальные — к ссылке в Сибирь или на каторгу⁴.

Несмотря на этот серьезный удар, революционная работа СДКПиЛ в армии не была ослаблена. На состоявшейся в ноябре 1905 г. краевой конференции СДКПиЛ, при обсуждении вопроса о революционной работе в армии Ф. Дзержинский указывал, что эта работа «должна ставить своей целью организацию солдат для вооруженного восстания»⁵. После конференции работа СДКПиЛ в армии стала еще более активной и целеустремленной. Издания СДКПиЛ для солдат становятся более конкретными и доходчивыми. Так, например, изданная Главным правлением СДКПиЛ прокламация «Ко всем солдатам в Польше и Литве» увязывала общую цель — свержение самодержавия — с конкретными пунктами и требованиями, близкими и понятными даже отсталому солдату⁶. В случае отказа начальства удовлетворить эти требования или же в случае репрессий, прокламация призвала солдат браться за оружие и давала на этот случай конкретные указания: «Захватывайте без промедления и без колебаний воинские склады и полковые кассы, арестуйте офицеров и фельдфебелей, которые выступают против вас, провозглашайте восстание!»⁷.

Лодзинская ВРО СДКПиЛ в числе других изданий для солдат выпускала специальные сводки на русском языке с информацией о солдатских бунтах и восстаниях в России. Так, ноябрьская сводка содержала информацию о солдатских восстаниях в Киеве, Новороссийске, Екатеринодаре и Елисаветполе⁸. Подобная форма агитации оказалась весьма целесообразной и давала хорошие результаты.

¹ APŁ, PGZZ, 1905/27, к. 689—690.

² Гос. воеводский архив в Люблине (APŁ), ф. канц. люблинского губернатора (KGL), 1905/24, к. 107.

³ Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛ 2—65, Ц. 43050; APŁ, TGGP, 1905/76, к. 16, 43; AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2/2 — Łódź, № 24, APŁ, PGZZ, 1905/12, к. 684, 1906/158; APŁ, TGGP, 1906/4, к. 16, «Czerwony Sztandar», 1906, № 38.

⁴ «В царской казарме», стр. 137—139.

⁵ «Z pola walki» (Москва), 1934, № 16, стр. 120.

⁶ Такой же характер носила изданная в ноябре 1905 г. прокламация «Социал-демократической Военно-Революционной организации ченстоховского гарнизона», которая понятные каждому солдату требования, касающиеся его солдатского быта, сочетала с общеполитическими требованиями свободы собраний и слова для солдат в казармах и вне их, немедленного созыва Учредительного собрания на основе равных, всеобщих, прямых и тайных выборов, немедленного освобождения всех заключенных по политическим мотивам солдат Кронштадта, Севастополя и других городов России (APŁ, TGGP, 1905/76, к. 43).

⁷ Materiały do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce, t. II, стр. 159—160.

⁸ APŁ, PGZZ, 1905/12, к. 684.

Об этих результатах свидетельствует ряд волнений и бунтов солдат в Царстве Польском в осенние месяцы 1905 г. Так, 17 ноября в Замброве близ Ломжи из-за плохой пищи «взбунтовались» и произвели «беспорядки в своих казармах» пехотинцы 16-го Ладожского полка¹. 24 ноября квартировавшие в Гуре Кальварии 6-й и 7-й понтонные батальоны отказались выйти на ученье, требуя улучшения условий службы. 28 ноября солдаты 28-й конно-артиллерийской батареи, квартировавшей в казармах близ Кельц, «под влиянием невыясненных посторонних агитаторов», потребовали от командования улучшения своего быта, грозя в противном случае забастовкой. В конце ноября солдаты 24-го Симбирского пехотного полка потребовали, кроме улучшения условий казарменной жизни, свободы собраний и освобождения арестованных начальством солдат². 18 ноября солдаты 17-го летучего артиллерийского полка, расположенного в г. Лукове Седлецкой губ., начали волнения по поводу плохого питания³. В Ивангородской крепости (Демблин) «слесарь 1-й роты Савченко и 8-й роты Воловик 28-го ноября с. г. в помещении мастерской подстрекали остальных нижних чинов устроить забастовку»⁴.

В начале декабря помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части, сообщая о том, что «повсеместно в последнее время деятельность революционных агитаторов направилась на войска» и что революционные воззвания СДКПиЛ на русском языке «в значительном количестве подбрасываются в места расположения нижних чинов, а иногда передаются им прямо в руки», отмечал на примере положения в гарнизоне г. Лодзи громадное влияние этой агитации. «Пропаганда, видимо, осталась не без влияния,— писал он,— ибо воинские чины, задерживавшие раньше распространителей, теперь уже или не обращают на них внимания, или, наоборот, даже просят приносить побольше воззваний. Из агентурного источника получены сведения, что некоторые из нижних чинов 43-го драгунского Украинского полка и 40-го пехотного Колыванского полка, стоявшие на фабриках в Видзеве, совершенно побратались с рабочими и обещали в отношении последних не принимать репрессивных мер по приказанию начальства, а некоторая часть драгун даже пела революционного характера песню «Красный Штандарт». Случай, имевший место 24 ноября, когда две роты Екатеринбургского полка отказались выйти из казармы для несения караульной службы, как нельзя лучше показывает, что влияние среды и времени на войска в Лодзи идет весьма успешно в деморализующем направлении»⁵.

Эти данные свидетельствуют о значительном по тогдашним масштабам и возможностям размахе работы СДКПиЛ в армии⁶.

¹ AGAD, GGW, № 103708, к. 197.

² Там же, к. 199, 201, 202.

³ Там же, к. 215.

⁴ APŁ, KGL, 1905/24, к. 208.

⁵ AGAD, GGW, № 103726, к. 277, 279.

⁶ Успешно развивалась также революционная работа СДКПиЛ в армии и в 1906—1907 гг. Вот некоторые данные. Осенью 1906 г. ВРО имела в Варшаве либо организационные центры, либо постоянные связи в 24 (из 33) частях варшавского гарнизона. В Лодзи у ВРО имелись связи почти со всеми военными частями, а организационные центры были созданы более чем в 20 ротах («Sprawozdanie ZG SDKPiŁ za czas od 1 lipca 1906 g. do 1 paździer. 1908 g.», Kraków, 1908, стр. 44). В Радоме местная организация СДКПиЛ имела связи с двумя пехотными полками и артиллерийской бригадой («Czerwony Sztandar», 1906, № 122). Систематическая агитация среди войск велась СДКПиЛ также в Ченстохове, Петрокове, Згерже, Пабианицах, Ласке, Новом Дворе, Скерневицах, Ловиче, в Люблинском округе и в Домбровском бассейне. С конца июля 1906 г. по февраль 1907 г. вышло 17 номеров «Солдатского листка» (за предыдущие 10 месяцев вышло только 6 номеров). Одна только Вар-

III

Огромную работу проделала СДКПиЛ во время всероссийской октябрьской политической стачки, которая в Царстве Польском получила широкий размах, закончившись на три недели позднее, чем во внутренних губерниях страны.

Еще 24(11) октября к бастовавшим московским и петербургским железнодорожникам присоединилось большинство рабочих варшавского железнодорожного узла, 25(12) октября забастовали уже все железнодорожники Царства Польского, кроме Брестской железной дороги, которая присоединилась к стачке на следующий день, 26(13) октября. Железнодорожная забастовка в Царстве Польском встретила упорное противодействие эндеков. СДКПиЛ призывала польских железнодорожников не поддаваться эндековской агитации, решительно выступать на борьбу с царизмом. «Эндеки, — говорилось в листовке Главного правления СДКПиЛ от 27 (14) октября, — хотят бойкотировать вашу забастовку, которая направлена против царизма, но не хотят бойкотировать Думы, которая имеет своей целью спасти господство царских грабителей и убийц!

Они кричат об особых интересах нашей страны, на чем в принципе основывается политика национальной травли, проводимая царизмом и всей реакцией, и восстают против вашей солидарности с революцией во всем государстве, ибо эта революционная солидарность является лучшей гарантией не только народной свободы, но и автономии и национальной свободы нашей страны»¹.

Сразу же после начала железнодорожной забастовки СДКПиЛ призывала всех рабочих Царства Польского присоединиться к железнодорожникам и начать всеобщую стачку. 25(12) октября было опубликовано воззвание Главного правления партии, а вслед за этим и воззвания местных организаций СДКПиЛ с призывом к забастовке.

27(14) октября всеобщая забастовка схватила Варшаву, Домбровский бассейн, Радом, Люблин, Петроков и ряд других городов². Если в Лодзи 27(14) октября бастовало только 10 521 рабочих, то на другой день бастовало уже 47 319 чел. а 29(16) октября — 60 000 рабочих³. «Геройская Польша, — писал В. И. Ленин по поводу этой стачки, — снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»⁴. Польский пролетариат в этом гигантском

варшавская ВРО издала в течение трех месяцев 1906 г. (с августа по октябрь), кроме пяти номеров «Солдатского листка», четыре номера различных других солдатских газет и 17 листовок, обращенных к солдатам тиражом в 5000 и 10 000 экземпляров («Sprawozdanie ZG SDKPiL», стр. 44; «Z pola walki» (Москва), 1931, № 11—12, стр. 41).

За период с 10 ноября по 10 декабря 1906 г. Варшавская ВРО вела работу в 32 ротах варшавского гарнизона; за это время состоялось 36 летучих митингов с участием около 450 солдат, работало 9 полковых центров и было распространено 18 тыс. экз. революционной литературы («Czerwony Sztandar», 1907, № 126). В марте 1907 г. Варшавская ВРО была разделена на четыре района (Мокотув, Повонзки, Дул и Прага), в каждом из которых работали ротные и полковые организационные центры. Работа состояла главным образом в руководстве революционными солдатскими кружками, организации митингов и распространении революционной литературы. В отчетах всех районных организаций Варшавской ВРО за начало 1907 г. отмечалось, что связи с полками постоянно расширяются. Даже в марте 1907 г. на собрания солдатской организации Варшавы приходило около 450 чел. («Czerwony Sztandar», 1907, № 143).

¹ AGAD, ф. графов Браницких, № 2389.

² AGAD, GGW, № 103721, к. 96, 97, 105 и др.

³ AGAD, GGW, № 103726, к. 235.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362.

политическом выступлении повел за собой все прогрессивные силы польской нации. Борьба за политические права, польский язык, Учредительное собрание охватила самые широкие массы. Стачка — специфическое средство борьбы промышленного пролетариата — стала орудием борьбы и таких слоев трудящихся, как учителя, служащие, торговые работники, медицинские и аптекарские работники, ремесленники и др.

«Борьба началась и следует вести ее дальше без передышки! — призывала рабочих СДКПиЛ. — Выходите на улицу, слушайте революционные речи, останавливайте всякое движение, опрокидывайте трамваи и телеграфные столбы, закрывайте магазины!»¹.

К 30(17) октября, так же, как и по всей стране, бастовали почти все промышленные рабочие Царства Польского. Рапорты царских властей с тревогой доносили о создавшемся положении².

СДКПиЛ столь же решительно и правильно, как и большевики, сумела оценить характер манифеста 17 октября.

«Нам нельзя обольщаться, — говорилось в одном из воззваний Лодзинского комитета СДКПиЛ по поводу манифеста, — мы не можем допустить обманывать себя нашими врагами. Царская свобода не для нас, она для имущих классов»³. СДКПиЛ призывала рабочих готовиться к вооруженным боям: «Итак, рабочие, в бой! К вооруженному бою! К политической забастовке! Не сложим нашего оружия, пока не завоюем лучших порядков!»⁴.

На другой день после издания манифеста в Польше, как и по всей России, прокатилась волна организованных царской полицией и черносотенцами погромов. 1 ноября (19 октября) казаки устроили на Театральной площади в Варшаве массовое избивание рабочих, требовавших освобождения политических заключенных. Несколько человек было убито и несколько сот ранено⁵.

Несмотря на столь очевидные доказательства характера объявленных царизмом «свобод», польская буржуазия, как и русская, продолжала с энтузиазмом приветствовать манифест 17 октября, рассчитывая, что она на равных правах с русской буржуазией будет допущена к власти. Дальнейшее развитие революции не сулило ей, по ее расчетам, никаких радостных перспектив, в то время, как ее подавление могло стать основой для выгодной сделки с царским правительством. Используя вырванные пролетариатом у царизма уступки, эндеки прибегли к самой широкой националистической агитации, пытаясь завладеть улицей и превратить революционные демонстрации протеста против дарованной «конституции» в манифестации лояльности по поводу издания манифеста. В своих контрреволюционных усилиях эндеки не брезгали открытой помощью правительства. Они организовали по всей стране митинги и шествия с участием католического духовенства, на которых восхваляли царский манифест. Во всех костелах был совершен по случаю манифеста благодарственный молебен⁶.

«Вся буржуазия, — разъясняла СДКПиЛ польскому пролетариату, — приняла манифест с радостью... Имущие классы, получив свободу, вырванную нами у царского правительства ценою страшных жертв, хотят, чтобы установились спокойствие и порядок, чтобы они могли нас свобод-

¹ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2, Warszawa, № 6 Odezwa KW SDKPiL z 29/X 1905 г.

² AGAD, GGW, № 103726, к. 160.

³ Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛ 2-45, Ц 21941.

⁴ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2/2—4, № 10 Odezwa Kaliskiej. Org. SDKPiL z XI 1905.

⁵ В. Ж и ж и н. Обзор польского революционного движения за 1905 г., Варшава, 1906, стр. 96.

⁶ AGAD, GGW, № 103734, 103742, 103747 и др.

но и спокойно эксплуатировать, они хотят, чтобы наша борьба закончилась. Но нам нельзя прекращать нашей борьбы. Мы должны бороться до тех пор, пока введение в жизнь истинной свободы не будет гарантировано»¹. «На борьбу за демократическую республику!» — этим призывом ответила СДКПиЛ на царский манифест и махинации польской буржуазии².

Бедя наступление против сил революции, эндеки одновременно усиливали давление на царизм, требуя от него передачи части политической власти в Царстве Польском в руки польской буржуазии и помещиков. Петиции, резолюции, телеграммы, делегации к местным и центральным властям, а также прямое заявление лидера эндеков Дмовского премьеру Витте на этот счет — все эти факты свидетельствовали об открытом стремлении польской буржуазии пойти на сделку с царизмом за счет собственного народа.

Издание манифеста не только не остановило революционного движения в Царстве Польском, но, наоборот, как и во всей России, еще более усилило его. Пользуясь так называемым периодом «свобод», польские народные массы еще более активно вступили в борьбу. Массовые выступления польского пролетариата и крестьянства приняли невиданные до сих пор размеры. Варшавский губернатор Мартынов констатировал в своем отчете, что провозглашение манифеста 17 октября не только «не произвело умиротворяющего действия, а, напротив, вызвало настолько выдающиеся и серьезные события, что город Варшава и Варшавская губерния представляли собою один общий мятежнический стан»³.

Польские рабочие встретили манифест массовыми антиправительственными уличными демонстрациями, митингами, происходившими в большинстве городов Царства Польского. Войска неоднократно нападали на демонстрировавших рабочих в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Домбровском бассейне. Были многочисленные жертвы⁴.

Кроме упомянутой демонстрации в Варшаве на Театральной площади, в тот же день, 1 ноября (19 октября), у тюрьмы Павяк состоялась еще одна демонстрация нескольких десятков тысяч варшавских рабочих, требовавших освобождения политических заключенных. Варшавский обер-полицмейстер телеграфировал в Петербург, что в этот день в Варшаве «с утра формировались многочисленные толпы народа... Среди дня было несколько случаев отдельных столкновений с воинскими караулами; несколько убитых и раненых. Вскоре толпою стали руководить агитаторы социал-демократы, под влиянием которых толпа направилась к следственной тюрьме и полицейскому участку при магистрате, где агитаторы настаивали на безусловном немедленном освобождении политических арестантов и отмене военного положения и усиленной охраны. После попытки ворваться силой в здание магистрата подоспевшими казачьими сотнями толпа в несколько тысяч была рассеяна с употреблением в дело шашек... Завтра ожидается продолжение попыток к насилиям и беспорядкам»⁵.

Рабочие требовали освобождения политических заключенных и в других городах Царства Польского. В Петрокове 31 (18) октября, и в

¹ Воззвание Лодзинского комитета СДКПиЛ от 13 ноября (31 октября) 1905 г. — Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛ2-45, Ц 41941.

² «Głos Ludu», № 10, от 8 ноября 1905 г.

³ «Революция 1905 г. и самодержавие», М., 1928, стр. 225.

⁴ AGAD, GGW, № 103731, к. 131—155; «Z pola walki» (Москва), № 11—12, стр. 325—326.

⁵ AGAD, GGW, № 103719, к. 455.

Люблине 1 ноября (19 октября) перед губернаторским домом проходили демонстрации рабочих, решительно требовавших освобождения арестованных революционеров¹. В ночь с 1 на 2 ноября (с 19 на 20 октября) власти вынуждены были освободить в Варшаве 365 политических заключенных и среди них арестованного в июле на конференции варшавской организации СДКПиЛ Феликса Дзержинского.

3 ноября (21 октября) Варшавский комитет СДКПиЛ организовал в зале Филармонии митинг, в котором приняло участие 5 тыс. чел. На митинге выступали также русские солдаты, члены ВРО. Митинг принял резолюцию, говорившую о нерушимой солидарности польских рабочих с русским пролетариатом и о необходимости продолжать политическую забастовку. Кроме того, в Варшаве состоялся ряд рабочих митингов по отдельным профессиям, принявших аналогичные резолюции. Во время стычек демонстрировавших рабочих с казаками было убито и ранено несколько десятков человек².

В Лодзи 1 ноября (19 октября) состоялись большие митинги на Старом кладбище и в зале Фогеля, «где высочайший манифест 17 октября был назван обманом и было решено продолжать забастовку»³. В городе в массовом количестве распространялись воззвания СДКПиЛ, призывавшие к продолжению забастовки и к участию в похоронах жертв царской «свободы» — рабочих, убитых на следующий день после провозглашения манифеста. По официальным данным, в похоронах 2 ноября приняло участие около 10 тыс. рабочих. 6 ноября в Лодзи опять имело место вооруженное столкновение многотысячной рабочей демонстрации с казаками. Широко распространялась в эти дни среди солдат местного гарнизона листовка Лодзинского комитета СДКПиЛ, озаглавленная «Братья солдаты», которая призывала солдат переходить на сторону революции⁴.

Из Ченстохова начальник местного гарнизона доносил 5 ноября (23 октября) начальнику охраны Петроковской губернии, что город «находился в течение трех дней во власти черни», а спустя три дня сообщал, что «положение дел в Ченстохове начинает все более и более принимать острый характер с крайне революционным направлением... Ежедневно митинги в разных концах города по 2—3 тысячи»⁵.

Наибольшего размаха выступления польских рабочих после издания манифеста 17 октября достигли в Домбровском бассейне, третьем, после Варшавского и Лодзинского районов, крупнейшем промышленном центре Польши. Забастовке предшествовала здесь большая митинговая кампания, организованная СДКПиЛ, в которой приняли участие десятки тысяч рабочих. Так, например, на митинге 1 ноября (19 октября) в Загуже участвовало 30 тыс. рабочих, на копи «Ренард» — около 30—40 тыс. чел. Местный комитет СДКПиЛ на митингах, как и в изданном 1 ноября (19 октября) воззвании, пропагандировал требования демократической республики с самоуправлением для Царства Польского, установления 8-часового рабочего дня, свободы стачек, слова, печати и союзов, запрещения труда детей до 16 лет, охраны здоровья, социального страхования и др.⁶ Вокруг этой программы-минимум СДКПиЛ сумела объединить большинство рабочих Домбровского бассейна.

ППС присоединилась к всеобщей забастовке в бассейне тогда, когда

¹ AGAD, GGW, № 103723, к. 331; № 103742, к. 164; APL, KGP, № 1547.

² «Z pola walki» (Москва), № 11—12, стр. 326; AGAD, GGW, № 103719, к. 457.

³ AGAD, GGW, № 103726, к. 163.

⁴ Там же, к. 163—164.

⁵ Там же, к. 37, 39.

⁶ AWP, 1905, ч. 1, вып. 2 — Zagl., № 6.

она уже началась. В первые же дни забастовки стал создаваться единый фронт рабочих — членов СДКПиЛ, ППС и Бунда.

На другой день после провозглашения манифеста в г. Сосновце, центре Домбровского бассейна, стали открыто распространяться издания СДКПиЛ. При попытке ареста одного из раздатчиков собралась огромная толпа народа, и раздатчик прокламаций был выпущен¹. Местный комитет СДКПиЛ захватил в Сосновце частную типографию, прекратил печатание манифеста 17 октября и под охраной вооруженных рабочих начал массовыми тиражами печатать издания партии².

На второй день после получения известия об издании манифеста 17 октября Сосновицкая организация СДКПиЛ созвала общее собрание рабочих около городского театра, на которое, по словам царского полицейского чиновника, «собралась многотысячная толпа рабочих, железнодорожных служащих, учащейся молодежи и евреев. Здесь трое интеллигентов по очереди говорили речи революционного характера, причем когда провозглашали «Долой царя! Да здравствует революция! Да здравствует социал-демократия!», толпа кричала «ура». Вечером того же дня в помещении Зимнего театра, когда собралась на представление публика, на сцену взошел какой-то рабочий и, прочитав царский манифест, бросил его на пол, стал топтать ногами и сказал, что это не конституция, а обман, причем стал излагать публике сущность конституции с точки зрения социал-демократической партии»³.

Такие же митинги и манифестации с красными флагами происходили в Заверце и Домброве. На следующий день в Сосновце на площади около театра снова «состоялось огромное собрание рабочих, на котором произносились революционные речи»⁴. Рабочие чувствовали себя хозяевами в городе. «С утра начали появляться на улицах города многочисленные толпы рабочих с красными галстуками, кокардами и лентами через плечо, а также и женщины с такими же лентами. Были выкинуты флаги и говорились речи»⁵.

Местный комитет СДКПиЛ призвал рабочих вооружиться и разоружить полицию и войска⁶. Одновременно СДКПиЛ развернула чрезвычайно широкую агитационную деятельность в расположенных в Заглембе (Домбровском бассейне) воинских частях, широко распространяя среди солдат революционные издания на русском языке⁷. В листовке от 3 ноября (21 октября) Заглембовский комитет СДКПиЛ обратился с призывом к солдатам выдать ему оружие из полковых складов⁸.

Воззвание Заглембовского комитета СДКПиЛ, указывая рабочим, что пролетариат Петербурга, Москвы, Риги, Лодзи, Варшавы продолжает борьбу, призывало: «И мы должны выстоять... Все без исключения должны вооружаться, добывая оружие всеми возможными способами. Царская полиция... должна быть разоружена. Царские войска, которые уже

¹ AGAD, GGW, № 103726, к. 165.

² Там же, к. 167; APL, PGZZ, 1905/27, № 607. 5 ноября (23 октября) СДКПиЛ издала таким путем массовым тиражом однодневку «Глос революции» — первую «легальную» социал-демократическую газету в Царстве Польском. Как явствует из приведенных там данных, в течение шести дней местный комитет СДКПиЛ распространил около 65 000 экз. изданий партии на польском, русском и еврейском языках («Głos Rewolucji», стр. 10).

³ AGAD, GGW, № 103726, к. 166—167.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2—Zagl., № 7; AGAD, GGW, № 103726, к. 166—167.

⁷ APL, PGZZ, 1905/27, к. 620.

⁸ Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛ2-65, Ц 43050.

колеблются..., должны нам, рабочим, отдать свое оружие, мы сами должны создать свою милицию, которая оберегала бы нашу безопасность и спокойствие населения!».

Воззвание призывало рабочих создать на территории бассейна свое революционное самоуправление, устранив представителей царской власти. «Только таким образом,— говорилось в воззвании,— мы сможем подготовиться к вооруженному восстанию, которое поможет нам свергнуть царское правительство»¹.

Рабочие под руководством СДКПиЛ немедленно же начали выполнять этот призыв: они разоружали представителей царской власти, отстраняли полицейских и т. д. В Сосновце рабочие захватили вокзал, но вызванные войска отбили его обратно². СДКПиЛ добилась введения максимальных цен на хлеб и приняла ряд мер по обеспечению бесперебойного снабжения продовольствием рабочих Заглемба³.

«Фактически в управление Сосновицким районом, хотя и негласно, вступила партия социал-демократов»,— сообщал помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части⁴.

В Сосновце был организован так называемый «Комитет общественной безопасности», в состав которого входили представители СДКПиЛ и ППС, а также и эндеки, которые, видя явный перевес сил на стороне пролетариата, на время прикинулись сторонниками революции.

7 ноября (25 октября) «Комитет безопасности» издал воззвание, обращенное ко всем жителям Сосновца, которое призывало к отказу от всякого общения с царскими властями и к созданию собственной власти⁵. Комитет организовал гражданскую милицию для охраны города.

На основе сохранившихся изданий СДКПиЛ, а также архивных данных трудно сделать ясные выводы относительно характера этого комитета и роли в нем СДКПиЛ. Скорее всего комитет ставил своей целью сохранение порядка, так как в Заглембе рабочие фактически устранили царскую полицию. Можно предполагать, что комитет был создан по инициативе мелкобуржуазных слоев города, которые, опасаясь за свою безопасность и вероятнее всего из страха перед самими рабочими, пригласили представителей СДКПиЛ и ППС к участию в комитете⁶.

Представители СДКПиЛ, войдя в состав «Комитета безопасности», преследовали, конечно, другие цели, чем входившие в него представители имущих слоев. Об этом свидетельствует тот факт, что комитет призвал рабочих Домбровского бассейна создавать свои собственные органы власти, а потом, по требованию представителей СДКПиЛ, стал взимать с фабрикантов большие суммы на вооружение рабочих. «Сумма обложения фабрикантов социал-демократической партией на устройство милиции,— говорилось в одном полицейском донесении,— ...равняется 40 000 руб-

¹ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — Zagł., № 7.

² AGAD, GGW, № 103726, к. 166—167.

³ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — Zagł., № 10.

⁴ AGAD, GGW, № 103726, к. 171.

⁵ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — Zagł., №№ 12, 13, 14.

⁶ К этому выводу приводят упоминания о комитете, встречающиеся в изданиях СДКПиЛ. Так, например, в одной из листовок говорится, что «в последнее время создан Комитет общественной безопасности, в состав которого вошли, наряду с гражданами города, представители рабочих организаций. Он создал уже при помощи этих организаций гражданскую милицию, которая должна оберегать спокойствие и безопасность города». Вторая прокламация, изданная уже после подавления «Заглембевской республики», говорила о том, что «несколько дней тому назад наши уважаемые «граждане»... создали при участии представителей рабочих организаций «Комитет общественной безопасности, задачей которого было создать гражданскую милицию для обеспечения безопасности города» (AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — Zagł., №№ 12, 14).

лей... Фабриканты не только платили социал-демократической партии, но из боязни мести не решаются выдавать сборщиков войскам...»¹.

8 ноября (26 октября) комитет предпринял организацию всеобщих демократических выборов в народный суд². Это мероприятие было поддержано авторитетом местного комитета СДКПиЛ, который в изданной в тот же день листовке оценивал предстоявшие выборы, как один из первых шагов на пути к созданию новой власти и призывал всех жителей Сосновца принять участие в выборах³.

В славные дни «Заглембевской республики» СДКПиЛ проявила себя самым решительным и революционным руководителем рабочего класса, возглавив это смелое выступление польского пролетариата. Следует, однако, отметить, что несомненной ошибкой местной организации СДКПиЛ было то, что она не предприняла попытки создать орган подготовки вооруженного восстания по образцу возникших в России в ходе октябрьской стачки Советов рабочих депутатов.

Это было одним из проявлений общей недооценки польскими социал-демократами значения Советов рабочих депутатов. СДКПиЛ ошибочно считала, что в Царстве Польском единственным организованным представителем интересов революционного народа могла быть только социал-демократическая партия. Эти взгляды отражали непонимание СДКПиЛ роли массовых революционных организаций в развитии революции в Царстве Польском, хотя в то же время СДКПиЛ признавала большое революционное значение Советов рабочих депутатов для коренной России⁴.

Готовясь к разгрому «Заглембевской республики», царские власти уверенно рассчитывали на поддержку эндеков, ничуть не смущаясь тем, что представители последних входили в состав «Комитета общественной безопасности»⁵.

Ходатайствуя перед варшавским генерал-губернатором о присылке против восставших рабочих Домбровского бассейна артиллерийской батареи, местные власти прямо писали, что присылка батареи «усилила бы партию порядка», под которой разумелись эндеки. «В районе столкновений с войсками нет,— телеграфировал губернатору начальник Бендинского уезда 5 ноября (23 октября),— но настроение до крайности напряженное. Революционная партия усиливается и препятствует действиям возникшей партии благоразумия и порядка... Быстрая присылка конной батареи из Кельц произвела бы огромное впечатление на крайние элементы, а морально и количественно усилила бы партию порядка»⁶.

¹ AGAD, GGW, № 103726, к. 171.

² AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — *Zagł.*, Odezwa Kom. Bezp., Publ. z 8/XI 1905 г.

³ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2 — *Zagł.*, № 12.

⁴ В Царстве Польском во время революции 1905—1907 гг. не было по существу Советов рабочих депутатов. Единственные попытки в этом направлении делала в начале и летом 1906 г. малозначительная и лавировавшая между СДКПиЛ и ППС партия «ППС-Пролетариат». Эти попытки окончились провалом. Зародышем Советов рабочих депутатов было объединение так называемых заводских делегаций Домбровского бассейна, образовавшееся в феврале 1905 г. Хотя это объединение находилось под сильным влиянием СДКПиЛ, партия не приложила усилий к тому, чтобы организационно укрепить этот орган и продлить его существование. Единственный Совет рабочих депутатов существовал в конце 1905 г. в Белостоке. Однако он полностью находился под влиянием эсеров, выступал против декабрьской всеобщей забастовки и саботировал ее (AWHP, 1906, ч. 1, вып. 2, № 4; «Nowy Ład, organ Rady Komitetu Robotniczego», Warszawa, 1906, № 1—5; «Czerwony Sztandar», 1906, № 45).

⁵ AWHP, 1905 г., ч. 1, вып. 2 — *Zagł.*, № 14.

⁶ APL, KGP, № 1547.

Крупные фабриканты Сосновицко-Домбровского района были настолько испуганы создавшимся положением, что обратились с ходатайством к властям о том, чтобы последние призвали для расправы с рабочими немецкие войска. «Сегодня нас, фабрикантов,— телеграфировали они 8 ноября (26 октября) варшавскому генерал-губернатору,— обходили депутаты польской революционной партии, требуя уплаты различных крупных сумм на вооружение сформированной ими милиции и заявляя, что отныне нет другого правительства, кроме их». Умоляя о «возможно скорой присылке вполне достаточных военных частей», фабриканты вместе с тем просили, чтобы в случае невозможности присылки русских войск власти ходатайствовали бы о разрешении «на дружественное содействие германских войск, так как торговые интересы Германии в предприятиях здешнего района огромны. От скорости решения этого вопроса в благоприятном для нас смысле зависит личная наша безопасность, судьба капитала и всего края»¹. При этом фабриканты считали недостаточной присылку одной лишь артиллерии².

Одиннадцать дней, по 10 ноября (28 октября) включительно, продолжалась героическая борьба рабочих Домбровского бассейна. За все эти дни полицейские даже не показывались на улицах, а местное командование не решилось послать войска. Задушить «Заглембевскую республику» царские власти смогли только тогда, когда ввели военное положение во всем Царстве Польском и по всему краю началось организованное наступление на пролетариат Польши.

В октябрьские дни движение приняло чрезвычайно бурный характер не только в крупных промышленных городах, но и в мелких городках и посадах. Так, например, в районе Пулав, где СДКПиЛ пользовалась очень сильным влиянием, движение приняло чрезвычайно острые формы. О находившемся под влиянием СДКПиЛ посаде Курув начальник уезда сообщал 31 (18) октября, что он «в настоящее время представляет из себя гнездо революционеров, способных решительно на все; жители же посада открыто сочувствуют этим крайним элементам, а потому нет никакой возможности бороться с злоумышленниками... Ни один хороший стражник, даже младший с повышением в старшие, добровольно не желает идти в Куровский участок, ибо при настоящем положении дела идет туда на верную смерть»³.

О массовых случаях истребления стражников и полицейских в городах и селах Царства Польского в октябре — ноябре сохранился ряд донесений царских чиновников⁴.

Всеобщая политическая забастовка разрасталась с каждым днем, захватывая все новые демократические слои. СДКПиЛ стремилась использовать волну всеобщего революционного подъема для расширения своего влияния в народе. Ее представители выступали на митингах студентов, служащих, представителей свободных профессий и т. п. На этих митингах принимались резолюции о продолжении забастовки до полной победы над царизмом. Прогрессивная часть польской интеллигенции в дни октябрьской стачки открыто присоединилась к революционной борьбе пролетариата. Ярким выразителем настроений этой части радикальной польской интеллигенции был журнал «Глос» («Голос»), издававшийся под редакцией Я. В. Давида.

¹ AGAD, GGW, № 103725, к. 351.

² AGAD, GGW, № 103726, к. 262.

³ APŁ, KGL, 1905/79, cz. 2, к. 187.

⁴ APŁ, ф. штаба вр. ген.-губернатора Люблинской губ. (TGGL), 1905/3, к. 32.

Под влиянием СДКПиЛ и под давлением собственных рабочих руководство ППС, в котором к этому времени уже преобладали левые (так называемые «молодые»), присоединилось к забастовке, вопреки воле правой части руководства ППС во главе с Пилсудским.

Для руководства стачкой 13 ноября (31 октября) в Варшаве был организован общий стачечный комитет с участием СДКПиЛ, ППС и Бунда¹.

Октябрьская всеобщая стачка оказала также огромное влияние на усиление крестьянского движения. Испуганные размахом этого движения, эндеки стремились его остановить, используя манифест 17 октября и выдвигая так называемые языковые требования, а также требование автономии Царства Польского, трактуя его, конечно, в буржуазно-националистическом духе².

Эндеки стали призывать помещиков и духовенство к усилению агитации в крестьянстве, на что те охотно откликнулись и стали принимать активное участие в крестьянских гминных сходах, агитируя за требования народовцев. Следует отметить, что эндекам удалось завоевать некоторые позиции в крестьянстве. Однако значительная часть крестьянства относилась к эндековской агитации с недоверием. Характерным в этом отношении является случай, имевший место в одной из деревень Варшавской губ., который был описан в одном из полицейских донесений. «30 минувшего октября, — сообщалось в нем, — в пос. Колбель Новоминского уезда Варшавской губернии по окончании богослужения в костеле в ограде среди выходящих появился красного цвета флаг с польским орлом. Тут же владелец фольварка Сувчик Юльян Болеховский обратился к собравшимся и объяснил им значение высочайшего манифеста от 17 октября, после чего толпа разошлась, причем крестьяне из окрестных деревень высказывали недовольным тоном: «Помещики опять, видно, хотят взять нас под свой кнут»³.

Волна крестьянских выступлений осенью 1905 г. поднялась высоко и перехлестнула эндековскую программу, но формы и характер массовых крестьянских выступлений в Царстве Польском отличались от форм и характера крестьянского движения внутренних губерний России. Различие это было обусловлено как экономическими факторами (более сильное развитие капитализма в польской деревне), так и политическими (прежде всего фактором национального угнетения).

Наиболее массовыми формами революционных выступлений польского крестьянства являлись, с одной стороны, сельскохозяйственные забастовки, ставившие своей целью борьбу за улучшение условий труда, а с другой, общекрестьянское движение за демократизацию политического

¹ СДКПиЛ, заключая временные соглашения с Бундом, в то же время постоянно разоблачала перед народными массами его националистическую и мелкобуржуазную идеологию. Несмотря на монополистические притязания Бунда, СДКПиЛ вела работу также и среди еврейского пролетариата Царства Польского. События 1905—1907 гг. выявили всю тщетность усилий Бунда обособить еврейское рабочее движение: рабочие-евреи принимали активное участие в революционных выступлениях польского пролетариата.

² Было бы неправильным думать, что «национальные» требования эндеков (польский язык в школе и гминном делопроизводстве) носили только демагогический характер. Польская буржуазия была несомненно заинтересована в осуществлении этих требований, в том, чтобы чиновниками, учителями и т. п. были поляки, ибо это расширило бы ее влияние на польские народные массы. Но польская буржуазия была готова изменить даже этим скромным требованиям, если движение за их осуществление в какой-то мере грозило затронуть ее классовые интересы.

³ AGAD, GGW, № 103731, к. 249.

строю, в частности, за демократизацию гминного самоуправления, введение польского языка в делопроизводстве и в школе.

Прямая же борьба крестьян за раздел помещичьей земли, захваты ее, поджог имений и т. д., как это было в России, в Царстве Польском наблюдалась сравнительно редко¹. Почти все подобные случаи имели место в Люблинской губ., характеризовавшейся наибольшей концентрацией земель в руках помещиков по сравнению с другими губерниями края. Борьба крестьян за землю в Царстве Польском в революции 1905—1907 гг. выступала преимущественно в форме борьбы за сервитутные леса и пастбища.

Буржуазно-помещичьи партии и ППС прилагали все усилия к тому, чтобы польские крестьяне не последовали в вопросе о помещичьей земле примеру русского крестьянства.

Пресса СДКПиЛ так характеризовала позицию эндеков в данном вопросе: эндеки «боятся, что если русские крестьяне начнут захватывать землю чиновников и русских помещиков, то их примеру последуют также и крестьяне в бывших провинциях Польши — в Белоруссии, Литве и т. д., а может быть, даже и в Царстве Польском. «Национальная демократия» опасается за карман польской шляхты и стоит перед вопросом: изменить интересам шляхты и поддержать революцию... или же изменить русским крестьянам, революции, автономии и нашим национальным интересам и спасти шляхетские имения? И наша национал-демократия предпочла интересы шляхты, изменив интересам демократии, революции и польской нации»².

Хотя еще часты были случаи, когда польская буржуазия и помещики, пользуясь политической отсталостью значительной части крестьянства, играя на его национально-освободительных стремлениях, добивались того, что крестьянство помимо своих требований поддерживало требования, выгодные лишь имущим классам, хотя эндекам часто еще удавалось опутать польских крестьян своими буржуазно-националистическими лозунгами, несомненным является тот факт, что революция в громадной степени способствовала высвобождению широких масс польского крестьянства из плена буржуазной идеологии.

Особенно интенсивно этот процесс происходил в последние месяцы 1905 г. (после 17 октября) и в течение 1906 г., когда польская буржуазия и помещики заняли открыто контрреволюционную позицию, обнаружив тем самым свою антинародную сущность. Недаром в полицейском донесении из Люблинского уезда весной 1906 г. сообщалось, что когда «в политической жизни края наступила реакция», то «крестьянство стало смотреть скептически на своих народных проповедников»³.

Зимой 1905 г. широкой волной развернулись массовые выступления крестьян против царских властей в деревнях. Крестьяне на своих гминных сходах устраняли полицейских, земских стражников, некоторых войтов, солтысов и писарей и выбирали новых, организуя зачастую также и собственную милицию⁴.

Революция чрезвычайно активизировала польское крестьянство в политическом отношении. Варшавский губернатор в одном из своих рапортов конца 1905 г. сообщал: «На созываемых в гминных управлениях сходах крестьяне в настоящее время вовсе не касаются подлежащих их ведению вопросов, а... обсуждают исключительно политические програм-

¹ См., например, APL, TGGL, 1905/5, к. 55; APL, KGL, 1906/155, к. 7—8, 22.

² «Czerwony Sztandar», 1906, № 76.

³ APL, KGL, 1906/155, к. 3.

⁴ AGAD, GGW, № 103732, к. 19, 194, 219; APR, № 1550, к. 7—9.

мы, заноса в составляемые приговоры постановления с выражением незаконных требований. Если по каким-либо причинам на сходе не присутствует непосредственный агитатор в качестве представителя одной из многочисленных польских политических партий или кружков, то его заменяет достаточно подготовленный для пропаганды, участвующий на сходе крестьянин, обыкновенно более других развитый и грамотный человек, который влияет на остальных, внушая им противоправительственные идеи и прочее»¹.

Очень часто крестьяне на своих «незаконных» гминных сходах требовали в приговорах отмены военного положения в стране, освобождения политических заключенных, свободы слова, собраний и организаций². Призывники в массовом количестве отказывались являться на сборные пункты³.

Лозунги устранения низовых агентов царской власти в деревне и выбора взамен них новых, а также лозунги отказа от уплаты налогов и бойкота призыва в армию — были в конце 1905 г. выдвинуты СДКПил и широко пропагандировались ею на собраниях и в печати⁴. Под влиянием революционной агитации польские крестьяне с помощью рабочих громили органы царской администрации в деревнях Царства Польского.

Движение в конечном итоге вылилось в форму партизанских выступлений. В одном из секретных приказов командирам войсковых частей от начала ноября 1905 г. временный генерал-губернатор Варшавской губ., называя отряды рабочих и крестьян «шайками», сборищем «бродяг» и т. п., констатировал, что «во многих местностях края возникло движение, совершаемое... шайками смутьянов, но действующих очень дерзко, причем большая часть населения держится пассивно (то есть сочувственно.— Ф. Т.), способствуя хозяйничанию в крае бродяг, скрывая их от преследования войск и властей. Большей частью образ действий подобного рода шаек грабителей состоит в следующем: шайка, человек в 30, вооруженная револьверами Браунинга, двигается на подводах, оставляет последние где-либо в укрытом месте и обрушивается на какое-либо селение, где производит разгром винных лавок, гминных судов, управлений и почт. Окончив разгром, шайка бросается к подводам и исчезает, чтобы повторять погромы где-либо в другом месте. Войскам, прибывающим к месту разгрома, не представляется обыкновенно объекта действий и приходится становиться лишь свидетелями совершенного насилия»⁵.

Приказ говорил также о том, что подобные случаи еще более часты в других губерниях края. Для борьбы с этим движением приказ предписывал создавать летучие военные отряды под командованием офицеров, которые должны «действовать против громил беспощадно, донося об исполнении и числе жертв»⁶.

Крестьяне в массовом порядке отказывались платить налоги царскому правительству. Начальник Петроковского губернского жандармского управления доносил в ноябре, что «очень серьезным является вопрос об отказе крестьян платить подати. Многие из них, внесшие уже таковые, потребовали их под угрозой от солтысов обратно. Не вносят даже срочных платежей в Крестьянский банк за приобретенные при его посредстве

¹ AGAD, GGW, № 103732, к. 299.

² Там же, к. 194—195; № 104339, к. 257.

³ AGAD, GGW, № 103726, к. 375; APR, KGR, 1905/192, к. 63; APR, KTGGR, № 7, к. 53.

⁴ AGAD, GGW, № 103732, к. 126.

⁵ Там же, № 103731, к. 284.

⁶ Там же, к. 306.

земли. Подобное своеволие деморализующе действует на крестьян, вселяет в них полное убеждение в бессилии власти и значении революционных партий, и может вызвать крупные осложнения; поэтому встречается настоятельная необходимость парализовать это движение и приступить к немедленному принудительному — экзекуционному способу взыскания податей»¹.

В ряде случаев, как это было, например, в окрестностях Ченстохова², отказ крестьян платить подати и налоги был прямым результатом социал-демократической агитации.

Общекрестьянское движение сопровождалось новым подъемом батрацких забастовок в помещичьих фольварках³.

Преобладающей формой крестьянского движения осенью 1905 г. вплоть до начала 1906 г. являлось политическое движение, направленное против царского самодержавия. Наряду с требованием устранения из гминных сходов земских стражников, отказом платить налоги, требованием политических свобод и освобождения политических заключенных, крестьяне выдвинули ряд национальных требований.

Волна национально-освободительной борьбы с новой силой поднялась в Царстве Польском в октябре — ноябре 1905 г. и удерживалась на высоком уровне до конца декабря. На протяжении этих месяцев, сильнее чем в другие периоды революции 1905—1907 гг., классовая борьба польского крестьянства переплеталась с национально-освободительной борьбой.

Осенью 1905 г. в городах и деревнях Царства Польского с новой силой вспыхнула школьная забастовка, охватившая большинство школ. Так, рабочие Жирардова 9 ноября (27 октября) вместе с забастовавшими школьниками, обойдя все училища района, прекратили занятия, заявив: «здесь Польша и учение должно вестись на польском языке»⁴.

Петроковский губернатор в телеграмме Министерству внутренних дел отмечал в конце октября, что «во всем населении губернии замечается сильный подъем национального духа»⁵.

В Варшаве служащие магистрата на общем собрании 7 ноября (25 октября) постановили вести всю переписку исключительно на польском языке, угрожая в противном случае забастовкой. Все начальные школы столицы явочным порядком перешли к обучению на польском языке⁶.

Царизм ответил на октябрьско-ноябрьское выступление польского народа введением во всем крае военного положения. Еще 2 ноября (20 октября) генерал-губернатор Польши Скалон потребовал у правительства немедленного объявления Царства Польского на военном положении. «Революционное движение во вверенном мне крае, — телеграфировал он в Петербург, — заметно и быстро усиливается, захватывая все более широкие круги населения, начиная проникать даже в крестьянские массы; положение крайне серьезное, из которого усматриваю один только выход, а именно безотлагательное объявление всего Царства Польского на военном положении, о введении которого убедительно ходатайствую; всякое промедление считаю опасным»⁷.

¹ APŁ, PGZZ, 1905/27, к. 663.

² AGAD, GGW, № 103726, к. 64.

³ Там же, № 103731, к. 255.

⁴ Там же, к. 175.

⁵ APŁ, KGP, № 1547.

⁶ AGAD, GGW, № 103719, к. 457—458.

⁷ AGAD, GGW, № 103825, к. 25.

6 ноября (24 октября), то есть еще за несколько дней до объявления края на военном положении, Скалон издает приказ всем губернаторам, в котором предлагалось «впредь не допускать никаких публичных шествий, рассеивая уличные сборища манифестантов силою оружия»¹. Три дня спустя он напомнил губернаторам, что приказ должен выполняться безукоснительно, и манифестанты «должны быть разогнаны оружием независимо от обстановки»².

10 ноября (28 октября) все Царство Польское было объявлено на военном положении. Войскам на случай восстания в крае была дана специальная инструкция³, согласно которой они были приведены в состояние боевой готовности. Временные военные генерал-губернаторы получили безоговорочный приказ: манифестантов «рассматривать как банды мятежников и расстреливать их до полного уничтожения», а участников сходок и митингов «рассеивать огнестрельным оружием»⁴. Одновременно Скалон приказал временным генерал-губернаторам широко пользоваться 12-й статьей военного положения, дававшей право применять смертную казнь без суда⁵.

Польский рабочий класс не устранился введения военного положения и встретил его гигантской волной протеста. В Варшаве десяти тысячный митинг железнодорожников в день введения военного положения решил не прекращать стачки, пока не будут выполнены экономические требования железнодорожников и не будет снято военное положение. Группа рабочих убила в столице двух полицейских, пытавшихся спровоцировать еврейский погром⁶.

В течение 10 и 11 ноября (28 и 29 октября) в Варшаве состоялось 36 общих митингов протеста против введения военного положения, организованных СДКПиЛ совместно с ППС. Политические демонстрации и забастовки в знак протеста против введения военного положения состоялись почти во всех промышленных городах Царства Польского и сопровождались, как правило, кровавыми столкновениями рабочих с полицией и войсками.

Главное правление СДКПиЛ по поводу введения военного положения обратилось к рабочим со специальной прокламацией, в которой указывалось, что «правительство, видя, что лживые конституционные обещания не помогают ему», хватается за крайнее средство, «открыто сбрасывая с себя конституционную маску и спасая свое подлое господство»⁷.

В ответ на введение военного положения прокламация призывала рабочих продолжать всеобщую забастовку, вооружаться и подымать деревню. «Рабочие каждого завода и каждой мастерской,— говорилось в прокламации,— должны создавать боевые отряды, как это уже делают русские рабочие, чтобы быть готовыми к отражению злодейских намерений правительства и к дальнейшей борьбе... Выходите из города в деревню,— агитируйте крестьян, чтобы вместе с ними восстать против общего врага за общую свободу... В деревню, рабочие, в деревню! Пусть наша революция захватывает все более широкие круги, вздымает все большие волны, пока подлое правительство не утонет в пучине!»⁸.

¹ AGAD, GGW, № 103821, к. 27.

² Там же, № 103742, к. 156.

³ APŁ, TGGP, 1905/85, к. 75.

⁴ Там же, 1905/3, к. 5.

⁵ Там же, к. 13.

⁶ «Z pola walki» (Москва), № 11—12, стр. 325—326.

⁷ AWHP, 1905, ч. 1, вып. 2, № 23.

⁸ Там же.

Героическую борьбу польских рабочих против военного положения поддержал верный принципам пролетарского интернационализма русский пролетариат. Под влиянием большевиков Петербургский Совет рабочих депутатов в знак протеста против введения военного положения в Польше, а также против вынесения смертного приговора участникам кронштадтского восстания, призвал рабочих Петербурга к объявлению политической забастовки.

Петербургский комитет большевиков выпустил специальную листовку, в которой говорилось: «На героическую, самоотверженную борьбу наших братьев, польских рабочих, на борьбу, которую они ведут за нашу общую свободу против общего врага, царское правительство ответило военным положением... Пусть узнают томящиеся в казематах кронштадтцы, пусть узнают наши польские товарищи, что петербургский пролетариат не дремлет и зорко стоит на страже общероссийской свободы. Пусть увидит царское правительство еще нашу грозную силу, нашу братскую солидарность с борющимся пролетариатом всей России...»¹.

Так началась в Петербурге забастовка солидарности с польским пролетариатом. «Пролетариат стоит на своем посту,— писал тогда В. И. Ленин.— Он не допустит, чтобы геройская Польша была еще раз задавлена. Он ринется сам в бой и не только уже мирной стачкой, а с оружием в руках поднимется за свободу в России и Польши»².

Забастовка солидарности, начатая 15(2) ноября, охватила все крупные заводы и ряд других предприятий столицы и продолжалась до 20(7) ноября. В листовке «Солидарность польских и русских рабочих», которой варшавский и лодзинский комитеты СДКПиЛ откликнулись на эту забастовку, говорилось о том, что она служит новым ярким примером пролетарского интернационализма и братского союза польского и русского пролетариата³.

Волна протеста против введения военного положения в Царстве Польском оказалась настолько мощной, что правительство было вынуждено обещать снять его, но сделало это только 1 декабря, и то лишь на очень короткое время.

Только со второй половины ноября польский пролетариат, обескровленный и истощенный продолжавшейся несколько недель борьбой, прекратил забастовку с тем, чтобы собрать силы для дальнейшей борьбы.

16(3) ноября Главное правление СДКПиЛ призвало польских рабочих приступить на следующий день к работе для того, чтобы «набрать сил и лучше организовать для нового штурма царизма». Партия призвала рабочих создавать на всех фабриках и в мастерских вооруженные рабочие отряды, которые в любую минуту были бы готовы к бою. «Рабочие! — говорилось в воззвании партии.— Вернемся завтра на работу, не покидая поля борьбы. Вернемся на фабрики и в мастерские только на некоторое время, до момента нового взрыва. Вернемся не как побежденные, а как победители, в полной боевой готовности»⁴.

17(4) ноября закончилась железнодорожная забастовка в Царстве Польском [в России она закончилась 1 ноября (19 октября)]. Во многих местностях Царства Польского рабочие приступили к работе только после 20(7) ноября⁵. Таким образом, всероссийская октябрьская поли-

¹ «Листовки петербургских большевиков», т. I, Госполитиздат, 1939, стр. 276.

² В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 9.

³ Биб-ка ИМЭЛС, ЦЛ2—45, Ц 41945.

⁴ АННР, 1905, ч. 1, вып. 2, № 24.

⁵ AGAD, GGW, № 103731, к. 262, 272; № 103726, к. 228.

тическая забастовка закончилась в Царстве Польском на две недели позднее, чем в России.

Начатая 29(16) ноября общероссийская политическая стачка работников почт и телеграфа, объявленная Всероссийским съездом почтово-телеграфных служащих, была, по призыву СДКПиЛ, активно поддержана работниками почты и телеграфа Царства Польского, которые дружно присоединились к ней.

30(17) ноября Главное правление СДКПиЛ обратилось с листовкой «Ко всем работникам почты и телеграфа», в которой призывало поддерживать забастовку. «Пусть ни один из вас,— призывала партия,— не отстраняется от борьбы, начатой вашими товарищами во имя ваших же прав, борьбы, являющейся только частью борьбы за свободу, которую ведет уже долго героический пролетариат»¹.

Оценивая в целом итоги всеобщей октябрьско-ноябрьской политической забастовки, СДКПиЛ указывала, что она сильнее, чем любая из предыдущих забастовок, сплотила в братской борьбе польский и русский пролетариат «в один революционный класс, объединенный в общей борьбе за общую свободу»². В октябрьско-ноябрьские дни СДКПиЛ сумела значительно организованнее и шире руководить массами, чем в предыдущих стачечных боях.

Решающий голос в октябрьско-ноябрьской стачке принадлежал в Царстве Польском революционному пролетариату, который выступал под знаменем социал-демократии и всем своим поведением показал, что он борется вместе с русским пролетариатом за одно общее дело.

Всеобщая ноябрьская политическая забастовка, как правильно указывала СДКПиЛ, представляла собой победу идей пролетариата над идеями польской буржуазии. «Мы одержали победу над националистами,— говорилось в листовке СДКПиЛ,— ибо их заклинания о нашей национальной обособленности... не в состоянии были разорвать наш классовый союз с пролетариатом всей России»³.

В октябрьско-ноябрьской стачке польский пролетариат проявил себя подлинным гегемоном революционного движения в Царстве Польском, а СДКПиЛ политическим руководителем этого движения.

О том, как октябрьско-ноябрьские дни благотворно повлияли на идеологическое развитие СДКПиЛ в смысле постепенного преодоления ею люксембургских ошибок, главной из которых было преклонение перед стихийностью движения, свидетельствуют различия в оценке самой партией ее места и роли в январско-февральской и октябрьско-ноябрьской забастовках. Если в январской забастовке СДКПиЛ выдвигала в качестве положительной стороны ее в значительной степени стихийный характер, то оценка октябрьско-ноябрьской забастовки носила уже совершенно иной характер. Сама Роза Люксембург подчеркивала, что, в отличие от январской забастовки, октябрьская политическая стачка была организованным, сознательным действием «передовых отрядов пролетариата, направленным на определенную политическую цель»⁴. На V съезде СДКПиЛ Ф. Дзержинский подчеркивал громадную организующую роль, которую сыграла партия в октябрьско-ноябрьской

¹ АШНР, 1905, I В II, № 28. Листовки, призывавшие к забастовке почтово-телеграфных работников в Царстве Польском, издали также некоторые местные организации СДКПиЛ, как, например, Радомская (APR, KGR, № 1362a, к. 27).

² АШНР, 1905, ч. 1, вып. 2, № 24.

³ Там же.

⁴ R. Luksemburg, Z doby rewolucyjnej. Co dalej? № 3, Warszawa, 1906, стр. 10.

всеобщей стачке: «Эта громадная дисциплинированность,— писал он,— это громадное значение и влияние, которое мы приобрели как пролетарская партия, стало ясно видным в октябрьские и ноябрьские дни»¹.

IV

Обобщением опыта партии по ряду тактических вопросов революции, особенно же по тактическим вопросам, возникшим в ходе октябрьско-ноябрьской всеобщей стачки, обогатившей политический и организационный опыт партии, явились решения краевой партийной конференции СДКПиЛ, состоявшейся 23—30 (10—17) ноября 1905 г. в Варшаве. В работе конференции приняли участия Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, прибывший нелегально в Царство Польское², Л. Тышка, также незадолго до этого прибывший в Царство Польское, Бронислав Весоловский, один из основоположников СДКПиЛ, возвратившийся после 11-летней каторги и ссылки, а также такие видные деятели СДКПиЛ, как Адольф Варский, Якуб Ганецкий, Эдислав Ледер, Винценты Магушевский и другие.

На повестке дня конференции стояли следующие вопросы: 1) оценка текущего момента и задачи партии; 2) учредительное собрание и автономия; 3) профессиональные союзы; 4) организационные вопросы; 5) отношение к крестьянскому движению и 6) работа партии в рядах армии³.

Конференция имела своей задачей подготовить партию к ожидавшемуся в ближайшее время вооруженному восстанию — сформулировать, во-первых, платформу политических требований, касавшихся политических основ и политических учреждений Царства Польского, и решить, во-вторых, вопрос об организационной подготовке партии к вооруженному восстанию.

Политическая платформа на случай победы восстания была сформулирована в резолюции, называвшейся «По вопросу о Конституанте» (Учредительном собрании).

Как известно, польские буржуазные и мелкобуржуазные партии выдвинули требование созыва отдельного Учредительного собрания в Варшаве, которое бы выработало особую конституцию для Царства Польского. Реакционность этого лозунга заключалась в том, что он был выдвинут в противовес лозунгу общероссийского Учредительного собрания. По замыслу польских реакционеров, этот лозунг имел главной своей целью оторвать Царство Польское от русской революции и допустить к управлению краем польских помещиков и буржуазию. Именно в последнем смысле понимали лозунг автономии эндеки. Лидер эндеков Дмовский прямо заявил Витте, что польская буржуазия хочет автономии Царства Польского для того, чтобы отделиться от русской революции. «Откуда же взялась зараза?» — спрашивал Дмовский, имея в виду революцию, и отвечал: «От вас, русских»⁴.

Защитниками лозунга «Конституанты» (Учредительного собрания) в Варшаве выступали также и ППС'овцы. Даже левая часть ППС, так называемые «молодые», выдвигали требование отдельной Конституанты и

¹ F. Dzierżyński. Pisma wybrane, стр. 154.

² Мархлевский до этого работал в Кракове. Там находился партийный центр — редакция партийных изданий СДКПиЛ, в которой Мархлевский принимал руководящее участие. Мархлевский переехал в Царство Польское в момент переезда редакции в ноябре 1905 г. в Варшаву.

³ «Z pola walki» (Москва), 1934, № 16, стр. 120. Сохранились резолюции только по 1, 2, 4 и 5 пунктам повестки дня.

⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, М., 1923, стр. 131.

Варшаве, что выражало их непоследовательность и колебания в преодолении национальной ограниченности.

Перед партией революционного пролетариата стояла задача дать отпор этим буржуазным требованиям, противоречащим интересам как польского, так и русского народов, а также выдвинуть собственные политические лозунги, устанавливающие взаимоотношения между Царством Польским и всей Россией в случае такой победы, одним словом, дать подлинно пролетарское решение национального вопроса в Царстве Польском в условиях победы буржуазно-демократической революции. В принятой ноябрьской конференцией резолюции «По вопросу о Конституанте» СДКПиЛ выдвинула принципиальное для национальных судеб Польши положение о том, что невозможна ликвидация политического и национального гнета в Польше без победы революции в России, и что поэтому польский пролетариат заинтересован в самой полной победе демократии в России. «Польский рабочий класс не может быть свободен в Польше, пока в России не будет свободы», — писала по этому поводу газета СДКПиЛ «Социал-демократ»¹. Резолюция подчеркивала, что «первой и самой существенной гарантией политической и национальной свободы в Польше является широкая политическая свобода в самой России, гарантией которой, в свою очередь, является провозглашение во всем государстве демократической республики, основанной на всеобщем, прямом и тайном избирательном законе и общегосударственном парламенте»². СДКПиЛ указывала, что только из рук такого парламента Царство Польское получит национальную автономию, которая действительно обеспечит национальные и демократические права польского народа.

Коренное различие между лозунгом автономии у эндеков и СДКПиЛ состояло в том, что последняя, в отличие от эндеков, требовала автономии для польского народа, а не для польских помещиков и буржуазии, автономии, основой которой была бы полнейшая демократизация Царства Польского и уничтожение национального гнета³. «Такая автономия, о которой говорят народные демократы, — писал орган Лодзинского комитета СДКПиЛ, — это господство в Польше гнета и эксплуатации польской буржуазии, это лишение польского рабочего класса возможности успешно бороться против нее и у себя дома, и во всем государстве в союзе с русскими рабочими»⁴.

Коренное различие между лозунгом ППС о созыве отдельного Учредительного собрания для Царства Польского и лозунгом СДКПиЛ о созыве общероссийского революционного Учредительного собрания состояло в том, что СДКПиЛ связывала вопрос о демократических преобразованиях Царства Польского с такими же преобразованиями во всем государстве, правильно полагая, что провозглашение лозунга отдельных Учредительных собраний приведет к раздроблению и ослаблению сил революции и, следовательно, к ослаблению революционных сил польского

¹ «Socjaldemokrata» (Warszawa), № 1, от 12 декабря 1905 г.

² АОНР, 1905, ч. 1, вып. 2, № 29.

³ «Червоны Штандар» следующим образом обосновывал необходимость национальной автономии для Царства Польского: «Нашему краю необходима автономия: необходимо, чтобы население этого края решало по собственной воле дела, касающиеся его. Если создание самостоятельного государства при существующих экономических, общественных и политических условиях невозможно, если государственная связь с Россией в данный период неотвратима, то жизненные интересы всей нации требуют, чтобы этот край управлялся не какой-нибудь чужой властью, а самим населением, представителями, избранными этим населением на основе законов, которые население санкционирует... Такое преобразование существующих отношений может совершиться только революционным путем» («Czerwony Sztandar», 1907, № 145).

⁴ «Do walki», 1906, № 9

народа и его возможностей противостоять польской буржуазии. СДКПиЛ провозглашала в качестве незыблемого принципа утверждение, что в то время как интересы польского и русского пролетариата едины, интересы польского пролетариата и польской буржуазии в корне противоположны друг другу. Поэтому партия выступала против единства с «собственной» буржуазией в отдельной «Конституанте» для Царства Польского и за единство с революционным русским пролетариатом в общегосударственной «Конституанте»¹.

Резолюция ноябрьской конференции говорила о том, что требование польских буржуазных партий о созыве «Конституанты» в Варшаве в целях определения будущих политических учреждений Царства Польского и его отношения к России «прикрывает только их стремления отделить нашу страну от общероссийской революции, которая одна только может обеспечить у нас господство демократии»². СДКПиЛ считала, что польская буржуазия является гораздо более опытной в борьбе с революционным движением, чем русская буржуазия, и указывала, что именно этот факт увеличивает опасность господства антинародных сил в Царстве Польском в случае созыва отдельного Учредительного собрания. Эта оценка совпадала с оценкой В. И. Ленина, который считал, что по сравнению с польской русская буржуазия «менее развита, менее сознательна, менее искушена в политической борьбе»³.

СДКПиЛ указывала и на то, что требование отдельного Учредительного собрания для Царства Польского «может успешно служить буржуазным партиям и как ловушка для привлечения рабочих к идее общности интересов имущих классов и пролетариата Польши. Это ведет к затуханию в польском пролетариате сознания антагонизма его интересов с интересами буржуазной Польши и создает ложное представление, будто интересы польского рабочего и русского рабочего противоположны»⁴.

Что касается позиции левых в ППС по этому вопросу, то СДКПиЛ расценивала поддержку ими требования отдельной «Конституанты» как оппортунистическую уступку национализму⁵.

СДКПиЛ отчетливо сознавала тот факт, что борьба с национализмом является одной из важнейших задач пролетариата в борьбе за гегемонию в революции. «Необходимо,— указывала резолюция ноябрьской конференции,— в целях возможно полнейшего отделения польского рабочего класса от сознательных и несознательных демагогов национализма, при всякой возможности противопоставлять в агитации нашу программу стремлениям мелкобуржуазного национализма буржуазных или псевдосоциалистических партий»⁶.

В. И. Ленин, как известно, считал прямой и важнейшей задачей социал-демократии «предостерегать пролетариат и трудящиеся классы всех национальностей от прямого обмана их националистическими лозунгами «своей» буржуазии, которая сладенькими или пылкими речами о «родине» старается *разделить* пролетариат и *отвлечь его внимание* от проделок буржуазии, вступающей и в экономический и в политический союз с буржуазией других наций и с царской монархией»⁷. В качестве примера

¹ АWHP, 1905, ч. 1, вып. 2, № 29.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 46.

⁴ АWHP, ч. 1, вып. 2, № 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же, № 28.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 215.

В. И. Ленин приводил поведение польской буржуазии в революции 1905 г.¹

Однако, проводя непримиримую борьбу против явного и скрытого национализма, СДКПиЛ все же не сумела дать подлинно большевистского решения национального вопроса, которое единственно могло способствовать максимальному развертыванию революционной борьбы широчайших масс.

Хотя в период революции 1905—1907 гг. СДКПиЛ не возобновляла своих нападок на § 9 Устава РСДРП, говорящий о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, столь частых в предыдущие годы (и возобновившихся в годы реакции), и даже не ставила его в качестве препятствия для объединения с РСДРП на IV (Стокгольмском) съезде², однако она и в дальнейшем отрицала это главное ленинское положение по национальному вопросу.

Выдвинутое СДКПиЛ в программе-минимум требование автономии для Царства Польского само по себе было правильным, ибо при тогдашних условиях наиболее отвечало политическим и национальным интересам польского народа. Ошибка заключалась в том, что СДКПиЛ ограничивалась этим требованием, не дополняя его лозунгом права наций на самоопределение. Как известно, В. И. Ленин такую постановку национального вопроса считал для революционной социал-демократии недопустимой, грубо ошибочной.

Ошибочно считая, что признание и пропагандирование лозунга права наций на самоопределение вплоть до отделения помешает ей в борьбе с национализмом, СДКПиЛ объективно не только не способствовала этой борьбе, но затрудняла ее. Это особенно ярко сказалось во время октябрьско-ноябрьских и декабрьских боев, когда, в силу своих ошибок в национальном вопросе, СДКПиЛ не сумела мобилизовать под своим знаменем те новые силы, которые поднялись на борьбу с царизмом на почве национально-освободительных требований, а эти силы составляли могучий фактор революционного движения в Царстве Польском.

Люксембургянцы выступили против основного ленинского лозунга по национальному вопросу, исходя из неправильно понятых принципов пролетарского интернационализма, означавших на деле, как это указывал на VII пленуме ЦК ПОРП Б. Берут, вульгаризацию и искривление этих принципов³.

Хотя СДКПиЛ последовательнее, чем все другие польские партии, разоблачала национальный гнет и правильно указывала на то, что национальный вопрос в Польше может быть разрешен только в неразрывной связи с победой революции во всей России, возглавляемой пролетариатом, она не понимала второй стороны этого вопроса, а именно того, что само национально-освободительное движение под гегемонией пролетариата составляет один из источников силы революции, увеличивающей фронт общенародной борьбы против царизма.

О громадных возможностях польских социал-демократов в этом отношении в революции 1905—1907 гг. свидетельствует тот факт, что каждая новая волна пролетарской борьбы немедленно вызывала подъем национально-освободительного движения польских народных масс в городе и деревне, направленного против царизма.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 214.

² Как известно, этот пункт послужил на II съезде РСДРП причиной отказа СДКПиЛ от объединения.

³ Referat B. Bieruta na VII Plenum KC PZPR — «Nowe Drogi», 1953, № 3.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что при всех своих ошибках по национальному вопросу СДКПиЛ самым решительным образом выступала против национального гнета и была самым последовательным защитником национальных прав польского народа, ибо связывала его борьбу за национальное равноправие с единственной силой, которая это равноправие могла ему дать, — общерусской революцией, союзом с русским пролетариатом. Орган СДКПиЛ «Трибуна Людова» указывал в декабре 1905 г., что общая революционная борьба польского и русского пролетариата «усиливает и одновременно делает возможным успешную защиту наших национальных интересов, ибо в интересах русского пролетариата лежит устранение гнета во всех его формах на всей территории государства, а следовательно, и гнета, тяготеющего над польской нацией. В противовес нашим буржуазным партиям, для которых лозунг защиты национальных прав является только ширмой, заслоняющей их классовый эгоизм и реакцию, наша партия как отряд международной социал-демократии, везде стоящей на страже свободы и культуры, активно борется за гарантии свободного национального развития. Политической программой нашей партии является завоевание демократической республики во всем государстве с автономией для Польши, основанной на постоянном краевом сейме»¹.

Чрезвычайно важным вопросом, обсуждавшимся ноябрьской конференцией СДКПиЛ, был вопрос об оценке текущего момента и организационной подготовке партии к всероссийскому вооруженному восстанию.

Резолюция по этому вопросу отмечала, что октябрьская стачка, хотя и ослабила царское правительство, вынудив его издать манифест 17 октября, все же «еще не сумела вырвать из рук правительства фактической власти». Кроме того, резолюция указывала, что «наряду с тем фактом, что власть находится еще в руках старого правительства, против революции вырастает новый враг — а именно контрреволюция буржуазии, которая, опасаясь дальнейшего роста сознательности и организованной мощи рабочего класса, хочет покончить с революцией и с этой целью готова ее предать».

Наступивший послеоктябрьский период резолюция оценивала как момент временной передышки, «после которой придет новое, более мощное наступление на царское правительство, то ли в связи с выборами в Думу, то ли еще раньше». «Наша партия должна использовать этот момент, — говорилось далее в резолюции, — для максимальной организации сил рабочего класса к предстоящей борьбе».

Так как СДКПиЛ предполагала, что существенным элементом приближавшегося вооруженного восстания будет всеобщая политическая забастовка, конференция постановила «придать уже сейчас революционной рабочей массе такие формы организации, которые обеспечили бы партии возможность приостановить в случае необходимости всю нормальную общественную жизнь». В резолюции отмечалась необходимость «заранее обеспечить связь отдельных очагов революции, с целью единства действий и их усиления», приступить к немедленной организации рабочей милиции и «в момент нового революционного взрыва овладеть по возможности всеми местными и государственными учреждениями»².

Важным шагом вперед на пути революционного развития СДКПиЛ являлась принятая ноябрьской конференцией резолюция «По аграрному вопросу».

¹ «Trybuna Ludowa», Prospekt, 10/XII 1905.

² «Z pola walki» (Москва), 1934, № 16, стр. 121.

Стихийное тяготение польского крестьянства к союзу с рабочим классом в революции 1905—1907 гг. встречало на своем пути сильнейшее препятствие в виде всевозможных разновидностей помещичье-буржуазного национализма, из которых самой опасной была эндековская проповедь «национальной солидарности». Тем не менее это стремление крестьянства прокладывало себе дорогу. Но для того, чтобы это стихийное тяготение трудового крестьянства к промышленному пролетариату, к сплочению вокруг него могло стать сознательным и организованным процессом, партия революционного пролетариата должна была выработать революционную, научно обоснованную аграрную программу. В этом отношении СДКПиЛ имела серьезные недостатки.

До революции 1905 г. СДКПиЛ, следуя господствовавшей в германской социал-демократии теории и практике, почти полностью пренебрегала революционной агитацией в деревне, не воспитывала пролетариат в духе понимания необходимости союза рабочего класса и крестьянства. Но уже в течение первого года революции, под влиянием развернувшегося крестьянского движения в России и Царстве Польском, а также исторических решений III съезда РСДРП и работ В. И. Ленина, СДКПиЛ в конце 1905 и начале 1906 г. начала менять свое отношение к крестьянскому движению и приходила к выводу о необходимости решительного усиления революционной агитации в деревне.

К этому времени СДКПиЛ уже осознала, что революция сможет победить лишь в том случае, если вместе с пролетариатом и под его руководством поднимутся на революционную борьбу широчайшие крестьянские массы, в том числе и крестьяне, одетые в солдатские шинели. «В нынешней стадии революции во всем государстве,— писал «Червоны Штандар» в 1906 г.,— ближайшие судьбы освободительной борьбы зависят прежде всего от двух факторов: от позиции армии и от аграрного движения. Хотя руководство и политическая гегемония в революции должны оставаться до конца в руках наиболее политически сознательной и наиболее революционной части рабочего люда, в руках промышленного пролетариата, однако чашу весов в этой борьбе склонить своим напором в пользу народа призваны армия и деревенский люд»¹.

Об этом же писал в июне 1906 г. орган Варшавского комитета СДКПиЛ «Газета работнича»: «Декабрьская всеобщая забастовка,— отмечала газета,— была последним в настоящей революции исключительно пролетарским выступлением. Это выступление было подавлено и показало, что силы одних городских рабочих для свержения царизма недостаточны. Кто может стать их союзниками в борьбе? Не гнилая буржуазия, не трусливая мелкая буржуазия. Только многомиллионный деревенский люд может стать рядом с городскими рабочими, как второй серьезный противник царизма»².

Заслугой ноябрьской краевой конференции СДКПиЛ было то, что она сделала первый крупный шаг в сторону усиления революционной работы в деревне.

В принятой конференцией резолюции по крестьянскому вопросу говорилось: «В нынешней ситуации партия должна приложить все усилия к тому, чтобы втянуть в водоворот революции пролетарские и демократические силы в деревне и возглавлять везде, где это только возможно,

¹ «Czerwony Sztandar», 1906, № 97.

² «Gazeta Robotnicza», 1906, № 5.

стихийные крестьянские выступления, которые, как можно предполагать, будут в ходе революции все чаще вспыхивать»¹.

Конференция решила усилить организационную и агитационную работу среди сельскохозяйственного пролетариата и малоземельного крестьянства. Резолюция конференции признавала необходимым организацию в деревне революционных центров, своего рода крестьянских революционных комитетов, которые при помощи и под руководством партии вели бы революционную агитацию и «руководили классовой борьбой в деревне». Отдельные революционные центры должны были через своих представителей поддерживать связь с другими центрами и быть тесно связаны с партийным комитетом СДКПиЛ или же с партийной организацией СДКПиЛ в ближайшем городе².

Революционные центры должны были стремиться к организации в деревне боевых дружин. Резолюция предусматривала, что в момент начала вооруженного восстания в задачи этих центров должно входить: ликвидация явочным порядком всех старых властей в деревне, овладение всеми органами управления, передача функций чиновников в руки людей, избранных революционной партией (*rewolucyjne stronnictwo*). Перед революционными центрами ставилась задача конфискации всех правительственных касс, частичная конфискация крупной земельной собственности (казенные земли, земли, принадлежащие царской семье, представителям власти и «всем врагам революции»), уничтожение старой налоговой системы и введение новой, основанной на принципе прогрессивно-подходного налога. Резолюция вменяла также в обязанность революционных центров «в случае необходимости конфисковывать хлеб и всякое продовольствие в помещичьих имениях для нужд населения»³.

Резолюция обязывала не только партийные организации, но и отдельных членов партии направить свои усилия на расширение революционной агитации в деревне и установление самого тесного контакта с ее революционными силами. «Города и местечки Царства Польского,— писал по этому поводу «Червонь Штандар»,— должны стать центрами воздействия на сельское население»⁴.

Результаты этих усилий партии сказались уже в 1906 г., когда СДКПиЛ сумела в трудных условиях наступления реакции значительно расширить сеть партийных организаций и революционную агитацию в деревне.

Однако, несмотря на серьезные сдвиги в сторону приближения взглядов СДКПиЛ к большевистской точке зрения по крестьянскому вопросу, она все же не сумела занять до конца последовательной большевистской позиции, не избавилась от ряда серьезных ошибок, которые самым отрицательным образом сказались на ее борьбе за гегемонию и безраздельное руководство народными массами в революции 1905—1907 гг.

Несмотря на теоретическое признание невозможности победы революции без союза рабочего класса с крестьянством, СДКПиЛ полагала, что идея о том, что в с е крестьянство должно стать союзником пролетариата в демократической революции, верна только по отношению к русскому крестьянству. В Польше же, по ее мнению, союзниками пролетариата могут стать только те слои деревни, которые непосредственно подвергались капиталистической эксплуатации,—сельский пролетариат и полу-пролетариат. Работа партии среди этих слоев велась только под ло-

¹ «Czerwony Sztandar», 1906, № 34.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Czerwony Sztandar», 1906, № 49.

зунгами политической борьбы и борьбы с капиталистической эксплуатацией. СДКПиЛ ошибочно считала, что, в отличие от России, в Польше борьба за раздел помещичьей собственности не может иметь места и нецелесообразна¹. Перепрыгивая через этап незавершенных в экономике польской деревни буржуазно-демократических преобразований, СДКПиЛ теряла перспективу, не видела и не понимала, что на буржуазно-демократическом этапе революции основным союзником пролетариата являются не только пролетарские и полупролетарские слои деревни, но крестьянство в целом. Только в конце революции СДКПиЛ начала призывать к ведению партийной агитации в польской деревне также на почве аграрных требований всего крестьянства.

Большинство указанных ошибок партии по аграрному вопросу нашло свое отражение также в принятой ноябрьской конференцией резолюции.

Ноябрьская конференция приняла также специальную резолюцию о профессиональных союзах, в которой говорилось, что «профессиональная борьба является одним из самых успешных средств для улучшения условий и одновременно одним из важнейших факторов пробуждения в рабочих массах осознания своих интересов как отдельного класса». Профессиональная борьба, гласила резолюция, «чтобы стать действительно плодотворной и полезной для рабочего класса, а не только для отдельной профессии, должна быть классовой борьбой, а потому и тесно связанной с политической борьбой»². Конференция исходила из принципа, что профсоюзы не могут быть «нейтральными в отношении партийных разногласий, а должны быть связаны самым тесным образом с нашей партией посредством ведения своей профессиональной и организационной политики на основе наших политических и организационных принципов (единство рабочего класса во всем государстве), поддержки партийных действий (во время массовых выступлений, во время выборов в законодательные органы) и т. д.»³.

Для руководства профсоюзным движением была создана временная Центральная комиссия профессиональных союзов. На комиссию была также возложена задача подготовить краевой съезд профсоюзов, который должен был избрать постоянную Центральную комиссию профсоюзов⁴.

Сразу же после ноябрьской партийной конференции СДКПиЛ организовала во всех промышленных центрах сотни рабочих митингов, на которых призывала рабочих вступать в профсоюзы⁵. Так, в Варшаве 13 декабря (30 ноября) 1905 г. состоялись три больших митинга, посвященных профсоюзам, каждый с участием нескольких сот рабочих⁶. В десятках тысяч экземпляров были изданы брошюры, разъяснявшие цели и задачи профсоюзов⁷.

После подавления московского декабрьского вооруженного восстания СДКПиЛ обращала внимание на необходимость расширения и укрепления не только партийных, но и профсоюзных организаций. Призывая к окончанию декабрьской забастовки, СДКПиЛ выдвинула лозунг:

¹ Этот тезис СДКПиЛ аргументировала нецелесообразностью дробления крупной капиталистической земельной собственности. Руководители СДКПиЛ считали, что в случае победы революции на национализированной помещичьей земле в Польше надо будет сразу создавать кооперативы батраков (см. «Czerwony Sztandar», 1906, № 77).

² «Z pola walki» (Москва), 1934, № 16, стр. 176.

³ «Czerwony Sztandar», 1906, № 44.

⁴ «Czerwony Sztandar», 1906, № 39.

⁵ «Czerwony Sztandar», 1906, № 38.

⁶ «Czerwony Sztandar», 1906, № 35.

⁷ «Czerwony Sztandar», 1906, № 38.

«Политическая забастовка пока окончена: товарищи, примемся со всей энергией за дело строительства профсоюзной организации!»¹. СДКПиЛ отмечала, что декабрьская политическая стачка «опять показала, какую большую роль могут сыграть в ее проведении профессиональные союзы»².

В декабре 1905 г. возникли первые в Царстве Польском руководимые СДКПиЛ профсоюзы рабочих строительной промышленности, каменщиков, металлистов, рабочих кожевенной промышленности, рабочих мукомольной промышленности, торговых работников, железнодорожников, печатников и др. В феврале 1906 г. возник союз рабочих текстильной промышленности и др.

Под руководством партии профсоюзы, борясь за повышение заработной платы и улучшение условий труда, выступали вместе с тем и за свержение самодержавия, установление демократической республики и за введение явочным порядком 8-часового рабочего дня.

Однако и в вопросе о профессиональных союзах СДКПиЛ допускала серьезную ошибку, заключавшуюся в том, что она создавала не широкие беспартийные профессиональные организации, а социал-демократические, партийные нелегальные профсоюзы.

Как в решениях ноябрьской партийной конференции, так и в более ранних партийных документах, касавшихся профсоюзов, не проводилось ясное и четкое разграничение между профсоюзами, как массовыми организациями, в состав которых могут и должны входить все рабочие, желающие бороться за улучшение своих жизненных условий, и партией — высшей формой организации пролетариата. Эти документы отражали непонимание польской социал-демократией авангардной роли партии по отношению к профсоюзам. Ноябрьская конференция приняла решение о необходимости «стремиться, чтобы все члены профсоюзов принадлежали к партии и принимали участие в партийной жизни»³. Польские социал-демократы ошибочно считали, что профессиональное движение является частью партийного движения. Отождествление партии и профсоюзов в значительной степени превращало профсоюзы в замкнутые организации, оторванные от масс, приводило к сектантству.

Известную роль в допущенной ошибке сыграло то обстоятельство, что СДКПиЛ хотела противопоставить свои революционные классовые профсоюзы «беспартийным» и аполитичным профсоюзам, основанным ППС. Об этом свидетельствует тот факт, что для России СДКПиЛ признавала правильность лозунга беспартийности профсоюзов и правильно, хотя в явном противоречии с собственной практикой, объясняла позицию русских социал-демократов. В одной из своих статей «Червоны Штандар», противопоставляя ППС'овские «беспартийные» профсоюзы, построенные на принципах аполитичности и нейтральности, беспартийным профсоюзам, организованным большевиками, писал, что русские социал-демократы, выдвигая принцип беспартийности профсоюзов, исходят из правильного положения о том, что эти «профессиональные союзы в состоянии охватить более широкие рабочие массы, чем партия», что они «организуют политически, вовлекают в водоворот политической борьбы значительно большие массы, чем могла бы это сделать сама партия без этих профессиональных союзов»⁴.

Стирание граней между партией и профсоюзами и отстаивание тесной организационной связи партии с профсоюзами являлись главной при-

¹ «Czerwony Sztandar», 1906, № 35.

² «Czerwony Sztandar», 1906, № 36.

³ «Czerwony Sztandar», 1906, № 121.

⁴ «Czerwony Sztandar», 1906, № 74.

чиной возражения против возможной легализации профсоюзов со стороны СДКПиЛ¹, считавшей, что такая легализация неизбежно приведет к провалу движения в целом и к уничтожению партии².

Важное значение имела принятая ноябрьской партийной конференцией, по предложению Ф. Дзержинского, резолюция о работе партии в войсках. Резолюция указывала, что «работа в войсках должна ставить себе целью организацию солдат для вооруженного восстания»³.

V

К началу вооруженного восстания в Москве польский пролетариат был сильно обескровлен тяжелыми октябрьско-ноябрьскими боями, затянувшимися вплоть до декабрьских дней⁴. Несмотря на это, а также на то, что в тот день, когда началось московское восстание, в Польше вновь было введено военное положение, польский пролетариат по призыву СДКПиЛ с честью выполнил свой революционный долг, поддержав восставших московских рабочих политической забастовкой.

СДКПиЛ призвала польский пролетариат к всеобщей забастовке еще до получения известий о начале восстания в Москве. 22 (9) декабря СДКПиЛ созвала в Варшавской филармонии многотысячный митинг, принявший резолюцию о необходимости включиться в новую полосу борьбы, начатую русским пролетариатом⁵. В изданных в тот же день прокламациях партия призвала польский пролетариат начать всеобщую забастовку сразу же после рождественских праздников.

Известия о начале московского восстания пришли в Царство Польское уже во время рождественских праздников, когда все предприятия были закрыты.

Польский пролетариат начал политическую стачку сразу же после праздников, то есть 27 (14) декабря. Железнодорожники Привислинских железных дорог забастовали еще 26 декабря.

В столице Польши для руководства всеобщей стачкой Варшавский комитет СДКПиЛ создал специальный стачечный партийный комитет под руководством Бронислава Весоловского, а также стачечные комитеты в отдельных районах столицы. Одновременно был создан Центральный стачечный комитет, в состав которого вошли представители СДКПиЛ, ППС, Бунда и Союза железнодорожников.

¹ Каким сильным тормозом в развитии профсоюзов была их нелегальность, можно судить и по тому, что за одно только членство в социал-демократических организациях рабочие присуждались к шести неделям тюрьмы, а активная деятельность в таком профсоюзе грозила многолетним тюремным заключением (APL, TGGR, № 4, к. 19, 107).

² Сектантские ошибки по отношению к профсоюзному движению со стороны СДКПиЛ привели к тому, что, несмотря на непрерывный рост, социал-демократические профсоюзы к середине 1906 г. насчитывали почти в 2,5 раза меньше членов, чем партия. Неправильное понимание взаимоотношений партии и профсоюзов, а также отрицательное отношение к легальной деятельности профсоюзов, привели к тому, что участники V съезда СДКПиЛ причины недостаточного развития социал-демократических профсоюзов усматривали исключительно в объективных условиях — в отсутствии политических свобод («Sprawozdanie z V Zjazdu SDKPiL», Warszawa, 1906, стр. XX).

³ «Z pola walki» (Москва), 1934, № 16, стр. 120.

⁴ Даже после окончания октябрьско-ноябрьской стачки, во второй половине ноября и в первой половине декабря в Царстве Польском постоянно имели место крупные стачки, демонстрации, кровавые столкновения рабочих с войсками и полицией (AGAD, GGW, № 10326, к. 279, 282, 285; № 103732, к. 39, 45; APL, PGZ, 1905/27, к. 689—691, 709, 721 и др.).

⁵ «Gzerwony Sztandar», 1905, № 31.

Получив известия о начале восстания в Москве, в Варшаву нелегально приехала Роза Люксембург, которая с самого начала революции, по воспоминаниям Мархлевского, рвалась к работе в Царстве Польском и, вопреки уговорам товарищей, не хотела оставаться больше за границей, несмотря на то, что в Польше ей угрожал арест¹. Из-под пера Розы Люксембург в декабрьские дни вышли пламенные статьи и листовки.

Периодическая и летучая пресса СДКПиЛ систематически сообщала о героической борьбе рабочих Москвы, информировала о ходе боев с войсками.

Несмотря на жестокие репрессии и военное положение, в столице Польши происходили массовые митинги бастующих рабочих. Были попытки строить баррикады.

В Домбровском бассейне после широкой печатной агитации, проведенной партией в течение трех дней праздников, 27 (14) декабря рабочие, придя на предприятия, где их уже ждали агитаторы СДКПиЛ, сразу начали забастовку².

Партия всеми силами стремилась к распространению стачки на железные дороги с тем, чтобы предотвратить возможности переброски войск в Москву и в пределах самого Царства Польского. Несмотря на противодействие эндеков и репрессии властей, революционные рабочие Домбровского бассейна, руководимые СДКПиЛ, остановили 27 декабря железнодорожное движение. Несколько раз эндеки под охраной войск пытались возобновить движение, и несколько раз ценою человеческих жертв революционные рабочие снова его прекращали³. Борьба вокруг железнодорожной забастовки между социал-демократами и эндеками шла не только в Домбровском бассейне, но по всей территории Царства Польского.

Царские власти принуждали бастующих железнодорожников к работе, посылая за ними на дом солдатские и жандармские конвои. В этом им активно содействовали эндеки. Рабочие, однако, не сдавались. В Петрокове был испорчен въезд в паровозное депо; около станций Зомбковице, Ченстохов, Люблин и в других местах рабочие повредили динамитом железнодорожные мосты и полотно; в ряде мест были обстреляны курсирующие поезда⁴. В Петрокове один из машинистов пустил паровоз под откос⁵.

В Лодзи забастовка была всеобщей. Движение на улицах было прекращено. Попытки демонстрации в городе были сорваны войсками, несколько раз открывавшими огонь. Попытка рабочих приостановить железнодорожное движение не удалась⁶.

Забастовка охватила большинство промышленных городов Царства Польского, всюду принимая чрезвычайно острый характер.

В декабре усилилось начавшееся еще в октябре партизанское движение в крае. Так, из Пултусского уезда Варшавской губ. власти доносили об «особенно усилившейся деятельности революционных боевых банд»⁷. Люблинский губернатор доносил о том, что в декабре имел место

¹ J. Marchlewski. Pamięci Rózy Luksemburg i Leona Jogichesa (osobiste wspomnienie) — «Z pola walki» (Москва), 1927, № 12, стр. 109. Роза Люксембург, прибывшая в Варшаву под фамилией Анны Матшке, была арестована вскоре царской охранкой по доносу немецкой буржуазной прессы.

² «Gzerwony Sztandar», 1906, № 34.

³ «Gzerwony Sztandar», 1905, № 31; 1906, № 34.

⁴ «Gzerwony Sztandar», 1906, № 35; AGAD, GGW, № 103726, к. 356, 375, 387; APŁ, PGZZ, 1905/27, к. 618—624; APŁ KGL, 1906/167, к. 63.

⁵ AGAD, GGW, № 103726, к. 375.

⁶ AGAD, GGW, к. 321, 327, 328, 331, 355, 556.

⁷ AGAD, GGW, № 103732, к. 141.

«целый ряд преступных посягательств на земских стражников вверенной мне губернии, из коих многие сопровождались смертными исходами». В результате городская и уездная полиция, «в особенности там, где она малочисленна и где нельзя рассчитывать на содействие военной силы, нередко вынуждена бывает отстраняться от исполнения своих прямых обязанностей...»¹. Сильно активизировалось также крестьянское движение. Однако царские власти приняли самые жестокие меры против польских трудящихся. Войска действовали по законам военного времени.

В течение декабрьской забастовки были произведены самые большие по своим масштабам аресты революционеров. 30 (17) декабря Скалон приказал местным властям немедленно «приступить к последовательному арестованию агитаторов, распространителей прокламаций, членов различных социалистических партий, и вообще лиц, пребывание коих в уезде может вызвать опасения». При арестах Скалон вменял «в обязанность широко пользоваться содействием вооруженной силы...»².

Еще до издания этого приказа в одной только Лодзи в ночь на 28 (15) декабря было арестовано около 200 революционеров, преимущественно социал-демократов³.

Эти массовые аресты, проведенные в ходе декабрьской забастовки, серьезно ослабили силы партии.

Анализ изданий СДКПиЛ за время декабрьской забастовки показывает, что партия ясно отдавала себе отчет в том, что забастовка может перерасти в решающую схватку с царизмом, и готовила к этому массы. 25 (12) декабря Ю. Мархлевский писал, что пролетариат «не может уже, как раньше, ограничить своих действий одной только всеобщей забастовкой. Революция, под угрозой поражения, не может стоять на одном месте. Исползовать шансы — значит перейти от первой атаки, какой является всеобщая забастовка, ко второй атаке, какой будет соединение революции пролетариата с аграрным движением и революцией, которая охватит и ряды войск. В деревню! В казармы! Вот первый план кампании, какую должна себе начертать революция сразу же после взрыва всеобщей забастовки. А это значит, что после соединения с революционизированной частью армии надо переходить от отступления к наступлению, от состояния защиты в состояние атаки, от фазы всеобщей забастовки к фазе вооруженного восстания»⁴.

Однако непосредственного призыва начать вооруженное восстание в Царстве Польском СДКПиЛ вследствие неблагоприятной ситуации пока еще не давала, ожидая распространения московского восстания на другие районы России. Партия стремилась в эти дни придать наибольший размах всеобщей забастовке в Царстве Польском. «Сегодня,— писал в эти дни «Червоны Штандар»,— мы должны решительно поддержать наших борющихся в центре государства товарищей путем всеобщей забастовки. Эта забастовка парализует силы правительства, дезорганизует его; при наличии забастовки царское правительство не осмелится отозвать ни одного полка, ни одной роты, чтобы поддержать свои войска в борьбе против вооруженной революции, которая там разразилась. Такова задача момента. Ближайшее время может поставить перед нами другую задачу, и тогда пусть Варшава окажется достойной Москвы»⁵.

¹ APL, TGGL, 1905/3, к. 68.

² AGAD, GGW, № 103734, к. 210.

³ Там же, № 103726, к. 355.

⁴ «Gzerwony Sztandar», 1905, № 29.

⁵ «Czerwony Sztandar», 1905, № 31.

О том, что польский пролетариат, по призыву СДКПиЛ¹ уже практически готовился к вооруженному восстанию, свидетельствует тот факт, что рабочие всеми возможными способами добывали себе оружие для участия в восстании. Так, например, на металлургическом заводе Раков в Ченстохове (ныне завод им. Б. Берута) в середине ноября 1905 г. «произведенным полицией обыском обнаружено тайное изготовление холодного оружия, часть которого найдена также в жилых фабричных домах, причем отобрано 37 пик и 23 сабли»². В конце декабря при обыске в фабричных домах рабочих фабрики Познанского в Лодзи было найдено значительное количество «самодельного холодного оружия»³. В течение ноября и декабря особенно участились случаи нападения рабочих на солдат с целью захвата у них винтовок⁴. Особенно часто такие случаи имели место в конце ноября и начале декабря в Ченстохове, Лодзи, Варшаве⁵. Охранка получила сведения, что к восстанию готовились и крестьяне в окрестностях Варшавы, которые «заготавливают домашним способом разного рода холодное оружие: косы, стилеты, вилы и т. п.»⁶. В декабре Скалон приказал закрыть в Царстве Польском все оружейные магазины⁷.

Готовясь к вооруженному восстанию, СДКПиЛ использовала короткий период между октябрьско-ноябрьской стачкой и декабрьскими событиями для усиления агитации среди солдат. Так, начальник Ченстоховского военного района доносил, что «до 6 декабря общее настроение в Ченстохове и уезде было наружно спокойно, хотя агитаторская деятельность социал-демократов неустанно работала, направляя главным образом свою деятельность среди войск»⁸. В начале декабря охранка по всему Царству Польскому была тревогу по поводу «усилившейся за последние дни революционной пропаганды среди войск»⁹.

В декабре СДКПиЛ прямо призывала солдат последовать примеру моряков Севастополя и Кронштадта¹⁰. Результатом этой агитации были, как уже указывалось, более многочисленные, чем раньше, случаи отказа солдат исполнять приказы командования, предъявления требований об улучшении их быта и т. д. Серьезный характер приняли волнения в 37-м Екатеринбургском пехотном полку в Лодзи 23 (10) декабря¹¹. Очень часто в декабре происходили также волнения среди новобранцев, значительная часть которых не являлась на сборные пункты¹².

Ожидая в течение ближайших дней распространения московского восстания на другие районы России, СДКПиЛ, несмотря на огромные трудности, стремилась во что бы то ни стало продолжить всеобщую забастовку. Когда в Лодзи Бунд 31 декабря призвал к прекращению забастовки, совершая тем самым акт предательства по отношению к польскому пролетариату, Лодзинский комитет СДКПиЛ призвал рабочих

¹ См. воззвания партии по этому поводу — АWHP, 1905, ч. 1, вып. 2, №№ 32 и 33; Биб-ка ИМЭЛ, ЦЛ 2—45, Ц. 41953 и др.

² AGAD, GGW, № 103726, к. 55.

³ Там же, к. 408.

⁴ Там же, к. 283, 327.

⁵ APL, TGGP, № 76, к. 23.

⁶ AGAD, GGW, № 103708, к. 216.

⁷ APL, TGGL, 1905/3, к. 66.

⁸ APL, TGGL, 1905/76, к. 6.

⁹ AGAD, GGW, № 103726, к. 279.

¹⁰ APL, TGGP, 1905/76, к. 16. Листовка Ченстоховской ВРО СДКПиЛ от 10 декабря 1905 г. «Братья солдаты» и другие воззвания СДКПиЛ.

¹¹ APL, TGGP, 1905/76, к. 88; AGAD, GGW, № 103726, к. 243.

¹² AGAD, GGW, № 103732, к. 83; № 103726, к. 356.

игнорировать этот призыв и не прекращать борьбы. «В момент, когда в России льется кровь тысяч наших братьев,— говорилось в листовке комитета,— которые восстали на вооруженную борьбу за демократическую республику, в момент, когда царские власти всеми силами и всеми средствами хотят задуть наше стремление к лучшему будущему, арестовывая сотнями наших борющихся товарищей, когда реакция поднимает голову, чтобы нас победить,— в такой момент прекратить забастовку мы не можем! Мы должны напрячь все силы на борьбу с реакцией, забастовка должна продолжаться!»¹.

В Домбровском бассейне партия организовала материальную помощь рабочим, у которых были исчерпаны средства к существованию, и тем самым обеспечила продолжение забастовки².

На шестой день после начала забастовки в Царстве Польском были получены сведения о подавлении московского восстания и прекращении всеобщей забастовки в Петербурге. В этих условиях СДКПиЛ признала дальнейшее продолжение забастовки в Царстве Польском нецелесообразным, и 2 января 1906 г. (20 декабря 1905 г.) призвала польский пролетариат прекратить ее³. «Забастовка в Царстве Польском,— указывало в своей листовке Главное правление СДКПиЛ,— была провозглашена для поддержания действий пролетариата в Петербурге и в Москве. Лозунг вышел из Петербурга и оттуда также был подан лозунг о прекращении всеобщей забастовки...»⁴. «Польский пролетариат,— писал «Червоны Штандар»,— вместе с русским пролетариатом встал на борьбу и с ним вместе ее прерывает, чтобы готовиться к новой борьбе по примеру героических рабочих Москвы»⁵.

На злорадствование польской буржуазной прессы по поводу того, что забастовка не приняла такого размаха, какого ожидали революционеры, центральный орган партии отвечал: «Забастовка действительно не приняла таких размеров, таких форм, как мы этого хотели, но у нас нет никаких причин для пессимистических настроений»; несмотря на то, что условия для борьбы пролетариата в Царстве Польском были неблагоприятны, долгом польских рабочих было «поддержать действия наших русских товарищей; этого от нас требовали разум и сердце, требовала революционная честь». Парализовав возможность переброски войск, указывала статья, забастовка в значительной мере выполнила свою задачу⁶.

Несмотря на все усилия СДКПиЛ, борьба польского пролетариата в декабре не приняла такого размаха, как во время октябрьско-ноябрьской стачки. Наибольшее число стачечников в Царстве Польском падает на октябрь. В октябре — ноябре 1905 г. развитие революционного движения в крае достигло наивысшей точки за весь период революции 1905—1907 гг., вплотную подойдя к вооруженному восстанию. Неравномерное развитие революции в отдельных частях страны выразилось в Царстве Польском в том, что наивысшая волна революции пришлась там на более раннее время, чем в России. В момент же, когда движение в самой России подошло к этапу вооруженного восстания и московский пролетариат это восстание начал, польский пролетариат был в состоянии провести только всеобщую политическую забастовку.

¹ АВПР, 1906, ч. 1, вып. 2 — Lodz, № 1.

² Библиока ИМЭЛС, ЦЛ2—65, Ц. 43134.

³ «Czerwony Sztandar», 1906, №№ 34, 35.

⁴ АГАД, ф. графов Браницких, № 2378.

⁵ «Czerwony Sztandar», 1906, № 34.

⁶ Там же.

Тот факт, что польский пролетариат не смог подняться в декабре на восстание, был обусловлен целым рядом причин. Из них нужно указать на следующие: царизм с самого начала применял в Царстве Польском жестокие и массовые репрессии, сосредоточив в крае огромный военный гарнизон¹. По подсчету штаба Варшавского военного округа, в течение 1905 г. имели место 2923 случая посылки войск на подавление «беспорядков». Всего было послано 2797 рот, 894 эскадрона, 56 орудий и 954 различных команд².

Польский промышленный пролетариат, сосредоточенный в своей основной массе на относительно небольшой территории двух губерний — Варшавской и Петроковской, понес в течение первых одиннадцати месяцев революции громадные жертвы, ибо борьба в Царстве Польском приобрела с первых же дней революции огромный размах. Об этом свидетельствует хотя бы то, что количество многократных забастовок на одних и тех же промышленных предприятиях в 1905 г. было в Варшавской губ. более чем в два раза выше, чем в Петербургской, и в три раза выше, чем в Московской, а в Петроковской губ. — в два раза выше, чем в Московской. Царство Польское, на территории которого было сосредоточено в 1905 г. около 15% предприятий и 13,5% промышленных рабочих всей империи, дало 29% стачек и 28% стачечников из общего количества стачек и стачечников по всей России³.

Нужно еще учесть, что контрнаступление польской буржуазии на рабочий класс было наиболее интенсивным именно в дни декабрьской стачки. Ослабило размах стачки также и то обстоятельство, что она готовилась во время праздников, когда предприятия не работали. Кроме этих объективных причин, ослабивших стачку, сыграли свою роль и такие факторы, как антиреволюционная тактика правых ППС'овцев, подменявших восстание террором, а также ошибки СДКПиЛ в вопросе об организационно-технической подготовке вооруженного восстания.

Оценка московского восстания, данная СДКПиЛ, была сходна с оценкой большевиков. В противовес плехановскому «не надо было браться за оружие» центральный орган СДКПиЛ писал после поражения московского восстания: «Итак, борьба окончена — да здравствует борьба! Вот ответ на мнимое поражение наше в Москве, на поражение, которое больше пугает победителей, чем побежденных»⁴.

СДКПиЛ отбрасывала прочь теорию оппортунистов из II Интернационала о якобы невозможности вооруженной уличной борьбы пролетариата в современных условиях. Она указывала, что московское восстание является фактом, свидетельствующим «прежде всего о том, что вооруженная борьба возможна, несмотря на грандиозную военную силу, несмотря на пулеметы, на скорострельные орудия, несмотря на всю эту усовершенствованную технику убийств, которой пользуется царизм... Таковы вели-

¹ Витте в своих «Воспоминаниях», говоря о том, почему в Царстве Польском, которое в 1905 г. «находилось почти в открытом восстании», революция не вылилась во всеобщее открытое вооруженное восстание, объяснял это прежде всего тем, «что там была сравнительно значительная военная сила» (Воспоминания, т. I, стр. 452). Он отмечал, что Царство Польское и Кавказ принадлежали к тем частям Российского государства, где было сосредоточено самое большое количество войск (там же, т. II, стр. 115, 117).

² «1905. Материалы и документы. Армия в первой революции», стр. 174.

³ В. Варзар. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908, СПб., 1910, данные табл. XI, стр. 184—187. Эти данные, как известно, относятся лишь к предприятиям, находившимся под надзором фабричной инспекции.

⁴ «Czerwony Sztandar», 1906, № 36.

кие уроки декабрьских дней. Пролетариат готов к бою, вооруженная борьба возможна. Завоевание такого опыта является большой, неопенимой пользой для революции»¹.

«Вооруженное восстание в Москве,— писал «Червоны Штандар»,— хотя и было подавлено организованным насилием, доказало неоспоримо две вещи. Во-первых, что вооруженное уличное восстание это не химера и не устаревшая традиция, которую нужно передать в исторический архив, а является вполне возможным делом, и при участии хотя бы части армии должно принести победу. Во-вторых, что к вооруженному восстанию за рабочим пролетариатом пойдут и другие народные слои...»².

2 января 1906 г. Р. Люксембург писала Каутскому из Варшавы, что «всеобщая стачка уже сыграла свою роль. Теперь только непосредственная всеобщая уличная борьба может принести решение, но подходящий момент для этого должен быть только более подготовлен»³. Московские события,— писала она,— показывают будущее революционного движения в России, «его неизбежное заключение в виде открытого восстания»⁴. Позднее, осенью 1906 г., выступая на рабочем митинге, Роза Люксембург снова указывала, что в России «рано или поздно придется решать вопрос о народном восстании против носителей самодержавного режима и довести революцию до конца»⁵.

СДКПиЛ старалась как можно шире изучать и популяризировать опыт московского восстания. На партийных собраниях обсуждался вопрос о вооруженном восстании в Москве и его уроках⁶.

В редакционной статье «Перед новой борьбой», написанной Ю. Мархлевским и посвященной урокам декабрьского восстания в Москве и декабрьской стачки в Царстве Польском, «Червоны Штандар» делал, исходя из этих уроков, следующий основной практический вывод о задачах партии на ближайшее время: «Агитация в армии и в деревне, усиление партийной организации, работа в профессиональных союзах и особенно по укреплению и расширению нашего союза железнодорожников — вот ближайшая наша борьба, которая должна нам подготовить победу в новом генеральном бою с царизмом»⁷.

Положительное отношение к вооруженному восстанию было той решающей чертой, которая отличала СДКПиЛ в этом вопросе от всякого рода оппортунистов. Однако и здесь СДКПиЛ не сумела занять до конца последовательную марксистскую позицию. Главная ее ошибка заключалась в недооценке организационно-технической подготовки восстания.

В вопросе о вооруженном восстании ярко сказалось характерное для СДКПиЛ расхождение между теорией и практикой, с одной стороны, непоследовательность в самой теории — с другой.

Ошибки СДКПиЛ в вопросе о военно-технической подготовке восстания были тесно связаны с ее общими ошибками в организационных вопросах, заключавшимися в недооценке организаторской роли партии и в переоценке фактора стихийности в революционном движении. По мнению Розы Люксембург и других руководителей СДКПиЛ, массы, толкаемые внутренними законами развития классовой борьбы, сами найдут соответ-

¹ Odezwa SDKPiL, z/I 1906—AGAD, ф. графов Браницких, № 2376.

² «Czerwony Sztandar», 1906, № 36.

³ Р. Люксембург. Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918), М., 1923, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 33.

⁵ Р. Люксембург. Речи, М.—Л., 1929, стр. 31—32.

⁶ «Czerwony Sztandar», 1906, № 38.

⁷ «Czerwony Sztandar», 1906, № 36.

ствующие данному моменту формы и способы организации. В этих ошибках СДКПиЛ, нашедших отражение в полемике Р. Люксембург с В. И. Лениным по организационным вопросам в 1904 г., нужно искать один из главных источников ошибок СДКПиЛ в вопросе об отношении к вооруженному восстанию.

Роза Люксембург выдвигала на первый план агитационную роль партии, внедрение в рабочие массы классового революционного сознания. Вопреки практике самой СДКПиЛ, проделавшей в годы революции огромную организаторскую работу в массах, Роза Люксембург и другие деятели партии недооценивали громадного значения организационного руководства массами со стороны партии. «Все трудности и вопросы революции,— писала в 1906 г. Роза Люксембург,— решаются неспомощью каких-то искусственных маневров и чудотворной деятельностью руководящих социалистических партий, а единственно самим логическим и неумолимым развитием массовой борьбы пролетариата. Задачей руководства социал-демократии является при этом лишь внесение сознательности их собственного классового движения в пролетарские массы и сосредоточение, упрочение в постоянной классовой организации тех передовых слоев, которых ход революции и социал-демократическая агитация сделали сознательными»¹.

Это умаление организующей роли партии, сводившееся фактически к провозглашению тактики «организации-процесса» по отношению к вооруженному восстанию, нашло свое отражение в теории так называемого полустихийного развития восстания, которое якобы является результатом ряда частичных восстаний и агитаций партии за восстание.

После декабрьского восстания в Москве произошел большой сдвиг во взглядах СДКПиЛ в отношении военно-технической стороны восстания и вооруженной борьбы пролетариата. Роза Люксембург, которая до этого сомневалась в возможностях уличной борьбы с войсками, прямо заявила, что «на нынешнем этапе... неизбежно выступают на поле боя вооруженное восстание и уличная борьба»². Она признавала уже, что в вооруженном восстании «технические приготовления важны и необходимы», что «начавшийся этап открытых вооруженных боев накладывает на социал-демократию обязанность возможного вооружения передовых отрядов борющихся, обдумывания плана и условий уличной борьбы, использования прежде всего опыта и уроков вооруженного восстания в Москве»³.

* * *

На втором этапе революции 1905—1907 гг. СДКПиЛ выступила руководительницей арьергардных боев польского пролетариата, которые в Царстве Польском приняли более затяжной и острый характер, чем в остальной России. Имея против себя таких врагов, как царизм, польскую буржуазию с партией эндеков во главе, правых ППС'овцев и сильный аппарат римско-католической церкви, СДКПиЛ сумела в трудных условиях значительно расширить и укрепить свою организацию, в том числе и в деревне, где ее работа (особенно в Люблинской губернии) приняла значительный размах.

Как уже отмечалось, на IV съезде РСДРП совершилось объединение СДКПиЛ с РСДРП. Вступление в РСДРП непосредственно втягивало

¹ R. Luksemburg. «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?», № 3, Warszawa, 1906, стр. 16.

² Там же, стр. 14.

³ Там же.

СДКПиЛ в борьбу между большевиками и меньшевиками и делало более непосредственным влияние большевиков на польскую социал-демократию.

Состоявшийся в июне 1906 г. V съезд СДКПиЛ подытожил работу партии за полтора года революции.

Из кружковой организации, насчитывавшей несколько сот членов, СДКПиЛ за годы революции превратилась в партию, насчитывавшую в своих рядах около 35 тыс. чел. V съезд СДКПиЛ был съездом фронтального наступления на тактическую линию меньшевиков, считавших либеральную буржуазию гегемоном революции.

В 1906—1907 гг. развитие СДКПиЛ в сторону большевизации становится особенно значительным. В преодолении ошибок СДКПиЛ огромную роль играли критика и помощь со стороны большевиков с В. И. Лениным во главе. Ошибки эти преодолевались не до конца и не одинаково во всей партии, но процесс эволюции СДКПиЛ в сторону большевизма шел неуклонно и безостановочно. И хотя СДКПиЛ держалась центристской позиции в вопросе об организационном единстве большевистского и меньшевистского крыла РСДРП, она, однако, по большинству тактических вопросов занимала близкую большевикам, антименьшевистскую позицию. Это особенно ярко проявилось на V съезде РСДРП, в котором СДКПиЛ приняла активное участие.

В. И. Ленин, который всегда остро критиковал ошибки СДКПиЛ, неоднократно подчеркивал во время революции 1905—1907 гг. и после нее, что СДКПиЛ и большевики, несмотря на все существующие между ними различия, составляют один революционный лагерь, противостоящий оппортунизму меньшевиков. Когда Мартов пытался уже после революции 1905—1907 гг. раздуть тактические расхождения между СДКПиЛ и большевиками, исходя из того, что СДКПиЛ вместо большевистского лозунга «диктатуры пролетариата и крестьянства» выдвинула лозунг «диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство», В. И. Ленин самым решительным образом пресек эти попытки, выдвинув на первое место те моменты, которые объединяли большевиков и СДКПиЛ по вопросам тактики в минувшей революции. «Нельзя подобными средствами,— писал В. И. Ленин,— увернуться от признания основного и несомненного факта, который состоит в том, что большинство РСДРП, поляки и большевики в том числе, решительно стоят: 1) за признание руководящей роли пролетариата, роли вождя в революции, 2) за признание целью борьбы завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов, 3) за то, что на первое и, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство»¹. «Говоря это,— подчеркивал В. И. Ленин,— мы вовсе не отрицаем и не затушевываем разногласий между большевиками и поляками». Но при всем этом «все и каждый увидят нашу солидарность с ПСД против меньшевиков во всем основном, увидят, что расходимся мы лишь в частности»².

На фоне предательской, антинародной и антинациональной роли польской буржуазии в революции 1905—1907 гг., на фоне оппортунизма и национализма ППС — с особой силой проявляется глубоко революционная и патриотическая позиция СДКПиЛ.

В ходе революции 1905—1907 гг. СДКПиЛ оказалась единственной партией в Польше, которая, несмотря на свои серьезные ошибки, мобили-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 340.

² Там же, стр. 341.

зовала и организовала пролетарские массы Царства Польского на штурм царизма, соединяя эту борьбу с борьбой против собственной буржуазии. Она была также единственной партией в Польше, разоблачавшей все проявления национализма, с помощью которого буржуазия и ее прислужники из рядов ППС отравляли сознание пролетариата.

Революция 1905—1907 гг. в Царстве Польском оказала огромное влияние на подъем пролетарского, общедемократического и национально-освободительного движения в остальных польских землях, находившихся под гнетом Пруссии и Австрии.

СДКПиЛ подчеркивала громадное международное значение революции 1905—1907 гг. «Как когда-то революция шла из Парижа на феодальную Европу, так теперь она идет из России на капиталистическую Европу», — писал орган СДКПиЛ «Трибуна Людова» в декабре 1905 г.¹

Большую роль в распространении среди западноевропейского пролетариата опыта русской революции, первой народной революции эпохи империализма, сыграли польские социал-демократы с Розой Люксембург во главе.

В героическую борьбу пролетариата всей России польский пролетариат, возглавляемый СДКПиЛ, внес большой вклад. СДКПиЛ, имевшая таких руководителей, как Роза Люксембург, Феликс Дзержинский, Юлиан Мархлевский, Бронислав Весоловский, Леон Тышко, выдержала испытания революции 1905—1907 гг., показала себя партией, преданной делу пролетариата, делу его борьбы и победы.

---

¹ «Trybuna Ludowa», 1905, № 1.

А. Л. СИДОРОВ

К ВОПРОСУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАЗЕННЫХ ВОЕННЫХ ЗАВОДОВ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война в гигантской степени увеличила финансовую, экономическую и политическую зависимость царской России от ее империалистических союзников и США. Рост этой зависимости был обусловлен острым недостатком вооружения, боеприпасов и снаряжения, в результате чего армия уже в 1915 г. оказалась в катастрофическом положении, и попыткой правительства обеспечить снабжение путем иностранных заказов за счет иностранных займов¹. В конечном итоге все свои надежды правительство возложило на помощь союзников. К ним стали обращаться за всем, начиная от подков и сапог и кончая тяжелой артиллерией, порохом, взрывчатыми веществами, автомобилями, моторами для самолетов, станками, углем, паровозами, вагонами и медикаментами.

Поставки производились с большим опозданием и перерывами и покрывали незначительный процент заявленных потребностей. Вооружение и снаряжение, прибывавшее из-за границы, зачастую было разносистемным и некомплектным, зачастую устарелым и недоброкачественным — давали то, что не годилось самим. Цены устанавливались непомерно высокие, грабительские. Займы, предоставлявшиеся для оплаты поставок, давались на таких условиях, что ставили размещение русских заказов под контроль кредиторов и подрывали финансовую систему России. Помощь союзников привела не только к усилению зависимости России, но и к ослаблению ее военно-промышленного потенциала².

Все это было закономерным результатом предшествующего хозяйничания помещиков и буржуазии, которые в угоду своим узкоклассовым корыстным интересам обрекали страну на технико-экономическую и культурную отсталость, вместе с иностранным капиталом расхищали ее богатейшие ресурсы. В ходе войны неспособность господствующих классов мобилизовать силы нации проявилась с особенной очевидностью. Работа Особого совещания по обороне, созданного в 1915 г., переговоры правительства с Думой, деятельность Совета министров и военных ведомств, а также военно-промышленных организаций буржуазии показали, что в силу антинародного характера своей политики господствующие классы были неспособны организовать производство таким образом, чтобы обеспечить успешное ведение войны. При этом не только русская буржуазия, но и буржуазия союзных с ней стран приносила в угоду своим своекорыст-

¹ См. об этом А. Сидоров. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 гг. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11.

² Подробно об этом см. нашу статью «Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны» — «Исторические записки», т. 15, а также нашу публикацию «Миссия в Англию и Францию по вопросу снабжения России предметами вооружения» — «Исторический архив», т. IV, М.—Л., 1949.

ным целям общесоюзнические интересы, затягивая войну, отдаляя победу. Все это приводило к громадным дополнительным материальным и людским жертвам.

Такая ситуация не могла не тревожить наиболее дальновидных представителей буржуазии и самодержавия. Перспектива поражения в результате военной неподготовленности усиливала вероятность революции, угрожала самому существованию буржуазно-помещичьего режима. Даже в случае общей победы Антанты и преодоления неумолимо назревавшего в стране революционного кризиса царизм и российская буржуазия должны были, если они хотели урвать свою долю добычи, иметь к концу войны хорошо вооруженную армию, так как империалистический мир мог быть продиктован только сильнейшей стороной, а не истощенными, слабыми государствами, как бы ни были велики их жертвы в войне. Вот почему правительство и буржуазия в течение войны предпринимали отдельные попытки в какой-то мере ослабить иностранную зависимость и создать собственную значительную военную промышленность. Характерно, что эти попытки предпринимались особенно интенсивно в 1916 г., когда полностью обнаружилась безнадёжность расчетов на союзников и США и в стране назрела непосредственная революционная ситуация. При осуществлении этих попыток российская буржуазия показала себя еще менее способной к созидательной деятельности, чем царизм. Война подтвердила ленинскую характеристику русской буржуазии, как буржуазии «эпохи первоначального накопления», грубо хищнической, не способной в массе своей подняться до понимания общегосударственных интересов.

Российская буржуазия, занятая мелким торгашеством с правительством, погрязшая в военных спекуляциях и предпринимательстве, была лишена способности к широкому творчеству в области экономики, к выдвижению больших государственных задач. Это относится, прежде всего, к представителям буржуазии в Особом совещании по обороне, которые охотно поддерживали, за счет казны, частные предложения промышленников, но не поставили перед правительством, перед Особым совещанием, в котором они являлись участниками, крупных проблем, связанных со строительством военной промышленности и развитием отдельных отраслей промышленности.

Следует отметить, что лишь немногие члены Особого совещания по обороне пытались от словесного осуждения иностранной зависимости встать на путь такой практической политики, которая способствовала бы ослаблению этой зависимости и созданию в России необходимых условий для развития своей промышленности. Пожалуй, наиболее четко заявил об ошибочности проводившейся политики равнения на иностранные заказы Литвинов-Фалинский в своем докладе «О мобилизации русской промышленности», обсуждавшемся в Особом совещании по обороне в декабре 1915 г. Это обсуждение не дало практических результатов. Более того, «общественные деятели» и представители промышленности в Особом совещании после этого старались прикрыть рваческие требования промышленных акул идейными мотивами промышленной самостоятельности страны. Понималась она на деле буржуазией как право финансовых и промышленных дельцов грабить казну и за ее счет строить новые промышленные предприятия.

За крупными промышленными дельцами — Второвым, Путиловым, Балинским и другими шли сотни и тысячи предпринимателей и просто проходимцев, которые, заключая с казной контракт на поставку готовой продукции и получая за это крупный аванс, еще только приступали к оборудованию своих предприятий. На языке алчной российской буржуазии

«промышленная мобилизация» являлась синонимом аванса в размере двух третей стоимости заказа.

Бывшие министры — Тимирязев и Тимашев, тот же Литвинов-Фалинский и другие представители Министерства торговли и промышленности, а также Родзянко, Гучков и другие, исходя из «защиты отечественной промышленности», одобряли самые рискованные и авантюрные предложения, шла ли речь о развитии автомобильной промышленности или о строительстве медного и никелевого завода.

Когда в марте 1916 г. представитель министерства финансов внес в Особое совещание предложение снизить размер авансов, выдаваемых частным лицам, оно было единодушно провалено¹. Такая же участь постигла в том же Совещании предложение о необходимости нормировки цен². Тимирязев и многие его сторонники, защищая прибыли буржуазии, выступили против твердых цен, которые внесли бы «смущение в промышленную жизнь и задержали бы ее развитие»; усилия же правительства, говорили они, должны быть сосредоточены на «оживлении русской промышленности». Можно было бы привести десятки аналогичных случаев, зафиксированных в журналах Особого совещания по обороне.

Естественно, что в таких условиях все попытки правящих кругов покончить с кризисом вооружения заканчивались провалом. История этих попыток и их крах демонстрировали всю неспособность правящих классов России развивать производительные силы страны и защитить ее национальные интересы.

К числу наиболее энергичных попыток царизма ликвидировать катастрофическое положение со снабжением армии относится программа, разработанная и выдвинутая в Особом совещании новым начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ) генералом Маниковским, назначенным на этот пост после отставки военного министра Сухомлинова. Эта программа Маниковского интересна в том отношении, что показывает, как даже лично честные представители правящих кругов, обладавшие крупными познаниями и техническим опытом, умевшие проявить широкий подход к проблеме, неизбежно — поскольку они не затрагивали существовавшего режима — скатывались к утопическому прожектерству. В конечном счете реакционный характер подобных программ, вытекавший из их стремления упрочить отживший строй, неизбежно приводил их к провалу. Таким образом, программа Маниковского дает новые доказательства того, что во имя интересов всей нации необходима была ликвидация изживших себя господствующих классов — помещиков и буржуазии.

* * *

Характерной особенностью программы Маниковского, изложенной им в специальном докладе³, являлось то, что она центр тяжести переносила на строительство казенных военных заводов. Это объяснялось тем, что Маниковский и его сторонники в военном и морском министерствах, исходя из опыта войны, считали, что русская буржуазия не способна раз-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 174, лл. 118—136, Журнал Особого совещания, № 57, от 19 марта 1916 г.

² Там же, д. 54, лл. 126—133; Журнал Особого совещания, № 29, от 2 декабря 1915 г.

³ Там же, оп. 3, д. 119, лл. 1—12, Копия доклада ген. Маниковского от 20 октября 1916 г., № 165392. К основному докладу имеется 16 приложений, которые конкретизируют различные стороны доклада. Доклад Маниковского в своей значительной части вошел в текст его работы «Боевое снабжение русской армии», изданной в 1920 г. (см. ч. 1, глава V — «Соображение о развитии русского производства в России», стр. 39—69), но приложения совсем не использованы. В переработанном издании 1937 г. редактор книги Е. З. Барсуков несколько более систематично и полно изложил взгляды

вернуть военное производство в крупных размерах, что для этого у нее нет достаточных экономических возможностей и организаторских данных, а кроме того она руководствуется прежде всего интересами барыша, которые находятся в противоречии с интересами армии. Маниковский и его коллеги превосходно знали все темные дела и расчеты «облеченных доверием общества» представителей буржуазии в Особом совещании, ясно отдавали себе отчет в том, что по всем поставкам цены, назначаемые буржуазией, были выше цен казенных заводов, а цены «общественных» организаций буржуазии были еще выше частных. Надо полагать, что одной из причин, заставивших Маниковского ориентироваться на строительство прежде всего казенных заводов, было также стремление правительства обеспечить себе независимость от буржуазии в деле военного производства, с тем чтобы не дать ей возможности путем экономического давления добиться политических уступок в ее пользу. Деятельность военно-промышленных комитетов, Земгора и т. п. давала основания для такого рода опасений.

Главную цель своей программы Маниковский усматривал в необходимости «во что бы то ни стало избавиться, по части боевого снабжения, от иностранной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России». Он энергично защищал эту программу в Особом совещании, называя ее единственно «правильным путем».

Используя опыт мировой войны, Маниковский предлагал создать для каждого отдельного производства боевого снаряжения свою самостоятельную группу заводов, основное ядро которой должны составлять казенные заводы. «В каждой такой группе основное ядро, так сказать, постоянный кадр группы, должны составлять казенные заводы, которые в случаях мобилизации не только соответственно развернутся сами, но и выделят из себя соответствующий технический персонал для инструктирования остальных членов группы, то есть однородных производств частной промышленности.

Вне такой постановки дела бессмысленно получение вполне удовлетворительных результатов в необходимейший кратчайший срок. Вся мобилизация нашей промышленности в той ее части, которой пришлось мобилизоваться путем самостоятельной импровизации, может служить лучшим подтверждением выше сказанного»¹.

Таким образом, программа Маниковского никоим образом не представляла собой программы действительной индустриализации страны, невозможной в условиях самодержавия, без чего, конечно, не могла быть осуществлена задача создания мощной военной промышленности. Исходя из интересов и финансовых возможностей царизма, Маниковский мог ставить только узкую задачу создания казенной военной промышленности в далеко не достаточном объеме, чтобы обеспечить действительно выявившиеся потребности армии в вооружении и боевом снабжении. Поэтому все его рассуждения о том, что без полной самостоятельности в вооружении «трудно остаться великой державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны», что казенная военная промышленность может стать таким костяком, на котором возможно

Маниковского в разделе: «Соображения о мобилизации промышленности», стр. 133—163. Первые 12 страниц, в сущности, представляют изложение доклада либо в форме больших цитат, либо в слегка перефразированном виде. Однако Барсуков не проявляет критического отношения к плану Маниковского, не указывает на его ограниченный и утопично-реакционный характер; вытекающий из наивной веры автора в возможность добиться экономической независимости России под эгидой самодержавия.

¹ Там же, л. 2. Подчеркнуто Маниковским.

будет «развивать какую угодно мускулатуру частной промышленности», верные сами по себе, становились совершенно беспочвенными, теряли реальный смысл при исходной посылке, что всего этого можно добиться в условиях царизма.

В проекте Маниковского о казенном строительстве военных предприятий речь шла лишь о частичном развитии военных предприятий, которые, будучи внедрены во все области военного снабжения, не только подготовят кадры технически обученных рабочих и инженеров, но и явятся регулятором цен по отношению к частной промышленности. Маниковский все время подчеркивал, что его программа рассчитана на масштаб «нынешней войны». Исходя из ее опыта, он разделил все производства на четыре группы, определив удельный вес казенных предприятий в каждой из них.

Более сложные предметы снаряжения, предметы «исключительной важности» должны были, по мысли автора программы, на все 100% потребности изготовляться «одними казенными заводами». К этой группе он относил: а) винтовки; б) пулеметы; в) ружья-пулеметы; г) сильно взрывчатые вещества и д) снаряжение снарядов, ручных гранат и прочее. Во вторую группу должно было войти производство бездымного пороха, дистанционных трубок, взрывателей и детонаторных трубок, которые изготовляются казенными предприятиями на 75% потребности. Третья группа лишь на 50% обеспечивалась казенными предприятиями; к ней были отнесены орудия и лафеты, слабо взрывчатые вещества, противогазы и т. п., то есть предметы, изготовление которых не представляло особых трудностей для частной промышленности. И, наконец, в четвертую группу входило производство корпусов снарядов и гранат, предметов амуниции, электротехнических изделий и оптических приборов. В их изготовлении казенные предприятия должны были занимать от 10 до 20% всей потребности, в целях «регулирующего» влияния на цены частных предприятий.

Приведенный перечень групп (а также наименование заводов, которые, согласно программе, должны были быть сооружены) показывает, что в программе совершенно отсутствовали предприятия по изготовлению новейших видов вооружения — самолетов, танков и бронированных автомобилей, а также новейших механических средств передвижения. В этом состояла другая характерная черта программы Маниковского, делавшая ее порочной в самой основе. Независимо от того, понимал или не понимал Маниковский значение новейших средств войны, указанный минус его программы был обусловлен технико-экономической слабостью страны, ибо включение в программу строительства казенных предприятий авиационных, автомобильных и моторостроительных заводов, металлургических предприятий, заводов, производящих качественные стали, предметы оптики и электротехники и т. д. и т. п., потребовало бы огромных финансово-технических средств, которых не было в распоряжении правительства. Этот дефект отражал также давнюю отсталость военно-технической мысли царского военного командования, неспособного учесть опыт современной войны, находящегося в плену опыта предшествовавших войн. По существу программа ограничивалась стрелковым оружием и артиллерией. Она была более или менее целесообразна для подготовки к мировой войне, но не могла являться основой для вооружения армии в конце этой войны. Однако и такая куца программа казалась многим современникам чрезвычайно большой и вызывала серьезные возражения, в первую очередь, конечно, со стороны крупной буржуазии.

Всего в программу строительства, разработанную Маниковским и утвержденную Особым совещанием, было включено 37 предприятий, на

сооружение которых по первоначальным расчетам требовалось затратить свыше 607 млн. руб.¹

Вот, что представляла собой в целом строительная программа Главного артиллерийского управления:

1. 4-й пороховой завод, стоимостью в 30 млн. руб. (начат постройкой до войны)	
2. Снарядное отделение при новом сталелитейном заводе около Каменского	138 млн. руб.
3. 3-й Трубочный завод в Пензе	20 654 тыс. руб.
4. Завод взрывателей в Воронеже	41,5 млн. руб.
5. Троицкий снаряжательный завод	3 444 679 руб.
6. Снаряжательный завод Второва в Богородске	20,9 млн. руб.
7. Петроградская мастерская зажигательных снарядов	94 884 р. 95 к.
8. Петроградская химическая снаряжательная мастерская	93 410 руб.
9. Тверская снаряжательная мастерская	1 150 225 р. 88 к.
10. Кронштадтская снаряжательная мастерская	12 100 руб.
11. Свеаборгская снаряжательная мастерская	105 386 руб.
12. Расширение оружейного завода в Туле ²	31 200 000 руб.
13. Новый оружейный завод в Екатеринославе ³ для перенесения туда Сестрорецкого оружейного завода	34 521 930 руб.
14. 3-й патронный завод в Симбирске ⁴	40 983 955 руб.
15. Екатеринославская снаряжательная мастерская	1 275 000 руб.
16. 5-й пороховой завод в Волжском районе	30 млн. руб.
17. 1-й хлопкоочистительный завод в Туркестане	4 003 030 руб.
18. Нижегородский завод взрывчатых веществ	17 421 000 руб.
19. Грозненская нитрационная мастерская	1 445 000 руб.
20. Екатеринославская нитрационная мастерская, с мастерской калиевой селитры	483 130 руб.
21. Юзовский завод аммиачной селитры и азотной кислоты	1 225 200 руб.
22. Кадиевский бензолый и нафталовый завод	1 254 000 руб.
23. Казанский нефтеперегонный завод	116 182 р. 06 к.
24. Бакинский нефтеперегонный завод	701 319 руб.
25. Нижегородский завод азотной и серной кислоты	1 887 000 руб.
26. Онежский завод для добывания азотной кислоты из воздуха	26 146 679 руб.
27—28. Два хлорных завода в Финляндии	3 200 000 руб.
29. Казанский военно-химический завод	373 000 руб.
30. Глобинский военно-химический завод	429 685 руб.
31. Машиностроительный завод в Туле	31 874 673 руб.
32. Алюминиевый завод на Черноморско-Азовском побережье	9 630 000 руб.
33. 2-й сталелитейный завод в Каменском	49 000 000 руб.
34. Первый завод оптического стекла в Изюме	1 200 000 руб.
35. Завод оптических приборов при заводе оптического стекла в Изюме	4 800 000 руб.
36. Новый оружейный завод в Саратове для переноса и расширения Петроградского оружейного завода	4 500 000 руб.
37. 4-й завод взрывчатых веществ близ г. Уфы	20 551 900 руб.
Всего 37 заводов стоимостью в 607 126 083 руб. 15 коп. ⁴	

¹ В действительности стоимость ее должна была вырасти до 1,2—1,5 млрд. руб., так как в подавляющем большинстве расчетов не учитывалось повышение цен. В некоторых пояснениях к списку предприятий уже вносился корректив в 80—150%, от чего стоимость предприятий резко возрастала.

² Ввиду вздорожания цен учитывается увеличение стоимости на 59%.

³ Ввиду вздорожания цен учитывается увеличение стоимости на 80%.

⁴ Номера 2—35 были начаты постройкой во время войны, по номерам 36 и 37 были разработаны проекты и внесены в Военный Совет для утверждения.

Для выполнения программы строительства требовалось 6 млн. пудов металла, что составляло из расчета строительства на протяжении двух лет около 250 тыс. пуд. в месяц, или несколько больше 1% от валового производства металла (с учетом неизбежных потерь на припуск, стружку и т. п. Эту цифру, повидимому, следует увеличить до двух-трех процентов); цемента требовалось около 5 млн. пуд. или 7 вагонов в день. Эти данные говорят о ничтожных в сущности масштабах программы Маниковского, но даже и такая программа оказалась совершенно непосильной для царизма.

Несмотря на трудности большого строительства в обстановке войны, Маниковский настойчиво доказывал полную возможность справиться с предложенной программой. Большое место в своем докладе он отводил полемике с противниками программы, разбирая и опровергая выдвигаемые ими доводы. Разбирая довод о дороговизне военного строительства, он ссылаясь на опыт Франции, где заводы были построены «по бешеным ценам» военного времени и все же с лихвой окупилась. Во что бы ни обошлись у нас заводы, писал он, «это будет дешевле, чем заказывать за границей то, что должно быть изготовлено на этих заводах».

Характерная черта программы Маниковского заключалась также в том, что она была рассчитана на завершение в послевоенные годы. Многие противники строительства казенных предприятий, указывая на это обстоятельство, делали его главным доводом для доказательства ненужности всей программы. Отвечая им, Маниковский подчеркивал, что вопрос о сроках окончания войны не имеет никакого значения, ибо война может кончиться победой только тогда, когда «у нас окажется несомненный перевес в боевом снабжении, именно артиллерийском, так как только артиллерия решает ныне участь сражений». Но это не все и не главное. Мало выиграть войну, писал Маниковский, надо также к концу ее быть сильным и независимым, ибо к этому моменту «у наших союзников» не будет лишних боевых припасов, которые они согласились бы уступить России. К концу войны каждое государство будет предоставлено своим силам, «и горе тому, у кого к тому времени не будут подготовлены средства»¹.

Отдавая должное политической проницательности Маниковского, следует отметить, что он хорошо понимал, что послевоенная конъюнктура будет особенно неблагоприятна для России, так как после окончания войны начнется беспощадная экономическая и политическая борьба между союзниками. Поэтому, указывая он, «если не заложить прочного основания нашего военного — заводского строительства т е п е р ь ж е», то это, может быть, не удастся сделать «совсем, так как по окончании войны у нас явятся сильнейшие конкуренты за границей», с которыми Россия не справится. Если мы не будем готовы к борьбе, продолжает Маниковский, «то могучая техника и наших друзей, и наших врагов раздавит нашу все еще слабую технику. При этом все они, чтобы покрепче и понадежнее захватить нас в свою кабалу, пойдут, может быть, сперва на предательски-заманчивые для нас условия... Но если мы попадемся на эту удочку, то результат будет тот же, что и перед настоящей войной, т. е. мы будем зависеть от милости заграничных заводов. А ведь именно вследствие отсутствия своих заводов и необходимости прибегать к помощи заграницы

¹ Разумеется, все рассуждения Маниковского строились в предположении, что никаких революционных потрясений в России не произойдет. Он не видел приближения революции и не предполагал возможности революционного выхода страны из империалистической войны.

мы и оказались столь беспомощными и неподготовленными во время настоящей войны».

Как видим, Маниковскому нельзя отказать в реальности его оценок союзников и характера отношений их к России. Он отнюдь не идеализировал союзников — Англию и Францию и не верил ни на йоту словесным обещаниям Ллойд-Джорджа, Тома и других, на которые они были так щедры.

Остановимся более подробно на некоторых пунктах программы Маниковского¹.

«Особое совещание по обороне,— писал он,— очень поздно пришло к мысли о строительстве нового оружейного завода в Саратове, после неудачного опыта с Виккерсом, строившим завод в Царицыне». Завод было предположено окончить постройкой в два с половиной года. Городская дума отвела заводу участок земли в 100 дес., из них 40 дес. бесплатно.

В Саратов предполагалось перевести Петроградский оружейный завод и тем самым использовать накопленный технический опыт и кадры. Программа завода была рассчитана на 247 орудий в месяц. Однако завод ориентировался в основном на легкую и среднюю артиллерию и не имел собственной металлургической базы. Пушек и гаубиц калибра 152—203 мм планировалось производить 37 штук в месяц, в том числе лишь четыре 203-мм (8-дм) гаубицы. Артиллерию более крупных калибров не предполагалось изготавливать совсем. Стоимость механического оборудования завода предусматривалась на сумму около 16 млн. руб., а общая его стоимость — в 37,5 млн. руб. К строительству завода не было приступлено.

Второй сталелитейный завод в Каменском первоначально был рассчитан на производство по 1 млн. штук черновых винтовочных стволов и снарядов 3-дюймового калибра, а также сортовой стали и проволоки на 1 млн. пуд. Стоимость завода определялась в 39 млн. руб. К строительству завода было приступлено еще в 1915 г. В связи с ростом цен и необходимостью больших дополнительных затрат, сметная стоимость завода повысилась до 75 млн. руб. Некоторые цехи предполагалось открыть в 1917 г., а полностью закончить строительство — к 1 января 1919 г. Установка завода на изготовление винтовок и легких снарядов была пересмотрена. На базе завода было решено организовать изготовление тяжелых снарядов.

Снарядное отделение при втором сталелитейном заводе в Каменском было запроектировано взамен отделения по изготовлению винтовок и 3-дюймовых снарядов. Производительность завода планировалась в 11 200 снарядов в день, из них 200 снарядов 11—12-дюймовых, 1000 — 8-дюймовых и 10 000 — 6-дюймовых. Частичное открытие завода предполагалось в конце 1917 г. Две трети всех затрат (33,5 млн. руб.) шло на оборудование. Однако стоимость завода была исчислена, повидимому, с преуменьшением, так как лишь треть затрат была высчитана по ценам военного времени.

Большое внимание в программе ГАУ было уделено трубочным заводам (в Пензе и Воронеже), снаряжательным заводам и мастерским. Помимо увеличения производительности существовавших казенных и особенно частных заводов, было решено строить новые. Пензенский завод был рассчитан на несколько миллионов дистанционных трубок и капсюльных втулок. Завод планировалось построить за три года. В 1915—

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, приложение 2. Программа ГАУ по сооружению новых заводов, лл. 20—29.

1916 г. на строительство было ассигновано свыше 9 млн. руб. Поскольку цены на строительство возросли почти в полтора раза, это увеличило стоимость завода до 20,6 млн. руб.

Воронежский завод был рассчитан на еще большую производительность, чем Пензенский. Он должен был быть по плану построен за два года (1917—1918 гг.). Такой же завод, но с меньшей производительностью, предлагал построить Второв; но потом отказался. Стоимость завода была исчислена в 42,5 млн. руб. Это было на 9 млн. руб. дешевле, чем стоимость завода Второва в Московской губ., а производительность завода должна была быть в два раза больше, чем у Второва.

Троицкий снаряжательный завод предназначался для изготовления большого количества ручных гранат (16 млн. штук) и осветительных ракет. Уже в конце 1916 г. завод частично работал. Постройка этого завода имела «особую остроту», так как только с его помощью можно было справиться со снаряжением огромного количества ручных гранат, изготовлявшихся для армии.

Снаряжательный завод Второва близ Богородска был построен во время войны (1915—1916 гг.) на средства казны и должен был быть через определенный срок возвращен казне. Завод снаряжал 3—6-дюймовые снаряды.

Существовавшие в стране три казенных оружейных завода давали во второй половине 1916 г. около 110—120 тыс. винтовок в месяц, что было в два раза более запланированного производства до войны (2000 штук в день), но и эти заводы покрывали только 50% потребности в винтовках. В течение всей войны армия испытывала острейший недостаток в винтовках, который лишь отчасти смягчался покупкой их за границей.

В апреле 1915 г. ГАУ признало необходимым обеспечить снабжение армии винтовками «исключительно внутренними силами страны»¹, а для этого построить новый казенный завод с производительностью в 600 тыс. ружей в год. Но и это не покрывало всех потребностей; поэтому Военный Совет решил строить два завода: один казенный, а другой частный, оба одинаковой производительности.

Стоимость Тульского казенного завода была определена в 31,2 млн. руб., но поскольку цены вздорожали на 59%, она поднялась до 50 млн. руб. На строительство завода было отпущено в 1915—1916 гг. 11 млн. руб., а на 1917 г. было намечено по смете истратить 15 млн. руб. Строительство полностью должно было быть закончено в 1918 г.

Построить частный ружейный завод особенно домогалась фирма Виккерс, действовавшая через известного авантюриста инженера Балинского и банкира Утина, которым покровительствовал военный министр Сухомлинов. В марте 1915 г. Балинский подал в ГАУ заявление о готовности построить новый ружейный завод в течение одного года по подписании контракта. Условия, выдвинутые Утиным, были следующие: гарантированный правительством заказ на 3 млн. винтовок, который будет фирмой выполнен в 7 лет (цена за каждую винтовку — 53 руб.), при подписании договора выдается аванс в размере 50% стоимости первого миллиона винтовок, техническое оборудование поставляют американские фирмы Пратт и Витней². Таким образом, Виккерс и Балинский собирались строить завод на аванс от казны, а не на собственный счет. Правительство признавало приемлемым цену в 35 руб. за винтовку и пересмотрело вопрос о строительстве частного ружейного завода. Было решено

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, приложение 3, л. 37.

² ЦГВИА, ф. 46, д. 52, лл. 193—195. Показания Балинского 9 декабря 1916 г.

построить в Екатеринославе второй казенный ружейный завод и перевести туда Сестрорецкий оружейный завод. Годовая производительность была установлена в 800 тыс. винтовок. Окончание строительства завода намечалось к 1 января 1920 г. Стоимость строительства первоначально исчислялась в 34,5 млн. руб., с поправкой на повышение цен — около 62,1 млн. руб. В 1915—1917 гг. на строительство ассигновывалось 19 млн. руб. Решение Особого совещания о постройке второго казенного ружейного завода было, конечно, более целесообразно, но срок строительства (5 лет) был чрезвычайно растянут. Практически завод строился из расчета на послевоенную конъюнктуру.

Кроме двух ружейных заводов было решено построить пулеметный завод Датского оружейного общества для изготовления 15 000 ружей-пулеметов Мадсена¹. Завод строился на средства казны на следующих условиях. Общество получало аванс в 10,4 млн. руб. до 1 января 1917 г., из них 8675 тыс. руб. в иностранной валюте для оплаты машин, станков и аппаратуры, заказываемых за границей. Синдикат обязывался поставить правительству ружья-пулеметы по цене 1735 руб. за единицу, включая все расходы по постройке и оборудованию. Таким образом, общая стоимость заказа равнялась 26 025 000 руб., впоследствии уменьшенная в связи с небольшим снижением цены до 25 999 500 руб. Через 6 месяцев после подписания контракта синдикат должен был поставить 4000 ружей-пулеметов, а в последующие месяцы — по 1000 штук в месяц. К строительству завода общество приступило в конце 1916 г.

Россия начала войну при неполном комплекте ружейных патронов. Их недоставало от 300 до 400 млн. штук до положенного (13—15%)². Производительность патронных заводов (двух казенных и одного частного) в 1913 г. равнялась 544 млн. патронов в год, что составляло всего 25% военной потребности. Во время войны выпуск патронов поднялся до 120—130 млн. штук в месяц, но потребность исчислялась в 200 млн. штук.

Патроны в огромном количестве заказывались в США и в Англии, строительство же патронного завода в России было решено с недопустимым опозданием — только в марте 1916 г. Третий казенный патронный завод было решено строить в Симбирске с производительностью в 840 млн. боевых патронов к трехлинейной винтовке, 1200 млн. штук гильз и 1,1 млн. пудов латуни. Стоимость завода планировалась в 41 млн. руб. К строительству было приступлено в 1916 г.; все станки были закуплены за границей; частичное открытие работ ожидалось в 1917 г. Задержка со строительством казенного патронного завода объясняется противодействием медного синдиката, стремившегося удержать спекулятивные цены на медь и противившегося организации производства латуни и мельхиора на казенном заводе.

Однако строительство и этого завода далеко не удовлетворяло выявившуюся потребность в патронах³.

Почти половина всей программы ГАУ (16 объектов) приходилась на

¹ В титульном списке данный завод отсутствует, но в приложении к нему он фигурирует и о нем даны все подробные данные.

² ЦГВИА, ф. 46, д. 48, л. 42. Свод сведений о численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах.

³ По расчетам Ставки, потребность в патронах с 1 сентября 1916 г. по 1 января 1918 г. определялась в 7660 млн. штук. За это время существовавшие в России заводы могли дать 2,5 млрд. штук, или $\frac{1}{3}$ потребности. Около 3 млрд. патронов ожидали из Америки. Недоставало, таким образом, свыше 2 млрд. штук. Вместе с Симбирским заводом производство патронов могло достигнуть 2,5 млрд. штук, т. е. той потребности, которая была заявлена Ставкой в начале войны. См. приложение № 1, лл. 14—19; приложение № 3, лл. 40—41.

предприятия взрывчатых веществ, пороховые и химические заводы, изготовлявшие исходные материалы для взрывчатки. Разрабатывая планы нового строительства, ГАУ могло уже опереться на удачное начало, положенное Химическим комитетом при ГАУ, который сумел организовать производство аммиачной селитры, бензола из каменного угля и нефти, серной и азотной кислот. Способ изготовления азотной кислоты путем окисления аммиака из коксовых печей при помощи катализатора из платины был разработан в России И. И. Андреевым и инженером-технологом Кулепетовым. Он был «практически воплощен на первом в мире казенном заводе в Юзовке»¹. Труднейшая задача заключалась в том, чтобы организовать самую выделку взрывчатых веществ. Комитет справился с этой задачей, разработав способ получения новых типов взрывчатых веществ: ксилита, динитронафталина, синтетического фенола. Было положено также начало изготовлению удушающих газов. Заводы взрывчатых веществ и кислотные заводы располагались в Донбассе, в центре нефтяной промышленности — в Грозном, Баку — и по Волге, где сосредоточивалось большое количество нефти. Нижегородский завод взрывчатых веществ был рассчитан на снаряжение снарядов всех калибров и ручных гранат. По окончании его постройки предполагалось перенести туда оборудование Охтинского завода из Петрограда. Большинство мелких заводов, изготовлявших кислоты, хлор, толуол, удушающие газы, было закончено постройкой и начали работать во время войны.

Война выявила невиданную потребность в азотной кислоте. Только для пяти пороховых заводов ее требовалось свыше 3 млн. пуд., а если учесть нужду в ней трех заводов взрывчатых веществ, то потребность возрастала до 5,2 млн. пуд. Такого количества азотной кислоты добыть из привозной чилийской селитры было невозможно. Нужен был новый источник, которым явился воздух. Онежский завод на р. Суне был первым заводом в России по производству азотной кислоты из воздуха. Военное министерство и здесь проявляло обычную сдержанность и неповоротливость. Поскольку этот способ требовал много электроэнергии, было решено строить пока лишь опытный завод, который предполагалось закончить к концу 1917 г. На это было отпущено 6,5 млн. руб. Стоимость основного завода исчислялась в 26 млн. руб. с лишним. Местом строительства была выбрана река Суна, водопад который давал возможность построить гидроэлектростанцию.

Со строительством гидроэлектростанции на р. Суне и завода для получения азотной кислоты электролитическим способом военное министерство запоздало по крайней мере лет на 8—9. Еще за 5 лет до начала войны заведующий химической лабораторией Николаевской инженерной академии Горбов написал докладную записку начальнику Главного инженерного управления Военного министерства, в которой предлагал «в предвидении войны на западной границе иметь возможность добывать селитру или азотную кислоту в России, что осуществимо двояким путем: путем устройства соответственного электрохимического завода на средства казны или же привлечением к делу частных капиталов»². Он предлагал

¹ Приложение 16 к программе ГАУ («Краткий очерк деятельности Химического комитета при ГАУ»), лл. 77—79.

² ЦГВИА, ф. 46, д. 31, лл. 182—186, сентябрь 1909 г. Докладная записка статского советника Горбова начальнику Главного инженерного управления. Копия представлена в Верховную следственную комиссию. Знакомство с запиской Горбова, поданной в 1906 г. министру торговли и промышленности, предлагавшей заменить иностранное топливо отечественным в Северо-Западном районе России, показывает, что автор ее обладал большими научными познаниями, был наблюдательным, думающим чело-

в 1910 г. отправить инженеров для изучения бассейна р. Суны. Стоимость завода и гидротехнических сооружений определялась им в 5 млн. руб., а срок строительства — не менее 4 лет. Спустя лишь 8 лет Военное министерство взялось за частичное осуществление предложения Горбова, приступив к постройке небольшого опытного завода.

Во время войны была значительно увеличена производительность существовавших в России трех казенных и четырех частных заводов взрывчатых веществ. Компанией Барановского был построен пятый частный завод во Владимирской губ., дававший 39 000 пуд. бездымного пороха. Но производительность как казенных, так и частных заводов была ничтожно мала по сравнению с выявившейся потребностью.

Годовая потребность в порохе определялась в 1916 г. в 800 тыс. пуд. дымного пороха и 7,5 млн. пуд. бездымного, а производительность существовавших заводов равнялась 324 тыс. пуд. дымного и 1364 тыс. пуд. бездымного. Годовой дефицит достигал огромной цифры — 6,6 млн. пуд., причем 6134 тыс. пуд. нехватки приходилось за счет бездымного пороха¹. Пороховые заводы давали лишь 20% потребности, а 80% покрывалось путем огромных закупок порохов за границей. Именно в свете этих данных надо оценивать предложение Особого совещания о строительстве двух пороховых заводов (в Тамбове и Самаре, причем Тамбовский завод было решено строить еще до войны) и создании первого хлопкоочистительного завода в Туркестане с ограниченной производительностью в 200 000 пуд. очищенного материала. Намеченные ГАУ к строительству два казенных пороховых завода № 4 и № 5 при достижении запланированной производительности в 1,2 млн. пуд. могли удвоить производительность бездымного пороха в стране², но все же они могли покрыть только незначительную часть дефицита.

Стоимость обоих заводов определялась в 60 млн. руб., а окончание строительства — в 1918 г. (хотя основные строительные работы на обоих заводах должны были заканчиваться в 1917 г.). Постройка обоих пороховых заводов хотя и являлась значительным вкладом в пороховой баланс страны, удваивая его, но попрежнему оставляла нерешенной всю проблему снабжения армии бездымным порохом и не снимала с повестки дня необходимость в огромных иностранных заказах. Может быть, на примере с порохом, являвшимся самым слабым местом боевого снабжения, наиболее ярко вскрывается ограниченный характер военно-хозяйственного творчества правительства и буржуазии. Даже наиболее смелые и передовые деятели прогнившего режима могли выдвигать только мелкие, ограниченные планы и предложения, годные лишь на починку некоторых дыр в потрепанном кафтане военного производства страны.

Из других предложений ГАУ заслуживает внимания постройка машиностроительного завода в Туле, который должен был изготавливать

веком. На случай войны с Германией Горбов предлагал еще в мирное время заменить английский уголь донецким. Кроме того, он обратил внимание на зависимость России от Германии в вопросах военной химии.

¹ Там же, приложения 2 и 3. Легенды по строящимся и проектируемым заводам, стр. 42. Приведенные данные не расходятся с другими. «Свод сведений о снабжении армии порохом» (ЦГВИА, ф. 46, д. 48, лл. 62—70 и многочисленные приложения к нему, особенно приложения 5—8), дает примерно те же данные. По ноябрь 1915 г., когда потребность в порохе была еще не так велика, было заказано вперед 4,6 млн. пуд. бездымного пороха для снабжения только полевой артиллерии, причем поставки с русских заводов составляли всего лишь около 30% заказа.

² Три казенных завода давали 1205 тыс. пуд., а частные — 159 тыс. пуд. При постройке новых заводов значение всех частных заводов практически терялось, ибо они могли дать лишь 5—6% требовавшегося количества бездымного пороха. Но они производили основное количество дымного пороха.

особо точные станки для нужд военной промышленности. Опыт заказа таких станков военным ведомством на внутреннем рынке был неудачен, а потребность на ближайшие 5—6 лет определялась в 15—20 тыс. станков на сумму в 40 млн. руб.¹ На строительство такого завода было запроектировано истратить около 38 млн. руб. Это был первый, причем достаточно робкий, разведочный шаг в сторону создания отечественного точного машиностроения. Но и этого шага сделать не сумели — все осталось только на бумаге.

В области металлургии было решено строить небольшой алюминиевый завод производительностью в 75 тыс. пуд. (при потребности в нем в 500 тыс. пуд., причем цена за пуд алюминия поднялась к концу войны до 120 руб.). К строительству этого завода было приступлено более энергично, чем к строительству других заводов; еще в 1916 г. авансом были отпущены 4200 тыс. руб. на поиски бокситов и дешевой гидроэнергии.

Последнее, что мы отметим в программе Маниковского, — это заводы оптического стекла и приборов. До войны оптические приборы и оптическое стекло в России не производились, а получались из Германии. Производительность предполагаемого завода оптических приборов равнялась примерно годовой потребности армии в 1916 г. Оба завода было решено расположить в г. Изюме, у источников угля, глины и песка. Подготовительные работы были начаты в 1916 г., но этим дело и ограничилось. Заводы построены не были.

Таким образом, мы рассмотрели основные объекты программы ГАУ и можем теперь дать оценку ее значения для вооружения армии.

С точки зрения требований современной войны программа ГАУ безнадежно опоздала. За исключением мелких снаряжательных мастерских, предприятий, изготовлявших сырье для взрывчатых веществ, да части химических предприятий, все остальные предприятия намечено было ввести в действие только в 1918—1920 гг.

Если бы Военное министерство разработало эту программу раньше, скажем к 1913—1914 гг., и сумело бы осуществить ее действительно боевыми, военными темпами, она могла бы иметь практическое значение в деле вооружения войск, повлияв тем самым на ход военных операций. Однако ничего этого не было и не могло быть сделано, хотя бы потому, что всякое предложение подобного рода встретило бы сильнейшие возражения со стороны иностранного капитала — хозяина основных отраслей промышленности России.

Такая недееспособность вытекала из природы самодержавия и российской буржуазии, что является убедительным доказательством несостоятельности всей политической системы и господствующих классов царской России.

Предложенная ГАУ и Особым совещанием по обороне программа свидетельствовала также о технической косности военных верхов, проявивших полнейшее равнодушие и непонимание значения новых видов техники в современной войне. Готовить армию к такой войне и не развивать авиацию, бронированные автомобили, танки, автоматический огонь и т. д. могли только люди и режим, обреченные ходом истории на слом. За исключением жалкой попытки организовать изготовление автоматов Мадсена программа никак не перекликалась с тем новым, что война породила. Правительство не только не организовало нового мощного пу-

¹ Только за 1913 г. точных станков было ввезено в Россию из Германии на 7 млн. руб. и из Америки — на 2,2 млн. руб. (приложение 3 к докладу Маниковского. лл. 73—74).

леметного завода, но и не предусмотрело его в своей программе. Говоря о решающей роли артиллерии, творец этой программы Маниковский, сам крупнейший специалист — артиллерист, предложил строить артиллерийский завод, не предназначенный для изготовления артиллерии тяжелых калибров, хотя именно в это время в армии было приступлено к формированию тяжелой артиллерии особого назначения, а нужда в тяжелой артиллерии была особенно резко ощутима.

Пороховые, взрывчатые, ружейные и патронные заводы, намеченные к строительству, никак не разрешали коренной задачи — освободить Россию от иностранной зависимости, поставить армию в деле вооружения на собственные прочные ноги. Даже если бы вся программа ГАУ была выполнена еще во время войны, то новые заводы не на очень много смогли бы уменьшить тот огромный дефицит в порохе, взрывчатых веществах, ружьях и патронах, который увеличивался с неудержимой быстротой с каждым месяцем войны. Попрежнему оставался бы только один, причем безнадежный, путь для его покрытия — заказы за границей. Но в решающих пунктах программа ГАУ осталась на бумаге. Вооружение и снабжение армии попрежнему шло частично за счет работы уже существовавших казенных заводов и мобилизованной частной промышленности, а частично за счет поступлений из-за границы.

Военно-техническая база русской армии, несмотря на все «успехи» частной промышленности, так и осталась отсталой и чрезвычайно бедной. Намеченные ГАУ мероприятия не могли ее кардинально изменить. Для этого нужны были и другие масштабы, и другие политические условия.

Программа ГАУ является прекрасным историческим свидетельством неспособности помещиков и буржуазии царской России к широкому творчеству в вопросах ведения войны и вооружения армии.

М. Я. ГЕФТЕР

ЦАРИЗМ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ «РЕГУЛИРОВАНИЕ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИНДИКАТОВ И ТРЕСТОВ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1892 г., полемизируя с русским экономистом-народником Даниельсоном, усматривавшим причину роста крупной промышленности России в искусственной поддержке и покровительстве царизма, Энгельс замечал: «Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны»¹. Коренным фактом положения пореформенной России было развитие капитализма, рост буржуазии и прежде всего быстрое возрастание экономической силы крупного и крупнейшего капитала, сконцентрированного в акционерных обществах, банках, синдикатах. Сама логика объективного исторического развития заставляла самодержавие делать определенные, хотя и противоречивые, половинчатые шаги в сторону капиталистического «прогресса», без которого в новых условиях невозможно было выполнение классовой функции царской монархии — сохранения власти и доходов за помещиками-крепостниками.

Уже Николай I и его министры вынуждены были примириться с необходимостью строить железные дороги. А события второй половины XIX и начала XX в., бурное развитие производительных сил мирового капитализма, выдвижение на авансцену «молодых», «обделенных» и потому особенно агрессивных капиталистических держав, усилившаяся в процессе перехода от «свободного» капитализма к империализму борьба за рынки, за захват колоний и сфер влияния, за раздел и передел мира делали очевидным, что без крупной индустрии, без развитых путей сообщения царская Россия не сможет сохраниться как великая держава.

Но и внутри страны царизм не мог действовать «чисто» феодальными методами, опираясь только на крепостническое землевладение. Оно само нуждалось, и чем дальше, тем больше, в существовании таких капиталистических институтов, как банки и ипотечный кредит. Уже в «контрреформах» 1880-х годов, проходивших в обстановке острого аграрного кризиса, своеобразно переплетались меры сугубо консервативного свойства — вроде запрещения выхода из общины и введения института земских начальников, с нововведениями капиталистической эпохи, к числу которых прежде всего относится учреждение Дворянского и Крестьянского банков. В начале же XX в. использование царизмом ресурсов кредитной системы в интересах всесильных владельцев латифундий было еще более широким, чем в конце XIX в.: прирост закладных листов земельных банков (львиная часть которого приходилась на долю принадлежавших государству

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2-е, М., 1951, стр. 162.

Дворянского и Крестьянского банков) составил в 1908—1914 гг. ровно половину (!) прироста всех ценных бумаг против 37% в 1861—1881 гг., 39% в 1881—1899 гг. и 35% в 1900—1908 гг. — соотношение, которого не знала ни одна капиталистическая страна, в том числе и юнкерски-буржуазная Германия¹. Даже «дикий» помещик не мог просуществовать без капитала и весьма охотно пользовался такими источниками обогащения, как дивиденды и биржевые спекуляции, брался за солидное вознаграждение выполнять поручения синдикатов и банков, выхлопывая для них в правящих сферах казенные заказы, открытые и негласные ссуды, субсидии, льготы.

В более широком плане это можно сказать в отношении всего класса помещиков, сохранение власти в руках которого требовало громадных и все возрастающих расходов на содержание военного и бюрократического аппарата (рекрутируемого прежде всего из среды дворянства). Возможность прямого обложения «податных сословий» были ограничены и в значительной мере исчерпаны (особенно после вынужденной отмены в 1906 г. выкупных платежей). Основным источников доходов пореформенного царизма стали косвенные налоги, размеры которых непрерывно росли и всей своей тяжестью ложились на трудящихся².

По вычислениям С. Г. Струмилина, на долю фиска приходилось накануне первой мировой войны примерно 40% прибавочной стоимости, созданной рабочими фабрично-заводской (цензовой) промышленности³. Помещичье государство выступало, таким образом, прямым соучастником капиталистической эксплуатации.

Как ни велик был налоговый гнет, с помощью одних только «обычных» источников доходов царизм не мог свести концы с концами в своем бюджете. Государственный долг России за полвека после отмены крепостного права увеличился более чем в восемь раз, причем внешняя часть этого долга выросла в десять раз, составив накануне империалистической войны около половины (43%) всей задолженности царизма. Большая часть средств, получаемых от займов, шла на «общегосударственные» нужды — и прежде всего на подготовку и финансирование войн и выплату расходов по тому же государственному долгу. Это заставляло прибегать к новому увеличению налогов и к новым займам для оплаты растущего долга и процентов по нему (за 1903—1913 гг. Россия израсходовала на эти цели 4046 млн. руб., а от новых займов получила 4096 млн. руб.⁴). Внешние займы, все туже связывая царизм с международным денежным рынком, усиливали вместе с тем зависимость его от иностранных монополий и банков, еще в конце XIX в. захвативших ключевые позиции в важнейших отраслях тяжелой промышленности России. Отмеченная выше важная особенность русских финансов — отвлечение громадной доли внутренних накоплений (при общей ограниченности их), в государственные займы и особенно непроизводительный ипотечный кредит — заставляла

¹ См. И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки, М., 1948, стр. 237—238. По подсчетам автора, поддержка помещиков и осуществление (в их интересах) столыпинской аграрной реформы отвлекли в предвоенные годы с денежного рынка страны почти столько же средств, сколько было направлено на увеличение капиталов всех акционерных обществ, и значительно больше, чем в одну только акционированную промышленность (там же, стр. 256).

² За 33 года (с 1880 по 1913 г.) размеры косвенных налогов увеличились в четыре с лишним раза, составив к концу этого периода около половины доходов царизма (подсчеты Ю. Н. Шебадина).

³ С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, М., 1930, стр. 91.

⁴ Данные приведены в статье М. И. Боголепова «Государственный кредит» — БСЭ, изд. 1-е, т. 18, стб. 480.

царизм «компенсировать» крупнокапиталистическую промышленность и транспорт привлечением иностранных капиталов, предоставлением им особых привилегий и обеспеченных монопольных прибылей. «Если страна не богата собственными капиталами, а в них настоятельно нуждаются и государство, и промышленность, то нет другого выхода из такого положения, как привлечение капиталов из-за границы», — «теоретически» обосновывал эту политику Витте¹.

Но отсюда вытекали и определенные последствия для внутренних взаимоотношений самодержавия и растущей финансовой олигархии России, особенно после того, как поражение царизма в русско-японской войне и его политическая слабость, обнаруженная революционными событиями 1905 г., пошатнули престиж государственных финансов России. Иностранные банки требовали «законодательного» оформления займов, дабы получить уверенность, что проценты по ним будут выплачиваться в любой ситуации (такой ситуации, как победа пролетарской революции и аннулирование долга, они, конечно, не предвидели). Таким образом, царизм стал нуждаться для получения новых займов в буржуазно-«парламентском» фасаде. Не менее нуждался он и в посреднических услугах крупнейших петербургских банков, роль которых в международных финансовых связях царизма сильно возросла в предвоенные годы².

Но еще до того, как все эти тенденции проявились в полную силу, В. И. Ленин, оценивая первые итоги новой политической группировки, созданной революцией 1905 г., указывал, что без сделки хотя бы с верхушкой буржуазии самодержавие не может управлять страной. «Без сделки с правым крылом буржуазии..., — писал В. И. Ленин, — нельзя достать денег, нельзя дольше жить. Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом. Зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия есть самая сильная материальная зависимость, которая может быть прикрыта сотнями средневековых пристроек, которая может быть ослаблена миллионами единоличных или групповых придворных подкупов (чинами, местами, концессиями, подачками, побрякушками и пр. и пр. и пр.), — но которая в решительные моменты народной жизни должна проявиться с решающей силой»³.

Правда, политическое развитие буржуазии отставало по сравнению с ее экономическим ростом и усилением. Эта особенность русской буржуа-

¹ Всеподданнейший доклад министра финансов «О положении нашей промышленности 1900». Опубликовано в «Историке-марксизме», 1935, № 2—3, стр. 135 (подчеркнуто в документе).

² В нашей историко-экономической литературе эта сторона дела изучена еще крайне недостаточно. Между тем участие русских банков сыграло немаловажную роль в осуществлении международного займа 1906 г. (см. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», М.—Л., 1926, стр. 298—308). Любопытна оценка, которую незадолго перед мировой войной журнал «Финансовое обозрение» дал международным финансовым связям Русско-Азиатского банка, имевшего большое количество отделений не только в России, но и за границей (в Европе, Японии, Китае) и тесно связанного с «финансистами нашей союзницы» — Франции. «Едва ли мы ошибемся, — заключает журнал, — если скажем, что ныне кредитная канцелярия и Русско-Азиатский банк являются теми могущественными рычагами, умелая работа которых может оказывать и оказывает серьезнейшее влияние на то или иное решение важнейших вопросов нашей внешней политики» («Финансовое обозрение», 1913, № 4, стр. 2).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 368.

зии имела свои исторические корни, уходившие еще в предреформенное время. Выросшая при активном содействии феодальной государственной власти и зависевшая от «щедрот» самодержавия, напуганная подъемом массового революционно-освободительного движения в самой России, а также уроками европейских революций XIX в., русская буржуазия с самого начала была силой неревOLUTIONционной и антидемократической, шедшей в решающие моменты на сделку с царизмом против народа¹. Революция 1905—1907 гг. завершила превращение ее в контрреволюционную силу, кровно заинтересованную в сохранении монархии, военно-полицейского аппарата подавления масс.

Фактор политический был и здесь связан воедино с экономическим. Именно потому, что империалистическая буржуазия России, в силу своего объективного положения, не могла быть сторонницей радикальной расчистки пути капиталистического развития от крепостнических пережитков и преодоления на этой основе узости внутреннего рынка, она особенно нуждалась в овладении теми источниками сверхприбылей, которые либо прямо находились в руках царизма, либо могли быть использованы при его помощи. Политическая дряблость и сервилизм, которые особенно отличали как раз монополистическую верхушку русской буржуазии, были обратной стороной процесса сближения, «сращивания» финансового капитала и правящих верхов, растущего использования монополиями государственного аппарата самодержавия, особенно таких его звеньев, как государственное казначейство, ведомства, связанные с выдачей казенных заказов, установлением железнодорожных тарифов и т. д.

В 1906 г. почти одновременно создаются общеимперская организация крупного капитала — Совет съездов представителей промышленности и торговли и Министерство торговли и промышленности, сама идея организации которого принадлежала тем же магнатам тяжелой индустрии Юга, тесно связанным с иностранным капиталом, которые держали в своих руках руководство Советом съездов и использовали его как один из основных каналов связи с правительственными учреждениями². Именно в это время окончательно выработался тип крупнобуржуазного «общественного деятеля», специализировавшегося на сношениях с правительством. Показательна фигура Н. С. Авдакова, «Кит Китыча Авдакова», как называл его В. И. Ленин, — одного из крупнейших промышленных воротил, длительное время бывшего председателем совета Продугля, состоявшего в одно и то же время председателем правления доброго десятка акционерных обществ — и в угольно-металлургической промышленности, и в судостроении, и в золотопромышленности, Северо-Донецкой железной дороги и т. д., а с организацией общеимперского Совета съездов возглавившего и его. Одновременно Авдаков был членом Государственного совета (в состав которого непосредственно избирались представители промышленности), членом Совета при министре торговли и промышленности, заседал в министерских советах по железнодорожным, тарифным, горнопромышленным делам, всюду проводя интересы не промышленности в целом, а только узкой прослойки финансовой олигархии, «своих» монополий и банков. У финансовой олигархии были и иные пути подчинения себе государственного аппарата, среди которых не последнее

¹ См. Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. Доклады Советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме, М., 1955, стр. 34.

² «Наши съезды, — заявлял в самом начале деятельности общеимперской организации ее орган, — исключительно профессиональная организация, живущая в пределах законов, действующих в каждый данный момент. Специальность нашей организации — практические вопросы...» («Промышленность и торговля», 1908, № 3, стр. 195—196).

место занимали подкуп, взятки, переманивание царских сановников на частную службу — гласную и негласную¹. В. И. Ленин в своем труде об империализме приводил, в частности, факт перехода директора кредитной канцелярии Давыдова в частный банк, как иллюстрацию того важнейшего общего положения, что монополистический капитал, становясь господствующей экономической силой, «с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей»»².

К таким «частностям» мы можем отнести и правовые нормы. В архаичном, перешедшем в наследство от феодально-крепостнических времен, законодательстве Российской империи отсутствовали статьи, которые прямо отражали бы новые социально-экономические явления, порожденные эпохой империализма. Синдикаты и тресты не были юридически легализованы и появлялись на свет в виде простых акционерных обществ, контор для продажи и т. д. Само по себе это обстоятельство мало смущало капиталистов, которые знали, что правительственная практика далеко ушла вперед по сравнению с законодательством, не только не препятствуя возникновению монополистических союзов, но и во многих случаях активно содействуя этому.

Достаточно указать на роль царизма в организации одного из первых и самых крупных синдикатов — сахарного³. И если в данном конкретном случае имело громадное значение участие в этом синдикате «сиятельных» землевладельцев (включая удельное ведомство), то в целом отношение к монополиям определялось общим направлением экономической политики царизма. В этой политике было немало старых, «традиционных» черт, приспособленных к новым условиям формирующегося империализма. Самодержавие издавна насаждало торговые и отчасти промышленные монополии, широко прибегало к откупам, казенным военным поставкам, обогащая горстку купцов и дворян-предпринимателей и приспособляя таким путем зародыши новых, капиталистических отношений к господствующему крепостничеству. Но и в пореформенное время экономическая политика царизма такими своими сторонами, как таможенный протекционизм и казенные заказы, государственные кредиты и субсидии, железнодорожные тарифы и экспортные премии, — ограничивала «свободную» конкуренцию и создавала монопольный рынок горстке крупнейших предприятий, облегчая им установление монопольных цен и получение колоссальных прибылей. Такова, впрочем, была особенность развития монополистического капитализма и в других странах «прусского» пути⁴.

В этой связи становится понятным, почему представители крупного

¹ «Естественное стремление захватить, как наиболее прибыльные, крупные заказы и подряды вызвало к жизни характерный прием предварительных разведок и получения подлежащих тайне сведений из учреждений, делающих заказы и сдающих поставки. Этот прием уместно назвать экономическим шпионажем, так как он заключается в том, что кто-либо из состоящих на службе в правительственных или общественных учреждениях привлекается... на негласную службу фирмы с обязательством сообщать ей за вознаграждения в виде определенного жалованья или %-ных отчислений все данные, при наличии которых заказ или подряд может быть взят по наиболее выгодным ценам», — сообщалось в секретном отчете сенаторской ревизии 1911 г. с приведением многих фактов, относящихся к железнодорожному, военному и другим ведомствам (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 115, лл. 135—143).

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 225.

³ Подробно этот вопрос рассматривается нами в работе «Из истории монополистического капитализма в России (сахарный синдикат)» — «Исторические записки», т. 38.

⁴ См. Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, М., 1949, стр. 303—306.

капитала, приступая к созданию монополий, обращались, как правило, за содействием и поддержкой к правительству. На съезде железозаводчиков в 1885 г. «обстоятельные» прения о синдикатах завершились тем, что созданному съездом бюро железозаводчиков было поручено «мотивировать ходатайство о правительственном разрешении на образование у нас синдикатов»¹. Весьма показательна судьба синдиката керосинозаводчиков, возникшего в 1892 г., когда на мировых рынках, в результате демпинга американских монополий и усиленного производства для экспорта в России, цены на керосин пошли резко вниз. Как ни выгодно было в этих условиях «нормирование» — ограничение вывоза, нефтепромышленники между собой договориться не могли и обратились за содействием к правительству, которое не только приняло ближайшее участие в организации синдиката, но и пришло ему на помощь в конкурентной борьбе с Рокфеллером, значительно понизив вывозные тарифы на Закавказской железной дороге. Чьи интересы блюло при этом правительство, — показывает главное условие соглашения — передача всего вывоза за границу пяти фирмам во главе с Нобелем. Синдикат был утвержден на семилетний срок «под наблюдением и контролем Министерства финансов»².

Примерно таковы же были обстоятельства возникновения монополий в металлургической промышленности и транспортном машиностроении в начале XX в., когда в условиях кризиса особенно остро сказалась ограниченность внутреннего рынка. Прямое поощрение возникающих монополий сочеталось в политике Витте (которая, разумеется, вовсе не была его индивидуальной политикой) с монополизацией казенных заказов и созданием таких типичных государственно-капиталистических органов, как Комитет по распределению железнодорожных заказов. Когда в 1902 г. представители 28 мостостроительных заводов России собрались на съезд для окончательного оформления своего синдиката, то, договорившись между собой, они направили особую депутацию к министрам финансов и путей сообщения, возложив на нее составление и подачу подробной «докладной записки» об основаниях образуемого синдиката и выработанных на мостостроительные поставки ценах. «Членам депутации вместе с тем было поручено возбудить ходатайство о легализации синдиката, просить правительство утвердить выработанные съездом «нормальные» цены и вызвать к торгам на казенные поставки только заводы, входящие в синдикат»³. Отказ трех заводов войти в организующийся синдикат вызвал у его участников предложение вновь отправить депутацию к Витте, чтобы просить его содействия для п о н у ж д е н и я аутсайдеров, а их, в свою очередь, предупредить, что «министр сам уговаривает составить синдикат»⁴.

Но и в предвоенные годы, когда число монополий значительно возросло по сравнению с началом XX в. (по неполным подсчетам Т. Д. Крупиной, в предвоенные годы действовало свыше 150 монополистических объединений различного типа)⁵, а вместо кризиса и депрессии промышленность России переживала весьма интенсивный подъем, линия правитель-

¹ Съезд железозаводчиков в С.-Петербурге в 1885 г. и его пожелания, СПб., 1889, стр. 77.

² См. И. И. Янжул Промысловые синдикаты, СПб., 1895, стр. 122—123.

³ ЦГИАЛ. ф. 1333, оп. 2, л. 22, л. 3. Не довольствуясь посылкой депутации, участники синдиката решили поручить представителю Дебальцевского завода кн. Кудашеву, как имеющему связь в правительственных сферах, «использовать для синдиката (!)» тогдашнего министра путей сообщения кн. Хилкова (там же, л. 9).

⁴ Там же, л. 31.

⁵ Т. Д. Крупина. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (автореферат кандидатской диссертации), М., 1954, стр. 8.

ства на содействие возникновению и укреплению монополий оставалась неизменной.

«Конечно, промышленникам нечего желать закона, ограничивающего деятельность синдикатов и трестов, и, если бы наше законодательство не содержало никаких постановлений, направленных против синдикатов и трестов, можно бы желать оставаться при старом», — откровенно писало летом 1914 г. «Горнозаводское дело»¹. И лишь тогда, когда синдикатский вопрос приобрел в предвоенные годы общественно-политическую остроту, а дворянские зубры вспомнили, что уложение о наказаниях предусматривает кары за «стачку» торговцев или промышленников², тогда и монополисты стали сторонниками законодательного «регулирования» синдикатов и трестов в выгодном для них направлении.

Поэтому история выработки синдикатского законодательства весьма характерна с точки зрения «общего и основного вопроса об управлении Россией (или вернее об ограблении России) двумя командующими классами»³. Правительство решило приступить к составлению «правил о предпринимательских объединениях» в январе 1909 г.⁴ — после того, как попытка создания южного металлургического треста вызвала сильное возмущение в самых различных кругах, запрос в Думе, организованный земцами-октябристами, перепалку между помещичье-черносотенной и крупнокапиталистической прессой⁵.

Шаг, предпринятый правительством, носил в значительной мере формальный, демонстративный характер. Созванное по этому вопросу специальное совещание во главе с товарищем министра торговли и промышленности Миллером решило построить свою деятельность на основе тех сведений, которые дадут... сами синдикаты. На разосланный с этой целью опросный лист ответили только 10 синдикатов — наиболее крупные и потому меньше всего опасавшиеся правительственного надзора (среди них — Продамет, Продуголь, Кровля и некоторые другие). Конечно, и они не собирались раскрывать свои действительные тайны, сказав лишь то, что и без анкеты было достаточно хорошо известно (во всяком случае правительственным органам). Из ответов синдикатов явствовало, что они концентрируют весь сбыт договорных изделий, определяют условия продажи, в том числе и цены, «косвенно» нормируют производство, применяют такое средство, как премии за отказ от производства. О главном — политике искусственного ограничения производства и установлении монопольно высоких цен — руководители монополий, разумеется, вовсе

¹ «Горнозаводское дело», 1914, № 25, стр. 9133 (передовая «Нужно ли нам законодательство о синдикатах и трестах?»).

² Речь идет о статье 1180 Улож. о наказ., помещенной в разделе, рассматривающем нарушение правил о производстве торговли (статья внесена в Уложение в 1845 г.). Она устанавливала наказание за «стачку» торговцев или промышленников, целью которой является повышение цен не только на предметы продовольствия, но и на другие «необходимой потребности товары», а также за понижение цен, если оно предпринимается «в намерении стеснить действие лиц, производящих или доставляющих товары». Зачинщики таких «противозаконных соглашений» должны были, по закону, подвергаться тюремному заключению от 4 до 8 месяцев, прочие участники — аресту на время от 3 недель до 3 месяцев или денежному взысканию не свыше 200 руб. Предусматривалось и повышение кары в том случае, если «от такой стачки произойдет действительный недостаток в товарах первой необходимости, и сие будет поводом к нарушению общественного спокойствия»: зачинщики подлежали тюремному заключению на срок от 1 года 4 месяцев до 2 лет, прочие виновные — от четырех до восьми месяцев (Свод законов Российской империи, т. XV, стр. 127).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 13.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, л. 3.

⁵ См. об этом подробнее в статье автора «Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX в.» — «Исторические записки», т. 47.

умалчивали, старательно изображая цели синдикатов вполне благовидными или во всяком случае безвредными. Вот, например, ответы Продугля: цель соглашения — «урегулирование сбыта угля и кокса и расширение рынка сбыта», цены же «определяются положением рынков»; даже то обстоятельство, что синдикату, несмотря на применение самых острых средств конкурентной борьбы, не удалось полностью подчинить себе «аутсайдеров» и предотвратить рост добычи внесиндикатских фирм, составлялось, как прямой результат соглашения (которое якобы «с п о с о б с т в о в а л о как появлению новых углепромышленных предприятий, так и расширению существующих, в соглашении не участвующих») ¹. Само совещание Миллера должно было признать, что анкета мало что дала, а орган Рябушинского — «Утро России» — высказался более определенно, назвав министерскую затею «ребяческой», а результат — «нулевым». «Какою наивностью нужно обладать, — писала газета в передовой, — чтобы воображать, что синдикаты, получив опросные листы, так вот и выложат вам свои карты...» ².

«Положительный» результат деятельности совещания Миллера был не менее скуден. Для борьбы с злоупотреблениями синдикатов оно предложило две меры: во-первых, при распределении казенных заказов оказывать предпочтение предприятиям, не состоящим в соглашениях, и, во-вторых, передавать заказы за границу, но с предварительного на каждый раз согласия Министерства торговли и промышленности ³. Если бы эти меры, вызвавшие раздраженные отклики финансируемых монополистами изданий, и приводились в исполнение, они могли бы в лучшем случае принести известную выгоду казне, усилив вместе с тем (при осуществлении второй из намеченных мер) зависимость России от иностранного ввоза и ухудшив ее платежный баланс.

Но монополисты не желали делиться прибыльными казенными заказами. И так как в их руках находились такие сильные средства воздействия, как «личная уния» с правительственным аппаратом, а также усиливающаяся зависимость царизма от иностранного капитала, то даже в тех случаях, когда речь шла о прямых интересах государственного хозяйства, в конечном счете брали верх, как правило, интересы сильнейших монополий.

В том же январе 1909 г., когда правительство решило начать разработку синдикатского законодательства, при обсуждении вопроса о поставке угля для надобностей казенных железных дорог Совет министров «решительно» высказался за всемерное противодействие синдикатам. Практически же это «противодействие» вылилось в распределение поставок, при котором фирмы, входившие в Продуголь, получили официально 52% поставок, а внесиндикатские предприятия — 48% ⁴. Очевидно, что 52%, сосредоточенные в руках одного поставщика-монополиста, которому в качестве конкурентов противостояли раздробленные, действующие в одиночку «дикие фирмы» (часть которых была к тому же связана с синдикатом тайными соглашениями), обеспечивали Продуглю достаточную

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, лл. 50—54.

² «Утро России», № 43, от 23 февраля 1911 г.

³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, л. 12. В том же духе выступал Тимашев в Думе 10 марта 1910 г. Задача правительства — не уничтожать тресты и синдикаты, а законодательным путем «регулировать» их деятельность. «На это, — указывал Тимашев, — нужно время. Но пока есть возможность бороться с синдикатами иным путем, а именно — планомерным распределением казенных заказов, ибо казна у нас является самым крупным потребителем» (цит. по журналу «Промышленность и торговля», 1910, № 5, стр. 393).

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 251, л. 14.

возможность определять условия поставок и прежде всего цены¹. Через год Совет министров вновь рассматривал тот же вопрос. Выяснилось, что ряд фирм, считавшихся внесиндикатскими, успел за это время присоединиться к Продуглю (удельный вес его в добыче Донбасса достиг в 1910 г. максимальной цифры — 65 %). Для сохранения «нормы» распределения поставок следовало расторгнуть сделки с вновь вступившими в синдикат фирмами. Следуя букве правительственного решения 1909 г., Министерство путей сообщения и внесло соответствующее предложение. Однако Совет министров нашел «затруднительным... уклониться от заключения с означенными фирмами договоров на поставку угля на 1910 год», так как им, де, не было заранее предъявлено условие сохранять независимость от Продугля!²

Не менее характерен другой правительственный документ, относящийся также к 1909 г., — Особый журнал Совета министров «о заказе подвижного железнодорожного состава, рельсов и скреплений в течение 1909—1911 гг.». Главные основания «планового» предоставления железнодорожных заказов горстке крупнейших предприятий состояли в следующем: все заказы проводятся через созданный еще во время кризиса в качестве «временного» учреждения (и просуществовавший до 1915 г.!) правительственный Комитет по распределению заказов; к участию в заказах не допускаются новые заводы, не участвовавшие в получении их до 1903 г. Деятельность Комитета заказов — организации, тесно связанной с Продаметом, Продвагоном, паровозостроительным синдикатом и фактически направлявшейся этими монополиями, распространялась не только на казенные, но и на частные железные дороги³.

Уже этих двух фактов достаточно, чтобы убедиться в чисто бумажном, весьма далеком от реальной правительственной политики, характере «рекомендаций» совещания Миллера. Неудивительно, что спустя два года после созыва оно и вовсе прекратило свое существование.

Возобновилась разработка синдикатских законов лишь в конце 1912 г., когда в условиях промышленного подъема страна переживала острый металлический и топливный «голод», возникновение которого в значительной мере было связано с политикой монополий. Резкое возрастание цен на топливо и промышленное сырье с неизбежностью вело к общему повышению цен, росту дороговизны, усиливая обнищание рабочего класса и широчайших народных масс. Вместе с тем это были годы бурного подъема рабочего движения, шедшего под большевистскими лозунгами и большевистским руководством к новой революции против самодержавия и империализма. Господствующие классы царской России тщетно пытались «овладеть положением» и предотвратить революционный взрыв, прибегая, наряду с основными — полицейско-карательными методами, к социальной демагогии и даже незначительным, убого-демократическим социальным

¹ Даже правительственные чиновники, благоволившие к синдикату, не могли не указать на «недостаточное обеспечение интересов казны при заключении договоров с Продуглем, ввиду того, что последний отказывается сообщить список входящих в его состав фирм, а также не соглашается обеспечить исполнение принятых на себя обязательств» (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 74, д. 804, л. 4).

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 251, л. 15.

³ ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 5, д. 22, л. 209. Чересчур прямая формулировка первоначального проекта о том, что заказы частных железнодорожных обществ «должны проводиться через Комитет по распределению заказов», была заменена в окончательной редакции документа более гибкой (не столь явно, по словам министра путей сообщения Рухлова, нарушающей права частных обществ): «Соблюдение правил, изложенных в предшествующих... статьях, в отношении частных железных дорог обеспечивается добровольными с ними соглашениями, а в случае недостижения или нарушения последних — соответствующим регулированием казенных заказов».

«реформам» (вроде страховых законов 1912 г.). Этой же цели была подчинена и антисиндикатская, антитрестовская демагогия правых, рассчитанная на наиболее темные, отсталые слои рабочих и разоряемую крупным капиталом мелкую буржуазию города. Скандально известный оратор правых курский помещик Марков 2-й недвусмысленно пояснил в Думе одну из главных причин усиленного интереса своей фракции к вопросу о недостатке топлива. «...Ведь именно здесь,— говорил он,— кроются элементы смуты, элементы недовольства правительством, ведь именно здесь зреет все то, с чем вы («ваши высокопревосходительства») будете бороться теми путями, которые с левой стороны так часто осуждают»¹. Та же классовая подоплека, та же политическая цель лежала и в основе позиции всех помещичье-буржуазных партий, их проектов чиновничьего контроля над деятельностью синдикатов и трестов и законодательного «регулирования» ее царизмом.

Но неслучайно именно правые (часто с участием помещичьего крыла октябристов) избрали «синдикатский вопрос» одним из главных коньков своих выступлений и запросов в IV Государственной думе. Имело здесь определенное значение и то, что топливный «голод» (с особенно бурным ростом цен на нефтяное топливо) ударил по карману помещика. Когда один из лидеров правых, бывший губернатор и будущий министр Хвостов жаловался на судьбу «мелкого» и среднего потребителя, который, де, «на последние гроши» купил какой-нибудь нефтяной двигатель и не может переделать его на уголь², то «гроши» были приплетены сюда ради демагогии, а под несчастным потребителем разумелся прежде всего помещик — владелец экономии, а также близкий сердцу «объединенного дворянства» кулак-хуторянин. Экономические интересы помещиков задевались топливным «голодом» и с другой стороны — со стороны влияния его на перевозки хлеба. Характерна в этом отношении статья, появившаяся в черносотенном «Новом времени», автор которой не жалел красок, чтобы нарисовать последствия, которые несет самодержавному государству власть синдикатов (имелся в виду прежде всего Продуголь) над железнодорожными артериями: «В самые критические дни — дни мобилизации и подвоза нынешних громадных армий — они могут нажать кнопку и остановить движение поездов. Это может случиться без всяких угроз или резких движений — на почве «недогрузки» угля». Но, как и в других аналогичных случаях, «высокие» государственные соображения были прикрытием весьма прозаических интересов. Действительно, несколькими строками ниже раскрывались истинные мотивы разоблачений нововременского публициста: угольный «голод» чуть не сорвал реализацию богатого урожая 1912 г. Углепромышленники, негодовал автор, специально сокращали перевозки угля во время осенней распутицы и пытались получить лишнее количество вагонов в зимние месяцы, чтобы «сбить хлебную перевозку»³. И ту же точку зрения «зубра», обиженного при дележе добычи⁴, выражали с думской трибуны Хвостов и Марков 2-й, крича о «грабителях», «эксплуататорах» и т. д.⁵

¹ Стенографический отчет 4-й Гос. думы, сессия 1-я, ч. 2, стб. 69.

² Там же, стб. 463—464.

³ «Новое время», № 13276, от 26 февраля 1913 г., статья «Золотая сила».

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 13.

⁵ Представители монополистического капитала, их пресса отвечали помещикам тем же. «Ведь никто не упрекает землевладельца, случайно (1) получившего в неурожайном году хороший сбор, если он продает свой хлеб по «голодным» ценам», — писало «Горнозаводское дело» (1913, № 35, стр. 7726). А прогрессист Бубликов (он же видный сотрудник общеимперского Совета съездов представителей промышленности и торговли), отвечая в Думе правым, представил помещиков в виде синдиката,

Не только колоссальные доходы угольных и особенно нефтяных тузов распалляли оскудевавших дворянских зубров. В росте экономической силы, богатства монополистического капитала они видели и прямую опасность для себя, как для землевладельцев и правящего сословия. Беда касается не только нефти и угля, коснется она и хлебного дела, говорил один из участников дворянского съезда 1913 г. «Это есть система трестов, и если мы на этот наклонный путь раз пойдем, то порабощение страны неминуемо... Тресты будут диктовать государству решения войны и мира»¹. В таком же духе комментировала думские прения по запросу правых передовая «Нового времени». «...Интересы страны требуют,— писала газета,— чтобы наряду со всеми признанной правительственной властью не возникла новая власть, способная экономическим и финансовым нажимом добиться господствующей роли»².

Топливо-металлический «голод», как и неразрывно связанный с ним вопрос об отношении к синдикатам и трестам, потому и приобрел в предвоенные годы политическое звучание, что он был частью общего вопроса о взаимоотношении двух господствующих классов царской России — крепостников-помещиков и финансовых тузов, о противоречиях внутри третейионьской системы, заложенных в самой ее экономической основе.

Только на этом социально-политическом фоне можно понять всю дальнейшую историю выработки синдикатского законодательства, которую мы прервали на самом конце 1912 г., когда собралось новое междудементальное совещание³. На этот раз его возглавлял министр торговли и промышленности Тимашев. Среди руководящих участников совещания следует назвать бывшего директора Волжско-Камского банка Барка, ставшего к этому времени товарищем министра торговли и промышленности; только что назначенного директором Горного департамента Министерства торговли и промышленности, крупного углепромышленника Арандаренко, управляющего отделом промышленности этого же министерства Литвинова-Фалинского, который, подобно ряду других своих коллег, был давно и близко связан с магнатами капитала и хорошо усвоил их точку зрения.

Обсуждению на совещании подверглись проект, составленный еще раньше членом Совета при министре торговли и промышленности Добровольским, а также замечания к проекту руководящих чинов этого же министерства⁴. Исходный принцип был тот же, что и в совещании Миллера: синдикаты и тресты — явление естественное, неизбежное и даже полезное, нужно бороться лишь с их «отрицательными сторонами». Таким образом, выработка синдикатского законодательства с самого начала имела своей целью легализовать монополии. «Законопроект лишь восполняет вредный пробел, когда проектирует легализацию синдикатов», — заявил корреспонденту «Голоса Москвы» бывший министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев⁵. А главноуправляющий земледелием

«который не лучину заставляет зажигать вместо лампы бедную вдовицу, которой протежировал член Думы Марков, а просто заставляет ее есть куколку и березовую кору» (Стенографический отчет 4-й Гос. думы, сессия 2-я, ч. 2, стб. 426).

¹ Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний, СПб., 1913, стр. 242—243.

² «Новое время», № 13301, от 23 марта 1913 г.

³ В совещании, состоявшемся 10 и 17 декабря 1912 г., участвовали также представители военного и морского министерств, министерств путей сообщения, внутренних дел и юстиции.

⁴ «К вопросу о синдикатах и трестах» — ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, лл. 27—46.

⁵ «Голос Москвы», № 130, от 7 июня 1913 г. Сам орган октябристов придерживался такой же точки зрения: «...для русской промышленности открывается возмож-

и землеустройством Кривошеин в своем отзыве на законопроект видел его недостаток в том, что он непоследователен в осуществлении своей основной задачи — «санкционировать синдикаты и тресты...», так как тем, что не распространяется на перевозочные и пароходные предприятия, страховые общества, банки и проч., ставит их «вне защиты (!) закона»¹.

Проект Добровольского подвергся значительному исправлению в совещании Тимашева, причем все эти исправления шли по линии приспособления к интересам монополистического капитала. Так, было устранено (из 1-й статьи) упоминание о стремлении к монополизации рынка, как признаке синдикатов и трестов, на том основании, что монополия может быть «естественной»². Исключена была статья 2-я, воспрещавшая предпринимательские союзы спекулятивного характера (довод: об этом не говорится в уставах), а также предприятия, правления, уполномоченные и представители которых находятся за границей. Царизм не мог и не хотел ставить даже формальные ограничения хозяйничанию иностранного капитала, обосновавшегося в России и игравшего руководящую роль в крупнейших монополиях. Переделана была и статья 4-я: «Предпринимательские союзы учреждаются на основе уставов, утвержденных правительством». Это — стеснительно, заявили чиновники. Совещание решило, что соглашения могут заключаться в любой форме — устной или письменной, нотариальной или домашней, а затем уже должны быть зарегистрированы правительством³. И до того монополисты могли легко обойти юридические «рогатки» для оформления синдикатских соглашений: на утверждение правительству представлялись фиктивные уставы, вполне укладывавшиеся в рамки закона, а реальная деятельность монополий направлялась полулегальными или вовсе секретными контрагентскими договорами. Теперь отпадала необходимость и в таком маневрировании. Монополиям предоставлялась юридическая «свобода действий», которой фактически они обладали и до этого.

Еще существеннее с этой точки зрения были исправления, внесенные в пункт 7-й. В первоначальном виде он содержал требование к предпринимательским объединениям — представлять годовые отчеты, равно как и постановления, которыми устанавливаются цены на предметы производства, условия закупок товаров и сырья, районы сбыта и заработная плата. Но эти постановления представляли тайну синдикатов, ревностно оберегаемую ими от посторонних глаз⁴. Поэтому радевшие монополистам чиновники убрали из этого пункта все, кроме годовых отчетов (в составлении которых монополии обладали большим опытом фальсификации). Наконец, и запроектированное Добровольским создание специального «Комитета по делам о предпринимательских объединениях» не встретило поддержки у совещания. Новый орган был бы чересчур заметным, существование его к чему-то обязывало бы правительство. Проще будет, решило совещание, чисто формальные функции по регистрации и рассмотрению отчетов синдикатов возложить на отдел торговли Министерства торговли

ность выйти из того полулегального состояния, в какое ставит ее действующий закон...» (№ 113, от 7 мая 1913 г.).

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, л. 126.

² Там же, л. 16.

³ Там же, л. 17.

⁴ На особом совещании 1908 г. один из заправил южного горно-промышленного съезда Авдаков, отвечая на предложение противников металлургического треста — провести анкету для выяснения положения на заводах Юга, говорил: «Я не понимаю, какую собственно анкету вы предлагаете?.. Надо приехать на завод и сказать: подайте ваши книги, а мы будем их проверять? Это есть внедрение в область частного хозяйства...» (Стенограмма совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности, СПб., 1909, стр. 38).

и промышленности, имевший многолетние навыки сотрудничества с крупным капиталом; подчеркивалось этим и то, что «контроль» правительства ограничивается сферой торговли, рыночных операций¹. Характерно, что законопроект рассматривал в сущности лишь вопрос о синдикатских соглашениях. Создание трестов признавалось им молчаливо. К тому же создание трестов не требовало новых юридических норм и могло происходить (как это и было в нефтяной, табачной и других отраслях промышленности) в форме учреждения новых или реорганизации существующих акционерных обществ — с изменением устава их после покупки или объединения предприятий, увеличения основного капитала и т. д.

Новый законопроект санкционировал не только существование монополий, но и их деятельность, состоявшую в усиленной эксплуатации рабочих и в ограблении потребителя. Совещание посчитало «несоответственным» запрещать предпринимательским объединениям «чрезмерное» понижение заработной платы (по крайне осторожному и поддающемуся самому произвольному толкованию предложению Добровольского)². «При свободе стачек, — с поразительным лицемерием мотивировали свою позицию чиновники, — вряд ли было бы правильно ограничивать свободу предприятий в однородном направлении»³. О «свободе» стачек, пожалуй, лучше других мог бы рассказать на совещании его председатель — Тимашев, бывший одним из пайщиков того самого англо-русского общества «Лензото», приказ которого выполнил 4 апреля 1912 г. ротмистр Трещенков. Антирабочий дух подготавливаемого царским правительством синдикатского законодательства выступил здесь с исключительной рельефностью.

Отвергли чиновники и ссылку на чрезмерное повышение цен, как основание для привлечения синдикатов к судебной ответственности. Повышение цен, говорилось по этому поводу в журнале совещания, «может быть иногда фактически чрезмерным, но вполне естественным»⁴. Хотя участники совещания ограничились туманным «может быть», мы знаем, что именно этот «довод» монополисты, а вслед за ними — правительство приводили в объяснение непрерывного роста цен на металл, уголь, особенно нефть в предвоенные годы. Интересы могущественных монополий требовали, чтобы будущее синдикатское законодательство не мешало ни взвинчиванию цен для получения максимальных прибылей, ни применению в нужных случаях «боевых» (временно пониженных) цен для разорения конкурентов и монополизации рынка. Поэтому из первоначального проекта были устранены и упоминания о «чрезмерном» понижении цен и других приемах «недобросовестной конкуренции»⁵. Но вовсе обойти вопрос о ценах совещание Тимашева не могло. Совместными усилиями была изобретена новая каучуковая формула о «значительном, не оправдываемом условиями производства и сбыта, повышении или понижении цен на массовые товары»⁶. О том,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, л. 19.

² Там же, л. 46. Вместе с этим Добровольский предлагал наказывать предпринимательские союзы и за «чрезмерное повышение (!) заработной платы с целью склонения рабочих конкурирующих предприятий к переходу на службу в союзе...».

³ Там же, л. 17. (Да и в европейском законодательстве, ссылались чиновники, нет ничего подобного).

⁴ Там же, л. 23. Подчеркнуто мною. — М. Г.

⁵ Там же, лл. 46, 23. «Проект позволяет, — писало по этому поводу «Горнозаводское дело» (1914, № 25, передовая), — регулирование массового производства и сбыта товаров и цен на них. Значит, эту деятельность синдикатов и трестов проект делает легальной».

⁶ Там же, л. 23.

какие условия производства и сбыта оправдывают повышение цен, проект умалчивал. Но правительственная практика позволяет расшифровать и эту формулу: укажем, в качестве примера, на активно поддерживавшийся правительством миф о «естественном истощении» бакинских нефтяных месторождений или ссылку на нарушение «законов спроса и предложения», постоянно повторявшуюся во всех министерских документах, относящихся к топливному и металлическому «голоду»¹.

Перед составителями синдикатского закона стояла задача, нелегкая даже для привычных к бюрократической казуистике царских чиновников. Новый закон, легализуя деятельность монополий, должен был вместе с тем удовлетворить дворянско-помещичье большинство Государственной думы и продемонстрировать намерение правительства бороться со «злоупотреблениями» монополий как экономическими, так и карательными средствами. Из числа первых проект Добровольского намечал повышение или понижение железнодорожных тарифов, понижение или отмену таможенных пошлин, введение вывозных пошлин, запрещение вывоза и, наконец, освобождение конкурирующих предприятий и вновь возникающих союзов от налогов, а также выдачу им субсидий. Совещание не оставило без характерных исправлений и эту статью закона: во-первых, кроме понижения таможенных пошлин оно предусмотрело и повышение их (хотя трудно было представить себе случаи, когда повышение пошлин могло помешать монополиям взвинчивать цены!); во-вторых, оно исключило две последние меры — запрещение вывоза — под тем предлогом, что это вело бы к нарушению торговых договоров с иностранными государствами, а поощрение «диких» предприятий — на том основании, что это «фактически представлялось бы затруднительным». Но самым важным, сводящим на нет даже те меры, которые сохранило совещание, была добавленная к статье оговорка, указывавшая, что все эти «экстраординарные меры могут быть приняты не иначе, как после тщательного обследования... особой комиссией экспертов, назначаемых в равном числе от Министерства торговли и промышленности и от промышленников»². Например: углепромышленник Авдаков — от промышленников и углепромышленник Арандаренко от министерства! Легко понять, какой был бы результат «тщательных обследований» таких «экспертов» (впрочем, иногда для этого достаточно было бы и одних чиновников).

Примерно такой же характер носили и намечаемые законопроектом карательные меры. Совещание Тимашева отказалось от предоставления административной власти права уничтожать незаконные соглашения. Такое право, заявили участники совещания, является «опасным». Предусмотрели они и такую возможность, когда закрытие может быть вообще излишним, а нарушение синдикатами и трестами законов будет иметь последствием лишь привлечение к судебной ответственности «подлежащих» (или, вернее, подставных) лиц. Последним угрожало по новому закону заключение в тюрьму не ниже трех месяцев и денежное взыскание не свыше 10 тысяч рублей — сумма ничтожная для монополий³. Но редко дело и дошло бы до уголовных кар. Совещание отвергло самую мысль указать в тексте закона, какие же «деяния» синдикатов и трестов подлежат судебному преследованию, решив, что следует ограничиться установлением лишь общих признаков их (вроде указанной выше формулы о «не оправданном условиями производства и сбыта» повышении или

¹ См. нашу публикацию «К истории топливно-металлического «голода» в России накануне первой мировой войны» — «Исторический архив», т. VI, М.—Л., 1951.

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, л. 21. Подчеркнуто мною.— М. Г.

³ Там же.

понижении цен) и предоставить уже судьям «путем толкования (!)» подводить под действие закона те или иные правонарушения монополий¹. Однако и такое решение, оставлявшее самое широкое поле для обхода закона монополистами, вызвало неудовольствие последних, и как реакцию на него — предложение Министерства финансов вовсе отказаться от уголовных репрессий в отношении синдикатов и трестов. Суд, писал в своем отзыве управляющий Министерством финансов, оказался бы «вовлеченным во вмешательство в чуждую ему область экономической политики»², то есть в дела, которые правительство привыкло вести наедине с монополиями.

Отличие точек зрения в этом вопросе объяснялось, конечно, не тем, что ведомство Коковцова принимало ближе к сердцу интересы крупного капитала, чем ведомство Тимашева. Просто отзыв Министерства финансов появился почти через год — в начале ноября 1913 г., когда в самом разгаре было шумевшее «дело Продугля», которое и заставило руководителей финансовой политики царизма изменить точку зрения на судебное вмешательство. Конфликт между Продуглем и одним из его контрагентов — обществом Государево-Байракских копей — приоткрыл завесу над подлинной деятельностью синдиката, очень мало похожей на скромные «комиссионные» функции, о которых говорил его устав. Истец, стремившийся к расторжению ставшего для него обузой контрагентского договора, представил этот договор на рассмотрение Петербургского коммерческого суда, и тот засвидетельствовал наличие «всех признаков воспрещенной 1180 ст. Улож. о наказ. сделки». В условиях общего обострения синдикатского вопроса решение суда (состоявшееся в конце января 1913 г.) получило довольно широкую огласку. Продуголь принял меры, чтобы как можно скорее прекратить это дело — к моменту разбирательства его в Сенате Государево-Байракское общество заявило, что оно отказывается от своих требований. Конфликт был как будто улажен, но оставалось решение первой судебной инстанции, усмотревшей «состав преступления» в самом договоре Продугля, который определял его отношения со всеми участниками синдиката. Сенату ничего не оставалось, как направить дело на новое судебное расследование. Уже первое, самое поверхностное ознакомление с документами, изъятыми в харьковской конторе Продугля и в его правлении, находившемся в Петербурге, показало с полной очевидностью, что угольный «голод», переживавшийся Россией, рост цен на уголь — все это в значительной мере результат политики, проводившейся синдикатом по директивам, которые направлял в Россию негласный «Парижский комитет», состоявший из представителей крупнейших французских банков. Каждый шаг следствия приводил к установлению новых улик, о которых прокурор Харьковской судебной палаты аккуратно доносил в Петербург министру юстиции³.

Для правительства результаты следствия не были, разумеется, открытием. Но его линия поведения не могла быть прежней. Еще в июне 1913 г. товарищ министра торговли и промышленности Д. П. Коновалов говорил в бюджетной комиссии Думы, что он «считает своею обязанностью возразить против обвинений наших углепромышленников в соглашении, имеющем целью уменьшать добычу каменного угля и этим путем повышать цены..., и против заявлений о том, что правительство покрови-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 270, л. 23.

² Там же, лл. 139—156.

³ Первый рапорт был направлен 11 апреля 1914 г., последний — 7 июня того же года. См. «Красный архив», 1926, т. 5 (18), стр. 131—145.

тельствуем этому соглашению»¹. Теперь была опасность, что документально установленные факты выплывут наружу и станут в конечном счете достоянием не только сговорчивых депутатов помещичье-буржуазного большинства Думы, но и общественного мнения вне Думы, чего правительство, особенно в условиях подъема рабочего движения, имело все основания опасаться.

Когда в декабре 1913 г. (еще до начала харьковского следствия) министр юстиции Щегловитов переслал рапорт прокурора Петербургской судебной палаты на заключение Тимашеву, тот попытался сформулировать (разумеется, не столько для Щегловитова, сколько для дальнейшего употребления в прессе и «руководства» прокурорам и судьям) более гибкую точку зрения, чем та, с которой лишь за несколько месяцев до этого выступал в бюджетной комиссии Думы Коновалов. Концы с концами министр торговли и промышленности так и не свел: с одной стороны, он продолжал твердить о «несомненной и существенной пользе» синдикатов, с другой — нехотя оговаривался насчет «вредного влияния» их, но лишь в периоды подъема промышленности и усиления спроса. Тимашев оспаривал «господствующее мнение», что угольный синдикат искусственно задерживает развитие добычи с целью повышения цен, но тут же полу-признавал, что «нельзя отрицать влияния Об-ва Продуголь на установление таковых, хотя безусловно нельзя считать его хозяином положения...»². После всех этих адвокатских уловок министр переходил к разбору предложений прокурора, с чиновничьим педантизмом пытавшегося следовать «букве» закона. Тимашев рекомендовал не торопиться с судебным вмешательством, подождать до принятия новых правил о предпринимательских объединениях, ибо «решение по существу дела связано с общим вопросом об отношениях правительства к синдикатам»³. Расчет был ясен: в случае принятия новых правил синдикатская деятельность Продуголя переставала быть формально противозаконной, а повышение цен на уголь легко могло быть всегда оправдано «условиями производства и сбыта».

Пока же Тимашев, с которым во всем согласился Щегловитов, предлагал ограничиться правительственным, то есть чиновничьим обследованием Продуголя, как и другого, «еще более могущественного синдиката» — Продамета⁴. До Продамета (именно потому, что он был более могущественным) дело так и не дошло. Для «выяснения и расследования» деятельности Продуголя было создано Особое совещание, первое и (насколько нам удалось установить) последнее заседание которого состоялось в двадцатых числах февраля 1914 г. Представители ведомств — «потребителей» привели на нем немало фактов, свидетельствовавших о серьезном ущербе, наносимом синдикатом государственному хозяйству — казенным железным дорогам, флоту и др. Представитель военно-морского ведомства заявил, что его ведомством Продуголь «признается организацией безусловно вредной»⁵. Но столь откровенные суждения не получили поддержки у руководившего совещанием члена Горного совета Хованского, который почти без изменений воспроизвел аргументацию письма Тимашева в пользу Продуголя и тем самым показал, в каком направлении чиновникам следует «выяснить» и «расследовать»⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 6, д. 2403, л. 133.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 67, д. 1202, лл. 8, 9.

³ Там же, лл. 10—11.

⁴ Там же, лл. 11, 18.

⁵ Там же, оп. 74, д. 804, л. 2.

⁶ Позднее, в июне 1914 г., приветствуя прекращение уголовного преследования угольного синдиката, осведомленный биржевой журнал писал, что «экстренный набег

Как ни безобидны были все эти правительственные меры, они вызвали крайнее неудовольствие монополистов. На съездах промышленников, в крупнокапиталистической прессе раздавались крики о предстоящей «гибели промышленности» в результате административных стеснений, обращенные к правительству требования прекратить «нервные мероприятия»¹, демагогические призывы снять «чрезвычайную охрану» с промышленности² и т. д. и т. п. Конечно, во всем этом сквозило стремление отвести внимание общественного мнения страны от грабительской политики монополий, от непрерывно растущих цен, представить капиталистов-синдикатчиков «обижаемыми» и чуть ли не «гонимыми»³. Но это была все же побочная, а не главная цель. Оборонительная внешность всей этой шумихи прикрывала наступательные намерения тех, кто ее инспирировал и раздувал. Окрепнув и усилившись в период промышленного подъема, монополистический капитал стремился расширить свои позиции (в том числе за счет казенного хозяйства), обрести полную «свободу» действий, «свободу» ограбления потребителя, установления монопольных цен, получения максимальной прибыли.

«Наша жизнь экономическая опередила наше законодательство,— говорил на 8-м съезде представителей промышленности и торговли один из лидеров крупного капитала В. В. Жуковский.— То, что требует экономическая Россия, не умещается в наши законные нормы... Является вопрос: что же нужно делать ввиду такого коренного несоответствия? Нужно ли так, как говорил покойный председатель Совета министров, палить из кремневого ружья по новым явлениям, или же нужно для этих новых явлений придумать новые нормы и новые законы? Я полагаю, что мы, как промышленный класс, должны стоять на второй точке зрения»⁴.

Новые явления — это прежде всего синдикаты и тресты. Цель новых норм и новых законов — устранить какие-либо юридические «рогатки» и ограничения их деятельности⁵. Жуковский не случайно напомнил слова Столыпина, обращенные им в свое время к противникам его бонапартистской политики из числа наиболее консервативных крепостнических зубров. Свое основное требование — «свободу» предпринимательства — крупная буржуазия рассматривала как логическое продолжение аграрной реформы, понимаемой как снятие всяких преград на пути собственника, капиталиста к обогащению. Проект нового синдикатского закона

на Продуголь может быть окажется и ликвидированным благополучно, ибо возобновившая свое обследование деятельности Продугля комиссия при Министерстве торговли и промышленности всего вернее не только не выяснит вредной роли этого синдиката в нашей промышленной жизни, но, напротив, установит (!) пользу предпринимательских соглашений» («Финансовое обозрение», 1914, № 11, стр. 9. Подчеркнуто мною. — М. Г.).

¹ Труды XXXVIII съезда горнопромышленников юга России, т. III. Стенографический отчет, т. III, стр. 49.

² Журналы 8-го очередного съезда представителей промышленности и торговли, Пгр., 1915, стр. 34. (Далее: Журналы 8-го съезда...).

³ Что касается самого Продугля, то с изображением его в качестве объекта правительственных преследований плохо согласовывается такой, например, факт, как заключение казной в начале 1913 г. трехлетнего контракта с синдикатом на поставку 300 млн. пудов угля для казенных железных дорог. «Мы сами идем навстречу промышленникам», — заявил по этому поводу на VII общеимперском съезде представителей промышленности и торговли один из руководящих чинов Министерства путей сообщения.

⁴ Журналы 8-го съезда..., стр. 34.

⁵ «Горнозаводское дело» разъяснило, как понимают монополисты «регулировку» синдикатов и трестов: «Цель этой регулировки дать свободно и безболезненно функционировать синдикатам и трестам... Желателен известный надзор и контроль..., но не опека над ними», причем «эта политика должна быть очень осторожна» (1914, № 25, стр. 9139).

не устраивал промышленных и финансовых воротил именно потому, что он содержал хотя и весьма условную, обставленную различными оговорками, возможность для правительства слегка ограничить такие специфические источники сверхприбылей монополистов, как таможенное покровительство или использование в их интересах железнодорожных тарифов. Особенное недовольство вызывала в промышленных кругах первая мера¹. Система таможенного протекционизма являлась одним из главных орудий, позволявшим наиболее могущественным монополиям в добывающей промышленности (к интересам которой эта система и была прежде всего приспособлена) безнаказанно взвинчивать цены на внутреннем рынке. Малейшее ослабление таможенного протекционизма поэтому категорически отвергалось монополистами, тем более, что приближался срок окончания торговых договоров, и вокруг пересмотра их уже заранее разгоралась борьба между помещиками и капиталистами, осложнявшаяся конфликтами между различными группами самих промышленников.

«Преследование» Продугля совпало по времени с выработкой правительством новых правил об акционерных обществах. В данном случае еще более наглядно, чем при составлении синдикатского законодательства, выявилась противоречивая попытка государственной власти пойти навстречу «новым явлениям», вызывавшимся к жизни развитием капитализма, сохраняя при этом в неприкосновенности экономические основы господства дворян-помещиков. С одной стороны, вводилась «явочная система» оформления акционерных обществ, при которой для создания новых обществ не требовалось, как прежде, специальное разрешение правительства. Вместе с тем как льготы, так и ограничения, предусмотренные уставами отдельных обществ (и потому весьма пестрые по характеру и применению), превращались в «норму», приобретали полностью или частично общеобязательную силу. За юридической по внешности операцией скрывалась определенная цель: прежде всего распространить на все акционерные предприятия ограничения в приобретении земли. И если при разработке и предварительном обсуждении законопроекта (в 1911 г.) эта цель еще не выдвигалась на первое место, то уже два года спустя весь вопрос об акционерном законодательстве повернулся именно в сторону ограничения акционерного землевладения.

Помещики-крепостники давно добивались этой меры. Оскудение дворянского сословия сопровождалось все возрастающим в своих размерах переходом земель из рук помещиков в руки новых хозяев — кулаков и городской буржуазии². Дворянству нужно объединиться не только политически, но и экономически, взывали ораторы на ежегодных дворянских съездах, иначе ему грозит не только потеря своего состояния, но и утрата основы своего политического господства. И чем ближе к предвоенным годам, тем эти голоса раздаются все громче и встревоженнее. «Враг близок, — в буквально панических тонах говорил орловский дворянин Шеншин на съезде 1911 г. — Вспомните то выражение, которое потрясало Рим. Вот, мне кажется, у нас действительно *ante portas* те враги дворян-

¹ «Теперь, в угоду демагогам и доктринарам, во всякое время может быть произведена ломка одного из оснований нашей промышленной жизни. Создается полная неопределенность, неуверенность в ближайшем будущем...», — раздраженно писал лейб-орган крупного капитала — журнал «Промышленность и торговля» (1913, № 9, стр. 395).

² За время с 1905 по 1910 г. из рук дворянства ушло 14 млн. дес. — почти треть всех дворянских земель (Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ, СПб., 1911, стр. 230).

ства, которые только ждут окончательной гибели дворянства в его экономической мощи, оставшейся у него, чтобы задушить, продать и захватить его положение»¹.

Не в столь напыщенных выражениях, но примерно с той же аргументацией выступали руководители земельного ведомства царизма, которое (как и Министерство внутренних дел) было одним из главных опорных пунктов «объединенного дворянства». По частному случаю — утверждению устава трех лесопромышленных акционерных обществ — товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством Риттих выступил (в апреле 1913 г.) с целой декларацией в Совете министров, заявив, что переход больших земельных пространств в собственность акционерных обществ «требует серьезного к себе внимания, так как расширение акционерного землевладения создаст в сельских местностях новую экономическую силу...»². Надо, призывал Риттих, допускать только аренду внегородских недвижимостей или ограничить размеры земельной площади, которую могут приобретать акционерные общества.

Созданное по этому поводу особое совещание намеряло установить в качестве предела собственности для обществ, «наиболее связанных по своей цели с эксплуатацией земли и имеющих наибольшие капиталы», 6 тыс. десятин, а сверх этого допускать приобретение земли — но не свыше 12 тыс. десятин — лишь с разрешения в каждом отдельном случае губернаторов и трех министров («по взаимному согласию») — внутренних дел, земледелия, торговли и промышленности³. Однако в конечном счете возобладала более решительная точка зрения — ограничить акционерное землевладение 200 дес., с тем чтобы помешать переходу больших площадей в руки «безымянного» капитала, стремящегося извлечь прибыль путем последующей распродажи этих земель. Характерна и ссылка на то, что рост акционерного землевладения может затруднить «осуществление проводимых ныне правительством землеустроительных операций», то есть столыпинской аграрной реформы⁴. 18 апреля 1914 г. новые правила об акционерных обществах были утверждены царем⁵.

Понятно, почему монополисты реагировали на эту меру правительства с особенной остротой. Если «ограничительные» и «карательные» статьи синдикатского законодательства носили в подавляющей части фиктивный характер и могли быть легко обойдены, то ограничение права приобретать земли было мерой реальной и ощутительной. Забеспокоились в первую очередь угольные и металлургические общества — владельцы больших площадей угленосных и рудных земель, стремившиеся к дальнейшей концентрации этих земель в своих руках (которая особенно

¹ Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ, стр. 230.

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 6, л. 2. Подчеркнуто мною. — М. Г. В первом проекте журнала Совста министров по поводу «Правил об акционерных обществах» эта же мысль сформулирована еще резче: «...акционерному землевладению почти всегда присущ своеобразный признак приобретения земли не в видах земледельческой ее эксплуатации, а для промышленных и даже спекулятивных целей... Вместе с тем земля обращается как бы в товар, втягивается в торгово-промышленный оборот и, ускользая из рук земледельческих сословий, переходит во власть безымянного акционерного капитала...» Поэтому «необходимо признать, что крупное акционерное землевладение представляет серьезную опасность и в конечном итоге скорее вредно для государства, чем полезно» (там же, л. 130).

³ Там же, л. 19. Подчеркнуто мною. — М. Г.

⁴ Там же, лл. 130, 255.

⁵ Там же, л. 268.

усилилась в предвоенные годы)¹. Новые ограничения ущемляли крупных сахарозаводчиков, верхушку московской буржуазии, приобретавшую торфяные земли для своих электростанций, интересы банковских воротил, непосредственно занимавшихся земельной спекуляцией в широких размерах. «Мера так невероятна, — заявил московский туз Крестовников, — что я отказываюсь верить, чтобы она стала фактом»².

Недовольство промышленников «ограничительными» мерами правительства не шло дальше словесных перепалок и кончалось полюбовными сделками по конфликтным вопросам. Верхом «оппозиционности» майского съезда промышленников 1914 г. было предложение Гужона (как раз в связи с обсуждением новых правил об акционерных обществах) обратиться с... ходатайством к царю. «Один только государь, — убеждал съезд этот буржуа-монархист, — может положить конец настоящему безвыходному положению промышленников»³. Однако председательствовавшему на съезде Авдакову даже и это предложение показалось чересчур «смелым», и он предложил ограничиться на первых порах обращением к главе царского правительства Горемыкину и услужливому Тимашеву. Текст телеграммы показывает всю ограниченность, своекорыстность позиции общеимперской организации, приспособленной именно к тому, чтобы ходатайствовать об интересах узкого слоя крупных и крупнейших капиталистов. Съезд начинается с того, что никаких тревожных признаков экономического порядка в настоящий момент нет (как уверял в этом при открытии съезда Тимашев). Есть только «неуверенность», порождаемая некоторыми проявлениями экономической политики: расширяющимся казенным предпринимательством, «не ограничивающимся удовлетворением потребностей государственной обороны, а стремящимся к соперничеству с частной промышленностью на народном рынке»; новыми ограничениями в деятельности акционерных компаний, которые ставят ее «в совершенно невозможное положение». «Крайне усиливают эту тревогу, — говорилось далее, — известия о возбуждении уголовных преследований... промышленных соглашений, представляющих необходимое и вполне нормальное явление в ходе промышленной жизни страны, необходимость законодательного регулирования (читай — легализации. — М. Г.) которых признана самим правительством». Поплакавшись на то, что все эти явления вызывают неустойчивость и задерживают развитие промышленной жизни, представители крупного капитала выражали уверенность в «благоклонном» отношении правительства к заключению съезда⁴.

Уверенность эта основывалась в немалой мере на позиции иностранного капитала, с интересами и «настроениями» которого царское правительство, влезшее в петлю кабальных займов, вынуждено было все больше и больше считаться. Неслучайно горнопромышленники Юга, а вслед за ними и общеимперский съезд особенно упирали на то, что «ограничительные» меры правительства вызовут и уже вызвали сокращение прилива иностранных капиталов⁵. Об этом дали понять правительству и

¹ Совет съездов горнопромышленников юга России приводил в специальной записке правительству следующие расчеты: в 1912 г. в пользовании 61 каменноугольной и антрацитной фирм, добывающих свыше 5 млн. пудов в год, находились земли собственной и арендованной 150,5 тыс. дес., то есть на 1 фирму в среднем 2470 дес. (См. Труды XXIX съезда горнопромышленников Юга. Отчет Совета съезда. Приложения, стр. 179; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 6, лл. 353—354).

² Интервью в «Русских ведомостях». Цит. по журн. «Нефтяное дело», 1914, № 10, стр. 29.

³ «Журналы 8-го съезда...», стр. 60.

⁴ Там же, стр. 110—111.

⁵ Преследование промышленных союзов, заявил на 8-м съезде Гужон, «сразу пресечет наплыв иностранных капиталов» (там же, стр. 114).

сами владельцы иностранных предприятий и капиталов, вложенных в русскую промышленность. Против новых правил об акционерных обществах в России резко выступила «Таймс»¹. В одной из русских буржуазных газет был воспроизведен (со слов очевидца — московского промышленника) разговор Коковцова, состоявшийся незадолго до отставки последнего, с крупным английским финансовым деятелем, который имел «обширные дела» на Кавказе. Речь шла о привлечении иностранных капиталов в Россию. Англичанин заявил, что он, например, «сокращает» свое участие в русских делах и постепенно переносит свою деятельность в другие страны². — Но почему же? — удивился Коковцов. — Ведь иностранцы пользуются у нас такими льготами?! Последовал изумительный по своей откровенности ответ: — Да, но нам недостает у вас одного условия, без которого мы обойтись не можем: у вас нет судей английского типа...³.

Дело не ограничивалось только частными разговорами, предупреждениями иностранной прессы и такими эффективными средствами воздействия, как понижение русских ценных бумаг на зарубежных, равно как и на петербургской биржах⁴. Иностранные монополии и банки пустили в ход и средства дипломатического нажима, которые в предвоенные годы стали уже довольно частым, чуть ли не обыденным явлением. Поскольку речь шла прежде всего о Продугле, наиболее активные действия предприняла французская дипломатия. Во французской публикации мы находим чрезвычайно красноречивый документ — составленный в политическом департаменте МИД Франции перечень вопросов, по которым президент Пуанкарэ и сопровождавший его во время поездки в Петербург глава тогдашнего французского кабинета Вивиани собирались переговорить с министром иностранных дел Сазоновым. Что бросается в глаза в этой записке? То, что вопросы, относящиеся к интересам французского капитала в России и получению русских заказов, стоят раньше, чем самые жгучие в обстановке предвоенного кризиса внешнеполитические, дипломатические вопросы. И на первом месте в перечне значится: «Дело Продугля (донецкий уголь)»⁵. Нам неизвестно, успели ли Пуанкарэ и Вивиани осуществить полностью составленную ими программу переговоров, или начало европейских событий, приведших к войне, помешало им в этом.

¹ См. «Голос Москвы», от 8 мая 1914 г.

² Слова о «сокращении» были, разумеется, сказаны с целью припугнуть царского министра. На самом деле английский капитал в предвоенные годы не «уходил» из России, а, напротив, усиленно внедрялся в народное хозяйство страны.

³ «Речь», от 3 мая 1914 г.

⁴ На это, как на один из главных доводов против «правил 18 апреля», ссылался общеперский Совет съездов промышленности и торговли в специальной записке правительству. Сокращение притока капиталов в результате новых ограничений, говорилось в записке, угрожает «весьма резкими потрясениями, чему некоторым признаком является происходящее в настоящее время и упорно не прекращающееся, несмотря на все меры, стесненное положение биржи» (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 6, лл. 359—360. Подчеркнуто мною. — М. Г.).

⁵ Documents diplomatiques français 1871—1914, Paris, 3-me serie (1912—1914), v. X, № 502, стр. 721. Еще раньше обратился с частным письмом к царскому министру иностранных дел один из фактических руководителей Продугля и крупных банков воротил Франции Поль Думер (бывший французский министр финансов и председатель палаты депутатов). «Живое волнение» среди французских финансистов и промышленников, вызванное мерами в отношении Продугля, намекал Думер, «может явить весьма прискорбные последствия». «Французское казначейство вложило в русскую промышленность капиталов на миллиарды франков... Безопасность этих капиталов скомпрометирована жестокими мерами, которые ничто не может оправдать» (АВПР, ф. Канцелярии МИД России, 1914, д. 323, л. 28. Впервые приведено в диссертации В. И. Бовыкина «Русско-французские отношения накануне первой мировой войны»).

Но французская дипломатия продолжала добиваться своего и после начала мировой войны. В конце сентября 1914 г. товарищ министра иностранных дел сообщал Щегловитову об официальном обращении французского посла Палеолога «с представительством в пользу общества Продуголь» и запрашивал, «не представлялось бы возможным пойти навстречу пожеланиям г. Палеолога»¹.

Правительство, как мы видели, никогда и не собиралось доводить «дело» Продугля до судебного процесса и тем более предавать материалы следствия широкой гласности. Недовольный чрезмерным рвением харьковского прокурора, управляющий Министерством юстиции телеграфировал ему 1 июня 1914 г.: «Благоволите безотлагательно прибыть в Петербург... До получения моих указаний воздержитесь от каких-либо действий по делу Продуголь». Петербургское начальство отвергло намерения прокурора допросить до 30 известных лиц в России и до 20 за границей, в том числе «самого» Думера. В начале июля 1914 г. прокурор получил указание: допрашивать «несущественных свидетелей в России», а о допросе остальных доложить в сентябре лично министру². С целью успокоения иностранных банков и монополий в конце мая 1914 г. в «Новом времени» появилась инспирированная правящими кругами статья «Наша финансовая политика»³. В статье подчеркивалось, что правительство отнюдь не собирается отступать от политики таможенного протекционизма. Что касается обострения синдикатского вопроса в связи с делом Продугля, то ведь инициатива, оправдывался автор статьи, принадлежала контрагентам, в то время как «административная власть стояла здесь совершенно в стороне». Конечно, говорилось далее, неурегулированность законодательства делает положение недопустимым, но правительство уже выработало проект закона, которым допускается существование синдикатов и иностранных торгово-промышленных объединений, при условии известного (вам, де, и нам хорошо, на практике, известного) «контроля» над деятельностью этих объединений. Затем давался ответ на наиболее острый вопрос — об ограничениях акционерных обществ. Статья успокаивала иностранцев: вам бояться нечего; вы получаете явочную систему, остальные ограничения «вовсе не касаются иностранных подданных». Правда, есть один общий (подчеркивалось в тексте) вопрос — об ограничении акционерных обществ: «в праве приобретения крупной недвижимой собственности в сельских местностях для предупреждения спекулятивного подъема цен на землю и чтобы не собирались большие латифундии в руках могущественных акционерных предприятий»⁴.

Спустя две недели то же самое повторил Горемыкин посетившей его делегации общеперского Совета союзов. Горемыкин быстро согласился с тем, что всякие излишние ограничения могут стеснить развитие промышленности. Но по его мнению положение не стоит вовсе так остро. Правительство придерживается лишь той точки зрения, что нежелательно сосредоточение в руках акционерных компаний больших земельных владений. Да и тут есть выход: «в отдельных случаях,— говорил премьер собравшимся у него представителям сильнейших монополий,—

¹ «Красный архив», 1926, т. 5 (18), стр. 146.

² Там же, стр. 145.

³ Статья появилась после напечатанного в органе французского финансового капитала, газете «Таи», сообщения из Петербурга о готовящемся, в связи с пересмотром торгового договора с Германией, понижении таможенных пошлин, «суровых» преследованиях синдикатов, ограничении прав акционерных обществ и падении, в связи с этим, русских ценных бумаг.

⁴ «Новое время», № 13721, от 25 мая 1913 г. Подчеркнуто мною.— М. Г.

будут сделаны исключения; по отношению к некоторым обществам такие отступления уже сделаны, после издания правил»¹. Гораздо проще решался вопрос о «стеснениях» промышленных соглашений. Горемыкин заявил, что вполне понимает их закономерность, обещал, что проект о синдикатах, уже законченный разработкой, вскоре поступит в Государственную думу. «Возбужденным же уголовным преследованиям против отдельных соглашений,—многозначительно добавил он,—не следует придавать преувеличенного значения»². Уже тогда правительство было вполне готово пойти навстречу «пожеланиям» дипломатических агентов французского империализма, и если дело Продугля не было сразу же прикончено, то лишь потому, что в грозной для царизма обстановке авангардных боев новой революции такой шаг казался, видимо, рискованным.

Прошло несколько месяцев, почти год, уже стали покрываться пылью накопленные следствием материалы, изобличавшие Продуголь в организации топливного «голода», нанесшего немалый ущерб подготовке царской России к войне, когда Щегловитов официально известил Горемыкина, что «предварительное следствие по делу о стачке углепромышленников и торговцев углем Донецкого бассейна, входивших в состав общества Продуголь», прекращено «за недостаточностью (1) собранных улик»³.

Таков был финал «дела» Продугля, крайне типичного для синдикатского вопроса в целом. Не менее, если не более, поучительна судьба «Правил об акционерных обществах», просуществовавших лишь около трех месяцев. Царское правительство вначале отступило перед натиском сильнейших групп крупного капитала — угольно-металлургических и сахарной монополий⁴. Затем оно капитулировало полностью. 15 июля 1914 г. Горемыкин обратился со специальным докладом к царю. «Кратковременный опыт применения изъясненных ограничительных правил,—говорилось в докладе,—уже успел, однако, выяснить с достаточной очевидностью, что правила эти отразились весьма стеснительным образом на положение акционерного дела в стране»⁵. Далее Горемыкин ссылаясь на «осложнение международных отношений» (надвигалась империалистическая война и конфликт с представителями «отечественного» и особенно союзнического капитала, чьи интересы представлял «сам» президент Пуанкарэ, казался особенно неуместным). «Наиболее удобным выходом из создавшегося положения,—говорилось в заключение,—было бы, хотя бы временное, возвращение к прежней... практике Совета министров, согласно коей не было установлено для акционерных компаний

¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, л. 141 (из журнала заседания комитета Союза съездов, сообщение Авдакова). Еще дальше пошел в своих «разъяснениях» Тимашев, которого посетила эта же делегация промышленников. «Ни один министр,—заявил он,—не подал бы своего голоса за ограничение деятельности акционерных компаний, далеких от земельной спекуляции». Если данная редакция, прикинулся наивным Тимашев, вызывает «недоразумения», правительство может дать специальное разъяснение (там же, л. 142).

² Там же, л. 143.

³ «Красный архив», 1926, т. 5 (18), стр. 146.

⁴ На телеграмму одного из руководителей сахарного синдиката графа А. Бобринского, в которой правила расценивались, как «серьезное стеснение для сахарной промышленности», последовал официальный ответ Совета министров: новое Положение, заверяли авторы ответа, «ни в чем не затрагивает прав существующих уже компаний... Независимо от сего, вышеупомянутое положение Совета министров едва ли вообще затрагивает интересы сахарной промышленности, ибо Положение это, отнюдь не воспрещая приобретения акционерными обществами земельных имуществ в ничем не ограниченных размерах..., ставит лишь такое приобретение в зависимость от действительной потребности в земле...» (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 6, лл. 319—321; подчеркнуто мною.—М. Г.).

⁵ Там же, лл. 368—369.

ограничений в приобретении земельных имуществ...». На другой же день последовала трафаретная резолюция Николая II: «согласен»¹.

Приведенные нами факты не исчерпывают, разумеется, всей проблемы взаимоотношений монополистического капитала и царизма в предвоенные годы. Однако они отчетливо показывают основные тенденции развития этих взаимоотношений: нарастающее сближение финансовой олигархии и правительственного аппарата, становящегося в ряде своих звеньев орудием сильнейших монополий; лавирование царизма между помещиками и крупным капиталом — с все более частым перевесом в экономических вопросах в пользу промышленных и банковых воротил.

Было бы исторически неверным сбрасывать со счетов противоречия между помещиками и империалистической буржуазией. Но еще более ошибочно было бы абсолютизировать эти противоречия, не замечая коренного, общего, что объединяло оба эксплуататорских класса как в политическом, так и в экономическом отношении. «Меньшевики, — говорил В. И. Ленин на Четвертой конференции РСДРП в 1907 г., — затвердили один шаблон: классовые интересы буржуазии *должны* столкнуться с самодержавием! Но в этом вульгарном якобы марксизме нет ни грана исторической правды. Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими «реформами» они не затаили на долгие годы петлю на шее трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство в своей сделке с буржуазией способно согласиться на иного рода реформы?»².

Одной из таких «реформ» и должно было явиться подготовлявшееся царским правительством синдикатское законодательство. Его классовая природа запечатлена не только в откровенно антирабочих статьях, о которых говорилось выше. Легализация монополий и их политики цен вела в целом к усилению капиталистической эксплуатации, понижению реальной заработной платы рабочих, вполне отвечая общему направлению социальной политики третьеиюньской монархии.

Союзу черносотенных помещиков и магнатов финансового капитала противостоял революционный лагерь, решающей силой и вождем которого был пролетариат. Его партия последовательно и непримиримо разоблачала гнет монополий, противопоставляя социальной демагогии и лицемерным воздыханиям помещичье-буржуазных партий призывы к решительной революционной борьбе, к сопротивлению пролетариата. «Ни одной реакционной *меры* вроде запрещения трестов, ограничения торговли и т. п. марксисты не защищают», — писал В. И. Ленин Горькому в 1911 г. Задача партии пролетариата — не мешать росту капитализма, это было бы «донкихотизмом», а обличать его, говорить рабочим: «Жрет-де и сожрет, душит и задушит, сопротивляйтесь»³.

Большевики выдвинули подлинно революционную программу действенного контроля над синдикатами и трестами, обуздания их ненасытных аппетитов, прекращения их преступной деятельности. Первые ее наметки, данные В. И. Лениным еще в статьях 1912—1914 гг., были развиты им в стройную систему взглядов в годы империалистической войны и воплощены в экономической платформе большевиков, разработанной партией накануне Великой Октябрьской социалистической революции и рассчитанной на победу рабочего класса, на переход власти в руки трудящихся масс.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 6, л. 368.

² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 125.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 384.

А. М. ПАНКРАТОВА

**ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА И ЕЕ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА
РОССИИ (60—90-е годы XIX в.)**

Из широкого круга вопросов, составляющих содержание проблемы формирования промышленного пролетариата в России, недостаточно разработан советскими историками вопрос о пролетаризации крестьянства в пореформенный период, в частности вопрос о конкретных формах пролетаризации крестьянства и роли каждой из них в создании постоянных рабочих кадров для капиталистической промышленности России.

В. И. Ленин, изучавший этот вопрос с точки зрения общего процесса капиталистического развития России, выражал сожаление, что он не мог подробно и детально исследовать формы пролетаризации крестьянства, хотя общую оценку этого процесса он дал в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» и в ряде других работ. Приводя материал из книги К. Каутского «Аграрный вопрос» о сторонних заработках и процессе пролетаризации крестьянства в Германии, В. И. Ленин писал: «Формы пролетаризации крестьянства (формы крестьянских подсобных промыслов) исследованы Каутским в высшей степени обстоятельно... К сожалению, место не позволяет нам подробно остановиться на характеристике этих форм (сельскохозяйственная работа по найму, кустарная промышленность — *Hausindustrie* — «гнуснейшая система капиталистической эксплуатации»; работа на фабриках и рудниках и т. п.). Отметим только, что оценку *отхожих промыслов* Каутский дает именно такую, какую дают и русские ученые»¹.

В тот период, когда К. Каутский писал свой «Аграрный вопрос», он был еще марксистом — во всяком случае, он еще не растерял того идеального наследства, которое ему было оставлено великими вождями и учителями пролетариата К. Марксом и Ф. Энгельсом, в тесном общении с которыми он находился в годы своей политической молодости. Вот почему В. И. Ленин, гениально разработавший в тот период марксистскую теорию применительно к опыту России, внимательно изучал и положительно отзывался о некоторых научных трудах Каутского. В данном случае он обратил свое внимание на такие важные социально-экономические процессы, как различные формы пролетаризации крестьянства, в особенности на участие крестьян в промыслах и в сельскохозяйственных работах по найму, отрывавших мелкого производителя от сельскохозяйственного производства и постепенно переводивших его в новую социальную группу — в общую массу пролетаризированной бедноты, являющейся одним из важнейших резервов формирования нового общественного класса — пролетариата.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 123.

Эта проблема в целом не может быть исследована в рамках одной статьи. Советские историки (особенно на конкретном материале отдельных районов и областей) могут и должны изучить вопрос о разных формах пролетаризации крестьянства. Такого рода монографическое изучение даст большой конкретный материал, обобщение которого В. И. Ленин считал важной научной задачей. В данной статье сделана попытка обобщить некоторый материал первоисточников и, в частности, привлечь внимание историков к монографическому изучению состава рабочих на отдельных предприятиях в связи с процессом пролетаризации деревни.

* * *

Ко времени реформы 1861 г., по данным Департамента мануфактур и торговли, в обрабатывающей промышленности Европейской России насчитывалось свыше полумиллиона (565 тыс.) рабочих. Реформа на первых же порах создала резервную армию труда, в несколько раз превышавшую уже занятых в промышленности рабочих. Вопрос о свободной рабочей силе, требовавшейся для капиталистической промышленности, был разрешен в таких размерах, каких промышленность не могла сразу использовать. Между тем условия реформы приводили к дальнейшему обезземелению крестьян и к еще большему увеличению резервной армии труда.

Реформа 1861 г. способствовала ускоренному созданию внутреннего рынка. Сельское хозяйство после реформы, связываясь с рынком и приспособляясь к его требованиям, становилось все более и более товарным. Процесс разложения мелких товаропроизводителей и их распад на классы буржуазного общества ускорился. Процесс отделения самостоятельного производителя от орудий и средств производства происходил не только под воздействием развивающихся капиталистических отношений, но и сохранившихся в стране крепостнических пережитков.

Не следует, однако, смешивать процесс обнищания или пауперизации мелких производителей с процессом пролетаризации. В. И. Ленин указывал, что разорившиеся и обнищавшие мелкие производители становятся пролетариями лишь в том случае, если их рабочая сила поглощается крупной машинной индустрией. В живой действительности эти процессы были взаимно связаны и представляли диалектическое единство, в котором, однако, были различные стороны. При изучении источников формирования промышленного пролетариата и исторических условий превращения разоренных мелких производителей в особый класс пролетариев приходится расчленить процесс взаимодействия города и деревни и рассматривать его с разных сторон.

В результате развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве крестьянство распалось за счет среднего слоя на две крайние группы, создавая новые классы современного общества — сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Характеризуя сельский пролетариат как класс наемных рабочих с наделом, В. И. Ленин писал: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом»¹.

Давая основные признаки этого нового типа и раскрывая особенности его положения, В. И. Ленин продолжал: «Ничтожный размер хозяйства

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы (= «промыслы» неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа»¹.

Некоторые земские статистики, например, проф. Янсон в своем «Опыте статистического исследования крестьянских наделов и платежей», пользуясь официальными данными, доказывали, что отведенные крестьянам наделы в большинстве случаев недостаточны даже для их пропитания и что в связи с чрезмерной тягостью податей и повинностей крестьяне разоряются и пролетаризируются. В 70-х годах, по расчетам Ю. Янсона, в черноземных губерниях крестьянские платежи превышали чистый доход с крестьянского надела в $1\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ раза, а в нечерноземных — в 2 — $6\frac{1}{2}$ раз. Господство крупного дворянского землевладения, чересполосица помещичьих земель с крестьянскими, распространенность отработочной аренды, непосильная тяжесть выкупных платежей и крестьянских повинностей, правовые ограничения крестьян, безграничность административного произвола — все это, с одной стороны, тормозило развитие капитализма в сельском хозяйстве, а с другой — разоряло и ускоряло разложение крестьянства. Это разорение происходило интенсивными темпами с первых дней осуществления крестьянской реформы 1861 г. Уже реформа оторвала от земли до 2,6 млн. человек, или около 11,4% крестьян мужского пола, ранее слабо связанных с землей².

В последующие годы, как показано в статистическом исследовании П. Лохтина, процесс обезземеления происходил со все возрастающей интенсивностью. П. Лохтин озаглавил свой труд «Безземельный пролетариат в России», следуя общепринятому в народнической и либерально-буржуазной литературе обыкновению считать любого обезземеленного крестьянина «пролетарием». Но обезземеление крестьянина не всегда означало непременно его пролетаризацию, — оно чаще всего было лишь первым шагом, естественным толчком к превращению крестьян в пролетариев, если такие обезземеленные крестьяне продавали свою рабочую силу в качестве наемных рабочих на фабриках и заводах или в земледельческих хозяйствах.

Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве с конца 1870-х годов осложнился аграрным кризисом, вызванным резким падением хлебных цен на мировом рынке, в связи с конкуренцией дешевого заокеанского хлеба. Приток хлеба в Западную Европу из Соединенных Штатов Америки, Канады, Австралии и Аргентины создал сильную конкуренцию для русского хлеба. Цены на хлеб резко упали. Аграрный кризис еще более разорил массы крестьянства. Лишение мелкого производителя средств производства пошло еще быстрее. Многие крестьянские семьи вынуждены были продавать свою рабочую силу и искать заработков на стороне.

Разорение крестьянского хозяйства ускорялось и частыми неурожаями. Такие неурожай с конца 1880-х годов следовали один за другим. После неурожая 1891 г. голод охватил 26 крупнейших губерний. Вслед за голодом 1892 г. разразилась эпидемия холеры, которая косила изголодавшееся население страны. Правительство не принимало почти никаких мер по борьбе с голодом и эпидемией. После неурожайных и голод-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

² П. Лохтин. Безземельный пролетариат в России, М., 1905, стр. 30.

ных лет число крестьян, ушедших впервые на заработки, обычно достигало 20—30 %.

Таким образом, резервная армия труда, источником которой являлось разорение крестьянства, после реформы 1861 г. непрерывно росла. П. Маслов устанавливает для 1899 г. цифру избыточного сельского населения в 60 губерниях России в 12 млн. чел. П. Лохтин, рисуя картину роста экспроприированных слоев мелких производителей в деревне, делал в начале XX в. следующий вывод: «Со времени реформы 1861 года превращено в безземельных пролетариев в 46 губерниях России около четвертой части наличного крестьянского населения. Из вновь появившихся дворов более одной трети безземельные, из общего числа крестьянских дворов в настоящее время (1905 г.— А. П.), вероятно, уже каждый десятый или одиннадцатый двор безземельный... Около $\frac{2}{3}$ русского крестьянства пропитания на земле не находит и принуждены покинуть родные места навечно или же должны беспрерывно странствовать по государству в судорожных поисках заработка и средств существования»¹. Количество обезземеленных крестьян для 46 губерний в 1893 г. П. Лохтин устанавливал в 7293 тыс. чел., или 22,4 % общего количества крестьян в этих губерниях.

Эти цифры, как и вообще подсчеты П. Лохтина, надо признать лишь приблизительными, ибо состояние как официальной, правительственной, так и земской статистики, касающейся численности различных разрядов населения, особенно крестьян и рабочих, было ниже всякой критики. Правительство за все время с 1861 по 1897 г. (до первой всероссийской переписи) не провело ни одного цифрового обследования обезземеления крестьян. Земские статистические исследования в 80—90-х годах производились, но и они подходили к своим подсчетам с предубежденным народническим мнением о невозможности образования «безземельного пролетариата» при общинном устройстве крестьянских хозяйств.

П. Лохтин утверждал, что большинство крестьян стало безземельными не сразу после реформы 1861 г., а в более позднее время. Многие крестьяне, не наделенные во время реформы землей, покинули в 1880-х годах свои селения. П. Лохтин делает предположение, что в большинстве уездов безземельные дворы — новейшего происхождения. Такие безземельные дворы могли появиться, по его мнению, вследствие разделов семей и ненаделения выделившихся крестьян землей. В безземельные поступали и лишившиеся наделов при переделах общинных земель дворы, а также покинутые работниками и т. п. В некоторых губерниях, как, например, Московской, Калужской, Нижегородской и других, не только не происходило наделения выделившихся крестьян землей, но была обезземелена и часть старых дворов. В Московской губ., например, весь прирост числа крестьян за 35 лет (45,5 %) был обращен в «безземельный пролетариат»².

По отдельным губерниям степень обезземеления крестьянства в пореформенный период рисуется в следующем виде. По данным «Свода статистических сведений по сельскому хозяйству», в Курской губ. насчитывалось 2,1 % безземельных крестьян, в Орловской — 3,4 %, в Тульской — 3,9 %, в Воронежской — 3,8 %, в Саратовской — 5,4 %, в Пензенской — 4,2 %, в Нижегородской — 11,6 %, в Киевской — 14,7 %, в Харьковской — 6,4 %, в Полтавской — 11,4 %³.

¹ П. Лохтин. Указ. соч., стр. 166.

² Там же, стр. 60.

³ Н. В. Шаховской. Земледельческий отход крестьян, СПб., 1903, стр. 47.

Известный в 70-х годах своими либерально-народническими воззрениями кн. А. И. Васильчиков, взгляды которого на аграрный вопрос критиковал В. И. Ленин, с сокрушением отмечал «очень знаменательное и крайне прискорбное» явление — зарождение в России сельского пролетариата. Показывая по ряду уездов, как велико число безземельных, Васильчиков отмечал, что повсюду безземельные не занимаются хлебопашеством и не имеют постоянной оседлости, а проживают на положении бобылей или наемников. Они нанимаются к зажиточным крестьянам или сельским обществам в пастухи, сторожа, казаки и составляют «первый зародыш сельского пролетариата в России»¹. За 10 лет со времени реформы, по подсчетам А. Васильчикова, число таких «безземельных пролетариев» составляло от 5 до 15% всех крестьянских дворов².

Деятель Вольного Экономического общества Чаславский в 1872 г. представил в правительственную «Комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства» записку об обнищании бывших помещичьих крестьян Смоленской, Московской и Ярославской губерний, получивших малые наделы, но плативших большие подати, чем государственные и удельные крестьяне. «Государственные крестьяне,— писал Чаславский,— платили с десятины 45 коп., удельные — 15 коп., бывшие помещичьи — собственники — 2 р. 60 к., оброчные 4 р. 50 к.... Такие огромные платежи причина того, что крестьяне должны уходить большими массами в отхожие промыслы»³.

Земские обследования приводят много примеров того, как происходило «выталкивание» мелкого производителя из сферы сельскохозяйственного производства, как для него возникала объективная необходимость искать заработков на стороне. В 1877 г. в Подольском уезде Московской губ. 1684 семьи, или почти 12% всех крестьянских семей, совсем не имели не только земли, но даже собственных жилищ. С 1869 по 1877 г. число бездомных в уезде увеличилось более чем в три раза. «Мы полагаем,— пишет земский обследователь,— что факт этот стоит в прямой зависимости от состояния земледелия. Крестьянин лишается возможности иметь лошадь,— он перестает заниматься хлебопашеством; затем по необходимости должен расстаться и с коровой, которую без собственного хлебопашества прокормить трудно; остается у крестьянина один дом, но его надо протапливать, а между тем хворосту привозить не на чем; надо ежегодно исправлять крышу, но соломы своей нет, а купить дорого; да и что же «бесхозяйный» крестьянин получил возле своего дома?». Чтобы прокормить семью и заплатить все следуемые повинности, разоренный крестьянин вынужден искать «сторонних заработков». «И вот хозяин решается расстаться со своей избой, продав ее за 10—15 рублей, и нанимается в батраки, или же отправляется куда-нибудь на фабрику; жена его, если у нее есть малые дети, живет за «христа ради» у кого-нибудь из соседей, питаясь «чем бог пошлет», а если нет детей, то отправляется тоже куда-нибудь на заработки, и таким образом хозяйство крестьянина аккуратно разрушается»⁴.

В результате малоземелья появились такие «вымирающие деревни», как село Ново-Животинное и деревня Моховатка Воронежской губ., описанные А. И. Шингаревым. Дарственный «нищенский» надел, который

¹ А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I, СПб., 1876, стр. 539—540.

² Там же.

³ «Поклад комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства», Приложение, т. VI, ч. II, 1873, стр. 81, 82.

⁴ «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. II, М., 1878, стр. 50.

здесь получили крестьяне после 1861 г., не мог обеспечить, по выражению Шингарева, «даже клопов и тараканов». Здесь все крестьяне являлись пауперами. Особенно много таких пауперов и малоземельных было в малопродуктивных губерниях. Рядом с богатыми, применявшими наемный труд, здесь росло число обнищавших крестьян, живших наемным трудом. В юго-восточных и южных губерниях, где преобладала капиталистическая аренда, применялся труд пришлых крестьян из других губерний. В районах с избыточным земледельческим населением быстро формировался новый класс — сельскохозяйственные рабочие. В этих районах преобладали мелкое хозяйство, низкая заработная плата и уход обнищавших крестьян на сторону, переселение в Сибирь и другие губернии.

Пауперизированная масса крестьян, задавленная нуждой и кабалой, не сразу и не окончательно освобождалась от средств производства, хотя надел был теперь для нее тяжелым бременем. Итогом иногда длительной нужды и разорения являлось «раскрестьянивание», как первый шаг к пролетаризации. В 90-е годы, по данным В. И. Ленина, «к представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что соответствует приблизительно $\frac{4}{10}$ населения)», т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян...¹ В недрах этих социальных групп сельского населения и создавались те резервы, из которых формировался пролетариат в течение всего пореформенного сорокалетия. Процесс «раскрестьянивания» в пореформенный период был «русской вариацией» того процесса первоначального накопления, о котором писал К. Маркс в своем «Капитале».

Народники видели в разорении крестьянства лишь упадок «народного производства», а не превращение «патриархальной» деревни в капиталистическую. Они оплакивали «горькую долю» разорявшегося крестьянства и не видели прогрессивной стороны этого процесса, связанной с потенциальной пролетаризацией разоренных крестьян, то есть с возможностью продажи ими своей рабочей силы и превращения их в новый класс наемных рабочих.

Оценивая историческое значение разложения крестьянства как источника формирования пролетариата, В. И. Ленин указывал, что народники не понимали, что «дело идет именно о процессе *создания* рабочих и *хозяев*»². Они превратно рассматривали капитализм только как создание «чистого» пролетария, без наличия надела. Они строили иллюзии о возможности для России избежать «язвы пролетариатства», возлагая все свои упования на «социалистическую» общину.

Резко критикуя такого рода утопические воззрения, В. И. Ленин писал: «Следует добавить, что в нашей литературе зачастую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего. Это вполне верно, как основная тенденция, но в земледелии капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм. Наделение сельского рабочего землей делается очень часто в интересах самих сельских хозяев, и потому тип сельского рабочего с наделом свойственен всем капиталистическим странам»³.

Эту же мысль В. И. Ленин повторяет и в своей статье «Капитализм в сельском хозяйстве», разоблачавшей упрощенческие взгляды «легального марксиста» Булгакова. Сославшись на материал, приводимый в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

² Там же, стр. 135.

³ Там же, стр. 145—146.

книге Каутского «Аграрный вопрос», и солидаризируясь с его выводом о том, что «совершенно неимущий сельский рабочий — редкость», В. И. Ленин писал: «Сельскохозяйственная наемная работа мелких земледельцев (или, что то же, тип батрака и поденщика с наделом) есть явление, свойственное, в той или другой степени, всем капиталистическим странам»¹.

Вместе с тем В. И. Ленин указывал и на особенности создания в России, по сравнению с Западной Европой, нового типа «рабочего с наделом». В то время как в западноевропейских капиталистических странах (или в Прибалтике) нередко сами владельцы крупных имений наделяли сельскохозяйственных рабочих клочком земли, стремясь задержать их передвижение и создать для своих хозяйств постоянные кадры, в России ничтожный надел не только не задерживал, а стимулировал отход в самых широких размерах.

В западноевропейских странах передвижение обнищавшего населения происходило главным образом в форме эмиграции. Свободных и малозаселенных земель в этих странах не было. Поэтому земледельческий отход не мог практиковаться в большом размере. Наибольший контингент движения на заработки в промышленные центры давали в Западной Европе поденщики, батраки, земледельческие рабочие, то есть работники, наименее привязанные к земле. Сельскохозяйственная анкета, опубликованная в Англии в 1897 г., показала, что число земледельческих рабочих здесь с 1861 по 1891 г., то есть за три десятилетия, уменьшилось на 364 315 чел., или на 31,3%². Повидимому, эту излишнюю рабочую силу в сельском хозяйстве вытеснила машина и поглотили крупная фабрично-заводская промышленность и всякие другие городские занятия. Немалая часть, как обычно, осталась вне производительной работы, пополняя капиталистическую резервную армию труда.

В России, где рабочие и крестьяне страдали не только от развития капитализма, но и от недостаточного его развития, картина была иная. Здесь отход не сокращался, а рос, являясь одним из наиболее ярких проявлений «раскрестьянивания».

Процесс «раскрестьянивания», обрисованный нами выше, вовсе не был только процессом экспроприации у крестьянина земли. В своей основе он заключался в лишении возможности крестьянина-земледельца заниматься хозяйством на своей земле в размере, обеспечивающем жизненные потребности крестьянина и его семьи. Необходимость поиска «сторонних» заработков, помимо земледелия, вызывалась для огромного большинства крестьян прежде всего тем, что своего хлеба для прокормления семьи не хватало. Особенно это верно для большинства нечерноземных губерний. Московские земские статистики в 70—80-х годах XIX в. показали, что безземелье, малоземелье, избыток в семье рабочих рук, обременительные платежи и недоимки и другие подобного рода причины побуждали крестьян искать дополнительных заработков. Такие крестьяне отнюдь не намеревались навсегда расставаться не только со своим хозяйством, но и с надеждой когда-либо поправить свои дела.

Московские земские статистики в середине 1870-х годов выяснили, что в 416 селениях Рузского уезда при общем числе 11 982 домохозяев только 3,5% всех домохозяев могли рассчитывать «до нови»

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 120.

² Э. Вандервельде. Деревенский отход и возвращение на лоно природы. Одесса, 1904, стр. 11—12.

продержаться на своем хлебе. У остальных своего хлеба могло хватить лишь до зимы и в крайнем случае — до весны¹.

По исчислению Б. Ленского, автора известной работы «Отхожие промыслы в России», по всей Тверской губ. в 1870-х годах наличного хлеба не доставало ежегодно на 1156 тыс. руб.; если же причислить налоги и сборы на сумму 5144 тыс. руб., то создавался ежегодный дефицит в 6300 тыс. руб. Этот дефицит и покрывался главным образом участием крестьян в отхожих промыслах.

По Московской губ. отхожим заработком нужно было пополнить громадную сумму такого же дефицита в размере 10 315 322 руб. Те же московские статистики, обследуя хозяйственное положение московских крестьян в 1877 г., ставили вопрос крестьянам, не занимающимся хлебопашеством, чем они живут, и получали такие ответы:

«Живут поденщиной, через день хлеб едят; всего имущества имеют на 15—20 рублей» (Молода Подольского уезда).

«Живут на стороне в мастерских; с ними живут и жены, дети помирают» (Скурыгино Молодинской волости).

«Живут на стороне в мастерских; с ними живут и жены, дети побираются» (Панино той же волости).

«Муж на заработках; жена и дети нанимают квартиру в своей деревне за «христа ради» (Кленово)².

При опросе рабочих на санитарно-продовольственных пунктах Самарской губ. в 1899 г. о причинах, побудивших искать заработки, получены следующие ответы³ (цифры означают число опрошенных рабочих):

Таблица 1

Губернии	Недостаток заработка на месте	Безземелье	Малоземелье	Избыток в семье рабочих рук	Обременены недоимками и долгами	Плохой урожай
Самарская	3068	235	1289	181	3247	3511
Пензенская	661	231	6541	192	2432	2678
Саратовская	3221	882	2411	219	633	3378
Симбирская	659	242	1232	43	556	606
Нижегородская	261	33	405	4	152	175

Таким образом, главной причиной отхода на заработки была нужда, являвшаяся результатом малоземелья и безземелья, а также обременения населения недоимками и долгами.

В упомянутом ранее труде Н. В. Шаховского приводятся данные, показывающие, что в отход шли преимущественно крестьяне, имевшие незначительные наделы, не превышающие трех десятин. «Из получивших «четвертные наделы», — пишет Шаховской, — образовалось полубродячее население, которое должно искать постоянных заработков на стороне»⁴.

По данным врачебно-продовольственных пунктов Херсонской губ. за 1893—1894 гг., главную массу пришлых рабочих составляли крестьяне, имевшие незначительные наделы размером в одну-две десятины. Наибольшее число отходников давали также хозяйства, либо совсем не имев-

¹ «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. II, стр. XXXI.

² Там же, стр. 55.

³ П. Маслов. Аграрный вопрос в России, СПб., 1905, стр. 414.

⁴ Н. В. Шаховский. Указ. соч., стр. 50.

шие скота, либо имевшие его в небольшом количестве. Автор исследования о сельскохозяйственных рабочих в Херсонской губ. произвел опрос 5703 рабочих, пришедших для найма на сельские работы в Березовку Херсонской губ., о количестве имевшегося у них скота. Он получил ответы, из которых видно, что свыше двух тысяч отходников совсем не имели скота. На анкету они отвечали: «не заводили», «не из чего держать», «так как самим не с чего жить». Некоторые даже заявляли, что скота у них «сроду не бывало», а другие показали, что потеряли скот в голодные годы, а без скота поднять хозяйства не могли: «После голодного года продали скотину с публичного торга за хлебные ссуды»; «скотину съели в голодные годы»¹.

Отхожие промыслы способствовали росту семейных разделов. После отмены крепостного права большие семьи все чаще и чаще распались. Иногда разделившиеся семьи жили в одной избе, так как раздел имущества ослаблял рабочую силу крестьянских семей. Для раздела требовалось согласие родителей и утверждение сельского схода. После издания закона 18 марта 1886 г., запрещавшего раздел до уплаты всех недоимок и повинностей, количество самовольных разделов увеличилось в 20 раз. Если старший член семьи на раздел не соглашался, младший уходил из дома самовольно; если не представлялось возможности для отделившихся устроить самостоятельное хозяйство, они уходили из деревни на фабрику или в качестве батраков в сельскохозяйственные имения. Таким образом, семейные разделы, несмотря на все препятствия, с каждым годом увеличивались и являлись одним из важнейших факторов пополнения кадров отходников.

В 80—90-х годах XIX в. появился ряд трудов С. Короленко, Руднева, Тезякова, Кудрявцева, Шаховского и других, в которых был приведен громадный фактический материал о положении сельскохозяйственных рабочих, уходивших на заработки в отхожие промыслы. Обобщив этот обширный фактический материал и подвергнув его марксистской критике, В. И. Ленин сделал вывод о том, что громадная масса крестьян, бросавших свой дом и надел, «свидетельствует наглядно о гигантском процессе превращения мелких земледельцев в сельских пролетариев, о громадном спросе растущего земледельческого капитализма на наемный труд»².

Общее количество сельских рабочих, работавших по найму в качестве батраков, поденщиков, пастухов, работников при скотных дворах и т. п., определил (с округлением) в 3,5 млн. человек статистик-экономист Н. Ф. Руднев, работу которого («Промыслы крестьян Европейской России») В. И. Ленин считал весьма ценной. Однако эту цифру в 3,5 млн. чел. В. И. Ленин считал минимальной, тем более, что в нее не входила та масса крестьян, для которых земледельческие работы по найму составляли не главное, а столь же существенное занятие, как и собственное хозяйство.

По подсчетам С. Короленко, в конце 1880-х годов в губерниях перенаселенного земледельческого центра избыток рабочих рук сравнительно с местным спросом на них достигал 5365 тыс. чел. Эта громадная рабочая армия двигалась как на север в промышленные центры, так и особенно на юг, где в этот период ощущался недостаток рабочих рук для сельского хозяйства. Таким образом, определялись два основных потока отхожих промыслов — земледельческий и неземледельческий.

¹ Н. И. Тезяков. Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губ., Херсон, 1896, стр. 73—75.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 202.

Количество рабочих, ежегодно уходивших из деревни на сторонние заработки, росло с каждым годом. Это видно по записям паспортных книг, которые велись в волостных правлениях. Общее число паспортов и билетов, записанных в паспортные книги в волостях, по вычислениям земских статистиков, для 148 уездов Европейской России определялось в 5,1 млн. работников мужского пола, из них наймом на сельскохозяйственные работы занималось 25 % всех мужчин в черноземной полосе и 10 % в нечерноземной¹. Таким образом, как устанавливает Н. Ф. Руднев, ежегодный отход на сторонние заработки крестьян возрос с 1 291 280 чел. в первое десятилетие после реформы до 5,5 млн. к 1880-м годам и до 7 млн. чел. к концу века.

По некоторым губерниям число уходивших было особенно велико. Из 100 мужчин рабочего возраста уходило (по губерниям)²:

Курской (по 14 уездам)	54 чел.
Рязанской (по 12 уездам)	58 „
Воронежской (по 12 уездам)	62 „
Нижегородской (по 5 уездам)	66 „
Тверской (по 9 уездам)	70 „
Вятской (по 9 уездам)	72 „
Московской (по 12 уездам)	80 „
С.-Петербургской (по 7 уездам)	83 „
Смоленской (по 5 уездам)	91 „

Особенно велики были размеры отхода в таких промышленных губерниях, как Московская и Владимирская. Как видно по взятым паспортам, всего уходило из Московской губ. в 1899 г. 361 698 чел., или 27,1 % всего крестьянского населения, а в 1900 г. — 386 357, или 28,9 %³.

Земледельческий отход был распространен главным образом в черноземные губернии. Так, из северной и центральной частей России ранней весной большие партии рабочих направлялись в южные и юго-восточные окраины, в степные, редко населенные местности Бессарабии, Херсонской, Таврической, Ставропольской губерний, Области Войска Донского и Кубани. Большая часть сельских работников в этой полосе состояла из пришлых людей. Одна часть их — так называемые сроковые рабочие — приходили с весны до осени, другая часть являлась на короткое время летом для спешных работ по уборке трав и хлебов. Эти рабочие нанимались либо на все страдное время, либо подесятинно или поденно. Но заработки пришлого населения были крайне неустойчивы и целиком зависели от спроса и предложения, а последний в большой мере определялся урожаем.

Гонимые крайней нуждой, крестьяне центральных губерний отправлялись в различные места найма, не имея никаких сведений ни об урожае, ни о размерах потребности в рабочей силе, обычно по примеру прошлых лет или под влиянием слухов о хорошем урожае. Иногда для привлечения рабочих и удешевления их труда помещики распространяли заведомо ложные слухи об обильном урожае. Тысячи отходников устремлялись в эти районы, сбивали цену труда друг другу, и многие, так и не получив работы и вконец обнищав, с трудом возвращались к голодающим семьям. Так случилось, например, в 1885 г. в Николаевском уезде Самарской губ.,

¹ Н. Ф. Руднев, Промыслы крестьян в Европейской России — «Сборник Саратовского земства», 1894, № 6, стр. 203.

² Там же.

³ П. И. Куркин, Статистика движения населения в Московской губернии. Отдел санитарной статистики, М., 1884—1902.

где богатые крестьяне пустили слух о хорошем урожае. Однако пришедших сюда крестьян постигло разочарование, и они соглашались на работу за любую цену. В это время разнесся слух, что в Бузулукском уезде хороший урожай и что там платят выше, чем в Николаевском. Все пришедшие рабочие бросились туда, но и здесь они обманулись в своих надеждах. Тут же распространился новый слух о спросе на рабочие руки в Бугульминском уезде, и крестьяне спешно перекочевали в этот уезд. Но слух не оправдался и измученным переходами и голодом крестьянам приходилось брать работу за любую цену¹.

Практика установила так называемые «рынки найма», расположенные в крупных пунктах на пути движения рабочих. Сюда навстречу отходникам приезжали управляющие и приказчики из имений и экономий, чтобы завербовать необходимую для них рабочую силу по самой дешевой цене. Поденная плата рабочим обычно не превышала в среднем 50 коп. мужчине и 30 коп. женщине. Только при наличии особенно богатого урожая и отсутствии достаточной для его уборки рабочей силы оплата труда несколько повышалась.

Интересные данные о составе пришедших сельскохозяйственных рабочих приводит В. Хижняков в своем труде «Пришедшие сельскохозяйственные рабочие в Херсонской губернии». Все рабочие вместе взятые давали в 1894 г. 21,6% едуших в первый раз и 78,4% — повторно; в 1895 г. соответственно — 19,1% и 80,9%, в 1898 г. — 22,5% и 77,5%. Эти цифры показывают, что число «повторных» было очень велико и что оно не уменьшилось. «При регистрации приходилось не раз видеть, — пишет В. Хижняков, — как рабочий на вопрос, который раз он вышел на заработки, не может дать ответа вследствие многократности отхода; попадают рабочие, идущие на заработки в 30-й и даже 35-й раз; это косвенным путем удавалось вычислять. Кроме того, всегда можно обнаружить известный процент рабочих, давно оставивших свою родину, скитающихся по несколько лет из стороны в сторону и обратившихся, повидимому, в профессиональных рабочих, не имеющих ни своего угла, ни клочка земли»². Такие многократные отходы принимали уже характер профессионального сельскохозяйственного найма и означали серьезный шаг в сторону пролетаризации крестьянства.

В том же труде В. Хижнякова приводится огромное количество фактов, свидетельствующих об ухудшении положения пришедших сельскохозяйственных рабочих в результате неудачного найма или отсутствия заработков.

Врач Н. И. Тезяков изучил в начале 1890-х годов состав и положение отхожих рабочих за восемь лет деятельности врачебно-продовольственных пунктов в Херсонской губ. В отношении состава пришедших сельских рабочих Тезяков приводит следующие данные. Регистрация на пунктах выяснила, что мужчины составляют 78,3%, а женщины 21,7% общего числа всех пришедших рабочих. С каждым годом число женщин среди пришедших рабочих увеличивалось. Распространение сельскохозяйственных машин и орудий приводило к вытеснению труда мужчин более дешевым женским трудом и трудом подростков. Среди женщин основную массу составляли девушки. Замужние женщины шли в отход реже: в общей массе пришедших рабочих Херсонской губ. они составляли не более 10%. Увеличивалось также количество приходившей на промыслы молодежи.

¹ А. Макаренко. Отхожие и кабальные рабочие — «Юридический вестник», 1887, т. 21.

² В. В. Хижняков. Пришедшие сельскохозяйственные рабочие в Херсонской губернии, Херсон, 1899, стр. 5—6.

Труд женщин и молодежи оплачивался примерно в два и даже в четыре раза ниже труда взрослых мужчин.

В. Хижняков также приводит много фактов роста женского и детского труда среди сельскохозяйственных отходников. Так, в отчете по Херсону за 1896 год сообщалось: «Из с. Лесок Черкасского уезда прибыли на ярмарку 185 человек; обращает на себя внимание то обстоятельство, что очень многие подводы были нагружены мальчиками лет 10—15 и девочками тех же лет. Оказывается, что многие семьи высылают из дому всех своих членов, которые могут уже зарабатывать. При этом поручается подводчику сдать в наем малолетних на ярмарке. Если же подводчику не удалось бы устроить их где-нибудь, ему предоставляется право распоряжаться с ними по своему усмотрению»¹.

С введением машин стал сокращаться земледельческий отход и повышаться отход неземледельческий. По данным врачебно-продовольственных пунктов, в Новороссии, Самарской губ. и других местах отхожее движение сельских рабочих в 1890-х годах значительно уменьшилось. Но отвыкнув от сельского труда, отхожие работники постепенно переходили к труду неземледельческому.

Переходя к выяснению роли неземледельческого отхода в процессе формирования промышленного пролетариата, следует подчеркнуть, что он имел исключительно важное значение для создания постоянных кадров пролетариата. Отход в города и в фабрично-заводскую промышленность и по характеру, и по срокам, и по результатам оказывал на крестьян-отходников гораздо более глубокое, преобразующее воздействие, чем земледельческий отход. Отличительными чертами неземледельческих отхожих промыслов крестьян являлись продолжительность и постоянство отхода и более глубокий разрыв с деревней. Многие отхожие рабочие путем постоянных и длительных отлучек настолько отрывались от земли, что разрывали всякую связь с хозяйственной жизнью деревни, живя совершенно другими интересами, отражавшими их новое социальное положение.

Анализируя направление отхожих неземледельческих промыслов, В. И. Ленин считал особенно важным отход в столицы, а также в крупные промышленные города. Он указывал, что отход в города повышает гражданское самосознание личности крестьянина, способствует освобождению его от тех патриархальных отношений зависимости и сословности, которые являлись пережитком старой крепостной зависимости. Крестьянин-отходник, живя на собственный заработок в городе, чувствовал себя равноправным с другими городскими жителями. Отход в города ослаблял старую патриархальную семью и ставил женщину в более или менее равноправное положение с мужчиной.

Быстрый рост городов, развитие многих новых отраслей промышленности, строительство железных дорог, увеличение грузового пароходства по Волге, Днепру, Дону и другим рекам России,— все это открывало для отходников новые источники заработка и способствовало постепенному превращению мелких земледельцев в будущих пролетариев.

В. И. Ленин, рассматривая процесс образования внутреннего рынка на рабочую силу, отмечал следующие главнейшие пути передвижения неземледельческих рабочих: «1) В столицы и в большие города главным образом из неземледельческих, но в значительной степени и из земледельческих губерний. 2) В промышленный район на фабрики Владимирской, Ярославской и других губерний из тех же местностей. 3) Передвижение к но-

¹ В. В. Хижняков. Указ. соч., стр. 44.

вым центрам промышленности или к новым отраслям ее, к центрам промышленности не-фабричной и пр. Сюда относится движение: а) на свеклосахарные заводы юго-западных губерний; б) в южный горный район; в) на портовые работы (в Одессу, Ростов н/Д., Ригу и пр.); г) на разработку торфа во Владимирской и других губерниях; д) в Уральский горнопромышленный район; е) на рыбные промыслы (в Астрахань, к Черному и Азовскому морям и пр.); ж) на судовые, судоходные работы, на вырубку и сплав леса и т. п.; з) на работы железнодорожные и т. д.»¹

Эти направления передвижения рабочих оказывали влияние на различные условия найма рабочих в разных местностях и на темпы формирования кадров постоянных рабочих.

Громадную массу обедневших крестьян поглощали фабрично-заводские предприятия и железные дороги. На пришедшей рабочей силе расширяли свое производство украинская свеклосахарная промышленность, винокуренное производство, каменноугольная и металлургическая промышленность Донбасса, нефтяная промышленность Баку и др. В результате роста неземледельческих промыслов и отхода ряд губерний приобрел своеобразную специализацию. Например, Тверская губерния поставляла плотников, печников, каменщиков, Калужская — землекопов, Владимирская — рабочих-текстильщиков и т. д. Все губернии давали большое количество чернорабочих.

Самую большую группу выходцев для фабрично-заводской промышленности давали крестьяне непромышленных губерний — Новгородской, Псковской, Смоленской, Витебской, Тверской, Рязанской, Владимирской и др. Каждый неурожайный год выбрасывал массу разоренных крестьян на заработки. В неурожайные годы из ряда уездов Псковской губернии уходило до 10% крестьян на заработки в города, особенно в Петербург.

Очень показательны и типичны материалы об отхожих промыслах по Тверской губ., которая посылала на заработки в Москву и Петербург большое количество отходников. Большинство этих отходников оседало там на длительное время и постепенно превращалось в пролетариев. В «Сборнике материалов для статистики Тверской губернии», вышедшем в середине 1870-х годов, сообщалось, что выходцы из Тверского уезда, попадавшие на петербургские и московские фабрики, отвыкали от земледельческих занятий и постепенно превращались в постоянных фабрично-заводских рабочих. В 1875 г. на петербургских и московских фабриках работало до пяти тысяч крестьян из Тверской губ., из них более двух тысяч жили в столицах по годовым паспортам, то есть особенно основательно отрывались от деревни².

Уход в города, на фабрики и заводы, на железные дороги, на всякие другие заработки приводил к хозяйственному захирению многих крестьянских хозяйств. К концу 1890-х годов в Тверской губ. стало на 40% больше заброшенных наделов, чем в 1880 г. К 1900 г. число безземельных дворов в этой губернии достигло 20%³.

Земские исследования Тверской губ. дают огромный материал, который следовало бы местным историкам проанализировать для выяснения процесса формирования пролетариата. Приведем некоторые иллюстрации, которые показывают, из каких групп крестьян пополнялись ряды пролетариата. В Бежецком уезде на отхожие заработки в 1886 г. уходили из имевших землю крестьян 24%, из безземельных — 37%. Как и в других губерниях,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 515.

² «Сборник материалов для статистики Тверской губернии», вып. IV, Тверь, 1875, стр. 57—59.

³ «Сборник статистических сведений о Тверской губ.», т. III, стр. 106; т. IV, стр. 130.

уходили главным образом безземельные и малоземельные. У бывших помещичьих крестьян отход достигал 35 %, бывшие государственные, уходили в количестве 22,5 %, из бывших удельных уходило до 15 %. В Старицком уезде особенно высокий процент отходников (до 60 %) давали бобыли. Надельные крестьяне давали 37 % отходников. В Тверском уезде в 1880 г. 16 % отходников составляли малоземельные. Отход возрастал после неурожаев или каких-нибудь потрясений крестьянского хозяйства.

В начале 1890-х годов отмечалось резкое увеличение отхода женщин. «Это служит неопровержимым доказательством сильного расстройства экономического благосостояния страны,— читаем мы в «Сельскохозяйственном обзоре за 1894 г.».— Если прежде отцы, мужья, сыновья и братья считали зазорным посылать в неизвестные дальние края своих жен, дочерей и сестер на заработки, то теперь вынужденная необходимость посылать их на сторону для отыскания себе средств существования указывает именно на невозможность добыть себе дома хлеб насущный»¹.

Из некоторых волостей уходило на заработки более половины мужского населения в рабочем и полурбочем возрасте. Из земско-статистических сборников видно, что крестьянские массы направлялись чаще всего в Петербург. В момент переписи населения в 1897 г. там был зарегистрирован 98 801 тверской крестьянин. По числу отхожих рабочих Тверская губ. занимала одно из первых мест. Значительный контингент своих рабочих сил тверские отходники направляли также в Москву. К 1882 г. в Москву в разное время ушло из Тверской губ. до 23 316 чел. Красильщики и шерстобиты из Корчевского и Новоторжского уездов той же губернии уходили на заработки в степные районы.

Развитие промышленности в первые годы после реформы происходило в России замедленными темпами. Это задерживало также и отрыв деревенского населения от земли и его пролетаризацию. Миллионы «кустарей» и отхожих рабочих представляли собой резервную рабочую армию, которая готова была принять в это время любые условия труда. Эта скрытая рабочая армия по численности превышала количество рабочих рук, занятых в промышленности, способствуя понижению заработной платы рабочих.

Процесс поглощения пролетаризированного крестьянства городской промышленностью происходил неравномерно. В большие города приходили из деревни главным образом те сельские рабочие, которые в значительной степени оторвались от сельскохозяйственного производства и предполагали остаться в городе на долгое время. Здесь они составляли резервную рабочую армию, которая то увеличивалась, то уменьшалась, в зависимости от экономической конъюнктуры.

Многие пришлые рабочие были еще связаны с земледелием и приходили в город из деревни только на зиму, а летом возвращались в деревню на сельскохозяйственные работы. Зимой количество населения в деревнях сильно сокращалось, вследствие ухода многих крестьян на заработки в города.

В историко-экономической литературе встречается неверное утверждение, будто формирование промышленного пролетариата происходило исключительно за счет свежего деревенского населения. Так, например, фабричный инспектор С. Гвоздев, обследовавший в 1897 г. 41 предприятие в Костромской губ., сделал вывод, что фабрика извлекала из деревни все новые и новые элементы и что пришлых рабочих из других промышленных районов на обследованных им фабриках никогда не было. «Таким обра-

¹ «Сельскохозяйственный обзор Тверской губ. за 1894 г.», изд. губернского земства, 1895, стр. 12—13.

зом,— делает вывод С. Гвоздев,— увеличение числа рабочих на фабриках происходило исключительно за счет свежего деревенского населения немногих ближайших к фабрике уездов, причем источники, из которых черпались фабриками новые силы, увеличивались и вглубь и вширь»¹.

Раскрывая характер и значение этого «крестьянского источника», С. Гвоздев отмечал, что теперь все больше и больше стало являться на фабрики крестьян из дальних уездов, где прежде население жило исключительно крестьянством. Гвоздев причину этого явления видел в том, что «на земле стало тесно, земля перестала кормить»². Однако такого рода утверждения несколько упрощают сложность процесса. На самом деле вовлечение мелкого производителя-крестьянина в фабричное производство являлось в большинстве случаев не начальной, а завершающей стадией процесса отрыва производителя от орудий и средств производства и его пролетаризации. Самый этот отрыв происходил мучительно и долго, иногда в течение многих поколений.

Одним из первых этапов на пути к пролетаризации являлось обращение крестьян к подсобным промыслам, которые земская статистика неправильно называла кустарными. В. И. Ленин, давая резкую критику ненаучных приемов земской статистики, между прочим, указывал также и на неправильное употребление термина «кустарные промыслы». Земская статистика придавала слишком широкое значение термину «промысел». «В самом деле,— писал В. И. Ленин,— к «промыслам» относят *все и всяческие* занятия крестьян вне надела; и фабриканты и рабочие, и владельцы мельниц, бахчей и поденщики, батраки; и скупщики, торговцы и чернорабочие; и лесопромышленники и лесорубы; и подрядчики и строительные рабочие; и представители свободных профессий, служащие и нищие и т. д.— все это «промышленники»! Это дикое словоупотребление есть переживание того традиционного — мы вправе даже сказать: официально — воззрения, по которому «надел» есть «настоящее», «естественное» занятие мужика, а все остальные занятия относятся безразлично к «сторонним» промыслам. При крепостном праве такое словоупотребление имело *raison d'être*, но теперь это — вопиющий анахронизм. Подобная терминология держится у нас отчасти и потому, что она замечательно гармонирует с фикцией о «среднем» крестьянстве и *прямо исключает возможность* изучать разложение крестьянства (особенно в тех местностях, где «сторонние» занятия крестьян обильны и разнообразны»³.

Указывая на неправильность народнической трактовки промыслов как «народного производства», вне всякой связи с развитием капиталистических отношений, В. И. Ленин подчеркивал большое значение подсобных промыслов крестьянства для его пролетаризации в результате развития капиталистических отношений в деревне.

Участие деревенской бедноты в неземледельческих промыслах, отрывавшее мелкого производителя-земледелца от сельскохозяйственного производства, являлось результатом разложения крестьянства и важным этапом на пути к пролетаризации крестьянской бедноты. Таким образом, В. И. Ленин рассматривал занятие промыслами как одну из форм пролетаризации крестьянства.

В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал связь между так называемыми «кустарными промыслами» и развитием капитализма в деревне. Разложение крестьянства,

¹ С. Гвоздев. Из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг., М., 1925. стр. 34—37.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 69—70.

в результате которого в деревне создаются новые социальные группы — сельской буржуазии и сельского пролетариата, — выражается в ускоренном отделении промышленности от земледелия. Это отделение идет различными путями на разных полюсах деревни: зажиточное меньшинство, сельская буржуазия заводит промышленные заведения, нанимает для земледелия батраков и на известной ступени развития промысла приходит к необходимости выделить промышленное предприятие из земледельческого. На другом полюсе деревни крестьянская беднота приходит к отделению промышленности от земледелия другим путем: нужда и разорение заставляют ее бросить землю и продавать свою рабочую силу, постепенно превращаясь в наемных рабочих (промышленных и земледельческих).

Участие деревенской бедноты в неземледельческих промыслах отрывало ее от сельского хозяйства и являлось важным этапом на пути к полной пролетаризации. Владельцы светелок, подрядчики, комиссионеры, хищнически эксплуатировавшие «домашних рабочих», доводили их до полного разорения. В пореформенный период с развитием капиталистической фабрики так называемая кустарная промышленность все больше теряла свою самостоятельность. ««Самостоятельность» таких «кустарей», — писал В. И. Ленин, — совершенно фиктивная. Их работа не могла бы производиться, их продукт не имел бы даже иногда никакой потребительной стоимости *вне связи* с другими детальными работами, с другими частичками продукта. А эту связь мог создать и создал только *крупный капитал*, господствующий (в той или иной форме) над массой детальных рабочих»¹.

Ручное производство, под влиянием роста капиталистической мануфактуры, а затем фабрики, все более и более падало. Деревенские кустари разорялись. Введение паровых двигателей делало невозможной конкуренцию мелкого производителя с крупным капиталистом, владельцем усовершенствованных орудий производства. Число рабочих в фабричных зданиях быстро росло, а число «домашних рабочих» или самостоятельных «кустарей» убывало. Изучение материалов Центрального статистического комитета, посвященных кустарной промышленности России, дает возможность показывать экономическую роль каждого промысла в отдельности, а также выяснить вопрос о рабочей силе в промыслах.

Классики марксизма-ленинизма считали развитие неземледельческих промыслов прогрессивным явлением. Еще К. Маркс указывал на это прогрессивное значение неземледельческих промыслов в экономическом развитии страны. «...Чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве, — писал К. Маркс, — тем короче, следовательно, и то время, в течение которого затрачивается капитал и труд. Например, Россия. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Легко представить себе, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы. Не считая 200 тыс. крестьян, работающих на 10 500 фабриках, в деревнях России повсюду развилась своя домашняя промышленность. Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. п.; в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 375—376.

² К. Маркс. Капитал, т. II, Госполитиздат, 1949, стр. 237—238.

В. И. Ленин также отмечал большое прогрессивное значение векового развития крестьянских промыслов для подготовки будущих кадров промышленных рабочих. Детально рассмотрев развитие промыслов по различным отраслям производства, В. И. Ленин делал вывод о систематическом и довольно широко проведенном разделении труда во всех этих промыслах. Такое дробление производства на простейшие операции само по себе являлось подготовительным шагом к введению крупного машинного производства. «Окрестное население получает возможность,— писал В. И. Ленин,— производить такие детальные операции у себя на дому, либо по заказу мануфактуристов из их материала (посадка щетины в щеточной мануфактуре, шитье овчин, шуб, рукавиц, обуви и пр. в кожевенном производстве, правка гребней в гребенной мануфактуре, «наводка» самоваров и пр.), либо даже «самостоятельно» покупая материал, изготавливая отдельные части продукта и продавая их мануфактуристам (шляпный, экипажный, гармонный промысел и т. д.). Это кажется парадоксом: рост мелких (иногда даже «самостоятельных») промыслов, как выражение роста капиталистической мануфактуры, и тем не менее это — факт»¹.

Таким образом, наряду с общим развитием производительных сил развитие мелких крестьянских промыслов сыграло большую роль в подготовке массы детальных рабочих, без которых не могла бы развиваться капиталистическая мануфактура и фабрика.

Территориальное разделение труда способствовало специализации отдельных районов в производстве одного продукта и тем самым ускоряло отделение земледелия от промышленности. Создание целого ряда крупных районов, специализировавшихся на известном производстве, подготовило «контингент знакомых с делом работников», обученных и искусных профессионалов, которые передавали свой производственный опыт и знания из одного поколения в другое.

Общее количество крестьян, занимавшихся промыслами в конце XX в., по данным земской статистики, в 148 уездах Европейской России определялось в 2798 тыс. чел., или 55% общего числа работников мужского пола².

Промышленная специализация ко времени реформы 1861 г. достигла в ряде районов такого развития, что некоторые промыслы охватывали не только отдельные села и деревни, но и целые уезды. Так, например, Шуйский уезд еще до реформы славился как «уезд ткачей». Смежные с ним уезды Костромской и Владимирской губерний также слыли как уезды ткачей. Данные земских исследований показывают, что особенно большое распространение крестьянские промыслы получили в нечерноземном районе, где процесс отделения промышленности от земледелия происходил быстрее и интенсивнее, специализация промыслов была более разнообразная, а зависимость «кустаря» от скупщика — более сильная. Некоторые промыслы настолько расширились, что стали переходить к производству с наемным трудом или к найму сдельных рабочих-кустарей. В малоразвитых промыслах кустари были заняты весь сезон, свободный от сельских работ. В промысле была занята также и вся семья такого кустаря. Беднейшие кустари, не имея возможности вести свое сельское хозяйство, почти полностью порывали с ним и круглый год работали как промысловые рабочие.

Некоторые «кустари» и ремесленники из центральных районов, где была слишком велика конкуренция, уходили в другие районы, где

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 375.

² «Сборник Саратовского земства», № 6, 1894, стр. 200.

«мастеровых» людей было мало, и основывали здесь свои мелкие заведения, служившие началом распространения данного промысла в новом районе. Таким образом, как свидетельствует официальная статистика, в пореформенный период происходило довольно широкое распространение крестьянских промыслов, которые втягивали в фабричное производство большое количество пролетаризированных крестьян.

Этот процесс можно конкретно показать на архивных материалах сохранившегося фонда ситценабивной фабрики Н. Н. Коншина в Серпухове по паспортным и расчетным книгам за 1860—1896 гг.¹

Владельцы ситценабивной фабрики Коншина были потомками исконных жителей Серпуховского посада. Еще с сотной книги Фуникова 1552 г. упоминались «Конша Онуфреев, кузнец, двор в Рождественском приходе, Конша Иванов, лавка, Конша Козлов сын, сапожник»². В переписи серпуховских жителей, произведенной в 1646 г. Ульяном Ляпуновым, значился «Коншин Олешка Федоров сын, у нево брат Тихонко да сын Улянко»³. Упомянут Коншин и в другой переписи серпуховских посадских людей, произведенной в 1678 г. Григорием Сунбуловым и Андреем Юрьевым⁴.

Повидимому, еще в конце XVII в. Коншины были причастны к промышленному производству: известно, что в 1882 г. они были возведены в потомственное дворянство «в воздаяние заслуг на поприще отечественной промышленности в течение двухсот лет»⁵.

В середине XVIII в. Коншиным принадлежало предприятие, изготовлявшее парусное полотно⁶. В это время парусное производство было широко распространено в Серпухове. В окрестностях его и в соседних уездах Тульской и Калужской губерний сеяли много конопли, из которой на фабриках ткали полотно.

С конца XVIII в. началось падение полотняной промышленности: ее вытесняла новая отрасль — хлопчатобумажная. Коншины оказались едва ли не первыми серпуховскими предпринимателями, перешедшими от парусного производства к хлопчатобумажному.

Еще в 1805 г. была пущена «бумажная, миткальная, платочная и набивная фабрика серпуховских первой гильдии купцов Максима Алексеева с сыном Николаем Коншиных», позднее переименованная в ситценабивную фабрику. Через пять лет ситценабивное производство было организовано и другим серпуховским капиталистом — Третьяковым⁷.

В 1838 г. бумаго-миткальная и набивная фабрика Максима и Николая Коншиных помещалась в 7 каменных и 14 деревянных строениях, имела 1400 ручных станков и около 200 набойщицких столов, машину для пропуска миткаля, приводившуюся в движение лошадьми, и 2000 наемных рабочих. Часть этих последних работала на самой фабрике, другая часть (ткачи) — в селах и деревнях. Пряжа выписывалась из Англии и раздавалась для ткачества кустарям. В начале 1840-х годов при фабрике была

¹ Весьма трудоемкую работу по статистической разработке паспортных и расчетных книг фабрики Коншина проделал мой помощник М. И. Гильберт: все последующие данные получены в результате его работы.

² П. Симпсон. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею, М., 1880, стр. 235.

³ Там же, стр. 277.

⁴ Там же, стр. 293—306.

⁵ Ч. М. Иоксимович. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем, М., 1915, стр. 277.

⁶ Там же, стр. 270—271.

⁷ С. Аристов. Серпуховские текстильщики, М., 1940, стр. 10.

устроена красильня, объем производства увеличился, число рабочих достигло 2500 чел.

Повышение пошлины на привозную пряжу и отмена в 1842 г. запрещения на вывоз из Англии текстильных машин побудили Николая Коншина учредить в 1848 г. собственную прядильную фабрику, после чего коншинская мануфактура стала вырабатывать часть тканей из собственной пряжи. Однако изготовленная пряжа, ввиду отсутствия механической ткацкой фабрики, попрежнему раздавалась для ткачества «кустарям».

Несмотря на громадный размер коншинских предприятий, на них не было паровых двигателей. Два каландра на ситценабивной фабрике, где в 1853 г. общее число рабочих, включая занятых в деревнях ткачей, достигло 2740 чел.¹, приводились в движение лошадьми. Только в 1859 г., при переоборудовании фабрики, осуществленном при участии известной фирмы Кноп, на ней, наряду со старыми машинами, действовавшими лошадьми, появились и машины, действовавшие паром: промывная, отжимная, сушильная и др.

В 1861 г. Коншины построили, наконец, механическую ткацкую фабрику. С этого времени принадлежавшие им фабрики стали характерным для русской хлопчатобумажной промышленности комбинированным предприятием. Продукция прядильной фабрики поступала на ткацкую, а изготовленные здесь ткани переходили на ситценабивную фабрику, где перерабатывались в ситец, платки и проч. Учреждение ткацкой фабрики резко подорвало издавна существовавший в Серпуховском уезде кустарный ткацкий промысел.

В 1877 г. было создано «Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина». В число пайщиков этого товарищества, наряду с русскими, вступили также английские и французские капиталисты. Англичане и французы были, как правило, директорами коншинских фабрик вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции². В 1885 г. товарищество приобрело у Н. Н. Коншина отдельную красильно-отделочную фабрику, а в 1898 г. построило новую ткацкую³.

Показателями роста ситценабивного производства в пореформенный период могут служить следующие сведения: в 1871 г., по данным Матисена, на ситценабивной фабрике Коншина было занято (теперь уже, разумеется, без ткачей, включавшихся в подсчет рабочих этой фабрики в 30—40-х годах) 608 чел.⁴; во время санитарного обследования Серпуховского уезда, произведенного в 1884 г. Е. М. Дементьевым, на ней работало 1070 чел.; наконец, в октябре 1895 г., по данным расчетных книг, на фабрике было занято 1669 рабочих.

Как известно, женский труд в ситценабивном производстве во второй половине XIX в. использовался сравнительно слабо. Низкий технический уровень ситценабивных предприятий и низкая квалификация женщин-работниц совершенно закрывали им доступ во многие отделения и мастерские, например, в граверные, резные, набивные, слесарные, столярные, кубовые. По данным Дементьева, в июне 1884 г. на фабрике Коншина женщины составляли 7,6% всех рабочих. В 1885/86 г. в общей массе рабочих, перебивавшей в течение года на фабрике, женщины, по данным

¹ С. Тарасов. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, М., 1856, стр. 153.

² С. Аристов. Город Серпухов, М., 1947, стр. 46.

³ Ч. М. Иоксимович. Указ. соч., стр. 272—277.

⁴ Н. Матисен. Атлас мануфактурной промышленности Московской губ., М., 1872, стр. 63.

полицейской книги, составили 9,4%. Наконец, в октябре 1895 г., по данным расчетных книг, доля женщин на фабрике составляла 8,4%.

Комментируя возрастной состав рабочих фабрики в 1884 г., Е. М. Дементьев констатировал, что «относительное число малолетних и подростков на этой фабрике меньше, чем общее среднее их по уезду. Тем не менее, — писал Дементьев, — несмотря на вошедший уже во время осмотра в силу закон 1 июня 1882 г., мы все-таки встретили здесь детей даже 10-летнего возраста»¹.

В некоторых отделочных фабриках удельный вес малолетних и подростков значительно превосходил соответствующие показатели по предприятиям в целом. Так, в 1885/86 г. персонал белой и красной сушилен состоял почти на три четверти из мальчиков и девочек моложе 18 лет.

Рост рабочего движения и появление в связи с ним первых законов по рабочему вопросу, несколько ограничивших эксплуатацию детей и подростков, привели к тому, что в 1895 г. на фабрике Коншина уже не было (по крайней мере, формально) ни одного малолетнего в возрасте менее 14 лет, а доля подростков 14—17 лет уменьшилась, сравнительно с 1884 г., с 21% до 14,4%.

В работе Дементьева приведен подробный материал о возрасте, производственном стаже и должности каждого отдельного рабочего из занятых на трех фабриках коншинской мануфактуры — бумагопрядильной, ткацкой и ситценабивной. На основании этого материала был произведен подсчет распределения рабочих 34 профессий, занятых только (или почти только) на ситценабивной фабрике, по возрасту, в котором они поступили на это предприятие. Указанный подсчет показал, что из общего числа охваченных им рабочих 50,8% поступили на фабрику в возрасте 7—13 лет, 24,1% — в возрасте 14—17 лет и только 25,1% поступили на фабрику уже взрослыми. Эти цифры убеждают в том, что в 60—70-х годах доля занятых на фабрике малолетних и подростков была еще выше, чем в середине 80-х годов.

Характерной особенностью состава рабочих ситценабивной фабрики по сословиям была высокая доля среди них мещан. Это были не только давние ремесленники г. Серпухова, но и выходцы из деревни, потерявшие с нею производственную связь и приписавшиеся в мещанское сословие, облегчавшее им постоянную работу на фабрике в качестве наемных рабочих. Отмечая эту особенность, Дементьев указывал, что удельный вес мещан на этом предприятии выше, чем на любой другой городской фабрике. Процент мещан, значительный уже в 1860/61 г., в дальнейшем все более увеличивался: в момент крестьянской реформы он составлял около 29%, а в середине 90-х годов — около 40%.

Доля мещан среди женщин-работниц была ниже, чем среди рабочих-мужчин. В этом сказалось то, что отрыв от сельского хозяйства и домашних кустарных промыслов женщин-крестьянок происходил медленнее, чем отрыв от них мужчин. Ниже общефабричного был удельный вес мещан среди набойщиков и малоквалифицированных рабочих и выше общефабричного — среди квалифицированного персонала. Причина сравнительно небольшого процента мещан среди набойщиков коренилась, повидимому, в том, что большинство набойщиков вербовалось из крестьян нескольких окружающих Серпухов деревень, издавна занимавшихся ручной набивкой тканей.

Надо отметить, что высокий удельный вес рабочих мещанского сословия и его нарастание в течение 60—90-х годов были особенностью не толь-

¹ Е. М. Дементьев. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда, ч. I, М., 1888, стр. 168

ко ситценабивной фабрики Коншина, но и некоторых других текстильных предприятий. Так, подсчет, произведенный по расчетным книгам набойщиков шерстоткацкой фабрики товарищества Я. Лабзин и В. Грязнов в Павловском посаде, показал, что на этом предприятии доля мящан среди набойщиков поднялась с 60-х до 90-х годов примерно с 30% до 40%¹.

Причину высокого удельного веса мящан на ситценабивной фабрике Коншина следует искать в очень давней связи целого ряда серпуховских жителей с коншинским производством, именно в выполнении ими издавна различных работ, впоследствии сконцентрированных на ситценабивной фабрике. Об этом говорит, в частности, совпадение многих фамилий рабочих мящанского сословия, занятых на ситценабивной фабрике во второй половине XIX в., с фамилиями ремесленников, пушкарей и лиц других профессий, являвшихся жителями Серпухова еще двумя столетиями раньше. Так, в переписи серпуховских посадских людей 1678 г. и в сметном списке г. Серпухова 1680 г. перечислены Аноповы, Байбаковы, Бердоновы, Ежиковы, Земляновы, Зендриковы, Зенины, Крымовы, Путохины, Телепневы, Хатунцевы, Шеляковы, Шемшурины, Шмаровины и другие², фамилии которых носили и многие рабочие мящанского сословия, занятые на ситценабивной фабрике Коншина в 1860/61—1895/96 гг. Большинство их составляли квалифицированные рабочие — рисовальщики, резчики, граверы, лаборанты и др.

По данным паспортной книги за 1885/86 г. и далеко не полным данным расчетных книг за 1860/61—1895/96 гг., ситценабивная фабрика Коншина в течение изучаемого периода получала рабочую силу: крестьянского сословия — из 504 сел и деревень, мящанского сословия — из 33 городов и городских поселений. Хотя номенклатура всех этих населенных мест, фигурирующая в фабричных документах, каждый год значительно изменялась, но все сколько-нибудь крупные поселения — поставщики рабочей силы неизменно сохранялись в ней. Таковы были прежде всего: город Серпухов и непосредственно примыкавшие к нему деревня Заборье и слободы Владычная и Высотская. Постоянными поставщиками рабочей силы, по крайней мере с 1875/76 г. (первый год, за который сохранились сравнительно полные данные о составе рабочих), были также села и деревни Глазово, Дракино, Колтово, Малеево и другие.

Подавляющее большинство поселений, упомянутых в расчетных книгах 60—70-х годов и не упоминаемых в расчетных книгах более позднего времени, было представлено на фабрике не свыше чем тремя рабочими. То же следует сказать также о городах и селах, не упоминаемых в расчетных книгах первых двух десятилетий после реформы 1861 г. и впервые упоминаемых в 80—90-х годах. Хотя некоторые крестьянские поселения, ставшие поставщиками рабочей силы только в 80—90-х годах, и давали иногда фабрике более трех человек, но такой повышенный приток из них рабочих был всегда непродолжительным.

Среди рабочих как крестьянского, так и мящанского сословий, занятых на ситценабивной фабрике Коншина в 60—90-х годах, было большое количество членов одних и тех же семей. Можно назвать, например, мящан г. Серпухова Николая Александровича, Василия Николаевича и Василия Ивановича Байбаковых, крестьян слободы Владычной Николая

¹ МОГИА, ф. 712 (ф-ки т-ва Я. Лабзин и В. Грязнов), оп. 1, св. 1, д. 6 (расчетная книга набойщиков и др. за 1861/62 г.); св. 4, д. 16 (то же за 1867/68 г.); св. 8, д. 42 (то же за 1873/74 г.); св. 11, д. 54 (то же за 1877/78 г.); св. 16, д. 81 (то же за 1881/82 г.); св. 29, д. 141 (то же за 1890/91 г.); св. 30, д. 142 (то же за 1892/93 г.); св. 32, д. 155 (то же), св. 32, д. 156 (то же); св. 41, д. 198 (то же за 1896/97 г.); св. 41, д. 199 (то же).

² П. Симпсон. Указ, соч., стр. 293—307.

Абрамовича, Бориса Николаевича, Василия Михайловича, Ивана Михайловича и Демьяна Федоровича Бескодаровых, крестьян слободы Высотской Николая Павловича, Николая Яковлевича, Дмитрия Николаевича, Василия Павловича и Михаила Вонифатовича Помеловых и многих других.

Почти вся масса рабочих крестьянского сословия на протяжении всего изучаемого периода приходила на фабрику из деревень Серпуховского уезда, особенно Высотской и Бавыкинской волостей и из соседних уездов: Алексинского и Каширского — Тульской губернии и Тарусского — Калужской губернии. Так, по исчерпывающим данным паспортной полицейской книги, из общего числа крестьян, работавших на ситценабивной фабрике Коншина в 1885/86 г., было приписано к селам: Серпуховского уезда — 54,9%, в том числе Высотской волости — 31,5%, Бавыкинской волости — 8,6%, Алексинского уезда — 10,0%, Каширского — 8,2%, Тарусского — 14,1%.

Серпуховской уезд в первую очередь, а затем Алексинский, Каширский и Тарусский уезды были основными районами, снабжавшими ситценабивную фабрику Коншина крестьянской рабочей силой на протяжении всего периода с 1860/61 по 1895/96 г.

Таблица 2

Удельный вес рабочих коншинской мануфактуры по месту их происхождения (в %)

Группы рабочих	Годы	Московская губ.	В том числе Серпуховской уезд	В том числе		Тульская губ.	В том числе		Калужская губ.	В том числе Тарусский уезд	Прочие губ.
				Бавыкин-ская вол.	Высотская вол.		Алексин-ский уезд	Кашир-ский уезд			
Рабочие всех отделений, кроме набойщиков и «разнорабочих»	1860/61	60,8	60,8	8,3	29,9	30,8	12,4	10,3	8,3	4,2	—
	1870/71	59,2	59,2	2,4	32,4	31,2	22,4	8,4	8,4	8,0	1,2
	1875/76	56,0	56,0	7,9	31,4	34,3	22,3	10,4	5,6	5,6	4,1
	Окт. 1880	53,4	52,6	4,7	30,1	35,3	17,8	12,6	9,9	9,3	1,4
	Окт. 1885	59,5	59,1	3,6	41,2	25,8	9,7	11,8	12,9	10,4	1,8
	Окт. 1890	62,3	62,3	3,0	40,0	27,5	16,0	8,5	10,2	8,3	—
Набойщики	Окт. 1895	65,5	65,3	3,3	38,9	26,4	15,2	7,9	7,9	6,2	0,2
	1875/76	87,9	87,6	46,5	19,7	3,2	1,7	0,9	9,2	9,2	—
	Окт. 1890	84,5	84,5	34,2	36,9	3,4	2,0	0,7	12,1	12,1	—
	Окт. 1896	80,0	80,0	24,8	41,0	2,9	2,9	—	17,1	17,1	—

Сосредоточение в производстве главным образом местных крестьян наблюдалось не только у Коншина, но и во всей текстильной промышленности Центрального района. Так, среди набойщиков фабрики Лабзина и Грязнова уроженцы Московской губ. составляли около 85% общего числа набойщиков крестьянского сословия; в частности, местные, богородские, крестьяне составляли: в 60-х годах около 35%, в 90-х годах — около 55% всех набойщиков-крестьян. Увеличение среди набойщиков удельного веса местных крестьян произошло за счет сокращения их притока из других уездов, главным образом из Серпуховского, где также быстро развивалась текстильная промышленность. В первой половине 70-х годов серпуховские крестьяне составляли около 20%, а во второй

половине 90-х годов — менее 10% всех занятых на фабрике Лабзина и Грязнова набойщиков крестьянского сословия.

Чем был вызван приток на фабрику Коншина подавляющего большинства рабочих крестьянского сословия из сел и деревень Серпуховского уезда и соседних с ним уездов Тульской и Калужской губерний? Основными причинами такого явления были:

1. Близость этих сел и деревень от фабрик. Так, села Высотской волости Серпуховского уезда, обычно дававшие фабрике больше рабочих, чем все остальные 13 волостей того же уезда вместе взятые, находились не более чем в 11 км от Серпухова. В частности, деревня Заборье Высотской волости, неизменно остававшаяся крупнейшим из крестьянских поселений — поставщиков рабочей силы, непосредственно примыкала к Серпухову и фактически составляла его южную окраину. Занимавшие следующее место после этой деревни две слободы Высотской волости — Владычная и Высотская — находились менее чем в 2 км от Серпухова¹.

Сравнительно крупным поставщиком рабочей силы была также Бавыкинская волость. Села и деревни этой волости находились в 20—35 км от фабрики.

Самые удаленные от предприятия волости Серпуховского уезда — Вельяминовская, Киясовская и Липитинская, находившиеся в 40—50 км от Серпухова, давали фабрике лишь единичных рабочих.

2. Большое развитие в Серпуховском и соседних с ним уездах ткацкого промысла и связь деревенских ткачей с ситценабивной фабрикой Коншина.

Как известно, в ряду неземледельческих крестьянских промыслов ткацкому промыслу всегда принадлежало ведущее место. Это объясняется тем, что ткацкий промысел меньше, чем какой-либо другой, требовал от крестьянина денежных затрат: материал давал ему хозяин, станок — посредник и т. п.

В центральной России крестьянское ткачество получило особенно широкое развитие в результате московского пожара 1812 г., уничтожившего ряд крупных текстильных предприятий, и таможенного тарифа 1819 г., заставившего некоторых предпринимателей закрыть свои фабрики из-за невозможности выдержать конкуренцию с хлынувшим в Россию дешевым иностранным текстилем. Развитие ткацкого промысла содействовало дифференциации крестьянства ткацких поселений. Из него выделились, с одной стороны, предприниматели-капиталисты, а с другой — неимущие крестьяне-ткачи, попавшие путем раздачи им работы на дом в экономическую зависимость от своих «капиталистских» собратьев.

В Серпуховском уезде в конце 1870-х годов ткачество было развито в 13 волостях из 14, а ткацкие селения составляли 23% всех сел и деревень уезда². Ткацкий промысел существовал и во многих деревнях, снабжавших ситценабивную фабрику Коншина рабочей силой. О степени его развития в некоторых из этих деревень говорят данные³ табл. 3.

¹ Еще в XVI—XVII вв. у Владычного и Высотского монастырей была долгая земельная тяжба с Серпуховским посадом. До отмены крепостного права крестьяне этих слобод были монастырскими, более свободными, чем помещичьи, и поступление на фабрику не было для них затруднительным (П. Симпсон. Указ. соч., стр. 220 и 234—235).

² «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. VII, вып. 3 (Промыслы Московской губ., вып. 5), М., 1883, стр. 4.

³ Там же, стр. 120—125. Помимо указанных в таблице кустарных изб, в селе Воздвиженском была еще одна светелка с 10 станами, в деревне Арнеево — две светелки с 45 станами.

Таблица 3

Волость	Село, деревня	Число домохозяев	Число кус-тарных изб	В них станок
Бадеевская	Пешково	26	10	10
Васильевская	Кузьменки	53	43	61
"	Воздвиженское	13	10	10
"	Петрухино	12	8	8
"	Левашево	28	13	14
"	Костино	45	26	26
Вельяминовская	Леньково	27	25	25
"	Сидоровка	22	10	10
"	Немцово	16	16	16
Высотская	Арнеево	92	55	55
Семеновская	Щеглятьево	94	50	50
Хатуньская	Сумароково	56	40	40
"	Полушкино	50	15	15
"	Ольховка	93	60	60
"	Лапино	58	20	20
"	Вороново	29	20	20

Не подлежит сомнению, что крестьяне целого ряда ткацких селений, расположенных вблизи Серпухова, выполняли ткацкую работу на дому по заказам как Коншина, так и других текстильных фабрикантов. Известно, что еще накануне крестьянской реформы в Серпуховском, Коломенском и других уездах Московской губ. было занято ткачеством только для трех ситценабивных фабрик Московского района — Коншина, Третьякова и Ермаковых — свыше 12 тыс. крестьян¹. Начав с поставки нанки, миткаля и других тканей, ткацкие поселения стали снабжать фабрики Коншина и рабочей силой.

3. Наличие у крестьян некоторых сел Серпуховского и соседних уездов, снабжавших фабрику Коншина рабочими, производственных навыков, необходимых в ситценабивном производстве, благодаря сосредоточению в этих селах бумаготкацких и набивных предприятий. Так, в 1843 г. в 16 селах и деревнях Серпуховского уезда, поставлявших рабочих ситценабивной фабрике Коншина (Бадеево, Гридюкино, Дубечня, Заборье, Крюково и др.), находились 22 бумаготкацкие и набивные фабрики с 1686 станами, столами и машинами и 1972 рабочими. Из указанных 22 фабрик работало: для шести московских купцов (Солодовникова, Свечникова и др.) — 7 фабрик, для серпуховского купца Игнатьева — 1, для богородского купца Морозова — 6 и для петербургского купца Дрябина — 1 фабрика².

Занятые на фабрике Коншина рабочие крестьянского сословия — выходцы из одних и тех же сел и деревень нередко поступали в одно и то же отделение предприятия или на одну и ту же должность. Так, в 1885/86 г. на фабрике было занято: крестьян села Страхово — шесть (в том числе пять плотников), крестьян деревни Глазово — семь (в том числе пять рабочих белильни), крестьян села Талежа — десять (в том числе девять набойщиков). Все четыре крестьянина села Ланьино были работниками

¹ «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», т. II, СПб., 1863, стр. 483.

² Л. Самойлов. Атлас промышленности Московской губ., М., 1845, раздел «Указатель фабрик и мануфактур Московской губернии за 1843 год», стр. 88—90.

цилиндрического отделения, все шесть крестьян деревни Осиновый Куст — возчиками, все 12 крестьян села Малеево — рабочими каландрового отделения и т. д.

Подавляющее большинство крестьян как Серпуховского, так и других уездов Московской губ. остро нуждалось вследствие малоземелья, скудости почвы, отсутствия удобрений, тяжести налогов и т. д. В половине 1870-х годов в нескольких селах и деревнях Серпуховского уезда, снабжавших фабрики Коншина рабочей силой, средняя величина надела на одного работника, считая не только трудовые, но и кулацкие семьи, была следующая¹:

Таблица 4

Волости	Разряды крестьян	Крестьянские общества	Средний размер надела на 1 работника (в дес.)
Алексеевская	Собственники из помещичьих	Клейменово и Новоселки .	5,0
Бавыкинская	Собственники из государственных	Легчищево, Пронино и Ескино	6,6
"	То же	Дидяково	5,3
"	Собственники из помещичьих	Малицы	5,0
"	То же	Галыгино	4,7
"	Собственники из государственных	Заборье	3,1
"	То же	Высотская	2,7
"	" "	Владычная	1,8
"	" "	Глазово и Паниково . . .	5,0
"	" "	Ивановская	2,7
"	" "	Нефедово	2,4
"	" "	Дракино и Иваньково . .	4,5
Киясовская	Врем. обяз.	Колычево	4,3
Васильевская	Полные собственники	Петрухино	8,0
Хатуньская	То же	Грызлово	3,9

Чтобы прокормить себя и свои семьи, крестьяне, помимо домашнего ткачества, занимались отхожими промыслами. Подсчет, произведенный по нескольким селениям, поставлявшим рабочую силу ситценабивной фабрике Коншина, показал, что в середине 70-х годов уходило по билетам на заработки в промышленность и другие отрасли народного хозяйства от 46% до 96% мужчин и от 3% до 44% женщин.

Доля крестьян, уходивших на заработки по билетам, была, как правило, тем ниже, чем ближе были их села к Серпухову, так как крестьяне близких к Серпухову деревень могли работать на местных фабриках не порывая со своим домом и не беря билетов. Из сел, расположенных не более чем в 10 км от Серпухова (Заборье, сл. Владычная, сл. Высотская, Глазово, Паниково, Ивановская, Нефедово, Дракино, Иваньково, Петрухино), по билетам уходило не свыше 66% мужчин. Напротив, из деревень Легчищево, Пронино, Ескино, Малицы, Галыгино, находившихся более чем в 20 км от Серпухова, по билетам уходило от 76 до 96% мужчин. Более наглядно это положение можно проиллюстрировать табл. 5¹.

¹ «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. II, отд. 3, стр. 98—147.

Таблица 5

Количество крестьян Серпуховского уезда, уходивших на заработки в Серпухов

Села и деревни	Число мужчин	Из них уходило на заработки по билетам		Число женщин	Из них уходило на заработки по билетам	
		абсолютно	в %		абсолютно	в %
Клейменово и Новоселки	181	84	46,4	189	53	28,0
Легчищево, Пронино и Чекино	155	117	75,5	206	15	7,3
Дядяково	235	115	48,9	261	10	3,8
Малицы	112	107	95,5	159	11	6,9
Галыгино	148	127	85,8	177	10	5,6
Заборье	779	372	47,6	858	195	22,7
Сл. Высотская	191	100	52,4	217	38	17,5
Сл. Владычная	243	138	56,8	273	22	8,1
Глазово и Паниково	443	226	51,0	540	240	44,4
Иваиовская	232	134	57,8	267	107	40,0
Нефедово	246	164	66,6	278	91	32,7
Дракино и Иваньково	536	296	55,2	707	67	9,5
Петрухино	46	16	56,5	55	2	3,6

Географические рамки территории, откуда приходили рабочие мещанского сословия, были еще уже территории, дававшей фабрике рабочих крестьянского сословия. По данным полицейской книги, в 1885/86 г. 91,2% занятых на фабрике мещан составляли местные, серпуховские жители. Подсчет, произведенный по расчетным книгам, показал, что и в течение всего изучаемого периода мещане, приписанные к г. Серпухову, составляли более 90% всех рабочих-мещан. В частности, среди набойщиков в 1875/76—1896/97 гг. он колебался в пределах 94—97%.

Связь с деревней рабочих-крестьян фабрики Коншина, за исключением маленькой группы набойщиков, была очень незначительна. В середине 1880-х годов, по данным Дементьева, на полевые работы уходило только 17 рабочих, в том числе 16 набойщиков¹. Дементьев сообщает, что в июне 1884 г. на фабрике был занят 271 взрослый набойщик². Таким образом, даже в этой, наиболее «крестьянской» группе рабочих, доля уходивших на полевые работы составляла лишь около 6%, а рабочие других профессий на полевые работы вовсе не уходили.

Низкий процент уходивших в страдную пору в деревню был характерен еще в момент крестьянской реформы почти для всех промышленных предприятий Центрального района. В дальнейшем он все более и более понижался и к концу столетия почти сошел на нет. Необходимый предпринимателям полный отрыв рабочих-крестьян от земли можно было считать почти завершенным.

Семейная преемственность фабричного труда, издавна установившаяся на ситценабивной фабрике Коншина, была одной из существенных

¹ Е. М. Дементьев. Указ. соч., ч. 1, стр. 168. Среди набойщиков, как видно из уже приведенных сведений, доля крестьян была особенно высока, достигая 80%.

² Там же, стр. 173.

причин длительного производственного стажа значительной части рабочих этого предприятия. Удельный вес рабочих с длительным стажем был особенно велик во время обследования Дементьева, когда, в связи с промышленным кризисом, много малоквалифицированных рабочих, то есть имевших небольшой производственный стаж, было уволено с фабрики. Рабочие с небольшим стажем работы на ситценабивной фабрике Коншина составляли более или менее значительную величину среди чернорабочих, среди лиц, занимавших должности, часто замещавшиеся малолетними и подростками (при сушильных плитах и сушильных барабанах, отбельщики, красильщики), в граверной и слесарной мастерских, где было сосредоточено фабричное ученичество, и среди женщин-работниц. В числе рабочих-мужчин большинства квалифицированных профессий лиц с небольшим производственным стажем было мало. Среди набойщиков, составлявших примерно четверть всех рабочих фабрики, лица со стажем менее пяти лет были почти исключением. В общей массе рабочих-мужчин лица со стажем работы на данном предприятии свыше 20 лет составляли 23,2%. Многие из них проработали на ситценабивной фабрике Коншина свыше 30, 40 и даже 50 лет. Рабочие-мужчины с производственным стажем свыше 15 лет составляли более одной трети (35,1%) их общего числа.

* * *

Приведенный материал дает возможность показать, с одной стороны, крестьянское происхождение огромного большинства изученного состава рабочих и, с другой стороны — давно начавшийся и далеко зашедший процесс отрыва их от деревни, превращение пролетаризированной крестьянской массы в новый общественный класс — пролетариат. Нам хотелось подчеркнуть, что тот своеобразный «класс наемных рабочих с наделом», социальную характеристику которого дал В. И. Ленин, не только был главным источником пополнения кадров промышленного пролетариата, но и определил в дальнейшем исторические судьбы рабочих и крестьян, их естественную близость в общей борьбе против царизма, помещиков и капиталистов. Две социальные войны, наличие которых констатировал В. И. Ленин, и объективно назревшая необходимость боевого союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата также явились результатом своеобразия формирования промышленного пролетариата в условиях глубокого процесса пролетаризации крестьянства, который только завершал многострадальный вековой путь отделения производителя от основного средства производства — земли, путь разорения и обнищания, путь «раскрестьянивания» и создания в деревне и городе новых социальных сил и новых революционных возможностей.

В. Д. МОЧАЛОВ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

После отмены крепостного права в Закавказье усилился процесс социальной дифференциации крестьянства. Однако изучение этого процесса затрудняется почти полным отсутствием массовых подворных статистических данных о крестьянском хозяйстве Грузии, Азербайджана и Армении в пореформенный период.

На Кавказе, как известно, не существовало земской статистики, много сделавшей для выяснения экономического развития пореформенной русской деревни, а официальная правительственная статистика там была поставлена еще менее удовлетворительно, чем во внутренней России. При большой национальной пестроте, незнании большинством населения края официального русского языка, подчас разным содержанием в различных местностях одноименных мер и весов и широко распространенном среди крестьян убеждении, что сообщение истинных сведений о достатке ведет к несчастью¹, местная администрация не могла обеспечить сбора точных статистических данных об экономическом положении деревни. Это обстоятельство, в частности, побудило правительство в середине 1880-х годов, — после того как государственные имущества на Кавказе, в том числе казенные земли, населенные государственными крестьянами, поступили в ведение Министерства государственных имуществ, — предпринять общее обследование экономического положения государственных крестьян края. Данные этого обследования были обнародованы в специальном семитомном издании², которое представляет собой единственное капитальное обследование экономики закавказской деревни в целом.

«Материалы» содержат сравнительно подробные и проверенные сведения о численности душ, количестве наделной и купленной земли, аренде, отхожих промыслах и т. п. государственных крестьян, составлявших большую категорию крестьянского населения Закавказья. К сожалению, они дают крайне мало статистических данных, позволяющих выявить действительную глубину процесса разложения крестьянства края. Сведения о наделной, купленной и арендованной земле, скоте и пр. даются по селениям и общинам в целом, а не по отдельным крестьянским дворам. Такого рода статистические данные, как известно, не позволяют выявить различия в уровне хозяйственной состоятельности отдельных групп крестьянства, затушевывают действительную картину.

Единственное отступление от этого приема казенной статистики было допущено составителями «Материалов» в отношении уездов Западной

¹ См. «Сборник сведений о Елисаветпольской губернии», Тифлис, 1902, стр. 41.

² «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Тифлис, 1885—1887 (в дальнейшем цит.: «Материалы...»).

Грузии (Кутаисская губ.), по которым они дают частично сгруппированные подымные сведения о крестьянском землевладении.

Отступление это было вызвано следующим обстоятельством. В Западной Грузии, в отличие от остального Закавказья, государственные крестьяне, как правило, жили не отдельными сельскими общинами, а в одних селениях с крестьянами других разрядов. Это объяснялось, между прочим, происхождением государственных крестьян в Западной Грузии. В состав их вошли: а) крестьяне, некогда принадлежавшие царю и владельческим князьям; б) бывшие церковные, перешедшие в казенное ведомство при отобрании церковных имуществ; в) крестьяне-собственники, выкупившие наделы у своих господ до крестьянской реформы и добровольно записавшиеся в число государственных крестьян из боязни быть вновь закрепощенными князьями и помещиками, и, наконец, так называемые незаконнорожденные. Помещики жертвовали крестьян церкви отдельными дымами. Отдельными же дымами выкупались у помещиков и крестьяне-собственники. Те и другие, естественно, продолжали жить на той же самой земле и в своих прежних усадьбах. Так образовались смешанные селения, в которых имелись бывшие помещичьи и казенные крестьяне и крестьяне-собственники. Одни из них отбывали повинности в пользу и помещиков, и казны, другие — только в пользу казны; одни пользовались землей казенной или помещичьей, а другие — собственной. Поэтому обследователи экономического быта и поземельных отношений государственных крестьян вынуждены были в Западной Грузии принимать за единицу не селение, а отдельный дым, рассматривать массу казенных крестьян как совокупность отдельных дымов, не относя их к тому или другому селению¹. Так были собраны подымные данные о землевладении государственных крестьян Западной Грузии, включая как наделную, так и собственную землю. К сожалению, эти данные до сих пор не привлекали внимания советских историков и экономистов. А между тем они, несомненно, проливают некоторый свет на процессы расслоения крестьянства в Закавказье в пореформенное время и дают известные данные для ответа на вопрос о том, почему Западная Грузия, и в частности Гурия, в начале XX в. сделалась одним из крупных очагов революционного крестьянского движения в России.

Надельное крестьянское землевладение в Закавказском крае в пореформенное время, так же как и в центральной России, не было свободным, а носило вынужденный, тягловый характер. «Наделы,— отмечал В. И. Ленин,— служат «прежде всего» для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность»².

Размер надельного землевладения несомненно является одним из важнейших признаков имущественной состоятельности крестьянского двора. Между тем распределение надельной земли в Закавказье среди всех категорий крестьян было крайне неравномерным. Размеры наделов у государственных крестьян в некоторых случаях колебались от 0,5 дес. на дым в одних селениях до 60—70 дес. на дым в других. Большая неравномерность в распределении надельной земли наблюдалась также и среди временно-обязанных крестьян. Если в имениях крупных землевладельцев за крестьянами в момент реформы оставались наделы высшего размера, то мелкопоместные помещики в Грузии имели возможность отводить

¹ См. «Материалы...», т. 1, Тифлис, 1885, стр. 162 и 734.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 439.

крестьянам совершенно ничтожные земельные наделы или вовсе оставлять их без наделов.

Неравномерность крестьянского наделного землевладения в обстановке товарного производства влекла за собой двоякого рода последствия. С одной стороны, в тех селениях и среди тех групп крестьянства, которые имели много земли, образовывалась наибольшая прослойка зажиточного крестьянства и сельской буржуазии. С другой стороны, в селениях и группах дворов, хуже обеспеченных наделной землей, происходил усиленный процесс пролетаризации и пауперизации, ибо на ничтожном наделе мелкому земледельцу (исключая случаи интенсификации хозяйства при специальных культурах) нельзя было просуществовать одним сельским хозяйством, и он вынужден был прибегать к работе по найму или приарендовывать на кабальных условиях помещичью землю.

Важная особенность наделного землевладения в Закавказье заключалась в том, что в большинстве районов оно было подворным или фактически не имело уравнительного характера.

Подворная (и даже хуторская) форма крестьянского землевладения была господствующей и в Западной Грузии. Все садовые места, пахотные и сенокосные угодья принадлежали не сельскому обществу, а отдельным дымам. Не только у временно-обязанных крестьян, у которых уже при составлении уставных грамот крестьянские наделы были распределены и подробно описаны по дымам, но и у государственных крестьян существовала участковая форма землевладения. В дальнейшем крестьянское землевладение почти полностью утратило общинную форму, что являлось прямым результатом развития товарно-денежных отношений. В общинном пользовании неразделенными остались лишь небольшие клочки выгонов и разных пустопорожних земель, также использовавшихся под пастбища. Каждый крестьянин старался обнести каменной оградой или живой изгородью не только усадьбу, но и прилегающий надел, наглухо отделяясь, таким образом, от своих односельчан. Поэтому селения имели своеобразный вид: крестьянские дворы были разбросаны на большом пространстве по холмам и склонам, деревни сплошь и рядом тянулись на несколько верст.

Развитию подворно-наследственного владения землей в Западной Грузии способствовало расширение в крестьянском хозяйстве площади, отводимой под такие рыночные культуры, как табак, виноград, шелковица и другие, требующие много труда, удобрения и ухода. Известную роль здесь играли также топографические и физические условия местности. Все растущее обострение нужды в земле заставляло крестьянина стремиться прочнее закрепить за собой имеющийся надел.

Этой общей участи не избежала и семейно-родовая община, сохранявшаяся еще в пореформенное время в отдельных нагорных районах Западной Грузии (например, в Раче и других местах). Под влиянием развития товарно-денежных отношений она также распадалась: общинно-родовая собственность дробилась, земля делилась на подворные семейные участки. Большие патриархальные семьи доживали последние дни, уступая место малым семьям¹.

Обратимся теперь к имеющимся данным об обеспечении наделной и купленной землей крестьян разных разрядов в Западной Грузии и распределении ее между дымами по отдельным уездам. Относительно государственных крестьян надо заметить, что из общей площади числившейся

¹ См. С. А. Егнazarов. Формы крестьянского землевладения в Кутаисской губ. и возникновение спорных земель — «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, ч. 1, стр. 168—169, 179.

за ними земли бесспорно наделные земли составляли только 47,8%, собственные крестьянские земли — 28,33% и спорные с казной или частными владельцами — 23,87%¹.

Следующая таблица показывает размеры наделов государственных крестьян, которыми они фактически пользовались, включая и собственную землю.

Таблица 1

Крестьянское землевладение в Кутаисской губ. (количество десятин в среднем на один дым²)

Уезды	Государственные крестьяне, водворенные на казенных землях	В том числе лесной, пастбищной земли, в %	Временно обязанные крестьяне, выкупившие наделы	Хизане
1. Озургетский	3,9	30,0	2,2	1,9
2. Сенакский	3,1	4,4	3,6	2,7
3. Зугдидский	6,1	38,9	2,8	2,03
4. Лечхумский	4,0	31,1	5,8	—
5. Рачинский	2,8	25,0	5,6	5,7
6. Кутаисский	5,3	34,0	4,9	0,8
7. Шорапанский	3,2	23,6	5,1	7,7
В губернии	4,2	28,8	—	2,4

¹ Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края, под редакцией Е. Кондратенко, Тифлис, 1899, стр. 11. Категория спорных земель образовалась следующим образом. При обследовании хозяйственного быта и межевании казенные крестьяне Западной Грузии заявляли права собственности на большую часть тех земель, которыми они пользовались. Свое право собственности на них они подтверждали предъявлением массы самых различных документов, начиная от царских грамот, дарственных записей, уставных грамот, отпускных, старинных и заверенных нотариально купчих и кончая нигде не засвидетельствованными купчими и простыми домашними расписками. Часть этих документов служила бесспорным подтверждением их прав собственности на землю. Другая часть оспаривалась властями или частными лицами, в силу чего земли, о которых шла речь в этих документах, были объявлены спорными. Автор описания юго-западной части Кутаисского уезда сообщает по этому поводу: «Права владения и пользования землей государственных крестьян отличаются крайней неопределенностью. Многие крестьяне относятся к казенной земле, как к своей личной собственности, продают ее в другие руки, закладывают, распределяют между наследниками и т. д. Все это приводит к чрезмерному хаосу отношений государственных крестьян к земле и почти на каждом шагу лишает возможности отделить казенные земли от земель, составляющих личную собственность крестьян. При таком положении значительное число крестьян, записанных по камеральному описанию в числе государственных, стремится перейти в разряд крестьян-собственников. Стремление это отчасти обуславливается и расчетом понизить размер податного обложения, так как норма обложения податями государственных крестьян выше нормы обложения крестьян-собственников» («Материалы...», т. VII, Тифлис, 1887, стр. 224).

² «Материалы по вопросу о распространении действий Крестьянского поземельного банка на Закавказский край», СПб., 1904, стр. 112—113. Сведения о землевладении казенных крестьян здесь приводятся по данным обследования 1880-х годов крестьян-собственников и хизан — по статистическим материалам, собранным правительственными учреждениями в середине 1890-х годов.

³ «Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края», стр. 11.

⁴ Относительно временно-обязанных крестьян, не выкупивших своих наделов, сведений нет.

⁵ Хизане — особая категория грузинских крестьян, являвшихся вечными арендаторами помещичьих земель и выполнявших в пользу помещика многочисленные повинности.

Эти цифры ясно говорят об остром крестьянском малоземелье, существовавшем во всех уездах Кутаисской губ. У государственных крестьян в среднем по губернии приходилось всего по 4,2 дес. земли на один дым, из которых 1,2 дес. было лесной, пастбищной и неудобной.

Отмечая факт крестьянского малоземелья, мы постоянно должны иметь в виду очень важное замечание В. И. Ленина о том, что «надо говорить не об одной земле, а об средствах производства вообще, и не о том, что их у крестьян «мало», а о том, что крестьяне от них *освобождаются*, что они *экспроприируются* растущим капитализмом»¹. С этой точки зрения приводимые цифры, конечно, не вскрывают полностью процесса обезземеления низших групп крестьянства. Однако сами по себе они все же показательны и позволяют, кроме того, сопоставить размеры землевладения различных категорий крестьян в разных уездах.

Особенно выделяются в отношении малоземелья казенные крестьяне Рачинского уезда. За ними идут крестьяне Шорапанского, Озургетского, Сенакского и Лечхумского уездов. Но и государственные крестьяне остальных двух уездов — Зугдидского и Кутаисского — немногим лучше были обеспечены землей, так как на эти уезды приходился наиболее высокий процент неудобных земель. Значительно больше, чем казенные крестьяне, имели земли временно-обязанные крестьяне, выкупившие свои наделы, то есть крестьяне-собственники. Исключение составляли лишь два уезда — Озургетский и Зугдидский. Зато в Рачинском и Шорапанском уездах средний размер земельных участков крестьян-собственников в первом вдвое, а во втором в полтора с лишним раза превышал надел казенных крестьян. Кроме того, земли крестьян-собственников были значительно выше по качеству, так как крестьяне выкупали обычно наиболее ценные угодья, садовые и плодородные пахотные участки. Повсеместно, за исключением Рачинского и Шорапанского уездов, хизане были обеспечены землей хуже, чем все остальные категории крестьян. Таковы были в общем размеры наделного землевладения крестьян в Западной Грузии.

Спрашивается, в какой мере крестьянские наделы могли обеспечить средствами существования крестьянскую семью?

Опираясь на имеющиеся в «Материалах» сведения по экономике сельского хозяйства и о землевладении государственных крестьян в конце XIX в., в связи с подготовлявшейся в то время реформой поземельного устройства государственных крестьян, уполномоченный министра государственных имуществ на Кавказе Я. С. Медведев предпринял попытку определить необходимые размеры средних крестьянских наделов применительно к трем разным климатическим зонам края: 1) высокогорной, холодной, 2) горно-лесной или горно-степной, умеренной и 3) низменной или предгорной, теплой. На основе учета средней доходности различных угодий и ценности возделываемых культур в различных зонах Медведев определил нормальный средний размер душевого земельного надела, позволявшего обеспечить хозяйственные и потребительские нужды крестьянской семьи, занятой исключительно земледелием². Так, для Кутаисской губ.,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 214.

² В своей «Записке по вопросу об основаниях поземельного устройства государственных крестьян пяти губерний Закавказского края» Медведев писал: «При существующем положении крестьянского хозяйства в Закавказье почти исключительным источником благосостояния крестьян является земля. Отсюда следует, что основанием для определения норм наделов должны служить данные о земельном хозяйстве крестьянской семьи в различных местностях края, при разных естественных и экономических условиях. Конечной при этом целью представляется исчисление количества земли,

по этим подсчетам, размер надела для семьи, состоящей в среднем из шести душ обоого пола¹, определялся (с учетом близости рынка, плодородия почвы, разного соотношения угодий и т. п.) для низменной, теплой полосы от 3 до 9 дес. на дым, для средней, умеренной — от 9 до 18 дес. и высокогорной, холодной — от 18 до 24 дес. на дым. При этом, разумеется, подушные нормы Медведева — правительственного чиновника, были, конечно, минимальные. Практического значения эти нормы не имели. Они были отвергнуты правительством, так как совершенно не соответствовали новым хозяйственным условиям развития деревни. К тому же самая идея нормирования крестьянских наделов была бы воспринята крупными землевладельцами — дворянами, князьями и буржуазией — как покушение на принципы частной собственности на землю. Но для нас «нормы» Медведева представляют определенный научный интерес, указывая на размеры земельных наделов крестьян в Закавказье, при которых крестьянская семья могла сводить концы с концами, живя исключительно своим земледельческим хозяйством, не прибегая к посторонним заработкам. Вычисленные Медведевым нормы наделного землевладения могут служить известным отправным пунктом при исследовании вопроса о хозяйственной состоятельности разных групп крестьян Закавказского края.

В письме П. Маслову в 1894 г. В. И. Ленин писал: «Вопросу о «норме», по моему мнению, можно придавать значение только в следующем смысле: важно знать, как велико должно быть земледельческое хозяйство крестьянина (среднего), чтобы покрывать все его потребности (и производительные и личные) и избавлять от необходимости искать заработка на стороне.

Важно знать это потому, что все хозяйства ниже стоящие прямо относятся к продающим рабочую силу, и размер хозяйства может с достаточной точностью указывать, как велико значение этого источника дохода.

которое способно обеспечить нужды семьи по удовлетворению как прямых потребностей жизни, так и по ведению хозяйства...»

Из данных, приведенных в «Справочной записке...» («Справочная записка» дана была в качестве приложения к документу. — В. М.), усматривается, что издержки крестьянской семьи среднего достатка, то есть доходы которой уравниваются с расходами и которая не испытывает недостатка в средствах на прожитие и ведение хозяйства, колеблются в пределах от 25 до 65 руб. на душу обоого пола, составляя в среднем 45 руб. Вполне самостоятельным крестьянским семейством, имеющим более или менее значительный избыток в средствах, можно принять такую семью, душевой расход которой составляет от 60 руб. (в Кутаисской губ.) до 80—90 руб. (в Восточном Закавказье). Следуя этим данным и увеличивая несколько в сторону большего благосостояния размер душевого расхода среднего по достатку крестьянского семейства (не богатого и не бедного), возможно, без значительных погрешностей, определить средний размер расхода на каждую душу в 50 руб. Исходя из последней цифры, Медведев и выводил средние подушные нормы крестьянских земельных наделов. (См. «Реформа поземельного устройства государственных крестьян Закавказья в конце XIX века. Документы и материалы», Сухуми, 1952, стр. 38—39).

¹ Средний размер крестьянской семьи нами принят в количестве 6 душ обоого пола на том основании, что по данным тех же «Материалов» (т. II, ч. 2, стр. 270) в Сенакском и Зугдидском уездах Кутаисской губ. у государственных крестьян на один крестьянский дым в среднем приходилось лишь несколько менее 6 душ. В Лечхумском уезде насчитывалось более 7 душ на дым (там же, т. I, стр. 169—170).

Однако более типичными в отношении размеров крестьянской семьи в Западной Грузии, где большие семьи к этому времени являлись уже редкостью, были первые два уезда. Это подтверждается данными посемейных списков 1886 г., из которых видно, что в целом по Кутаисской губ. у государственных крестьян в среднем приходилось именно по 6 душ обоого пола на один дым. (См. «Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.», Тифлис, 1893).

Хозяйства выше стоящие прямо относятся к мелкобуржуазным во всей чистоте»¹.

Следуя этому указанию, мы можем при разбивке крестьянских хозяйств Западной Грузии на группы по такому признаку (пусть не совершенно, на что мы указывали выше), как размеры их землевладения, исходить из норм, установленных Медведевым.

Подымные данные о землевладении государственных крестьян имеются по Гурии (Озургетский уезд)², Мингрелии (Сенакский и Зугдидский уезды)³ и Имеретии (Кутаисский⁴, Шорапанский⁵ и Лечхумский уезды⁶).

В Гурии, по данным «Материалов», к моменту обследования насчитывалось 2144 дыма казенных крестьян. По отношению к общему числу крестьянских дымов, которых в Озургетском уезде по посемейным спискам 1886 г. числилось 8931, это составит 24% общего их числа. Государственные крестьяне жили в 59 селениях совместно с крестьянами других разрядов — временно-обязанными и др.⁷ Селения эти были расположены почти исключительно в низменной, теплой полосе. На этом основании при группировке дымов государственных крестьян в Гурии по размерам землевладения мы должны будем руководствоваться нормами низменной, теплой полосы.

При этом земли, которые крестьяне считали своими собственными, составляли почти 52% общей площади крестьянского землевладения. Лишь 48% земли были наделными, принадлежавшими казне. В Гурии при подсчетах размеров обеспечения земель разных групп государственных крестьян собственная и казенная наделная земли засчитывались вместе.

Выделив в таблице в самостоятельные группы хозяйства, обеспеченные собственной и наделной землей в размере средней нормы, затем обеспеченные выше или ниже среднего уровня, а также безземельные дымы, мы получим представление о резко выраженной неравномерности землевладения у государственных крестьян в Озургетском уезде (Гурия).

Таблица 2

	Всего дымов	Безземельных дымов	До 3 дес. на дым	От 3 до 9 дес. на дым	9 дес. и более на дым
Число дымов с тем или иным наделом . .	2144	76	1396	607	65
В % к общему числу дымов	100	3,54	65,12	28,3	3,04

Таким образом, в Гурии только 28% дымов государственных крестьян, то есть немногим более четвертой части общего их числа, владели участками земли в размере 3—9 дес. и могли существовать своим земледельческим хозяйством, не прибегая к сторонним заработкам, что позволяет, с известным правом, отнести их к средней по хозяйственной состоя-

¹ Ленинский сборник, т. XXXIII, стр. 18.

² «Материалы...», т. I, стр. 739.

³ Там же, т. II, ч. 2, стр. 270, 275—276.

⁴ Там же, т. I, стр. 221; т. VII, стр. 225—226.

⁵ Там же, т. V, ч. 2, стр. 200.

⁶ Там же, т. I, стр. 168.

⁷ Это обстоятельство, между прочим, позволяет думать, что по условиям экономического быта государственные крестьяне здесь не отличались резко от остальных категорий крестьян.

тельности группе крестьян. У подавляющей же массы государственных крестьян земельные участки не превышали 3 дес. на дым. Это было в большей части малоимущее и беднейшее крестьянство, которое вместе с безземельными дымами составляло почти 69%, или свыше $\frac{2}{3}$ общего числа дымов¹. Наиболее обеспеченная надельной землей прослойка зажиточных и богатых крестьян (по 9 дес. и больше на дым) была сравнительно незначительной, составляя немногим более 3% всех дымов. В данном случае вполне подтверждается известный вывод марксистской теории о том, что обычно под влиянием резкого малоземелья поляризация верхних групп крестьян несколько сглаживается.

В Сенакском и Зугдидском уездах (Мингрелия) государственные крестьяне жили также главным образом на низменности². Поэтому, пользуясь имеющимися в «Материалах» данными об их землевладении, мы можем разбить все дымы в этих двух уездах на те же самые группы, которые были выделены нами выше.

Здесь так же, как и в Гурии, в составе крестьянских земель имелась значительная доля собственных земель, приобретенных крестьянами преимущественно по домашним купчим, нигде не зарегистрированным. Такие собственные земли в Сенакском уезде составляли 33% общей земельной площади, находившейся в пользовании государственных крестьян, и в Зугдидском уезде — почти 56%. В приводимых ниже подсчетах надельные и собственные земли государственных крестьян по обоим уездам также засчитаны вместе.

Таблица 3

	Всего дымов	Безземель- ных дымов	До 3 дес. на дым	От 3 до 9 дес. на дым	9 дес. и бо- лее на дым
--	----------------	-------------------------	------------------------	--------------------------	----------------------------

Сенакский уезд

Число дымов с тем или иным наделом . .	2286	6	1369	810	101
В % к общему числу дымов	100	0,26	59,88	35,36	4,5

Зугдидский уезд

Число дымов с тем или иным наделом . .	824	27	328	433	36
В % к общему числу дымов	100	3,27	39,81	52,55	4,37

Эти цифры показывают, что в Сенакском уезде мы наблюдаем ту же самую неравномерность в распределении надельной и собственной земли среди государственных крестьян, что и в Гурии. Около $\frac{3}{5}$ всех крестьян имели земли менее 3 дес. на дым, то есть представляли собой в большей части маломощные полуразоренные хозяйства, земельные участки которых не обеспечивали крестьянской семье необходимых средств существования. Одновременно здесь имелась несколько большая, чем в Гурии, про-

¹ Различия в имущественном положении между массой крестьян и зажиточной верхушкой в Гурии, как всегда, сказывались и на внешнем облике селений. «Жилье гурийца, как и в соседних уездах, — сообщается в «Материалах», — состоит из полутемного курного сарая без окон, пола и потолка...; более зажиточные домохозяева имеют светлые дома с окнами, потолком и крытыми галлереями вокруг наружных стен» («Материалы...», т. I, стр. 757).

² А. Ардасенов. Будущность травосеяния в Кутаисской губернии. «Труды Кавказского общества сельского хозяйства», Тифлис, 1892, № 5—6, стр. 184. Следует еще добавить, что Сенакский и Зугдидский уезды, как отмечают авторы описаний этих уездов, «не представляют никаких отличий друг от друга ни в климатическом, ни в топографическом отношении, и что экономический быт крестьян обоих уездов сходственен даже в мельчайших чертах» («Материалы...», т. II, ч. 2, стр. 267).

слойка крестьян со средним по величине земельным наделом, а также более значительный слой, у которого размер землевладения превышал среднюю норму. Этот слой представлял собой, надо полагать, зажиточную часть крестьянства. Еще больший удельный вес имели два последние слоя среди казенных крестьян Зугдидского уезда. Это объяснялось, повидимому, тем, что государственные крестьяне этого уезда были вообще более многоземельными: в среднем здесь приходилось по 6,2 дес. земли на дым, тогда как в Сенакском уезде лишь по 3 дес. с небольшим. Однако и в Зугдидском уезде малоземельное крестьянство и безземельные пролетарии вместе составляли свыше $\frac{2}{5}$ всего числа государственных крестьян. В целом же в Мингрелии крайние полюсы среди государственных крестьян — слой малоземельных сельских пролетариев и полупролетариев, с одной стороны, и многоземельного зажиточного крестьянства и сельской буржуазии, с другой — были выражены более резко, чем в Гурии¹.

Центральная часть Имеретии — уезды Кутаисский и Шорапанский были расположены по преимуществу в лесогорной, умеренной полосе и частично на низменности. Поэтому средний размер надела, обеспечивавший крестьянской семье возможность существования собственным земледельческим трудом, для них должен быть определен выше того, который был принят нами для теплой полосы, и несколько ниже, чем надел, вычисленный для собственно умеренной полосы. Таким средним наделом для этих двух уездов будет земельный надел от 5 до 15 дес. на один дым, если исходить с некоторым округлением из размера высшего надела (определенного Положением для Кутаисской губернии в 4,5 дес.) и ограничив наибольшую величину среднего надела 15 десятинами. Что именно такая группировка крестьян по размерам землевладения для данных уездов отвечает действительности, подтверждается тем, что обследовавший северо-восточную часть Кутаисского уезда Ф. Марков, отбирая типичные хозяйства крестьян — «богатого», «достаточного» и «бедного» — для составления их бюджетов, избрал крестьян, соответственно имевших земли — 17,25 дес., 13,62 дес. и 1,08 дес.

¹ Насколько эта цифровая характеристика, касающаяся обеспечения земель государственных крестьян в Мингрелии, правильно отражает положение основной массы мингрельского крестьянства, мы можем судить по следующему описанию Мингрелии, данному одним весьма осведомленным и прогрессивно настроенным наблюдателем. «Многие Мингрелию представляют себе не иначе, как вечно цветущей и благоухающей Аркадией, — пишет он. — Однако это — одно только заблуждение. Издали Мингрелия действительно может казаться прекрасным и цветущим садом, с вечно зеленеющей магнолией, миртом, маслинами, гранатовыми, апельсиновыми и лимонными деревьями, растущими на открытом воздухе. К сожалению, ближайшее знакомство с нею совершенно разочаровывает наблюдателя, и прежние представления исчезают, как обманчивые мечты воображения. Страна, которая могла бы быть богатейшей в мире, является перед нами самой бедной, какую только можно себе представить. Бедность так велика, жизнь так проста и элементарна, что чувствуешь положительную обиду за человека, столь мало культурного среди природы, могущей производить все, чем жив только человек, притом с наименьшими усилиями и затратами труда. Загляните, например, в хату мингрельца: в ней ничего нет, что называется, хоть шаром покати — ни обо что не заденешь. То же самое во дворе: никаких построек, ни даже курятника, так как куры сидят на деревьях. О сараях, кладовых и погребках — нет и помину, ибо все это без надобности, в них нечего класть... Питание мингрельца самое скудное: мчади да гоми, да лобио — вот и вся его еда изо дня в день. Сыром и молоком он лакомится очень редко, масла совершенно нет; мясо так редко и случайно появляется на его столе, что дни такого счастья в году они легко пересчитают по пальцам. Когда я смотрю на мингрельцев, — пишет далее указанный автор, — на желтзну, бледность и худобу их лиц, — мне всегда кажется, что они-то именно и составляют расу бледнолицых, только на кавказской почве, истощенных скудным питанием, злокачественными лихорадками, чахоткой и др. болезнями» (А. Ардасенов. Указ. соч., стр. 181—182).

Исходя из этих посылок, обеспеченность наделной земель разных групп государственных крестьян в рассматриваемых двух уездах¹ в середине 1880-х годов будет выглядеть следующим образом:

Таблица 4

	Всего дымов	Безземель- ных дымов	До 5 дес. на дым	От 5 до 15 дес. на дым	15 дес. и более на дым
Кутаисский уезд*					
Число дымов с тем или иным наделом	8470	110	4967	2830	563
В % к общему числу дымов	100	1,3	58,64	33,41	6,65
Шорапанский уезд**					
Число дымов с тем или иным наделом	4802	110	3845	691	56
В % к общему числу дымов	100	2,29	82,15	14,39	1,17

* Сведения о наделном землевладении 5672 дымов государственных крестьян в юго-западной части и 2798 дымов в северо-восточной части Кутаисского уезда были собраны разными исследователями. Все подсчеты даются нами по уезду в целом. Исследователем юго-западной части уезда все дымы, владевшие от 10 до 20 дес. наделной земли, были подсчитаны вместе. Поскольку нами выделяются группы казенных крестьян, владевшие от 5 до 15 дес. и от 15 дес. и больше наделной земли, то число дворов с 10—20 дес. земли по юго-западной части уезда разделено пополам между этими группами.

** В таблице по Шорапанскому уезду наделные земли казенных крестьян также даны вместе с землями, которыми владели эти крестьяне на правах собственности. Так они подсчитаны в источнике. Этого рода данные имеют то преимущество, что более правильно характеризуют действительное земле-владение государственных крестьян. Кроме того, в источнике не выделены группы крестьян, владевшие от 10 до 15 дес. и от 15 до 20 дес. земли. Эти группы образованы нами также путем деления пополам числа дворов, владевших от 10 до 20 дес. земли на дым.

В приведенных цифрах прежде всего бросается в глаза большое различие в распределении в этих двух уездах дымов государственных крестьян по группам, характеризующим разную степень земельной обеспеченности отдельных дворов. В основе этого явления лежит тот факт, что в целом Кутаисский уезд, в особенности его равнинная часть, был сравнительно более многоземельным, чем Шорапанский уезд. В первом из них казенные крестьяне в среднем имели по 4 дес. с лишним земли на один дым, тогда как во втором — лишь по 3,2 дес. на дым. В Шорапанском уезде чуть ли не вдвое выше был процент безземельных дымов. Относительно безземельных казенных крестьян как Шорапанского, так и других уездов следует отметить, что в их число вошли не только полностью обезземеленные крестьяне, вынужденные продавать свою рабочую силу сельским и городским нанимателям, но и крестьяне, занимавшиеся торговлей на стороне, затем так называемые незаконнорожденные, сироты, оставшиеся без земли благодаря опекунам, нищие и бродяги.

Особенно велик был в Шорапанском уезде удельный вес дымов, которые были обеспечены землей ниже среднего уровня (больше 82%), то есть такими земельными наделами, доходы с которых не давали их владельцам возможности просуществовать без сторонних заработков. Весьма высока (почти 59%) была доля таких же малоземельных крестьянских

¹ Здесь также государственные крестьяне имели не только казенную наделную, но и собственную землю. В Кутаисском уезде в составе крестьянских наделов казенной земли числилось 9,4%, собственной — 11,3% и остальные 79,3% были землями спорными с казной и частными лицами; в Шорапанском уезде у крестьян было 78% казенной земли и 22% — собственной.

хозяйств и в Кутаисском уезде. Одновременно здесь почти вдвое большей, чем в Шорапанском уезде, была часть дымов, которая была обеспечена землей настолько, что могла получать нужные для крестьянской семьи средства существования от земледельческого хозяйства. Несравненно больший удельный вес, чем в Шорапанском уезде, имела здесь прослойка крестьянства, обеспеченная землей выше среднего уровня, состоявшая, по всей вероятности, из зажиточного крестьянства и сельской буржуазии.

Следует иметь в виду, что численность зажиточного крестьянства и сельской буржуазии в Шорапанском, равно как и во всех других уездах Западной Грузии, безусловно не исчерпывалась числом дымов, земельные наделы которых были выше средней нормы. Именно в руках этой зажиточной верхушки села в первую очередь сосредоточивалось торговое земледелие во всех его разнообразных видах: виноградарство, табаководство, хлопководство и т. п.¹ А поскольку эти наиболее рыночные культуры были культурами интенсивными, требующими больших затрат труда и капитала на единицу площади, чем экстенсивные отрасли хозяйства (зерновое производство, отгонное скотоводство и т. п.), то даже при наличии земельных наделов, хотя бы среднего размера, зажиточные крестьяне, располагавшие необходимыми капиталами, могли вести более крупные земледельческие хозяйства. Они могли являться, помимо того, владельцами технических сельскохозяйственных производств, хозяевами торговых предприятий и т. п. Поэтому настоящий удельный вес отдельных социальных групп среди крестьянства, подчеркиваем еще раз, может быть выявлен только на основании учета по крайней мере главных признаков состоятельности крестьянского двора, а отнюдь не одной только обеспеченности его землей.

Во всяком случае важно отметить, что установленное нами на основе статистических данных большое неравенство между крестьянами в обеспечении землей было в середине 80-х годов общим и вполне установившимся явлением экономического положения государственных крестьян².

¹ Только возделыванием винограда в Западной Грузии было занято 38% всего крестьянского населения.

² Разумеется, для разных социальных групп это неравенство имело совершенно различные последствия. Когда обследователь Кутаисского уезда писал о «духе кулачества, обуявшем все население уезда», то, очевидно, это относилось только к зажиточной верхушке крестьянства. В свою очередь, плохо обеспеченные землей беднейшие слои крестьянства свои усилия направляли на то, чтобы добыть средства существования продажей своей рабочей силы или при помощи полукрепостнической, кабальной аренды земли у помещиков. Живые наблюдения обследователя подтверждают этот вывод, сделанный на основании приведенных цифровых данных. «Крестьянские наделы,— пишет он,— разнятся в своих размерах. Одни из домохозяев имеют в своем пользовании количество земли, не только обеспечивающее их хлебом для прокормления своих семей в течение круглого года, но и дающее возможность продавать избытки; у иных доходом от продажи хлеба покрываются все домашние потребности, помимо пропитания, и уплачиваются подати; у некоторых домохозяев оказывается избыток земли, часть которой, за малочисленностью рабочего скота или рабочих рук, отдается из части урожая. Напротив того, есть много крестьян, располагающих такими незначительными наделами, которые не дают им никакой возможности прокормиться своим хлебом от урожая до урожая... Здесь каждый крестьянин хлопочет всеми мерами прежде всего о том, чтобы кормиться не покупным, а своим хлебом, и если можно, то даже иметь его в излишке, про запас, на неурожайный год, бедный — для себя, а богатый — на продажу. Поэтому все малоземельные, способные к работе крестьяне обращаются к найму чужих земель в таком количестве, чтобы обойтись, если не весь год, то, по крайней мере, большую часть года без покупки хлеба за деньги; лишь в редких случаях, когда не представляется возможности найти подходящую по цене и расстоянию от местожительства землю, крестьянин расходует на покупку хлеба деньги, добытые посторонним заработком» («Материалы...», т. I, стр. 234).

Приведенные выше данные о крайнем малоземелье и неравномерности распределения наделной земли между крестьянами в Шорапанском уезде находят также подтверждение в материалах специального подымного статистического обследования крестьянских хозяйств этого уезда, проведенного под руководством агронома В. Старосельского в 1892—1893 гг.¹, то есть почти на десятилетие позднее, чем обследование быта государственных крестьян Закавказского края. Данные обследования 1892—1893 гг. тем более интересны, что касаются всех категорий крестьян, в том числе и временно-обязанных, относительно которых имеется очень мало статистических сведений. Кроме того, они дают возможность сравнить земельное обеспечение крестьян разных категорий. Названные данные о крестьянском землевладении в Шорапанском уезде сведены нами в таблицу в основном по вышеописанному принципу. (В особую группу выделяются дополнительно крестьяне, владевшие от 3 до 5 дес. земли; к сожалению, в источнике все хозяйства, владевшие пятью и более десятинами на дым, подсчитаны вместе. Поэтому не было возможности особо выделить группу дымов, обеспеченных землей выше среднего уровня).

Вот эти данные:

Таблица 5

Разряды крестьян	Всего дымов, имевших наделную и купленную землю	До 3 дес. на дым				От 3 до 5 дес. на дым			Всего 5 дес. на дым	5 дес. и более на дым
		До 1 дес.	От 1 до 2 дес.	От 2 до 3 дес.	Всего до 3 дес. на дым	От 3 до 4 дес.	От 4 до 5 дес.	Всего от 3 до 5 дес. на дым		
Государственные крестьяне *	5604	383	1349	1385	3117	1023	593	1616	4733	871
В %	27,3	6,8	24,1	24,7	55,6	18,3	10,6	28,9	84,5	15,5
Врем.-обяз. крестьяне	5766	829	1793	1268	3890	754	425	1179	5069	697
В %	28,2	14,3	31,1	22,0	67,4	13,1	7,4	20,5	87,9	12,1
Крестьяне-собственники	9114**	1173	2114	1742	5029	1238	834	2072	7101	2013
В %	44,5	12,9	23,2	19,1	55,2	13,6	9,1	22,7	77,9	22,1
Итого	20484	2385	5256	4395	12036	3015	1852	4867	16903	3581
В %	100	11,6	25,7	21,5	58,8	14,7	9,0	23,7	82,5	17,5

* Сюда нами присоединены небольшие по численности категории безнадельных, но имевших купленную землю государственных крестьян и бывших церковных, также числившихся государственными крестьянами. Те и другие в источнике выделены в самостоятельные группы. Кроме того, среди безнадельных государственных крестьян уезда имелось 90 дымов, не располагавших ни наделной, ни купленной землей. Эти 90 дымов нами из подсчетов исключены.

** В подсчет не вошли три дыма крестьян, числившихся собственниками, но совсем не имевших земли. Не вошел в таблицу также 61 безземельный дым из числа бывших помещичьих крестьян.

Приведенные в таблице данные показывают, что немногим менее половины (44,5%) крестьянского населения Шорапанского уезда состав-

¹ «Статистические сведения о Шорапанском уезде, Кутаисской губ.», изд. Кавказского филоксерного комитета, Тифлис, 1901, стр. 130—135.

ляли бывшие временно-обязанные крестьяне, выкупившие свои наделы и поэтому перечисленные в разряд собственников. Свыше четвертой части всех дымов составляли временно-обязанные крестьяне (28,2%) и несколько меньшую группу — государственные крестьяне (27,3%). Сопоставляя приведенные выше данные обследования 1885—1886 гг. о землевладении государственных крестьян этого уезда с данными 1892—1893 гг., мы видим, что удельный вес крестьянских хозяйств, располагавших землей в количестве меньшем, чем необходимо для земледельческого хозяйства среднего уровня, среди государственных крестьян несколько даже увеличился и, наоборот, — уменьшился процент дымов, имевших землю в размере средней нормы и выше¹. Весьма также показательно, что в числе государственных крестьян, земельное обеспечение которых не достигало среднего уровня, основную массу составляли дворы, имевшие всего 1—2 или 2—3 дес. земли, а значительная часть не имела даже и одной десятины.

Еще резче малоземелье сказывалось среди временно-обязанных крестьян. У них еще больше, чем у государственных крестьян, было дворов с совершенно крохотными земельными наделами — до 1 дес. на дым (14,3%) и от 1 до 2 дес. на дым (31,1%). Следовательно, только последняя группа составляла почти третью часть всего числа временно-обязанных крестьян. Таким образом, группа парцелльных крестьян, имевших всего до 3 дес. земли на дым, была среди них более значительной, чем среди государственных крестьян (67,4% против 55,2%). Наряду с этим значительно ниже здесь был процент дымов, наделы которых достигали 3—5 дес., то есть более или менее приближались к среднему для данного уезда уровню. В целом малоземельная группа — до 5 дес. земли на дым — была значительно большей среди временно-обязанных крестьян, чем среди крестьян казенных. И, наоборот, среди первых было несколько меньшим, чем среди вторых, число дымов, землевладение которых достигало среднего уровня или превышало его, то есть у первых была, повидимому, тоньше прослойка среднего и зажиточного крестьянства.

Несколько иную картину представляло собой землевладение крестьян Шорапанского уезда, выкупивших свои наделы у помещиков, то есть крестьян-собственников. Неравномерность распределения земли среди них, как мы убеждаемся, выражена еще более резко, чем среди первых двух категорий крестьян. Тут был почти такой же высокий, как и среди временно-обязанных крестьян, процент дымов, которые имели менее одной десятины земли. В целом группа парцелльных крестьян-собственников была столь же велика, как и среди государственных крестьян. Это показывает, что крайняя нужда в земле вынуждала даже малообеспеченные слои крестьянства покупать ее хотя бы крохотными участками. Одновременно с этим значительно большей в сравнении с государственными и особенно временно-обязанными крестьянами была группа крестьян-собственников, землевладение которой достигало средней нормы или превышало ее. И это, разумеется, не случайно. Уже один тот факт, что крестьяне-собственники смогли выкупить за деньги свои наделы у помещиков, говорит о большей зажиточности этой категории крестьян, наличии среди нее большого слоя сельской буржуазии. Этого обстоятельства нельзя не учитывать при оценке удельного веса различных имуществен-

¹ При сопоставлении данных того и другого обследования необходимо иметь в виду, что в цифровые итоги последнего не включены оговоренные выше 90 безземельных дымов государственных крестьян, что делает процентные данные обеих таблиц не вполне сопоставимыми.

ных групп среди крестьянства в целом по Шорапанскому уезду, поскольку здесь крестьяне-собственники в 1890-х годах составляли почти половину всех крестьянских дворов в уезде.

Мы остановились более подробно на данных о землевладении крестьян Шорапанского уезда, собранных в 1892—1893 гг., потому, что это одно из очень немногих исследований экономического положения закавказской деревни, которое коснулось всех категорий крестьянского населения. Данные этого обследования несомненно являются в большой мере характерными и для многих других районов Западной Грузии.

Особой остроты малоземелье среди крестьян Западной Грузии достигло в нагорных уездах — Лечхумском и Рачинском. Именно этим обстоятельством в первую очередь объясняется тот факт, что эти уезды стали главным районом отхода крестьянского населения на «посторонние заработки» — в города, на железную дорогу, на сенокосы и поденные работы в виноградниках, в качестве косарей и т. п.

Для характеристики крестьянского землевладения этой полосы воспользуемся имеющимися подымными данными по Лечхумскому уезду.

В Лечхумском уезде насчитывалось 335 дымов государственных крестьян, пользовавшихся казенной землей. Они жили совместно с крестьянами других разрядов в 30 селениях, составляя 25% всего числа крестьянских дворов этих селений. Из общего количества земли, которой пользовались государственные крестьяне, считалось 62% казенной и 38% собственной¹. О распределении этой земли между казенными крестьянами уезда дает представление следующая таблица.

Таблица 6

	До 1 дес.	От 1 до 2 дес.	От 2 до 3 дес.	От 3 до 4 дес.	От 4 до 5 дес.	От 5 до 6 дес.	От 6 до 7 дес.	От 7 до 8 дес.	От 8 до 9 дес.	От 9 до 11 дес.
Число дымов с тем или другим наделом	12	42	59	77	59	30	21	20	9	6
То же в %	3,59	12,54	17,61	22,98	17,61	8,96	6,27	5,97	2,69	1,78
	98,22									

Поскольку основная часть Лечхумского уезда (даже без Верхней Сванетии) представляла собой нагорный район, прорезанный долинами и глубокими ущельями, то в целом он, в соответствии с принятой нами выше разбивкой на полосы, должен быть отнесен, по крайней мере, к средней, умеренной полосе. Следовательно, средняя наделная норма земли, позволявшая крестьянской семье существовать только сельскохозяйственным трудом, должна быть определена (опять же — для семьи в 6 человек) в размере 9—18 дес. на дым. Из таблицы видно, что в Лечхумском уезде было только 6 дымов казенных крестьян, надел которых ми-

¹ И здесь собственными считались земли, приобретенные крестьянами по нигде не засвидетельствованным или предъявленным в сельском управлении домашним купчим, а также по купчим, заверенным в нотариальном порядке. Всего более были распространены купчие первого рода. «По понятию народа, — замечает обследователь уезда, — домашние купчие вполне показывают право полной собственности на землю, так как они вполне удостоверяют факт покупки; форма купчих крепостей освящена обычаем, и крестьяне придают одинаковое значение как незасвидетельствованным купчим старого времени, так и явленным в сельских управлениях» («Материалы...», т. I, стр. 165).

нимально соответствовал этой норме (9—11 дес. на дым)¹. Вся же остальная масса крестьян (98,22% дворов), как мы видим, имела за немногим исключением земли в несколько раз меньше указанной нормы. Самая значительная группа дымов (40,59%) владела 3—5 дес. на дым, то есть в три раза ниже нормы, а третья часть крестьян (30,15%) имела всего от одной до трех десятин, то есть в 6 раз меньше нормы².

Для характеристики обеспечения земель крестьян нагорной полосы обратимся к имеющимся в «Материалах» данным о землевладении государственных крестьян в 75 селениях Рачинского уезда Кутаисской губ., значительная часть которых была расположена в высокогорной полосе³. К сожалению, цифры здесь даются по селениям в целом, а не по отдельным дымам, и поэтому указывают на неравномерность распределения наделной земли только между селениями. При этом, как обычно, учитывалась как казенная, так и собственная земля. Последняя составляла примерно одну четвертую часть по отношению к казенной наделной земле. По этим данным, в 8 селениях приходилось всего земли (удобной, неудобной и лесной) до 1 дес. на дым, в 16 селениях — до 2 дес. на дым, в 19 селениях — до 3 дес., в 13 селениях — до 4 дес., в 11 селениях — до 5 дес., в 3 селениях — до 6 дес., в 2 селениях — до 7 дес. и в одном селении — до 8 дес. на один дым. По тем же сведениям, из 75 обследованных селений в 53 приходилось до 0,5 дес. земли на душу обоего пола, в 18 селениях — до 1 дес. и только в одном селении — до 2 дес. на душу. Эти цифры относятся, как было указано, к казенным крестьянам всего Рачинского уезда, т. е. Нижней и Верхней Рачи. Однако несомненно, что в последней, ввиду нагорного характера местности, масса крестьянства испытывала еще более острую нужду в земле⁴.

¹ На самом деле и эти шесть крестьянских дымов не были удовлетворительно обеспечены землей, так как все они были многосемейными: один дым насчитывал 8 душ обоего пола, второй — 10, третий — 12, четвертый — 14, пятый — 16 и шестой — 29 душ.

² Интересно отметить, что эти, хотя и частичные, но весьма показательные статистические данные, свидетельствующие о земельной нужде в Лечхуме, вполне подтверждаются наблюдениями лиц, хорошо знакомых с этим районом. «Нигде, быть может, на Кавказе (разве в каком-нибудь дагестанском селе, вроде сел. Гимри, где сады устроены на искусственных террасах), — писал один из них, — не обрабатывают таких крутых склонов, как у нас здесь. Кукурузные поля, расположенные на склонах под углом в 60—70 градусов, здесь не редкое явление. Ни плуг, ни соха здесь не могут быть применены к обработке земли, и поэтому такие участки обрабатываются исключительно руками человека, единственно пригодным орудием которого оказывается мотыга с коротенькой ручкой... Когда-то бывшие здесь дремучие леса на более или менее низменных местах давно уже уничтожены и превращены в виноградники и кукурузные поля, а теперь крайний недостаток в земле заставляет вырубать леса и на тех крутых склонах, где трудно не только произвести рубку леса, но где затруднительна самая обработка земли, лишь бы выцарапать у природы лишний «батман» (20 фунтов) кукурузы» («Кавказское сельское хозяйство», 1895, № 77, стр. 1337).

От крайнего малоземелья остро страдало крестьянское население всей высокогорной полосы Главного Кавказского хребта, в том числе и Западной Грузии. Земельная теснота здесь повсеместно была особенно велика. «Чтобы выиграть несколько квадратных сажень для пашни, — писал А. Ардасенов, — горы лепят свои дома бок-о-бок и строят их в два этажа, причем нижний этаж отводится под скотину, верхний же занимает хозяева. От этого поселение горское скучено до невозможности, с первого взгляда трудно разобрать, где начинается один двор и где — другой. Собственно говоря, двора у горца и не существует: плоская крыша его каменного дома заменяет ему двор; здесь отдыхает и работает семья, играют на солнышке дети, сушат хлеб и проч. В горных селениях, по выражению самих крестьян, люди «сидят друг на друге» (А. Ардасенов. Указ. соч., стр. 264).

³ «Материалы...», т. II, ч. 1, стр. 22—24.

⁴ Об истинном уровне разных групп крестьянства в Рачинском уезде можно до некоторой степени судить по описанию тамошних условий сельского быта. «Дома в Нижней Раче везде деревянные, везде крыты дранью и, нередко, двухэтажные. Бедняки,

Остановимся, наконец, на итоговых данных о землевладении государственных крестьян Западной Грузии (Кутаисской губ.) в целом, разделив все крестьянские хозяйства на те же группы, какие были нами приняты для Шорапанского уезда. Такая группировка, на наш взгляд, имеет известное основание, так как малоземелье являлось характерным для всей Кутаисской губернии. Далее, как и в Шорапанском уезде, наибольшая часть территории губернии в целом лежала в умеренной, лесо-горной полосе, относительно меньшая — в теплой, низменной и часть — в высокогорной, холодной. Поэтому среднюю наделную норму для всей Западной Грузии, позволявшую крестьянину хотя бы кое-как существовать своим земледельческим хозяйством, без большой ошибки можно определить в размере тех же 5—15 дес. земли на дым, выделив при этом безземельные хозяйства, хозяйства, имевшие земли в количестве до 3 дес., хозяйства с 3 до 5 дес. земли и, наконец, хозяйства, наделы которых достигали 15 и свыше десятин, т. е. превышали среднюю норму. В таком случае картина земельного обеспечения государственных крестьян Кутаисской губ., считая казенную наделную и собственную землю вместе, в середине 1880-х годов будет такова (см. табл. 7) ¹.

Составленная нами таблица наглядно показывает, что группировка дымов государственных крестьян, исходным пунктом которой служит

которых большинство и у которых мало, или совсем нет скота, довольствуются простою низенькою саклею с земляным полом и плетеным из хвороста подобием потолка, или четырьмя-пятью деревянными досками, заменяющими этот потолок. Более состоятельные строят двухэтажные дома. В нижнем этаже, в таких случаях, устраивается хлев для скота...; в верхнем — жилое помещение для семьи.

По иному выглядели селения Верхней Рачи, особенно наиболее крупные из них. «Это уже не группы деревянных сакель, окруженных зеленью, — писал тот же автор, — а кучи каменных строений, нагроможденных друг на друга и лишенных кругом всякой растительности... Белые дома кажутся чистейшими уютными зданиями, из-за которых там и сям величаво выступают высокие старинные башни с амбразурами и бойницами по бокам. Как дома, так, в особенности, эти башни придают селам вид средневековых городов, каким-то чудом перенесенных в верховья Риона...»

Зато вблизи иллюзия эта мгновенно пропадает и неподкрашенная действительность является во всем своем непривлекательном виде. Белые домики, которые казались такими уютными издали, оказываются просто какими-то подобиями людских жилищ, грубо сложенными из неотбесанных серых камней; величавые башни — полуразвалившимися громадами, имевшими возможность играть роль крепостей разве только в прежнее время; живописные улицы — грязными канавами, служащими для стока навозной жижи. Разочарование усиливается еще более, когда вы вступаете в самое селение и, так сказать, становитесь лицом к лицу с окружающей бедностью. Впечатление получается тем неотразимее, что жители этих селений, как люди патриархальные и притом живущие вдали от остального мира, чужды всякой щепетильности и живут нараспашку, на виду у всех. Лохмотья, тряпье — все это вывешивается на балконах, на показ всякому проходящему. Домашняя обстановка верхнерачинца вполне соответствует убогой внешности его жилища. Собственно говоря, у него нет никакой обстановки, если не считать такового два-три грубо сколоченных стула, несколько штук деревянной посуды, несколько деревянных же кадок для сохранения провизии — и только. В наиболее состоятельных семействах редко можно найти даже такую необходимую вещь, как постель: и малые и взрослые спят все вместе в так называемых «хвири» — плетушках, наполненных саманом и соломою, прикрываясь бараньими или звериными шкурами. О белье, конечно, нечего и говорить: очень часто рубашка имеется на целое семейство в душ 10—15 и надевается попеременно, преимущественно тем из членов семьи, который собирается куда-нибудь в дорогу. Ко всему этому нужно добавить присутствие навоза везде, смрад и вонь, царящие как дома, так и на улицах, нечистоплотность и иеряшливость, отовсюду бросающиеся в глаза, — и о жизни верхнерачинца можно составить себе некоторое понятие.

Словом, — заключает обследователь уезда, — можно сказать с уверенностью, что только благодатный горный воздух спасает эти селения от эпидемических болезней, которые иначе, ввиду невыразимых антигигиенических условий местной жизни, должны были бы стать тут обыкновенным явлением» («Материалы.», т. II, ч. 1, стр. 92).

¹ «Материалы...», т. II, стр. 271.

Таблица 7

	Всего дымов	Безземель- ных дымов	До 3 дес. на дым	От 3 до 5 дес. на дым	От 5 до 15 дес. на дым	15 дес. и бо- лее на дым
Число дымов с тем или иным наделом	20 997	398	10 585	5323	4053	638
В % к общему числу ды- мов	100	1,90	50,41	25,35	19,30	3,04

приблизительный размер среднего земельного надела, позволявший крестьянину вести более или менее самостоятельное сельскохозяйственное хозяйство, в масштабе всей Западной Грузии в основном дает те же самые результаты, что и по отдельным районам.

Надельная и собственная земля среди казенных крестьян была распределена крайне неравномерно. Свыше трех четвертых всего числа их владели наделами, не достигавшими среднего уровня, то есть не могли на них существовать, не прибегая или к кабальной аренде помещичьей земли, или к продаже своей рабочей силы. Все они несли на себе ярмо полукрепостнической или капиталистической эксплуатации. При этом даже та часть малоземельных крестьян, которая имела наделы в размере от 3 до 5 дес. на дым, повидимому, значительную часть средств своего существования должна была добывать за счет кабальной аренды и работы по найму. При этом не только безземельный люд, но и те из крестьян, которые располагали наделами до 3 дес. земли (а тех и других вместе насчитывалось свыше половины всех дворов), в сущности не могли считаться сколько-нибудь самостоятельными хозяевами-земледельцами и наполовину представляли из себя задавленных полукрепостнической кабалой деревенских париев или наемных рабочих.

Только одна пятая часть всех государственных крестьян имела наделы в размере средней нормы, то есть более или менее может быть рассматриваема в качестве самостоятельных хозяев. Совсем невелико было число дымов, располагавших наделами свыше средней нормы, то есть в 15 и более десятин, — всего 3% с небольшим. Однако, как уже было замечено выше, процент этот, как правило, не может служить указанием на величину зажиточной прослойки села, так как размер землевладения нередко менее всего является показателем удельного веса богатых дымов в сельскохозяйственном производстве. Надо также иметь в виду, что именно сельская буржуазия сосредоточивала в своих руках и предпринимательскую аренду земли.

Таковы некоторые данные, свидетельствующие о большой неравномерности распределения надельной и собственной земли среди государственных крестьян Западной Грузии, частично указывающие на то же самое явление и среди остальных имевшихся здесь категорий крестьянского населения.

Одной из характернейших особенностей крестьянского землевладения в Западной Грузии являлась чрезвычайная дробность и чересполосность земельных участков, из которых образовывался подымный земельный надел отдельного домохозяина. Очень редко бывало, чтобы подворный земельный участок находился в одном отрубе. И, наоборот, совершенно заурядным явлением было такое положение, когда подвор-

ный участок состоял из 10—30 мелких клочков земли, отстоявших иногда друг от друга на 2—5 верст и более. Это равным образом было характерно для землевладения всех категорий крестьян. Так, в Шорапанском уезде у казенных и временно-обязанных крестьян и крестьян-собственников участок каждого домохозяина состоял в среднем из 9—10 отдельных кусков земли, разбросанных чересполосно. Распад больших патриархальных семей, частые семейные разделы и упадок родового начала, сопровождавшие внедрение буржуазных отношений в хозяйственный строй деревни в пореформенное время, приводили к дальнейшему измельчанию крестьянского землевладения. Дробность же и чересполосность землевладения, достигавшая крайнего предела у малоземельной части населения, совершенно исключала возможность правильной обработки земли и служила одной из причин упадка хозяйства и разорения крестьянской массы.

Одновременно в пореформенное время в Западной Грузии наблюдалась прямая мобилизация оставшейся наделной земли — переход ее от обедневших крестьян в руки сельской буржуазии. Хотя процесс этот по ряду причин был здесь по всем данным более замедленным, чем, например, в Восточной Грузии, но тем не менее он выявился вполне определенно. Наделные земли продавались своим односельчанам прежде всего теми крестьянами, которые вынуждены были забросить сельское хозяйство и переселиться в город, чтобы заняться там торговлей, ремеслом, поденной черной работой, находиться в услужении или пойти в мастерские, на заводы и фабрики¹.

Рассмотренные выше статистические и иные материалы о землевладении государственных крестьян в Западной Грузии дают в значительной мере ответ на вопрос, почему там и, в частности, в Грузии в начале XX в. чрезвычайно высоко взметнулась волна революционного крестьянского движения. Экономический кризис, стачки и демонстрации пролетариата, в том числе в соседнем Батуме, широко разнесли искры революционного пожара, которые упали на подготовленную почву в деревнях Западной Грузии.

---

¹ Переход наделной земли, в частности садов, не только к богатым односельцам, но даже к лицам со стороны совершался нередко путем залога. Вот как описывает это явление Егиазаров: «Почти в каждом сельском обществе есть разбогатевшие крестьяне, кулаки и лавочники, открывающие в селах мелочную или розничную торговлю. Все они охотно ссужают деньгами нуждающихся крестьян, но за такие проценты и на таких условиях, что их должнику редко удается выплатить долг. В обеспечение долга кредитор берет в залог сады крестьян, как самые ценные из всех угодий. В случае неуплаты долга, кредитор берет себе заложенный сад, а чтобы окончательно укрепить его за собой, доводит дело до суда. Так как в прежнее время в мировых судах при постановлении приговора и исполнении судебного решения не всегда обращали внимание на то, что заложенный таким образом сад разведен на казенной земле и потому не может подлежать продаже за частные долги крестьянина, то государственные земли, вместе с разведенными на них садами, на законном основании, через посредство органов судебной власти и по всем правилам юридического искусства, укреплялись за сторонними лицами и выходили из владения государственных крестьян» (С. А. Егиазаров. Сельская община. Исследование по истории учреждений в Закавказье — «Ученые записки юридического факультета Казанского университета», 1889, стр. 55). Кроме того, наделные земли переходили из одних рук в другие путем наследования и отдачи в приданое, если государственные крестьяне вступали в родственные отношения с крестьянами других разрядов, а также если они перечислялись в другие сословия — в купцы, духовенство. Закрепленные за этими последними лицами и их потомками наделные земли нередко сдавались в аренду малоземельным крестьянам.

А. С. НИФОНТОВ

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССОВ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА В РУССКОМ ГОРОДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

(По материалам переписей населения г. Москвы в 70—90-х годах XIX в.)

В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал неизбежность победы и утверждения буржуазных отношений в нашей стране после падения в ней крепостного строя. На основе анализа материалов первой всероссийской переписи населения в 1897 г. В. И. Ленин пришел к строго обоснованному выводу, что к исходу прошлого столетия социальные отношения в России являлись типичными для развитого буржуазного общества, пришедшего на протяжении последних сорока лет XIX в. на смену крепостническим общественным отношениям.

Этот процесс перехода от феодально-крепостнического строя к буржуазному в городских торгово-промышленных центрах капиталистической России протекал особенно быстрыми темпами. Отмечая, что «рост индустриального населения на счет земледельческого есть явление, необходимое во всяком капиталистическом обществе», В. И. Ленин наиболее наглядным подтверждением этого считал ускоренное развитие в пореформенной России городов, которые росли «вдвое быстрее, чем остальное население»¹. При этом он подчеркивал: «Население городов, представляющих из себя крупные индустриальные и торговые центры, растет гораздо быстрее, чем население городов вообще»². Естественно предположить, что именно в городах с наиболее сильным пополнением населения должны были в первую очередь и с особой ясностью оформиться и буржуазные общественные отношения.

Изучение социальных сдвигов за вторую половину XIX в. в составе городского населения Москвы, издавна являвшейся крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром России, представляет поэтому особый интерес. Тема эта не может быть признана исчерпанной, несмотря на то, что ей уделялось историками специальное внимание в ряде работ, в том числе и в последнем многотомном издании «Истории Москвы»³. В частности, до сих пор не исследован вопрос о разложении в пореформенные десятилетия сословного строя в Москве, хотя это имеет самое непосредственное отношение к установлению источников формирования в ней классов буржуазного общества. Данная статья и ставит задачу восполнить этот пробел.

Сведения о сословной принадлежности жителей Москвы отмечались в первую очередь как в официальной ведомственной статистике первой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 489, 490.

² Там же, стр. 490.

³ «История Москвы», т. III, М., 1954, гл. 3; т. IV, М., 1954, гл. 5.

половины XIX в., так и в однодневных переписях, проведенных в Москве 12 декабря 1871 г., 24 января 1882 г. и 28 января 1897 г.¹

Сведения эти за разные годы давались не по единообразной форме и отличаются различной степенью точности. Но во всех случаях они должны быть признаны достаточно полными и при некоторых коррективах вполне пригодны для сравнительного изучения. В частности, пользуясь этими данными, следует иметь в виду, что при переписях 1871 и 1882 гг. было принято более дробное деление по сословным группам, чем в 1897 г. В этой последней переписи многие из таких мелких сословных групп были причислены к основным сословиям, прежде всего к крестьянству, к которому они ближе всего примыкали². Кроме того, сведения о сословной принадлежности москвичей в переписях 1871 и 1897 гг. давались с учетом жителей пригородов, а в 1882 г. охватывали лишь население в пределах официальной городской черты — по Камер-Коллежскому валу. Однако и это практически не могло оказать решающего влияния на соотношение сословных групп в Москве за разные годы, так как численность жителей московских пригородов в 1882 г. представляла ничтожную величину — около 14,5 тыс. человек, т. е. менее 2% всего населения города³.

На основании этих материалов может быть составлена следующая таблица, дающая общее представление об изменениях сословной принадлежности населения Москвы во второй половине XIX в. (для сравнения в нее включены такого же рода данные за 1811 г.)⁴.

Сословия	Количество лиц обоего пола					Соотношение в процентах				
	1811 г.	1852 г.	1871 г.	1882 г.	1897 г.	1811 г.	1852 г.	1871 г.	1882 г.	1897 г.
Дворяне	17 432	17 948	48 217	53 810	68 503	6,4	5,4	8,1	7,1	6,6
Духовенство	5 104	5 741	11 257	13 126	11 491	1,8	1,7	1,9	1,8	1,1
Купцы и почетные граждане .	19 124	15 625	36 339	32 139	41 094	6,9	4,6	6,0	4,3	4,0
Мещане и цеховые	26 131	74 004	153 790	181 164	228 541	9,5	22,0	25,6	24,1	22,0
Крестьяне	168 216	196 552	260 382	370 738	661 623	61,2	58,4	43,2	49,2	63,7
Иностранцы	3 214	3 169	6 861	10 918	13 657	1,1	0,9	1,1	1,4	1,3
Прочие	36 060	23 499	85 123	91 574	13 682	13,1	7,0	14,1	12,1	1,3
Итого	275 281	336 538	601 969	753 469	1038 591	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эта таблица прежде всего наглядно подтверждает, что решительные изменения в численности и социальном составе населения Москвы произошли только после падения крепостного строя в России. До середины

¹ «Военно-статистическое обозрение Российской империи. Московская губерния», сост. капитан Свечин, т. VI, ч. 1, СПб., 1853 (приложение 3); «Статистические сведения о жителях Москвы по переписи 12 декабря 1871 г.», М., 1874; «Перепись Москвы 1882 г.», вып. 2. Население и занятия, М., 1885; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», т. XXIV. Город Москва, тетради I и II, СПб., 1904. Все особо не оговоренные данные, приведенные в тексте статьи, взяты из этих изданий.

² Численность других сословий в 1897 г. в результате этого, видимо, сколько-нибудь существенно не изменялась.

³ См. расчеты В. Г. Михайловского в первом выпуске издания: «Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г.», М., 1902, стр. 7 и 23.

⁴ Сведения за 1811 г. заимствованы из т. III «Истории Москвы», стр. 168.

прошлого столетия количество жителей в Москве за сорокалетний период (1811—1852 гг.) прибавилось меньше чем на 25%. Во второй же половине XIX в. количество московского населения сразу стало расти бурными темпами: сравнительно с 1852 г. только за первые 20 лет (к 1871 г.) оно возросло на 80%, еще через 10 лет (к 1882 г.) более чем удвоилось и по истечении следующих 15 лет (к 1897 г.) утроилось.

Не менее характерно, что в крепостной России постепенный рост населения Москвы происходил исключительно лишь за счет неуклонного притока в нее крестьянства, в значительной мере пополнявшего быстро растущее сословие мещан и цеховых; численность всех других сословных групп оставалась почти неизменной. Совсем иное положение наблюдалось в пореформенные десятилетия. Уже через 10 лет после отмены крепостного права в России в составе московского населения резко возросла численность всех сословных групп. Процесс численного роста всех сословий продолжался в Москве до конца XIX в. Но особенно быстрыми темпами в 80—90-х годах XIX в. увеличивалось в Москве количество крестьян, удельный вес которых в 1897 г. достиг 63,7% всех жителей города.

Приведенная таблица наглядно показывает, что социальный облик населения Москвы в первой половине XIX в., при господстве феодально-крепостнических отношений, менялся очень медленно. Но достаточно было всего лишь одного десятилетия после падения крепостного права, чтобы в результате широкого притока в Москву пришедшего населения в социальном составе ее жителей произошли решающие сдвиги. В условиях быстро развивавшейся капиталистической Москвы сословный строй в ней стал быстро разлагаться. На основе распадавшихся сословий в Москве складывались классы и социальные прослойки капиталистического города. Изменения в судьбе каждого из сословий в Москве на протяжении второй половины XIX в. подтверждают это с полной очевидностью.

Крестьяне численно преобладали над другими сословиями и в капиталистической Москве. Лица крестьянского происхождения, несомненно, представляли значительно больше половины ее населения на протяжении всей второй половины XIX в. Кажущееся несоответствие этому данных в приведенной выше таблице легко объясняется тем, что при переписях крестьянами считались лишь те лица крестьянского происхождения, которые и в момент переписи сохраняли свою старую сословную принадлежность. Но после 1861 г., используя свое право приписываться к городским сословиям, многие тысячи крестьян вписались в состав московского мещанства, цеховых и даже купечества и при переписях указывались уже по новой сословной принадлежности. Кроме того, крестьянами по рождению было весьма значительное количество лиц, записанных в 1871 и 1882 гг. в общую рубрику «прочие сословия». Среди них насчитывались десятки тысяч бессрочно отпусковых, отставных солдат, солдат на действительной службе, т. е. в массе десятки тысяч тех же крестьян. Следовательно, общее количество москвичей родом из крестьян в 1871 г. безусловно превышало 300 тыс. человек, а в 1882 г. их было более 400 тыс. человек.

В капиталистическую эпоху крестьянство, как класс-сословие феодального общества, перестало существовать; оно расслаивалось и вливалось в классовые группировки буржуазного общества. В условиях городской жизни, да еще в таком крупном торгово-промышленном городе, как Москва, этот процесс, естественно, должен был происходить особенно быстро и наглядно.

И действительно, в капиталистической Москве лиц крестьянского происхождения можно было найти на противоположных полюсах буржуазного общества. Перепись 1882 г. дает точные указания о роде занятий 99,6 % всех крестьян, проживавших тогда в Москве. И вот оказывается, что из 308 тыс. человек «самодеятельных» крестьян 35 тыс. человек были «хозяевами»-предпринимателями. Таким образом, около 11 % «самодеятельных» крестьян являлись собственниками средств производства и были экономически независимыми, а 90 % их существовали продажей своей рабочей силы.

Среди 35 тыс. крестьян-«хозяев» большая часть, несомненно, относилась к числу мелких собственников. Это были 11 тыс. московских извозчиков-одинок, тысячи мелких торговцев-разносчиков и кустарей-одинок и т. д. В отдельных же случаях из их среды выделялись и крупные капиталисты. Так, например, в 1890 г. к крестьянскому сословию относили себя пять московских фабрикантов и заводчиков: В. Н. Тюняев (бумаготкающее предприятие), Ф. Т. Шахов (красильно-набивная фабрика), А. П. Маркин (крупное столлярное заведение), П. Ф. Мохов (завод металлоизделий) и И. Г. Инаров (пороховой завод)¹. Крестьян по рождению среди владельцев крупных промышленных предприятий Москвы, разумеется, было несравненно больше. Но они перешли в другие сословия и потому обнаружить их можно лишь по случайным признакам. Так, например, из крестьян происходили владельцы красильной набивной фабрики бр. Найденовы, числившиеся в 1884 г. потомственными почетными гражданами (один из них — Николай Александрович — стал видным финансистом и биржевым дельцом), владельцы двух известных красильно-набивных фабрик (имевших 60 и 120 рабочих) М. А. Шустров и Д. С. Пичугин, являвшиеся в 1890 г. уже купцами, и многие, многие другие². Из среды крестьян вышел также ряд крупных московских домовладельцев. В 1892 г. в Москве 1657 крестьян были собственниками 1942 домовладений, приносящих почти 2 млн. руб. дохода. Наряду с мелкими собственниками, в их числе были владельцы и доходных домов. Наконец, уже в начале 80-х годов перепись насчитывает 889 рантье из крестьян.

Однако подавляющее большинство крестьян Москвы составляло массу московских рабочих и наемной прислуги. В промышленности, например, из 148 тыс. «самодеятельных» крестьян «хозяев» было менее 14 тыс. человек, а свыше 130 тыс. человек являлось рабочими. Среди наемной прислуги крестьян было 55 тыс. человек, среди рабочих транспорта — около 13 тыс. человек и среди рабочих при торговых предприятиях — больше 30 тыс. человек.

Выходцы из крестьян имелись, разумеется, и в промежуточных социальных прослойках. На военной и гражданской службе их насчитывалось свыше 30 тыс. человек. Но, как правило, они служили рядовыми солдатами (около 17 тыс. человек) или выполняли низшую техническую работу в учреждениях (сторожа, дворники, истопники, курьеры, швейцары и т. д.). Увеличивалось их количество и среди лиц интеллигентного труда — по примерным подсчетам, в начале 1880-х годов их численность достигала несколько сот человек, что составляло, однако, ничтожный процент по отношению ко всей массе крестьян Москвы.

¹ См. П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России, изд. 3-е, СПб., 1894, стр. 52, 90, 149, 400, 731.

² Оба эти фабриканта в 1853 г. числились крестьянами (см.: С. Т. Тарасов. Статистическое обозрение промышленности Московской губ., М., 1856), а в «Указателе» Орлова и Будагова за 1890 г. они именуются уже купцами (стр. 88—89).

Принадлежа в России того времени к одной из наиболее обездоленных категорий населения, оказываясь в крупном городе объектом жестокой капиталистической эксплуатации, именно пришлые крестьяне давали наибольший процент деклассированных элементов буржуазной Москвы. В 1882 г. на них приходилось до 53% заключенных в тюрьмах, до 50% зарегистрированных полицией проституток, до 41% лиц неопределенных занятий.

Как видим, крестьянство в капиталистической Москве резко расслаивалось и в основном пополняло ряды двух главных классов капиталистического общества: незначительное меньшинство крестьян (в 1882 г. до 11%) переходило в ряды мелкой и крупной буржуазии, а подавляющее большинство их — в ряды рабочего класса.

Дворяне в пореформенной Москве были довольно многочисленны — за вторую половину XIX в. общее количество их возросло почти в 4 раза. Особенно характерно увеличение числа потомственных дворян: уже к 1871 г. их стало примерно в 3 раза больше, чем в начале 1850-х годов, — 24 773 человека, вместо 8779 человек, в 1882 г. число их достигло 35 289 человек и на этом уровне продержалось до конца столетия.

Рост численности дворян в капиталистической Москве связан с массовым переселением в нее провинциального дворянства в пореформенные годы, что было весьма типичным явлением для 60—70-х годов XIX в. Реформа 1861 г. нанесла смертельный удар множеству дворянских имений, особенно мелкопоместным, и вызвала волну переселения многих тысяч дворянских семей в городские центры. Ликвидация помещичьих имений после отмены крепостного права была частым явлением, и бывшие помещики доживали свой век в городах на остатки уцелевших капиталов. И Москва, крупнейший город страны, занимавший в ней центральное положение, естественно, притягивала к себе тысячи дворян не только из Московской губ. Так, в 1882 г. в ней проживало до 7 тыс. дворян, существовавших на ренту, что давало больше 50% всех московских рантье. Весьма показательно, что из 20 тыс. «самодеятельных» потомственных дворян больше 5 тыс. человек входило в группу рантье.

Часть дворян пыталась приспособиться к условиям капиталистической экономики и занималась торговой и промышленной деятельностью. В 1882 г. только среди потомственных дворян Москвы около 500 человек владело фабриками, заводами и промышленными мастерскими, почти 300 человек имело крупные сельскохозяйственные предприятия, 234 человека были собственниками торговых заведений и т. д. Но в целом эта группа дворян, влившаяся в состав московской буржуазии, насчитывала не более 1000 человек, т. е. составляла всего 5% их «самодеятельной» части. Кроме того, ни в торговле, ни в промышленности дворяне не занимали ведущего положения. Среди них, например, не более 10—15 человек являлись собственниками действительно фабрично-заводских предприятий, но и те были обычно небольшого размера (с числом рабочих не более 100 человек). В целом же к числу крупных капиталистов-предпринимателей из дворян в пореформенной Москве относилось примерно до 400—500 человек. Это были 300 крупных землевладельцев и несколько десятков фабрикантов, заводчиков и купцов.

В капиталистической Москве лишь часть всех «самодеятельных» дворян была обеспечена рентой и совсем незначительному их числу удалось наладить разного рода хозяйственные предприятия на капиталистических началах. Большинство дворян Москвы вынуждено было изыскивать средства существования службой или заниматься свободными профессиями. Уже до реформы 1861 г. в Москве проживало довольно зна-

чительное число дворян, не имевших крепостных и вынужденных добывать средства к существованию казенной службой, а отчасти и другими видами заработка. После реформы число их очень сильно возросло.

В 1882 г. на этот путь встало уже более 10 тыс. дворян, поселившихся в Москве (в том числе 7 тыс. потомственных). Половина этого «служилого» дворянства XIX в. состояла на казенной службе, занимая ведущее положение в военно-бюрократическом аппарате (2210 офицеров и военных чиновников и 3307 гражданских чиновников). Не менее характерно, что более 5 тыс. дворян Москвы занято было квалифицированным трудом, требующим специальных знаний, и в числе их имелась уже значительная прослойка лиц свободных профессий (3377 педагогов и воспитателей, 1202 медицинских работника, 693 деятеля в области науки, литературы и техники и 270 работников искусств).

Наконец, примерно около 2—5 тыс. дворян состояло на частной службе. Точные сведения об этом имеются лишь в отношении потомственных дворян, из которых до 600 человек служило в торговых предприятиях, 930 человек — на транспорте и до 800 человек — в промышленности. Видимо, они составляли высший и средний административно-технический персонал торгово-промышленных предприятий. Однако некоторое количество дворян, несомненно, имелось среди низших служащих, а возможно — и среди рабочих. «Оскудение» дворянства в буржуазной Москве происходило быстро.

Признаком этого являлось то, что уже через 20 лет после отмены крепостного права до 500 дворян в Москве служило в качестве наемной прислуги. Только среди официально зарегистрированных женщин, занимавшихся проституцией, были 44 дворянки. В числе лиц неопределенных занятий насчитывалось 400 дворян.

Итак, разложение дворянства, как класса-сословия крепостной России, в капиталистической Москве уже к 1882 г. зашло чрезвычайно далеко. Дворянство в царской России продолжало быть привилегированным сословием и давало основные кадры для военно-бюрократического аппарата царизма. Часть дворян влилась в класс буржуазии. Но большинство их поступало на службу или занималось свободными профессиями, образуя весьма значительную прослойку среди московской интеллигенции того времени. Некоторая же часть дворян (с семьями свыше 1000 человек) опустилась даже на «дно» буржуазного общества. Оказывается, что «барон» московской ночлежки, изображенный А. М. Горьким, был не столь уж исключительным явлением в московской жизни в начале 80-х годов XIX в.

Купцы и некоторая часть почетных граждан в пореформенной Москве составляли основное ядро крупной буржуазии. Численность их в Москве за вторую половину XIX в. менялась следующим образом:

	1852 г.	1871 г.	1882 г.	1897 г.
Купцы	13 943	29 222	22 916	19 491
Почетные граждане	1 682	7 117	9 223	21 603

Как видим, количество московских купцов с 1852 по 1871 г. возросло более чем в 2 раза, сильно сократилось за 70-е годы и снова несколько уменьшилось к концу столетия. Резкое увеличение числа купцов в Москве к 1871 г. следует признать тем более значительным, что с 1863 г. была уничтожена 3-я гильдия, и запись в гильдейское купечество стала доступна лишь наиболее крупным капиталистам. Московские купцы 1-й и 2-й гильдий в 1871 г. в среднем располагали более крупными капиталами, чем купцы трех гильдий в 1852 г. Сокращение же числа московских

купцов в последующие десятилетия в действительности было не столь велико, так как, несомненно, в известной мере восполнялось растущим слоем наиболее состоятельных купцов, переходивших в почетные граждане¹. Во всяком случае нарастание влияния купечества в капиталистической Москве подтверждается множеством бесспорных фактов.

Московские купцы являлись владельцами крупнейших промышленных предприятий фабрично-заводского типа. В 1890 г. из 667 фабрик и заводов Москвы 420 предприятий являлись собственностью отдельных купцов и почетных граждан и более 120 принадлежало им же на паевых началах (под видом «товариществ» и «торговых домов»). Следовательно, купцы и почетные граждане держали в своих руках $\frac{4}{5}$ всей крупной промышленности Москвы.

Ведущая роль купечества в торговле капиталистической Москвы столь же несомненна. Свыше половины всех купцов, отнесенных переписью 1882 г. к категории самостоятельных предпринимателей («хозяев»), владели именно торговыми предприятиями (их было 3179 человек из 6054 всех купцов-«хозяев») и почти половина «самодельной» части купечества (5115 человек из 11 316) была связана с торговой деятельностью.

Наконец, значителен был удельный вес лиц купеческого звания среди московских рантье. Их насчитывалось свыше 1600 человек, т. е. более 12% всего количества рантье Москвы. В частности, в начале 90-х годов XIX в. как раз купцы и почетные граждане являлись крупнейшими московскими домовладельцами. Им принадлежало в Москве 4606 домовладений, приносявших ежегодно до 12 $\frac{1}{2}$ млн. руб. дохода. Мемуары современников, как типичное явление московской жизни в 60—90-х годах XIX в., отмечают массовую скупку дворянской недвижимости разбогатевшими купцами. Как раз во второй половине XIX в. многие сотни барских особняков стали собственностью купечества. В 1892 г. домовладельцев из дворян было лишь 1905 человек (в 1 $\frac{1}{2}$ раза меньше, чем купцов), а принадлежало им 2326 владений (в 2 раза меньше, чем купечеству), и доход их составлял меньше 7 $\frac{1}{2}$ млн. руб. (т. е. достигал лишь 60% дохода домовладельцев из купцов).

Быстрое увеличение в Москве числа наиболее состоятельных купцов связано с широким пополнением их состава за счет собственников-предпринимателей из других сословных групп. Косвенным подтверждением этого является резкий прирост лиц купеческого звания в 60-х годах XIX в., несмотря на новое положение 1863 г. о гильдиях. В гильдейское купечество стали записываться сотни крестьян, составивших себе состояние при крепостном праве. В их числе появились дворяне, пытавшиеся, как мы видели, после 1861 г. заниматься хозяйственной деятельностью на капиталистических началах, а также отдельные состоятельные мещане и цеховые.

Характерны также указания на резкое изменение состава московского купечества в пореформенное время, имеющиеся в поименном списке лиц 1-й и 2-й гильдий, получивших свидетельства на 1873 г.² Купцов 1-й гильдии в этом году в Москве было 623 человека, из которых к «старинному московскому купечеству» принадлежало только 108 человек (т. е. 17,3%). 185 человек (т. е. 29,2%) принадлежали к фамилиям, записавшимся в купеческое сословие на протяжении 60 лет XIX в. (до 1861 г.). Наконец, остальные 330 человек, т. е. больше половины всех

¹ Как известно, категория почетных граждан была смешанной по составу. Огромное большинство их торговлей и промышленностью не занималось.

² В. М. Б о с т а н д ж о г л о. Справочная книга о лицах, получивших на 1873 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве, М., 1873.

купцов 1-й гильдии, вошли в ряды гильдейского купечества лишь за последние 12 пореформенных лет (с 1861 по 1873 г.).

В этом списке в единичных случаях указана прежняя сословная принадлежность отдельных лиц, являвшихся в 1873 г. купцами. И вот даже по этим случайным указаниям оказывается, что среди 515 купцов 1-й гильдии, не принадлежавших к коренному московскому купечеству, можно насчитать 10 дворян (в том числе двух титулованных — графа А. П. Бобринского и князя С. М. Голицына), 8 купцов из крестьян и около 60 иностранных подданных. Весьма характерно, что, как правило, все эти лица вступили в состав московского купечества только после 1861 г. (лишь три дворянина записались в купцы в 1850-х годах).

Эти сведения, конечно, далеко не полны, особенно в отношении купцов, вышедших из рядов крестьянства. «Выбившись в люди», последние часто избегали упоминать о своем прежнем сословном положении. Число купцов 1-й гильдии из лиц крестьянского происхождения было, несомненно, намного большим, чем то указано в официальных списках. Тем значительнее, разумеется, было число купцов 2-й гильдии из крестьян.

Итак, в XIX в. купечество Москвы численно росло за счет записи в него предприимчивых собственников без различия их сословного происхождения, и особенно значительный приток в него выходцев из других сословий происходил после реформы 1861 г.

Укрепление общественного положения купечества в капиталистической Москве подтверждается сравнительно слабо выраженным процессом его разложения. Прежде всего среди «самодеятельной» его части экономически независимым было явное большинство.

В 1852 г. из 5 тыс. купцов, занимавшихся торговлей, 3 тыс. человек были собственниками торговых предприятий. Из 1700 человек, связанных с промышленностью, владельцев промышленных заведений насчитывалось 1200 человек. Купеческая прослойка среди служилого люда и лиц свободных профессий не достигала и 1000 человек. Наконец, среди деклассированной части населения Москвы можно насчитать всего лишь 200—300 человек из купеческой среды.

В пореформенный период, при капиталистическом строе купеческое сословие, объединявшее собственников значительных состояний, приобретенных еще при феодальных порядках, втягивало в себя более быстро, чем прежде, наиболее активную и предприимчивую часть собственников-предпринимателей из всех остальных сословий и составило основное ядро растущего класса буржуазии.

Мещане и цеховые представляли собой слой мелких производителей города и веками накапливавшуюся в ней массу мелких торговых посредников и «хозяйчиков». После крестьян это была самая многочисленная сословная группа в капиталистической Москве до конца XIX в., хотя удельный вес ее значительно стал снижаться (видимо, с 70-х годов).

Соотношение мещан и цеховых Москвы по численности в пореформенное время неоднократно значительно менялось. Накануне отмены крепостного права мещан было в 5 раз больше, чем цеховых. К 1871 г. число цеховых сразу возросло в 3 раза, выравниваясь с числом мещан. За время с 1871 по 1882 г. численность цеховых сократилась, а число мещан вновь возросло на 25% и их снова стало в 5 раз больше, чем цеховых. Еще через 5 лет цеховые перестали учитываться отдельно от мещан и переписью 1897 г. особо не выделялись. Число же мещан к этому времени вновь увеличилось на 50%.

Приведенные цифры ярко рисуют судьбу мелкособственнических прослоек в переходный период от феодализма к капитализму и затем в годы развития и утверждения буржуазных отношений. Бурный рост численности мещан и особенно цеховых в 1860-х годах был вызван не только перемещением в Москву мещан из провинции, но в первую очередь и массовым вступлением в их состав освобожденных дворовых и бывших крепостных крестьян других категорий. Прекращение роста численности цеховых с 1870-х годов, ликвидация их как особой сословной прослойки к концу века, наконец, падение удельного веса мещан среди московского населения на исходе 1890-х годов — все это весьма характерно для капиталистической Москвы, где происходила концентрация промышленного производства и мелкие производители гибли в неравной конкуренции с фабриками и заводами. В эпоху развивающихся буржуазных отношений своеобразное «расслоение» должно было происходить и в мещанском сословии.

Процесс распада этой сословной группы отразился еще в переписи 1882 г. Некоторая часть мещан, не более 15—20 тыс. человек, переходила в состав московской буржуазии. Примерно половина их владела промышленными предприятиями и до 25—30% мещан-«хозяев» имели торговые заведения. В отдельных случаях из среды мещан выделялись крупные собственники, пополнявшие ряды видных московских капиталистов. Так, например, в списке купцов 1-й гильдии уже в 1873 г. были жившие в Рогожской слободе два брата Ершовы, каждый из которых владел фабрикой и несколькими домами. Среди фабрикантов и заводчиков Москвы в 1890 г. насчитывалось 18 мещан, из которых 15 стали собственниками промышленных предприятий после 1861 г. Среди «самодельного» населения Москвы в 1882 г. было свыше 3 тыс. мещан-рантье. Наконец, мещанам в 1892 г. принадлежало свыше 3½ тыс. московских домовладений, приносящих 3 млн. руб. дохода. В их числе были собственники нескольких домов (один из упомянутых братьев Ершовых имел в 1873 г. шесть домов, а другой — три дома).

Однако подавляющая масса мещан в буржуазной Москве разорялась, лишалась средств производства, пополняя ряды рабочего класса или промежуточных прослоек капиталистического города. Даже по неполным данным переписи 1882 г., указывающей род занятий примерно половины всех «самодельных» мещан, можно насчитать до 12 тыс. промышленных рабочих и до 3 тыс. рабочих и служащих торговых предприятий, вышедших из мещанской среды. Видимо, в торгово-промышленных предприятиях Москвы тогда работало по найму до 30 тыс. мещан. Кроме того, до 17 тыс. мещан имелось среди наемной прислуги, до 6 тыс. человек служило в войсках и в различных учреждениях, около 3 тыс. человек жило на пособия благотворительных учреждений и свыше 5 тыс. человек находилось на излечении или в богадельнях.

Некоторая часть мещан пополняла ряды и московской интеллигенции. Среди 6 тыс. мещан-«служащих» явно численно преобладали лица, выполнявшие работу низшего технического персонала. Но, несомненно, многие сотни их занимались трудом, требующим специальной квалификации.

Разложение мещанства как особого сословия в условиях пореформенной Москвы подтверждается также тем, что мещане составляли самую многочисленную сословную группу (если не считать крестьян) среди московского люмпен-пролетариата. В 1882 г. на мещан и цеховых приходилось до 15% всех заключенных, до 32% всех женщин, официально

занимавшихся проституцией, и больше 30% всех лиц, о занятиях или об источниках существования которых перепись ничего не сообщает.

Сословие духовенства¹ составляло и в пореформенный период в Москве заметную часть городского населения. Численность лиц принадлежавших к духовному званию, к 1871 г. возросла в 2 раза, продолжала увеличиваться в следующее десятилетие и несколько сократилась (почти до уровня начала 1870-х годов) к 1897 г. Удельный же вес их в составе московского населения к концу столетия сильно сократился (см. таблицу на стр. 240). Черное духовенство составляло незначительную часть лиц этого сословия в целом: монахов и монахинь в 1852 г. было 1208 человек, в 1871 г.— 1375 человек и в 1882 г.— лишь 667 человек. Следовательно, отмеченные изменения в первую очередь характерны для белого духовенства.

Численность белого духовенства в Москве за вторую половину XIX в. должна была возрастать в результате увеличения церковных приходов и быстрого роста населения. В 1855 г. в Москве насчитывалось 262 приходские церкви (в среднем около 1400 прихожан на каждую), а в 1890 г.— уже 434 церкви (среднее число прихожан до 2 тыс. человек)². Однако изменение численности лиц духовного звания в пореформенной Москве прежде всего было связано с продолжавшимся распадом этой сословной группы.

Переход из сословия духовенства в другие социальные группы начался еще в феодальную эпоху, но в капиталистической Москве он принял массовый характер. Из материалов переписи 1882 г. известен род занятий 6319 человек «самодетельной» части лиц духовного звания, что при значительной многосемейности в этой среде и высоком проценте женщин соответствует ее 100%-ному охвату. И вот из этих 6319 человек со службой по отправлению религиозного культа было связано всего лишь около 40%. Оказывается, что в начале 80-х годов XIX в. значительное большинство лиц, вышедших из среды духовного сословия и имевших самостоятельное обеспечение, не было служителями культа, но получало средства существования иными путями: около 500 человек служило в военно-административном аппарате, до 550 работало педагогами, воспитателями, медицинскими работниками, занималось литературно-научным трудом и сценическим искусством, более 500 человек жило на ренту или пенсию, свыше 1300 человек учащихся получало средства от родственников (видимо, это были провинциалы, получавшие образование в Москве), около 450 человек служило наемной прислугой. Кроме того, 356 человек находились в больницах и богадельнях и 134 человека насчитывались среди деклассированных элементов.

Итак, разложение сословного строя в капиталистической Москве происходило быстрым темпом. Наиболее глубоко эти процессы захватывали крестьянство и мещанство, являвшиеся в массе непосредственными производителями города и при феодальных отношениях. В значительной степени они отразились на положении дворянства и духовного сословия, занимавших в крепостной России привилегированное положение. Меньше всего кризис сословных отношений сказался на положении купечества — при буржуазном строе, в отличие от других сословий, оно развивалось и укреплялось.

---

¹ В эту рубрику отнесены не только служители культа, но и дети лиц духовного звания, занятые в других профессиях.

² МОГИА, ф. 199, 1855 г., д. 8, л. 28 об. и «Спутник москвича» (Путеводитель по Москве и окрестностям), М., 1890, стр. 23.

Из элементов разлагающихся классов-сословий феодального общества и складывались классы буржуазной Москвы.

Московская буржуазия включала в себя собственников-предпринимателей, выделявшихся всеми сословиями. Численное преобладание среди них принадлежало выходцам из крестьянской и мещанской среды. Однако ведущее место среди собственников-буржуа и господствующее положение при капиталистическом строе занимали владельцы крупных капиталов и прежде всего московское купечество. При этом следует иметь в виду, что коренное московское купечество во второй половине XIX в. было уже в значительной степени обновлено вступавшими в него крупными собственниками из крестьян, дворян и даже мещан. К числу крупных капиталистов Москвы относились также довольно многочисленные рантье, фабриканты, землевладельцы-предприниматели и крупные торговцы из других сословий, не вступившие в гильдейское купечество и сохранившие свою прежнюю сословную принадлежность. Как правило, крупные капиталисты во всех сословиях, кроме купеческого, составляли незначительное меньшинство.

Рабочий класс Москвы образовался из массы освобожденных в 60-х годах XIX в. крестьян и из разоряющихся мещан и цеховых. Выходцы из других сословных групп в числе московских рабочих были немногочисленны. В первое время после отмены крепостного права в России среди рабочих Москвы имела место большая текучесть, и на многие годы сохранился наплыв крестьян на промышленные предприятия с осени и уход их ранней весной в деревню на полевые работы.

Но с каждым десятилетием, по мере развития фабрично-заводского производства и разорения пореформенной деревни, постоянные кадры промышленного пролетариата увеличивались и рвались связи московских рабочих с деревенским хозяйством. Формирование пролетариата раньше всего началось в текстильном производстве. Оно широко было развито в Москве еще в первой половине XIX в., основано было на применении наемного труда и при крепостном праве, ранее других отраслей промышленности стало механизироваться. Но наряду с рабочими-текстильщиками уже с 80-х годов появилось значительное число пролетариев — металлистов и пищевиков.

Рабочие быстро растущей во второй половине XIX в. металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Москвы становились ведущей частью московского пролетариата. Труд их требовал более высокой квалификации и прочных навыков, в меньшей степени был связан с крестьянскими промыслами, а само производство, не завися от сезонного поступления сельскохозяйственного сырья, носило непрерывный характер. Связи рабочих-металлистов с деревней рвались быстрее. Среди них более многочисленной была прослойка потомственных рабочих из разорившихся московских кустарей. Характерно, например, что удельный вес коренных москвичей достигал среди них в 1882 г. 16%, в то время как среди рабочих-строителей уроженцы Москвы составляли всего 6,2%, среди текстильщиков — 6,7%, среди пищевиков — 7,1% и т. д.

Прослойка интеллигенции в капиталистической Москве росла за счет ее пополнения лицами из различных сословий. Наиболее значительную часть ее, по крайней мере в 60—70-х годах XIX в., составляли выходцы из быстро распадавшегося дворянского сословия. Являясь господствующим классом феодального общества, дворянство унаследовало от крепостной России более высокий уровень общего образования и при капиталистическом строе имело большие возможности получить специальные знания.

Однако распад других сословных групп, растущая потребность буржуазного общества в специалистах, осознание практической необходимости образования и нарастающий приток в Москву молодежи из провинции — все это скоро привело к увеличению численности лиц других сословий в составе интеллигенции. Крестьянство, духовенство, купечество, мещанство стали выделять из своей среды сотни педагогов, врачей, литераторов, работников науки, техники и искусства.

Деклассированная прослойка пореформенной Москвы состояла из париев буржуазного общества и в первую очередь пополнялась из рядов крестьянства. Обезземеленная реформой 1861 г., отягощенная налогами и непомерно высокими выкупными платежами, далеко не полноправная и после буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в., масса крестьян билась в поисках выхода из полуголодного существования. Тысячные толпы их являлись в Москву на заработки и попадали в тиски безжалостной капиталистической эксплуатации. Богатейший город из этой массы прищлого люда ежегодно «отжимал» многие сотни людей, или не нашедших себе применения в буржуазной Москве, или уже «использованных» всемогущим капиталом и выброшенных за рамки легально существовавших общественных групп.

Наряду с крестьянами, в такое положение попадали многие представители других сословий. Прежде всего это были разорвавшиеся мелкие городские собственники — мещане и цеховые. Но по мере происходившего распада как замкнутых сословий дворянства, сословия духовенства и даже купечества деклассированные элементы пореформенной Москвы все чаще и чаще стали пополняться и их представителями.

* * *

Подведем итоги.

Превращение капиталистической Москвы в крупнейший торгово-промышленный и железнодорожный центр страны привело к ускоренному разложению в ней старых классов-сословий. Население Москвы уже в начале 80-х годов XIX в. ясно распадалось на два основных класса буржуазного общества. Незначительное меньшинство его (не более 15—16%) являлось собственниками средств производства и составляло класс буржуазии. При этом решающим влиянием в капиталистической Москве пользовались лишь крупные капиталисты в количестве всего лишь около 25 тыс. человек. Им противостояла вся основная масса московского населения, в числе которой подавляющее большинство — свыше 300 тыс. человек — существовало продажей своей рабочей силы. Среди них насчитывалось уже тогда почти 60 тыс. человек фабрично-заводского пролетариата и свыше 100 тыс. рабочих, занятых в мелкой промышленности.

Изменение сословной принадлежности московских жителей во второй половине XIX в. дает возможность утверждать, что формирование буржуазных классов Москвы в основном происходило за счет разложения крестьянского сословия. Из среды зажиточного слоя крестьян вышли многие виднейшие представители московских фабрикантов, заводчиков, крупных купцов и домовладельцев. Разоряющаяся пореформенная деревня непрерывно пополняла ряды и промышленного пролетариата Москвы. Остальные городские сословия также постепенно распадались, образуя промежуточные прослойки капиталистического общества (мелкобуржуазную служилую интеллигенцию и люмпен-пролетариат) и отчасти вливаясь в ряды как капиталистов, так и рабочего класса.

Ш. М. ЛЕВИН

ДВЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

(Из истории революционной ситуации конца 70-х годов XIX в.)

Среди общественно-политических событий конца 1870-х годов заметное место занимают судебные процессы по делу о покушении Веры Засулич на Трепова, 31 марта 1878 г., и по делу о вооруженном сопротивлении (в Одессе) Ивана Ковальского и его товарищей, 20—24 июля 1878 г., а вместе с тем — уличные демонстрации в Петербурге и Одессе, которыми сопровождались процессы.

Об обстоятельствах, относящихся к этим процессам и демонстрациям, имеется довольно значительная литература, состоящая из сообщений и статей в современной легальной и нелегальной печати, из воспоминаний ряда участников и свидетелей событий, из отдельных документальных публикаций, частью опять-таки в современной прессе, а главным образом — в позднейшей историко-революционной литературе. Тем не менее далеко не все в указанных событиях выяснено до конца, встречается немало разноречивых суждений и показаний, в связи с чем представляется полезным познакомить читателя, интересующегося историей общественного движения в России, с дополнительными данными. Речь идет преимущественно о сведениях, которые нами извлечены из некоторых дел Министерства юстиции и Канцелярии министра внутренних дел.

I.

Современники не раз задавались вопросом, в силу каких причин Александр II и его правительство решились на передачу дела В. И. Засулич суду присяжных заседателей. Через несколько дней после скандального для власти исхода дела К. П. Победоносцев писал наследнику престола, будущему царю Александру III: «Идти на суд присяжных с таким делом, в такую минуту, посреди такого общества, как петербургское, — это не шуточное дело. Но граф Пален (министр юстиции. — Ш. Л.) пошел на это дело с легким сердцем, как министры Наполеона III объявляли войну Германии»¹. Называя Министерство юстиции «жалким министерством», Победоносцев утверждал, что «эти люди» признали покушение Засулич «не политическим» из «малодушной боязни оскорбить будто бы общественное мнение, из желанья пощеголять перед интеллигенцией, — пожалуй, перед Европой, — уважением к суду присяжных»².

По прошествии десятка с лишним лет в известном конфиденциальном издании «Хроника социалистического движения в России», вышедшем под редакцией товарища министра внутренних дел Шебеко на фран-

¹ Письма Победоносцева к Александру III, т. I, М., 1925, стр. 119.

² Там же.

цузском языке¹, утверждалось, что решение о слушании дела Засулич «обычным порядком уголовного процесса» являлось «попыткой, пробным камнем для того, чтобы удостовериться, не достаточно ли обыкновенных юридических форм для суда над политическими преступниками». «Старались убедить себя,— пишут составители «Хроники» Шебеко,— в глубоком доверии к прямоте присяжных, к серьезности адвокатуры, благоразумию общества и осторожности юристов»².

Наряду с объяснениями, исходящими из официальных и близких к ним кругов, существуют и объяснения со стороны тех или иных представителей революционной и демократической среды. Семидесятник-революционер Н. К. Бух в своих, написанных и изданных уже в советское время, мемуарах высказывает мысль, что министр юстиции Пален убедил Александра II судить Засулич судом присяжных, «уверив его, что последнее, конечно, вынесут обвинительный приговор и тем дадут отрезвляющий урок безумной кучке революционеров», докажут, что «русский народ преклоняется перед своим царем, любит его и всегда готов защитить его верных слуг»³. Раньше Буха писавший свои воспоминания В. Г. Короленко считает, что в передаче дела Засулич суду присяжных несомненно сказались «отношение к Трепову и к Засулич правящих сфер»⁴. Другими словами, Короленко склонен был видеть в этой передаче выражение чуть ли не сочувствия самого правительства или, по крайней мере, его части к Засулич.

Нам кажется наиболее близким к действительности объяснение Н. К. Буха, хотя мы признаем кое-какую долю истины и в истолковании Победоносцевым мотивов действий Министерства юстиции: в обстановке растущего общественного возбуждения, недостаточно, правда, еще оценивавшегося властью, страх перед общественным мнением и необходимость в какой-то мере с ним считаться могли также сыграть некоторую роль.

Подтверждением (пусть косвенным) изложенной точки зрения может служить переписка между министрами внутренних дел и юстиции относительно печатания отчета по делу Засулич.

За 10 дней до назначенного в Петербургском окружном суде слушания дела в Министерстве внутренних дел был поставлен вопрос: «желательно ли напечатание в «Правительственном вестнике» предстоящего на-днях процесса?» Представитель министерства С. Сушков в служебной записке министру А. Е. Тимашеву указывал: «С одной стороны, будет возбуждена речь о государственных преступниках и о наказании одного из них по приказанию генерал-адъютанта Трепова. С другой, защитники, по обыкновению, могут наговорить много лишнего и неуместного. Частные газеты уже подрядили стенографов. Без предварительного просмотра отчетов заседаний частные газеты могут напечатать вещи неудобные»⁵. Тимашев вполне разделял беспокойство своего подчиненного. 23 марта 1878 г. он писал К. И. Палену в связи с предстоявшим процессом: «Пологая, что во время производства этого дела и в особенности в речах защитников будут высказаны крайне неудобные суждения, считаю долгом сообщить о сем вашему сиятельству в предположении, что, может быть, вы изволите признать необходимым установить для печатания от-

¹ В конце 1906 г. появился русский перевод в московском издательстве В. М. Саблина.

² Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. Официальный отчет. М., 1906 (на обложке: 1907), стр. 14.

³ Н. К. Бух. Воспоминания, М., 1928, стр. 162.

⁴ В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. II, Харьков, 1922, стр. 195.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1870 г., д. 1478, л. 480.

четов о заседаниях по этому делу тот порядок, который был устанавливаем по последним публичным заседаниям по политическим делам. Если вашему сиятельству угодно будет сделать распоряжение, чтобы в редакцию «Правительственного вестника» сообщались из вверенного вам министерства просмотренные отчеты о заседаниях по названному делу, то я распоряжусь, чтобы остальные газеты ограничились печатанием отчетов о заседаниях лишь со столбцов «Правительственного вестника»¹.

Ответ Палена (от 26 марта 1878 г.) отразил общий взгляд его на дело Засулич и надежды, связывавшиеся им с ходом последнего. Министр юстиции «уведомлял» Тимашева, что принятый «в изъятие из общих правил» порядок печатания отчетов по некоторым политическим делам, слушавшимся в особом присутствии Сената, был обусловлен особенностями производства и «еще более самим существом и исключительностью этих дел, ввиду которых оглашение всех подробностей их судебного рассмотрения не соответствовало бы интересам правительства». Поскольку же дело Засулич производилось в общем порядке уголовного судопроизводства, то Пален считал невозможными отступления от «законом установленного порядка» публикации отчетов. Дальше оказывалось, что Пален, в сущности, боялся «особых мер касательно печатания отчета», ибо они могут содействовать «порождению превратных толков», дать «ошибочное направление общественному мнению»; они даже, «быть может», возбудили бы в «тех или других лицах» участие к обвиняемой, тогда как «совершенное ею преступление» глубоко-де возмущает «нравственные чувства всех и каждого» и «необходимо должно вызвать всеобщее негодование и полнейшее осуждение»².

Ответ Палена Тимашеву свидетельствует и о том, что министр (вслед за ним, конечно, и император) сохранял до конца веру в осуждение Засулич судом присяжных, и о том, что он заранее учитывал полезный для упрочения авторитета правительства эффект такого осуждения, а одновременно и о том, что министра все-таки вовсе не покидали сомнения насчет «превратных толков» и опасного направления умов в обществе. Оправдание Засулич, нанесшее тяжелый удар правительству, показало, насколько влиятельные круги правящей верхушки вначале недооценивали степень общественного недовольства, которое затем прорвалось в вердикте присяжных заседателей³.

¹ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1870 г., д. 1478, л. 481. Тимашев хотел применить к делу Засулич тот же издательский порядок «публикации» в прессе судебных отчетов, какой был использован непосредственно перед этим в «деле 193-х». Не предусмотренным правительством «коррективом» к этому порядку тогда явилась нелегальная публикация «Отчетов о судебных заседаниях особого присутствия Правительствующего сената по делу о революционной пропаганде в России», осуществлявшаяся тайным обществом «Земля и воля». Изданный после процесса 193-х первый том «Стенографического отчета по делу о революционной пропаганде в империи» (отпечатанный в типографии М. Стасюлевича по инициативе защитников) был уничтожен согласно постановлению Комитета министров.

² Там же, л. 482. Пален добавлял, что «неудобные суждения», если бы они действительно раздались в судебном заседании, по всей вероятности, коснутся главным образом «обстоятельств телесного наказания государственного преступника Боголюбова», а это уже стало в свое время достоянием гласности, предметом обсуждения газет. В черновике ответа Палена, сохранившемся в делопроизводстве Министерства юстиции, выражалась еще и уверенность, что со стороны председателя суда будут своевременно приняты меры «к устранению означенных неудобных суждений». Не было ли это место исключено под влиянием беседы Палена с председателем суда А. Ф. Кони, из которой министр должен был вывести заключение, что он не имеет оснований в этом «проклятом деле» ожидать от Кони «особых услуг»? Об этом объяснении с министром Кони рассказал в своих воспоминаниях о деле Веры Засулич, опубликованных после его смерти.

³ Напрашивается сравнение с так называемым делом нечаевцев 1871 г. Тогда правительство также попыталось использовать открытый процесс для подрыва в публике

После грандиозного провала, постигшего обвинение, в правящих кругах было немало разговоров о случайно неудачном для правительства составе присяжных. Обвинителя (товарища прокурора окружного суда К. И. Кесселя) порицали в верхах за то, что он не воспользовался правом немотивированного отвода части присяжных; вместе с тем подчеркивалось, что защитник (присяжный поверенный П. А. Александров) умело использовал предоставленное ему законом такое же право отвода (Александровым отведено было 11 присяжных). Победоносцев в цитированном уже письме отмечал, что прокурор «мог бы отвести всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел»; «тогда и приговор присяжных мог быть совсем иной», успокаивал себя Победоносцев¹.

Хотя Победоносцев отчасти и преувеличивал упущенные прокуратурой возможности, несомненно, что она невольно помогла плану Александрова, действия которого направлены были на устранение максимального числа купцов, а также, видимо, и крупных чиновников, и на усиление процента интеллигентов и мелких чиновников. Если в составе 24 «очередных» заседателей, избранных по жребию на сессию окружного суда с 27 марта по 8 апреля 1878 г., значилось 10 купцов 2-й гильдии, то в списке присяжных, утвержденном для слушания дела Засулич, остался всего один купец. Не оказалось в составе присяжных, судивших Засулич, двух действительных статских и одного статского советника, фигурировавших в списке присяжных данной сессии. Список «очередных» присяжных по делу Засулич включал, кроме упомянутого купца, одного «свободного художника», одного «действительного студента», помощника смотрителя Александрово-Невского духовного училища, четырех надворных и одного титулярного советника, одного коллежского секретаря, одного коллежского регистратора, одного дворянина. Одним из двух «запасных» заседателей числился Ник. Ник. Любавин («коллежский секретарь»). Имя этого «запасного» обращает на себя особое внимание. Весьма возможно, что это был тот Ник. Ник. Любавин (химик), который с конца 1860-х годов стоял весьма близко к кругам петербургской передовой интеллигенции, служил одно время, будучи за границей, посредником в переписке Маркса и других деятелей западноевропейского рабочего движения с Петербургом, участвовал в подготовке первого русского издания «Капитала» и т. д. Присутствие Любавина в среде присяжных (если в самом деле речь идет об этом именно Любавине) могло, в числе других факторов, оказать свое влияние на позицию заседателей. Но главное и решающее было, конечно, не в чьих-либо личных влияниях, а в том оппозиционном настроении, которое все больше охватывало очень широкие круги населения и, в частности, те среднечиновные и интеллигентские круги, к которым по преимуществу принадлежали присяжные заседатели, решавшие судьбу дела Засулич.

И в современной печати, и в мемуарной литературе сохранились более или менее яркие описания уличной демонстрации, которой завершился день 31 марта 1878 г. в Петербурге. В числе других опубликованных источников заслуживают внимания анонимная статья «Бойня 31 марта», напечатанная в апреле 1878 г. в первой русской подпольной газете «На-

всяких симпатий к революционной молодежи и нанесения удара по революционному движению. Правда, в 1871 г. коронный суд не обманул ожиданий начальства и обвинил подсудимых; но дискредитации революционеров в глазах демократических элементов тоже не получилось — напротив, процесс в конечном счете пошел на пользу развитию революционного движения.

¹ Письма Победоносцева к Александру III, т. I, стр. 120.

чало» и принадлежавшая, как теперь известно, перу беллетриста-народника П. В. Засодимского¹, письмо писателя А. И. Эртеля (тогда только начинавшего свою литературную деятельность), предназначавшееся для петербургской газеты «Северный вестник»², воспоминания С. С. Голоушева, участника движения 1870-х годов, подсудимого по делу 193-х и одного из свидетелей защиты в процессе Засулич, впоследствии крупного литератора-искусствоведа («Сергей Глаголь»)³.

Одно из дел Министерства юстиции содержит интересные материалы дознания, возникшего «вследствие уличных беспорядков 31 марта 1878 г. в С.-Петербурге». Данные дознания дополняют и уточняют картину уличных волнений 31 марта, устанавливаемую названными сейчас и другими печатными источниками.

В деле имеются показания должностных лиц — полицейских и жандармов, легшие в основу официальной версии событий. Но среди материалов дознания находятся и показания ряда участников демонстрации. В качестве образца мы приведем наиболее подробно показания Аркадия Головина, бывшего студента-технолога, активного деятеля движения 1870-х годов, участника «хождения в народ», судившегося по делу 193-х. Головин, конечно, «преднамеренно» присутствовал в толпе, ожидавшей в течение дня 31 марта около здания суда на Литейном проспекте исхода дела. В показании (данном 6 апреля) он, по понятным причинам, объяснил свое присутствие на месте событий как случайное. «Возвращаясь со службы», он увидел около суда толпу народа. «Вскоре кто-то объявил, что Засулич оправдана, и вышел ее защитник; публика встретила его с воодушевлением и криками сочувствия и некоторое время провожала его по Литейному проспекту. Затем все направились к дому предварительного заключения, откуда должна была показаться г-жа Засулич. Толпа была тысячи полторы-две и состояла из самых разнородных элементов: тут были рабочие, присяжные поверенные, литераторы, военные, студенты, солдаты и проч. Вышла Засулич. С криками «браво» встретила ее толпа, подняла ее на руки и двинулась к Литейному проспекту. Но тут улицу перепрудили полицейские и жандармы, и полицейские офицеры начали говорить, что не допустят толпу на Литейную... Толпа повернула назад (по Шпалерной улице.— Ш. Л.), к Воскресенскому проспекту, и тут-то на углу г-жа Засулич поместилась в карету...». Головин протиснулся к правой стороне кареты и все время был около дверцы. «Полиция здесь начала было бесцеремонно разгонять, но перестала почему-то, и все обошлось благополучно. Повернули по Воскресенскому, проехали несколько; тут один из полицейских офицеров отдал какой-то приказ, энергично и сильно жестикулируя руками. Подчиненный его опрометью бросился бежать по направлению жандармских казарм». Головин, по его словам, предчувствовал, что «будет сюрприз, столь нередко преподноси-

¹ Перепечатано в издании «Революционная журналистика семидесятых годов» (в легальном издании «Донской речи» — на стр. 34—36). Авторство Засодимского впервые установлено Н. Бухом.

² Письмо в газету не попало, так как «Северный вестник» в связи с делом Засулич был закрыт правительством. Оно опубликовано С. Любимовым в журнале «Красный архив», 1926, т. I (14), стр. 251—252. Сопоставление письма со статьей Засодимского показывает, что последний использовал материал Эртеля (оба писателя были близки между собой и в описываемое время поддерживали самые тесные отношения). Не исключено даже непосредственное участие Эртеля в составлении статьи «Бойня 31 марта». См. также «Автобиографию» А. И. Эртеля в издании «Письма А. И. Эртеля», М., 1909, стр. 21.

³ Сергей Глаголь. Процесс первой русской террористки — «Голос минувшего», 1918, № 7—9, стр. 147—162.

мый полицией публике». Предчувствие «сбылось: масса городских и жандармов перепрудила улицу (теперь Фурштадтскую, куда с Воскресенского проспекта повернула толпа вместе с каретой.— Ш. Л.), публику не пускали дальше. Г-жу Засулич хотели пересадить в другую карету, запряженную парой вороных лошадей. У г-жи Засулич явилась мысль, что ее хотят арестовать, несмотря на оправдательный приговор; та же мысль, как кажется, волновала и публику... она плотнее подошла к карете¹. Тогда полицейские и жандармы, не приглашая разойтись, набросились всей массой, и началась расправа... Били кого попало и чем попало... Вдруг раздались выстрел, другой... Публика, обаятая ужасом, рассыпается... Жандармы и полиция преследуют бегущих... Карета (с Верой Засулич.— Ш. Л.) быстро уезжает. На месте остается человек 15—20 и начинают останавливаться прохожие. Какой-то швейцар с широким галуном на фуражке и городской тащат бледного, истрепанного господина». Головин узнал в нем Иннокентия Пьянкова². Пьянкова «схватывают несколько полицейских и с руганью тащат в участок. Мы последовали за ними. Дорогой я слышал восклицания полицейского офицера: «А-а! Стрелять, мы тебе дадим, с... сын, как стрелять!.. Мы тебе покажем, эдакий и такой!!...». Подхожу к участку и слышу крики: «Господа, Пьянкова бьют! Его убьют, его убьют!!...». То же о какой-то барыне, что ее бьют. Вдруг выбегает из участка масса городских, жандармов, полицейских офицеров, появляются конные жандармы, которых я не замечал раньше, раздается команда: «Бей их, мошенников, бей их, подлецов! Дави их!!». И в карьер жандармы бросаются на нас. Мы на тротуары..., они за нами... Более возмутительной сцены насилия я никогда не видел...»³.

Дававший на дознании показания С. С. Голоушев присоединился к толпе демонстрантов по выходе своем из зала суда, где, как отмечено, он выступал свидетелем. Голоушев указывает, что на улице он встретил «едва ли не большую часть присутствовавшей на суде публики, которая еще более увеличивала и без того внушительных размеров толпу»⁴. Леонид Щиголев (также участник движения 1870-х годов, судившийся по делу 193-х) подтверждает показание Голоушева, что к находившимся уже на улице присоединилась почти вся публика, бывшая в зале суда⁵. Студент-медик Л. П. Казанцев говорил, что «в толпе были люди всех званий»⁶. При всем том трудно сомневаться, что основную часть демонстрантов составляла учащаяся молодежь — студенты и курсистки. Присутствие рабочих на демонстрации бесспорно, но совершенно неизвестно, сколько примерно их было и каков был их состав. В одной из газет («Русский мир») находим указание, что в толпе, между прочим, «немало было и рабочих со строящегося Литейного моста»⁷.

¹ В конце своих показаний, — очевидно, отвечая на специально поставленный вопрос, — А. А. Головин объяснил дополнительно: «Относительно пересадки в другую карету г-жи Засулич я не могу наверно сказать, откуда исходил этот слух..., но было полное убеждение в этом как у меня, так и у публики».

² И. П. Пьянков, бывший студент Медико-хирургической академии, участник «хождения в народ», подсудимый по процессу 193-х, во время демонстрации 31 марта 1878 г. был сначала заподозрен в том, что он стрелял; сосланный за участие в демонстрации, Пьянков бежал из Архангельской губ. Позднее он был деятельным участником «Черного передела». Впоследствии Пьянков отошел от революционного движения, был крупным купцом в Сибири и издателем верноподданнической газеты.

³ ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, дела уголовного отделения, 1878 г., № 7286, лл. 102—104.

⁴ Там же, лл. 93—95.

⁵ Там же, лл. 96—97.

⁶ Там же, лл. 74—75.

⁷ «Дело Веры Засулич» — «Русский мир», 1878, № 87.

В ходе дознания, естественно, значительное место было отведено обстоятельствам гибели участника демонстрации Григория Сидорацкого (студента Медико-хирургической академии, в 1877 г. судившегося по процессу «50-ти»). Власти настойчиво отстаивали версию о самоубийстве Сидорацкого, в публике же распространено было мнение, что Сидорацкого застрелили жандармы¹. В пользу версии о саморубийстве склонялись, впрочем, и некоторые революционеры. В частности, мнение о самоубийстве Сидорацкого разделялось Верой Засулич, как об этом свидетельствует в своих воспоминаниях о встречах с Засулич семидесятник Н. И. Кулябко-Корецкий.

По окончании дознания о демонстрации 31 марта прокурор Петербургской судебной палаты А. А. Лопухин (отец того Лопухина, который был в начале XX в. директором Департамента полиции и чье имя связано было потом с разоблачением Азефа) составил заключение о прекращении дела. Первая часть этого заключения, посвященная фактическому освещению уличных событий 31 марта (в том виде, как их стремились представить власти), известна в печати на основании соответствующего дела III Отделения². Но никогда не публиковалась любопытная во многих отношениях вторая его часть, содержащая мотивировку необходимости прекращения дела.

Лопухин, насколько известно, с самого начала поддерживал мысль Палсы о передаче дела Засулич обычному уголовному суду с присяжными заседателями, о рассмотрении дела как формально «не политического». Это его известным образом связывало в дальнейших действиях. При чтении его заключения приходится учитывать и традиционное «соперничество» судебно-прокурорских органов с жандармско-полицейскими.

Касаясь «характера всего происшествия 31 марта», Лопухин утверждал, что нет «никаких данных утверждать, чтобы оации, сделанные Засулич, носили на себе признаки какого-либо государственного преступления». Нельзя, писал прокурор судебной палаты, не принять во внимание обстановки на суде по делу о покушении на Трепова и «того мотива, которым руководствовалась Засулич». «Сочувствие к Засулич, выраженное молодежью, в числе которой находилось много свидетелей происшествия в доме предварительного заключения 13 июля 1877 г., объясняется совершенно естественно и по характеру своему ничем не отличается от встречи, сделанной присяжному поверенному Александрову, защитнику подсудимой. Кроме того, логическая последовательность фактов не дает права предполагать в происшествии 31 марта какого-либо политического характера, так как процесс Засулич был веден общим порядком судопроизводства, как простое убийство, и, следовательно, не существовало даже мотива для собравшейся толпы совершать по этому поводу демонстрацию политического характера». Лопухин хотел видеть «наглядное подтверждение» своего тезиса в «поведении избранной публики (допу-

¹ В материалах дознания имеются данные о крайне возбужденном состоянии, в каком находился Сидорацкий. Дававшая показания революционная деятельница Вера Рогачева, ответившая незнанием на вопрос, кто стрелял, о Сидорацком рассказала: «у ворот тюрьмы я стояла рядом с Сидорацким, он дрожал; я спрашиваю его: вам холодно? Да, говорит, со мной лихорадка. Не хотите ли взять мое пальто, оно хоть женское, но в толпе не разглядят, говорю я. Нет, мне уже дали плед, сказал он. Я обернулась к стоящим и спросила, нет ли у кого еще пледа для Сидорацкого. В это время вывели Засулич, и я потеряла его из виду» (указ. дело Министерства юстиции, л. 66).

² А. А. Кун к л. б. Вокруг дела Веры Засулич — «Каторга и ссылка», 1928, № 1 (38). стр. 57—60.

щенной по билетам) в зале заседания». Эта публика не только рукоплескала приговору присяжных, но 2 раза встречала аплодисментами речь защитника. «Не признавая никакого политического характера в беспорядках, произведенных в зале суда, нельзя отнестись иначе и к уличному беспорядку, произведенному молодежью, не попавшею в заседание». Выстрелы на улице Лопухин объявлял «эпизодом случайным, проявлением воли одного лица (т. е. погибшего Г. П. Сидорацкого.— Ш. Л.), которое, по всем вероятностям, действовало даже не вполне нормально, и, следовательно, вся эта часть происшествия не может быть отнесена на счет всей толпы молодежи, не позволившей себе, по удостоверению чинов полиции, никаких поступков, которые нарушали бы благочиние, уважение к властям (! — Ш. Л.) и порядок».

Прокурор судебной палаты в своем заключении ссылаясь на устав о пресечении и предупреждении преступлений, в котором «существует целый ряд статей, определяющих деятельность полиции, ее права и обязанности по охранению общественного порядка». Нет сомнения, доказывал он, что «всякое сходбище, противное общественному порядку, должно быть полицией в самом начале рассеяно, в крайности даже военной силою; в противном случае нужно признать, что собрание не законно и разрешено полицией». В связи с этими соображениями Лопухин подчеркивал тот факт, что полицмейстер Адриан Дворжицкий (весьма небезызвестный в истории борьбы против революционного движения 70-х годов XIX в.— Ш. Л.), руководивший надзором со стороны полиции во время процесса Засулич, дважды посылал за приказаниями «по поводу собиравшейся толпы» к исполняющему должность градоначальника (после ранения Трепова) генерал-майору царской свиты Козлову, который оба раза отвечал: «Если стоят смирно, то оставить в покое». Очевидно, заключал Лопухин, градоначальник «не мог в виду 2 раза повторенных представлений местной полиции не созывать важности дела, цели сбирца и возможных его последствий». Вывод прокурора гласил, что полиция, «допустив сбирце около суда, сопровождая процессию и **руководя (!) ею**, как бы «узаконила все происшедшее». Единственным лицом, которое могло бы подлежать уголовному преследованию, Лопухин признавал произведшего несколько выстрелов Сидорацкого. За смертью его не оставалось оснований для возбуждения дела¹.

Главный начальник III Отделения генерал-адъютант Н. В. Мезенцов, мнение которого относительно прекращения уголовного дела об «уличных беспорядках» 31 марта запрашивалось министром юстиции, дал свое согласие на прекращение дела. Это тем более понятно, что Мезенцов уже успел расправиться с некоторыми главными участниками демонстрации путем административной ссылки в отдаленные местности, а новое гласное разбирательство в суде вовсе не могло входить в его расчеты. Но Мезенцов, с другой стороны, не захотел без возражений пройти мимо тех стрел по адресу полиции и жандармов, которые содержались в заключении Лопухина. Он вместе с тем мог себе позволить более трезвую и откровенную оценку характера событий 31 марта. «Я не могу согласиться,— писал он,— с высказанным г. прокурором С.-Петербургской судебной палаты мнением, будто бы овация, устроенная молодежью Засулич, и беспорядочные проводы ее по улице не имели ни малейшего оттенка политической демонстрации. Напротив, состав толпы, собравшейся 31 марта у здания окружного суда и состоявшей преимущественно из студентов и сту-

¹ Указ. дело Министерства юстиции, лл. 2—9.

денток, т. е. такой среды, в которой антиправительственная агитация находит наибольшее сочувствие, ясно указывает, что молодежь ожидала вердикта присяжных о Засулич не из простого любопытства только, но руководствовалась при этом желанием шумною демонстрацией доказать, что поступок Засулич одобряется ее единомышленниками». Основываясь на сведениях, исходивших от полицейских усмирителей, Мезенцов далее утверждал, что «проводившие карету Засулич молодые люди несколько не желали ограничиться простым сопутствием ей до ее квартиры, так как первоначально толпа, окружившая карету Засулич, намеревалась направиться по Невскому проспекту к Адмиралтейству¹, и только общими усилиями полиции и жандармов удалось отклонить шествие от этого направления»².

Прямым следствием и, в известном смысле, продолжением (или эпилогом) уличной демонстрации 31 марта явилась панихида по Сидорацкому во Владимирской церкви (на Владимирской площади) 5 апреля 1878 г. Если демонстрация в день суда над Засулич была в общем стихийной, то панихида была заранее организована и подготовлена тайным революционно-народническим обществом «Земля и воля». Публика сзывалась на эту панихиду нелегальными печатными листками³. Одним из организаторов демонстративной панихиды был известный земледелец Александр Михайлов, который потом сообщал товарищам в автобиографическом письме из тюрьмы: «Участвовал в организации демонстрации на Владимирской улице 7 апреля (следует: 5 апреля — Ш. Л.) по поводу убийства Сидорацкого, присутствовал на ней, сдерживая оратора от излишнего увлечения»⁴. В другом документе, исходящем от Михайлова, говорится: «У собравшихся⁵ было желание заявить сочувствие суду присяжных, привет его независимому приговору и порицание администрации, своим вмешательством вызвавшей печальный факт. В речи, произнесенной на площади после панихиды, были развиты эти две мысли. Присутствовавшая полиция и спрятанные в ближайших домах ее резервы, однако, не прибегли к насилию, и демонстранты разошлись спокойно, провожаемые толпой народа, ожидавшей чего-то «необычайного»⁶. О предстоявшей новой демонстрации заблаговременно было даже дано знать в Москву, откуда для участия в петербургских событиях прибыло несколько рево-

¹ В рапорте и. д. градоначальника Козлова министру внутренних дел Тимашеву от 1 апреля 1878 г. говорилось: «... Полиция, заметив, что толпа хочет провожать подсудимую с трнумфом по главным улицам столицы, и желая предупредить, чтобы ее провезли мимо Зимнего дворца, как того требовали раздававшиеся в толпе крики, предложила прибывшим, по ее требованиям, жандармам, при повороте на Фуришадтскую улицу, окружить карету и стала убеждать толпу разойтись...» («Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 169). Мы уже знаем, какой характер носили эти убеждения.

² Указ. дело Министерства юстиции, лл. 11—12.

³ В составлении листка участвовал Г. В. Плеханов. Листок начинался словами: «В достопамятный день 31 марта убит жандармами наш товарищ — социалист Григорий Сидорацкий». См. библиографический указатель «Русская подпольная и зарубежная печать», вып. I. М., 1935, стр. 190.

⁴ Письма народолюбца А. Д. Михайлова, М., 1933, стр. 222.

⁵ Заметим, что, по сообщению другого участника событий — Г. В. Плеханова, среди собравшихся в церкви были «люди весьма солидного общественного положения» (Г. В. Плеханов. Соч., т. I, изд. 2-е, М.—Пгр., 1923, стр. 161).

⁶ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигиер. Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов, Л., 1925, стр. 121. Из описаний демонстрации в мемуарной литературе особый интерес представляет данное Владимиром Короленко в «Истории моего современника» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 202—205). Оратором (точнее, одним из ораторов: согласно отчету нелегальной газеты «Начало», было произнесено две речи) был студент-ветеринар Николай Лопатин, известный по своему активному участию в петербургском стачечном движении начала 1878 г.

люционеров, в том числе Лев Тихомиров (будущий ренегат). «В Петербурге,— писал впоследствии об этом моменте Тихомиров,— запахло нам чуть не революцией... Я с несколькими московскими знакомыми решились ехать в СПб., посмотреть и поддержать предстоящие демонстрации»¹. Отмечая в другом месте растерянность, наступившую в правящей среде после дела Засулич, Тихомиров считает, что в Петербурге тогда демонстрации происходили «почти невозбранно», и при этом ссылается именно на панихиду по Сидорацком. Не мешает в этой связи обратить внимание на то, что прокурор Лопухин в своем заключении по дознанию о демонстрации 31 марта несколько раз ссыался — в подтверждение своих выводов в пользу прекращения дела — на ту же панихиду 5 апреля².

Оценивая обстановку после процесса Засулич и сопровождавших его событий, Тихомиров в упомянутой нами раньше записке «Несколько мыслей и т. д.» утверждал: «Либеральная публика держала себя так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует». Согласно свидетельству этого автора, весна 1878 г. вселила в революционеров уверенность, что правительство может растеряться и уступить и что либералы «могут революционеров серьезно поддержать». Тихомиров оговаривается: «Я не обсуждаю вопроса о том, насколько подобная уверенность имела основательности, а отмечаю лишь факт ее». Факт же сам по себе, настаивает Тихомиров, «крайне важен, потому что это преувеличенное сознание своих сил (или слабости препятствий) именно внушило революционерам решимость на самые отчаянные предприятия»³.

Характерно параллельное мнение другого современника и участника событий, Владимира Короленко. По его оценке, дело Засулич было одним из таких событий, которые «хоть на время изменяют установившееся соотношение сил». Короленко отмечает, что цензура «сразу» (мы бы сказали: сначала) растерялась и ослабла, что преграды ослабли, а общественное мнение прорвалось. «Казалось,— указывает Короленко,— начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»⁴.

Безусловно показательным памятником настроений этого момента в известной части левой интеллигенции является вышедший в середине апреля 1878 г. нелегальный и, разумеется, анонимный «Летучий листок», автором которого был Н. К. Михайловский, в то время один из наиболее ведущих сотрудников и член редакции (после смерти Некрасова) журнала «Отечественные записки». «31-е марта,— писал Михайловский,— будет навсегда памятным днем в русской истории. В этот день общество впервые оценило героизм молодежи, погибшей в тюрьмах и на каторге». В нынешнее лето, «от оправдания Засулич первое, царствования же императора Александра II двадцать четвертое,— продолжал Михайловский,— факт передачи общественных дел в общественные руки должен обратиться в принцип». «Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности». И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!»⁵.

¹ Воспоминания Льва Тихомирова, М.—Л., 1927, стр. 98. Ср. любопытную записку Тихомирова от 1889 г. (которую представляли Александру III) «Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений», опубликованную Р. М. Канторовым в «Каторге и ссылке», 1926, № 3 (24), стр. 118—119.

² Заметим, однако, что Н. Н. Лопатин, например, был сослан после владимирской панихиды в Архангельскую губ.

³ «Каторга и ссылка», 1926, № 3 (24), стр. 119.

⁴ В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. II, стр. 197—198.

⁵ Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 66—67.

«Летучий листок» Михайловского, отражая напряженную обстановку того момента, предлагал как бы платформу для объединенных стремлений революционных элементов и либерального общества («Конституция земский собор»). Однако либеральное общество сколько-нибудь всерьез надежд не оправдало. Что же касается самих революционеров (революционных народников), то в их среде, как известно, сознательно-политические, конституционные тенденции тогда еще далеко не могли собрать большинства. Политической борьбе, впрочем, принадлежало будущее, и события января — апреля 1878 г. сыграли заметную роль в его ускорении¹.

II

Вторая демонстрация, которая имеется в виду в настоящем сообщении, связана с одесским делом Ковальского. И. М. Ковальский, не долго бывший слушателем Новороссийского университета в Одессе, с начала 1870-х годов (а может быть, и несколько ранее) принимал участие в революционном движении в Одессе и прилегающем районе (Николаев и другие), был участником «хождения в народ», вел пропаганду среди сектантов, среди учащейся молодежи². Ковальский подвергался преследованиям и, между прочим, привлекался к дознанию по делу о пропаганде в империи, из которого вырос известный процесс 193-х. В 1877 г. и самом начале 1878 г. Ковальский стоял в Одессе во главе небольшой революционной группы (степень оформленности которой недостаточно установлена), поддерживая тесные отношения и со всей местной революционной средой. В литературе высказывались мнения о принадлежности в это время И. М. Ковальского к так называемому якобинскому направлению среди семидесятников, т. е. к последовательным сторонникам бланкистской, заговорщической тактики, наиболее авторитетным представителем которых был в эмиграции П. Н. Ткачев. Ряд доводов в этом смысле был высказан Е. Кушевой в начале 1930-х годов³. Однако эта точка зрения встретила достаточно веские возражения со стороны одного из виднейших ветеранов движения 1870-х годов — М. Ф. Фроленко, близко знакомого с положением в революционных кругах юга России описываемого времени. «Якобинство» Ковальского, таким образом, отнюдь нельзя считать доказанным⁴. Зато можно считать бесспорным, что Ковальский и, по крайней мере, некоторые из его ближайших сотоварищей уже в 1877 г. признавали необходимость открытой борьбы с правительством средствами террора. Независимо от свидетельств тех или иных мемуаристов, об этом говорит воззвание, отпечатанное в нелегальной типографии группы Ковальского и расклеенное в Одессе в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1877 г. Поводом для выпуска воззвания была избрана предстояв-

¹ Мы здесь не останавливаемся на вопросе о том, какую форму приняла по преимуществу политическая борьба в конце 1870-х годов. Напомним лишь, что это была форма индивидуального террора, опасная для развития самого революционного движения, и что покушение Веры Засулич, хотя и не исходившее вовсе из тех соображений, которыми впоследствии руководствовались политики-террористы, объективно дало толчок усилению и в дальнейшем временной победе в русском освободительном движении именно ошибочных, террористических тенденций.

² Как видно из статьи Е. Н. Кушевой, опубликованной в т. I «Ученых записок Института славяноведения Академии наук СССР», с именем Ковальского связаны также какие-то, не вполне пока выясненные по характеру, отношения и связи между русскими и сербскими революционными деятелями.

³ Е. Кушева. Из истории «Общества народного освобождения» — «Каторга и ссылка», 1931. № 4(77), стр. 47—50.

⁴ М. Фроленко. «Общество народного освобождения» — «Каторга и ссылка», 1932, № 3 (88), стр. 88—95.

шая казнь уголовного преступника Лукьянова. Имея в виду царские власти, составители воззвания писали: «Приговаривая человека к смерти за частное убийство и воровство, они этим самым пишут себе смертный приговор... Народ русский, не забывай, что твои братья, отцы и сыновья терпят страшные муки и нужду в Турции и на Кавказе, умирают тысячами в больницах и на железных дорогах от недосмотра (речь шла здесь о жертвах русско-турецкой войны.— Ш. Л.). А люди, прозвавшие себя твоими благодетелями, наживаются, веселятся и пируют. На виселицу воров и убийц народа русского!...»¹.

Выступление Веры Засулич (24 января 1878 г.) воодушевляющим образом действовало на Ковальского и его кружок. Ковальским в ближайшие же после того дни был написан листок (он имел вверху обозначение «Лист первый № 1-й» «Голос честных людей») ². Приветствуя покушение, автор заявлял: «Со смертью Трепова погибнет один из главных столпов государства, погибнет самая главная пружина полицейской административной машины, которая сверху вниз все давит, давит...». Касаясь далее бесчинств, учиненных по приказу Трепова в петербургском доме предварительного заключения 13 июля 1877 г., Ковальский особо останавливался на истязаниях, которым подвергся тогда Феликс Волховский,— как отмечалось в воззвании, «бывший секретарь Одесской городской думы». «После этого каждого из нас может постигнуть такая же участь»,— писал автор листка и призывал «стереть с лица земли» Трепова и «других подобных подлецов». Сочувственно вспоминалось в листке об имевших место в 1860-х годах покушениях на царя: «Недаром 2 раза стреляли в самого государя императора Александра Николаевича — Каракозов и Березовский!». В воззвании отмечалось, что за последнее время был ряд убийств «шпионов-предателей», было «несколько случаев открытого сопротивления с оружием в руках и много случаев отчаянных побегов из-под стражи». «Все это свидетельствует,— писал Ковальский,— что уже не тот дух времени, какой был прежде, что уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством русских башибузуков». «Мы пойдем,— провозглашал он в конце листка,— по следам наших лучших товарищей, мы пойдем по следам незабвенных героев наших Каракозова, Козловой (Веры Усулич) ³ и других... для уничтожения грабителей русского народа и наших тиранов. Да погибнут!...» ⁴.

Рукопись этого воззвания (напечатано оно не было) 30 января 1878 г. была представлена хозяином квартиры (сапожником З. Тишковым), где поселился перед этим ряд участников кружка Ковальского и где хранились принадлежности тайной типографии, в жандармское управление. В тот же день эта конспиративная квартира (она находилась на Садовой улице) подверглась налету жандармерии и полиции. Ковальский, Виташевский и другие революционеры, застигнутые здесь, оказали жандар-

¹ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1877 г., д. 2029, ч. 4, л. 322. Текст воззвания был перепечатан в свое время в «Набате» (Женева, 1878, отд. II, стр. 42).

² Под заголовком значилось: «По инициативе учащейся одесской молодежи».

³ В одесском подполье с самого начала знали, очевидно, кто совершил под именем Козловой покушение на Трепова, хотя фамилия Засулич в листке была искажена. В воспоминаниях Кони отмечено, что еще 25 января 1878 г. прокурор Петербургской судебной палаты Лопухин получил телеграмму от одесского прокурора, сообщавшего на основании агентурных сведений, что покушавшуюся на Трепова женщину зовут «Усулич».

⁴ Заверенная прокурором Одесской судебной палаты Евреиновым копия листка «Голос честных людей» находится в деле Министерства юстиции, уголовного отделения, 1878 г., № 7227, лл. 9—10.

мам ожесточенное вооруженное сопротивление. Одесса с начала русско-турецкой войны была объявлена на военном положении, что открывало перед властями возможность предания «Садовцев» (так в революционной среде стали именовать участников вооруженного сопротивления 30 января) военному суду. Решение об этом, видимо, было принято одновременно в Петербурге и в самой Одессе. Прокурор Одесской судебной палаты Г. А. Евреинов (проявлявший большое рвение в борьбе против революционеров) уже 31 января извещал Палена о передаче дела в военный суд. С своей стороны, министр юстиции в шифрованной телеграмме на имя прокурора давал указания: «В случае, если будет предположено предать военному суду лиц, оказавших вооруженное сопротивление жандармским чинам при производстве обыска в квартире Межаровой¹, то прошу не препятствовать»².

В отличие от петербургского дела Засулич, которое было поставлено на суд уже через два месяца после начала следствия, на «подготовку» дела Ковальского и его товарищей властям понадобилось 5—6 месяцев. Однако готовилась к процессу не только власть, но и противостоящий ей революционный лагерь. Было достаточно оснований для предположения (потом оправдавшегося), что Ковальскому угрожает смертный приговор. Среди революционеров в связи с этим строились планы его освобождения. Кроме того, оживленно обсуждался вопрос об организации антиправительственной демонстрации после вынесения приговора. Насколько позволяют судить мемуарные данные, вопрос о демонстрации подвергался обсуждению и на более или менее широких собраниях, и на совещаниях наиболее активных деятелей. В «Автобиографии» Г. Ф. Чернявской-Бохановской читаем: «За несколько дней до суда над Ковальским мы собрались, чтобы обсудить, что мы можем предпринять в случае угрожавшего смертного приговора. Собрание происходило в какой-то загородной местности... Оно было многолюдно». Чернявская встретила здесь всех знакомых ей «революционно-настроенных лиц». Присутствовали и некоторые не известные ей раньше рабочие. «Решено было,— пишет она,— собрать вокруг здания суда как можно больше народу, для чего каждый должен был заняться вербовкой подходящих элементов между своими знакомыми. Один из рабочих сказал при этом: «Наши все придут». Долго толковали о том, приходить ли вооруженными или нет. Решили оружия не брать и строго на этом настаивали, так как у нас не было сил достаточных, чтобы отбить приговоренных»³.

Дело Ковальского и других, назначенное сначала на 13 июля 1878 г., потом было перенесено на 20 июля. До местных властей дошли те или иные сведения о замыслах революционеров. Одесский градоначальник, облеченный также правами военного губернатора, граф В. В. Левашов доносил 11 июля министру внутренних дел: «По полученным мною сведениям, ко дню заседания по упомянутому делу в Одессу ожидается приезд из разных мест, преимущественно Петербурга, Москвы и Киева, неблагонамеренных лиц из молодежи, с целью произвести какую-либо

¹ На самом деле — Мержанова (Л. М.), одна из обитательниц квартиры и участник кружка Ковальского.

² Телеграмма отправлена из Петербурга 4 февраля 1878 г. (ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, дела уголовного отделения, 1878 г., № 7227, л. 4). Еще раньше одесский жандармский полковник Кноп получил телеграмму от управляющего III Отделением о том, что «арестованных в Одессе по последнему делу приказано судить военным судом» (Ц. Мартыновская. И. М. Ковальский и первое вооруженное сопротивление в Одессе — «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9 (45—46), стр. 95).

³ «Каторга и ссылка», 1928, № 5 (42), стр. 57. Как увидим ниже, последнее решение не всеми было выполнено.

преступную демонстрацию в пользу подсудимых»¹. В том же донесении Левашов писал: «Я получаю постоянные указания от начальника жандармского управления г. Одессы о том, что неблагонамеренная молодежь собирается в разных местах города группами, занимается сообщами, чтением, пением и т. п. По всем таким указаниям я не считал возможным предпринимать что-либо, потому что, пока со стороны означенных лиц не проявляется каких-либо преступных или противозаконных действий, насильственное удаление их отсюда, хотя бы административным порядком, без определенного указания или объяснения их вины, порождает в среде их лишь бесполезное раздражение, возводит их на степень каких-то жертв, преследуемых властью, и во всяком случае не достигает цели. В настоящем же случае я полагаю, что публичное выражение симпатий к заведомым преступникам, каковы подлежащие ныне суду, не может быть терпимо в благоустроенном обществе и само по себе составляет предосудительное действие, которое, быть может, не подпадает преследованию судебной власти, но во всяком случае не должно оставаться совершенно безнаказанным. Поэтому я предполагаю, задерживая виновных, если бы таковые оказались, испрашивать разрешения вашего высокопревосходительства по телеграфу на немедленное удаление их из Одессы административным порядком...».

Интересным дополнением к донесению от 11 июля Левашова может служить в свое время уже опубликованное письмо одесского прокурора Евреинова к министру юстиции Д. Н. Набокову (сменившему отставленного за дело Засулич Палена) от 25 июля 1878 г., после окончания суда над Ковальским. Согласно сообщению Евреинова, Левашов советовался с ним относительно «предупреждения беспорядков и насилия» со стороны одесских революционеров (которых, по словам Евреинова, они насчитывали до 120 человек, в том числе до 20 «руководителей социально-революционного движения»). «Первоначально предполагалось, еще накануне постановления судом приговора, арестовать и выслать из Одессы по списку, составленному начальником Одесского жандармского управления, 29 лиц, известных своею неблагонадежностью, но мысль эта была оставлена, так как высылка этих лиц могла вызвать беспорядки даже и в том случае, если бы приговор военного суда не подал бы к ним повода»².

«Для восстановления порядка, на случай возможного его нарушения», как сообщал 22 июля управляющему Министерством внутренних дел Л. С. Макову одесский градоначальник, по соглашению между ним и командующим войсками Одесского военного округа, в город из лагеря были введены два батальона пехоты и три казачьи сотни, расположенные теперь в казармах близ помещения военного суда³. Еще накануне открытия заседаний военного суда, глубокой ночью, подсудимые были перевезены из тюремного замка под сильным конвоем в помещение суда и оставлены там на все время разбирательства. «Меру эту,— писал Лева-

¹ Донесение Левашова находится в деле Канцелярии министра внутренних дел № 1945 (1878 г.), лл. 1—4: Ко времени суда над Ковальским в Одессе действительно собралось немало активных революционеров из разных городов, главным образом Украины (среди них Лизогуб, Чубаров и др.). Едва ли, впрочем, этот съезд был приурочен только к процессу; до известной степени тут имело место и простое совпадение.

² Н. А. Бухбиндер. К процессу И. М. Ковальского — «Каторга и ссылка», 1928, № 1 (38), стр. 69.

³ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1878 г., д. 1945, лл. 27—29. По утверждению прокурора Евреинова, в распоряжении Левашова имелось до 5 тыс. войска.

шов Макову,— я признал необходимою, дабы устранить всякий повод к каким-либо демонстрациям со стороны неблагонамеренных лиц при ежедневной двукратной доставке подсудимых из тюремного замка в суд и обратно».

Тотчас после начала суда у властей возникла дополнительная «забота» — об обуздании печати. 21 июля Левашов телеграфировал в Петербург: «Заседание по политическому делу о вооруженном сопротивлении началось вчера, продолжается безостановочно и окончится, вероятно, в воскресенье. Порядок и спокойствие до сего времени ничем не нарушались. Полный стенографический отчет о заседании составляется, но опубликование его я и прокурор палаты находим неудобным ввиду тенденциозного характера защиты¹. Испрашиваю повеления о воспреещении такого публикования. Для удовлетворения же любопытства публики не изволите ли признать возможным разрешить мне печатать краткое обозрение происходившего в заседании в официальном отделе «Всedomостей градоначальства», с правом перепечатывания в других местных изданиях»².

Маков немедленно представил телеграмму Левашова Александру II, сопроводив ее своим кратким докладом, где указывалось, что предлагаемый одесским градоначальником способ «был уже неоднократно применением в С.-Петербурге»; в то же время Маков предлагал сделать распоряжение по цензурному ведомству о прекращении «дальнейшего печатания полного стенографического отчета в газетах», так как начало такого отчета (именно часть обвинительного акта) уже появилось 22 июля в петербургской газете «Голос». «Из помещенной в этой газете заметки усматривается,— писал Маков,— что редакция получила отчет непосредственно от стенографа, но при этом нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что обвинительный акт, прочитанный в суде в Одессе 20-го числа, был уже отдан в печать здесь в ночь с 21-го на 22-е число, что и дает повод предполагать, что акт был передан редакции ранее, чем состоялось заседание суда». Александр II был сильно раздражен этими обстоятельствами. «Следует это впредь строго запретить»,— написал он на докладе, одоблив одновременно предложения Левашова и Макова³. Во исполнение «высочайшего» повеления были приняты соответствующие меры: отобрана была подписка у редакторов всех бесцензурных изданий, «Голосу», «Новому времени» и «Биржевым ведомостям» было предписано приостановить печатание обвинительного акта, телеграфировано в Москву (относительно московской печати) и т. д.

Несмотря на принятые разнообразные меры, предупредить демонстрацию в Одессе, как известно, не удалось⁴. После событий 24 июля (при-

¹ Защиту возглавляли прибывшие из Петербурга присяжные поверенные Г. В. Бардовский и Д. В. Стасов. В донесении от 22 июля Левашов писал: «...Защитники подсудимых употребляют все усилия не столько к тому, чтобы оправдать действия своих клиентов или ослабить преступный их характер, сколько к изображению в предосудительном виде действий по настоящему делу жандармов, полицейских чинов и вообще начальствующих лиц. С этой целью подсудимыми и их защитниками постоянно предлагаются свидетелям вопросы, которые... ставят этих свидетелей в затруднительное положение, вынуждая их, благодаря стремлению защиты, запутывать дело, давать противу воли неудовлетворительные (для властей! — Ш. Л.) ответы».

² Указ. дело Канцелярии министра внутренних дел, лл. 9—10.

³ Там же, лл. 7—8.

⁴ Наиболее обстоятельное современное описание демонстрации, исходящее от революционных кругов Одессы, появилось в подпольной «Земле и воле» (две статьи под общим названием «Одесса во время суда над Ковальским» — в № 2, от 15 декаб-

говор был вынесен вечером 24-го и тогда же разыгрались уличные волнения) и центральные власти, и некоторые представители местных властей возложили ответственность за них на градоначальника и военного губернатора Левашова. Обвинял среди других Левашова в бездеятельности в день 24 июля прокурор судебной палаты Евреинов, который в письме к министру юстиции Набокову от 25 июля объяснял поведение градоначальника «малодушным опасением за свою личную безопасность»¹.

В делопроизводстве Канцелярии министра внутренних дел имеется объяснение Левашова (от 26 июля) в ответ на запрос управляющего министерством Макова². Оно имеет известное значение для истории демонстрации 24 июля. «...По ходу дела о вооруженном сопротивлении,— писал, между прочим, граф Левашов,— можно было предполагать, что провозглашение приговора последует не позже 5-го часа пополудни 24 июля и во всяком случае до наступления темноты, о чем особенно и просил я г-на председателя³. Между тем в действительности оказалось, что гг. судьи, удалившись для постановления приговора во 2-м часу пополудни, вышли из совещательной комнаты лишь в 9-м часу вечера. Вся Гулевая улица, на которой расположен был суд, очищена была от публики, но по тротуарам ее, в некотором от суда расстоянии, т. е. через улицу, публика гуляла, сперва в незначительном числе, а потом, по мере наступления сумерек и с закрытием лавок, фабричных и заводских мастерских⁴ и т. п., постепенно увеличивалась и, наконец, заняла сплошь

ря 1878 г. и № 5, от 8 февраля 1879 г.; перепечатано в «Революционной журналистике семидесятых годов», стр. 121—125, 244—246). Из ряда мемуаров отметим статью С. И. Феохари «Вооруженная демонстрация 1878 г. в Одессе» («Каторга и ссылка», 1924, № 1 (8), стр. 109—113). Феохари, участник революционного движения в Одессе и Киеве, принадлежавший к полупролетарской среде, был одним из тех, кто, вопреки определившемуся общему мнению, все-таки явился на демонстрацию вооруженным. Он первым или одним из первых пустил в ход оружие, когда солдаты и полиция стали силой разгонять собравшихся.

¹ Оценка столичными правящими верхами поведения Левашова нашла выражение в дневнике Д. А. Милютин. Под 4 августа военный министр записал (после краткого перечня одесских событий): «При этом полиция действовала непростительно вяло и неразумно; градоначальник гр. Левашов, облеченный званием военного губернатора при объявленном в городе военном положении, совсем не показавшись ни в суде, ни во время беспорядков, несмотря на то, что беспорядки эти заранее предусматривались, даже назначены были части войск в распоряжение военного губернатора. На месте происшествия никто арестован не был; только уже в ночь и на другой день начались аресты по домам. Вся эта история возбудила большое неудовольствие государя; приказано было вести дело самым решительным образом и привести приговор суда в исполнение неотлагательно». «Малодушные люди, подобные, например, гр. Левашову в Одессе, прячутся, бездействуют и потакают самым опасным для общественного спокойствия преступлениям»,— заключал свою запись Милютин (Дневник Д. А. Милютин, т. III, 1878—1880, М., 1950, стр. 84, 85).

² Маков 25 июля запрашивал: «Прошу ваше сиятельство уведомить, кто именно распоряжался на месте беспорядка и почему, несмотря на заранее принятое решение не допускать сборища, могла составиться толпа, из которой были произведены выстрелы. Равным образом сообщите, сколько арестовано личностей на месте беспорядка».

³ Характерно это прямое признание открытого вмешательства полицейской власти в ход процесса, притом на самом ответственном, решающем его этапе.

⁴ В этих словах можно, думается, видеть указание на более или менее значительное участие рабочих. Ср. статью участника событий С. Е. Лиона «Первая вооруженная демонстрация» («Каторга и ссылка», 1928, № 8—9 (45—46), стр. 63), где говорится о «массе сочувствующих из числа рабочих, штундистов и членов радикальных кружков», толпившихся возле здания суда. Он же пишет, что в толпе «было очень много посторонних рабочих, плотников, штукатуров, чернорабочих, возвращавшихся с работ и с любопытством застревавших здесь..., заражаясь всеобщим нетерпеливым ожиданием».

весь тротуар, не взирая на увещевания полиции разойтись, но, впрочем, большинство ее состояло из лиц, привлеченных одним любопытством, и настроение ее было самое спокойное¹. Когда вслед за провозглашением приговора выбежавшая из суда одна из присутствовавших в заседании женщина объявила во всеуслышание сущность приговора, из толпы, стоявшей на ближайшем к суду углу улицы, стали раздаваться возгласы порицания строгости присужденного судом наказания, но без всяких движений толпы. Тогда полиция из опасения, чтобы толпа не придвинулась ближе к суду, просила командира 2-й бригады 15-й пехотной дивизии генерал-майора Григорьева, распорядившегося, по моим указаниям, войсками, назначенными для охраны, послать 12 пехотных нижних чинов для усиления цепи казаков. Лишь только солдаты двинулись, из толпы раздался сперва один, затем два и, наконец, несколько сряду выстрелов из револьверов, которыми ранено трое нижних чинов и убито двое посторонних лиц, из которых один, как кажется, принадлежал к единомышленникам преступников². Выстрелы эти произведены из толпы лицами неблагонамеренными, которые, смешавшись с любопытными и находясь в задних ее рядах, не целились в определенных лиц, а желали выразить этим путем неудовольствие свое за насильственное удаление с места стоянки, а в особенности произвести какой-либо публичный скандал³. Тотчас после первого выстрела толпа кинулась назад, увлекая за собою и лиц неблагонамеренных, которые, убегая, произвели сразу несколько выстрелов, приблизительно от 20 до 30»⁴.

К донесению градоначальника от 26 июля была приложена копия рапорта генерал-майора Григорьева от 25 июля на имя Левашова, где Григорьев отчитывался в своих действиях за 24 июля. Из рапорта видно, что для подавления «беспорядков» были подготовлены 1-й батальон 60-го пехотного Замосцкого графа Коцебу полка, 1-й батальон 59-го пехотного Люблинского полка, казаки 7-го Донского казачьего полка. Григорьев отмечает, что публика, находившаяся близ здания суда, состояла из лиц, «принадлежащих к разного рода званию, состоянию и возрасту». По его словам, на месте никто не был арестован «вследствие ночного времени и сплошной массы народа».

Массовые аресты среди одесских «радикалов» начались в ближайшую ночь после событий; они вылились в очень серьезный разгром революционных элементов Юга, существенной частью которого явился известный процесс «28-ми».

Для расследования действий графа Левашова решено было направить в Одессу свитского генерал-майора, состоявшего при Министерстве внутренних дел, Козлова (упоминавшегося выше в связи с делом Засулич).

¹ Отчет «Земли и воли» говорит о трехтысячной толпе, собравшейся у суда. Прокурор Евреинов также указывает, что к тому времени, «когда стало смеркаться», толпа «достигла до трех тысяч человек». В массе присутствующих были, конечно, и просто «любопытные», но в общем целью собрания, несомненно, было выражение солидарности с подсудимыми, и значительная часть (вероятно, большинство) состояла из более или менее сознательно сочувствовавших революционной борьбе и протествовавших против судебного решения.

² Из толпы были убиты бывший ученик Одесского реального училища Яков Полтавский и херсонский мещанин Сергей Полтавский. Все официальные инстанции настойчиво поддерживали версию о том, что войска и полиция к огнестрельному оружию не прибегали; нелегальная печать и мемуары участников демонстрации утверждают, что солдаты стреляли в толпу.

³ Под «публичным скандалом» разумелось, конечно, именно демонстративное выражение чувств, воодушевлявших присутствующих.

⁴ Указ. дело Канцелярии министра внутренних дел, лл. 42—44.

На этот счет Маковым был заготовлен специальный «всеподданнейший» доклад, оставшийся непредставленным, так как, согласно записи в деле, Александр II пожелал «лично объявить г.-м. Козлову высочайшую волю о командировании его в Одессу». По приказанию царя, военным министром 10 августа был объявлен выговор Левашову за «нераспорядительность» во время «беспорядков» 24 июля. Левашов был затем смещен со своего поста.

Приговор Одесского военно-окружного суда по делу Ковальского был утвержден 31 июля командующим войсками Одесского военного округа генерал-адъютантом Семекой. 2 августа Ковальский был расстрелян. Фактическое утверждение приговора, несомненно, состоялось раньше, в Петербурге. В свое время В. Я. Богучарский на основании опубликованного в начале 1879 г. в № 4 «Земли и воли» секретного письма шефа жандармов Мезенцова к Макову от 20 июля 1878 г.¹ высказал предположение, что смертный приговор Ковальскому был рассмотрен и утвержден на особом совещании из министров военного, юстиции, внутренних дел и шефа жандармов, под председательством Валуева, созванном в конце июля для обсуждения мер борьбы с расширявшимся революционным движением². Позднее, когда Богучарский познакомился с докладом упомянутого совещания царю, в котором о деле Ковальского не говорилось, он отказался от своего прежнего мнения. Вдохновителем казни Ковальского (и последовавшего вскоре указа о «временном подчинении» определенной группы политических дел военному суду) Богучарский предположительно признал Мезенцова³.

В деле Канцелярии министра внутренних дел № 1945 (за 1878 г.) на копии телеграммы из Одессы графа Левашова от 25 июля 1878 г. с изложением приговора по делу Ковальского и кратким сообщением о демонстрации имеется надпись рукою Макова: «Доложено его величеству 28 июля 1878 г. Царское Село». Под нею — карандашная помета: «Заседание сегодня [в] 3 ч.». Соседство этих надписей позволяет предположить, что какая-то связь между совещанием, в котором участвовали Валуев, Д. Милютин, Мезенцов, Набоков и Маков, и окончательным решением судьбы Ковальского, быть может, все-таки существовала⁴. Вместе с тем никак нельзя сомневаться в том, что казнь была одобрена и предрешена Александром II. В пользу этого вывода, в частности, говорит приведенная выше выписка из дневника Милютина.

Тот же милютинский дневник содержит свидетельство о волнении, которое переживали революционные круги в Петербурге после одесского приговора (первого смертного приговора по русскому политическому делу со времени казни Каракозова). «По поводу одесских происшествий, — пишет Милютин, — получены были некоторыми лицами и здесь в Петербурге анонимные письма с угрозою убийства в случае приведения в исполнение

¹ Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 230. (Подлинное письмо находится в деле Канцелярии министра внутренних дел, № 2029, ч. 5, л. 37).

² В документе непосредственно говорилось о «распространении деятельности подпольного социалистического кружка, избравшего театром своих действий города Киев, Харьков и Одессу, именующегося исполнительным комитетом русской социально-революционной партии».

³ В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов, М., 1912, стр. 338; «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 139.

⁴ Глухие отметки о совещании 28 июля имеются в дневниках Валуева и Милютина (Граф П. А. Валуев. Дневник, 1877—1884, Пгр., 1919, стр. 28, запись от 29 июля 1878 г.; Дневник Д. А. Милютина, т. III, 1878—1880, М., 1950, стр. 83, запись от 29 июля 1878 г.). Имя Ковальского в этих кратких дневниковых записях не упоминается.

смертного приговора над Ковальским. Такое письмо получил и я»¹. Милютин добавляет, что «первою жертвою мщения пал ген. Мезенцов как шеф жандармов».

III

События в Петербурге, связанные с делом Веры Засулич, и события в Одессе, связанные с делом Ковальского, показательны для общественной атмосферы 1878 г. В них отразилось то повышение активности радикальных кругов, которое столь характерно для этого года и последующих лет, хотя эта активность подчас направлялась не по надлежащему руслу, не находила правильного для себя выхода. В них отразилось все более и более ширившееся в это время распространение настроений недовольства, протеста, готовности к борьбе. Демонстративные выступления с выходом на улицу отнюдь не исчерпываются приведенными случаями. Но демонстрации, конечно, не были каким-либо исключительным проявлением общественного недовольства. Рост революционных и оппозиционных настроений выражался в различных формах и охватывал разные классы и слои населения. Не вдаваясь в подробности, ограничимся беглым перечислением некоторых фактов и явлений, характерных для 1878 г.

В это время заметно обострение крестьянского недовольства (отчасти под влиянием русско-турецкой войны). Требование земли находит своеобразное выражение в широчайшем распространении слухов о предстоящем переделе земель. В рабочем классе усиливается стачечная борьба. На первые же месяцы 1878 г. приходится известная стачка на Новой бумагопрядильне в Петербурге, привлекая самое широкое общественное внимание. Растет организованность и сознательность в передовом слое рабочих. 1878 год — год оформления и открытого выступления, руководимого Халтуриным, Обнорским и их ближайшими товарищами «Северного Союза русских рабочих». К этому же году относится быстрый рост студенческих волнений, охватывающих большинство университетских центров; студенческие «беспорядки», возникающие в одном городе, находят отклик и поддержку в другом (или других). Под воздействием военно-дипломатических событий и роста активности революционно-демократической среды замечается после длительного затишья оживление либерального движения.

Для деятельности собственно революционного круга интеллигенции характерно нарастающее влияние тенденций политической борьбы, переход к открытым действиям непосредственно против царского правительства (правда, обосновываемым еще пока сплошь и рядом полуанархистскими доводами). Рост боевых настроений сказывается не только в нападениях на больших и малых представителей и агентов царской власти (это оказалось ложным путем, впоследствии заведшим движение в тупик), но и в смелых попытках освобождения политических заключенных, в самоотверженных протестах в местах заключения, в сопротивлении при арестах и т. д. Подобные действия не раз доводили уже иных местных администраторов до состояния паники (например, в Харькове летом

¹ Дневник Д. А. Милютина, т. III, стр. 85. Речь идет об убийстве Мезенцова, совершенном 4 августа С. М. Кравчинским (при участии Баранникова, Адриана Михайлова и других землепользователей). Известно, что брошюра об убийстве Мезенцова — «Смерть за смерть», написанная Кравчинским и отпечатанная в августе 1878 г. в землепользовательской типографии, открывалась посвящением «святой памяти мученика Ивана Мартыновича Ковальского...». Однако покушение на Мезенцова готовилось сравнительно задолго до казни Ковальского; нет даже твердой уверенности в том, что Кравчинский к моменту своего покушения уже имел точные данные об этой казни.

1878 г.). Под страхом волнений и беспорядков власти иногда вынуждались к тем или иным — пусть пока незначительным, но симптоматичным — уступкам¹. В связи с общим подъемом революционной борьбы стояло развитие подпольной печати. В 1878 г., в частности, появились первые нелегальные газеты в самой России.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что новый демократический подъем (вторая революционная ситуация) в России начинается примерно в 1878 г. (точнее, с зимы 1877/78 г.).

---

¹ Любопытный эпизод произошел уже в самом начале 1878 г. в Москве. Генерал-губернатор кн. Долгоруков, получив сведения, что часть студентов намерена воспротивиться традиционному пению царского гимна перед началом бала в пользу недостаточных студентов в залах Благородного собрания (24 января), решил отказаться от исполнения гимна («для большей осторожности и для избежания могущего быть беспорядка», как писал 25 января Долгоруков министру внутренних дел Тимашеву, который на представлении генерал-губернатора и написал — «Уступка!»). (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, д. 2029, ч. 4, л. 381). О случаях вынужденного маневрирования власти говорят и приведенные выше факты.

П. А. ЗАЙОНЧОВСКИЙ
ИЗ ИСТОРИИ ОБНАРОДОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ
19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Разрабатывая крестьянскую реформу, правительство Александра II отдавало себе ясный отчет в истинном ее смысле, в ее грабительском характере по отношению к крестьянству и испытывало огромный страх при мысли о возможности крестьянского движения. «Само правительство,— рассказывает в своих воспоминаниях военный министр Александра II Д. А. Милютин,— не чуждо было тревожного ожидания того момента, когда вдруг снимется узда с многих миллионов поработенного народа. Поэтому заранее обсуждались и принимались всякие меры к предупреждению и укрощению ожидаемых беспорядков и волнений, были даже сделаны некоторые перемены в дислокации войск, в тех видах, чтобы повсеместно имелась под рукой военная сила. Местным начальством даны были заблаговременно инструкции на случай нарушения спокойствия и порядка»¹.

Действительно, еще в конце декабря 1860 г. генерал-квартирмейстер барон Ливен представил специальную записку «Об обеспечении войсками мер для подавления крестьянских беспорядков». Рассмотрев подробно этот вопрос, он пришел к выводу, что существовавшее в то время расположение войск обеспечивает возможность подавления могущих возникнуть волнений. «Из всего вышеизложенного,— писал он,— явствует, что по причине предстоящего введения новых отношений между помещиками и поселенными на их землях крестьянами ни общих передвижений, или перемещений войск, ни сборов частей с целью предупреждения каких-либо беспорядков производить не нужно, а достаточно оставлять оные в местах нынешнего их расположения»². Вместе с тем Ливен считал необходимым заблаговременно точно определить, какие части войск должны будут привлекаться для подавления крестьянских волнений в той или иной губернии.

Эта записка, одобренная Александром II, обсуждалась по его указанию в конце января 1861 г. в Совете министров. Помимо подробного описания в целях «обеспечения порядка в тех губерниях, где не располагается достаточно пехота и кавалерия, заблаговременным назначением из соседственных губерний частей войск... для подавления каких-либо беспорядков»³, Александр II предложил произвести частичную передислокацию войск. Так, из Черниговской и Могилевской губерний должны были быть переведены в Смоленскую два батальона пехоты; в Перм-

¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, картон 13/4, воспоминания за 1861 г., стр. 60.

² ЦГВИА, ф. 38 (Канцелярия Департамента Генерального штаба), оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 20.

³ Там же, л. 26.

скую и Уфимскую губернии предлагалось командировать в распоряжение губернаторов и начальника горных заводов Урала несколько сотен оренбургских и уральских казаков и т. д.¹

На основе этого решения в первой половине февраля 1861 г. Военным министерством было направлено главнокомандующему Первой армией, командирам отдельных корпусов и другим специальное секретное предписание, в котором предлагалось «в видах охранения порядка во время предстоящего изменения крестьянского быта» направлять воинские части для подавления крестьянских волнений в губернии в соответствии с ведомостью, приложенной к предписанию². Так, например, войска 1-й кавалерийской дивизии предназначались для подавления «беспорядков» в Ковенской губ., из войск 2-й пехотной дивизии Калужский полк должен был действовать в Минской губ., Либавский и Ревельский полки — в Виленской, Эстляндский полк — в Виленской губ. и Новогрудском уезде Минской губ.³

12 февраля управляющий Военным министерством Д. А. Милютин довел до сведения министра внутренних дел о сделанных распоряжениях, а также препроводил ему четыре ведомости под лит. А, Б, В и Г, в которых излагалось указанное выше расписание войск.

Боязнь крестьянских восстаний в связи с опубликованием Положений 19 февраля 1861 г. вызвала в военных кругах стремление несколько изменить принципы расквартирования войск. Как известно, подавляющая часть войск в тот период была размещена не в казармах, а в деревнях, на так называемых обывательских квартирах. В октябре 1860 г. генерал-адъютант Глинка 2-й представил в Военное министерство специальную секретную записку «О квартирном расположении армии ввиду предстоящего разрешения крестьянского вопроса», в которой он предлагал изменить квартирное расположение войск с тем, чтобы они не были застигнуты врасплох в случае крестьянского восстания. «По моему убеждению, — писал он, — ввиду случайностей, какие могут проявиться в будущем, квартирование пехоты по деревням должно быть основано на сборах оной поротно»⁴.

Правительство опасалось восстаний не только в деревне, но и в самом Петербурге. Свидетельством этому являются детально разработанные меры для подавления восстания в столице, изложенные в деле «Вызов войск на случай беспорядков»⁵, где имеются заранее заготовленные и подписанные петербургским генерал-губернатором Игнатьевым предписания высшим административным, а также военным властям, которые должны были быть им немедленно разосланы в случае начала восстания⁶. В распоряжении управляющему канцелярией петербургского

¹ Помимо этого, еще 22 декабря 1860 г., согласно указаниям военного министра, должны были быть командированы с Дона четыре казачьих полка в Одессу, Киев, Житомир, Вильно, куда они обязаны были прийти в начале мая 1861 г.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 26.

³ Там же, л. 96.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ Филиал ЦГВИА в Ленинграде, ф. 109 (А. А. Суворова); д. 10.

⁶ Конверты с предписаниями должны были быть разосланы следующим 16 лицам: петербургскому коменданту, обер-полицмейстеру, коменданту петербургской крепости, дежурному по Главной конюшне офицеру, военному министру, командиру Отдельного гвардейского корпуса, начальнику штаба Отдельного гвардейского корпуса, командиру Петербургского гарнизонного батальона, главному управляющему путями сообщения и публичных зданий, министру внутренних дел, директору почтового департамента, директору инспекторского департамента Морского министерства, второму петербургскому коменданту, петербургскому гражданскому губернатору, министру народного просвещения, главному начальнику III Отделения.

губернатора говорилось: «Вследствие возникшего в столице беспорядка... возлагаю на личную ответственность вашу следующее: 1) немедленно... разослать по адресам с несколькими самыми надежными посланными... конверты, при сем влагаемые, которому сдать под заготовленные расписки, к каждому конверту приложенные. Тотчас каждый конверт вскрыть, означить на бумаге год, месяц и число и внимательно запечатать, чтобы не смешивать, имея в виду важность не только ошибки, но и каждой минуты промедления..., отпусков сохранять не должно». Далее следовало изложение задач, возлагавшихся на отдельных должностных лиц управления (адъютантов, чиновников особых поручений)¹.

Все эти предписания имели следующее совершенно стереотипное начало: «По случаю возникшего в столице беспорядка, к прекращению коего принять должные меры государь император высочайше повелеть соизволил...»². Далее указывались те конкретные задачи, которые возлагались на то или иное начальствующее лицо. Так, командиру гвардейского корпуса предлагалось: «1) Принять безотлагательно надлежащие меры к восстановлению общественного спокойствия; 2) Собрать на сборные места войска, составляющие гарнизон столицы, на точном основании диспозиции, одобренной его величеством»³.

Эта диспозиция предусматривала в первую очередь оборону Зимнего дворца и охрану важнейших правительственных учреждений, железной дороги, телеграфной станции и т. д. Так, на площади Зимнего дворца должны были быть сосредоточены 4 батальона пехоты, 24 орудия и 6½ эскадронов кавалерии⁴. «Батальон лейб-гвардейского Преображенского полка,— указывалось в предписании петербургскому коменданту,— строится в колонну на главном большом дворе. Одна рота сего батальона располагается в главных воротах, против монументов. В воротах ставятся два первые прибывшие орудия гвардейской пешей артиллерии»⁵. Далее излагалась диспозиция лейб-гвардейского Семеновского полка, отдельные подразделения которого должны были занять подъезды Зимнего дворца и Эрмитажа. Командование этими войсками возлагалось на начальника 1-й пехотной гвардейской дивизии. Общее руководство войсками поручалось командиру гвардейского корпуса.

Гарнизон Петропавловской крепости должен был быть усилен лейб-гвардейским гренадерским полком, стрелковыми ротами лейб-гвардейского Финляндского полка и войсками, которые должны были прибыть из «загородного расположения». Коменданту крепости предлагалось усилить надзор за заключенными, установить охрану казначейства, государственных фондов и Монетного двора. «Для наступательных действий,— указывалось в предписании коменданту крепости,— ожидать приказа вышшего начальства. До получения такового употребление оружия, преимущественно штыка, дозволяется исключительно в оборонительных видах», но это не относится «к случаю покушения вломиться в крепость вооруженною рукою. Несомненным ручательством к сопровождению всякого преступного посягательства служат: сорок орудий готовых на бастионах, имеющаяся под рукою картечь и военная опытность и доблесть коменданта»⁶.

¹ Филиал ЦГВИА в Ленинграде, ф. 109, д. 10, л. 4.

² Там же, л. 9.

³ Там же, л. 61.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Там же, л. 48.

⁶ Там же, л. 42.

Согласно «Распоряжению по войскам на случай тревоги»¹, всего должно было быть сосредоточено на сборных пунктах (помимо войск, имевших прибыть из Царского Села) 19½ батальонов пехоты, 5 батарей полевой артиллерии и 17 эскадронов кавалерии. «Все отряды,— указывалось в расписании,— придя на сборные пункты, строятся в предположении, что опорный пункт их на Дворцовой площади»².

Шефу жандармов предписывалось «задерживать всех подозрительных людей и никого не впускать ни в город, ни из города без особых мер предосторожности... Поезда железных дорог, ожидаемые в столицу, останавливать на последних перед оною станциях, те поезда, которые отсюда назначены будут к отправлению, задерживать по возможности»³. Министру народного просвещения предлагалось учредить наблюдение за редакциями газет и журналов, типографиями и литографиями, «с тем чтобы никакие объявления и статьи, имеющие отношение к нынешним событиям, не были печатаемы и публикуемы без... особого разрешения высшего цензурного начальства»⁴.

Церковь, являвшаяся одним из важнейших идеологических орудий правительства, также принимала меры для предотвращения крестьянских выступлений. Еще в ноябре 1860 г. министр юстиции и председатель Редакционных комиссий граф В. Н. Панин обратился с конфиденциальным письмом к обер-прокурору Синода графу А. П. Толстому по вопросу о способах использования духовенства для предотвращения крестьянских волнений в период обнародования «Положения об улучшении быта помещичьих крестьян».

«...Я имею честь,— писал Панин,— обратиться к вашему сиятельству, не угодно ли будет сообразить, до какой степени было бы полезно вменить в обязанность через епархиальное начальство приходским по губерниям священникам, чтобы они, не давая поручению вида исполнения предписания начальства..., при каждом удобном случае внушали бы крестьянам, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности в отношении к государю и установленным от него властям, объясняя при том, что дарованные крестьянам права и льготы упрочат их благоденствие лишь при постоянном их трудолюбии, нравственном поведении и точном исполнении облегченных повинностей в отношении к владельцам земли...»⁵.

В соответствии с указаниями, содержащимися в этом письме, 17 февраля 1861 г. Синод направил во все епархии циркулярное предписание, текст которого (как и текст манифеста) был составлен московским митрополитом Филаретом Дроздовым и лишь несколько сокращен и отредактирован в канцелярии Синода.

Циркуляр рекомендовал священникам как в церковных поучениях, так и в специальных беседах разъяснять крестьянам необходимость добросовестного исполнения ими обязанностей по отношению к помещикам, разрешать недоразумения с помещиками «законным путем, не распространяя беспокойства в обществе, а с терпением ожидать от начальства подлежащих распоряжений и действий правосудия». В циркуляре особенно подчеркивалось, что данные в нем указания должны сохраняться в тайне⁶.

¹ Филиал ЦГВИА в Ленинграде, ф. 109, д. 10, лл. 31—42.

² Там же, л. 38.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, л. 58.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора св. Синода), оп. 30, 1860 г., д. 278, л. 2.

⁶ Там же, л. 33. Это предписание опубликовано в журнале «Киевская старина» 1901, № 3, отд. II.

В отдельных губерниях архиереями были составлены специальные «поучения», которые предлагалось произнести священникам до и после опубликования манифеста. В «поучении», составленном вологодским епископом Христофором, говорилось: «Одни только люди недобрые, т. е. возмутительные, могут сеять злые слухи, что де пришла воля царская, да не сказывают... Ждите его воли, а когда придет, то с благодарностью примите все его распоряжения об вас. Не нам уставы писать, сами знаете. Нам господь бог велел повиноваться царю, как божией воле над нами, тогда мы и православные, тогда и христиане, тогда и церковь наша мать, а бог наш отец»¹. Сей архипастырь пытался даже координировать свои действия с местными жандармскими властями. Это трогательное единение нашло свое выражение в ряде секретных совещаний главы епархии с штаб-офицером корпуса жандармов².

Аналогичным по содержанию с «поучением» Христофора было и «послание» подведомственному ему духовенству архиепископа полоцкого и витебского Василия³.

* * *

Вопрос о времени опубликования Положений 19 февраля был решен правительством в начале февраля. 12 февраля министр внутренних дел Ланской сообщил в секретной телеграмме всем губернаторам о том, что Положения будут опубликованы великим постом (начавшимся в 1861 г. 6 марта и кончившимся 24 апреля). Мы не располагаем текстом этой телеграммы, повидимому, не сохранившейся в фондах Министерства внутренних дел, однако ссылки на нее встречаются неоднократно⁴. Об этом же писал Ланской и военному министру 13 февраля. «Самое обнародование манифеста по крестьянскому делу, — указывал он, — как нам известно, последует в наступающем великом посту»⁵. Д. А. Милютин прямо указывает, что опубликование Положений было намечено на 6 марта (на понедельник на первой неделе великого поста)⁶.

Основная причина подобного решения заключалась, на наш взгляд, в том, что время поста расценивалось правительством как наиболее благоприятное в смысле обеспечения «спокойного» принятия Положения крестьянством, поскольку в эти дни верующие, готовившиеся к исповеди и «отпущению грехов», особенно тщательно должны были выполнить нормы христианского поведения, требовавшие в первую очередь повиновения «властям предержащим» и долготерпения.

Задержка обнародования Положения и манифеста вызывалась в не-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1290 (Земского отдела Министерства внутренних дел), 1-е дел-во, 1861 г., д. 20, лл. 181—182.

² ЦГИАЛ, ф. 796 (Канцелярии Синода), оп. 142, 1861 г., д. 381, лл. 1—2.

³ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 30, 1860 г., д. 278, л. 86.

⁴ В фонде Земского отдела МВД в деле, содержащем переписку с губернаторами по поводу опубликования Положений, имеется ряд прямых указаний на эту телеграмму. Так, пермский губернатор в своем сообщении министру внутренних дел от 10 марта за № 35 писал: «Получив 2-го числа сего месяца в Ирбите предложение вашего высокопревосходительства от 12 февраля за № 27, коим изволили предвратить меня, что манифест и Положения о крестьянах будут обнародованы в течение великого поста» и т. д. (оп. 1, д. 20, л. 276). В этом же деле имеется выписка из журнала Херсонской временной комиссии по крестьянскому делу от 12 марта 1861 г., в которой говорится следующее: «Слушали: 1) Секретную телеграмму г. министра внутренних дел от 12 февраля, которой его высокопревосходительство известил г. иначальника губернии, что высочайший манифест и Положения о крестьянах будут обнародованы в течение великого поста...» (там же, л. 472).

⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 207.

⁶ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, картон 13/4, воспоминания за 1861 год, стр. 60—61.

которой степени также необходимостью напечатать известное количество экземпляров этих документов. Набор текста Положений, как это следует из отчета руководившего этой работой статского советника Митькова, производился в типографии II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, в которой и происходила сверка всех корректур. Печатание же их производилось в 14 петербургских типографиях¹ и продолжалось до 17 марта². За это время было напечатано 68 454 полных экземпляра, заключавших в себе манифест, указы и все Положения, как общие, так и местные, 20 658 экземпляров, содержавших в себе манифест, указы и все общие Положения и одно из местных Положений. Кроме того, было напечатано 30 тыс. экземпляров Положений о дворовых людях³.

Печатание Положений производилось в глубокой тайне. «Для предупреждения преждевременного оглашения точного содержания Положений,— сообщал в своем отчете Митьков,— кроме чиновников, наблюдавших, чтобы из типографии не были выносимы экземпляры печатных Положений», было принято за правило не отдавать печатать в одну типографию подряд листы одного и того же Положения, «а старались раздавать листы эти в возможно большее число типографий...»⁴. Печатание манифеста было начато 24 февраля и окончено 5 марта; всего было изготовлено 280 тыс. отдельных экземпляров⁵.

3 и 4 марта из Петербурга выехали командированные в губернии с чрезвычайно широкими полномочиями чины императорской свиты (генерал-адъютанты и флигель-адъютанты, свитские генералы) для обеспечения на местах в период обнародования Положения «спокойствия и порядка». Каждому из командированных был вручен в Государственной канцелярии специальный чемодан с определенным количеством экземпляров Положений и манифеста⁶.

Жажда народа ознакомиться как можно скорее с «дарованной ему волей» была чрезвычайно велика. Общая молва утверждала, что обнародование манифеста произойдет 19 февраля, в день восшествия на престол Александра. Эти слухи достигли таких огромных размеров, что 17 февраля петербургский военный генерал-губернатор принужден был опубликовать в газетах специальное извещение о том, что «19 февраля никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет»⁷. Эта жажда воли была так велика, что 19 февраля, как указывается в одном перлюстрированном письме (из Москвы), крестьяне подмосковного села Архангельского избили в церкви во время обедни священника за то, что он «не объявляет им вольной»⁸.

Правительство и Александр II находились в день 19 февраля в величайшем страхе, опасаясь народного восстания.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180 (Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу), оп. т. XV, 1861 г., д. 70, л. 3. Точная дата начала печатания Положений в деле не приводится. Однако по косвенным данным можно установить, что набор начал производиться примерно 10—12 февраля, так как согласно приложенной к делу «Ведомости о числе фургонов и лошадей, отпущенных с Главной конюшни для перевозки отпечатанных листов Положений», первые лошади были затребованы 14 февраля (там же, л. 22).

² Вследствие дополнительных требований из губерний печатание Положений было возобновлено 26 марта и продолжалось до 30 марта.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Всего было направлено 1055 экз. Положений и 43 832 экз. манифеста (там же, л. 11).

⁷ «Северная пчела», № 39, от 17 февраля 1861 г.

⁸ ЦГИАМ, ф. 109 (III Отделения), секретный архив, оп. 3, д. 2104, л. 7.

Как рассказывает в своей записке «Ночь с 18 на 19 февраля 1861 года» один из корреспондентов «Колокола», отставной чиновник Э. П. Перцов, в Петербурге в этот день были приняты обширные меры. Войскам были выданы боевые патроны, офицерам было запрещено отлучаться из казарм. С наступлением сумерок 18 февраля были установлены военные патрули, особенно в тех частях города, где жили мастеровые и рабочие. Во внутренних двориках Зимнего дворца были расставлены команды солдат, которым было выдано по 6 боевых патронов. Кроме того, в каждый съезжий дом (полицейский участок) была введена рота солдат, командиру которой было предложено выполнять все указания полицейского начальства. «Полиция созвала дворников со всех домов и приказала им наблюдать, чтобы ни внутри двора, ни на улице перед домом не собиралось более трех человек и чтобы они подслушивали, не говорит ли кто об освобождении помещичьих крестьян, а также присматривались бы, не окажется ли у кого гостей более трех человек, хотя бы за карточным столом, и обо всем этом немедленно давали бы знать надзирателю своего квартала»¹. Кроме того, как утверждает Перцов, в каждый съезжий дом было привезено по несколько возов розог.

Все рассказанное Перцовым находит свое подтверждение в записи самого Александра II в его памятной книжке, а также в упоминании о 19 февраля в дневнике П. А. Валуева. В памятной книжке царя за этот день содержится следующая фраза: «День совер[шенно] spok[ойно], несмотря на все опасения. Особ[ые] меры предосторож[ности] по войск[ам] и полиц[ии]»². В дневнике Валуева за 20 февраля находим следующую запись: «Здесь были приняты вчера странные меры. Не только комплектовали войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но роздали боевые патроны и держали наготове артиллерию. Кроме того, оба Адлерберга (министр императорского двора и его сын.— П. З.) и кн. Долгоруков (шеф жандармов.— П. З.) будто бы оба ночевали во дворце и... имели готовых лошадей для г[осу]д[аря]! Придворная прислуга даже рассказывает, будто бы г[осу]д[арь] не ночевал в своих апартаментах, но перешел на ночь на половину вел. кн. Ольги Николаевны» (его сестры.— П. З.)³.

Подобный же панический страх испытывало и поместное дворянство. По мере того как близилась к концу подготовка реформы, этот страх приобретал все большие и большие размеры. «Наиболее трусливые помещики,— рассказывает Скабичевский,— в паническом страхе стекались в города, а то бежали и за границу»⁴.

* * *

Обнародование Положений 19 февраля производилось по всей России с 7 марта (Владимир) по 2 апреля (Кишинев). Исключение представляют

¹ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 127.

² ЦГИАМ, ф. 678 (Александра II), оп. 1, д. 49. Запись 19 февраля 1861 г.

³ ЦГИАМ, ф. Валуева, оп. 1, д. 1, л. 99. В заготовленном на случай восстания в Петербурге предписании военного генерал-губернатора на имя дежурного офицера по Главной конюшне говорилось о том, «чтобы немедленно по получении сего были отправлены для него верховая лошадь к комендантскому подъезду Зимнего дворца и другая заводская на случай надобности. Верховые лошади, для него назначенные, суть — Баязет серый и Адрас бурый... Сие требуется для исполнения высочайшего повеления» (филиал ЦГВИА в Ленинграде, ф. 109, д. 10, л. 50). Как утверждает в своей записке Перцов, помимо Адлербергов и Долгорукова, вечером 18 февраля во дворец явились Игнатьев, Сухозанет и Чевкин, дабы «охранять особу царя и царское семейство» («Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 129).

⁴ А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, М., 1928, стр. 141.

лишь Петербург и Москва, где это произошло в последний день масляной недели, в так называемое прощенное воскресенье, 5 марта.

Чем было вызвано это отступление Александра II от принятого первоначально плана — точно неизвестно, однако известно, что это решение было принято внезапно, не ранее 3 марта. Даже III Отделение не было заранее поставлено о нем в известность. В очередном донесении по поводу обнародования манифеста в Петербурге, хранящемся в секретном архиве III Отделения, говорится, что это «совершилось совершенно неожиданно»¹. Только накануне, 4 марта, решение обнародовать манифест в столицах 5 марта стало известно немногим близким ко двору лицам, в том числе и Валуеву, который 4 марта заносит в свой дневник: «Завтра манифест об отмене крепостного состояния читается в здешних и в московских церквях»². М. П. Погодин, находившийся в эти дни в Петербурге на юбилее кн. П. А. Вяземского (и имевший связи в придворных кругах), записал того же числа в своем дневнике: «Завтра объявление. Решил было остаться, но на жел[езной] дороге узнал, что и в Москве объ[явление]»³. О внезапности обнародования манифеста содержатся сведения и в перлюстрированных письмах. «5 марта совершенно неожиданно вышел манифест об освобождении крестьян, — сообщает в письме к Серно-Соловьевичу от 9 марта некий Мер [...] — Боялись ли манифестации или по другим неизвестным причинам, но накануне никто почти не подозревал, что окончание так близко»⁴.

О том же свидетельствует донесение шефу жандармов кн. Долгорукову жандармского подполковника Воейкова 3-го из Москвы. «В дополнение отправленной к вашему сиятельству телеграммы, — писал он 6 марта, — имею честь почтительнейше донести, что внезапным объявлением высочайшего манифеста все жители столицы чрезвычайно были удивлены... По сему случаю к ген.-майору Потапову (московский обер-полицмейстер. — П. З.) 4 сего марта в 11 часов вечера съехались полицмейстеры и частные приставы за получением указаний»⁵. Таким образом, в Москве распоряжение об обнародовании манифеста было получено не ранее 4 марта. Наконец, о внезапности опубликования манифеста говорит в своей записке «5 марта» Э. Перцов. «По всему видимому, — пишет он, — обнародование манифеста 5 марта было неожиданностью даже и для членов императорской фамилии. Государь, напуганный ожиданием бунта, как видно, долго колебался в выборе дня для обнародования мнимой воли и, наконец, выбрал такой день, в который всего менее этого ожидали»⁶. И далее Перцов рассказывает, что обнародование манифеста было неожиданностью даже для вел. кн. Елены Павловны, которая, узнав об этом, воскликнула: «Вот неожиданная новость!»⁷.

Мы располагаем лишь одним свидетельством о том, что решение Александра II обнародовать манифест 5 марта было известно за два дня до этого (правда, очень немногим лицам). В перлюстрированном письме П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу в Париж, датированном 6 марта и подписанном инициалами «П. А.», сообщалось: «Вообразите, Иван

¹ ЦГИАМ, ф. 109, секретный архив, оп. 3, д. 2044, л. 11.

² ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 1, л. 106.

³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Погодина, карт. 1, д. 35. Дневник 1853—1866, л. 96

⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 3, д. 2045, л. 1.

⁵ Там же, IV экспедиция, д. 215 за 1861 г., л. 3.

⁶ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 150.

⁷ Там же. В действительности опубликование Положений 5 марта в Петербурге и Москве объяснялось стремлением Александра II предотвратить возможные волнения. С этой целью для опубликования и был выбран такой день, когда этого никто не ожидал.

Сергеевич, шутку, сыгранную русским народом города Петербурга с образованной публикой: в день объявления манифеста проклятый народ сей не имел никакой физиономии, кроме обыкновенной масляничной. Правда и то, что по обыкновению ему сделали сюрприз или препорядочный обман, которые вообще мало удаются, как известно. В величайшем секрете заготовили манифест и объявление... да вдруг, едва проснулся народ, отуманенный с вечера качелями и чайками, ему и бухнули в церквах и с будок: вот де на вчера лег крепостным, а сегодня просыпаешься свободным гражданином... Я был у Владимирской, послал Макарова к Исакию, братьев в Казанскую и разных других приятелей в разные другие церкви, потому что мы были в секрете и о сюрпризе осведомились за два дня до совершения его»¹.

Осведомленность Анненкова не должна вызывать удивления, так как его брат (Иван Васильевич) был начальником первого округа жандармов, в состав которого входил Петербург, и вполне понятно, что он должен был одним из первых узнать о принятом решении обнародовать манифест 5 марта.

Накануне обнародования манифеста властями Петербурга и Москвы были приняты специальные меры. Как рассказывает Э. Перцов в цитированной выше записке «5 марта», в этот день были приняты те же меры, что и 19 февраля. «Повторялись,— пишет он,— те же усиленные патрули, расстановка солдат с заряженными ружьями в съезжих домах и двориках Зимнего дворца, зарядание пушек, запрещение офицерам отлучаться от команд и из квартир, непуск в город и невыпуск в Шлиссельбургскую заставу и т. д.»².

Были также приняты меры и по линии III Отделения. В уже цитированном нами агентурном донесении в III Отделение об обнародовании манифеста в Петербурге указывалось, что «всем агентам приказано было находиться у обедни в разных церквах, а немедленно после обедни — на Дворцовой площади, близ Сенатской типографии, на Сенной...»³. Как рассказывает автор воспоминания «Из памятных заметок старого гвардейца», «накануне (т. е. 4 марта.— П. З.) во все полки разослана была печатная инструкция от С.-Петербургского генерал-губернатора с подробным обозначением, в какие именно части города отряжать солдат и как им поступать при первых признаках уличного смутения»⁴. Поэтому нельзя согласиться с автором «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», утверждавшим, что «к сохранению спокойствия в столице, повидимому, ко всеобщему удивлению не принято никаких особенных мер»⁵.

Атмосфера во дворце была весьма тревожной. Тот же автор, будучи 5 марта (как свитский генерал) дежурным во дворце, достаточно ярко характеризует царившую там обстановку. «Лица, собравшиеся туда (в Зимний дворец.— П. З.), ожидавшие государева выхода, были очевидно беспокойны. Послышался какой-то глухой гул, как бы выстрел. Генерал-губернатор посылает узнать, что такое, и ему докладывают, что

¹ ЦГИАМ, ф. 109, секретный архив, оп. 3, д. 2045, л. 17. Это письмо хранится в отделе рукописей ГБЛ (М., 8320/3) и опубликовано в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 3, М., 1939, стр. 117—118.

² «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 149.

³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 3, д. 2044, л. 11.

⁴ «Русский архив», 1892, кн. 1, стр. 139.

⁵ Вып. IV, Берлин, 1862, стр. 190.

это глыба снега скинута с дворцовой крыши... Через несколько времени послышался колокольный звон; опять опрометью скачет фельдъегерь и, возвратившись, докладывает, что звонили у Исакия по поводу похорон какого-то священника»¹. Вечером 5 марта Александр II, после дня, наполненного тревожными ожиданиями, с удовлетворением записывает в свою памятную книжку: «...На улиц[ах] все спокойно, порядок..., все спокойно из Москвы по телег[рафу]... в $\frac{3}{4}$ 6...»².

Действительно, в Москве обнародование манифеста не вызвало каких-либо «беспорядков». «Из Москвы,— записывает в своем дневнике Валуев,— тамошнее начальство телеграфировало, что все обошлось благополучно благодаря принятым мерам»³. Еще в сентябре 1860 г. московский генерал-губернатор Тучков составил специальную записку по вопросу «О мерах, необходимых для сохранения спокойствия в губернии при окончательном разрешении вопроса об изменениях быта помещичьих крестьян». В этой записке он указывал на необходимость принятия ряда специальных полицейских мер, в особенности в связи с наличием в Москве и губернии большого количества рабочих. «Рабочий народ,— писал он,— которого до 140 тысяч в губернии, вообще составляет класс людей менее нравственных, и потому полицейские меры должны быть обращены на этот предмет с особенным вниманием»⁴.

Мы не располагаем, к сожалению, данными о мерах, принятых Тучковым и обер-полицмейстером Потаповым в день 5 марта, так как ни в фонде московского генерал-губернатора, ни в фонде обер-полицмейстера не сохранилось материалов, связанных с обнародованием манифеста в Москве.

Как утверждает автор указанных выше «Материалов...», по Москве 5 марта «ходили по улицам и даже по трактирам патрули конные и пешие с заряженными ружьями, обнаженными саблями»⁵. Этот факт подтверждает и ряд перлюстрированных писем, отправленных из Москвы⁶.

Обнародование Положений производилось во всех остальных местах империи, согласно принятому решению, в течение великого поста. Согласно указанию Синода, чтение манифеста должно было производиться после обедни в первый воскресный день после его получения. Однако затем последовало указание обнародовать манифест в церквях сразу же по его получении, не ожидая воскресного дня. Чтению должно было предшествовать специальное благодарственное молебствие.

Начиная с 9 марта, министр внутренних дел представлял царю ежедневные сводки о ходе обнародования Положений. Обнародование манифеста в сельских местностях осуществлялось в течение 5—7 дней с момента опубликования его в губернском городе⁷.

По единодушным свидетельствам современников, крестьяне повсеместно встретили объявление «воли» нерадостно, всюду царило всеобщее уныние и разочарование. Валуев по поводу обнародования манифеста в Петербурге признавал: «Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно останавливалось на двух-

¹ «Русский архив», 1892, кн. 1, стр. 139—140.

² ЦГИАМ, ф. 678, оп. 1, д. 315.

³ ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 1, л. 106.

⁴ ЦГИАМ, ф. Мраморного дворца, оп. 1, д. 120, л. 6.

⁵ «Материалы по истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», ч. III, вып. 6, стр. 190.

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, секретный архив, оп. 3, д. 2104, лл. 1, 5.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 1, 1861 г., д. 20.

годином сроке, определенном для окончательного введения уставных грамот и окончательного освобождения дворовых. «Так еще два года» или «так только через два года» слышалось большею частью и в церквях и на улицах»¹.

Один из современников, сельский священник, приводит в своих воспоминаниях интересный рассказ о реакции крестьян на чтение манифеста. «Перекрестившись,— пишет он,— священник начал читать. Как только прочел он слова манифеста «Добрые отношения помещиков к крестьянам ослабевали и открывался путь к произволу...», народ зашумел... Исправник обратился к народу, тихо и протяжно сказал: тс...! Все разом умолкли. Священник прочел: «Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположение о новом устройстве быта крестьян». Народ загудел опять. Исправник остановил. При словах: «Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам за установленные повинности усадьбную оседлость», крестьяне зашумели опять. Исправник опять остановил их. Когда прочтено было «пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в «Положении» повинности» крестьяне, видимо, были огорчены и повесили головы. А один из стоявших впереди сказал: «Да какая же это воля?» и становой пристав дернул его за рукав, и он замолчал. Когда прочтено было: «Как новое устройство не может быть произведено вдруг и потребуется для сего время, примерно не менее двух лет...», народ зашумел опять. А этот же крестьянин сказал: «Да, господа-то в два года-то все животы наши выматывают». Но порядок тотчас же был восстановлен. Священник прочел: «До истечения сего срока крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности». Крестьяне зашумели не на шутку. Поднялся ропот и крик до того, что священник должен был остановиться чтением»².

Приведенный рассказ чрезвычайно показателен для настроений крестьянства. «Манифесту никто не обрадовался,— писал в своем дневнике сельский конторщик из Владимирской губ.,— от крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно — оставаться ему, дескать, два года крепостным, да и шабаш, а льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову»³.

Об этом же сообщал из Самарской губернии Ю. В. Самарин в письме к кн. Черкасскому от 23 марта 1861 г. «Манифест,— писал он,— нигде не произвел сильного впечатления... Больше всего выдалась та тема, в течение двух лет все остается по старому. В толпе слышались отзывы: «Ну, не того мы ждали, не за что и благодарить, нас надули» и т. п.»⁴.

«Первое впечатление, произведенное манифестом и Положениями,— сообщал в своем докладе министру внутренних дел самарский губернатор А. А. Арцимович,— может быть выражено несколькими словами: первоначальная бессознательная минутная радость, потом тяжелое недоумение и грустное разочарование... Народ вынес из церкви впечатление, что надежды его не сбылись. Он ожидал полной чистой воли, которую, по словам крестьян, они успели выслужить долговременным отбыванием повинности. С этой надеждой народ расставался так неохотно, что он сперва

¹ ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 1, л. 106.

² «Русская старина», 1880, № 1, стр. 42—44.

³ «Из дневника и частного письма сельского конторщика» — «Русский архив», 1897, № 9, стр. 134.

⁴ Отд. рукописей ГБЛ, ф. Самариных, 33/2.

готов был допустить обман или подлог, чем мысль отказаться от любимой мечты»¹.

Все это достаточно убедительно свидетельствует о действительных настроениях крестьян и об их отношении к «дарованной воле».

* * *

Обнародование Положений сразу же вызвало мощный подъем крестьянского движения.

В задачу настоящей статьи не входит освещение и анализ этого движения, тем более, что оно исследовано более или менее полно в работе М. Е. Найденова². Мы ограничимся лишь приведением некоторых данных, почерпнутых нами главным образом из архивных фондов, которые послужат дополнением и иллюстрацией к уже известным фактам и материалам.

Министр внутренних дел П. А. Валуев в своей записке «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.» указывал, что «промежутком времени между обнародованием Положений и введением в действие мировых посредников (т. е. с марта по начало июня 1861 г.— П. З.) был самым критическим моментом дела»³.

О размахе крестьянского движения в этот период дает представление количество войск, привлекавшихся к подавлению крестьянских волнений. Обработанные нами данные Департамента Генерального штаба, состоящие из донесений в Военное министерство командиров частей и соединений, а также местной администрации⁴, показывают, что с марта по конец мая, т. е. в течение двух с небольшим месяцев, в подавлении крестьянского движения, помимо войск внутренней стражи — губернских батальонов и уездных инвалидных команд, принимали участие подразделения 64 пехотных, 16 кавалерийских полков и 7 отдельных батальонов, в общей сложности 48 батальонов⁵, 185 рот пехоты, 38½ эскадронов кавалерии и три сотни казаков. Цифру эту, хотя весьма внушительную, составлявшую существенную часть общего количества полевых войск, все же нельзя считать полной: повидимому, часть донесений не сохранилась, часть отложилась в других фондах, так как они писались на имя разных лиц (императора, военного министра, генерал-квартирмейстера)⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 1, д. 47, л. 77.

² М. Е. Найденов. Обострение классовой борьбы в деревне после отмены крепостного права, М., 1955.

³ ЦГИАЛ, ф. 1284 (Департамента общих дел МВД), оп. 241, д. 185, л. 2.

⁴ ЦГВИА, ф. 38 (Департамента Ген. штаба), оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1—3.

⁵ В состав батальона входило пять рот — четыре линейных и одна стрелковая.

⁶ В качестве примера можно привести следующие факты. В деле не содержится вовсе донесений о подавлении крестьянского движения в Курской губ. Между тем в донесении флигель-адъютанта Корсакова Александру II говорится о подавлении крестьянского движения в Грайворонском уезде эскадроном Лубенского гусарского полка, а в Рыльском и Путивльском уездах — эскадронами Вознесенского уланского полка («Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. 1—2, М.—Л., 1949, стр. 109—110). Не содержится в обработанных нами донесениях сведений о привлечении войск к подавлению крестьянских волнений в Оренбургской губ., а об этом сообщал в своем рапорте Александру II флигель-адъютант Кригер (там же, стр. 133). Кроме того, те данные, которые содержались в донесениях, в какой-то степени невольно преуменьшены и нами. Дело в том, что в донесениях не всегда точно указывались подразделения той или иной части войск. Например: «9 рот Азовского пехотного полка»; в другом донесении указывалось «10 рот первого и третьего батальонов» того же полка. Вследствие того, что нередко было трудно определить, являлись ли 9 из 10 рот упомянутыми уже выше либо другими, составлявшими второй и четвертый батальоны, мы, избегая преувеличения, принимали в расчет данные лишь одного донесения.

Наибольший размах весной 1861 г. крестьянское движение получило в Казанской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Черниговской, Виленской, Ковенской и Смоленской губерниях. Однако, несмотря на большой размах крестьянского движения, оно было стихийным и неорганизованным, царистским по своему характеру, не имевшим никакой политической программы. Крестьяне отказывались признать подлинность Положения 19 февраля, полагая, что помещики и чиновники «подменили» дарованную царем «настоящую волю». Невзирая на тяжелый урок, полученный ими в результате кровавой расправы и массовых пороков, крестьяне все же не утратили наивной веры в «доброе царя». На смену легенде о подложности манифеста и Положений 19 февраля приходит другая вера, вера в то, что придет «настоящая воля», которая будет объявлена царем через два года, и поэтому надо ждать этого срока, не подписывая никаких сделок по существующим Положениям. Эта новая легенда, во-первых, характеризовала силу наивно-монархических иллюзий крестьянства и, во-вторых, обрекала движение в известной степени на пассивные формы борьбы.

В соответствии с этим с середины 1861 г. наступает второй период крестьянского движения, характеризовавшийся значительно меньшим размахом и менее активными формами борьбы: отказом от выполнения повинностей помещикам и главным образом борьбой против составления уставных грамот, т. е. отказом подписывать их. Характеризуя эти настроения крестьянства, Ю. Ф. Самарин в письме к И. П. Арапетову от 22 апреля 1861 г., перлюстрированном III Отделением, писал: «Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священник с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется подобно тому, как он выносит стужу, метели, засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступит своего убеждения. Правда, — продолжал он, — носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самосозданного, полумифического, который завтра может вырасти из-под земли в образе пьяного дьячка или бессрочно отпускного»¹.

И все же крестьянское движение весны 1861 г., несмотря на указанные слабости, типичные для всех крестьянских выступлений, не руководимых пролетариатом, представляло собой высший этап первой революционной ситуации и имело огромное историческое значение.

---

¹ ЦГИАМ, ф. 109, секретный архив, оп. 3, д. 2124, л. 9.

М. В. НЕЧКИНА

КТО АВТОР «ЗАПИСОК И. И. ГОРБАЧЕВСКОГО»?

Среди мемуарных памятников движения декабристов выдающееся место по праву занимает одна работа, посвященная подробному изложению истории Общества Соединенных Славян — организации, существовавшей сначала самостоятельно, а затем влившейся в Южное общество декабристов в исходе лета 1825 г. В литературе эта работа известна под названием «Записок И. И. Горбачевского».

«Славяне» (так называли они себя сами — далее будем употреблять это принятое в декабристской литературе название без кавычек) до слияния с Южным обществом ставили своей целью создание всеславянской республиканской федерации. Членами последней, по их замыслу, становились: Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация. Каждый из объединенных народов должен был, как они предполагали, выработать свою конституцию, приспособленную к особенностям народа. Ежегодно должен был собираться съезд представителей этих республик в центральном городе федеративного Союза. Основателями Общества Соединенных Славян были братья Петр и Андрей Борисовы и Юлиан Люблинский. Общество (ранее прошедшее через ряд предварительных организационных форм) было основано в 1823 г. в Новоград-Волынский. В момент его основания Петр и Андрей Борисовы были в скромном чине прапорщиков стоявшей в Новоград-Волынский и его окрестностях 8-й артиллерийской бригады, а третий их товарищ — поляк Юлиан Люблинский был уже политическим ссыльным и поднадзорным: в том же 1823 г. его привели в цепях из Варшавы в Новоград-Волынский за участие в польском революционном движении и отдали под надзор полиции. Повидимому, Ю. Люблинский, насколько можно судить по его дошедшей до нас автобиографической записке, принадлежал к только что разгромленному правительством «Союзу вольных поляков»¹. Братья Борисовы, еще ранее знакомые с родными Люблинского, сразу сблизились с ним и подружились.

Соединившись с Южным обществом, славяне приняли его программу, плененные силой организации и близостью предстоящего переворота. Слияние это в известной мере способствовало разрешению кризиса, назревшего в их собственной организации, где появилась необходимость в новых — более отчетливых — организационных формах, в уяснении перспектив и в более глубокой и подробной разработке программы². Сообщая своему брату Андрею о слиянии с Южным обществом и поясняя причины слияния, Петр Борисов писал: «Целию сего общества есть введение

¹ Автобиографическая записка Ю. Люблинского найдена Н. П. Чулковым. Она публикуется в т. 60 «Литературного наследия».

² М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, М.—Л., 1927, стр. 86.

в России чистой демократии, уничтожающей не токмо сан монарха, но дворянское достоинство и все сословия, и сливающей их в одно сословие — гражданское»¹. Именно этого и хотелось славянам, противникам крепостного права, это входило в состав их заветных целей.

Славяне оказались активными участниками южной организации декабристов и полученное ею пополнение в их лице (свыше 50 человек) сыграло заметную роль в дальнейшей работе Южного общества декабристов². Славяне вели смелую агитацию среди солдат, открывая им цели движения и сообщая о близости предстоящего выступления. Славяне заботились о подготовке для восстания артиллерийских снарядов. Они дали согласие на цареубийство, жаждали скорейшего начала революционных событий и приняли живое участие в восстании Черниговского полка (29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г.). Некоторые из них погибли во время восстания, другие были, наравне с прочими выдающимися участниками движения, преданы Верховному уголовному суду.

В числе 121 подсудимого, представшего перед судом, значится 23 члена Славянского общества (остальные без суда были приговорены к различным наказаниям). Семеро из этих 23 человек были отнесены к «государственным преступникам первого разряда» и присуждены к смертной казни отсечением головы (по конфирмации им, как и другим осужденным этого разряда, смертная казнь была заменена вечной каторгой). К этой семерке надо прибавить имена еще двух членов Славянского общества (М. А. Щепиллы и А. Д. Кузьмина), из которых один был убит на поле восстания, а другой покончил с собой сразу после его разгрома, — они были судимы Николаем I посмертно, и имена их были прибиты к виселице в Василькове во время приведения в исполнение военно-судного приговора над остальными участниками восстания, судившимися на юге.

В так называемых «Записках И. И. Горбачевского» подробно излагается история Общества Соединенных Славян — его основание, слияние с Южным обществом, восстание Черниговского полка, его разгром, следствие, суд и пребывание на каторге его участников. «Записки И. И. Горбачевского», несмотря на отдельные, обычно свойственные мемуарам неточности, являются ценнейшим памятником, без которого невозможно восстановить историю Славянского и Южного обществ, а также восстания Черниговского полка.

Уже не раз обращалось внимание на неправомерность заглавия «Записки Горбачевского» для разбираемого памятника. Как правило, мемуары ведут повествование от авторского имени определенного лица, пропускают общественные события через призму его личной биографии и строят изложение в соответствии с чередованием основных этапов жизни ведущего «героя». Установилась и традиционная — вполне законная — структура такого вида памятников: обычно они последовательно освещают происхождение и детство автора, отроческие годы, учение, формирование мировоззрения, пробуждение общественных интересов, вступление на какое-либо общественное или служебное поприще, рассказ об основной деятельности автора. Ничего похожего нет в так называемых «Записках Горбачевского». В них отсутствует изложение «от автора», нет местоимения «я», исчезла и перечисленная выше тематика. Перед нами вовсе не «воспоминания», не личные мемуары, а нечто другое. — обобщенный, на разных источниках основанный исторический труд — кем-то написанная история Общества Соединенных Славян, проду-

¹ «Восстание декабристов», т. V, М.—Л., 1926, стр. 54 (в дальнейшем цит.: В. Д.).

² По моим подсчетам, в состав Славянского общества входило 52 человека, — см. их список, приложенный к моей книге «Общество Соединенных Славян», стр. 214—217.

манное исследование, с отчетливой концепцией и единой линией повествования. Являясь историческим трудом, история эта вместе с тем, несомненно, оказывается и первоисточником: автор — участник событий, он основал свое повествование на богатой личной осведомленности и собрал от разных лиц нужные ему дополнительные данные, многие из которых нигде, кроме как в его работе, не зафиксированы. Вполне прав издатель «Записок Горбачевского» Б. Е. Сыроечковский, придя к выводу, что они «представляют не личные мемуары..., а повествование, основанное на рассказах многочисленных участников описываемых событий и только отчасти на собственных воспоминаниях автора. Составителем их проделана большая предварительная работа сопоставления и критической оценки различных вариантов изустной традиции — некоторые замечания и ссылки в тексте вскрывают эту работу. Прошедший через эту проверку материал связан затем в искусно построенный рассказ, с продуманным до деталей планом и с определенным, проводимым через все изложение истолкованием излагаемых событий. Мемуары... вырастают, таким образом, в научное исследование, монографию»¹. Нет сомнений, что этот труд писал какой-то видный член Славянского общества.

Но кто же он? Записки анонимны. Их первый издатель П. И. Бартенев, впервые их опубликовавший в 1882 г. в «Русском Архиве», получив мелко написанную рукопись, не располагал никакой информацией об ее авторе. Перебирая имена разных видных членов Славянского общества, Бартенев предположительно остановил свое внимание на Иване Ивановиче Горбачевском. Выбор имени, как об этом пишет сам Бартенев, зависел только от того, что рукопись была доставлена в редакцию из Сибири, а И. И. Горбачевский — член Славянского общества, не уехал, как известно, из Сибири после амнистии и остался жить на Петровском заводе. Аргумент этот весил чрезвычайно мало и никак не мог твердо обосновать авторства Горбачевского: в Сибири побывала вся основная масса членов Общества Соединенных Славян, мало ли чьи рукописи могли остаться там после амнистии и придти оттуда в редакцию «Русского Архива». Поэтому Бартенев искал своей гипотезе дополнительных аргументов и стремился к сверке почерка. Племянник И. И. Горбачевского — О. И. Квист предоставил ему эту возможность; по мнению П. И. Бартенева, почерки доставленного ему подлинного письма Горбачевского к его сестре и рукописи «Записок» оказались идентичными. Поэтому Бартенев все же утвердился в своей гипотезе. Однако, сообщив о своих предположениях в краткой вводной заметке, он скромно и обоснованно озаглавил первую публикацию «Записок» в «Русском Архиве» 1882 г.: «Записки неизвестного из Общества Соединенных Славян».

Позднейшие исследователи были лишены возможности воспроизвести то сличение почерков, на которое ссылается Бартенев. Та рукопись, которая была прислана Бартепеву из Сибири, к величайшему сожалению, оказалась утраченной и до нас не дошла. Позднейший издатель «Записок» Б. Е. Сыроечковский между тем с основанием усумнился и в этом единственном аргументе П. И. Бартенева. Последний указал на чрезвычайно мелкий почерк, каким была написана рукопись, — почти невероятно, но из одной ее страницы, оказывается, выходило несколько больших печатных страниц «Русского Архива». Почерк же декабриста И. И. Горбачевского был размашистым, крупным, и никак нельзя было представить себе, чтобы он мог написать свой текст столь убогисто и мелко.

¹ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, под ред. Б. Е. Сыроечковского, изд. 2-е, М., 1925, стр. 31.

Самое же главное было в том, что вопрос об идентичности почерков вскоре отпал вообще, — в позднейшей переписке было найдено личное свидетельство И. И. Горбачевского, что он свою рукопись сжег. В 1913 г. П. Е. Щеголев опубликовал его письмо к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г. из Петровского завода, в котором Горбачевский сообщал, что написал много лет назад «порядочную тетрадь», но предал ее огню, когда вынужден был однажды надолго отлучиться из дому и не нашел «человека по нашему разумению», которому мог бы доверить рукопись. Поэтому Горбачевский бросил тетрадь в печку, «которая, как нарочно, тут же топилась»¹.

Таким образом, аргумент Бартенева об идентичности почерка И. И. Горбачевского и той рукописи, которая пришла из Сибири в редакцию «Русского Архива», вообще отпадал, теряя какое бы то ни было значение. Оказывается, П. Бартенев сличал почерк подлинного письма И. И. Горбачевского с почерком какого-то другого лица, рука которого написала ту рукопись, которая и пришла в редакцию «Русского Архива». Заключение П. Бартенева о тождестве этих почерков оказалось явной ошибкой: принадлежа разным лицам, почерки были различными.

В недавно найденных Л. Н. Пушкаревым воспоминаниях И. Г. Прыжова об И. И. Горбачевском в Сибири подтверждается факт сожжения декабристом своих Записок: «Еще сидя в каземате, он составлял записки о 14 декабря и читал их своим товарищам, но они не одобрили, сказав, что «это жестоко и грубо», и Горбачевский свои записки бросил в печь», — свидетельствует И. Г. Прыжов. Он лично знал Горбачевского, и свидетельство его имеет большую ценность².

Б. Е. Сыроечковский (впрочем, еще не знавший свидетельства И. Г. Прыжова) предполагал, что читатели рукописи И. И. Горбачевского (до сожжения она ходила по рукам) успели снять с нее копии. Одной из копий и явилась, по предположению Б. Е. Сыроечковского, та убогостоящая рукопись, которая из Сибири пришла к Бартеневу. Правда, это рассуждение гипотетично: есть свидетельство, что Горбачевский давал читать рукопись другим лицам, но нет ни одного свидетельства, что с рукописи снимались копии. Это является лишь предположением. Заметим, что снятие копий в декабристской среде с того текста, который они нашли «жестоким и грубым», мало вероятно, и допустить копирование этой огромной рукописи можно лишь в какой-то внедекабристской среде, что, однако, затруднено ее конспиративностью: рукопись можно было доверить не всякому, и И. Горбачевский сжег ее именно потому, что не мог найти верного человека для ее хранения.

Заметим, что рукопись, сожженная И. Горбачевским, была очень объемиста: «едва достало терпения у меня бросать все в огонь, такая была масса исписанной бумаги», — пишет Горбачевский. Рукопись же «Записок Неизвестного» была невелика: поскольку из одной ее страницы выходило несколько печатных, то сто двадцать страниц формата «Русского Архива», опубликованных П. Бартеневым, представляли в рукописи во всяком случае менее 50 листов, — едва ли можно назвать это «массой исписанной бумаги», которую «едва достало терпения бросать в огонь»³.

Как видим, у нас нет никаких оснований идентифицировать сожженную Горбачевским рукопись с тем текстом, который опубликовал Бартенев. Аргумент об идентичности почерков уничтожен, других не выдви-

¹ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 357.

² Л. Н. Пушкарев. Неизвестная работа И. Г. Прыжова о декабристах в Сибири — «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

³ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 357—358.

нута. Предположение, что автор «Записок» — Горбачевский, гуляет в литературе, основываясь на честном слове П. Бартенева. А честное слово основывалось на почерке. Получился заколдованный круг. Мы должны вернуть Бартеневу его честное слово о сходстве почерков и вместе с тем единственный аргумент в пользу авторства Горбачевского¹.

Правда, Б. Е. Сыроечковский выдвинул голословное соображение о близости изложения отдельных эпизодов в «Записках» с передачей их в показаниях Горбачевского во время следствия и утверждение о «полном совпадении» приводимых в «Записках» общих оценок с действительно подлинным письмом И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г., трактующего те же события. Однако ни в первом, ни во втором случае комментарий не привел убедивших его сопоставлений и не предположил своему ответственному обобщению никакого конкретного материала².

Сопоставим поэтому содержание «Записок Горбачевского» с указанным выше письмом И. И. Горбачевского к Михаилу Бестужеву. Тревожные расхождения сразу бросятся в глаза. Упомянутое обширное подлинное письмо И. И. Горбачевского, написанное 12 июня 1861 г. и адресованное Михаилу Бестужеву, представляет собою своеобразный документ мемуарного характера. Оно написано в порядке выполнения товарищеской просьбы М. Бестужева составить для него «список наших товарищей по разрядам; где и когда кто из них был арестован, и где он содержался и умер; или кто жив теперь, где находится, в Сибири или в России»³. Выполняя эту просьбу, И. И. Горбачевский насытил список своими воспоминаниями, подробно рассказал о встречах с Сергеем Муравьевым-Апостолом, изложил ход восстания Черниговского полка, обстоятельства заточения и казни декабристов, а также развил свои взгляды на тактические ошибки восстания. При этом он проявил характерные для основной группы Славянского общества сомнения в правильности избранной Сергеем Муравьевым тактики выжидания, раскрыл и защитил свою тактическую концепцию наступательного характера восстания. Эта общая критическая установка сходна с развиваемой в «Записках И. И. Горбачевского». Однако придти на этом основании к выводу об авторском единстве обоих документов было бы более чем опрометчиво: этот скептицизм по отношению к «революциям на розовой воде» и оборонительной тактике свойственен не одному Горбачевскому, — он характеризует целое «направление» внутри славянского коллектива.

Произведем же более детальные сопоставления.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что в указанном письме к Михаилу Бестужеву автор письма — И. И. Горбачевский — лишь мечтает когда-нибудь в будущем написать записки о Славянском обществе и его слиянии с Южным: «е с л и б ы удалось их написать», — пишет И. И. Горбачевский в 1861 г.⁴ Между тем так называемые «Записки И. И. Горбачевского» бесспорно датируются временем до 1845 г.: в их тексте о декабристе М. С. Луние говорится как о живом человеке, а Лунин умер в 1845 г.⁵ Подлинный же И. И. Горбачевский в цитированном письме к Мих. Бестужеву мечтает в 1861 г. о том, чтобы написать свои воспоминания. Он хочет «написать или описать свою жизнь», начиная с 1812 г., когда

¹ «Русский архив», 1882, № 2 (стр. 311, 555); 1882, № 4 (стр. 311); 1890, № 9 (стр. 111—112).

² Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 28.

³ Там же, стр. 339.

⁴ Там же, стр. 341.

⁵ Б. Е. Сыроечковский, И. И. Горбачевский и его Записки. Предисловие к цит. изд., стр. 29—30.

ему уже было двенадцать лет и «когда мы бегали от французов и за французами». Он хотел бы описать свое воспитание «в гимназиях, у иезуитов, потом в корпусе», описать вступление в тайное общество, деятельность в обществе, потом крепость, Сибирь... Он жалуется, что обстоятельства складываются так, что он лишен возможности выполнить это намерение,— работа для куска хлеба, болезни, бедность мешают этому. Невозможность написать такие записки тем тяжелее для Горбачевского, что он связывает их создание с выполнением завещания Сергея Муравьева-Апостола (одного из пяти повешенных Николаем I декабристов). Оказывается, прощаясь с Горбачевским в лагере под Лещином, Сергей Муравьев-Апостол сказал ему: «Ежели кто из нас двоих останется в живых, мы должны оставить свои воспоминания на бумаге; если вы останетесь в живых, я вам и приказываю, как начальник ваш по обществу нашему, так и прошу как друга, которого я люблю..., написать о намерениях, цели нашего общества, о наших тайных помышлениях, о нашей преданности и любви к ближнему, о жертве нашей для России и русского народа. Смотрите, исполните мое вам завещание, если это только возможно будет для вас»¹. Ясно, что если бы в начале 1840-х годов реальный Горбачевский написал бы так называемые «Записки Горбачевского», то он считал бы, что выполнил завещание Сергея Муравьева-Апостола и в письме своем к М. Бестужеву в 1861 г. скорбел бы о том, что он у н и ч т о ж и л рукопись, являвшуюся выполнением завещания, а не просто выражал бы огорчение, что он до сих пор не сумел взяться за работу, чтобы выполнить завещание. Описав сейчас же вслед за этим расставание с Сергеем Муравьевым-Апостолом, Горбачевский пишет далее в письме к М. Бестужеву: «Тут все я пропускаю, что мы говорили, и какие наши были тайные намерения и о чем я его упрасивал,— все это, все это должно быть в записках, если они когда-либо будут написаны». Ни о чем этом в «Записках Горбачевского» нет ни слова. Ясно, что такие записки еще никогда не писались Горбачевским,— он только мечтал их написать и тем выполнить завещание друга. Приведенные выше слова написаны с большой теплотой,— между тем в так называемых «Записках Горбачевского» сцена последнего свидания с Муравьевым-Апостолом дана в сдержанных и суровых тонах, без оттенка глубокой теплоты, которым она отмечена в письме к Бестужеву, и без тех деталей прощания, которые были дороги Горбачевскому. Бросается, например, в глаза, что в «Записках Горбачевского» совершенно нет упоминания о завещании Сергея Муравьева-Апостола написать указанные Записки,— неужели реальный Горбачевский забыл бы об этом?²

Но этим не исчерпываются расхождения между подлинным письмом И. И. Горбачевского и приписываемыми ему «Записками». Детальное сличение выявляет другие, не менее тревожные различия. В так называемых «Записках Горбачевского» правильно говорится, что священник Черни-

¹ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 341.

² В письме к Мих. Бестужеву содержится трогательный рассказ о том, как на память о последнем свидании Сергей Муравьев-Апостол подарил И. Горбачевскому свою головную щеточку, которую тот случайно держал в руках во время последнего разговора. Горбачевскому удалось сохранить этот дорогой для него подарок даже в Петропавловской крепости. Реликвия эта привлекала внимание и других декабристов — Трубецкой, Поджио и другие упрасивали Горбачевского отдать им ее на память и всячески «выманивали» ее у него. Трудно представить себе, чтобы реальный Горбачевский, описывая прощание с Сергеем Муравьевым-Апостолом, забыл упомянуть в своих «Записках» об этой столь памятной и дорогой для него детали последней встречи. Между тем в «Записках Горбачевского» об этой детали нет ни слова, и весь тон рассказа о последней встрече совершенно иной (Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 341—342).

говского полка Д. Кейзер по просьбе С. Муравьева-Апостола прочел в Василькове перед восставшим полком революционный катехизис Муравьева. Реальный же И. И. Горбачевский пишет Михаилу Бестужеву, что священник будто бы прочел перед полком «краткую выписку» из «Русской Правды» Пестеля. Это расходится с «Записками» и вообще не соответствует действительности¹. Автор «Записок Горбачевского» рассказывает, что, приехав накануне восстания Черниговского полка в Трилеса на квартиру отсутствовавшего в тот момент Кузьмина, Сергей Муравьев-Апостол оповестил Кузьмина, находившегося в Василькове, о своем приезде и вызвал его особой запиской, посланной «через рядового вверенной ему роты» (приводится далее и текст записки). Получив эту записку, Кузьмин вместе с другими членами Славянской управы — офицерами Щепиллой, Соловьевым и Сухиновым поспешили выехать из Василькова в Трилеса к Сергею Муравьеву-Апостолу. Реальный же Горбачевский в письме к Михаилу Бестужеву рассказывает об этом важном моменте подготовки восстания совершенно иначе. Четверо упомянутых офицеров-черниговцев выехали из Василькова в Трилеса к Сергею Муравьеву-Апостолу будто бы не по записке последнего, а по записке самого Горбачевского, переданной им через подпоручика Андреевича², — расхождение разительное и касается существенного вопроса. Далее автор «Записок Горбачевского» пишет, что «Соловьев и Щепила поехали большою дорогою, а Кузьмин и Сухинов — проселочною». Горбачевский же в письме к М. Бестужеву пишет иначе: «Кузьмин и Соловьев поехали по одной дороге, Сухина и Щепила по другой». Расходятся и даты, относящиеся к ходу восстания Черниговского полка. Автор «Записок Горбачевского» пишет, что 30 декабря восставший полк был в Василькове, где 31 декабря в 9 час. утра был сбор полка на городской площади, тут и читался войскам «политический катехизис»; затем полк выступил в поход и остановился в Мотовиловке, где 1 января 1826 г. была объявлена дневка. Горбачевский же в своем письме к М. Бестужеву пишет, что 1 января восставший полк будто бы находился еще в Василькове, где перед ним была прочтена «выписка краткая из Русской Правды», затем 1 же января полк двинулся в поход. Спор между автором «Записок Горбачевского» и Горбачевским и в данном случае решается в пользу первого, но важно не это. Реальный Горбачевский с его превосходной памятью не мог бы так расходиться сам с собою. Очевидно, он и в письме к Мих. Бестужеву, и в своих «Записках» писал бы одно и то же.

Автор «Записок Горбачевского» весьма точно указывает место, где было разгромлено восстание: Черниговский полк встретился с отрядом Гейсмара «едва выйдя» из околицы деревни Ковалевки и сделав «не более 1/4 версты». Горбачевский же в письме к Бестужеву колеблется и определяет место разгрома неточно: «под Трилесами или за Трилесами»³. Едва ли такое расхождение могло бы возникнуть, если бы автором «Записок

¹ Этот и дальнейшие примеры — см. в указанном письме И. И. Горбачевского Михаилу Бестужеву (Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 340—345).

² Привожу весь этот не совпадающий с «Записками» текст из письма И. Горбачевского к Мих. Бестужеву: «Кузьмина в это время дома не было; он был в Василькове с прочими членами Славянского общества, ожидая приезда Муравьева-Апостола обратно из Житомира. Но, получивши записку от Горбачевского через посланного им в Черниговский полк подпоручика Андреевича, они уехали из Василькова тотчас же в Трилесе по разным дорогам с тем, чтобы, встретя на дороге Муравьева, отбить его и освободить из-под ареста» (Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 340, ср. стр. 134).

³ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 340.

Горбачевского» и автором письма к Мих. Бестужеву было одно и то же лицо.

В ходе событий немаловажное значение имел приезд в конце 1825 г. в Новоград-Волыньск отставного Андрея Борисова, одного из основателей Славянского общества. Автор «Записок Горбачевского» пишет об этом так: «14 декабря неожиданно приехал в Новоград-Волыньск из Харьковской губернии Борисов 1-й». И. Горбачевский же в письме к М. Бестужеву пишет об этом совершенно иначе, — Борисов 1-й «был в ы т р е б о в а н Горбачевским в Новоград-Волыньск после Лещинского лагеря», то есть приехал вовсе не «неожиданно», причем не из Харьковской губернии, как пишет автор «Записок», а из Курской губернии. Противоречие разительное, причем, как видим, участником события является сам Горбачевский, — следовательно, невозможно полагать, что автор «Записок» и Горбачевский — одно и то же лицо. В данном случае прав реальный Горбачевский, автор письма к Бестужеву, но дело опять-таки не в этом, а в факте расхождения.

В рассказе о заговоре Сухинова, готовившего восстание в Зерентуйском руднике, автор «Записок Горбачевского» резко осуждает намерение Сухинова опереться в предполагавшемся выступлении на сибирских ссыльных и дает крайне отрицательную их характеристику, сожалея об их глубоком нравственном падении («все служит к тому, чтобы низвести их на самую последнюю ступень нравственного существования»). Мысль эта автором «Записок Горбачевского» развита подробно, — ей посвящено около двух страниц. Между тем в упомянутом письме Горбачевского изложено совершенно противоположное мнение о сибирских ссыльных: «а ссыльные, что за народ любопытный, — оклеветанный, убитый, но люди умные, рассудительные, даже — скажу тебе странную вещь — люди очень добрые и честные». Ясно, что автор «Записок» и Горбачевский стоят тут на противоположных точках зрения.

Подобные сопоставления было бы можно продолжить, но в этом нет нужды, — приведенных примеров достаточно, чтобы придти к выводу, что автор «Записок» и И. И. Горбачевский — два разные лица. Мы убедились вместе с тем в том, что сопоставление письма И. Горбачевского к М. Бестужеву с текстом «Записок» не только не может быть аргументом в пользу того, что автором «Записок» является Горбачевский, а, наоборот, решительно свидетельствует против этого. Проверка опровергает предположение Б. Е. Сыроечковского и заставляет придти к выводу, что И. И. Горбачевский не является автором приписываемых ему «Записок». Лучше поэтому было бы пока вернуться к данному П. Бартеневым названию «Записки Неизвестного из Общества Соединенных Славян», которым мы и будем пользоваться в дальнейшем изложении.

Нельзя вместе с тем не выразить глубокого огорчения по поводу утраты подлинных «Записок» И. И. Горбачевского. — яркого и своеобразного декабриста, типичного представителя Славянского общества. Многие жалели об их уничтожении, — сам автор в том числе: «Говори, что хочешь, а дело сделано, — пишет И. И. Горбачевский Мих. Бестужеву, — не ты один меня за это ругаешь, — даже есть один такой мой приятель, что за этот пожар перестал со мною переписку иметь, так рассердился на меня»¹. Очевидно, и этим запискам «о 14 декабря» было присуще резкое своеобразие концепции, встретившей, по свидетельству Прыжова, несогласие других декабристов. Утрата этой рукописи для исторической науки очень

¹ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 357. Не о Д. И. Завалишине ли, который был другом Горбачевского, идет речь?

чувствительна и хотелось бы,— в порядке надежды на будущие находки,— присоединиться к Б. Е. Сыроечковскому, полагавшему, что с сожженной рукописи какие-то читатели успели снять копии. Если это так, может быть, мы когда-нибудь и станем счастливыми обладателями нового ценного декабристского документа — подлинных «Записок» И. И. Горбачевского, являющихся, очевидно, также не мемуарами в подлинном смысле слова (он хотел, но не успел их написать), а, повидимому,— если правильно свидетельство И. Г. Прыжова,— каким-то разбором событий 14 декабря 1825 г., участником которых И. И. Горбачевский не был, но к р и т и к о м которых он захотел стать. Учитывая его жгучий интерес к тактическим проблемам восстания, проходящий через его переписку, критика эта могла, конечно, касаться и тактической стороны событий на Сенатской площади.

* * *

Однако есть данные для выдвижения гипотезы об авторе так называемых «Записок И. И. Горбачевского». Есть основания для предположения, что автором «Записок Неизвестного из Общества Соединенных Славян» является один из его основателей — Петр Борисов.

Аргументируя это предположение, заметим, прежде всего, что автор «Записок» должен удовлетворять признаку старого членства в Славянском обществе, активного участия в нем и подробной осведомленности об его истории. Легко выделить группу лиц, отвечающих этому признаку: это — основатели общества Андрей и Петр Борисовы, Юлиан Люблинский, старые члены И. И. Горбачевский (член с 1823 г.), В. Бечасный (принят в декабре 1823 г.), А. С. Пестов, П. Ф. Выгодский, П. Ф. Громнитский (принят в 1824 г.). Из них легко отводятся кандидатуры В. Бечаснова, А. С. Пестова и П. Ф. Громнитского как людей, не очень привычных к литературному труду, не оставивших после себя авторского литературного наследия и никогда не выражавших желания написать воспоминаний о Славянском обществе¹. Не может быть автором «Записок» и П. Ф. Выгодский,— человек, правда, оставивший после себя большое авторское наследие, но отрывки последнего, до нас дошедшие, являют разительную прстивоположность со стилем и содержанием «Записок Неизвестного». Отпадает и Ю. Люблинский, по недостаточному знанию русского языка, предпочитавший писать на родном польском. Отпадает по приведенным ранее доводам И. И. Горбачевский. Остаются, таким образом, лишь братья Борисовы, из которых надо отвести Андрея Борисова ввиду его психического заболевания в Сибири. В остатке, таким образом, лишь один «кандидат» — Петр Борисов². Однако не будем ограничиваться доводами «от исключения»; имеются и другие важные соображения.

Довод от исключения далеко не единственный. Обратим внимание, в частности, и на то, что из всех названных лиц Петр Борисов один изъявил еще до ареста желание написать историю Общества Соединенных Славян. Когда в тревожные дни кануна восстания Горбачевский по просьбе Андрея Борисова передал его брату Петру рисунки символических знаков общества и выразил желание «изорвать и сжечь оные», Петр

¹ П. Ф. Громнитский был в Сибири секретарем М. С. Лунина, но все же никаких свидетельств о его авторской работе мы не имеем.

² Нет ни малейших оснований предполагать авторство таких членов, как принятые в 1824 г. А. Д. Высочин, П. К. Головинский, Ф. А. Жебровский, Н. Красницкий. Не говоря уже о том, что они были значительно менее активны и гораздо менее осведомлены, чем упомянутые члены Славянского общества, имеются и другие основания решающего характера для их «отвода»: указанные члены Славянского общества не были в Сибири.

Борисов воспрепятствовал этому и сохранил их (они были взяты при обыске) со следующей мотивировкой, которую сам приводит на следствии: «Моя политическая жизнь кончилась, и я хочу, взявши отставку, жить подобно «друзьям природы» уединенно и предаваясь размышлениям...; мои рисунки будут мне нужны, я буду писать историю о происхождении общества друзей природы и Славянского Союза и о их падении»¹.

Доводом за авторство Петра Борисова (или Борисова 2-го) является также сопоставление данных им на следствии показаний с текстом «Записок Неизвестного», — сличение дает разительные совпадения не только смыслового, но и непосредственно лексического характера. Приведем несколько примеров.

На одном из заседаний, посвященных объединению славян с Южным обществом, Петр Борисов спросил у Бестужева-Рюмина, какие меры обуздывают членов временного правления от похищения самовластия. На это Бестужев-Рюмин

«с жаром отвечал мне: «Как не стыдно вам о сем спрашивать, чтобы те, которые для получения свободы решились умертвить своего монарха, потерпели власть похитителей»».

Показания Петра Борисова на допросе 1826 г. (В. Д., т. V, стр. 63).

«Как можете вы меня об этом спрашивать! — вскричал он с сверкающими глазами. — Мы, которые убьем некоторым образом законного государя, потерпим ли власть похитителей? Никогда! Никогда!» «Записки Неизвестного» (цит. изд., стр. 74).

Как видим, в ответе там и тут совпадает не только общий смысл, но и отдельные обороты и речения, — лишь ответ «Записок» литературно более обработан.

В ответ на приведенные выше слова Бестужева, Петр Борисов убежденно возразил, ссылаясь на исторические примеры:

«Его хорошо сказано, но победитель Галлов и несчастного Помпея пал под ударами заговорщиков в присутствии всего сената, а робкий 18-летний Октавий сделался властелином гордого Рима», сказал я сквозь зубы...»

Показания Петра Борисова на допросе 1826 г. (там же).

«— Это правда, сказал Борисов 2-й с притворным хладнокровием и с улыбкой сомнения; но Юлий Цезарь был убит среди Рима, пораженного его величием и славою, а над убийцами, над пламенными патриотами восторжествовал малодушный Октавий, юноша 18 лет...»

«Записки Неизвестного» (там же).

И тут перед нами ряд разительных дословных совпадений. Буквально кажется, что перед автором «Записок Неизвестного» лежала рукопись показаний Борисова 2-го на следствии и он, заглядывая в нее, выписывал ее подлинные тексты, лишь оттачивая их литературно. Однако пользование более ранним текстом рукописи показаний 1826 г. для составления более позднего текста «Записок Неизвестного» наизусть исключено. Следовательно, речь может идти единственно лишь о выражениях, сохраненных авторской памятью, ярких ответах одного и того же лица, писавшего показания следствию в 1826 г. и много позже — свои мемуары. Заметим, что И. И. Горбачевский на допросах вообще не упоминал (хотя бы в вольном пересказе) слов Борисова 2-го ни о 18-летнем Октавии, ни о «власти похитителей» и вообще никаких «римских» сравнений в показаниях И. И. Горбачевского нет.

¹ В. Д., т. V, стр. 39.

Совпадает и последующее повествование:

«После меня многие из присутствующих начали делать Бестужеву различные вопросы и большею частью самые пустые...»

Показания Петра Борисова на допросе 1826 г. (там же).

«Борисов хотел продолжать, но был прерван другими вопросами, сделанными Бестужеву о предметах вовсе незначительных...»

«Записки Неизвестного» (там же).

Добавим, что терминологически редкое словоупотребление — название Петра Борисова президентом Общества Соединенных Славян, употребленное в «Записках Неизвестного» («по общему желанию Борисов принял должность президента...») применено на допросах лишь Андреем Борисовым («Брат мой остался президентом Славянского общества»), т. е. бывало в общении братьев Борисовых. У других членов Общества Соединенных Славян эта терминология вообще не встречается¹.

Такие совпадения можно умножить, но я ограничусь ввиду недостатка места приведенными выше примерами, на мой взгляд достаточно выразительными. Но имеются и доводы иного типа.

В показаниях Горбачевского начисто отсутствует линия сдержанного скептицизма по отношению к действиям Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Горбачевский, напротив, всю вину за участие в противоправительственных действиях возлагал на допросах на братьев Борисовых, — это примечная отличительная черта показаний Горбачевского. В показаниях же Петра Борисова отчетливо чувствуется критическое отношение к действиям С. Муравьева-Апостола и Бестужева — черта, опять-таки разительно совпадающая с общим тоном и концепцией «Записок Неизвестного». Это также является доводом в пользу авторства Петра Борисова.

Еще одним аргументом является совпадение или большая близость в показаниях Петра Борисова и в «Записках Неизвестного» детальных датировок с указанием не только года, но и числа и месяца. Довольно частое приведение этих дат вообще характерно для показаний Петра Борисова, причем в ряде случаев только он один из всего состава Славянского общества мог знать приводимую дату. Так, двукратно он показал на следствии, что 15 сентября, по приглашению Бестужева-Рюмина, Спиридов, Горбачевский и Пестов явились к Сергею Муравьеву-Апостолу (ср. в «Записках»: «15 сентября С. Муравьев попросил к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова, которые приехали к нему в назначенный час»). Далее Борисов 2-й на другой день, т. е. 16 сентября, был один у Бестужева, чтобы дать клятву быть цареубийцей — при этом и в показаниях, и в «Записках» не только приведена одинаковая дата свидания — «16 сентября», но отмечено и время: «рано утром» в «Записках» и «рано по утру» в показаниях. Совпадает и месяц сентябрь, как дата заседания Славянского общества в 1825 г. в Лещинских лагерях на квартире П. Борисова («сентябрь» — в показаниях; «3 или 4 сентября» — в «Записках»). Лишь на один день расходится дата последнего совещания в Лещинском лагере (12 сентября в показаниях на следствии и 13 сентября в «Записках»)².

Заметим, наконец, что при гипотезе об авторстве Петра Борисова приобретает вновь известную силу и «честное слово» П. Бартенева о характере

¹ В. Д., т. V, стр. 82; ср. Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 44.

² В. Д., т. V, стр. 31, 47, 89; Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского стр. 82, 87, 88.

почерка «Записок»: почерк П. Борисова действительно крайне экономный, сжатый, убористый, и легко себе представить рукопись описанного Бартевым характера как автограф Петра Борисова.

Все изложенные соображения и заставляют придти к выводу, что автором «Записок Неизвестного из Общества Соединенных Славян», вероятно, был Петр Борисов.

В этой связи приобретает дополнительный интерес вопрос о цензурных изъятиях, произведенных в тексте «Записок» при их публикации. Судить о полном объеме этой трагической для декабристоведения «правки» мы, к великому сожалению, не можем. Но, к счастью, мы можем составить хотя бы приблизительное о ней представление в силу того, что в нашем распоряжении оказывается одна рукописная копия «Записок», представляющая большой интерес

В коллекции рукописей, принадлежавших известному собирателю старинных (в значительной мере старообрядческих) документов В. Г. Дружинину, переданной для экспертизы в Пушкинский Дом Академии Наук СССР в Ленинграде, находилась рукописная копия «Записок Неизвестного», с которой мне удалось познакомиться в указанном архиве при подготовке к печати «Записок Н. И. Лорера»¹. Общий вид рукописи — пятна типографской краски, следы пальцев наборщиков и тщательная выписка букв копии — не оставляют сомнений, что перед нами экземпляр типографии «Русского Архива», переданный из редакции непосредственно для набора. Конечно, эта рукопись едва ли целиком доносит до нас подлинный текст; переписанная для типографского набора, она, может быть, уже отразила редакционную правку, предварительно проведенную на подлиннике или предшествующей копии. Но она все же сохранила в нетронутом виде ряд мест, которые подверглись позднейшей корректуре уже непосредственно в наборе. Таким образом, оказавшаяся в нашем распоряжении наборная копия «Записок» представляет собою источник для восстановления некоторых мест подлинной рукописи; ее разночтения с опубликованным текстом выявляют также и характер общей тенденции «правки» «Записок» цензурой при первой публикации. Ссылаясь далее на этот текст, будем употреблять для него название «наборная рукопись».

При помощи сравнения наборной рукописи и первой публикации «Записок Неизвестного» в «Русском Архиве», осуществленной П. Бартевым, которая послужила исходным текстом для позднейших изданий, можно обнаружить грубейшую фальсификацию, произведенную, вероятно, по требованию цензуры.

Наборная рукопись «Записок Неизвестного», о которой говорилось выше, позволяет, например, утверждать, что текст о том, что «славяне»

¹ На эту рукопись обратил мое внимание Н. В. Измайлов, которому выражаю за это свою глубокую признательность.

Копия «Записок Неизвестного», написанная чернилами на обеих сторонах листа (формат 26½ см. на 21), была сшита черными нитками из отдельных «тетрадей», пронумерована синим карандашом и содержала 109 страниц, из которых 93 страницы занимал основной текст «Записок», а прочие были заняты пронумерованными примечаниями. Первый лист рукописи был несколько меньшего формата, нежели следующие, но непрерывность текста была соблюдена. Рукопись писана двумя почерками. На листе 8 имелась помета: «2 гранка»; по тексту сделана типографская разметка зеленым карандашом. В тексте примечаний встречаются слова: «пропуск в оригинале», дополнительно подтверждающие, что перед нами — копия. В конце поставлена дата: «8 августа 1872 г.», что, повидимому, относится к моменту окончания составления копии. Работа по прочтению подлинника была настолько трудна, что П. Бартев счел нужным указать имя переписчика рукописи («Достоуважаемый Александр Иванович Балаидин принял на себя труд снять с нее список» — см. «Русский Архив», 1882, кн 2, стр. 435).

гнушались «насильственных мер, какого рода они ни были», оказался объектом редакторского вмешательства. Тайное общество, которое ввело в свой «катехизис» правило не надеяться ни на кого, кроме своих друзей и оружия, едва ли могло претендовать на приведенную выше оговорку, являющуюся вероятной интерполяцией публикаторов. Но, что особенно интересно, конец интересующего нас текста читается в наборной рукописи совершенно иначе, нежели в общеизвестном опубликованном тексте. Приведем совпадающее начало цитаты по последнему — второму — изданию «Записок Горбачевского», а конец ее — в двух параллельных чтениях, причем левая колонка является текстом второго издания «Записок», а правая принадлежит наборной типографской рукописи:

«Славянское общество желало радикальной перемены, намеревалось уничтожить политические и нравственные предрассудки; однако же всем своим действиям хотело дать вид естественной справедливости и потому, гнушаясь насильственных мер, какого бы рода они ни были (?), почитало всегда самым лучшим средством законность».

Далее:

Во втором издании 1925 г.
«Посему Борисов 2-й и некоторые из его товарищей осуждали убийство Павла 1-го, Людовика XVI, изгнание Иакова II и заточение Фердинанда VII»¹.

В наборной рукописи:
«Посему Борисов 2-й и некоторые из его товарищей осуждали убийство Павла I и все вообще дворцовые революции, но одобряли суд Карла I, Людовика XVI, изгнание Иакова II и заточение Фердинанда VII».

Фальсификация разительна и сразу бросается в глаза. Выкинув из фразы «Записок» несколько рядом стоящих слов с союзом «но» в центре, П. Бартенев придал ей смысл, противоположный авторскому. Из этого текста в то же время вполне ясно, — о какой «законности» говорил предшествовавший текст: он говорил о революционной законности.

Вот еще пример:

2-е издание «Записок» (стр. 58):
«Славяне... положили... внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом возбудить в них желание изменить унижительное состояние рабства...»

Наборная рукопись:
«Славяне... положили:: внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом возбудить в них желание свободы и изменить унижительное состояние рабства».

Произведено довольно существенное изменение текста, — мало того, что выброшено «опасное» слово «свободы», — снят и тот оттенок мысли, что возникающее в солдатах и крестьянах желание свободы послужит силой изменения их унижительного рабства.

Остается выразить надежду, что когда-либо подлинная рукопись замечательной Истории Общества Соединенных Славян, написанная Петром Борисовым, также окажется в руках исследователя и обогатит малочисленный документальный круг возникших вне влияния цензуры источников для изучения декабристского движения, которыми исследователь особо дорожит.

В последнее время в литературе о декабристах проявилась тенденция к снижению облика Петра Борисова и к отрыву его от идеологии основного коллектива Общества Соединенных Славян.

¹ Впервые этот текст был опубликован мною с соответствующим комментарием в «Хрестоматии по истории СССР», т. II, М., 1941, стр. 355—357.

П. Г. Рындзюнский, на мой взгляд необоснованно, принижает облик братьев Борисовых, считая их мелкими либеральными мещанами. В своей статье «Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении» автор характеризует мировоззрение Петра Борисова на основе Книги выписок из иностранных авторов, составленной в Сибири. Конечно, в какой-то мере выписки отражают идеи выписывающего, но весьма ненадежно строить преимущественно на выписках характеристику идеологии. Говоря же о более раннем этапе идеологического развития Борисовых, П. Г. Рындзюнский также принижает облик основателей Славянского общества, исключая из характеристики важнейшие факты, каждый из которых в отдельности и все вместе тем более — говорят против предлагаемой концепции, на мой взгляд, начисто опровергая ее¹. П. Г. Рындзюнский исключает из орбиты своего внимания важнейшие факты биографии П. Борисова. К этим фактам я отношу, во-первых, признание Петра Борисова в том, что он с ранних лет был «влюблен» в демократию. Во-вторых, факт его членства в декабристской организации. Действительно, — почему он вошел в Южное общество? Он мог бы и не войти в него, — ведь не вошел в него, например, Ю. Люблинский. При этом важна мотивировка Петра Борисова, — он вошел в Общество потому, что целью последнего являлось введение в России чистой демократии, уничтожение самодержавия и всего сословного строя. Если Петр Борисов — либерал и мирный «семейный» мещанин, зачем ему было примыкать к такой организации? В-третьих, нельзя забывать о согласии Петра Борисова на царевийство, — он по собственной воле пришел сообщить об этом Бестужеву-Рюмину и дал в этом расписку. В-четвертых, против концепции П. Г. Рындзюнского говорит активное участие Петра Борисова в подготовке солдат к восстанию, активная агитация среди них. В-пятых, против этого — заботы П. Борисова о подготовке артиллерийских снарядов к восстанию. В-шестых, против этого — разъезды Андрея Борисова (вдохновленного на это Петром) по соседним полкам с призывом к восстанию. В-седьмых, эту концепцию опровергает письмо Петра Борисова к юнкеру Головинскому, где положительно оценивается соединение Славянского общества с Южным. В-восьмых, решительно противоречит этой концепции подготовка П. Борисовым мелкой шляхты к восстанию и самостоятельный прием ее в общество в самые ответственные дни восстания. Наконец, в-девятых, не могу не напомнить о знаке штыка в славянских «Правилах». Едва ли мирный мещанин смог бы опираться на правило: «Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия (следовал символический знак солдатского оружия — штыка. — М. Н.)».

Активнейший инициатор Славянского общества — Петр Борисов — принадлежит к числу первых русских революционеров-декабристов и по праву заслуживает наше уважение. Созданный им труд — «История Общества Соединенных Славян» — является первостепенным по значению памятником движения декабристов.

¹ Статья П. Г. Рындзюнского опубликована в Трудах Государственного исторического музея, вып. XII, М., 1941, стр. 5—26.

М. К. РОЖКОВА

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЯРМАРОК ВО ВНУТРЕННЕЙ
ТОРГОВЛЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(первая половина XIX в.)**

Как известно, ярмарки являются типичной формой торговли для периода развитого феодализма. С развитием капитализма ярмарки постепенно теряют значение торговых центров. Ярмарочный торг заменяется постоянной торговлей — оптовой и розничной — в складах, магазинах и лавках в городах и селениях.

В нашей исторической литературе не ставилось до сих пор вопроса о том, каково было место и значение ярмарочной торговли в десятилетия, предшествовавшие реформам 1860-х годов. Эти десятилетия, как известно, характерны процессом разложения феодального строя и подспудным складыванием капиталистических отношений. В связи с этим и возникает вопрос: какие изменения происходили в организации внутренней торговли в связи с указанными процессами?

При отсутствии специальных исследований по данному вопросу, в нашей исторической литературе принято считать, что в первой половине XIX в. ярмарочный торг был «основной организационной формой товарного обращения»¹. Однако при ближайшем рассмотрении этого вопроса возникают следующие предположения: во-первых, уже в начале XIX в. замечается сравнительно меньшее развитие ярмарочной торговли в промышленных районах по сравнению с районами сельскохозяйственными; во-вторых, процесс возникновения новых и роста старых ярмарок на протяжении первой половины XIX в. происходит на окраинах России и, в-третьих, наблюдается рост постоянной торговли в ущерб ярмарочной и изменение характера некоторых ярмарок.

Указанные процессы, показывающие, с одной стороны, расширение рамок внутреннего рынка, а с другой — изменение организационных форм торговли, тесно связаны с развитием капиталистических отношений в крепостной России.

Эти процессы и будут предметом данной работы. Конечно, в небольшой статье нельзя претендовать на исчерпывающее освещение поставленного вопроса, тем более что статистические источники первой половины

---

¹ См., например, П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, ОГИЗ, 1947, стр. 487. В отличие от П. И. Лященко, который, рассматривая вопрос о внутренней торговле, не касается других форм этой торговли, кроме ярмарочной, в учебнике «История СССР» (т. II, М., 1954) сказано, хотя и мельком, о расширении постоянной лавочной и магазинной торговли в первой половине XIX в., но сколько-нибудь заметное внимание и здесь уделено только ярмаркам. Во всяком случае ярмарки не противопоставлены постоянной торговле как форме торга, свойственного капиталистическим отношениям (стр. 29—30).

XIX в. требуют весьма критического к себе отношения. Ими можно пользоваться только в целях сравнений, как показателями соотношения отдельных явлений, но на их основании нельзя точно установить абсолютное количество ярмарок в России и размеры их оборотов. Что же касается постоянной торговли, то по этому вопросу в нашем распоряжении совсем мало данных.

Основным, и почти единственным, материалом для изучения ярмарок являются донесения губернаторов. Эти донесения, составленные на основании данных, представлявшихся чиновниками на местах, вообще не могут считаться точными. Сверх того каждый губернатор в своем донесении о ярмарках его губернии по-разному относился к вопросу о том, о каких ярмарках и торгах он должен давать сведения. Одни губернаторы присылали в Министерство внутренних дел подробные списки с включением самых мелких ярмарок и торжков, другие же сообщали сведения только о крупных ярмарках. Этот разноречивый в соединении с приблизительностью цифровых данных создает большие трудности для исследователя. Приходится ограничить пользование указанными материалами сравнительным анализом, отказавшись от того, чтобы придавать значение абсолютным цифрам. Однако как материал для сравнений донесения губернаторов вполне пригодны, так как они дают однородные данные на протяжении нескольких десятилетий¹.

Донесения губернаторов о ярмарках печатались в журналах и газетах, но эти опубликованные материалы не так подробны, как те данные, которые служили основанием для печатавшихся сведений. Поэтому мы оказали для данной статьи предпочтение архивному материалу, как более компактному и содержащему более подробные и более систематические данные.

В основном нами использованы три вида источников: 1) донесения губернаторов 40 губерний России за 1817—1820 гг., 2) годовые отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли и 3) «всепоподданнейшие» доклады министра финансов.

* * *

По отчетам гражданских губернаторов, относящимся к 1817 г.², на территории Российской империи было 64 крупнейших ярмарки с оборотами от 1 млн. руб. до 139 млн. руб. каждая. Самой крупной ярмаркой, имевшей всероссийское значение, была Нижегородская, бывшая Макарьевская ярмарка. Большой район охватывали ярмарки украинские, Ирбитская, Коренная и некоторые другие. Наибольшее количество крупных ярмарок — 26 из общего числа 64 — приходилось на Украину, 14 крупных ярмарок находились в Центральном черноземном районе. Таким образом, $\frac{2}{3}$ крупных ярмарок приходилось на хлебопроизводящие районы.

Кроме ярмарок, имевших значение центров всероссийской торговли или центров крупных районов, в России существовало огромное количество ярмарок и базаров в селах, имевших местное значение, бывших центрами торговли небольшой округи и часто имевших очень небольшие торговые обороты.

По данным, относящимся к 1818—1820 гг., в 40 губерниях России из 55 находилось свыше 4 тысяч ярмарок³.

¹ В дальнейшем изложении используются донесения губернаторов за 1817—1820 гг. Однако и материалы за последующие годы, использованные в статье, также основаны на донесениях губернаторов.

² ЦГИАЛ, ф. 18, 2 отд., 1 стол, оп. 4, 1817 г., д. 358, лл. 750—754.

³ Все описания ярмарок основаны на донесениях гражданских губернаторов

Эти ярмарки были неравномерно расположены на территории страны и имели свои особенности в отдельных районах.

Больше всего ярмарок было на Украине. В Черниговской губ. их было учтено нашим источником 170, в Полтавской губ. — 343, в Слободско-Украинской (Харьковской) — 401. На Правобережной Украине в Киевской губ. насчитывалось 90 ярмарок, в Подольской — 296, в Волынской — свыше 600. В Екатеринославской губ. было 228 ярмарок¹. Среди этих ярмарок выделяются несколько крупных ярмарок Левобережной Украины: четыре ярмарки в Харькове, две — в Сумах, ярмарка в Кролевце, две — в Нежине, две — в Стародубе, одна — в Почаре, две ярмарки в Ромнах и три — в Кременчуге. На этих ярмарках Слободско-Украинской, Черниговской и Полтавской губерний с миллионными оборотами, привлекавших купцов центральных губерний России, происходила, с одной стороны, торговля промышленными изделиями главным образом Центрального промышленного района, с другой стороны — торговля украинским скотом и продуктами скотоводства. Таким образом, эти ярмарки Левобережной Украины были центром всероссийского обмена и связывали Украину с центральной Россией. На Правобережной Украине были крупные ярмарки в Бердичеве Волынской губ.; хотя эти ярмарки имели миллионные обороты, но они носили другой характер, чем ярмарки Левобережной Украины; на них мы не видим изделий текстильной промышленности Центрального промышленного района; основной торг на них происходил скотом и смушками (крымскими и решетилоскими), а также железом (местным продуктом) и косами. Таким образом, бердичевские ярмарки служили главным образом рынком сбыта продуктов Волынской губ. и не были рынком сбыта для изделий обрабатывающей промышленности центра России. В Южной Украине крупных ярмарок, рассчитанных на широкий район сбыта, не было.

Основными товарами на сельских ярмарках Левобережной Украины были скот, хлеб, хлебное вино, крестьянские изделия, но в то же время распространенным явлением была торговля «красным товаром», т. е. текстильными изделиями обрабатывающей промышленности Центрального промышленного района.

В Степной Украине, в Екатеринославской губ.², основными предметами сельской ярмарочной торговли были скот и хлеб; «красный товар» также продавался во многих селениях, хотя по временам в небольшом количестве.

Торг в селениях Правобережной Украины происходил, как и на Левобережной Украине, в основном продуктами сельского хозяйства: хлебом, скотом и разнообразными крестьянскими изделиями. Различие заключалось в том, что на сельских базарах Правобережной Украины не продавалось хлебное вино, торговля «красным товаром» была распространена крайне слабо, на ярмарках же Левобережной Украины торговля изделиями обрабатывающей промышленности Центрального промышленного района была обычным явлением (это стоит в тесной связи с наличием

(ЦИАЛ, ф. 18, 2 отд., 1 стол, оп. 4, 1817 г., л. 358). По следующим губерниям материал отсутствует: Виленской, Витебской, Псковской, Курляндской, Эстляндской, Саратовской, Астраханской, Рязанской, Орловской, Владимирской, по областям Войска Донского и Войска Черноморского, по Таганрогскому и Феодосийскому градоначальствам.

¹ В Херсонской губ. наш источник перечисляет ярмарки только в городах и посадах и насчитывает их поэтому всего 38.

² Как сказано выше, данные о ярмарочной торговле Херсонской губ. ограничены городами и посадами.

на Левобережной Украине крупных ярмарок всероссийского значения, которые были центрами, откуда промышленные изделия центральной России распространялись среди сельского населения Левобережья). Так, например, в Подольской губ. «красным товаром», да и то отчасти, торговали только в одном уездном городе, «российскими товарами» — только в одном местечке Ямпольского уезда. В Волынской губ. на ярмарке в городе Луцке торговали мылом, перцем, иголками, булавками; в городе Ковеле «малою частью бывает русских купцов на ярмонках, приказчики с разными мелкими товарами российских фабрик». В одном селении Новоградволынского повета торговали «красным товаром», да в трех местечках Острогожского повета «иногда [бывали] маркитанты» с «красным» и разным товаром. Таким образом, как в Подольской, так и в Волынской губерниях торговля изделиями обрабатывающей промышленности Центрального промышленного района была редким явлением. Даже в Киевской губ., где на контрактной ярмарке торговали текстильными, галантерейными товарами, металлической, стеклянной и фаянсовой посудой, на сельских ярмарках промышленные изделия не продавались; только в городе Умани, в четырех местечках Уманского повета и в городе Черкассах продавались выделанные кожи и «красный товар», да и то большей частью в небольшом количестве. На ярмарках всей Украины, особенно на Левобережье и в Екатеринославской губ., была распространена торговля крымской солью и донской рыбой, которые доставлялись чумаками, скупавшими на ярмарках хлеб и другие продукты сельского хозяйства и отвозившими их в Область Войска Донского и в Крым.

Украина была связана с всероссийским рынком, с одной стороны, торговлей по Дону и сухим путем на юге России, с другой стороны — торговлей с промышленным центром России. Однако эти торговые связи не были однородными в отдельных частях Украины. В то время как Левобережная Украина была в заметной степени потребителем промышленных изделий России, что является показателем процесса разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений, Правобережная Украина была слабее связана с всероссийским рынком, ее сельское хозяйство было более замкнутым, а крестьянство Правобережной Украины в большей степени удовлетворяло свои нужды изделиями собственной домашней промышленности, чем крестьянство Левобережной Украины.

О ярмарках в Белоруссии можно получить представление по данным, относящимся к Могилевской (32 ярмарки), Минской (127 ярмарок) и Гродненской (89 ярмарок) губерниям. На территории Белоруссии были крупные ярмарки в Зельве (с оборотом от 1½ до 3 млн. руб.) и в Приборова (с оборотом около 1 млн. руб.) Гродненской губ. и в Хиславичах и Любавичах Могилевской губ. с торговыми оборотами, превышавшими 1 млн. руб. Как на этих ярмарках, так и в городах Каменец-Литовском, Минске, Борисове, Бобруйске, Мозыре и некоторых других, кроме скота и крестьянских изделий, торговали промышленными изделиями, привозившимися из других районов России. На сельских же ярмарках шла торговля хлебом (только в Гродненской губ.), скотом, крестьянскими изделиями; русские же промышленные изделия продавались далеко не везде. Таким образом, по характеру торговли Белоруссия приближалась к Правобережной Украине.

Близкой к Левобережной Украине была торговля в южной части Центрального черноземного района — в Курской губ. Здесь находилась крупная всероссийского значения Коренная ярмарка, на которую съезжались купцы из разных районов России и где происходил торг разнообраз-

ными русскими и иностранными товарами, хлебом и лошадьми. На сельских ярмарках Курской губ. торговали пенькой, скотом и продуктами скотоводства, крестьянскими изделиями и «красным», большей частью мелочным товаром. В отличие от Левобережной Украины, в Курской губ. торговали хлебом, кроме Коренной ярмарки, на ярмарках только четырех городов и семи слобод; на сельских ярмарках Курской губ. торговля хлебом не производилась. Это отличие Курской губ. от Левобережной Украины зависело от большей близости к центру России. Вывоз хлеба из Левобережной Украины во внутренние губернии России был затруднен плохими путями сообщения, поэтому хлеб перерабатывался в вино, которое было легче перевозить. Из Курской же губернии хлеб перевозился в центральные губернии России.

Из других губерний Центрального черноземного района имеются полные сведения только о Тамбовской губ. В этой губернии, одной из наиболее хлебородных в России, было всего 72 ярмарки в 53 торговых пунктах. Небольшое количество ярмарок в Тамбовской губ. сравнительно с Украиной и Курской губ. объясняется тем, что основной продукт хозяйства Тамбовской губ. — хлеб — сбывался в значительной части минуя ярмарки, с пристани Моршанск. В связи с этим характерно, что в Моршанске была очень небольшая ярмарка, куда съезжалось народу «самое малое количество» и где торговали «на самую малую цену» и исключительно одним «красным товаром». Таким образом, в Тамбовской губ., связанной с внутренним и внешним рынком удобными путями сообщения, ярмарочная торговля в селах не была сильно развита. Как помещичий, так и крестьянский хлеб продавался главным образом не на сельских ярмарках, а привозился на Моршанскую пристань. Поэтому, повторяем, основными товарами, продававшимися на сельских ярмарках, был не главный продукт губернии — хлеб, а «красный товар», а также крестьянские изделия, скот, шерсть и другие продукты скотоводства. Кроме Моршанской пристани, крупного центра вывоза хлеба, в Тамбовской губ. были четыре ярмарки с миллионными оборотами — в Лебедяни (две), в Тамбове и Борисоглебске. На этих ярмарках продавались главным образом лошади, рогатый скот и привозные промышленные изделия; хлеб продавался только на 10 из 72 ярмарок Тамбовской губ., в том числе и на одной из ярмарок в Лебедяни и на ярмарке в Тамбове. Таким образом, Тамбовская губ., тесно связанная с всероссийским рынком относительно хорошими путями сообщения, является примером того, как с развитием товарно-денежных отношений и вовлечением хозяйства в широкий оборот обмена значение ярмарок, этой типичной формы торговли феодального периода, падает. Об этом же говорят и различия в торговле Левобережной Украины и Курской губ.

Для Воронежской губ. мы не имеем хотя бы относительно полного списка ярмарок; в этой губернии учтено всего 10 ярмарок, с оборотами в сотни и десятки тысяч рублей. Однако здесь можно подметить ту черту, что хлеб на ярмарках не продается, а основные товары состоят из лошадей с конских заводов помещиков губернии и из донских станиц, а также из рогатого скота, овец и «красного товара».

Хлеб не продавался также и на ярмарках Пензенской губ.

Среднее Поволжье (губернии Казанская, Симбирская, Вятская и Нижегородская) также характерно тем, что в них на ярмарках была слабо развита торговля хлебом. На ярмарках Казанской губ. хлеб совсем не продавался, в Симбирской губ. хлебом торговали только в Симбирске, Сенгилее, Самаре и Сызрани, т. е. в приволжских городах, и в двух селах Самарского уезда. В Нижегородской губ. хлебом торговали только

в Ардатовском уезде, в одном имении Сергачского уезда и в двух имениях Лукояновского уезда. Это слабое развитие ярмарочной торговли хлебом объясняется тем, что хлеб шел и волжским водным путем и поэтому привозился прямо к пристани и здесь грузился. В Вятской губ. торговля хлебом на ярмарках была распространенным явлением. Это объясняется сравнительной отдаленностью Вятки от волжского водного пути. Народы Среднего Поволжья, территория которых была связана с центральными губерниями России удобными путями сообщения, находились в тесных торговых отношениях с промышленным центром страны, о чем свидетельствует распространение на сельских ярмарках Среднего Поволжья торговли промышленными изделиями. Эти торговые связи способствовали разложению натурального хозяйства и развитию товарно-денежных отношений у народов Среднего Поволжья. По характеру торговли и по связям с всероссийским рынком Среднее Поволжье было близко к Центральному черноземному району.

На территории Среднего Поволжья находилась крупнейшая ярмарка России — Нижегородская, один из центров всероссийского рынка.

Торговля в Центральном промышленном районе имела свои особенности. Здесь, прежде всего на сельских ярмарках, имела чрезвычайно большое распространение торговля промышленными изделиями: шелковыми и бумажными платками, ситцем, кумачом, выбойкой, сукном, галантерейными и другими товарами. Крестьяне также привозили на ярмарки зерно, муку, крупы, овес, скот, мясо, огородные овощи и крестьянские изделия, из которых в Костромской и Ярославской губерниях особенно много было холста и льняной пряжи. Предметы торговли показывают ярко выраженный обмен между произведениями сельского хозяйства и изделиями промышленности. Для характеристики торговли Центрального промышленного района возьмем наиболее характерные губернии: Московскую, Костромскую, Ярославскую и Тверскую¹. В Ярославской губ. находилась Ростовская ярмарка, одна из крупнейших в России, в Костромской губернии были две ярмарки с миллионными оборотами, имевшие всероссийское значение: в селе Парском Юрьевецкого уезда и в Кинешме. На Ростовскую и Парскую ярмарки привозили товары со всех концов страны, причем среди привозившихся товаров обращает на себя внимание привоз хлопчатой бумаги. Ярмарка в Кинешме была центром торговли холстом. Таким же центром в Ярославской губ. были ярмарки в Угличе, жители которого занимались скупкой холста и отправкой его в Москву и Петербург. В Ярославской губ. было 102 ярмарки в 76 торговых пунктах, в Костромской — 76 в 35 торговых пунктах, в Московской губ. в 56 селениях и городах было 70 ярмарок. Как видно из этих цифр, в Центральном районе было сравнительно небольшое количество ярмарок, особенно если провести сравнение с Украиной, где количество ярмарок было в несколько раз больше. В указанных губерниях Центрального промышленного района были местности, где ярмарки отсутствовали. Не было, например, ярмарок в Даниловском уезде Ярославской губ., обороты ярмарки в губернском городе Ярославле не превышали 20 тыс. руб., причем торг на ней производился почти исключительно фаянсовой и деревянной посудой. В Костромской губ. не было ярмарок в Костроме и в уездных городах Буге и Чухломе. Особенно в этом отношении обращает на себя внимание Московская губ. В Москве была только очень небольшая шерстяная ярмарка²; совсем не было ярмарок в уездных городах Бронни-

¹ О ярмарках Владимирской губ. сведения отсутствуют.

² История Москвы, т. III, М., 1954, стр. 267—271.

цах, Звенигороде, Клину, Коломне, Подольске, в Московском, Верейском и Можайском уездах. В Тверской губ. было 132 ярмарки, но и здесь были районы, где ярмарки отсутствовали. Не было ярмарок в Твери, Осташкове, в Тверском и Новоторжском уездах. Таким образом, можно сказать, что Центральный промышленный район отличался слабым развитием ярмарочной торговли, поскольку это был передовой район России, где товарно-денежные отношения были с давних пор наиболее развиты, где наиболее ярко был выражен процесс разложения натурального хозяйства, где были более развитые капиталистические отношения. Поэтому и ярмарки, как форма обмена, свойственная феодальному способу производства, в Центральном промышленном районе уступали место другим видам торговли¹.

На примере ярмарок Петербургской и Новгородской губерний можно составить представление о торговле северо-западного района России. Здесь, как и в Центральном промышленном районе, было сравнительно небольшое количество ярмарок: в Петербургской губ. — около 40, в Новгородской — 52, хотя здесь были учтены и мелкие ярмарки с оборотом в несколько сот рублей; к тому же в Петербургской губ. ярмарки существовали только в Гдовском (11), Новолодожском (10), Ямбургском (12), Лужском (8) уездах, а в других городах и уездах Петербургской губ. ярмарки отсутствовали. Здесь так же, как и в Московской губ., имело значение существование крупного торгового центра, передовой характер которого определял новые формы торговли. Другой характерной чертой ярмарочной торговли северо-западного района, сближавшей этот район с Центральным промышленным, было повсеместное широкое распространение торговли промышленными изделиями.

О ярмарочной торговле Прибалтики можно судить по донесению губернатора Лифляндской губ.; здесь было 156 ярмарок, проводившихся в 113 торговых пунктах, что говорит о развитой торговой сети. На некоторых сельских ярмарках, наряду с торговлей произведениями земледелия и скотоводства и крестьянскими изделиями, имел место привоз из городов металлических и текстильных изделий. На некоторых городских ярмарках шла торговля разнообразными промышленными изделиями, русскими и иностранными. Здесь играло роль расположение губерний при Балтийском море. С этим были связаны и миллионные обороты ярмарочного торга в Риге. Таким образом, оживленная торговля Лифляндской губ. была в значительной степени связана с вывозным и привозным торгом по Балтийскому морю.

Северные губернии (Олонецкая, Архангельская и Вологодская) по характеру торговли не были однородными. Вологодская губ., в которой учтено 87 ярмарок, приближалась по характеру торговли к Центральному промышленному району. Здесь повсеместно торговали текстильными и другими промышленными изделиями. Отличия в торговле Вологодской губ. от торговли Центрального промышленного района заключались в ассортименте товаров местного сельского происхождения; на ярмарках и торгах Вологодской губ. торговали по преимуществу холстом, кожами, пушниной, скотом, торговля хлебом велась только в Никольском уезде.

---

¹ Н. Л. Рубинштейн еще для XVIII в. отмечал, что, за некоторыми исключениями, в крупных городских центрах ярмарок не было. Это явление он особенно отмечает в центральной полосе, где в губернских городах, за редким исключением, ярмарки отсутствовали и заменялись «системой перманентного торга» (Н. Л. Рубинштейн. Русская ярмарка XVIII века — Ученые записки кафедры истории СССР Московского обл. пед. института, вып. 1, М., 1939, стр. 16).

По Архангельской и Олонецкой губерниям учтены только крупные ярмарки с оборотом в сотни и десятки тысяч руб. Таких ярмарок в Олонецкой губ. насчитывалось 11 в пяти торговых пунктах. Главный торг здесь происходил текстильным товаром, продавались также привозный хлеб и местные продукты — пушнина, рыба, дичь, привозившиеся в значительной степени карельским населением. В Архангельской губ. было учтено всего пять ярмарок в четырех торговых пунктах. В Шенкурске и в Благовещенском приходе Шенкурского уезда, т. е. в районе, занимаемом по преимуществу русским населением, происходила торговля мелочными, ситцевыми и суконными товарами, железными изделиями, посудой, пушниной, а также товарами сельского хозяйства — хлебом, лошадьми и изделиями крестьянской промышленности. В более северном районе — в Пинеге — торговали лошадьми, битым скотом, дичью и пушниной. На ярмарках в Мезени велся торг с ненцами пушниной и рыбой.

На Урале (в Пермской губ.) находилась одна из крупнейших ярмарок России — Ирбитская, обороты которой доходили до многих миллионов руб. Ирбитская ярмарка была центром торговли русскими и отчасти китайскими и среднеазиатскими товарами, чаем и пушниной, хлебом и скотом. Она была тесно связана с Нижегородской ярмаркой и с Москвой, с Кяхтой и с Западной Сибирью.

На территории тогдашней Оренбургской губ., в которую в изучаемое время входила и Башкирия, было всего 36 ярмарок, расположенных в 26 торговых пунктах. Такое небольшое количество ярмарок на большой территории объясняется редкостью населения и слабым еще развитием товарно-денежных отношений. Как в городах, так и в селениях торговали скотом, хлебом, шкурами диких зверей, сырыми кожами, салом, маслом, медом, а также шелковыми и хлопчатобумажными изделиями (среднеазиатского или русского происхождения). Связь с центром России выражалась главным образом в торговле скотом. В этом районе находились Оренбургский и Троицкий меновые дворы, где происходила торговля с казаками и народами Средней Азии. В этой торговле участвовали купцы, приезжавшие из разных губерний России. В Оренбурге, сверх того, существовал гостинный двор, где торговля происходила круглый год.

Ярмарки Западной Сибири носили обычный для центральной России характер обмена скота и крестьянских изделий на промышленные изделия.

Ярмарки Восточной Сибири характерны с двух сторон. Во-первых, эти ярмарки, очень немногочисленные, длились обычно от месяца до 2¹/₂, т. е. превращались в непрерывный длительный торг; во-вторых, главным товаром на этих ярмарках была пушнина, скупавшаяся у народов Сибири сибирскими купцами, продававшими взамен промышленные изделия русского, а частично и китайского происхождения. Предметом торговли был и скот. Скупка пушнины в Восточной Сибири была тесно связана с кяхтинским торгом.

Как видно из приведенного описания ярмарок, в России в первых десятилетиях XIX в. существовали распространенные торговые связи, соединявшие отдельные части страны. В каком направлении крепили эти связи, видно из местонахождения сравнительно недавно учрежденных ярмарок. В течение 90-х годов XVIII и первых полутора десятилетий XIX в. новые ярмарки главным образом учреждались на Левобережной Украине — с одной стороны¹, а с другой — на окраинах империи: в Екатеринославской губ., где большая часть существовавших ярмарок была учреждена в

¹ За это время было открыто 9 ярмарок в Черниговской губ., 33 — в Полтавской, 68 — в Слободско-Украинской.

указанное время, на Северном Кавказе, где все 16 ярмарок были открыты в последнем десятилетии XVIII и в первых десятилетиях XIX в., в Оренбургской губ., где в это же время были учреждены 15 из всех имевшихся 38 ярмарок, в Восточной Сибири (Иркутская губ.), где из 17 ярмарочных торгов три были открыты между 1810 и 1817 гг.; сверх того в 1812 г. в Верхнеудинском уезде Иркутской губ. было учреждено шесть торговых. Таким образом, окраинные районы вовлекались в торговлю с Россией.

Когда мы говорим о том, что в центральных промышленных районах страны количество ярмарок было значительно меньше, чем в сельскохозяйственных районах, особенно в тех районах, которые были слабее связаны с центром вследствие плохих путей сообщений, мы не должны забывать, что на ярмарках большую, а иногда и исключительную роль играло иногороднее купечество. Так, например, купечество Московской губ., в которой было меньше всего ярмарок и где наиболее была развита постоянная торговля, играло очень большую роль на Нижегородской ярмарке, на украинских и других ярмарках. Это обстоятельство, однако, не меняет того факта, что в районах, где товарно-денежные отношения были наиболее развиты, ярмарочная торговля уступала место постоянным формам торговли.

В целом можно заметить, что ярмарки были далеко не единственной формой торговли. С одной стороны, выделяются районы, в которых ярмарочная торговля была сравнительно слабо развита, с другой стороны, торговля некоторыми, притом важными продуктами (например, хлебом) шла в основном вне ярмарок.

Таково было положение уже во втором десятилетии XIX в.

* * *

В последующие десятилетия наблюдается дальнейшее развитие ярмарочной торговли на окраинах, сосредоточение некоторых товаров вне ярмарочной торговли, ограничение ярмарочной торговли в центральных районах, изменение характера торговли на ряде ярмарок.

К сожалению, для последних предреформенных десятилетий в нашем распоряжении не имеется такого подробного материала о ярмарках, который содержится в донесениях губернаторов 1817—1820 гг. Для последнего времени, начиная с 30-х годов XIX в., мы имеем, за исключением отдельных ярмарок, более обобщенный материал: годовые отчеты Департамента мануфактур и «всепоподданнейшие» доклады министра финансов. Эти документы содержат материал о более крупных ярмарках. Тем не менее сопоставление оборотов этих ярмарок на протяжении нескольких десятилетий дает довольно яркую картину перестройки организации внутренней торговли. Напоминаем, что данный материал представляет ценность только для сравнения и для выявления общей тенденции, так как приводимые ниже цифры, как показатель абсолютных размеров оборотов той или иной ярмарки, не могут считаться точными.

В нижеприводимой таблице отмечаются те годы, за которые имеется материал о каждой из взятых нами наиболее крупных ярмарок.

Из сопоставления продажи товаров на восьми крупных ярмарках¹, каждая из которых составляла центр обширного района, видно прежде всего, что Ирбитская ярмарка стоит впереди всех других по темпам своего роста. За сорок с небольшим лет обороты этой ярмарки увеличились в 16 раз, в то время как обороты Нижегородской ярмарки выросли только в 4 раза с небольшим. В 1817 г. Ирбитская ярмарка стояла на седьмом

¹ В Харькове были четыре ярмарки.

Продажа на ярмарках (в тысячах руб. серебром)*

Годы	Нижне- городская ярмарка	В %	Ростовская ярмарка	В %	Ирбитская ярмарка	В %	Коренная ярмарка	В %	Харьков- ские яр- марки	В %
1817	19 857	100	4 571	100	2 857	100	1 257	100	15 429	100
1841	41 704	210	4 366	96	9 478	332	2 369	188	—	—
1844	42 742	215	3 333	73	12 626	442	6 488	516	—	—
1846	50 645	255	3 797	83	22 247	779	2 894	230	—	—
1847	49 016	247	3 446	75	23 642	827	2 719	216	—	—
1848	43 684	220	3 313	72	26 903	942	2 807	223	—	—
1849	45 422	229	2 958	65	25 702	899	2 797	223	—	—
1851	52 937	267	1 572	34	28 741	1006	3 395	270	—	—
1861	83 575	421	1 270	28	45 892	1606	3 685	293	20 395	132

* Данные таблицы за 1817 г. взяты из „Ведомости о важнейших в России ярмарках“ (ЦИАЛ, ф. 18, 2 отд., 1 стол, оп. 4, 1817 г., д. 358, лл. 727—748); данные за остальные годы взяты из годовых отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли (ЦИАЛ, ф. 560, оп. 38, 1841 г., д. 457; 1844 г., д. 499; 1846 г., д. 530; 1847 г., д. 545; 1848 г., д. 560; 1849 г., д. 574; 1851 г., д. 602; 1861 г., д. 739).

месте по величине своих торговых оборотов, а в 1861 г. она занимала уже второе место. Продажа товаров на Ирбитской ярмарке в конце дореформенного периода составляла более половины продажи на Нижегородской ярмарке.

Этот быстрый, и абсолютный и относительный, рост оборотов Ирбитской ярмарки является показателем роста внутреннего рынка России, показателем включения во внутреннюю торговлю окраин Российской империи и пограничных с нею народов. На Ирбитскую ярмарку привозились шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные изделия московской промышленности, кожаные изделия, которыми торговали казанские татары, железные и медные изделия тульских заводов, золотые и серебряные изделия из Москвы и Петербурга, железо нижнетагильского завода Демидова, медь казенных екатеринбургских заводов, меха из Сибири и т. д. Кроме того, на Ирбитскую ярмарку привозились чай из Кяхты и товары из Средней Азии. Из этого перечня товаров видно, что Ирбитская ярмарка была тесно связана с внутренней торговлей России. Привозившиеся товары, кроме чая, мехов и среднеазиатских товаров, которые частично продавались в центральные губернии России, сбывались почти исключительно в Сибири, в приуральских городах, в горных заводах Урала, в Оренбургской губ. и в крепостях сибирской пограничной линии, где происходила торговля с казахами, киргизами и с купцами, приезжавшими из среднеазиатских ханств. Наши источники неоднократно подтверждают связь роста оборотов Ирбитской ярмарки с развивавшейся торговлей на пограничной линии¹.

Таким образом, Ирбитская ярмарка, бывшая связующим звеном между центральной Россией и Сибирью, росла чрезвычайно быстро, и этот ее быстрый рост показывает развитие товарного производства на окраинах обширной территории России, а также указывает на то, что на этих окраинах, при малочисленности городов и других мест постоянной тор-

¹ См., например, ЦИАЛ, ф. 18, 2 отд., 1 стол, оп. 4, 1832 г., д. 446, лл. 16—25; ф. 560, оп. 38, 1832 г., д. 312, лл. 63 об.—64; 1833 г., д. 327, л. 87, д. 362, л. 108.

говли, торговля развивается в своей старой привычной форме, в форме расширения ярмарочного торгога.

Пример Ирбитской ярмарки в данном случае не единичен. На основанной в 1798 г. на территории Башкирии Мензелинской ярмарке торговый оборот в конце второго десятилетия XIX в. составлял немногим более 100 тыс. руб., а в начале 50-х годов превышал миллион рублей серебром, увеличившись за три с небольшим десятка лет более чем в 9 раз. В конце 1820-х годов были учреждены ярмарки в Тифлисе¹, Аккермане², Кишиневе³. В 1832 г. была учреждена ярмарка во Внутренней казахской орде⁴. В 1844 г. была учреждена ярмарка в Тюмени.

Обращаясь к вышеприведенной таблице, мы видим, что если Ирбитская ярмарка за четыре десятилетия быстро и заметно выросла в своих оборотах, то Ростовская ярмарка показывает обратный процесс: обороты ее уменьшились в три раза с лишним. Представляется характерным падение торговли на ярмарке, которая расположена в центральной промышленной части страны. Касаясь причин сокращения оборотов указанной ярмарки, отчет Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1833 г. прямо указывает, что торговля на Ростовской ярмарке шла медленно из-за неурожая хлеба, а также потому, что торговцы находили более выгодным ездить зимним путем в Петербург и в Москву, чем на ярмарку⁵. Этот факт говорит о вытеснении в Центральном промышленном районе ярмарочной торговли постоянной торговлей крупных городов. Дело заключалось не только в сокращении оборотов Ростовской ярмарки, но и в изменении ассортимента предметов торговли на ней. По данным 1817 и 1820 гг., на Ростовской ярмарке торговали текстильными изделиями, галантерейным товаром, посудой, металлом в деле и не в деле, виноградными винами, бакалеей и проч.⁶ В начале 1850-х годов, по свидетельству, нашего источника, текстильные товары перестали быть важной статьей на ярмарке (для них, отмечает отчет, «Ростовская ярмарка никогда не важна»)⁷. На ней в это время главными предметами торговли были продукты сельского хозяйства (кожи, сало, конопляное и льняное масло и проч.) и особенно бумажная пряжа. По заявлению председателя московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов, относящемуся к 17 марта 1853 г., «главный артикул» на Ростовской ярмарке составляла красная бумажная пряжа⁸. Падение оборотов Ростовской ярмарки и изменения в ассортименте продававшихся на ней товаров представляются типичными для периода переходного от феодальных отношений к капитализму: в наиболее передовом и развитом в промышленном и торговом отношениях районе страны происходит процесс падения ярмарочного торгога в связи с развитием постоянной торговли крупных городов. В то же время ассортимент товаров на ярмарке приспособляется к промышленному развитию страны, главным товаром становится сырье для наиболее передовой в то время отрасли русской промышленности — хлопчатобумажной, которая развивалась по капиталистическому пути.

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 234, л. 19 об.

² Там же, д. 283, лл. 34 об.—35.

³ Там же, д. 249, л. 10.

⁴ Там же, д. 312, л. 61 об.

⁵ Там же, 1833 г., д. 327, л. 87 об.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 5, 1811 г., д. 3, л. 15.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, 1851 г., д. 602, л. 87 об. Отчет Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1851 г.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 4, 1853—1854 гг., д. 763, л. 17.

Обороты Нижегородской ярмарки, как видно из таблицы, за 40 с лишним лет (с 1817 по 1861 г.) выросли в 4 раза с небольшим, причем значительная часть этого роста приходится на последнее десятилетие — 1850-е годы. Как уже указывалось, Нижегородская ярмарка в своих торговых оборотах относительно росла значительно медленнее Ирбитской. Писавшие о Нижегородской ярмарке в конце 50-х и в 60-х годах XIX в. связывали это явление с тем, что на Нижегородской ярмарке сокращалась торговля азиатскими товарами и с азиатскими купцами.

Большое место в оборотах Нижегородской ярмарки в первой половине XIX в. занимал чай. Были даже такие моменты, когда торговлей чаем определялась вообще вся торговля на ярмарке. Но к концу дореформенной эпохи положение изменилось. В связи с развитием русской промышленности на Нижегородской ярмарке все в большем количестве появляются промышленные изделия, главным образом текстильные и металлические. Хотя чай на протяжении всей первой половины XIX в. занимал значительное место в оборотах ярмарки (свыше 12%, например, в 1850 г.), однако в то же время металлических изделий и металлов было продано около 14% всей продажи, хлопчатобумажных тканей — свыше 14%, остальных текстильных изделий — свыше 12%. Отсюда видно, что к концу дореформенной эпохи изделия русской промышленности занимали первое место в оборотах Нижегородской ярмарки, которая стала, таким образом, центром внутренней, а не внешней азиатской торговли¹.

Как мы уже отмечали, обороты Нижегородской ярмарки росли относительно не так быстро, особенно в сравнении с Ирбитской ярмаркой. Однако Нижегородская ярмарка сохраняла первое место среди других пунктов ярмарочной торговли и попрежнему оставалась центром всероссийского торгога. Обороты Нижегородской ярмарки стали быстрее расти в конце 50-х и еще быстрее — в 60-х годах XIX в. Рассмотрение причин этого роста, связанного с новыми явлениями в русской экономике в связи с реформой 1861 г., не входит в задачи настоящей статьи. Но необходимо отметить, что сохранение за Нижегородской ярмаркой значения центра всероссийской торговли сопровождалось изменением характера и формы ярмарочных торговых сделок. Один из современников дал такую характеристику Нижегородской ярмарки: «Значение ярмарки как биржи и коммерческого средоточия можно назвать преобладающим как в области всей нашей внутренней торговли..., так и в азиатской торговле... На ярмарку приезжает множество торговцев, и даже многие знатнейшие без всякого товара, единственно для расчетов, как обыкновенно выражаются... В этом отношении Нижегородская ярмарка представляет особенные удобства, так как здесь производятся расчеты и за множеством других ярмарок и операций, происходивших помимо ее...; за одним обедом или чаем принимаются важнейшие решения, заключаются миллионные сделки, которых самое выполнение будет вовсе не на ярмарке, а у себя дома или всего скорее в Москве»². Такая характеристика Нижегородской ярмарки как биржи относится к середине 1860-х годов. Однако эти черты характера Нижегородской ярмарки были заметны и раньше. Автор описания Нижегородской ярмарки в конце 50-х годов обращал внимание на то, что иногда, при отсутствии товара на ярмарке или при

¹ М. К. Рожков а. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия, М.—Л., 1949, стр. 348—349; Годовой отчет Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1852 г. (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 616, лл. 77—78).

² В. П. Безобразов. Очерки Нижегородской ярмарки, М., 1866, стр. 16—17.

наличии его в небольшом количестве, сделки совершались по одним образцам. В таких случаях заключались договоры о поставке товара в определенное место (например, в Москву или на другую ярмарку) и к определенному сроку. «Высшее значение Нижегородской ярмарки,— писал упомянутый анонимный автор,— определяется как неимоверною массою привозимых туда сырых материалов и разных продуктов, так, еще более, обширностью личных сделок и соглашений. В этом отношении она заслуживает вполне названия общенародного торгового конгресса»¹. Таким образом, Нижегородская ярмарка еще до реформы 1861 г. приобретала вид скорее биржи, чем ярмарки. Этот ее новый характер, несомненно, связан с ростом капиталистических отношений в стране, при развитии которых ярмарки должны были отмирать и заменяться сосредоточением торговли в местах постоянной продажи.

В нашем распоряжении не имеется прямых данных обобщающего характера о размерах оборотов внутренней торговли в целом и постоянной торговле складов, магазинов, лавок и т. п. в городах и поселениях сельского типа. Поэтому нет возможности установить хотя бы приблизительное соотношение между ярмарочной и постоянной торговлей. Для того чтобы показать, что ярмарочная торговля накануне реформы 1861 г. не была преобладающей формой торговли, приходится прибегать к косвенным данным и к отдельным сравнениям. Можно, например, привести такой факт: на Нижегородской ярмарке 1852 г. было продано, по официальным данным, на 57 млн. руб. разных товаров. А в Москве в конце 1840-х годов ежегодная продажа превышала 60 млн. руб. Таким образом, Москва, бывшая центром постоянной торговли, не уступала в своих торговых оборотах крупнейшей ярмарке России². Падение торговли некоторыми товарами на Нижегородской ярмарке в связи с ростом постоянной торговли видно из следующих примеров: в 1852 г. из 4½ млн. пуд. железа 1700 тыс. пуд. были куплены на судах еще до выгрузки³; на Нижегородскую ярмарку этого же года было привезено бухарской марены до 13 тыс. пуд. и бакинской и дербентской — до 60 тыс. пуд., т. е. в общей сложности 73 тыс. пуд. В то же время, минуя Нижегородскую ярмарку, прямо в Москву, Юрьев, Александров, в село Иваново, т. е. в центры текстильной промышленности России, было привезено до 40 тыс. пуд. марены, т. е. больше половины ее количества, привезенного на Нижегородскую ярмарку⁴. С конца 1840-х годов замечался упадок торговли на Нижегородской ярмарке льняными и пеньковыми изделиями. В своем докладе Николаю I в 1853 г. министр финансов объяснял это явление закупкой холстов на местах их производства⁵. В 1861 г. было отмечено уменьшение привоза металлов на Нижегородскую ярмарку. Причиной этого явления Департамент мануфактур и внутренней торговли считал то обстоятельство, что 200 тыс. пуд. железа еще весною были отправлены в Саратов, Астрахань и Ростов⁶. На Нижегородской ярмарке этого же 1861 г. было сбыто немного более половины привезенной кавказской марены, а остальные 70 тыс. пуд. были отправлены в Москву⁷. В 1862 г., когда, в связи с гражданской войной в Соединенных Штатах Америки,

¹ Очерки Нижегородской ярмарки, 1858, стр. 29—34.

² История Москвы, т. III, стр. 262.

³ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, 1850—1855 гг., д. 14, лл. 255 об.—256

⁴ Там же, лл. 258 об.—259.

⁵ Там же, лл. 326 об.—327.

⁶ Там же, 1861—1864 гг., д. 16, л. 95 об. По другим данным, сумма отправленного в указанные города железа составляла 900 тыс. пуд. (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 739, л. 145).

⁷ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, 1861—1864 гг., д. 16, л. 100.

пришлось сильно увеличить привоз хлопка из Средней Азии, его было привезено на Нижегородскую ярмарку оренбургскими и бухарскими купцами 125 тыс. пуд. В этом же году московские фабриканты и татарские купцы купили хлопка на границе Оренбургской губ. более 100 тыс. пуд.¹ Из приведенных примеров видно, что значительная часть товаров (сырья и полуфабрикатов) сбывалась помимо Нижегородской ярмарки, причем этот сбыт часто был связан с Москвой, центром постоянной внутренней торговли.

На Нижегородской ярмарке преимущественно продавались промышленные изделия. Выше было указано на неточность данных о ярмарочной торговле. Поэтому абсолютные данные о торговле промышленными изделиями не могут дать нам вполне удовлетворительного представления о размерах торговли на ярмарке этого рода товарами. Но постоянные, следующие из года в год соотношения продажи на ярмарке изделий и сырья убеждают нас в преобладании торговли промышленными изделиями. Так, например, на ярмарке 1852 г. продажа хлопчатобумажных изделий, кож и кожаных изделий, золотых и серебряных изделий, железа, меди, чугуна и изделий из них составляла около 65% всех проданных на ярмарке русских товаров². В 1860 г. этот показатель составил 67,5%³.

Продукты сельского хозяйства в подавляющем большинстве продавались вне ярмарки. Так, например, хлебная торговля на ярмарке, по словам П. Мельникова, специально исследовавшего Нижегородскую ярмарку в 40-х годах XIX в., имела к ярмарке мало отношения, в особенности в сравнении с хлебной торговлей пристаней в Лыскове, Моршанске, не говоря о Рыбинске, где одних холщевых мешков для хлеба привозилось на 380 тыс. руб. асс.⁴ В отношении Нижегородской ярмарки в 1840-х годах наблюдалось, по словам Мельникова, значительное уменьшение хлебной торговли⁵. И другие свидетельства подтверждают второстепенное значение хлебной торговли на Нижегородской ярмарке. Так, например, в своем «всеподданнейшем» докладе в 1852 г. министр финансов, отмечая сравнительное обилие продажного хлеба в этом году на ярмарке, писал: «Обыкновенно же хлебная торговля на Нижегородской ярмарке бывает незначительна и не имеет никакого влияния на ярмарочные дела»⁶. Также и в докладе 1857 г. отмечено, что «хлеб не составляет собственно предмета ярмарочного торга»⁷. Незначительна была на Нижегородской ярмарке и торговля мясом, скотом, салом, которые оптовые торговцы закупали непосредственно на заводах, льном, пенькой, которые покупались не на ярмарке, а «в другое удобнеее время»⁸. Говоря о торговле на ярмарке сельскохозяйственными произведениями, П. Мельников отмечал, что не все они привозятся в ярмарочное время и что «процесс передачи их из низовых городов в верховые» «в настоящее время далеко

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, 1862 г., д. 761, лл. 115 об.—116.

² Там же, 1852 г., д. 616, лл. 77—78. Указанный принцип расчета не вполне точен, так как в нашем источнике (годовом отчете Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1852 г.) нельзя отделить металлов от изделий из них и кож от кожаных изделий. Таким образом, процент изделий у нас несколько преувеличен. Но можно думать, что это преувеличение уравнивается тем, что товары, входящие в графу москательных, аптекарских, бакалейных и разных, зачислены нами в разряд сырья.

³ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, 1856—1860 гг., д. 15, лл. 379—380.

⁴ П. Мельников. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах, Нижний Новгород, 1846, стр. 66—67.

⁵ Там же, стр. 67—68.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, 1850—1855 гг., д. 14, л. 256 об.

⁷ Там же, 1856—1860 гг., д. 15, л. 141 об.

⁸ П. Мельников. Указ. соч., стр. 83, 97, 98, 111.

не может сравниться с процессом подобного рода, производимым в Рыбинске»¹.

Не только на Нижегородской, но и на других ярмарках хлеб, повидому, не составлял основного предмета торговли не только в первых десятилетиях XIX в., о чем было сказано выше, но и в последующее время. Так, например, в 1830-х годах продажа хлеба на Нижегородской ярмарке составляла 3—4% всего сбыта, на Коренной ярмарке привоз хлеба в это время не достигал и одного процента всего привоза; так же как и в более раннее время, на Тамбовскую ярмарку привозилось немного хлеба, всего до половины процента суммы привоза; больше других в отношении хлебной торговли выделялись в 1830-х годах ярмарки в Лебедяни, но и здесь хлеб составлял максимум 10—11% всех привозимых товаров².

С точки зрения соотношения постоянной и ярмарочной торговли представляют специальный интерес данные о Киевской ярмарке. Обороты этой ярмарки в конце 40-х и начале 50-х годов в общем увеличиваются, но с колебаниями. В то же время заметное место в торговле Киева занимает постоянная оптовая торговля бакалейными товарами, железными изделиями и т. п. Эта оптовая торговля во время ярмарочных торгов составляла за отдельные годы треть, половину и больше ярмарочного сбыта. Отмечая это явление в 1849 г., составитель годового отчета Департамента мануфактур обращал внимание на то, что указанное явление «говорит в пользу развития постоянной торговли»³.

Это же явление заметно и при изучении других украинских ярмарок. Автор топографического описания Харьковского наместничества в 1789 г. писал, что ярмарки на Украине «останавливают в городах течение всегдашней торговли», подрывают «законную» торговлю жителей городов, «исторгают из городов существующую их душу»⁴. Из этих слов ясно, что в конце XVIII в. торговля на Украине существовала преимущественно в форме ярмарок. Из приведенных выше данных о ярмарочной торговле в 1817—1820 гг. видно, что на украинских ярмарках в это время происходила торговля как промышленными изделиями Центрального района, так и произведениями сельского хозяйства Украины. Со временем положение меняется: в середине 50-х годов XIX в. привоз товаров из центра России на украинские ярмарки превышает вывоз товаров с ярмарок во внутренние губернии России. Это явление объясняется, среди других причин, тем, что торговля произведениями сельского хозяйства Украины (табаком, скотом, салом) совершалась вне ярмарок⁵.

Свекловичный сахар, один из важнейших продуктов украинской промышленности последних предреформенных десятилетий, продавался в своей подавляющей части на Киевской контрактной ярмарке. Но продажа здесь носила характер биржевых сделок⁶. Таким образом, и этот продукт нельзя причислить к предметам ярмарочной торговли в собственном смысле слова.

Переход ярмарочной торговли в постоянную отчетливо рисуется при изучении торговли отдельных городов Украины. В Харькове, например,

¹ П. Мельников. Указ. соч., стр. 2.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, 1838 г., д. 410, л. 120; 1850 г., д. 588, лл. 108—110; ф. 18, 2 отд., 1 стол. оп. 4, 1834 г., д. 477.

³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, 1849 г., д. 574, л. 126 об.

⁴ Цит. по кн.: И. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках, СПб., 1858, стр. 5, 8.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, 1862 г., д. 761, л. 160; I. О. Гуржій. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954, стр. 191—192.

оптовые лавки — железные, бакалейные, пушные, рыбные, с золотыми и серебряными вещами, торговавшие раньше три месяца в году, перестали запирались и в другие месяцы. Иногородние купцы, торговавшие раньше в Харькове только во время ярмарок, стали торговать в городе в течение целого года. Это отразилось и на оборотах харьковских ярмарок, которые с 1817 по 1861 г. выросли только на 32% (см. таблицу на стр. 307)¹. Введенская ярмарка в г. Сумах заметно падала, в то время как город Сумы в качестве торгового центра рос и развивался².

К упадку клонилась и Коренная ярмарка. Как видно из таблицы на стр. 307, ее обороты за 40 лет с лишним увеличились здесь меньше, чем в 3 раза. По словам известного исследователя украинских ярмарок И. С. Аксакова, «Москва завела всюду непосредственные сношения с производителями товаров на самых местах производства, минуя посредничество Коренной ярмарки»³. В то же время торговля в Курске росла и, по словам того же И. Аксакова, принимала «правильный ход, так сказать оседлый»⁴.

Эта «оседлость» торговли отражалась и на составе торгующих купцов. Выше было отмечено, что на крупных ярмарках в значительном количестве торговало иногороднее купечество. Эти иногородние купцы торгуя по несколько десятков лет сряду на ярмарках, записывались в местное купечество. Примеры этому приводит И. Аксаков, называя ряд харьковских купцов, которые, происходя из городов центральных губерний России и торгуя на ярмарках Харькова, со временем записывались в харьковские купцы⁵.

Как можно было заметить в ходе изложения, основная торговля на крупных ярмарках заключалась по преимуществу в продаже привозившихся промышленных изделий. Торговля продуктами сельского хозяйства имела ясно выраженную тенденцию к сбыту помимо ярмарок. И. Аксаков даже считал, что торговля на Украине приобрела бы постоянный характер, если бы «крайняя необходимость сбыта для производителей красных товаров не заставляла их искать постоянно новых рынков...»⁶.

Но и торговля промышленными изделиями на ярмарках имела тенденцию к сокращению в связи с ростом постоянной торговли. По крайней мере, нам известны отдельные такие случаи. По словам чиновника Министерства финансов Самойлова, сокращение продажи хлопчатобумажных изделий средних сортов, железных и скобяных товаров, «суздалского» товара (пестряди, чешуйки, тика, «фламского» полотна и других «холщевых» изделий) на Крещенской ярмарке в Харькове в 1832 г. объяснялось среди других причин и «прямыми с некоторого времени кишиневских и тираспольских торговцев сношениями с Москвою, куда они обращаются с своими заказами и закупками независимо от украинских ярмарок»⁷.

* * *

Изученный материал по истории ярмарочной торговли показывает, что в первой половине XIX в., когда наступил кризис феодальной формации, этот кризис отразился и на внутренней торговле России. В организацион-

¹ И. Аксаков. Указ. соч., стр. 19—20, 54.

² Там же, стр. 14, 149.

³ Там же, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 130.

⁵ Там же, стр. 54—55.

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 18, 2 отд., 1 стол, оп. 4, 1832 г., д. 446, л. 2.

ных ее формах нашли отражение капиталистические тенденции в социально-экономическом развитии страны, пробивавшиеся сквозь господствовавшие еще отношения феодальные. С одной стороны, рамки внутреннего рынка расширялись, росла связь центра страны с ее окраинами. При этом торговля на окраинах, более отсталых в социально-экономическом отношении, развивалась и росла в форме ярмарок. С другой стороны, ярмарочная торговля в центре страны и в ее более развитых районах постепенно уступала место постоянной торговле, т. е. форме, свойственной отношениям капитализма.

П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

ДВИЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1842—1844 гг.

Кризис феодально-крепостнической системы в предреформенные десятилетия сказывался в государственной деревне с неменьшей силой, чем в деревне помещичьей. Показателями необычайной остроты положения были два ряда явлений: непрерывные поиски реформ управления государственной деревней с целью смягчения кризиса — со стороны правительственного лагеря и нараставшая борьба за свое действительное освобождение — со стороны массы государственных крестьян. Реформа 1837—1841 гг., как это с большой полнотой и ясностью показано в монографии Н. М. Дружинина, явилась одним из эпизодов борьбы двух непримиримых классовых тенденций. Правительственные мероприятия, разработанные министром государственных имуществ П. Д. Киселевым, усиливали полицейско-административную власть дворянского государства в казенной деревне и не только не облегчали жизнь крестьян, но, наоборот, еще больше стесняли ее в различных отношениях, хотя законодатель в некоторых частных моментах вынужден был считаться с коренными изменениями, происшедшими в социально-экономической сфере.

Непосредственной предпосылкой реформы 1837—1841 гг. были крупные выступления крестьян предшествовавших годов¹; ответом на введение новых порядков явились не менее сильные крестьянские протесты в ряде губерний в 1841—1844 гг. Реакция крестьян на мероприятия Киселева показывала, что их инициатору не удалось скрыть от народа реакционную, крепостническую сущность реформы. В жандармском отчете царю за 1842 год довольно откровенно говорилось о причинах, заставлявших государственных крестьян активно протестовать против новых порядков. Здесь указывалось на чрезвычайное расширение бюрократического аппарата управления, в силу чего выросли незаконные поборы с крестьян и еще больше затруднялись для них пути «поисков правды»².

Движение государственных крестьян 1841—1844 гг. известно в литературе под именем крестьянских «картофельных бунтов». Исследователь этого движения в Вятском крае, на Урале и в Поволжье С. В. Токарев³ показал прямую связь «картофельных бунтов» с проведением в жизнь реформы Киселева: они явились ответной реакцией крестьян казенной деревни на правительственные мероприятия.

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 207—244.

² Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I, М., 1931, стр. 53.

³ С. В. Токарев. Крестьянские «картофельные бунты» в России в 40-х годах XIX в., Киров, 1939.

В своих критических замечаниях на эту книгу С. В. Токарева Н. М. Дружинин справедливо указал, что она не охватывает всего фактического материала, относящегося к теме исследования, и, в частности, обходит крупные волнения начала 1840-х годов в Вологодской и Тамбовской губерниях¹. В данной статье рассматривается движение крестьян в Борисоглебском уезде Тамбовской губ. на материалах следственного дела из архивного фонда III Отделения². Движение это входит в серию первых крестьянских протестов против киселевской реформы, или «картофельных бунтов» по устаревшей терминологии.

В используемых документах слабо выявлены предпосылки и непосредственные причины движения; все эти документы, разумеется, составлены с позиций, классово-враждебных восставшему крестьянству, почему требуют к себе сугубо критического отношения; недостатком их является также обычное для такого рода исторических источников отсутствие достаточных сведений о взаимоотношениях крестьян между собою и их дифференцированной характеристики.

Несмотря на указанные существенные недостатки используемого документального материала, он все же представляет значительную научно-историческую ценность. В нем в подробностях запечатлен ход событий, отмечены попытки крестьян, в меру их возможности, организовать свои силы, очерчено отношение крестьян к властям, и, в частности, к властям, поставленным в соответствии с реформой П. Д. Киселева.

В документах изучаемого следственного дела ярко запечатлелись слабые и сильные стороны крестьянского движения предреформенного времени. В частности, в этих документах имеется материал к решению интересного, но мало изученного вопроса о влиянии приверженцев антицерковного преследуемого вероучения на ход освободительной борьбы крестьян в феодально-крепостническую эпоху. Движение крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губ. было, несомненно, типичным для целого ряда аналогичных выступлений, и потому его конкретное изучение в какой-то мере будет содействовать уточнению наших представлений о таком важном и сложном общественном явлении, как массовое крестьянское движение в предреформенную эпоху.

* * *

Земледельческое население Тамбовской губ. давно и прочно было связано с рынком; вместе с тем там широко были развиты крестьянские промыслы, и в этом отношении Тамбовская губ. обгоняла многие другие губернии, принадлежавшие, как и она, к центрально-черноземному району³. На этой почве в ней происходило довольно интенсивное расслоение крестьян государственной деревни. Но процесс этот был неравномерен в различных частях губернии: средние и центральные уезды гораздо больше были связаны с рынком, нежели южные уезды и в их числе наиболее южный из них — Борисоглебский уезд, где происходило изучаемое движение государственных крестьян. Село Козловка — центр антикрепостнического движения — находилось поблизости от южной границы губернии, в районе почти исключительно земледельческом, с относительно замедленным процессом экономического развития.

¹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 15.

² ЦГИАМ, ф. 4-й экспедиции III Отделения, 1844 г., д. 104.

³ Характеристику экономического положения государственных крестьян Тамбовской губ. перед реформой П. Д. Киселева см.: Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 408—416.

Движение крестьян села Козловки длилось почти два года. Самые значительные события имели место в начале 1844 г., все предшествовавшее, происходившее с начала 1842 по конец 1843 г., следует рассматривать как подготовительный период, хотя и он был наполнен не только скрытой борьбой, но и непосредственными активными выступлениями крестьян против чиновников.

Обострение положения в Тамбовской губ. к началу 1840-х годов непосредственно было вызвано тяжелыми последствиями неурожая, имевших место в течение нескольких лет. В связи с недородом царское правительство было вынуждено убавить очередные подати, но этой льготой поспешили воспользоваться местные власти.

Чиновники, расследовавшие дело после подавления движения, должны были признать, что власти запутали расчеты крестьянских платежей и скрыли их от крестьян, а потому последние имели все основания считать себя несправедливо обчитанными. Темные махинации чиновников со сбором податей за первую половину 1841 г., которые были «всемилоостивейшим» манифестом убавлены, и за последующие годы не могли не возмутить крестьян, так же как и исчезновение денежной суммы за отданную ими еще в 1835 г. в аренду двум купцам землю. Сознание своей полной правоты и давняя ненависть к чиновникам поддерживали крестьян в их неравной борьбе, делали их протест упорным до предела и стимулировали идти на всякие лишения и риск, лишь бы добиться правды. Характер действий крестьян в сильнейшей мере определялся их глубокой верой в правду «наверху», у царя и его ближайшего окружения; надо было, думали они, лишь пробиться через бюрократические преграды, найти «верный ход» к царю, чтобы сообщить ему о незаконных поборах и о безобразном поведении местных властей, от волостных голов до управляющего палатой государственных имуществ.

В действиях восставших крестьян села Козловки и прежде всего возглавлявших их влиятельных лиц постоянно сказывалось тяготение к сохранению «легальной» формы выступления. Их требования сводились к тому, как им казалось, вполне законному пожеланию, чтобы местные начальники не препятствовали им обратиться в Петербург, в высшие правительственные инстанции с жалобой; затем, чтобы до рассмотрения их жалобы и ответа на нее (крестьяне были абсолютно уверены в положительном ответе) поборы не производились, а ходоки в Петербург и их сотоварищи по организации дела не подвергались бы никаким репрессиям.

За все время конфликта крестьяне подали несколько жалоб в Петербург и Тамбов, куда их неизменно доставлял один ходок, имевший огромное влияние на крестьян,—предводитель и инициатор их борьбы крестьянин Василий Попов; его ближайшими сподвижниками были Павел Исаевич Панферов и другие лица. Вся эта группа руководителей движения местным причтом и чиновниками уличалась в принадлежности к молоканской «ереси». «Причина и начало неповиновения крестьян...,—доносил гражданский губернатор из Тамбова,—заключается в подстрекательстве их к сему крестьянином Поповым и сообщниками его молоканами».

Постоянный сподвижник Попова Павел Панферов всегда и неизменно в документах называется «молоканом»; очевидно, он был уже всем известным приверженцем «ереси». Другие лица из руководителей крестьян иногда именуется единомышленниками молокан, а иногда некоторые из них «уличаются» и в переходе в эту антицерковную организацию. В последнем донесении сельские церковники сообщали, что «первый воз-

мутитель крестьян Василий Попов с некоторого времени придерживается молоканства».

В одном лишь 1842 г. Василий Попов от имени крестьян подал четыре прошения: окружному начальнику, в Тамбовскую палату государственных имуществ, тамбовскому гражданскому губернатору и министру государственных имуществ. Для различных хлопот и для поездки в Петербург он взял 50 руб. из общественных денег и, кроме того, собрал с помощью двух крестьян, активных его помощников и видных участников последующих событий, Игната Хныкина и Григория Сухарева, по 10 коп. с каждой «души». Подготовительные мероприятия Попов проводил не только в Козловке, но и в окрестных селениях, и везде он внушал крестьянам, чтобы они не платили незаконно с них требуемых податей, заверяя, что последние будут с них сложены.

Агитация Попова не прошла бесследно: приехавший на место для расследования дела помощник окружного начальника был так встречен в селе, что должен был поспешно бежать от преследовавшей его толпы. В ответ на эти действия крестьян становой пристав арестовал Хныкина и хотел захватить вернувшегося из Петербурга Попова, для чего послал семерых солдат. На сельской улице 2 июня 1842 г. разгорелось побоище. Крестьяне успешно заступились за своего ходатая и не дали арестовать Попова. Волостной голова Духанин был сброшен в реку, а солдаты избиты. У одного из них сам Василий Попов отбил приказ пристава о своем аресте. Очевидно, Попов захват этого «трофея» считал существенным: в разгар драки он поручил своей дочери Марье снести бумагу домой и спрятать ее там. Дочь Попова после выполнения этого поручения активно участвовала в побоище: это именно она отбила своего отца от схватившего его солдата; ей удалось даже, как говорилось в донесении, отнять при этом у солдата ружье. Василию Попову в столкновении с полицией помогали также его брат и сын.

В происшествии 2 июня проявилось одно обстоятельство, проходящее через все последующие эпизоды крестьянского сопротивления, а именно то, что церковники села Козловки открыто действовали против крестьян, боровшихся за свое справедливое дело, и помогали полиции. Прибежавшие на помощь Попову 27 крестьян хотели ударить в церковный колокол, чтобы созвать людей не только из села Козловки, но и из соседних деревень. Однако крестьяне были «удержаны» от этого священником, «за что они его ругали».

Весьма существенной чертой выступления крестьян села Козловки была их относительная организованность, поразившая губернатора и другие местные власти. Расправляясь с представителями местной администрации, поставленными или утвержденными свыше по правилам бюрократической системы, и отказываясь им повиноваться, восставшие крестьяне вместе с тем ставили избранных ими лиц на освободившиеся места, причем считали эти свои действия вполне законными. Когда во время схватки 2 июня 1842 г. волостной голова просил у крестьян помощи, те ему ответили, что не он, а Попов над ними начальник. Попов, избивая сельского старшину, говорил при этом, что «ненадобно им старшину подлеца, у него есть свой старшина, что он сам окружной становой, и его никто взять не может, кроме губернатора».

Со времени первого описанного выше открытого выступления крестьян в селе собирались постоянные сходы как главный орган сельского управления; по крайней мере, они с этого времени делаются известны по материалам дела. 5 июня на одном из таких собраний Василий Попов, Григорий Сухарев и «молокан» Ефим Панферов заявили, «что они сами

начальники», и требовали от старшины, чтобы тот добился освобождения все еще находившегося под арестом Хныкина. От расправы с не желавшим выполнять волю крестьян старшиной его спас дьячок, который взял старшину к себе в дом. Таким образом, опять представитель церковного причта оказался на стороне, противостоявшей крестьянской массе. Но с дьячком восставшие не церемонились: они осаждали его дом, пытаясь извлечь оттуда старшину, пока на помощь дьячку не явился священник. Несмотря, однако, на протесты священника, систематические сходки крестьян у церкви не прекращались, и Попов на них «читал какие-то бумаги и тем приводил крестьян к неповиновению».

По всей видимости, на общих сходках и на более узких совещаниях инициативной группы подготавливалось новое ходатайство, которое в июле 1842 г. было подано опять тем же Поповым в Тамбове в палату государственных имуществ. К тому времени крестьяне села Козловки уже успели продемонстрировать свою сплоченность и готовность к решительным действиям. Это определило отношение местных властей к ходоку; они боялись тронуть Василия Попова и почти беспрепятственно отпустили его обратно в село. Попов был отдан под надзор сельского начальства, но эта мера могла иметь лишь формальное значение, так как все «сельское начальство», неоднократно жестоко избитое крестьянами, давно уже трепетало перед ними.

После одного из столкновений со старшиной на большом сходе последний был изгнан из «расправы», отстранен от должности, и на его место самими крестьянами был избран другой старшина — крестьянин Чермошенцев. Столкновение это непосредственно было вызвано открытой агитацией Попова против посадки картофеля крестьянами. Смена старшин была соответствующим образом оформлена — о случившемся составили приговор. В расправной избе новая сельская администрация намеревалась полностью взять на себя все функции сельского управления. Крестьяне требовали от прежнего старшины, чтобы он отдал им «должностную печать», но получить ее им так и не удалось. В составлении приговора и чтении каких-то бумаг активно участвовал наряду с другими также молоканин Лысиков. Это все произошло в сентябре 1842 г. Как видим, власть в селе все прочнее переходила в руки крестьян.

За время с конца 1842 г. по конец 1843 г. Василий Попов дважды побывал в Петербурге и подавал жалобу на местные власти, обвиняя их в незаконных поборах. Несокрушимым авторитетом, видимо, пользовался этот крестьянин у своих односельчан и жителей окрестных деревень — каждая его поездка в Петербург стоила больших денег, и крестьяне их давали, веря в рассказы Попова о каких-то надежных и прямых его связях с кругами высшей бюрократии в Петербурге.

Из первой поездки Попов приехал с какими-то бумагами и читал их сам крестьянам, после того как священник отказался сделать это в церкви. Про привезенные им бумаги Попов говорил народу, «что оные от царя». Чтобы закрепить свой успех и добиться для себя неприкосновенности от местных властей, Попов в июне 1843 г. отвез в Петербург вторую бумагу и уверял затем своих односельчан, что ему удалось передать ее самому наследнику престола. Все же Попову и после этого приходилось скрываться; тем не менее вера в «добрую волю царя» у него и у его слушателей была неистребима. Посещавшим его в месте укрытия Попов говорил, «что дело царь делает в их пользу и что ожидает приезда чиновника».

В начале 1844 г. правительственные власти сделали несколько безуспешных попыток захватить Попова. Для увеличения своих сил поли-

ция вербовала из крестьян окрестных селений понятых, но они мало помогали делу, а часть из них переходила на сторону волнующихся крестьян.

И другая сторона — восставшие крестьяне — готовилась к решительному столкновению. Регулярные сходы не прекращались. Избранный крестьянами новый старшина Филипп Попов со своими подручными приняли на себя все функции управления селом. В частности, они выдавали крестьянам паспорта, когда те нуждались в уходе из деревни; так было, например, с самим Василием Поповым, несмотря на его нелегальное положение в селе. Нерешительность администрации и твердая уверенность в успехе дела, которую Василию Попову удалось внушить крестьянам, делали их все смелее. Они арестовали заседателя волостного правления — голову и отправили послание в две расправы, приглашая прислать делегатов для выбора нового головы. При этом Василий Попов, как сообщают данные следственной комиссии, «с азартом кричал, что он пойдет и доложит... царю о том, что дело, по коему он хлопочет, останавливается».

Решающие события произошли за короткий промежуток времени между 19 и 25 февраля 1844 г.

Избиение и арест головы, побои, нанесенные крестьянами другим лицам из волостного правления, были предлогом для решительных действий против крестьян. 19 февраля 1844 г. в Козловку явился становой пристав и, грозя крестьянам строгой карой, потребовал от них освобождения головы и выдачи Василия Попова. Требование это было безрезультатным, оно лишь еще больше возбудило крестьян. Гражданский губернатор сообщал, что к становому приставу и сопровождавшим его лицам приблизилась огромная толпа крестьян, которая исчислялась более чем в 600 человек. Крестьяне шли под предводительством Василия Попова, вооруженные кольями, дубинами и «рогачами», и кричали, «что головы не отпустят, а Попова не отдадут».

21 февраля для усмирения крестьян явился в село земский исправник с инвалидной командой в 16 человек. Произошло побоище, из которого крестьяне вышли победителями. Исправник распорядился было захватить Панферова, заменившего уехавшего из села (как говорили крестьяне) или укрывающегося Василия Попова. В ответ на это крестьяне ударили в набат, чтобы собрать свои силы. Они энергично действовали дубинками, отнимали у солдат ружья, избивали сопротивляющихся. Сильно досталось и самому исправнику. В числе активно действовавших крестьян были и женщины. Уже знакомая нам Мария Попова опять отняла у солдата ружье. Команда исправника, видимо, вела себя не очень энергично; интересно, что часть солдат во время столкновения перешла на сторону восставших. Как сообщала комиссия, расследовавшая происшествие, военная команда «с помощью понятых едва могла отражать ружьями удары от дубин и кольев, наносимые им крестьянами, которые провозжали их оними чрез все село; а народ кричал при том: бей их до смерти! В это время у команды попортили кольями 11 ружей и у некоторых отломали штыки, отбили 3 ружья и захватили двух рядовых». Гражданский же губернатор сообщал, что крестьяне «удержали» у себя четырех человек из воинской команды в качестве пленных. Эти «удержанные» солдаты едва ли не по своей воле перешли на сторону крестьян, тем более что среди последних, как это будет видно из дальнейшего, очень активно действовало несколько отставных военных.

Когда позднее к мятежному селу стали подходить значительные воинские силы, то они не застали крестьян врасплох. После столкновения

с земским исправником и командой инвалидов на улицах села, как рассказывает записка комиссии, днем и ночью «азартно» ходили вооруженные дубинками патрули. Караулы были расставлены старшиной также и на подступах к деревне, чтобы они во-время могли дать знать в село, когда появятся солдаты.

Восставшие много внимания уделили вопросу о том, как в нужный момент быстро и в возможно большем количестве собрать свои силы. Очевидно, крестьяне уже сломали сопротивление церковников и использовали церковный колокол как средство для подачи сигнала к сбору. Но этого было недостаточно: следовало не только обеспечить явку жителей своего села, но и подготовить поддержку крестьян из окрестных селений. Мало того — восставшие задались целью насильственным путем обеспечить себе помощь и со стороны крестьян, отказавшихся добровольно поддерживать протест своих односельчан.

Для активизации крестьян окружающих селений предводители движения в селе Козловке обратились с посланием в три расправы о присылке для помощи им по 25 человек из каждого селения. Но это воззвание не имело никакого результата: подкрепления не были присланы, и движение в Козловке оказалось совершенно изолированным.

В отношении другого мероприятия, мобилизации всего взрослого населения села, восставшие, повидимому, добились большего успеха. «Не участвовавшие в действиях их жители находились в большом страхе», — доносила полиция. В течение длительного времени, до решительного столкновения крестьян с правительственными войсками, сходы стали происходить ежедневно. Повидимому, эти сходы созывались не только для разрешения очередных дел, но и в целях мобилизации всех сил деревни для встречи с правительственными войсками. Документы сообщают любопытные подробности того, как главари движения установили контроль над явкой крестьян на сходы. Они прежде всего запретили всем выезжать из села. Затем каждому обязанному явиться на сход были вручены бумажки с надписью: «Весьма нужно». Явившийся должен был лично отдать эту бумажку старшине, и тот таким путем мог установить неявившихся.

Перед самым приездом губернатора, как сообщает в своей записке комиссия, «было повешено: ежели ударят в набат, то старшина велел жителям бежать на сход с дубинками, цепами и с чем попало, кто же ослушается того, — гнать насильно... Некоторыедесятники показывают, что они, по приказанию старшин, выгоняли людей на сход с палками и дубинками, угрожая, что кто не выйдет, — будет бит». На этом сходе было оповещено, что «буде станут их теснить», то тогда ударят в набат, и все должны будут незамедлительно явиться. В донесении губернатора имеется интересное уточнение правила явки на сход. На одной части указанных записок было написано: «нужное», на другой — «весьма нужное», «из коих первые означали дубину, а вторые — пику, с которыми обыватели обязывались встретить команду». Судя по многочисленности людей, действовавших в решающий момент движения, все эти подготовительные меры не прошли даром.

После расправы крестьян с земским исправником губернатор начал засылать к мятежному селу войска. Прежде всего туда были посланы две роты Тамбовского внутреннего гарнизонного батальона:

Утром 25 февраля 1844 г. к селу подъехал тамбовский гражданский губернатор в сопровождении управляющего палатой государственных имуществ, уездного предводителя дворянства и жандармских чинов. Движение крестьян села Козловки переполошило всю правящую вер-

хушку губернии и уезда. Как водится, губернатор начал с «мирных» предложений. Через жандармского штаб-офицера было объявлено «бунтовщикам», что в случае их покорности и повиновения их законные требования будут удовлетворены. «В ответ на это,— доносил губернатор,— они ударили в набат, вместо раскаяния бунтовщики бросились с криком «ура» на меня и стоявшую вблизи роту». Первый натиск крестьян, по признанию губернатора, был так силен, что им удалось «неожиданным и смелым напором» сместить первые ряды солдат. Наличные силы восставших были расставлены по определенному тактическому замыслу. Крестьяне вполне разумно не захотели сразу же обнаруживать все свои силы, а в нужный момент, когда правительственное войско дрогнуло и смешалось, из улиц и переулков внезапно помчались «вооруженные дубинками и другими орудиями, бегущие на помощь бунтовщикам толпы».

Сила сопротивления крестьян и их решительность поразили губернатора; он описал действия восставших в выражениях явно преувеличенных, но все же, повидимому, близко передающих характер действий крестьян. «Ожесточение бунтовщиков было невероятно,— говорилось в его рапорте,— проколотые штыками и пробитые пулями, они все еще били солдат дубинами». За все время столкновения над селом гудел набат.

Вооруженные главным образом лишь дубинами, кольями, рогатиной и тому подобным оружием, восставшие крестьяне, естественно, не могли тягаться с правительственными войсками. В результате столкновения потери крестьян составили 12 убитых и 10 раненых, со стороны правительственных войск был лишь легко ранен один рядовой.

Посмотрим теперь, что делали руководители движения в момент решительной схватки. Василия Попова в это время не было в селе, не было на месте также и его ближайших помощников; по крайней мере, часть их в движении себя не обнаружила. Верный своей всегдашней тактике, Попов накануне сражения отправился в Петербург, чтобы опять, в который уже раз, подать жалобу на «незаконные» действия местной администрации.

Кто же в таком случае руководил действиями восставших крестьян? В подготовительных мероприятиях значительную роль сыграл избранный крестьянами старшина, но в момент сражения, как, очевидно, и в период его подготовки, наиболее видную роль сыграли отставные солдаты, проживавшие в селе. Когда Василий Попов и неразлучный с ним «молокан» Панферов удалились из деревни, руководство движением перешло к солдатам. Из них в особенности выделились своей инициативностью Малинин, Дьячков, Комаров и Дударев. На общей сходке они подбадривали крестьян, уверяя, что в них солдаты стрелять не будут, а могут лишь попугать холостыми зарядами.

Записка комиссии отмечает, что именно после отъезда Попова и Панферова, когда руководство мятежным селом перешло в руки солдат, волнение крестьян особенно усилилось. Именно тогда были установлены караулы и проведены подготовительные меры для встречи с правительственными войсками. И во время самого столкновения бывшие солдаты, жившие среди крестьян, вели себя исключительно храбро. Как описывает донесение комиссии, в тот момент, когда крестьяне, увидев первых своих товарищей убитыми, почти прекратили натиск и начали разбегаться,— в этот критический момент отставной солдат Сибирского гренадерского полка, отделившись от толпы, открыто пошел к строю карательных войск, будучи в портупее и с тесаком, но без галстука. Солдат оглядывался на толпу односельчан, чтобы поддержать их дух своим примером; он не снял фуражки перед начальством. Солдат был арестован.

Другой отставной солдат, Малинин, в это же время, «быв на площади у дома дьячка, говорил народу: что оробели! своих выдали, бегите на помощь!»

Так вела себя самая решительная часть восставших, и это не случайно: отставные солдаты были обычно наиболее обездоленной прослойкой деревенских жителей и чаще всего являлись застрельщиками и решительными участниками антифеодальных выступлений. Зато Василий Попов и его группа, как уже указывалось, остались верны своей прежней тактике и в острейший период борьбы настойчиво добивались правительственного «законного» решения.

Перед последним столкновением, при отъезде из деревни в Петербург Попов получил от крестьян на расходы значительную сумму — 400 руб. ассигнациями. Как докладывала комиссия, «Попов уверил общество, что их никто тронуть не смеет и чтобы они не боялись никого до приезда его, Попова, и говорил: теперь надобно ожидать следствия, на которое должен приехать сам господин сенатор». Здесь подразумевался сенатор Курута, который в то время действительно производил ревизию в Тамбове; на него, как и на петербургские власти, некоторые крестьяне возлагали большие надежды. Одновременно с отъездом Попова и Панферова в Петербург крестьянами было отправлено написанное молоканином Духониным послание в Тамбов к сенатору, все с той же их всегдашней просьбой оградить их от произвола и поборов местных чиновников. На вмешательство сенат ра крестьяне, видимо, очень надеялись.

Таким образом, пути наиболее активной части восставших крестьян не были одинаковыми: одна часть в лице группы отставных солдат шла по пути открытого протеста, непосредственной и самоотверженной борьбы с противником, энергия других расточалась в бесплодных прошениях и несбыточных иллюзиях. Однако объективно деятельность и этой второй группы революционизировала крестьян, поддерживая их в борьбе.

Нам неизвестно, какими действительными мотивами руководствовался Василий Попов, сообщая крестьянам ложные сведения о его мнимых связях в Петербурге, о полученных им якобы там обещаниях; не знаем, куда и как тратились те немалые для крестьян суммы, которыми, несмотря на их затруднительное материальное состояние, они беспрекословно снабжали своего ходока. К сожалению, мы не можем узнать и того, каково было численное соотношение между группой крестьян, по собственной воле и активно вступивших на путь неравной борьбы, и тех крестьян, которые примкнули к протесту лишь под угрозой расправы с ними активной группы; неизвестны также причины этих различий в поведении крестьян-односельчан.

С самого начала и чем дальше, тем все более отчетливо, протест против агентов крепостнического правительства — чиновников сельских, уездных и губернских учреждений — сочетался с выступлением против церковников. Если на первых этапах движения крестьяне, не стесняясь с дьячком, все же останавливались перед уговаривавшим и угрожавшим им священником, то позднее они перестали считаться и со священниками. После удачной расправы с земским исправником и его инвалидной командой 21 февраля 1844 г., когда вокруг села были установлены пикеты и не выпускались из него жители, «народная толпа, — как сообщает донесение комиссии, — остановила выезжавших из села двух сторонних священников и дьячка. Одного из них, соскочившего из саней, ударили дубиной, но он успел уйти и скрыться в доме священника Красовского, а другого священника и дьячка привели в расправу в намерении заставить подписаться, что

крестьяне не бунтовали, а виноват в том суд, но, не исполнив сего, отпустили».

После описанного столкновения с правительственными войсками движение государственных крестьян в селе Козловке было подавлено.

Движение тамбовских крестьян было одним из наиболее крупных антикрепостнических выступлений для своего времени; слух об этом выступлении широко распространялся по России. Об этом свидетельствует запись в дневнике А. И. Герцена от 10 апреля 1844 г. «Характер дела (по рассказам) довольно замечателен», — писал Герцен. Его внимание привлекла решимость крестьян и их сила, которая умножилась благодаря сочувствию солдат, присланных для расправы с крестьянами, но отказавшихся в них стрелять. Герцен отметил, что крестьяне не устрашились властей и, вооружившись самодельным оружием, прогнали земскую полицию и начальство палаты государственных имуществ. Именно незаконные поборы со стороны местных чиновников, превышавшие расчеты платежей, составленные министром Киселевым, по словам Герцена, послужили причиной для крестьянского выступления.

Особое значение Герцен придал тому, что восставшие принадлежали к молоканам; по его сведениям, во главе протестующей толпы шла девушка, распевавшая псалмы. «И так из раскольниковых скитов вырываются такие звуки среди общей немоты крестьян», — такими словами заканчивается заметка в дневнике¹.

Как видно, Герцен несколько преувеличивал организованность крестьян и роль молокан в выступлении, возможно потому, что писал на основании слухов. Все же эта запись в дневнике выдающегося русского революционера весьма примечательна. Она показывает, что выступление тамбовских крестьян, несмотря на свою локальность, имело широкий отзвук в стране. Оно было одним из тех событий в общественной жизни, которые у лучших представителей дворянского поколения русских революционеров пробуждали интерес к крестьянскому антикрепостническому движению.

* * *

В описанном движении крестьян очень ясно проявились черты, характерные для всего крестьянского движения предреформенного времени, — его сильные и слабые черты. С одной стороны, неискоренимая вера в царя и добрую волю его приближенных и отсюда — бесконечные попытки разрешить конфликт легальным путем, попытки, ничего не дававшие крестьянам, но дорого им стоившие. С другой стороны, полная уверенность в своей правоте и решимость до конца добиваться выполнения своих справедливых требований. С одной стороны, попытки объединить силы крестьян целой округи для самых решительных действий, с другой — бессилие прочно объединиться даже в пределах одной деревни. Все эти моменты, сказавшиеся в выступлении крестьян села Козловки, весьма типичны для стихийного и распыленного крестьянского протеста феодально-крепостнической эпохи.

Но помимо общих характерных моментов в движении тамбовских крестьян проявились черты, обусловленные обстоятельствами данного конкретного времени. Движение возникло вслед за проведением в жизнь реформы Киселева и в ряду других аналогичных выступлений государственных крестьян по праву может рассматриваться как ответ крестьян на эту реформу.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 2, М., 1954, стр. 349.

Правительственные новшества проводились под знаком усиления надзора за крестьянами со стороны дворян-чиновников, к которым крестьяне, по идее законодателя, должны были питать безграничное доверие. Но крестьяне в своем выступлении очень ясно показали, что всему местному начальству, вплоть до губернатора, они не верят, что в чиновниках они видят грабителей и готовы с оружием в руках обороняться от их посягательств на распоряжение деревенскими делами.

Закон 30 апреля 1838 г. так преобразовал управление государственными крестьянами, что волостное и сельское «самоуправление» стало совершенной фикцией. Состав и функции волостного схода и волостного правления, сельского схода и сельской расправы были весьма ограничены. Волостной голова и сельский старшина становились лишь помощниками окружного начальника, беспрекословными исполнителями его воли¹.

Восставшие крестьяне в момент наивысшего подъема их протеста сместили выборных лиц, которые лишь фиктивно могли представлять крестьян, а на деле выступали в качестве младших агентов дворянско-бюрократического аппарата управления. Во время выступления участие в сельском сходе вновь стало возможным для всех крестьян-домохозяев, а те ограничения, которые в этом отношении Киселев ввел в стародавние обычаи, были отброшены. «Самовольно» избранный сельский старшина (по новому закону сельский старшина назначался палатой государственных имуществ из числа трех кандидатов, намеченных сельским сходом) на короткое время стал действительным представителем воли большинства крестьян. Крестьяне не упразднили те органы управления, которые были установлены законом 1838 г., но коренным образом изменили их состав и функции. Интересно отметить, что как раз вновь созданное учреждение — сельская расправа, наделенная законодателем судебнополицейскими функциями², в ходе движения стала главным его центром и органом управления сельскими делами, когда они перешли в руки крестьян.

Такие коренные «поправки» вносили сами крестьяне во вновь устанавливаемую систему управления. Они отвергли крепостнические новшества, борьба с которыми стала частью классовой борьбы крестьян за свое освобождение.

В своем антикрепостническом протесте крестьяне села Козловки были относительно едины; те, кто лишь по принуждению примыкал к движению, отличались нерешительностью, но активно не выступали против основной массы односельчан. В этом сказалась известная замедленность социально-экономического процесса в данном районе — сохранение почти в неприкосновенности «патриархального строя» деревни. Вместе с тем в процессе движения ясно обозначились две группы вожаков движения, которые вели крестьян к одной цели, но различными путями. В момент решительных действий выделилась, как мы видели, группа оставшихся солдат, которая возглавила открытую борьбу крестьян с агентами крепостнического правительства и примером личного бесстрашия поддерживала в крестьянах боевое настроение. Помимо известных воинских навыков, такое поведение солдат обуславливалось их несколько особым социальным и имущественным положением: вернувшиеся из армии крестьяне обычно были наиболее обездоленными жителями деревни.

¹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 548—563.

² Там же, стр. 569—570.

Другая группа вожаков отличалась меньшей решительностью. Находясь в плену иллюзий и предрассудков, свойственных «патриархальному крестьянству», эта группа была склонна к мирному разрешению конфликта, хотя тоже проявляла большое упорство в борьбе.

В ходе движения крестьяне свои действия направили не только против агентов административной власти, но и против их активных пособников — служителей церкви. Враждебные действия крестьян против церковников имели особое значение в данное время, так как по новым законоположениям воспитание крестьян в церковно-религиозном духе становилось одной из главных обязанностей сельских властей.

В связи с этой стороной движения встает вопрос о том, какое значение имела принадлежность восставших крестьян, в том числе их видных вожаков, к антицерковной молоканской организации. Как известно, многие видные представители революционной демократии середины XIX в., в том числе Герцен и Огарев, придавали особое значение наличию в народной среде сторонников радикальных «ересей», видя в них возможных проводников революционного влияния на народ. Это обстоятельство сообщает особый интерес поставленному выше вопросу.

Губернатор и церковники поспешили именно молокан объявить организаторами «бунта». В доказательство приводились факты избияния священников крестьянами, а также принадлежность к молоканству подавляющего большинства убитых, раненых и арестованных крестьян и относительная организованность движения.

Известно, что Тамбовская губ. издавна была одним из очагов, где зарождались и распространялись радикальные антицерковные «ереси», которые в известный исторический период времени переплетались с народной освободительной борьбой, но с течением времени от нее отошли¹. В изученном случае руководящие круги молоканства не принадлежали к числу наиболее радикально настроенных крестьян. Они принадлежали к тем вожакам движения, которые, хотя и упорно выступали против властей, но старались действовать главным образом мирным путем, растрачивая понапрасну силы и средства крестьян и сея среди массы односельчан несбыточные иллюзии. Таким образом, молокане не вносили в движение крестьян каких-либо новых элементов, они скорее способствовали сохранению его традиционной формы.

Таковы главные выводы, которые можно сделать из рассмотренного материала.

---

¹ П. Рындзюнский. Антицерковные движения в Тамбовском крае в XVIII в.— «Вопросы истории религии и атеизма», т. II, М., 1954.

А. В. ФАДЕЕВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В ПЕРИОД «ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА»
20-х ГОДОВ XIX в.**

Внешняя политика царизма в период «Восточного кризиса» на всех его этапах, начиная с восстаний в Греции и Валахии против турецкого владычества (1821—1823 гг.) и кончая русско-турецкой войной 1828—1829 гг., самым наглядным образом подтверждает ленинское положение о неразрывной взаимосвязи внешней политики государства с его внутренней политикой, обусловленных прежде всего социально-экономическим развитием страны.

Одной из важных причин, стимулировавших политическую активность царизма в восточных делах, служила все возрастающая роль причерноморских районов в экономической жизни России.

После Отечественной войны 1812 г. процесс экономического освоения южных и юго-восточных окраин России значительно усилился. Разложение крепостного хозяйства заставляло русских помещиков расширять сферу феодальной эксплуатации путем захвата и освоения новых земель, приобретения свободного выхода к открытым морям, расширения внешней торговли. «Развитие феодализма вширь,— по справедливому замечанию Н. М. Дружинина,— временно разрежало тесноту в центральных губерниях, смягчало остроту классового недовольства крестьян и раздвигало границы феодального господства и подчинения на более значительные колонизируемые пространства»¹. Помимо этой основной причины, в данном случае действовали еще и другие.

Ряд центральных и западных губерний был разорен наполеоновским нашествием. «Войска Наполеона,— писал А. А. Бестужев,— как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения»². Примыкавшие к театру военных действий районы также были истощены наборами в армию и в ополчение, постоями войск, гужевой повинностью и всякого рода экстраординарными поборами. По словам того же автора, «целые селения снимались и бродили наугад»³.

Послевоенная разруха привела к упадку промышленности и застою в торговле, резко сократила и без того узкий внутренний рынок. В 1814 г. половина товаров, привезенных на Макарьевскую ярмарку на общую

---

¹ Н. М. Дружинин. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г.— «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 68.

² А. А. Бестужев. Об историческом ходе свободомыслия в России — «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, М., 1951, стр. 492—493.

³ Там же, стр. 435.

сумму до 50 млн. руб., не могла быть реализована из-за отсутствия покупателей¹.

Освоение плодородных степных пространств Юга и Юго-Востока сулило русским помещикам большие выгоды. Хотя эти земли были удалены от промышленных центров страны, но зато находились поблизости от черноморских и азовских портов. В условиях благоприятной для русского сырья и хлеба конъюнктуры, сложившейся в 1816—1817 гг. на европейском рынке, это имело весьма важное значение.

Идя навстречу интересам помещиков, царское правительство щедро раздавало целинные земли южных степей представителям дворянской аристократии и чиновной знати. Для причерноморских («новороссийских») губерний уже в начале XIX в. были характерны помещичьи владения размером в 20—25 тыс. десятин². Среди крупных землевладельцев степного Юга можно было встретить немало царских сановников, занимавших высшие посты в государственном аппарате и оказывавших непосредственное влияние на политику царизма. В числе их были такие фигуры, как М. С. Воронцов, владевший в «Новороссии» свыше 100 тыс. десятин, В. П. Кочубей, имевший там до 47 тыс. дес., а также А. И. Чернышев, Барятинский и др.³

На новых землях дворяне-помещики стремились вести товарное хозяйство старыми методами, переводя на юг своих крепостных крестьян из центральных губерний и закрепощая свободных переселенцев. Покровительствуя крепостникам, царизм ограничивал свободу передвижения крестьян в южных степях и расширял сферу действия крепостного права на вновь присоединенные территории. По указу Павла I от 12 декабря 1796 г. «О прекращении самовольного перехода поселян с места на место в губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и области Таврической», все крестьяне, проживавшие к моменту пятой ревизии на земле помещика, признавались его крепостными⁴.

Однако большие расстояния, неосвоенность края, слабость административно-полицейского надзора затрудняли переселение помещиками крепостных крестьян из центральных губерний. Процент крепостных помещичьих крестьян среди населения Причерноморья оставался невысоким. В среднем по «Новороссии» он не превышал 25%, снижаясь в Таврической губ. до 6% и в Кавказской губернии — до 3%⁵. Кроме того, политика, направленная к закрепощению крестьян-новоселов, оседавших в южных степях, встречала со стороны последних решительное сопротивление. Новороссийский губернатор еще в 1797 г. доносил, что до него доходят «от многих помещиков слухи... о непокорности крестьян»⁶. После Отечественной войны 1812 г. крестьянские волнения усилились. В имениях кн. Кочубея на Херсонщине в 1815 г. дело дошло до вооруженных столкновений крестьян с воинской командой. Серьезный характер при-

¹ Отечественная война и русское общество, т. VII, М., 1912, стр. 115.

² Гос. архив Ставропольского края, ф. 298, д. 1389, лл. 6—50. См. также Гос. архив Одесской обл., ф. Канц. новоросс. и бессараб. губернатора, оп. 200, св. 3, д. 1, ч. 1, лл. 216—218, 221—223.

³ И. О. Гуржий. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст., Київ, 1954, стр. 58.

⁴ ІПСЗ, т. XXIV, № 17909, стр. 587.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 69. Отчет о состоянии Кавказской губ. за 1846 г. См. также А. Тройницкий. Крепостное население России по 10-й переписи, СПб., 1861, стр. 49.

⁶ Е. Трефилев. Очерки из истории крепостного права в России, Харьков, 1904, стр. 201.

няло восстание бугских военных поселян в 1817 г.¹ В следующем году вспыхнули волнения крестьян в Задонье, в Сальских слободах. К 1820 г. крестьянским восстанием было охвачено все Нижнее Подонье и Приазовье. Всего в движении участвовало 44 тыс. крестьян 256 селений².

Помещики Юга, испытывая постоянный недостаток рабочих рук, вынуждены были шире прибегать к найму рабочих, переходя к капиталистическим методам ведения хозяйства. В результате «из года в год в донские степи, Причерноморье и Заволжье прибывали сотни тысяч крестьян из северных губерний, нанимавшиеся косцами и вспомогательными работниками при сборе сена и урожая»³.

При наличии рутинной техники и нехватки рабочей силы помещикам Юга трудно было осуществить в широком масштабе распашку целинных земель и переход к крупному зерновому хозяйству. Поэтому, как свидетельствовал в своем отчете за 1856 г. ставропольский губернатор, «производительная деятельность помещиков по обширности степных мест... обращена преимущественно на скотоводство и разведение виноградных садов, доставляющих выгоды большие и постояннейшие, чем хлебопашество»⁴.

Поощряя развитие в южных степях тонкорунного овцеводства, правительство раздавало помещикам земли для устройства овчарных заводов, предоставляя им денежные ссуды для разведения мериносов. С 1816 г. был разрешен экспорт шерсти за границу⁵. В итоге поголовье тонкорунных овец в Причерноморье (вместе с Бессарабией) росло необычайно быстрыми темпами. В 1808 г. насчитывалось всего 9 тысяч голов тонкорунных овец, а в 1823 г. — уже 444 тыс. голов⁶.

Постепенно расширялись и посевные площади. Близость морских портов и строительство новых городов (Одесса, Николаев, Ростов-на-Дону и др.) обусловили торговый характер земледелия. Степные («новороссийские») помещики принимали самое активное участие в торговле хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, в том числе и во внешней торговле через черноморско-азовские порты. По мере развития товарно-денежных отношений и расширения рыночных связей помещичьего хозяйства к портам Юга все более стали тяготеть и крупные землевладельцы Подолии, Волыни, Левобережной Украины, Курской и Воронежской губерний, Области Войска Донского и Предкавказья. Обозы с зерном, шерстью, пенькой и салом тянулись по степным дорогам к южным портам из районов, отстоявших за 600 км и более от берегов Черного и Азовского морей. По словам современника, в Одессу «наезжало множество помещиков для продажи пшеницы»⁷. Другой современник, посетивший Ростов-на-Дону, отмечал, что «огромное количество хлебных запасов, как частных, так и заготавливаемых для казны в Воронежской, Курской и других хлебобродных губерниях, привозится сюда на баржах»⁸.

Спрос на сельскохозяйственную продукцию России в странах Западной Европы неуклонно повышался вследствие промышленного развития и роста городов. Но особенно резко он возрос после 1815 г., когда и без

¹ В. А. Федоров. Борьба крестьян России против военных поселений. — «Вопросы истории», 1952, № 11.

² И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г., М., 1937.

³ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 65—66.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 101, л. 368.

⁵ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М., 1947, стр. 249.

⁶ И. О. Гуржий. Указ. соч., стр. 165.

⁷ Ф. Ф. Вигель. Воспоминания, ч. 6, М., 1865, стр. 137.

⁸ Журнал Министерства внутренних дел, 1847, ч. XIX, стр. 56.

того подорванное наполеоновскими войнами сельское хозяйство ряда европейских стран было еще поражено засухой. Если среднегодовой вывоз хлеба из России в 1811—1815 гг. составлял 9089 тыс. пуд., то в 1816—1820 гг. он достиг 29 655 тыс. пуд.¹ Значительная доля экспортируемого зерна вывозилась через порты Черного и Азовского морей. В частности, через эти порты тогда вывозилось до 80% всего количества экспортируемой пшеницы, причем четыре пятых всего черноморского вывоза приходилось на Одессу². За три послевоенных года отпуск товаров из Одесского порта увеличился почти в 6 раз. Из Одессы было вывезено товаров³:

в 1814 г. на	7 220	тыс. руб. асс.
„ 1815 г. „	14 000	„ „ „
„ 1816 г. „	37 718	„ „ „
„ 1817 г. „	41 936	„ „ „

Все усиливавшийся спрос на русский хлеб привел к росту хлебных цен на рынках Причерноморья. Если в 1814 г. четверть пшеницы продавалась в Одессе по 5 руб. 53 коп., то в 1817 г. она уже стоила 10 руб. 21 коп. Помещики «новороссийских» и примыкающих к ним украинских губерний, по словам современника, считали 1816 год «началом своего благополучия, ибо с этого времени нажили себе огромные капиталы»⁴.

Однако это продолжалось недолго. Возрождение сельского хозяйства в Западной Европе, введение «хлебных законов» в Англии и Франции, поток дешевого зерна из Египта и Северной Америки на европейский рынок привели к падению цен на русский хлеб на внешнем и внутреннем рынке. Уже к 1819 г. цены на пшеницу в Одессе упали по сравнению с 1818 г. в 4 раза — с 12 руб. до 2 руб. 90 коп. за четверть. К тому же в 1820 г. во многих губерниях Европейской России был сильный неурожай. Падение цен и недород привели к резкому сокращению хлебного экспорта. В 1819 г. стоимость вывезенного хлеба составляла 52 241 896 руб., а в 1820 г. — только 38 163 232 руб.⁵ Этот удар был особенно чувствителен для помещиков районов степного Юга и южной полосы Черноземного центра, хозяйство которых наиболее зависело от черноморско-азовской торговли хлебом.

В такой далеко не благоприятной для помещиков обстановке застал Россию новый восточный кризис, началом которого явилось вспыхнувшее весной 1821 г. восстание греков против турецкого ига.

Под предлогом борьбы с повстанцами из отряда Александра Ипсиланти турецкие войска оккупировали всю территорию Валахии и Молдавии, нарушив тем самым установленный статут Дунайских княжеств. Ссылаясь на необходимость пресечения греческой контрабанды и установления блокады восставшей Греции, турецкие власти стали задерживать и подвергать обыскам все купеческие суда, входившие в Босфор из Черного моря, а затем и конфисковывать различные грузы, имевшиеся на борту этих судов, подвергая оскорблениям и насилиям моряков и коммерсантов. Вслед за этим правительство султана наложило эмбарго на провоз через проливы хлебных грузов, обязав капитанов кораблей сбывать зерно по твердой цене в Константинопольской гавани.

¹ С. А. Покровский. Указ. соч., стр. 246.

² И. О. Гуржій. Указ. соч., стр. 151.

³ «Одесса (1794—1894)», Одесса, 1895, стр. 792.

⁴ И. О. Гуржій. Указ. соч., стр. 150.

⁵ А. Фомин. О понижении цен на сельскохозяйственные произведения в России, СПб., 1829, таблица 4.

Все эти действия Турции являлись прямым нарушением ранее заключенных русско-турецких трактатов и, в частности, русско-турецкого договора 1783 г., статья XXX которого гласила, что русским кораблям гарантируется свободный проход через Босфорский пролив и что турецкая администрация «обязуется не чинить никакого препятствия таковым идущим кораблям под российским флагом». В статье специально оговаривалось, что «сии корабли, будучи нагружены товарами не для продажи в областях Порты, не должны быть подвержены уже и малейшей остановке или осмотру, каким бы товаром ни были они нагружены, потому что они, не останавливаясь в областях Порты, пройдут единственно чрез упомянутый канал (Босфорский пролив.— А. Ф.) из Черного моря в Белое (Мраморное.— А. Ф.) и далее в Средиземное море в земли, Порте неподвластные»¹.

Еще больший ущерб внешней торговле России наносила Турция преследованиями греческого судоходства по Черному и Азовскому морям.

Морская торговля России, ввиду слабости русского торгового флота, сильно зависела от фрахта иностранных и прежде всего греческих судов, на которых вывозилась значительная часть русских товаров. По словам современника, «число приходивших к Одесскому порту кораблей простиралось от 500 до 600 ежегодно» и «большая часть плавающих по Черному морю под российским флагом кораблей имеют настоящих хозяев в портах Архипелага и Адриатического моря; что касается российских кораблей, построенных в Херсоне, то число оных не превышает 10»².

В результате примененных правительством султана санкций обороты русской черноморской торговли резко сократились. Если в 1820 г. в Одессу было привезено морем заграничных товаров на общую сумму в 2180 тыс. руб. сер., то в 1821 г. их было привезено только на 1733 тыс. руб. сер. Стоимость вывезенных из Одесского порта товаров составляла в 1820 г. 4739 тыс. руб. сер., а в 1822 г.— только 3745 тыс. руб. сер.³ Экспорт пшеницы из Одессы и других южных портов России сократился к 1822 г. почти вдвое по сравнению с 1820 г.⁴ «Торговля в упадке и все охают жестоко»,— сообщал из Одессы начальник штаба 2-й армии генерал П. Д. Киселев своему приятелю А. А. Закревскому⁵.

«Охали» не только одесские купцы, но и все помещики обширного «Новороссийского края». П. Д. Киселев, связанный через свою жену, графиню Софью Потоцкую, с крупнейшими магнатами Новороссии и Правобережья — Потоцкими, Сабанскими, Скавронскими и другими, а также знавший лично и новых хозяев причерноморских степей — Воронцовых, Строгановых, Орловых и других титулованных помещиков, отмечал, что все они жаловались на то, что с началом нового «восточного кризиса» одесские и херсонские амбары оказались забитыми зерном, портовые причалы опустели, цены на хлеб упали, доходы землевладельцев, сбывавших за море сырье и зернопродукты, снизились.

«Коммерция наша страдает»,— приводил он слова южных помещиков⁶.

Отражая настроения крупных помещиков и значительной части военной бюрократии, Киселев высказывал недовольство тем, что царь и его

¹ Договоры России с Востоком, сост. Т. Юзефович, СПб., 1869, стр. 122.

² Г. Небольсин. Статистическая записка о внешней торговле России, ч. 1, СПб., 1835, стр. 81—82.

³ «Одесса (1794—1894)», стр. 792.

⁴ Журнал Министерства внутренних дел, 1854, ч. 4, отд. 3, стр. 5.

⁵ Сб. РИО, т. 78, стр. 148.

⁶ Там же, стр. 154.

дипломатические советники не в состоянии отстаивать государственные интересы России, т. е. интересы дворян-помещиков. Позицию Киселева разделял и его друг Закревский. «Надо признаться,— писал он Киселеву,— что наши дипломатики не дальновидны»¹.

Эта «недальновидность» объясняется тем, что Александр I восточную политику подчинял своей главной задаче — укреплению единого фронта международной реакции, оплотом которой был «Священный союз». Царь решительно осудил восстание в Греции как антилегитимистское и отклонил просьбу греческих повстанцев о помощи и покровительстве². Но отказ от поддержки борющихся против турецкого ига балканских народов лишил русскую дипломатию важного козыря в борьбе с ее политическими противниками на Ближнем Востоке и наносил серьезный ущерб экономическим интересам русских помещиков.

В обстановке начавшегося кризиса крепостнической системы традиционная политика «жандарма Европы» требовала более гибких форм, направленных на защиту интересов влиятельной группы помещиков, связанных с экономическим освоением южных степей и развитием черноморской торговли. Сочетать обе эти задачи было весьма сложно, если вспомнить, что партнеры царской России по «Священному союзу» постоянно противодействовали ей в восточных делах. Недаром внешняя политика царизма в первый период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в. отличалась крайней непоследовательностью и нерешительностью.

Собравшиеся весной 1821 г. в Лайбахе участники «Священного союза» единодушно оценили греческое восстание как частное выражение революционной опасности, «угрожающей всем тронам и всем институтам монархии»³. Александр I поставил свою подпись под декларацией, торжественно подтверждавшей неизбежность контрреволюционных принципов «Священного союза». Раскрывая смысл этой декларации, К. В. Нессельроде, сопровождавший царя в Лайбахе, писал русскому консулу в Бухаресте Пини: «Союзные державы решили не мириться с революцией, а противостоять этому злу везде, где это возможно, и использовать все средства, находящиеся в их распоряжении»⁴. В соответствии с этим русский посланник в Константинополе Г. А. Строганов получал из Петербурга рекомендации воздерживаться от каких бы то ни было акций в пользу греков.

Позиция невмешательства в греческие дела продолжалась до тех пор, пока репрессии турецких властей стали непосредственно затрагивать интересы русских помещиков. В связи с этим Строганову было предписано протестовать против нарушения Турцией заключенных ранее трактатов с Россией. 18 июля 1821 г. Строганов вручил рейс-эффенди (министру иностранных дел) ноту с требованием вывода турецких войск из Дунайских княжеств и полного восстановления свободы плавания в проливах. Правительство султана отказалось выполнить это требование и продолжало вести враждебную по отношению к России политику. В ответ на это, согласно полученным инструкциям, Строганов 29 июля 1821 г. покинул Константинополь⁵.

Но вопреки опасениям австрийских и британских дипломатов, более всего боявшихся вмешательства России в греческие дела, Александр I,

¹ Сб. РИО, т. 78, стр. 386.

² Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche im Jahre 1821, Bd. III, Wien, 1867, § 7.

³ Metternich. Memoires..., v. III, pp. 565—566.

⁴ Prokesch-Osten. Указ. соч., т. III, § 3.

⁵ Там же, стр. 100.

разорвав дипломатические отношения с Турцией, вовсе не имел в виду начать войну с ней, не желал вызывать разлад в лагере «Священного союза» и навлекать на себя упреки в отступлении от принципов легитимизма. Он опасался, что война, начатая во имя интересов русских помещиков и купцов в районе Черного моря, превратится в войну за освобождение Греции. Всей душой царь был против национально-освободительной борьбы народов. «Если мы ответим туркам войною,— говорил он Иоанну Каподистрия,— ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен предоставлять свободу действий врагам порядка. Во что бы то ни стало надо найти средство устранить войну с Турцией»¹.

Но тщетно Александр I и его советники пытались добиться ликвидации возникшего международного кризиса дипломатическими средствами и склонить руководителей других европейских держав к коллективному вмешательству в греко-турецкий конфликт. Все эти попытки были сорваны в результате противодействия австрийских и английских дипломатов. Опасавшихся оказаться втянутыми в фарватер восточной политики России. Бесплодными были и Венская конференция 1822 г., и личное свидание Александра I с австрийским императором Францем в 1823 г. в Черновцах, и Петербургская конференция 1824 г. Иначе и быть не могло, поскольку девизом союзников царя являлось в этом вопросе, по выражению русского посла в Вене Головкина, «бездействие и выжидание»².

Осенью 1822 г. Александр I известил правительства других держав, что он готов восстановить дипломатические сношения с Турцией, если султан гарантирует полную ремилитаризацию Дунайских княжеств, свободу плавания в проливах и «умиротворение греческих провинций»³. Но эта позиция была воспринята Турцией как проявление слабости России. Подстрекаемый британским послом Стрэнгфордом, султан Махмуд II в апреле 1823 г. обнародовал фирман, окончательно уничтожавший право России использовать греческие суда под своим флагом и устанавливавший особые привилегии для турецкого судоходства. Отлично зная подлинного автора этого фирмана, Александр I приказал Нессельроде направить лорду Стрэнгфорду ноту протеста, составленную в самых резких выражениях. В ноте подчеркивалось, что «фирман Порты... способен обречь на полный застой торговлю на Черном море и нанести очень чувствительный ущерб процветанию русских провинций близ этого моря»⁴.

Логикой вещей интересы русских помещиков все более выдвигались на первый план в дипломатической деятельности царского правительства, связанной с «восточным кризисом». Провал Петербургской конференции по греческому вопросу, вызванный главным образом саботажем англичан, заставил Александра I известить своего посла в Лондоне кн. Ливена о том, что он «считает всякий дальнейший обмен мыслей между Россией и Англией насчет своих отношений к Турции и умиротворения Греции окончательно прекращенным»⁵. Попытка возобновить заседания Петербургской конференции без участия Англии также не имела успеха. 6(18) августа 1825 г. Нессельроде отправил русским представителям в европейских столицах депешу, в которой указывалось, что «впредь бесполезно будет вступать в новые объяснения с союзниками о турецких делах». В депеше подчеркивалось, что «отныне Россия будет исключительно сле-

¹ Н. Шильдер. Император Александр I, т. IV, СПб., 1905, стр. 225.

² Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. IV, ч. I, стр. 308. Донесение Головкина от 24 ноября 1821 г.

³ Там же, стр. 323.

⁴ Prokesch-Osten. Указ. соч., т. IV, стр. 10—11.

⁵ Ф. Мартенс. Указ. соч., Депеша от 18/30 декабря 1824 г., т. XI, стр. 329.

довать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами»¹.

Таким образом, царь вынужден был признать, что он жертвовал «собственными интересами» своей империи ради сохранения единства сил европейской реакции. Это признание свидетельствовало о начавшемся развале политической системы «Священного союза» и наметившемся повороте во внешней политике царизма. Впрочем, Александр I до конца своих дней так и не отважился на решительные и действенные меры для обеспечения «собственных интересов» в районе Черного моря.

Между тем «восточный кризис», начиная примерно с 1824 г., вступил в новую фазу. Под воздействием австрийской и французской дипломатии египетский паша Мухаммед-Али высадил свои войска в Греции с тем, чтобы помочь турецкому султану подавить сопротивление греческих повстанцев. Одновременно усилилась подрывная деятельность турецкой агентуры на Кавказе; в частности, широко развернулась пропаганда мюридизма среди кавказских горцев. Не без участия английской миссии в Тегеране ухаживались русско-иранские отношения. Правительство Фетх-Али-шаха все настойчивее требовало пересмотра Гюлистанского трактата 1813 г., предъявляя реваншистские требования на земли Северного Азербайджана. Естественно, что такое расширение сферы «восточного кризиса» неизбежно вело к дальнейшему обострению международного положения, угрожая России новыми политическими и военными конфликтами.

Положение усугублялось тем, что середина 20-х годов XIX в. проходила под знаком усиления кризисных явлений в экономике крепостнической России. Увеличение феодальных повинностей и расширение барской запашки имели следствием дальнейшее падение производительности труда помещичьих крестьян, выражением чего являлось систематическое снижение урожайности. В 1820 г. средняя урожайность хлебов составляла «сам-3—4», тогда как в предыдущем десятилетии она определялась в «сам-3—5»². В условиях крайней узости внутреннего рынка и резкого упадка черноморской торговли увеличивались трудности сбыта товарной продукции сельского хозяйства, особенно для южных районов страны. В 1828 г. четверть пшеницы продавалась в Одессе за 2 руб. 57 коп. против 5 руб. 46 коп. в 1822 г. В Москве за пуд хлеба платили в 1821 г. 52 коп., а в 1828 г. — всего 22 коп.³

Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в 1827 г. в секретном ежегодном «Обзоре общественного мнения» доводил до сведения нового царя, что помещики жалуются на трудности «сбыта продуктов земледелия и промышленности», выражая недовольство тем, что «правительство занимается только взиманием податей»⁴. По словам Бенкендорфа, «общее обеднение в земледельческих губерниях стало... все чувствительнее... Почти три четверти помещичьих земель заложены в ломбардах, банках или частных руках»⁵. «Застой торговли в Одессе, — отмечал Бенкендорф, — лишает соседние губернии всяких доходов и делает их неспособными к уплате налогов»⁶.

Последнее обстоятельство имело весьма серьезное значение, так как происходившее систематическое падение крестьянского хозяйства являлось одной из главных причин хронического бюджетного дефицита. По-

¹ Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 347.

² П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв., М., 1950, стр. 18.

³ Там же, стр. 16.

⁴ «Красный архив», 1929, т. 6(37), стр. 148.

⁵ Там же, стр. 164.

⁶ Там же, стр. 165.

душная подать и разные сборы поступали в казну неисправно. Недоимки увеличивались из года в год, достигнув в некоторых губерниях около половины годового оклада. Дефицит покрывался усиленным выпуском ассигнаций, внешними и внутренними займами, что вело к росту государственного долга, общая сумма которого к 1825 г. достигла 1345 млн. руб.¹ А. А. Закревский так охарактеризовал положение дела в письме к П. Д. Киселеву: «Нет денег ни гроша и повсюду неурожай хлеба»².

Николаю I было хорошо известно, что среди дворянской знати росло число недовольных внешней политикой правительства. Остзейский барон Бенкендорф докладывал по этому поводу царю: «Партия русских патриотов (так иронически называл он этих недовольных. — А. Ф.) очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. Все старые сановники, праздная знать и полуобразованная молодежь следуют [этому] направлению... Они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев, там с пафосом повторяются предложения Мордвина, его речи и слова их кумира — Ермолова»³.

Представители дворянской знати являлись, разумеется, убежденными монархистами и сторонниками незыблемости дворянских привилегий. Но их возмущала аракатеевская прямолинейность политики правительства, лихоимство чиновников, произвол жандармов, неспособность дипломатов, бездарность военачальников, а в конечном счете — неумение царя и его сановников отстаивать интересы русских помещиков на международной арене. Характерно, что эти оппозиционно настроенные, «фрондирующие» люди, как называл их Бенкендорф, являлись поклонниками Н. С. Мордвина — известного идеолога той части помещиков, которая стремилась приспособиться к новым условиям хозяйствования в рамках крепостнического строя. Как известно, Н. С. Мордвин отстаивал идею покровительства отечественной промышленности и торговле, обосновывал необходимость расширения помещичьего предпринимательства, подчеркивал значение освоения новых территорий и водных торговых путей.

Это ему принадлежит высказывание о том, что «Россия... лежит на путях сообщения между Европою... и Азиею», что моря, омывающие Россию, сближают «север и юг Европы», а также являются «смежными Персии и Верхней Индии», «пролагают торговле открытые пути к богатым прибиткам»⁴. Это Мордвин призывал: «Правители государственных, не снимайте глаз с карты российской...»⁵.

Николай I понимал, чего ждет от него русское дворянство в области внешней политики. В беседе с чрезвычайным послом французского короля графом Сен-При он заявил: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело. Я непременно должен положить конец этому делу»⁶. Инструктируя нового русского посла в Константинополе Рибоьера, Николай I писал ему: «Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Черного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России, а сильное влияние в Константинополе — одной из первых потребностей»⁷. На все это Нико-

¹ П. И. Ляшенко. История народного хозяйства, т. 1, М., 1950, стр. 457.

² Сб. РИО, т. 78, стр. 255.

³ «Красный архив», 1929, т. 6(37), стр. 145.

⁴ Н. С. Мордвин. О мерах улучшения государственных доходов. Цит. по книге — Н. С. Мордвин. Избранные произведения, М., 1945, стр. 244.

⁵ Архив Мордвиных, т. IX, стр. 51.

⁶ С. С. Гатищев. Внешняя политика императора Николая I, СПб., 1887, стр. 137—138.

⁷ В. Теплов. Русские представители в Царьграде. 1796—1891, СПб., 1891, стр. 58.

лай I указывал и чрезвычайному австрийскому послу графу Зичи, которого Меттерних направил в Петербург в начале 1828 г. с тем, чтобы удержать царя от единоличного выступления против султана. Николай в категорических выражениях заявил послу, что дело не только и не столько в «умиротворении Греции», а в том, что черноморские порты России не имеют выхода, что русские землевладельцы не могут свободно сбывать свою продукцию, поскольку проливы закрыты для русских судов, что убытки, причиненные турецкими властями южнорусской торговле, исчисляются в 3 млн. руб. и дальше так продолжаться не может. Все мирные средства разрешения вопроса, заявил Николай I, исчерпаны, и теперь он может быть решен только силой оружия¹.

Таким образом, усилившееся под влиянием назревавшего кризиса крепостнической системы стремление русских помещиков к освоению южных степей и расширению черноморской торговли явилось одной из главных причин активизации внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в.

Известную роль в этом сыграло также развитие русской промышленности, прежде всего текстильной, представленной по преимуществу капиталистической мануфактурой с вольнонаемными рабочими.

Рамки внутреннего рынка были крайне ограничены и стеснены для нее господством в стране крепостнического строя. Уже на рубеже второго и третьего десятилетий XIX в. в текстильной промышленности наблюдаются признаки застоя. После восстановления в 1822 г. запретительной таможенной системы положение несколько улучшилось, но внутренний рынок попрежнему оставался узким. Поэтому русская буржуазия вынуждена была искать новых рынков сбыта за рубежом, преимущественно (в силу промышленной отсталости страны) в азиатских странах.

Присоединение к России Грузии и Северного Азербайджана создало благоприятные условия для развития русской торговли с Ираном и Азиатской Турцией. Если в 1802 г. вывоз русских товаров в эти страны составлял всего 3,3% русского экспорта в Азию, то в 1827 г. он достиг уже 30,4%². Если в 1812 г. было вывезено через Закавказье товаров на 17 938 руб. ассигнациями, то в 1822 г. было вывезено уже на 601 945 руб., т. е. в 33 раза больше³. Русский экспорт в Азию рос главным образом за счет промышленных изделий, которые к 1827 г. составляли 35,3% всего вывоза⁴. Более половины их составляли хлопчатобумажные ткани. Иран и Азиатская Турция к середине 1820 г. выдвинулись на первое место по сравнению с Китаем и Средней Азией в качестве рынков сбыта для русских хлопчатобумажных товаров⁵. Не случайно в это время Тифлис и Баку усиленно стали посещать представители шуйских, ивановских и московских фирм — Болотовых, Посылиных, Гарелиных, Прохоровых и др. Все они жаловались на введенный в 1821 г. для Закавказья льготный таможенный тариф, в результате которого «соперничеством иностранных товаров подрывался сбыт в Закавказье и даже в Персию российских изделий»⁶.

¹ Prokesch-Osten. Указ. соч., т. V, стр. 210, а также Metternich. Memoires..., v. IV, p. 472.

² М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия, М., 1949, стр. 37, 66.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. IV, лл. 416—417. Ведомость о привозе и отпуске товаров по Закавказскому краю с 1812 г. по 1844 г.

⁴ М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 68, 71.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, л. 102. Материалы о закавказской торговле.

Притязания отечественной буржуазии поддерживал министр финансов Е. Ф. Канкрин, который, называя Закавказье «нашей колонией», добивался у царя защиты интересов русского купечества на закавказском рынке и отмены льготного тарифа, установленного для Закавказья в 1821 г. Канкрин утверждал, что Россия, «владея Грузиею и знатной частью Каспийского и Черного морей, могла бы сделать исключительно своим достоянием к поощрению внутренней промышленности» ту самую восточную торговлю, которая подрывается иностранной конкуренцией¹. По его мнению, Закавказье могло служить не только рынком сбыта, но и источником сырья для русской промышленности. Поэтому он указывал на необходимость «умножения шелководства, разведения хлопчатой бумаги, риса, масличных дерев», а также на расширение «горной части» на Кавказе². Характерно, что в 20-х годах XIX в. в «Горном журнале» печатались ряд статей и очерков о минеральных богатствах Закавказья, о нефтяных, угольных и рудных месторождениях этого края³.

Обращает на себя внимание и тот факт, что заявление Канкринна о выгодах экономического освоения Закавказья как колонии имело место в октябре 1827 г., в момент разработки проекта мирного договора с Ираном и накануне войны с Турцией, ставшей неизбежной после Наваринской битвы. Это свидетельствует о том, что вопрос о расширении владений России в Закавказье за счет присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств имел также и определенную экономическую основу. В пределах этих ханств ежегодный сбор хлопка составлял около 70 тыс. пуд., т. е. почти столько же, сколько потребляла ежегодно в то время вся русская хлопчатобумажная промышленность⁴.

Одновременно с заключением Туркманчайского мирного трактата в феврале 1828 г. между Россией и Ираном был подписан особый договор о торговле, предоставлявший ряд льгот и преимуществ русским купцам, а также закреплявший за ними право свободной торговли на всей территории Ирана. Отправляя в Тегеран А. С. Грибоедова в качестве полномочного и чрезвычайного посла русского императора, Нессельроде по вопросу о торговле дал ему следующую инструкцию: «Торговля с Персией, как Вам известно, была издревле предметом особенных попечений российского правительства. Главной целью оных поставлялось всегда, чтобы россияне принимали в сей торговле непосредственное участие, и чтобы отечественные произведения наши составляли большую часть сбыта в обмен на товары персидские»⁵.

Конечно, самодержавие в этот период еще не выражало интересов буржуазии, но в данном случае интересы помещиков и буржуазии по вопросам ближневосточной политики совпадали: освоение колониальных окраин империи и завоевание внешних рынков ослабляли кризис крепостнической системы хозяйства. В конечном счете в основе ближневосточной политики царизма лежало стремление отстоять и укрепить феодальную экономику и самодержавный строй.

Царизм рассматривал внешнюю торговлю на Кавказе и на Востоке как средство для распространения своего политического влияния в районе Черного и Каспийского морей. Еще в 1810 г. Александром I было утверждено Положение о меновой торговле с горцами на «Кавказской линии», в котором указывалось, что эти торговые сношения устанавливаются для

¹ АКАК, т. VI, ч. 1, № 295.

² «Обозрение российских владений за Кавказом», СПб., 1836, стр. 13.

³ «Горный журнал», 1825, ч. 1, кн. 3; 1826, ч. 4, кн. 2; 1827, кн. 7 и 8 и др.

⁴ «Обозрение...», ч. IV, стр. 280, 340.

⁵ АКАК, т. VII, № 591. Приложение.

того, чтобы «посредством оных приобрести доверие горцев»¹. В 1819 г. решением Комитета министров было учреждено особое «Попечительство торговли с черкесами и абазинцами» (абхазами.— А. Ф.) на Кавказском побережье Черного моря². В должности «попечителя» был утвержден предприимчивый генуэзский коммерсант Скасси. Его резиденцией была Керчь, откуда отправлялись купеческие корабли к берегам Кавказа, груженные солью, текстильными и металлическими изделиями. Главная торговая фактория «Попечительства» была устроена в устье реки Пшада в земле шапсугов. Скасси не скупился на краски, описывая в своих докладных записках природные богатства Западного Кавказа, торговля с обитателями которого непременно «обогастит Россию, открыв ей новые места сбыта» и даст ей возможность «извлечь выгоды из продуктов плодородного края, богатого лесами и рудами»³. Однако в действительности руководимое им «Попечительство» влачило жалкое существование, служа в конечном счете лишь источником спекулятивных махинаций самого Скасси и его компаньонов.

Русская буржуазия в Причерноморье и Приазовье была в то время еще очень слаба. Освоение кавказских рынков капиталисты Центрального промышленного района начали с использования старинного и более удобного торгового пути по Волге и Каспийскому морю (через Астрахань — Баку — Тифлис). Скасси жаловался, что ему «стоило чрезмерных трудов убедить промышленников наших» принять участие в торговле с черкесами и абхазами. «Попечительством» были отправлены к берегам Кавказа три корабля, из них только один принадлежал «феодосийскому купцу 3-й гильдии» Лагорио и имел на борту, помимо соли, промышленные изделия, а два других были снаряжены «отставным капитаном» греком Кумани и «бахчисарайским мещанином» Моше Калфе и загружены только одной солью⁴. Это доказывает, что широко афишированная Скасси торговля «с черкесами и абазинцами» в действительности имела весьма скромные обороты, и участниками ее были по преимуществу небогатые крымские торговцы, а то и вовсе случайные люди.

Русская торговля с горцами на Кубани и на Кавказском побережье не имела необходимых условий для своего развития не только по причине слабости русского капитала в южных районах, удаленных от центра империи, но и вследствие той враждебной по отношению к России политики, которую вела в то время на северо-западном Кавказе султанская Турция.

Стремясь заставить Россию согласиться на пересмотр относящейся к Кавказу 6-й статьи Бухарестского трактата 1812 г., Турция пыталась восстановить против России горские народности Северного Кавказа. Используя свои давние связи с черкесскими и кабардинскими феодалами, а также местным мусульманским духовенством, турецкие паши Анапы, Поти, Батума, Трапезунда, Ахалциха побуждали горцев к отказу от мирных сношений с русскими, к набегам на казачьи станицы и кордонные укрепления. Занятая сильным турецким гарнизоном, приморская крепость Анапа являлась главной опорной базой турецкой агентуры, развивавшей свою деятельность на Северном Кавказе. «Начальствующие в

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, лл. 106—112. Справка об истории меновой торговли.

² АВП, ф. МИД России, оп. II—3, 1819 г., д. 13, л. 153. Выписка из журнала Комитета министров от 19 августа 1819 г.

³ Там же, оп. 1—9, 1818 г., д. 4. Записка Скасси, л. 2.

⁴ Там же, оп. II—3, 1824 г., д. 6, лл. 7—8. Генеральная ведомость о торговле с черкесами и абазинцами за 1822 г.

Карсском и Ахалцихском пашалыках чиновники,— писал по этому поводу русскому посланнику в Константинополе Г. А. Строганову главнокомандующий на Кавказе А. П. Ермолов,— не менее и паша трапезундский, поступками своими дают все право сомневаться в желании их удерживать связи дружества и доброго согласия, между обеими державами существующие, позволяют делать непрерывные набеги на земли наши, производят хищничества, увлекают в плен поселян и их имущества и даже до того простирают дерзость свою, что нападают на солдат и их захватывают»¹. Коменданты русских кордонных укреплений на Кубани и казацкие атаманы сообщали о попытке анапского паши Хассан-оглу привести к присяге турецкому султану население окрестных черкесских аулов², о послании того же паши к черкесским князьям с призывом «готовиться всем нужным: лошадьми, воинским вооружением» и «по первому требованию его... выступить в поход против России»³. Подстрекаемые турецкими эмиссарами, кабардинские феодалы стали совершать систематически набеги на русские укрепления и селения в Ставрополье⁴.

Все это создавало напряженную обстановку в Прикубанье и на Кавказском побережье. Сухопутные и морские коммуникации, связывавшие Россию с Грузией, постоянно находились под угрозой, коммерческое судоходство в кавказских водах Черного моря фактически было сведено к нулю. От этого страдали не только экономические, но и политические интересы России в этом районе. Идея «посредством торговых сношений приобрести доверие горцев», положенная в основу созданного в 1819 г. «Попечительства торговли с черкесами и абазинцами», оказалась, по выражению Ермолова, «чрезвычайно неудобна в приложении, если совсем невозможна»⁵. Предприятие Скасси потерпело полный крах. Его торговые операции прекратились еще до 1828 г., а окончательно «Попечительство» было ликвидировано в 1835 г.⁶

Принимая во внимание охарактеризованную выше обстановку, сложившуюся на Кавказе и в восточной части Черного моря в 20-х годах XIX в., не трудно понять, почему царизм стремился к овладению Кавказским побережьем и находившимися там опорными пунктами Турции. Накануне русско-турецкой войны, в начале 1828 г., Нессельроде довел до сведения британского правительства, что «в Европе Россия не желает никаких территориальных приобретений на счет Оттоманской империи», но «в Азии нуждается в приобретении двух укреплений: Анапы и Поти с окрестною территорией»⁷.

В итоге внешнеполитическая программа царизма в восточном вопросе к концу 20-х годов XIX в. сводилась к желанию обеспечить полную свободу плаванья в черноморских проливах и успешное экономическое освоение южных степных районов, укрепить экономическое и политическое влияние России на Балканском полуострове, расширить владения России в Закавказье и овладеть Кавказским побережьем Черного моря.

¹ АКАК, т. VI, ч. 2, № 722. Письмо Ермолова от 24 марта 1817 г.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1025, оп. 2, д. 94, л. 15.— Рапорт атамана Власова от 25 июля 1826 г.; лл. 16—18 — Донесение комиссара Тауш от 17 сентября 1826 г.

³ Гос. архив Краснодарского края, ф. 249, св. 166, д. 1026, л. 14. Рапорт комиссара Редутского карантина от 8 февраля 1828 г.

⁴ ЦГВИА, ф. 482, л. 50730, лл. 32, 34, 35.

⁵ АВП, ф. МИД России, оп. II-3, 1822 г., д. 13, л. 324. Письмо к Нессельроде от 27 апреля 1822 г.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, л. 110. Справка об истории меновой торговли.

⁷ Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 371. Депеша Нессельроде кн. Ливену от 6 января 1828 г.

Конечно, не одни только экономические причины определяли эти устремления. Огромное значение имели также политические и стратегические соображения, которыми руководствовался царизм в своей внешней политике. В обстановке усилившегося разложения крепостного строя царизм особенно заботился об укреплении политического престижа дворянской империи, стараясь внешнеполитическими успехами разрядить напряженную обстановку внутри страны и отвлечь народные массы от насущных вопросов их социальной жизни. «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм во внешних сношениях должен был... непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями»¹.

Необходимо также учитывать, что завоевательная политика не являлась монополией русского царизма. Дунайские княжества служили объектом захватнических устремлений также Австрийской империи, которая, помимо этого, искала случая поглотить Сербию и другие южнославянские земли. Франция рассчитывала утвердить свое господство в Египте, Сирии и Ливане и захватить выгодные позиции на юге Балканского полуострова (открытая французская интервенция в Морее обнаружила это со всей очевидностью). Агрессивные замыслы англичан в период восточного кризиса не ограничивались обеспечением британского влияния в Греции, но предусматривали также широкое распространение английской экспансии в Азии и превращение Турции и Ирана в полуколонии Британской империи. Стремление запереть Россию в Черном море, закрыть для нее проливы и вытеснить ее из пределов Закавказья являлось определяющим моментом всех антирусских происков английской агентуры на Востоке.

Погоня за прибылью заставляла английских капиталистов «наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и Черного моря»². Одновременно с грабительской войной против Бирмы и захватом Ассама (1824—1826 гг.) Англия активизирует деятельность своей разведки в Афганистане и Средней Азии. В 1822 г. Фрейзер обследует Хорасан, в 1825 г. Муркрофт и Требек проникают в Афганистан и Бухару. Наряду с этим, пользуясь разрешенным с 1821 г. беспопластным транзитом товаров в Иран через Закавказье, английские агенты все чаще стали посещать Грузию и Армению, Северный и Южный Азербайджан. «Через Тифлис за последнее время проезжает много англичан, едущих обыкновенно этим путем из Индии в Европу», — писал в 1822 г. французский консул в Грузии Гамба³. Среди проезжавших через Закавказье англичан были не только коммивояжеры английских торговых фирм, но и офицеры британской армии⁴.

Тогда же, в начале 20-х годов XIX в., английская буржуазия приступила к освоению торгового пути, ведущего от побережья Черного моря в глубь Передней Азии. Это был известный с древних времен караванный путь Трапезунд — Эрзерум — Тавриз. В 1823 г. английские товары впервые были завезены в Иран по этому пути⁵. С этого времени интерес к указанному маршруту в английских торговых кругах стал быстро расти.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 29.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 383.

³ С. Gamba. Voyage dans la Russie Méridionale, v. I, Paris, 1826, p. 81.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1025, оп. 1, д. 110, л. 1. Отношение нач. Главного штаба ген. Дибича от 5 января 1824 г.

⁵ Ю. Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии, СПб., 1838, стр. 94.

Позднее в Трапезунде и Эрзеруме были открыты постоянные представительства английских торговых фирм¹. В связи с освоением этого торгового пути повысилась политическая активность английской агентуры в Иране, Азиатской Турции и на Кавказе, на что, конечно, русское правительство не могло смотреть равнодушно.

Анализ позиции царской России, западноевропейских держав, Турции и Ирана в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в. показывает, что все они в своей политике исходили из завоевательных устремлений.

Царизм стремился войнами с Ираном (1826—1828 гг.) и Турцией (1828—1829 гг.) ослабить влияние назревавшего кризиса крепостного строя, смягчить внутренние противоречия, укрепить политический престиж дворянской империи. Иранские и турецкие феодалы имели целью за счет грабежа народов Кавказа и Крыма, захватов чужих земель и возвращения потерянных ранее позиций предотвратить распад своей военно-феодальной системы и продлить существование деспотического режима внутри своих стран. Поощрявшие иранских и турецких реваншистов правительства Англии, Австрии и Франции старались обеспечить наиболее выгодное для себя решение «восточного вопроса» — помимо прямого захвата территорий, приобрести также наиболее важные пути и базы для установления своего господства на рынках Ближнего и Среднего Востока.

Обе упомянутые войны завершились победой России. Они временно укрепили позиции царизма на международной арене, упрочили его владычество на Кавказе и усилили влияние на Балканах. Вместе с тем объективно-историческое значение этих войн состояло в том, что в результате военного поражения Ирана и Турции была освобождена от гнета Каджаров Восточная Армения, обеспечена независимость Греции, закреплена автономия Сербии, расширена автономия Молдавии и Валахии, частично подорвано господство турецких феодалов в Болгарии. Условия Адрианопольского мира 1829 г. и прежде всего отмена турецкой монополии на внешнюю торговлю Дунайских княжеств способствовали развитию капиталистических отношений на Балканах. Этому содействовала и возросшая активность греческой буржуазии, освободившейся от иноземного ига.

Адрианопольский мир завершил в основном продолжавшийся целую треть века процесс присоединения к России территории Закавказья, а также положил конец турецкой экспансии на Кавказском побережье Черного моря. Расширение экономических связей с Россией через черноморские порты способствовало созданию предпосылок для развития капиталистических отношений в Закавказье.

Заключение Адрианопольского мира благоприятствовало расширению черноморской торговли. Следствием этого прежде всего явилось резкое увеличение торговых оборотов азово-черноморских портов. Из Одессы было вывезено товаров в 1826 г. на 4203 тыс. руб. сер., а в 1830 г. — на 8633 тыс. руб. сер.² В 1831 г. русский пароход «Нева» совершил свой первый рейс из Одессы в Константинополь, а с 1833 г. было организовано постоянное пароходное сообщение по этой линии и учреждено «Черноморское общество пароходства». В городах Причерноморья и Приазовья растет судостроительная промышленность, увеличивается численность рабочих-кораблестроителей, по преимуществу вольнонаемных.

¹ Burgess. A brief notice respecting the trade of the North provinces of Persia — «The Portfolio», v. V, London, 1836, p. 357.

² «Одесса (1794—1894)», стр. 792.

Расширение внешней торговли с заморскими странами и рост населения портовых городов способствовали повышению товарности сельского хозяйства и развитию торгового земледелия в районах, тяготевших к южным портам России. Помимо украинского сырья и зерна в общий поток черноморского грузооборота втягивалась продукция донских и приазовских степей, а также продукция центральных черноземных районов, расположенных в верховьях Дона, Северного Донца и Десны. Приспосабливаясь к потребностям рынка, помещики старались расширить свои запашки, умножить стада. В районах, где господствовали крепостнические отношения, это вело к увеличению барщины, к разорению и обезземеливанию крестьян. В степной полосе, наряду с ростом барщинного труда, это приводило к более широкому применению наемного труда за счет эксплуатации пришлых крестьян из других районов. Хозяйственное освоение южных степей сопровождалось развитием капиталистических отношений, хотя господствовавшие в стране крепостнические отношения и тормозили рост производительных сил Юга.

Диалектика истории заключалась в том, что чем больше приносили выгод экономическому развитию страны в данный период внешнеполитические успехи царизма, тем сильнее содействовали они обострению внутренних противоречий и назреванию общего кризиса крепостнической системы. Активной внешней политикой на Востоке царизм хотел укрепить эту систему. На некоторое время внешнеполитические успехи действительно притупляли остроту классовой борьбы внутри России. Но в конечном итоге они еще больше обостряли и углубляли социально-экономические противоречия в стране.

Н. Л. РУБИНШТЕЙН

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ И РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Вопросы внешней торговли России рассматриваются в исторической литературе в известной мере изолированно, в отрыве от общего экономического развития России в целом, и это, в частности, приводит к стиранию принципиальных граней между отдельными этапами ее развития. Отсюда происходит, как нам представляется, определенная недооценка самостоятельной роли внешней торговли в формировании купеческого капитала в России в период развития товарного производства. При этом на данный период механически переносится марксистско-ленинское положение о примате внутренней торговли, относящееся к эпохе капитализма. Новое соотношение между внутренней и внешней торговлей наступает только с развитием капиталистических отношений в период капиталистического уклада.

Оформление и развитие капиталистического уклада в России во второй половине XVIII в. отмечено значительным ростом производительных сил, общим подъемом всего хозяйства России¹.

В исторической литературе достаточно хорошо известны данные о развитии мануфактурной промышленности России в этот период. Как бы критически ни относиться к соответствующим отчетно-статистическим данным, с ними нельзя не считаться, поскольку они показывают, что во второй половине XVIII в. мануфактурная промышленность в России увеличила свое производство примерно в 3 раза при все возрастающей роли капиталистической мануфактуры с вольнонаемным трудом и с работой в основном на широкий рынок. Рост русской железоделательной промышленности за период 1760—1800 гг., по данным, недавно опубликованным С. Г. Струмилиным, определяется увеличением общего числа домен почти в 2 раза, ростом продукции чугуна и железа на то же время в 2,7 раза, а против 1750 г. — почти в 5 раз².

Слабее изучены эти процессы в области сельского хозяйства. Между тем анализ погубернских ведомостей посева и урожая хлебов за два последние десятилетия XVIII в.³ дает только за последнюю четверть века рост площадей посева зерновых для большинства губерний, не исключая промышленного центра и северо-западного промышленного района, — от 60 до 100%. При этом общий количественный рост сопровождается и

¹ Опыт сводной обобщающей характеристики периода капиталистического уклада в России дан в статьях Н. М. Дружинина по вопросам периодизации истории СССР — «Вопросы истории», 1949, № 11 и 1951, № 1.

² С. Г. Струмилиным. История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954, стр. 459—493.

³ См. ЦГАДА, ф. Гос. архива, разр. XVI и ф. 1244, оп. 380 — донесения губернаторов.

ростом товарности сельского хозяйства, нашедшим свое выражение как в выделении специальных районов товарного земледелия (центральный земледельческий район и зарождение восточного степного района), так и в специальном распространении товарных зерновых культур — пшеницы и крупных, и особенно технических культур — льна и конопли, масличных и прочих, с последовательным расширением рынка сельскохозяйственных продуктов и товарного обращения.

У нас отсутствуют соответствующие сводные цифровые данные о развитии внутренней торговли России. Они восполняются, однако, данными топографических описаний, «Экономических примечаний» и отдельных губернаторских донесений о росте городской торговли, причем обороты по целому ряду более значительных городов центрального района, как Ярославль, Кострома, Тверь — на Волге, Тула, Калуга, Орел — на юге и многих других, определяются значительной для того времени суммой — примерно до 1 млн. руб. в год. Городская торговля центра дополняется ростом торговых сел и распространением ярмарочного торгова¹.

Из общей системы ярмарочного торгова особо выделяются крупные ярмарки общероссийского и областного значения — Макарьевская, Свинская под Брянском, Курская Коренная, Харьковская, Ростовская, которые в то же время связывали внутренний русский рынок с внешним рынком. Этим определилось и то значение, которое вопросы русского города и русского купечества приобрели в экономической литературе и в экономической политике второй половины XVIII в. Достаточно напомнить деятельность обеих Уложенных комиссий 1754 и 1767 гг., работы Комиссий о коммерции 1760 и 1763 гг., правительственное законодательство. На этой почве возникли и специальные анкеты по русскому городу 1760 и 1769 гг., давшие ценнейший материал по экономической истории русского города, продолженные специальной анкетой, которая легла в основу позднейшего экономического описания России в топографических описаниях 1780-х годов².

Развитие внешней торговли России во второй половине XVIII в. необходимо рассматривать в непосредственной связи с указанными явлениями. Чрезвычайно показательны при этом уже общие данные движения оборотов по внешней торговле. Наиболее полная сводная таблица по ввозу и вывозу товаров была в свое время опубликована Г. Шторхом за 1742—1797 гг.³.

Воспроизводим ниже материалы этой таблицы (см. табл. 1 на стр. 345).

А. Семенов приводит еще средние цифры внешней торговли для 1802 — 1804 гг. — 34 116 тыс. руб. для ввоза и 51 576 тыс. руб. для вывоза⁴; некоторое снижение торгового оборота в эти годы вполне объясняется международной обстановкой, в частности нарушением торговых связей с Англией в конце царствования Павла I.

Таким образом, к концу века по сравнению с 1750 г. общий оборот вырос почти в 7 раз, а по сравнению с 1760 г. — в 5 раз с лишним. Для большей наглядности интересно сопоставить движение средних годовых показателей ввоза и вывоза по десятилетиям.

¹ См., в частности, нашу статью «Русская ярмарка XVIII в.» — «Ученые записки кафедры истории народов СССР Моск. обл. пед. ин-та», вып. 1, М., 1939.

² Н. Л. Рубинштейн. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России — «Вопросы географии», сб. 31, М., 1953.

³ H. Storch. Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs. Supplément-band zum V, VI u. VII. Teil, Leipzig, 1803, табл. № 1, стр. 1—2.

⁴ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности..., т. III, СПб., 1859, табл. к стр. 220.

Таблица 1

Ввоз и вывоз России в 1742—1797 гг. (в тыс. руб.)

Годы	Ввоз	Вывоз	Итого	Годы	Ввоз	Вывоз	Итого
1742	3 568	4 567	8 135	1770	11 374	14 989	26 363
1743	4 501	4 240	8 741	1771	10 727	17 136	27 863
1744	3 703	5 916	9 619	1772	15 563	15 690	31 253
1745	3 899	5 249	9 148	1773	13 571	18 142	31 713
1746	4 193	5 268	9 461	1774	13 596	17 604	31 200
1747	3 499	5 402	8 901	1775	12 469	18 557	31 026
1748	4 304	4 624	8 928	1776	13 007	17 969	30 976
1749	4 508	5 337	10 045	1777	14 644	20 487	35 131
1750	6 013	7 153	13 166	1778	12 704	19 174	31 878
1751	5 957	6 596	12 553	1779	14 369	18 791	33 160
1752	7 003	5 932	12 935	1780	15 477	19 657	35 134
1753	5 915	7 458	13 363	1781	16 298	22 690	38 998
1754	5 160	7 240	12 400	1782	19 242	21 059	40 351
1755	6 642	8 183	14 825	1783	19 251	23 506	42 757
1756	6 601	8 005	14 606	1784	18 396	26 295	44 691
1757	6 084	8 195	14 279	1785	16 472	25 374	41 806
1758	6 353	8 663	15 016	1786	17 071	22 904	39 975
1759	8 003	9 602	17 605	1787	22 753	26 114	48 867
1760	7 358	9 875	17 233	1788	18 921	28 721	47 642
1761	7 181	9 724	16 905	1789	21 513	31 054	52 567
1762	8 162	12 762	20 924	1790	31 132	32 782	63 914
1763	9 190	11 140	20 330	1791	35 113	34 290	69 403
1764	9 671	11 494	21 165	1792	37 521	40 697	78 218
1765	9 200	13 099	22 299	1793	26 119	43 481	69 600
1766	9 175	11 608	20 783	1794	39 530	45 474	85 004
1767	8 893	11 610	20 503	1795	36 652	53 772	90 424
1768	10 856	12 972	23 828	1796	41 879	67 640	109 519
1769	11 680	14 518	26 198	1797	34 932	56 684	91 616

Таблица 2

Ввоз и вывоз по десятилетиям в 1742—1797 гг. (в тыс. руб.)

Годы	Ввоз	Вывоз	Увеличение против предыдущего десятилетия	
			по ввозу	по вывозу
			в %	
1742—1749	4 022	5 100	—	—
1750—1759	6 580	7 900	60	55
1760—1769	9 160	11 880	40	54
1770—1779	13 190	17 840	43	20
1780—1789	20 540	24 738	56	40
1790—1797	34 740	46 850	71	90

Особый интерес в указанной общей связи представляет для нас стремительный рост русского вывоза в конце века — почти в 6 раз против 1750-х годов. При этом вывоз 60-х годов более чем в 2 раза превышает вывоз 40-х годов и после некоторого снижения темпов в 70-х и 80-х годах дает новый скачок в 90-е годы — почти вдвое против 80-х¹. Что касается роста внешней торговли в 1760-х годах, то он стоит в прямой связи с отменой внутренних таможен по указу 20 декабря 1753 г.² и указами 28 марта и 31 июля 1761 г., расширявшими русский экспорт³.

Крупнейшую роль в русском экспорте в середине 90-х годов играли продукты русского сельского хозяйства: пенька и лен (31,6%), сало (11%), а также продукты русской промышленности — железо (11,55%), полотна (9,8%) и др. За 25 лет (с 1769 по 1793 г.) вывоз пеньки, льна и железа увеличился в 3—3,5 раза, сала — в 6 раз, прочих товаров — в 2—2,5 раза⁴.

Но отмечая рост внешней торговли, историческая литература, как правило, говорит об экономическом отставании России в этой области, о якобы установившейся пассивности русского купечества, о его зависимости от господствовавшего на русском внешне-торговом рынке английского купечества. Эти утверждения имеют свою длительную историю и стали своего рода традицией. Собственно говоря, они ведут свое начало еще от сочинений экономистов-иностранцев XVIII в. Слабость русского купечества отмечал Sherer в своем «*Essay sur le commerce de Russie*» (Amsterdam, 1777). На крупный рост иностранных фирм во внешней торговле России указывали Георги, Фрибе, Шторх⁵.

В частности Шторх подчеркивал «сравнительно весьма малое число русских, занимающихся внешней торговлей», хотя и объяснял это в основном отсутствием собственного торгового флота, отмечая при этом появление в Москве, Петербурге, Архангельске отдельных русских торговых фирм, ведущих крупный заморский торг⁶.

Еще резче это положение формулирует в середине XIX в. А. Семенов, причем для 1768 г. он определяет участие русских купцов в Петербургском портовом торге по вывозу в $\frac{1}{4}$ доли и по ввозу — в $\frac{1}{13}$, а для 1792 г. сводит дело к вопросу о составе судоходства, определяя вывоз русскими купцами на русских судах $\frac{1}{15}$ всего отпуска и провоз $\frac{1}{6}$ части товаров⁷. Эти положения перешли и в специальную литературу советского периода. Их повторяет И. М. Кулишер⁸. С. А. Покровский прямо заявляет о «гегемонии англичан на русском рынке», причем также сводит вопрос в основном к составу обслуживающих внешнюю торговлю судов⁹. На тех же позициях стоит и новейший исследователь купеческого капитала в России В. Н. Яковцевский¹⁰, также отрицающий самостоятельное значение

¹ После введения тарифа 1782 г. При расчетах не учтено падение курса ассигнаций.

² I ПСЗ, т. XIII, № 10164.

³ I ПСЗ, т. XV, № 11489 и т. XVI, № 11630.

⁴ Н. Storch. Указ. соч., табл. X/C, стр. 38.

⁵ И. Г. Георги. Описание росс.-императ. столичного города С.-Петербурга, ч. 1, СПб., 1794, отд. VII, гл. 1, стр. 200—222; W. Chr. Friebe. Über Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte, т. II, СПб., 1797; Н. Storch. Указ. соч., т. VIII.

⁶ Н. Storch. Указ. соч., т. VIII, стр. 255—256 и 268—271; см. также т. V, стр. 226—231.

⁷ А. Семенов. Указ. соч., т. III, стр. 225—226.

⁸ И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли, Пгр., 1923, гл. X.

⁹ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя политика России, М., 1947, стр. 119.

¹⁰ В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, стр. 119—120.

сделок русских купцов с иностранными в русских пограничных портах и придающий особое значение составу обслуживающих торговлю судов.

Нам представляется, что указанные положения требуют пристальной критической проверки в свете всего современного понимания экономики России второй половины XVIII в. и прежде всего привлечения новой документации из наших архивов. Изучение этой документации позволяет полностью пересмотреть приведенную традиционную точку зрения.

Как указано выше, приведенные утверждения базируются в основном на составе судов, обслуживавших портовую торговлю. Слабость русского морского судоходства — явление естественное, если учесть поздний выход России к морю и прежде всего к балтийским портам. Но мы располагаем еще другим показателем удельного веса русского купечества во внешней торговле — ценностным распределением ввозимых и вывозимых товаров по национальному составу купечества. М. Чулков приводит специальный формуляр соответствующей отчетной ведомости по портовым таможенным¹. Одна из таких ведомостей — за 1795 г. — была напечатана в указанном сочинении Фрибе².

Мы имеем возможность составить соответствующую сравнительно полную таблицу по Петербургскому порту за 1772—1801 гг. на основе ведомостей, извлеченных из фонда Воронцовых в архиве ЛОИИ, ограничившись указанием удельного веса русского и английского купечества, поскольку удельный вес купцов других национальностей не играет существенной роли³.

При анализе приведенной таблицы прежде всего бросается в глаза резкий разрыв в соотношении между русскими и английскими купцами для привоза и вывоза. Источник этого разрыва лежит, видимо, целиком в условиях фрахтования судов. При закупке товаров за границей, даже при посредстве иностранных комиссионеров, которые в большинстве находились в Петербурге, товары поступали непосредственно в адрес русских купцов, которые сами принимали их в Петербургском порту. Шторх указывал, что русские купцы производили закупки товаров или непосредственно в иностранных торговых городах или через комиссионеров в Петербургском порту, причем коносаменты и самый товар получали на свое собственное имя⁴. Ниже мы еще приведем соответствующие указания топографических описаний на непосредственные закупки товаров русскими купцами за границей. Соответственно этому петербургская таможня регистрировала эти товары как покупки и ввоз русских купцов, и нам представляется, что в данном случае нет оснований отрицать непосредственную активность русского купечества. Характерно при этом, что по привозу русские фирмы все время идут впереди англичан, и их доля составляет с самого начала свыше 40% в общем привозе, вырастая в дальнейшем до 60—70%.

Иначе обстояло дело с вывозом товаров из Петербургского порта, в котором доля русских купцов составляла на первых порах 10—12%.

¹ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. VI, М., 1785, стр. 290.

² W. Chr. Friebe. Указ. соч., т. II, Приложение 1 к стр. 186.

³ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 570. Собрание разных ведомостей, касающихся российской торговли, лл. 109—251. Из состава иностранного купечества на первом месте после англичан стояли голландцы, но их удельный вес в привозе по Петербургскому порту составлял к началу 1770-х годов всего 10%, а в дальнейшем снизился до 5—6%; в вывозе он снизился соответственно с 5—5,5 до 3% с небольшим. Поэтому в решении поставленного нами вопроса речь идет в основном об английском купечестве.

⁴ H. Storch. Указ. соч., т. VIII, стр. 260—261.

Таблица 3

Привоз и вывоз товаров через Петербургский порт

Год	Русскими купцами				Английскими купцами				Всего	
	привоз		вывоз		привоз		вывоз		привоз	вывоз
	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	
1772	2 556	35	592	10	1 844	25	3 702	64	7 293	5 820
1773	3 879	45	1 472	16,5	1 780	21	4 725	55	8 553	8 865
1774	3 319	37,6	1 269	13	2 350	26,5	5 140	56	8 830	9 086
1776	2 778	40	1 086	12	1 903	27	5 581	62	7 007	8 966
1777	3 545	46,5	1 058	9	1 916	25	7 124	64	7 626	11 117
1778	2 900	44	1 002	10	1 502	23	6 157	60	6 592	10 210
1779	3 831	43,4	1 840	16	1 900	21,4	6 033	54	8 857	11 175
1780	3 777	43,7	1 018	10	2 100	24	6 433	59	8 656	10 941
1781	4 438	46	2 368	18	2 362	24,6	8 653	67	9 582	12 954
1782	5 563	45,6	2 598	22,6	2 852	23,4	6 269	55	12 204	11 467
1783	6 166	53	2 374	23,5	2 817	24	5 640	56	11 674	10 098
1784	6 958	57	2 842	22	3 001	25	8 390	65	12 171	12 941
1785	6 078	60,5	2 556	19	2 366	23,5	9 036	67	10 034	13 497
1790	18 864	82	10 179	47	1 847	8,2	9 746	45	22 965	21 642
1793	10 340	71	9 938	42	2 879	19,8	13 122	55	14 581	23 758
1794	14 082	65	9 625	37,5	5 440	25	15 030	59	21 741	25 566
1795	15 148	66	11 881	37,4	6 670	29	19 124	60	23 019	31 768
1801	17 245	71,6	14 748	47,5	6 352	26	14 908	48	24 082	31 111

в 80-х годах поднялась до 20% и только в конце века достигла 37—40%. Но разгадку этого резкого разрыва надо, как нам кажется, искать не в пассивности или активности русского купечества, а в указанном уже выше состоянии русского морского торгового флота. Поскольку отгрузка товара требовала фрахтования иностранных судов, имело ли смысл русским купцам брать на себя эту заботу, принимая обязательства по поставке товара в порт назначения? Очевидно, купцы предпочитали сдавать товар в Петербургском порту, перекадывая заботу о фрахтовании судов на своих контрагентов или на комиссионеров в Петербургском порту. «Русские купцы из внутренних губерний России,— пишет Шторх,— съезжаются в определенное время в Петербург (далее имеется прямое указание на зимние месяцы.— Н. Р.) для заключения контрактов с тамошними комиссионерами на продажу своих товаров по точной спецификации»¹.

При сдаче товаров в Петербургском порту их отгрузка производилась уже от имени заграничной фирмы или петербургского комиссионера, и эти товары соответственно регистрировались таможней по национальности купившей товар иностранной фирмы. Однако с точки зрения экономики торговли это отражало лишь формальную регистрационную сторону такой коммерческой сделки.

В нашем распоряжении имеются конкретные поименные списки фирм, участвовавших в экспорте и импорте товаров по Петербургскому порту в 1770-е годы. Известно, какое значительное место в петербургском экспорте занимало железо. Шторх исчислял общий отпуск железа для

¹ Н. Storch. Указ. соч., т. VIII, стр. 257.

1769 г. в 1463 тыс. руб., что составляло около 10% общего отпуска, А. Семенов для 1778—1780 гг. — в 1634 тыс. руб.¹ Между тем в списках фирм, торговавших при Петербургском порте, из числа известных железо-заводчиков значатся только Баташовы по списку московских купцов и Ларион Лугинин по Туле². В этих списках мы не находим крупнейших владельцев уральских заводов — Демидовых, Воронцовых, Строгановых. Голицыных, Шаховских и других, — продукция которых, как известно, шла на экспорт в Англию и сбывалась в Петербургском порту. Очевидно, все они сбывали свою продукцию франко-Петербургский порт с доставкой к Петербургу на собственных или наемных судах по Волжскому водному пути, но перелагая при этом на своих контрагентов заботу о дальнейшей транспортировке груза на морских судах. Мы сомневаемся, однако, можно ли на этом основании так просто относить реализацию русского железа на внешнем рынке за счет активности иностранного купечества. С этой точки зрения нам и представляется, что показатели чрезвычайно высокого участия англичан в русском экспорте требуют критической проверки и серьезного пересмотра.

Правда, нам могут при этом указать на наличие другой условности в официальных показателях, имеющей обратное значение: в составе русских фирм значились и те иностранцы, которые в силу тех или иных соображений (главным образом ради коммерческих льгот) оформили русское подданство. Мы произвели соответствующие расчеты по одной из наиболее полных ведомостей 1770-х годов — за 1773 год. Указанная ведомость определяет оборот русских фирм в 3402,8 тыс. руб. по привозу и 1523,8 тыс. руб. по отпуску, а оборот английских фирм — соответственно в 1840 тыс. руб. и 4660,4 тыс. руб. Характерно, что у английских фирм решительно преобладает вывоз товаров из России (72% всего оборота), причем главная роль в экспорте принадлежит именно комиссионным фирмам, деятельность которых продолжается в течение всей второй половины XVIII в. (Аткинс, Регель, Илузбери, Ватсон и К^о, В. Глен, Риттер, Торнтон и Келли, Томсон Петерс и К^о, банкир Сутерланд и К^о и др.). В списке иностранцев значится и известный владелец полотняной мануфактуры Ив. Томас, но в его торговых операциях преобладает ввоз над вывозом (221,6 тыс. руб. и 61 тыс. руб.). В составе русских фирм значились 40 купцов иностранного происхождения, включая сюда и несколько купцов из Выборга, Ревеля и Нарвы, но обороты всех этих купцов, кроме одного банкира Фридрихса, ничтожны и падают главным образом на привоз — по привозу 140,7 тыс. руб., по вывозу — 13,8 тыс. руб. Крупный оборот и притом по экспорту приходился среди иностранцев только на придворного банкира Ивана Фридрихса — 65 тыс. руб. и 661,7 тыс. руб., и здесь речь должна идти определенно о комиссионных операциях, так что и за этой суммой оборота практически стоят русские поставщики товара, среди которых могли оказаться те же упомянутые заводовладельцы. В этом отношении стоит напомнить указание Георги, что иностранное купечество в Петербурге отправляет торг большей частью по комиссиям и что купцы, торгующие за свой счет, обычно обладают незначительными капиталами и нередко разоряются³.

Но и с учетом поправок на иностранных купцов, включая и банкира Фридрихса, мы получаем соответственно по привозу для русских фирм

¹ Н. Storch. Указ. соч., дополнит. том, табл. X/C, стр. 38; А. Семенов. Указ. соч., т. III, стр. 428.

² Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, 570.

³ И. Г. Георги. Описание рос.-императорского столичного города С.-Петербурга, ч. 1, СПб., 1794, стр. 205, 208 и др.

3197 тыс. руб. и для англичан 1840 тыс. руб., с значительным перевесом на стороне русских купцов (37,5% и 21,5%). По отпуску товаров соответствующие данные составляют более значительный разрыв: непосредственный отпуск русских фирм составляет всего 854,4 тыс. руб., или около 10% ко всему вывозу из порта. Примерно та же пропорция наблюдается в 1772 и 1775 гг.

Как отмечалось выше, обороты русских фирм как в привозе, так и в отпуске в дальнейшем, особенно в 90-е годы, растут значительно быстрее, чем обороты английских фирм, и соответственно их удельный вес меняется в пользу русских фирм. Конечно, не исключена при этом возможность более активного перехода иностранных фирм в разряд русских. К сожалению, мы не располагаем сейчас соответствующими поименными ведомостями для данного периода¹.

В связи с поставленным общим вопросом об активной роли русского купечества во внешней торговле представляет особый интерес вопрос о составе последнего. В общем составе «русских» фирм собственно русских петербургских купцов было лишь 35 человек (18%), за ними следовали московские купцы в числе 33 (17%) и тульские — 19 купцов (10%), а за ними шли купцы из ряда внутренних городов России. Еще разительнее в этом смысле данные о сумме торговых оборотов.

Ведущая роль в петербургском импорте принадлежит крупным московским купцам, доля которых достигала почти половины всего привоза русского купечества. Петербургское купечество в 1772 г. уступало даже Туле и лишь немного опередило тульское купечество в ближайшие последующие

Таблица 4

Распределение русских купцов по городам и сумме торговых оборотов
(в тыс. руб.) *

Города	1772 г.		1773 г.		1775 г.	
	привоз	отпуск	привоз	отпуск	привоз	отпуск
Петербург	304,7—12%	87,8—13,3%	568,1—18,9%	219,3—28,1%	531,6—24,7%	120,4—18%
Москва	797,1—31,2%	15,1—2,5%	1407,0—46,5%	97,5—12,7%	878,2—48,5%	44,1—6,7%
Тула	454,8—17,5%	175,5—29,8%	497,5—16,5%	293,1—38,0%	436,1—20,3%	265,5—39%
Калуга	113,9—4,5%	11,6—2,0%	113,9—3,8%	11,6—1,5%	141,5—6,6%	19,7—2,9%

* Проценты исчислены по отношению к обороту русских фирм (включая зарегистрированных под этой рубрикой иностранцев).

¹ Единственная ведомость за 1795 г., приведенная у Фрибе, нуждается в систематической проверке на более широком материале.

годы. В то же время в экспорте Тула оказывалась впереди всех других городов, что обуславливалось, видимо, крупной ролью Тулы этого времени в посреднической торговле с сельскохозяйственными южными губерниями. Ведомость не дает спецификации оборота отдельных купцов по видам товаров, но, вероятно, в оборотах тульского купечества значительное место должно было принадлежать пеньке, конопляному маслу, салу, а также полотну и частично, возможно, железу. Отдельные купеческие фирмы с крупными торговыми оборотами отмечаются и по ряду других городов центрального и северного районов — Калуге, Можайску, Вязьме, Торжку, Олонцу, Вологде, Ярославлю, Ростову и др. Согласно одной ведомости продажи пеньки и льна в Петербургском порту, самые крупные поставки пеньки шли из Тулы, Белева, Калуги, Гжатска и Старой Руссы¹.

Необходимо при этом отметить, что только по Москве наблюдалось активное участие в петербургской портовой торговле сравнительно большого числа крупных торговых фирм — в общем около 15; среди них — такие известные по Москве крупные купцы и частью владельцы мануфактур, как Гусятников, Журавлевы, Ситниковы, Струговщиков, С. Турчанинов и Рыбенский, Губин, Долговы, Кондилов. Последний еще в 1768 г. вместе с тульским купцом Мих. Пастуховым и упомянутым Струговщиковым выступил инициатором организации торговой компании для внешней торговли с привлечением в нее иностранных купцов².

Среди петербургского купечества резко выделяются две фирмы — Ф. Ямщикова и Кир. Попова, причем сравнительно крупный оборот, в том числе и по отпуску товаров, наводит на мысль о наличии в их обороте посреднических операций, что сближало их с соответствующими иностранными фирмами. К ним примыкает Гр. Никонов. Кроме того, следует отметить Гр. Обросимова, особенно выдвинувшегося несколько позднее: в 1780 г. он значился владельцем пяти судов, на которых отправлял свои товары, а, может быть, и товары других русских купцов за границу³.

По Туле особенно выделяются своими оборотами шесть фирм, в том числе Ив. Володимиров, известный еще как участник Средиземноморской торговой компании, Лар. Лугинин и Мих. Пастухов, известные также своим промышленным предпринимательством, а Ливенцовы и Протопопов, подобно Володимирову, являлись представителями торгового капитала в чистом виде.

Преобладание во внешней торговле второй половины XVIII в. торгово-промышленных городов центра характерно не только для операций Петербургского порта. Аналогичную картину мы наблюдаем и во внешней торговле Архангельского порта, об оборотах которого мы располагаем двумя ведомостями за 1773 и за 1783 гг. (см. табл. 5).

Таким образом, и в Архангельске русские купцы решительно преобладают в привозе товаров и уступают иностранным фирмам в экспорте, очевидно, по тем же причинам фрахтования судов, хотя общий удельный вес русских фирм относительно более высокий, чем за соответствующие годы по Петербургскому порту. При этом из иностранных фирм в Архангельске преобладали гамбургские, а англичане с самого начала уступают по своим оборотам русскому купечеству на 25—30%.

Среди вологодских купцов на первом месте стоит крупная вологодская фирма Рыбниковых, купцы Митрополовы, Поповы, Ф. Колесов и М. Шапкин и др. Из других источников эти же купцы известны как вла-

¹ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 450.

² Там же, д. 549, лл. 404—405.

³ Архив АН СССР, ф. 1-13, оп. 1, д. 187.

Таблица 5

Обороты архангельского порта в 1773 и 1783 гг.

	1773 г.				1783 г.			
	привоз		отпуск		привоз		отпуск	
	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %
Всего	374,5	—	2,058	—	436	—	1 439	—
В том числе русские купцы	230,0	61	365,7	18	298	68	438	34,3
Из них:								
вологодские	184,6	80	223,9	60	118	39	159	36,3
устюжские	34,9	15	78,2	21	68	26	74	17
чухломские (Мих. Юдин)	—	—	—	—	52	14	84	19,2
архангельские	6,1	2,6	12,4	3,4	37	12,4	44	10

дельцы мануфактур, как крупные землевладельцы, державшие в кабале многих половников, принадлежавшие к разряду так называемых деревенских владельцев (Рыбниковы), и как активные участники внешней торговли. Такое же значение в Устюге Великом имели Мих. Протодьяконов, Ив. Курочкин, Аф. Попов, а обладатель крупных капиталов чухломский купец Михаил Юдин вел также крупный торг на Востоке¹. При этом вологодские купцы имели в Архангельском порту в 1780 г. даже три собственных корабля, из которых один в 50 ластов принадлежал лично Гр. Попову, другой, в 76 ластов — тому же Попову с Г. Митрополовым и Мих. Юдиным, а третий, на 220 ластов — Ив. Шапкину и Ал. Андрееву².

Наконец, в нашем распоряжении имеется также один реестр от 1784 г. иногородних купцов в количестве 29 человек, торговавших в Рижском порту. Среди них решительно преобладает купечество Смоленска и других городов Смоленской губ. — Гжатска, Поречкой пристани, Вязьмы, а также прилегающих городов — Ржева, Калуги, Трубчевска и Стародуба, известных в первую очередь торговлей пенькой, вывозившейся через Рижский порт. Гжатский купец Санбураев значится в 1776 г. среди крупных торговцев пенькой и в Петербургском порту; там же значатся и калужские купцы Иван Зотов, Аф. Масленников и Фалеев³, а ржевский купец Тим. Чупятлов фигурирует крупными суммами в ведомостях Петербургского порта.

Эта последняя группа фактов имеет особенно большое принципиальное значение, раскрывая непосредственную связь расширения русской внешней торговли с развитием внутреннего рынка, с ростом важнейших торгово-промышленных центров России в этот период. Именно это связывает развитие русской внешней торговли во второй половине XVIII в. с общим процессом экономического развития страны.

В этом отношении приведенные данные отчетных ведомостей по портовой торговле получают существенное дополнение в материалах специальных анкет по городам и городской торговле. В 1760-х годах были проведены две соответствующие анкеты: одна исходила от Комиссии по коммерции 1760 г., но развернутые ответы по ней последовали лишь з

¹ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 570, лл. 152—158.

² Архив АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 187, №№ 49, 51 и 52.

³ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 450, лл. 20—23.

1764 г., в связи со сменами на престоле и изменениями в составе центрального управления; они поступили уже в так называемую третью Комиссию о коммерции, организованную Екатериной II. Вторая анкета была составлена Комиссией о коммерции в 1769 г.

Материалы последней анкеты были сведены Комиссией о коммерции в общую «Краткую ведомость... о числе купечества, также где, сколько и в каком звании оные находятся». В этой ведомости в числе других пунктов, наряду с общим числом купечества в каждом городе (п. 2), приводится число «торгующих к портам», включающее и тех лиц, которые торгуют в пограничных пунктах на сухопутной границе (п. 3) ¹.

Приводим из указанной ведомости список городов с более значительным числом купечества, «торгующего к портам» (свыше 30 пунктов).

Таблица 6

Крупнейшие торговые города в 1760-е годы, ведшие внешнюю торговлю

Г о р о д	Общее число купечества	В том числе «торгующих к портам»
Москва	6 834	93
Коломна	1 884	57
Гжатск	583	66
Ярославль	5 105	40
Кострома	2 257	32
Калуга	6 806	99
Мосальск	512	36
Ростов	975	73
Тула	3 300	199
Тихвин	893	40
Олонец	4 426	150
Тверь	2 800	89
Торжок	2 929	45
Ржева Володимирская	2 2 8	63
Осташков	1 111	138
Торопец	2 103	55
Смоленск	1 895	53
Вязьма	3 321	45
Рославль	1 196	73
Курск	3 324	90
Воронеж	1 642	36
Вологда	2 049	102
Тотьма	932	59
Вел. Устюг	1 893	193
Лальск	506	84
Киев	236	75
По Сибири		
Тобольск	2 827	32
Иркутск	1 546	57
Селенгинск	1 215	63
Енисейск	3 213	49

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XIX, д. 40, лл. 148—165.

Преобладающую роль играют крупные города центра, отчасти западных и северных губерний; восточные города еще не втянуты в заморскую торговлю: в Нижнем Новгороде, превратившемся уже в крупнейший внутренний порт России, значится всего 27 купцов, торгующих к портам, в Казани — 23. Надо также оговорить, что общее число торгующих не всегда показательно, так как необходимо учитывать еще реальный размер торговых оборотов. Во всяком случае, как показывают уже рассмотренные выше ведомости, на первом месте стояли здесь Москва, Тула и Калуга. К ним примыкали Гжатск и Тверь как пристани на верховьях Волжской водной системы, а также Торопец, Вязьма, Ржев и другие, связанные не только с Петербургом, но и с Ригой. К Туле и Калуге примыкают также Курск и Воронеж по их роли в посреднической торговле с черноземными губерниями — районами товарного сельского хозяйства. Сюда же примыкает Олонец на севере.

Группа северных городов — Вологда, Вел. Устюг, Лальск и Тотьма — связана с Архангельским портом, а также, как еще будет показано, — с Востоком (сибирским и кяхтинским торгом).

Согласно данной анкете Петербург стоит на одном из последних мест по портовой торговле: ведомость указывает лишь восемь купцов, «торгующих к портам». Более обстоятельная ведомость петербургского купечества называет 23 купцов 1-й гильдии, но из них лишь пять человек с капиталом свыше 10 тыс. руб., в их числе обер-директор С. Яковлев с детьми, директора Ник. Роговиков с братьями и Мих. Грязнов-Лапшин (последний вскоре перешел в Кострому, где открыл полотняную мануфактуру) и значившиеся в ведомостях заморского торгова К. Попов и А. Кокушкин. Среди других можно назвать еще из числящихся в таможенных ведомостях 1770-х годов купцов Вонифатьева, Галактионова, Ем. Бармина, Г. Зимина, Е. Калитина¹.

Более обстоятельные материалы по городскому купечеству и, в частности, по его участию во внешней торговле содержат ведомости 1764 г.²

Отметим попутно, что в том же фонде ответ по Москве содержит также сводную ведомость по городам, составленную в Главном магистрате еще в 1761 г., а по содержащимся в ней сведениям отражающую данные еще более раннего времени, так как составлялись они, очевидно, по материалам, ранее поступившим в канцелярию Московской конторы Главного магистрата³.

Представляют интерес некоторые сравнения данных ведомости 1761 г. с материалом использованной выше ведомости 1769 г., хотя сравнение затруднено тем, что по ряду городов распределение по гильдиям отсутствует; нет также прямого выделения торгующих к портам. Наконец, в ряде случаев дано не число купцов (в таких случаях оговаривалось число «домов»), а общее число душ мужского пола. Так, по Москве в 1-й гильдии показано 787 душ, по Коломне — 770 и т. д. Однако следует отметить указание на торг «к Петербургскому порту» для большинства торгово-промышленных городов Замосковья. По Калуге указан торг к Петербургу, Архангельску, Риге и сибирским городам. На юге уже выделены по портовой торговле Курск и Воронеж. На севере значится торговля к Архангельску и с Востоком по Вологде, Вел. Устюгу, Шенкурску, но

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XIX, д. 40, лл. 46—83.

² Нами использованы материалы архива Комиссии о коммерции в Ленинграде; часть, видимо, этих же ведомостей использована в монографии В. Н. Яковцевского по фонду Гл. магистрата в ЦГАДА.

³ ЦГИАЛ, ф. 4 (Комиссии о коммерции), оп. 1, д. 773, лл. 25—221.

масштабы этой торговли еще значительно меньше, чем по ведомости 1769 г.

Значительно богаче по содержанию ведомости, поступившие из городов в 1764—1765 гг. Последние не только перечисляют поименно купцов, «торгующих к портам», но указывают также конкретные порты, объем оборотов, состав отпускаемых товаров.

По Петербургу ведомость также указывает всего восемь купцов, ведущих портовый торг¹. Среди них на первом месте значится Савва Яковлев с оборотом в 500 тыс. руб., главным образом по торговле льном, пенькой и сибирским железом; последнее, очевидно, шло прежде всего с собственных заводов. Торг указан по Петербургскому порту и, видимо, в значительной части проходил через иностранных комиссионеров: по таможенным ведомостям в 1772 г. его оборот (на имя Петра Яковлева) показан по привозу в 5 тыс. руб. и по отпуску в 6,5 тыс. руб., в 1773 г. — соответственно 8 тыс. руб. и 18 тыс. руб., а в 1775 г. он вовсе отсутствует. У Ф. Ямщикова показан торг с Амстердамом в 15 тыс. руб. по вывозу (сало, щетина, полотно) и в 35 тыс. руб. по привозу (из них на 15 тыс. руб. покупкой в Петербургском порту) с продаж в Москве. Торговля Ямщикова в дальнейшем расширилась. Непосредственная торговля в иностранных портах указана также у Е. Барминова и А. Авросимова (очевидно, Обросимова) — в Стокгольме, у П. Кокушкина — во Франции (в Бордо); первые двое торговали русскими сельскохозяйственными товарами, последний — в первую очередь железом и досками. Сыновья названных торговцев значатся в последующих ведомостях.

Значительно шире втянуто в заморский торг московское купечество, из которого в детальном перечне значатся 45 купцов². Общая сумма капиталов определена в 1176 тыс. руб., т. е. вдвое больше, чем по Петербургу, но к этому надо добавить, что значительный итог по Петербургу относится в основном на счет Яковлева, без которого весь капитал во внешнем торге составил бы всего 90 тыс. руб. Московское купечество, занимавшееся внешней торговлей, обычно вело торг одновременно в ряде портов или пограничных городов. При этом для нескольких купцов указаны не только русские порты, но и прямые связи с определенными западноевропейскими странами:

Бр. Евреиновы торгуют в Голландии, Англии и Гамбурге с оборотом в 34 тыс. руб.

А. И. Турчанинов — в Голландии, Англии, Франции, Германии, Италии на 25 тыс. руб. (шелковые товары).

Аф. И. Долгов — в Петербурге и в зарубежных странах — пенькой и сукном.

Д. Я. Земский, известный владелец полотняной мануфактуры, — в Амстердаме, Англии и Персии разными российскими и иностранными товарами на 50 тыс. руб.

А. Д. Кондилов — в Константинополь, Смирну, Сибирь и к Охотскому морю — иностранными товарами на 90 тыс. руб.

В. В. Суровщиков — «в Царьград» через Темерник и в Амстердам и Гданск через Петербург разными российскими товарами (железом, медным товаром, шерстью, тканями), иностранными и, в частности, китайскими, в общей сложности на 116 тыс. руб.

Ив. Наумов — во Францию и в Гданск, на 15 тыс. руб.

С. Б. Струговщиков — в Амстердам и Гамбург, куда вывозит ситцы, выбойки и другое, привозит немецкие товары, всего на 25 тыс. руб.

¹ ЦГИАЛ, ф. 4, оп. 1, д. 772.

² Там же, д. 793.

П. С. Рыбенский — привозит товары из Голландии, Англии, Франции, Италии и Германии через Петербург и Ригу.

Во всей торговле с западноевропейскими странами в купеческом экспорте на первом месте стоят русские сельскохозяйственные товары и частично продукция русских мануфактур, особенно в тех случаях, когда они принадлежат торгующему купечеству.

Наряду с этим во внешней торговле московских купцов крупное место занимает торг с Китаем, а также оренбургский торг с Казахстаном и Средней Азией, причем московские купцы (наряду с тульскими) держат в своих руках посредническую торговлю между Востоком и Западом в Петербургском порту. Торговлю в Сибирь и Китай вели Г. А. Савин и М. П. Гусятников, купцы Журавлевы, крупные капиталисты и владельцы суконной мануфактуры в Москве (у пяти представителей дома Журавлевых имелось 215 тыс. руб. в торговом обороте), и ряд других менее крупных, причем в их обороте значатся мягкая рухлядь, китайские и немецкие товары.

У 34 тульских купцов, «торгующих к портам», значится в обороте 860 тыс. руб.¹ И здесь мы видим в основном уже знакомые нам купеческие фамилии, только в ряде случаев это еще представители предшествующего старшего поколения. Здесь известный купец И. Ф. Володимиров, купцы и заводчики Лугинины и Баташовы, Ливенцовы, И. Т. Пастухов и А. Н. Солодовников, И. Т. Девяткин, Сушкин и др. В собственно торговом обороте выделяется прежде всего торг русскими сельскохозяйственными продуктами «к Петербургскому порту» — пенькой, коноплей, маслом, воском и медом, рогатым скотом, салом, щетиной и шерстью и частично продукцией русских мануфактур — полотном, юфтью, железом. Западный торг ведется через Петербург и Ригу.

В то же время в Туле, как и в Москве, широко развернулась торговля через Оренбург и Кяхту, отчасти выросшая на базе торгового обслуживания металлургической и текстильной промышленности. С Кяхтой, Оренбургом и отчасти Астраханью связаны наиболее крупные тульские купцы — Лугинины, Ливенцовы, Пастухов, Сушкин; хотя по своему объему эта торговля большей частью уступает оборотам по Петербургскому порту. На Восток идут главным образом юфть, ворвань, сермяжные сукна и разный мелкий товар, а оттуда — меха, мерлушка и разные китайские товары.

Аналогичную картину, но в меньшем масштабе дает и ведомость по Калуге, с преобладанием в обороте сельскохозяйственных товаров².

Реализация в Петербургском порту продукции собственных полотняных мануфактур характерна для Костромы³.

Ярко выделяется на севере рост торгового значения Вологды⁴. Уже известный нам круг вологодского купечества — Рыбниковы, Шапкин, Свешников, Попов и Конев, Колесов — дополняется новыми фамилиями — И. Д. Филатова, Исаевых, Ягодникова, Кулькова и другими, всего 33 купца 1-й гильдии и восемь купцов 2-й гильдии, «торгующие к портам». Наиболее «капиталистская» часть купцов 1-й гильдии торгует при этом не только в Архангельске, но и в Петербурге (13 купцов). Наряду с пенькой, льняным и конопляным семенем, рыбными товарами, посреднической торговлей зерном, в местном экспорте крупное место занимают промышленные товары — в первую очередь холсты и полотняные изде-

¹ ЦГИАЛ, ф. 4, оп. 1, д. 786.

² Там же, д. 709.

³ Там же, д. 778.

⁴ Там же, д. 829.

лия, затем юфть, свечи, сермяжные сукна и пр. Во внешней торговле вологодского купечества крупное место занимает восточный торг — «к Кяхте», в отдельных случаях упоминается торг «к Охотскому морю», а также, подобно московским купцам, соединение торга с морским промыслом на Камчатке. В этих случаях имеет место продажа привозных «немецких» товаров на Востоке и сбыт закупленных восточных (китайских) товаров на московском и других внутренних рынках, т. е. имеет место сложная система многостепенного товарооборота.

Мы встречаем в дальнейшем названных купцов и в ведомостях Архангельской таможни (хотя непосредственный торг в иностранных портах отмечен здесь лишь в единичных случаях), и в материалах кяхтинской торговли, но в ведомостях Петербургской таможни имеются лишь единичные указания на вологодское купечество, что заставляет предполагать широкое использование ими иностранных комиссионных фирм в Петербурге. Однако едва ли это дает основание и здесь ставить под сомнение активность и большую предприимчивость вологодских купцов.

По посредническому торгу между Западом (Архангельский порт) и Китаем (торг к Кяхте) и Сибирью, включая центральный московский рынок и местный торг в городах Подвинья, к Вологде примыкает Великий Устюг, хотя со значительно меньшим объемом капиталов и товарооборота¹.

В то же время значительно отстают еще в своем торговом развитии такие южные центры, как Курск, Орел, Воронеж. Их внешняя торговля ограничивается в основном среднеазиатским торгом в Оренбурге и Троицке, частично южными портами — Астраханью и Темерником, а на Западе — в лучшем случае сделками на нежинской ярмарке, в первую очередь с приезжими греческими купцами².

В связи с ростом восточного торга и его значением как в общем внутрироссийском торговом обороте, так и во внешней торговле на Западе представляют интерес данные о составе фирм, торговавших в Кяхте примерно 20 лет спустя — в 1783 г., свидетельствующие как о прочности кяхтинского торга в общем внешнеторговом обороте русских купцов, так и об устойчивости самих купеческих фирм. Несколько перечневых списков купцов, поставивших свои фамилии под отдельными документами в Кяхте, включают следующие купеческие фамилии³:

Московские купцы: П. Гусятников, М. Губин и Гр. Кирьяков, Ив. Шапкин, Вас. Жигарев, Мих. Железнов, причем первые четверо фигурируют уже в ведомостях Петербургской таможни в 1770-х годах.

Тульские купцы Вас. Большой Ливенцов, Вас. Меньшой Ливенцов значатся в числе крупнейших купцов Тулы уже в 1760-е годы и фигурируют в ведомостях Петербургской таможни в 1770-е годы. К числу тульских купцов, которые вели внешнюю торговлю, принадлежали также Тим. Пирожников, А. Красноглазов, А. Большой Русинов, Гавр. Щедрин.

Из вологодских купцов упоминаются Вас. Шапкин, Ив. и Аф. Козловы, Ник. Филатов, Вас. и Фед. Кульковы, Ив. Скулябин; «бывшими» вологодскими купцами, очевидно, переменившими место жительства и торговой деятельности, названы купцы Исаевы и Иевлевы. К вологодским купцам примыкают один великоустюжский купец и несколько купцов тотемских и лальских, также включившихся в восточный торг и связывавших его с торгом в Архангельском порту и внутри России.

Особо выделяется значительная группа сибирского купечества из

¹ Там же, д. 830.

² Там же, дела 819, 820, 824.

³ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 549, т. VII, лл. 313—315, 317, 325—329 и др.

Иркутска, Томска, Тобольска, Удинска, Тары, показывающая в то же время вовлечение купечества Сибири в общероссийскую торговлю.

Большинство более крупного купечества городов центральной России представлено в Кяхте «прикащиками» из купечества тех же городов, которые могли вести здесь и собственную торговлю, расширяя тем самым ряды приезжего купечества, участвовавшего в кяхтинском торге.

Можно присоединить сюда и значительный список купцов, приезжавших систематически в Оренбург для среднеазиатского торга, также относящийся к началу 1780-х годов. И здесь крупную роль играли в первую очередь московские и тульские купцы. Среди 11 московских фамилий, уже известных нам по широкой торговле и в Кяхте, и в Петербурге, — Журавлевы, Ан. Евреинов, Дан. Земский, Ив. Полуярославцев. Из Тулы значатся девять купцов, в том числе известные заводчики и купцы Лугинины, Мосоловы, Красильниковы, Пастухов и Пирожников, причем другого Пастухова и другого Пирожникова мы застаем в Кяхте. К центральному торгу принадлежат и купцы из Ростова, Ярославля (в их числе владелец известной мануфактуры Дм. Затрапезнов), Калуги, а также из южных центров — Курска и Воронежа.

Значительные связи с Оренбургом поддерживают и волжские города — на первом месте Казань с ее развитым набоечным производством, а также Симбирск, Самара. И здесь владельцы разных мануфактур — Иван Дряблов, уральские заводчики Твердышев и Мясников, Глазов и другие, сбывающие в Средней Азии продукцию своих предприятий и частично приобретающие там материалы для своего производства — хлопчатобумажные ткани, бумажную пряжу, краски¹. Купечество ряда городов на торговой дороге Оренбург — Москва из Самары, Арзамаса, Муромы, Суздаля, а также из волжских городов значатся поставщиками восточных товаров из Оренбурга на крупной областной Ростовской ярмарке, где они находили широкий сбыт².

В последней четверти века во внешнюю торговлю втягиваются и растущие новые торгово-промышленные центры России, в частности в районе товарного земледелия с его растущим товарным спросом. Соответствующие указания содержатся, в частности, в топографических описаниях 80—90-х годов.

Так, широко развернулась в это время торговля г. Курска. Сергей Ларионов в своем описании Курского наместничества говорит о непосредственных связях курского купечества с Лейпцигом и Гданском, откуда привозятся тонкие полотна, сукна и галантерея, с Веней — по закупке шелка, бумажных тканей, земледельческих орудий и особо с Китаем. О торговле в Кяхте и Оренбурге сообщает и топографическое описание. О торговле Курска через Петербург и Кяхту сообщал и В. Ф. Зуев³. Ларионов указывает также и на торговлю курских купцов в Таганроге и начавшейся их торговле в Херсонском порту⁴.

О непосредственных торговых операциях русского купечества в иностранных городах сообщает топографическое описание Смоленской губ. по г. Смоленску (с Гданском и Лейпцигом), топографическое описание Тверской губ. по Ржеве Володимирской, где, в частности, торговлю через Петербургский порт на своих судах продолжал Сергей Чупятов,

¹ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 554, лл. 290—303 и др.

² Там же, д. 323, лл. 83—86 и др. См. также в словаре Щекатова.

³ В. Ф. Зуев. Путешественные записки, СПб., 1787, стр. 150—162.

⁴ Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное Сер. Ларионовым..., М., 1786; Описание топографическое Курской губернии — Отд. рукописей Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина, Муз. собр., № 6288.

представитель купеческой фамилии, известный нам еще по материалам 60—70-х годов XVIII в.

Купечество тех же торгово-промышленных городов центральной России выступило также инициатором развития русской торговли в южных морях.

Уже в составе первой, организованной в 1756 г. «Российской компании для торговли с Константинополем, Венецией и Италией» главными участниками были московский купец Вас. Хастатов, калужский купец Н. П. Шемякин и ярославский «первостатейный купец» А. И. Ярославцев¹. Рядом с Шемякиным упоминаются также калужские купцы и «фабриканты» Торубаевы, позже активно участвовавшие во внешней торговле при Петербургском порте. Несколько позднее, в 1758 г., те же купцы Шемякин, Ярославцев и И. А. Торубаев с рядом других калужских купцов образовали компанию по откупу таможенных сборов². В состав возникшей тогда же другой торговой компании по торговле с Персией входили крупные московские купцы и владельцы мануфактур К. Матвеев и Д. Земский, которые тоже известны нам в дальнейшем и по петербургскому заморскому торгу, и по торговле с Востоком.

Купечество Тулы, ставшей, как показано было выше, в середине XVIII в. крупнейшим не только промышленным, но и торговым центром России, в связи с его местом в общей системе развивавшегося всероссийского рынка, явилось основным инициатором и главным деятелем средиземноморской торговой компании, организованной в Петербурге в 1763 г. На первом месте здесь стоит Ив. Володимеров — держатель половины акций компании на 50 тыс. руб.; эта сумма и показана за ним в обороте по портовой торговле в упоминавшейся ведомости 1764 г. Позднее, по таможенной ведомости 1772 г., его привоз товаров через Петербургский порт достигал около 200 тыс. руб. За ним следовали Лар. Лугинин и Мих. Пастухов, которые также стоят в первых рядах петербургской заморской торговли 1770-х годов и также фигурируют в числе участников азиатской торговли русского купечества³.

Позднее, при организации торгового дома в Константинополе с той же целью расширения торговых связей с Ближним Востоком и странами Средиземного моря, мы снова встречаем в его составе тульского купца Сиднева; впрочем, лично о нем мы другими конкретными сведениями не располагаем.

Именно значительное распространение русской внешней торговли породило оживленное обсуждение связанных с этим вопросов со стороны русского купечества. С этим связаны и многочисленные записки, поступавшие в третью Комиссию о коммерции уже в 1760-е и 1770-е годы. Часть из них собрана в фонде А. Р. Воронцова⁴. Здесь, в частности, привлекает к себе внимание настойчивая постановка вопроса о заведении в крупных заграничных торговых центрах русских консулов и торговых агентов, а также торговых домов, очевидно, в целях вытеснения иностранных комиссионеров с занятых ими позиций. Особенно интересно в этой связи сопоставить составленную в 1775 г. «Роспись, где следует быть в европейских портах и в Леванте российским консулам» с имеющимся в том же деле докладом о российских консулах 1782 г. Первая роспись на-

¹ Определение Сената от 22 ноября 1756 г. — I ПСЗ, т. XIV, № 10694.

² I ПСЗ, т. XV, № 10848.

³ О средиземноморской торговле компании см., в частности, в кн.: Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 1762—1774, СПб., 1896.

⁴ См., в частности, Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 546, т. IV и № 547, т. V (дела Комиссии о коммерции).

зывает 18 пунктов. Доклад 1782 г. называет уже штатных консулов с положенным денежным окладом в 12 пунктах и в 7 пунктах — агентов без специального оклада, а также намечает еще 29 пунктов — «в каких еще местах нужно и полезно быть может учредить вновь консулов или вице-консулов»¹.

Наконец, именно к этому наиболее крупному и «капиталистическому» купечеству относится уже отмечавшееся нами в печати последовательное привлечение его с начала 1760-х годов к участию в политической деятельности². Добавим к этому список представителей от купечества, призванных в Комиссию о коммерции по указу от 19 августа 1764 г. В этом списке фигурируют: московский купец Евреинов, тульские — Ив. Пастухов, Ив. Володимеров, Лар. Лугинин, Ив. Ливенцов, Гавр. Баташев, калужский купец Ан. Губин, ржевские — Тим. Чупатов и П. Сазонов, серпуховские — Ф. и Н. Кишкины, олонечские — М. Кононов и Ф. Попов, белевский — Гр. Селин, мосальские — С. Яншин и Е. Бумажный, ярославский — И. Затрапезнов. От петербургского купечества были призваны обер-директоры С. Яковлев и С. Роговиков, бывший бургомистр И. Пучков, бывший ратгер Дм. Кунин, директоры Ив. Чиркин и Ив. Шукин, купцы Ф. Ямщиков, Ем. Бармин, С. Галактионов, М. Вонифатьев³. Все они, кроме Пучкова и Кунина, выбор которых был определен их прежним служебным положением, принадлежали к активным участникам международной торговли в Петербургском порту; некоторые представители провинциального купечества были специально заняты торгом пенькой. Конечно, в этом выборе известную роль должно было сыграть и то, что в связи с портовой торговлей именно эти купцы чаще всего оказывались в столице и многие даже имели здесь собственные дома, о чем упоминает цитируемый документ. Характерно, что и здесь тульское купечество проявляло, видимо, особую активность и инициативу⁴.

Так определились уже в третьей четверти XVIII в. ведущие центры русской внешней торговли и довольно прочный круг русского купечества, возглавлявшего эту торговлю. Среди них выделяется прежде всего известная группа крупных русских купцов, точнее купеческих фирм, среди которых на первом месте стоит в центральном районе купечество Москвы и Тулы, на севере — Вологда и частью Вел. Устюг; за ними тянутся другие менее значительные торгово-промышленные центры, как Калуга или Ростов в центральном районе, Тотьма и Олонец на севере, города западного района — по торгу в Петербурге и Риге и восточного района, как Арзамас, Симбирск, Казань, главным образом по восточному торгу. Наконец, постепенно в этот ряд вступают и поднимающиеся южные города, особенно с продвижением России к черноморскому побережью.

Именно рост внутренних торговых центров, развитие внутреннего рынка определили, таким образом, быстрые темпы роста русской внешней торговли во второй половине XVIII в. Не вмешательство иностранцев и в первую очередь англичан с их хищнической внешнеторговой политикой, а закономерный процесс внутреннего экономического развития самой России лежит в основе этого процесса.

Такое положение стоит в прямой органической связи с основными положениями формирования капиталистических отношений, раскрытыми

¹ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 547, лл. 348—363, 586—592, 594—617.

² См. нашу статью «Уложения комиссии 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения», «О состоянии подданных вообще» — «Исторические записки», т. 38, особенно стр. 215—216.

³ ЦГИАЛ, ф. 4, оп. 1, д. 314, лл. 20, 30—33, также л. 60 — материал 1766 г.

⁴ Там же, лл. 55—56.

К. Марксом и В. И. Лениным. Самостоятельную и преобладающую роль внешней торговли в формировании крупного купеческого капитала К. Маркс отмечает в докапиталистический период¹. С развитием капиталистических отношений определяющая роль переходит к внутреннему рынку. «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»², — писал В. И. Ленин.

В этом же состоит принципиальное различие русской внешней торговли второй половины XVIII в. от торговли XVII в. и даже от первой половины XVIII в. с правительственными попытками принудительного создания торговых компаний. Указанный рост русской внешней торговли выступает еще одним существенным звеном в общем процессе формирования и развития капиталистического уклада в России.

---

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, гл. XX, а также т. I, гл. XXIV — о роли колониальной торговли.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.

И. С. БАК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА

Развитие народного хозяйства России во второй четверти XVIII в. характеризовалось дальнейшим, хотя и замедленным сравнительно с первой четвертью века, ростом производительных сил и рынка.

Во второй четверти XVIII в. развитие капиталистических отношений в недрах феодально-крепостнического хозяйства еще не достигло ступени, на которой эти новые отношения, выражающие рост производительных сил, вступают в конфликт с господствующим экономическим строем. Производительные силы еще имели простор для своего развития в рамках феодализма. Крепостной строй еще не препятствовал росту товарности помещичьего сельского хозяйства. Промышленность в своем развитии опиралась в основном на эксплуатацию принудительного труда и находила пока достаточный по емкости рынок для сбыта своей продукции. Купечество, ведя торговлю, обслуживало феодализм. «Здесь еще не было ни объективных, ни субъективных признаков разложения феодально-крепостнического строя. Это была эпоха, когда зародыши капиталистического будущего, постепенно накапливаясь в недрах старой системы, еще не колебали ее вековых устоев»¹.

Именно в это время разворачивается поражающее своей разносторонностью научное творчество Татищева. Он плодотворно работал в области истории, археологии, этнографии, философии, права, географии и других отраслей знания. Ко второй четверти XVIII в. относятся и экономические труды Татищева, тесно связанные с его практической деятельностью в качестве руководителя горнозаводского дела на Урале, начальника Оренбургского края и астраханского губернатора.

Экономические воззрения В. Н. Татищева выражены не только в его специально экономических и статистических работах. Они нашли отражение и в его географических трудах, где имеется много экономических элементов, и в работах по русской истории, которую он всегда связывал с географией России, и в различных его проектах, записках и письмах.

Ставя себе целью исследовать экономические воззрения Татищева, автор в данной статье использовал не только его опубликованные сочинения, но и неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах Архива Академии наук СССР и Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА).

* * *

Идеолог дворянства, Татищев пытался обосновать необходимость общественного неравенства, которое он выводил из существующего, по его мнению, естественного неравенства людей. Из «естественного закона», по

¹ Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России — «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 71.

Татищеву, вытекает необходимость и разумность сословного деления общества. Дворянство призвано управлять государством и руководить его защитой, получая за это монопольное право собственности на земли с крестьянами; купечеству следует заниматься торговлей и промышленностью, а крестьяне должны усердно трудиться, т. е. быть объектом эксплуатации.

Защищая теорию просвещенного абсолютизма¹, Татищев считал образцом просвещенного монарха Петра I. Татищев говорил о Петре, что «все единственно от него, а не от кого иного получил»; у Петра Татищев получил наставления и узнал способы «к знанию экономии государственной»².

Татищев подвергал критике нарушения преемниками Петра принципов его экономической политики. Петровская экономическая политика была в значительной мере выражением развитого меркантилизма, а сам Петр — выдающимся представителем русского меркантилизма. Меркантилизм представлял собою систему экономической политики и экономических воззрений, обосновывающих эту политику, в эпоху зачаточного развития капитализма и возникновения буржуазии. Меркантилизм был системой экономической политики централизованных государств Европы, сложившихся в результате преодоления феодальной раздробленности.

Централизованные государства, складывавшиеся главным образом в форме абсолютной монархии, покровительствовали отечественной торговле и промышленности и, следовательно, возникновению буржуазии, видя в них необходимые предпосылки собственного блеска и национального могущества³. Поэтому меркантилисты рассматривали предложенную ими экономико-политическую систему, которая благоприятствовала буржуазному развитию, как экономическую политику, имевшую национальный характер.

Важнейшей чертой меркантилизма является утверждение, что богатство состоит в благородных металлах, деньгах; товары тоже представляют собою, по мнению меркантилистов, богатство, поскольку их продажа приносит деньги. Такое утверждение соответствовало современным условиям материальной жизни общества. Купеческий капитал, функционировавший в условиях мало развитого товарного производства, был тогда преобладающей формой развития капитала.

Возникший в таких условиях, меркантилизм выводил прибыль, т. е. прибавочную стоимость в форме прибыли, исключительно из обмена. Рассматривая, таким образом, прибыль лишь как торговую прибыль, меркантилисты объясняли ее продажей товаров выше их стоимости. Однако прибавочная стоимость в форме прибыли, по мнению меркантилистов, только относительна, ибо выигрыш на одной стороне здесь всегда означает потерю на другой. Поэтому, рассматривая возникновение прибавочной стоимости с точки зрения централизованного национального государства, меркантилисты считали, что прибавочная стоимость не может создаваться в сфере внутреннего обращения, а получается лишь во внешне-торговом обращении.

Рассматривая деньги глазами собирателя сокровищ, ранние меркантилисты считали, что каждая импортная операция ведет к уменьшению,

¹ Подробнее см.: С. А. Александров. Экономические и политические взгляды В. Н. Татищева — «Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права», 1951, № 3, стр. 186—207; П. К. Алефиренко. Социально-политические воззрения В. Н. Татищева — «Вопросы истории», 1951, № 10, стр. 103—114.

² «Исторический архив», т. VI, М.—Л., 1951, стр. 279.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 214.

а всякая экспортная операция — к увеличению массы денег. В основе взглядов ранних меркантилистов лежала идея денежного баланса; их воззрения сводились к монетарной системе. Считая, что государство должно активно вмешиваться в хозяйственную деятельность граждан, ранние меркантилисты отстаивали такое направление экономической политики, при котором всячески ограничивается импорт товаров и воспрещается вывоз денег и благородных металлов. Ранние меркантилисты говорили и о том, что надо побольше вывозить товаров, развивать экспорт, но ударение они делали на сокращении импорта и запрете вывоза денег.

Для осуществления этих задач меркантилисты считали необходимым, чтобы государство опекало хозяйственную деятельность подданных, осуществляло мелочную ее регламентацию. Экономическая политика раннего меркантилизма (монетарной системы), сводившаяся к ограничениям и запретам, имела оборонительный характер.

С ростом производительных сил и расширением на этой основе рынка монетаризм становился все большим препятствием для развития внешней торговли отдельных государств и международной торговли вообще. В XVII в. монетаризм изжил себя. Меркантилизм перешел от ранней своей формы — монетарной системы — к развитой форме, соответствовавшей новым экономическим условиям, отвечавшей потребностям растущей торговли и промышленности. Позднейшие меркантилисты смотрели на деньги уже не как собиратели сокровищ, а как капиталисты. Исходя из того, что деньги «порождают» деньги, они считали необходимым пускать деньги в оборот, даже вывозить их за границу для получения еще большего количества денег. Понимая, что развитие экспорта невозможно без импорта, представители развитого меркантилизма допускали покупки за границей даже на значительные суммы при обязательном условии — чтобы сумма экспорта всегда превышала сумму импорта. Если экономическая мысль ранних меркантилистов — представителей монетаризма — дошла до идеи денежного баланса, то экономическая мысль позднейших меркантилистов — представителей развитого меркантилизма возвысилась до системы торгового баланса, который должен сводиться с активным сальдо.

Делая ударение на экспорте товаров, представители системы торгового баланса уделяли много внимания развитию тех отраслей производства, которые давали товары для экспорта, а также тех производственных отраслей, рост которых мог освободить страну от импорта.

Система торгового баланса предполагала, таким образом, поощрение роста промышленности, насаждение мануфактуры. Маркс называл поэтому развитой меркантилизм, в основе которого лежала теория торгового баланса, мануфактурной или коммерческой системой¹.

Развитой меркантилизм признавал наиболее желательным экспорт товаров в обработанном виде, так как их цены выше цен на продовольствие, сырье, полуфабрикаты. Представители развитого меркантилизма придавали поэтому огромное значение развитию экспортных отраслей обрабатывающей промышленности. Развитой меркантилизм настаивал на покровительстве отечественной мануфактуре посредством субсидий, снабжения сырьем, обеспечения рабочей силой, казенными заказами на выгодных для промышленников условиях и пр. Требуя стимулирования экспорта и ограничения импорта (путем вывозных премий и ввозных пошлин), поощрения организации торговых компаний, главным образом колониаль-

---

¹ См. К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 217.

ных, осуществления широкой торговой экспансии, захвата новых рынков, развитой меркантилизм проповедовал торговые войны, политику захвата колоний и их грабежа. Таким образом, в отличие от монетарной системы, имевшей оборонительный характер, развитой меркантилизм был наступательным, агрессивным.

Меркантилизм в экономической политике сыграл крупную роль в ускорении экономического развития, содействуя росту предпосылок и элементов капитализма в условиях феодального строя.

В XVI—XVIII вв. в разных странах меркантилистическая политика, имея общие, характерные для нее черты, принимала различные, специфические для данной страны формы. Кроме того, меркантилизм развивался при различных социально-экономических условиях. Так, в Англии развитие меркантилизма происходило после отмены крепостного права; в Пруссии, Австрии и в России — при крепостном строе. Различия в социально-экономических условиях сказывались на содержании меркантилистической политики каждой страны, на формах и методах этой политики.

Меркантилизм как система экономической политики отдельной страны часто выходил за пределы меркантилизма в теории, переживал его. Уже когда меркантилистские воззрения в теории начали преодолеваются и были выдающимися экономистами того времени (Петти, Локк, Норс и др.) в значительной мере преодолены, меркантилистические по своему содержанию и методам меры продолжали применяться. Меркантилизм в экономической политике большинства западноевропейских государств господствовал не только в XVII в., но и в первой половине XVIII в.

В русском централизованном государстве XVI в. правительство проводило запрещение вывоза денег и изделий из благородных металлов, т. е. меры, характерные для экономической политики раннего меркантилизма — монетарной системы. Позднее, в условиях формирования всероссийского рынка — национального рынка огромной крепостнической страны, ее экономическая политика приобретает черты развитого меркантилизма. Уставная грамота 1654 г. и в особенности Новоторговый устав 1667 г., автором которого был А. Л. Ордын-Нащокин, представляли собою документы развитого меркантилизма. Развитой меркантилизм в экономической политике России того времени выражался прежде всего в торговом протекционизме; промышленный протекционизм играл в то время гораздо меньшую роль. Торговый протекционизм с системой торгового баланса, составившей его теоретическую основу, был тогда прогрессивной идеологией.

Основанная на этой идеологии, экономическая политика сыграла положительную роль в развитии рынка, в подготовке предпосылок для развития мануфактуры в России. Экономическая политика Петра I была направлена на покровительство и поощрение роста всего народного хозяйства. Главную роль в петровской политике играл промышленный протекционизм, меньшую и подчиненную — торговый протекционизм¹.

Петровский протекционизм, направленный на развитие производительных сил и рынка, характеризовался полицейско-бюрократическими методами надзора, опеки, регулирования хозяйственной деятельности подданных. В этом отношении он не отличался от меркантилистического протекционизма в странах Западной Европы. Но в то время как западноевропейский меркантилистический протекционизм прежде всего содействовал росту буржуазии, петровский протекционизм имел своей задачей

¹ Подробнее см. «История русской экономической мысли», т. 1, ч. 1, М., 1955, гл. 11 (А. И. Пашков).

укрепление дворянства, хотя вместе с тем способствовал развитию купечества — промышленников и торговцев.

Стремление привлечь возможно больше денег в Россию всегда было одним из ведущих мотивов петровской экономической политики; однако работа о притоке денег в страну, являвшаяся важнейшим принципом теории меркантилизма, не была для Петра главной и основной целью его экономической политики, не была задачей, которой подчинялись все меры его экономической политики.

Будучи значительно более широкими, чем теоретические положения меркантилизма, меры экономической политики Петра I, его меркантилизм в экономической политике отвечали задачам, назревшим в результате материального развития России. Отсюда оригинальность петровского меркантилизма, его национальный характер, хотя меры экономической политики Петра I вырабатывались им с учетом опыта экономической политики государств Западной Европы, западноевропейского меркантилизма.

Касаясь экономической политики Российского государства после смерти Петра, Татищев с «великою досадою» говорил о том, что происходило в хозяйстве страны при ближайших преемниках Петра (в особенности при малолетнем Петре II), когда «Магистрат был разорен, Берх- и Мануфактур-коллегия засунуты были в угол Коммерц-коллегии, заводы овчарные и другие совсем разорены, училища не токмо вновь не устроены, но и устроенные оставлены и многие полезные его вел[ичества] уставы и учреждения отринуты или переменены»¹. Татищев одобрял деятельность Елизаветы Петровны, которая, продолжая политическую линию Петра I, вновь ввела его уставы и восстановила органы управления торговлей и промышленностью, учрежденные Петром I и уничтоженные его ближайшими преемниками. Особенно настаивал Татищев на полном восстановлении и даже усилении протекционизма во внешней торговле.

Вместе с тем Татищев считал, что экономическая политика должна совершенствоваться и несколько изменяться в зависимости от изменений в экономической обстановке. Поэтому он настоятельно советовал Елизавете придерживаться основ петровской экономической политики и в то же время в ней «нечто исправить, дополнить или пременить...»².

Следует заметить, что предлагавшиеся Татищевым исправления, дополнения и изменения в системе петровской экономической политики вели к усилению сословно-классовых позиций дворянства в хозяйстве страны. В этом отношении характерно предложение Татищева запретить купцам покупку крестьян к заводам, что означало отмену петровского указа 1721 г.³ и подтверждение монополии дворянства на эксплуатацию принудительного труда.

Главным источником богатства страны и его роста, по мнению Татищева, является торговля (которую он, согласно русской терминологии того времени, называл купечество) и прежде всего внешняя торговля. Татищев писал, что торговля для хозяйства страны имеет такое же значение, как сердце для организма человека. Роль промышленности

¹ В. Н. Татищев. Например представление о купечестве и ремеслах — «Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 415 (в дальнейшем цит.: «О купечестве и ремеслах»). Впервые описание и анализ этого документа дал Н. Л. Рубинштейн в статье «Неизвестная записка В. Н. Татищева «Представление о купечестве и ремеслах в России»» («Доклады и сообщения Исторического факультета» МГУ, вып. 8, 1948, стр. 39—47).

² В. Н. Татищев. О купечестве и ремеслах — «Исторический архив», т. VII, стр. 415—416.

³ I ПСЗ, т. VI, № 3711.

в создании богатства состоит, по мнению Татищева, в том, что она, обрабатывая сырье, дает свои изделия для реализации купцам, «а купцы, всюду развозя, требующим продают и, на избытки оных меняя, всех довольствуют»¹. Источником всех государственных доходов является, по Татищеву, торговля, которая «есть корень и основание всех богатств и доходов государственных...»². Отсюда вывод Татищева, что «все доходы государственных, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят»³.

Особую роль в образовании и увеличении богатства страны Татищев отводил внешней торговле. «Внешней за границы торг,— писал он,— наибольшее богатство и пользу приносит»⁴.

В доказательство такой роли внешней торговли Татищев обращался к истории. Англия и Голландия, указывал он, не имея на своей территории золотых и серебряных руд, «единственно ремеслами и торгами великие богатства и силу приобрели»; между тем Испания, имевшая много золота и серебра, вынуждена была, вследствие слабого развития промышленности и торговли, особенно внешней, «своими богатствами других снабждать»⁵.

Важно отметить, что Татищев обосновывает необходимость развития торговли, и особенно внешней, не только ссылками на западноевропейский опыт. Значительно подробнее говорит он об отечественном опыте. Татищев стремится показать, что русские государи, начиная с Олега (в начале X в.), всячески содействовали развитию торговли. Он говорит о роли в развитии торговли с Англией и Голландией Ивана Грозного и Алексея Михайловича, при котором был издан Новоторговый устав 1667 г. и возникли первые в России мануфактуры. Таким образом, впервые Татищев установил преемственность между экономическими мероприятиями Алексея Михайловича, который, по его мнению, был «великий эконом»⁶, и реформами Петра I. Особенно подчеркивает Татищев роль Петра в развитии русской торговли и в создании органов управления ею.

Настаивая на развитии экспорта и сокращении импорта, Татищев выступал защитником системы торгового баланса. Как и все представители этой системы, Татищев настаивал на вывозе продуктов отечественной обрабатывающей промышленности, экспорт которых в большей мере, чем экспорт сырья, активизирует торговый баланс страны, причем оплату за обработку сырья получают собственные подданные, а не иностранцы. Поэтому, считая экономически наиболее целесообразным экспорт продуктов обработки отечественного сырья, Татищев допускал также экспорт продуктов из импортного сырья, «дабы за работы оных свои подданные, а не чужие получали»⁷.

Татищев предлагал развивать торговлю не только со странами Западной Европы, но также и с Китаем, Ираном, Бухарой, Турцией. Стремясь активизировать торговый баланс России, Татищев считал нужным изме-

¹ В. Н. Татищев. О купечестве и ремеслах — «Исторический архив», т. VII, стр. 410.

² В. Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной. В кн.: Н. Попов. В. Н. Татищев и его время, М., 1861, Приложение XVI, стр. 719.

³ В. Н. Татищев. О купечестве и ремеслах — «Исторический архив», т. VII, стр. 411.

⁴ Там же, стр. 418.

⁵ Там же, стр. 411.

⁶ В. Н. Татищев. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, ч. III, СПб., 1793, стр. 4.

⁷ В. Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной... В кн.: Н. Попов. Указ, соч., Приложение XVI, стр. 719.

нить таможенный тариф и ввести специальные тарифы для отдельных портов и городов. Так (повидимому, в 1744 г.) он разработал и направил в Коммерц-коллегию проект тарифа на товары, провозимые через Астраханский порт — «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта».

В этом «Рассуждении» Татищев предлагал облагать при экспорте «все российские рукоделия» «легкою пошлиною», имеющееся же в избытке промышленное сырье и продовольственные товары (в урожайные годы) — «посредственную пошлиною», а все сырье и (в неурожайные годы) продовольственные товары «пошлиною отяготить, чтобы вывоз... удержать». В результате вместо вывоза сырья, поступающего в обработку, должен увеличиться вывоз фабрикатов.

Что касается благородных металлов, то Татищев советовал не допускать к вывозу за границу золото и серебро в слитках, монете и посуде, а вывозить лишь такие изделия из золота и серебра, в цене которых стоимость обработки составляет не меньше половины: «таковые пропускать не вредно»¹.

Импорт же золота и серебра в слитках, монетах и изделиях Татищев предлагал освободить от пошлин; такая мера должна была содействовать увеличению массы благородных металлов в стране. По мнению Татищева, необходимо было снять пошлины с импорта непроезжих или производящихся в недостаточном количестве в России сырья и вспомогательных материалов, так как «чрез оное фабрики русские размножатся». Татищев считал далее, что «надлежит облегчение учинить» транзитной торговле русских купцов. Он предлагал взимать пошлины на «всякие чрез Россию привозимые товары» с русских купцов в меньшем размере, чем с иностранных.

Малой и средней пошлиной должен, по мнению Татищева, облагаться импорт товаров, которые «не весьма нужные, но полезные и в России не делаются»; высокой же пошлиной — товары, которые «в России лучше можно делать», так как ввоз этих товаров нанесет ущерб отечественной промышленности — такие иностранные товары «фабрикам русским помешательны»².

Выступая за ограничение импорта промышленных изделий и считая вредным ввоз тех изделий, которые производятся в России, Татищев — и это характерно для меркантилиста — резко возражал против ввоза предметов роскоши. В своем доношении в Коммерц-коллегию он в качестве астраханского губернатора настаивал на запрещении продавать в России и на Украине парчу и кушаки, тканые с золотом и серебром, привезенные в Астрахань из Ирана. Татищев считал, что привезшие эти товары русские купцы должны сбыть их за границу, а иранские купцы — отвезти обратно в Иран³.

Стремясь охранить русское купечество от иностранной конкуренции, Татищев, будучи астраханским губернатором, предлагал в развитие Новоторгового устава 1667 г. запретить иранским купцам розничную торговлю («в розницу ни в котором городе не торговать») и разрешить им

¹ Архив Академии наук СССР, ф. 95, оп. 5, № 30, Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта со мнением тайного советника и астраханского губернатора Татищева, лл. 10 об., 11, 12, 17. Повидимому, этот же документ, но под другим названием («доношение об астраханском торге») и из другого дела (№ 31) упомянут в статье П. А. Лефиренко «Экономические взгляды В. Н. Татищева» — «Вопросы истории», 1948, стр. 92.

² Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 30, лл. 6 об., 7, 9.

³ Там же, лл. 1—2.

только крупнооптовую продажу («оптом кипами и стаями не меньше трехсот рублёв») товаров из Ирана и из стран Западной Европы¹.

Система торгового баланса лежит в основе экономических рассуждений Татищева, являвшегося, таким образом, представителем развитого меркантилизма. Однако у Татищева, как и у Петра I, нет характерного для западноевропейского меркантилизма утверждения, что богатство заключается именно в деньгах — в золоте и серебре. Вместе с тем в деле увеличения богатства страны Татищев придавал огромное значение приливу денег и благородных металлов из-за границы.

Полезным для развития торговли мероприятием Татищев считал улучшение монетного дела. Петр I в интересах фиска уменьшил вес наиболее распространенной тогда в России серебряной монеты, понизив одновременно пробу серебра. Вследствие этого, по мнению Татищева, усилился вывоз золотой монеты из страны и был нанесен ущерб торговле. «Понеже серебрянная до днесь деланная российская монета, — писал он, — для низкости пробы и многого числа прилагаемой меди, тако же для беспорядочного смешения и низкости в пропорции с золотою монетою наносит государству напрасный немалый убыток в вычетах великие затруднения, и причина крайняя вывозу из государства золотой монеты, мною же и в купечестве не без вреда»².

Сенат обратил внимание на усилившийся отлив благородных металлов из страны и заинтересовался причинами этого процесса. Отвечая на запрос Сената, Татищев подчеркивал, что причины этого процесса заключаются не только в понижении стоимости серебряного рубля, но еще больше в торговле — «более от некоторого повреждения в купечестве», т. е. в ухудшении торгового баланса страны.

В интересах развития народного хозяйства и роста богатства страны Татищев предлагал повысить стоимость серебряного рубля путем увеличения общего веса монеты и улучшения пробы серебра. Такой «передел серебряной монеты» имел бы, по мнению Татищева, благотворительные последствия не только для торговли, но и для казны: «казна от удобрения монеты не токмо убытка не понесет, но еще и прибыль получит, а народу, как выше показано, никакого убытка быть не можно ж, да хотя б казне и той прибыли не было, то довольно, что лучшую и весьма порядочную монету в государстве иметь будем чрез что кроме пользы в купечестве слава государственная более прибыли почитаться может»³.

Ратуя за улучшение монетного дела, Татищев отрицательно относился к бумажноденежному обращению. Зная печальный опыт Франции, где в 1716—1720 гг. была впервые в истории проведена банком Джона Ло эмиссия бумажных денег, Татищев был противником их выпуска и вообще бумажные деньги не признавал деньгами: «бумаги вместо денег дают»⁴.

Препятствием развитию торговли Татищев считал также недостатки и злоупотребления в вексельном обращении. Отмечая, что во внешней торговле уже установилось нормальное вексельное обращение, Татищев указывал на неналаженность обращения векселей во внутренней торговле и настаивал на издании Вексельного устава.

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 30, л. 5.

² Там же, № 51, Мнение о переделе серебряной монеты, л. 1.

³ Там же, л. 2 об. Эта цитата приведена в указанной выше статье П. Алефиренко («Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 93), но со ссылкой на другое дело — № 52.

⁴ В. Н. Татищев. О купечестве и ремеслах — «Исторический архив», т. VII, стр. 411.

Особое значение в развитии «исправного и порядочного торгу»¹ Татищев придавал организации кредита для купечества. Он указывал, что у купца не может быть постоянно свободных денежных средств, так как его капитал находится в товарах; между тем у дворянства и духовенства имеются обычно свободные денежные средства, которые они опасаются давать займы непосредственно купцам. Задача привлечения свободных денежных средств и предоставления их в кредит купцам и ремесленникам может и должна быть разрешена в России так, как она была разрешена в других европейских государствах — путем учреждения банков. Важно отметить, что Татищев настаивал на учреждении банков для кредитования промышленности и главным образом торговли, развитие которой (особенно при существовании внутренних таможен) увеличивает доходы государства: «Чрез то фабрики могут распространяться, купечество может торги, а от торгов умножение сбора пошлинного доход государственной умножится»².

Задуманные Татищевым коммерческие банки имели феодальный отпечаток, так как должны были основывать свои пассивы не на купеческих капиталах (как то было в коммерческих банках стран Западной Европы), а на средствах помещиков и духовенства. Идея банковского кредита для купечества нашла впоследствии частичное осуществление в организации первых банков в России в 1754 г.

В области внутренней торговли Татищев считал необходимым развитие ярмарок — организационной формы торговли, соответствовавшей уровню развития хозяйства России того времени. В связи с вопросом о внутренней торговле Татищев ставил и другие назревшие задачи: сооружение каналов, необходимых для перевозки товаров, и развитие почты как важнейшего средства связи и информации купцов. Он подчеркивал при этом огромное значение почты не только для торговли — внутренней и внешней, но также и для всего народа и государства.

Большое значение для активизации торгового баланса страны Татищев придавал организации предприятий, производящих товары для экспорта и для замещения импортируемых товаров, как-то «фабрики шелковых и бумажных парчей»³ и др. С исключительной энергией ратовал он за развитие металлургической, металлообрабатывающей и оружейной мануфактуры, которая обслуживала прежде всего и главным образом не рынок, а военные и другие потребности феодально-абсолютистского государства, связанные с обеспечением экономической независимости и политической самостоятельности России.

В центре внимания и деятельности Татищева было развитие русской горнозаводской промышленности, особенно на Урале. Он учитывал преимущества этого района перед остальными металлургическими районами России (Центральным, Олонецким и др.) в отношении запасов руды и ее качества, рабочей силы и транспортных условий. Поэтому Татищев поставил задачу довести продукцию заводов Урала до такого уровня, при котором не только покрывались бы потребности государства и внутреннего рынка в металле, но и получались бы также излишки для вывоза за границу. «Железные здешние заводы рассудили мы устроить и содержать в таком состоянии,— писал Татищев в 1735 г.,— чтобы сверх

¹ «Исторический архив», т. VII, стр. 422.

² В. Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной... В кн.: Н. Попов. Указ. соч., Приложение XVI, стр. 720.

³ В. Н. Татищев. На память о делах астраханских — «Исторический архив», т. VII, стр. 403.

внутренних потреб и мелких фабрик могли ежегодно в заморский отпуск годною делать до 300 000 пуд.»¹

Стремясь повысить производительность заводов, рудников, шахт, Татищев ратовал за внедрение в мануфактурное производство машин, каждая из которых, как он отмечал, заменяет несколько сот рабочих. В принципе Татищев был сторонником строительства крупных промышленных предприятий. Он одобрил проект и приступил к строительству (в начале 1720-х годов) Екатеринбургского завода, не имевшего себе тогда равных по технической вооруженности и величине не только в России, но и во всем мире; для работы такого завода в Екатеринбурге имелись, по мнению Татищева, все необходимые условия.

Татищев полагал, что при проектировании предприятия всегда нужно исходить из конкретных технических и экономических условий, определявших его тип и размеры. В этом отношении интересны и показательны соображения Татищева в связи с предложением Кирилова о горнозаводском строительстве на Южном Урале.

Начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов предлагал строить на базе разведанной в Уфимском уезде медной руды казенный «большой завод» — единственный в обширном районе. Кирилов считал, что этот казенный завод должен быть таким, «какого никоторый партикулярный заводчик или целая компания сделать не могла». От одного крупного казенного завода, по мнению Кирилова, гораздо большая польза, чем «от малых в разных местах казенных рассеянных заводов». Вследствие относительно меньших расходов, меньшей стоимости производства единицы продукции «со сделанного товара больше казна прибыли получит». Говоря о других преимуществах огромного предприятия, Кирилов подчеркивал возможность лучшего руководства им, нежели разбросанными мелкими заводами. Кирилов предлагал устроить завод на р. Каме с хорошей пристанью при нем, обеспечив, таким образом, подвоз руды и продовольствия для рабочих и отправку готовой продукции. Такой завод-гигант, по мнению Кирилова, смог бы ежегодно давать до 200 тыс. пудов меди².

Предложение Кирилова встретило резкие возражения Татищева, «ибо в том находятся многие опасности убытков, трудности и сущие невозможности». Татищев отмечал, что вблизи предлагаемого Кириловым места строительства завода нет достаточного запаса руды. Подвоз же руды за несколько сот верст вызовет огромные, некупаемые расходы на гужевой транспорт; к тому же вряд ли удастся найти транспортные средства в потребном количестве. Часть перевозок может быть осуществлена более дешевым водным путем, но лишь в судоходную пору. Подвоз руды к заводу водным транспортом потребует более 250 судов (емкостью около 4 тыс. пуд. каждое), причем большая часть судов с рудой должна будет пойти вверх по течению Камы и ее притоков, «а понеже оные суда вверх по малым рекам взводить великий будет труд, или паче неудобность..., то вместо прибыли будет им убыток».

Далее Татищев называл в числе препятствий для строительства крупного завода в Уфимском уезде недостаток там лесов. Он отмечал, наконец, что для завода-гиганта потребуется до 15 тыс. рабочих на добычу руды, а их «видится вскоре и без вреда в других обстоятельствах вдруг употребить невозможно», — писал Татищев, имея в виду, повиди-

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, л. 119 об. Другой, повидимому, экземпляр этого документа (там же, № 51, л. 742), использован П. А. Лефяренко («Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 90).

² Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 97—107.

тому, что привлечение такого числа рабочих рук может произойти при их общем недостатке на Урале только за счет других заводов.

Особо затруднительным было бы, по мнению Татищева, обеспечение завода-гиганта мастерами и квалифицированными рабочими — «ремесленными», потребность в которых он определял в количестве 1500 человек. Такое количество «не токмо готовых и ученых собрать, но и обучить вскоре невозможно».

Признавая вообще экономичность крупного предприятия, Татищев в данном случае, исходя из анализа конкретных экономических условий, возражал против строительства завода на 12 и более печей и предлагал сооружать небольшие заводы. По его мнению, после горной разведки, «когда руды основательно осмотрены будут и множество их бессумленную надежду к строению заводов явит, тогда строить заводы малые, чтоб печи три, а не более двенадцати при одном было». При этом Татищев считал обязательным строить заводы «при таких местах, где лесов довольно и к рудам бы поблизости»¹.

Известно, что Татищев много сделал для развития казенной горно-заводской промышленности. Это не означало, однако, что Татищев был противником частного предпринимательства и возражал против передачи казенных заводов в частные руки. Напротив того, Татищев, как и другие передовые руководители русской промышленности в феодальную эпоху, рассматривал казенные заводы в качестве опоры для деятельности частных предпринимателей. «Известно всем,— писал в этой связи Татищев,— что в России ни один заводчик к строению заводов собою перво не вступает, и везде сперва казенные построены, а потом помощью оных другие промышленники строить начали, или, взяв казенные, размножили...»².

На этой основе, а не исходя из узких финансовых соображений — убыточности того или иного казенного предприятия, рассматривал Татищев вопрос о передаче казенных заводов частным лицам и компаниям. Убыточность того или иного казенного завода принималась им во внимание, но не имела для него решающего значения.

Полагая, что казенные заводы должны быть крупнее и лучше частных, Татищев считал нужным строить и сохранить за казной крупнейшие предприятия, а также находящиеся в новых, еще не освоенных районах. В то же время он допускал и даже одобрял передачу в частные руки заводов в промышленно-освоенных районах, где отдельный заводчик уже не мог стать монополистом³.

Считая целесообразным и необходимым в интересах разработки недр и развития горнозаводского дела нарушение вотчинных прав и промышленной монополии заводчиков, Татищев предлагал изымать не использованные ими земли и недостаточно производительные заводы.

Он приказывал канцелярии Главного заводского правления сибирских и казанских заводов (в декабре 1735 г.) «баронов Строгановых приказчикам объявить, чтоб они отведенные места все работою обложили и руды столько добывали, сколько на их заводах по крайней возможности переплавить можно, ежели же явятся отведенные места работою оставлены, то оные отданы будут промышленяль другим, и ставить на казенные заводы или плавить на своих заводах, понеже довольно известно, что они, многие места захватя, сами не промышленяют и другим не допускают»⁴.

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 125—131 об.

² См. Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., М., 1953, стр. 188.

³ Там же, стр. 165—190.

⁴ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 181 об.—182.

Одновременно Татищев сообщал в Кабинет ее величества, что «в Перми земли почитай все их, баронов Строгановых, на многих стах верст лежат пусты, и ежели на оных руд не промыслять и заводов не строить, то останется оное богатство втуне». Поэтому Татищев «на их (Строгановых.— И. Б.) пустой земле» соорудил казенный завод и испрашивал разрешения на отвод участка для постройки завода Потапу Каркину, который, добывая руду для казенных заводов, «прилежность свою показал и за принесенную от него в казну прибыль пожалован от оберколлегии титулярным бергмейстером»¹. В другом «всепоподданнейшем доношении» (1736 г.) Татищев сообщал, что томские заводы Демидова забраны в казну и казною «для приведения в лучшее состояние и умножения меди... вновь заводов тамо для плавки тех же руд строить начаты»².

Все эти мероприятия были направлены на развитие уральской промышленности. «Первым замечательным организатором металлургии на Урале,—пишет С. Г. Струмилин,— был не голландец де Геннин, а русский В. Н. Татищев, заслуги которого в этом деле пока не получили должной оценки»³. Татищев стремился развивать не только казенную промышленность, но и частную⁴. Это была «фабрикация фабрикантов» (по выражению Маркса) методами меркантилистического протекционизма.

Взгляды Татищева по вопросам развития рудодобывающей промышленности и металлургии, его идеи в области промышленной политики получили выражение в разработанных им трех проектах — Заводском уставе⁵, Горном уставе, Наказе шихтмейстеру⁶.

Татищев выступал как сторонник характерной для меркантилизма жесткой регламентации и вмешательства абсолютистского государства в деятельность частных горнопромышленников. По его мысли, государство должно содействовать частным горнопромышленникам, обеспечить их рабочей силой, технической помощью, финансовой поддержкой. Агенты государства, особенно специальные чиновники на предприятиях — шихтмейстеры, должны тщательно следить за деятельностью частных предприятий, начиная с технического контроля над производством и качеством продукции и кончая наблюдением за тем, чтобы продукция продавалась по установленным государством ценам⁷.

Татищев энергично поддерживал и осуществлял предложение Кабинета министров (1735 г.) о запрещении частным предпринимателям производить металлические изделия для внутреннего рынка, с тем чтобы больше продукции поступало на внешний рынок⁸.

Предприниматели охотно принимали помощь государства, особенно финансовую, различные авансы, всякие льготы и привилегии, но яростно

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 154, 153 об., 152 об.

² Там же, л. 171—171 об.

³ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954, стр. 152.

⁴ См. Н. И. Павленко. Указ. соч., гл. IV, стр. 320—472.

⁵ Опубликован в «Горном журнале», 1831, кн. 1—3 и 5—10.

⁶ «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева по подлиннику, хранящемуся в ЦГАДА (ф. Берг-коллегия, кн. 12, лл. 131—145 об.), опубликован с вводной статьей и примечаниями Н. И. Павленко в «Историческом архиве», т. VI, стр. 199—244. В Архиве Академии наук СССР находятся, кроме копии «Наказа шихтмейстеру», также копии приложенных к нему и подписанных Татищевым документов: «Обстоятельства, которые за сомнением точно в наказе не написаны. 1) О пошлиях» и «Роспись промышленным заводам Казанской и Сибирской губерний с показанием, что на котором домен, молотов и медных печей, кто в надзиратели определены и где оных за недостатком определить некого» (ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 51—75, 75—79 об., 50—50 об.).

⁷ В. Н. Татищев. Наказ шихтмейстеру — «Исторический архив», т. VI, стр. 210—228; Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, Обстоятельства, которые за сомнением точно в наказе не написаны, лл. 75—79.

⁸ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 282—283.

возражали против правительственного надзора и вмешательства в их деятельность. Они протестовали против имевшихся в проектах Татищева требований строгой отчетности, правил оплаты рабочих, устройства школ, регламентации сбыта, повышения ставок налога и т. д. Промышленные предприниматели хотели стать монополистами в производстве и сбыте продукции своих мануфактур. Частные заводчики стремились поэтому всячески подорвать казенную промышленность, захватить в свои руки ее предприятия, получить полную свободу для своей деятельности. Такую кампанию, не брезгуя никакими средствами, вели Демидовы против казенной горнозаводской промышленности Урала¹. Протестуя против лишения их «всея тоя свободности», горнозаводчики Урала во главе с Демидовыми требовали, чтоб «всяк в своем промыслу властен капитал свой содержать так, как кому за полезное рассудитца»². Укрепившись на своих хозяйственных позициях, горнопромышленники не хотели мириться с опекой государства и вследствие их протеста, поддержанного Коммерц-коллегией³, проекты Татищева не были утверждены. Но фактически уставы и наказ, разработанные Татищевым, применялись в известной мере в отношении частных заводов и в значительной степени — в казенной промышленности Урала.

Татищев считал необходимым развивать не только крупное промышленное производство — «великие заводы», которые, по его определению, «во множественном числе людей и работ состоят», но и мелкое производство ремесленников, которые «токмо в своих домах и единственно своими руками работают»⁴. Мелкое производство, как и крупное, не может, по мнению Татищева, развиваться без помощи государства и без его руководства. Полагая, что развитие ремесел нуждается в специальном внимании и заботе, Татищев высказывался за изъятие ремесленников из ведения Мануфактур-коллегии, организацию их в цехи и передачу в ведение местных городских магистратов. Вместе с тем Татищев считал совершенно необходимым установить тщательный контроль за качеством товаров как на месте их производства мануфактурами и ремесленниками, так и при вывозе за границу.

Несомненный и большой интерес, особенно учитывая происходившую в послевоенные годы и продолжающуюся сейчас дискуссию о природе и формах эксплуатации труда в русской промышленности XVIII в., представляет выяснение отношения Татищева к принудительному труду. Вообще Татищев предпочитал наемный труд, ссылаясь на его преимущества сравнительно с принудительным трудом. Еще в первый свой приезд на Урал, в начале 1720-х годов, он противопоставлял принудительному труду приписных крестьян, которые «спешат, как могут, только б урок сделать скорее», труд «вольных», которых «можно нанимать с уговором на урочное и смотреть прилежно, чтоб исправно делано было»⁵.

Обосновывая свое предложение строить большой металлургический завод в Казанском уезде, Татищев подчеркивал наличие там резервов

¹ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVII—XIX вв., т. I, М.—Л., 1949, стр. 164—166, 172—177 и др.

² Прошение уральских промышленников императрице Анне Ивановне по поводу введения Татищевым института шихтмейстеров — «Исторический архив», т. VI, стр. 230.

³ Рассуждение Коммерц-коллегии кабинету министров «О наказе шихтмейстеру» — «Исторический архив», т. VI, стр. 235—240.

⁴ В. Н. Татищев. Предложение о размножении фабрик — «Исторический архив», т. VII, стр. 408.

⁵ А. М. Горловский. К истории основания Екатеринбурга — «Исторические записки», т. 39, стр. 163.

наемного труда и потому ненужность приписки крестьян к заводу. «К содержанию большого завода в Казанском уезде,— писал Татищев,— крестьян переписывать не надлежит и не для чего, ибо там не Сибирь, но будет наемщиков к работам и поставке угля довольно»¹.

И в первый (1720—1722 гг.) и во второй (1734—1737 гг.) проезд на Урал Татищев стремился расширить применение наемного труда. Но он наталкивался на недостаток наемных рабочих и со всей присущей ему энергией прибегал к использованию резервов принудительного труда.

Так, в 1735 г. для казенного завода, изготовлявшего медную монету, оказался «в людях... великий недостаток, что вольных не находится». Значительные затруднения, «за неимением вольных работников», переживали и вновь построенные железные заводы. И потому Татищев добивался приписки к ним ближних слобод и присылки рекрут и ссыльных. При этом он предполагал использовать крестьян лишь для транспорта грузов («крестьяне токмо возку исправлять будут»), ссыльных — на заготовке угля, а рекрут «при тех заводах и рудниках поселя вечно и наследственно» использовать для работы у печей и молотов и на добыче руды — «для определения в мастерство и к добыче руд»².

К строительству завода на р. Кушве «работников вольных не явилось..., хотя, призывая вольных, с излишком обещали, никто не явился, а в губернию и в города ближние писали, чтоб имеющих вольных каменщиков прислать, но по оному ниоткуда не получили и потому оных заводов строение медлится» — жаловался Татищев в июне 1736 г. и добавлял, что не может нанять достаточного числа крестьян для разработки леса («мужиков в рубку дров употребить довольно не могли»), и потому на заготовку дров были определены ссыльные, которым выдавали в соответствии с царским указом по 3 коп. в день. Но «за дороговизною харча» этих денег не хватало, и начались побегі. Поэтому ссыльных перевели на работу непосредственно на завод и им, как и солдатам, «для пользы заводов» положено было выдавать, кроме 3 коп. в день, еще полтора пуда муки ежемесячно, «чтобы для скудости не разбежались»³. Руководя строительством новых заводов в Сибирской губ. (1736 г.), Татищев настаивал на посылке туда каторжников⁴. Для завода, производившего медную монету, были, по требованию Татищева, присланы «рекруты и ссыльные монетчики»⁵. Сообщая, что на этом заводе «надлежит быть людей» 261, а «ныне есть» 150, в числе которых и каторжные, Татищев просил прислать из Тобольска «рекрут 100 да монетчиков ссыльных до 10 человек»⁶.

Наряду с просьбами о присылке на заводы рекрут, ссыльных и каторжных и приписке сел, деревень и слобод, Татищев добивался переселения и приписки к заводам крестьян «из беспхлебных мест»⁷. Переселение производилось главным образом в принудительном порядке органами государственной власти и помещиками, продававшими крестьян заводам. Переселение производили, по требованию государственной власти, крестьянские общины принудительно — «по выбору крестьянскому в невозможности» — и отчасти добровольно. Так, по подписанной Татишевым ведомости по пяти населенным пунктам Кунгурского уезда из 700 «годных

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 130 об.— 131.

² Там же, лл. 117 об., 120 об., 121, 121 об.

³ Там же, лл. 168, 168 об.

⁴ Там же, л. 164.

⁵ Там же, л. 114 об.

⁶ Там же, лл. 115 об., 116.

⁷ Там же, л. 113.

в работу» крестьян, переселяемых к заводам, «своею волею записали: 216 душ [и] по выбору крестьянскому в неволю 484 души»¹.

Приписные крестьяне принудительно отработывали уплачиваемую за них подушную подать и нанимались преимущественно на вспомогательные работы — для заготовки древесного угля и главным образом для перевозки грузов. Таким образом, приписка к заводам создавала резервы принудительного — в порядке отработки подушного оклада — и наемного труда.

Считая, что для «общества», т. е. дворянства и его государства, полезней положенные в подушный оклад рабочие казенных заводов, чем «беглецы от податей и помещиков»², Татищев стремился не возвращать помещикам беглых и сохранять их за заводами. Обращаясь к истории, он показывал, что горнозаводской Урал развивался на основе труда «пришлых с Руси», которых «принимали всякого с охотою, кто б откуда ни пришел», и затем записывали «в подушный оклад при заводе». В результате «за довольством работников, заводы размножились и содержатся». Если же удовлетворить домогательства помещиков о возвращении бежавших от них крестьян, «то не токмо заводов размножить, но и старые содержать будет нечем»³, — писал Татищев в Петербург и, вновь возвращаясь к этому вопросу в доношении императрице Анне Ивановне в ноябре 1734 г. заявлял: «Здесь и все для заводов населено крестьянами, и ежели их раздать, то не токмо подушных денег за них платить, но и работать при заводах будет некому»⁴.

Беглые крестьяне поступали на казенные и частные заводы в порядке найма. Но они находились в положении наемных до ближайшей переписи («ревизии»). Попад после переписи в число положенных в подушный оклад при заводе, «вольнонаемные» превращались в принудительно эксплуатируемых.

В качестве наемных выступали также приходившие на заработки с разрешения помещиков, монастырей и управителей казенных и дворцовых волостей оброчные крестьяне. Их имела в виду правительственная инструкция, рекомендовавшая некоторые работы на заводах «исправлять вольным наймом, принимая с помещиковыми и управительскими паспортами»⁵.

То, что Татищев предпочитал принудительному труду в промышленности наемный труд, не находится в противоречии с его феодальным мировоззрением, с защитой им феодально-крепостнического строя. Наемным трудом для Татищева был главным образом труд оброчных крестьян и приписных, нанимавшихся заводом для выполнения вспомогательных работ. Это был наемный труд, осуществляемый феодально-зависимыми и закрепощенными людьми.

Выступая с замечательной, особенно для дворянского идеолога, защитника феодального базиса, идеей о необходимости материальной заинтересованности в труде, Татищев считал необходимым установление денежной оплаты для всех работающих как в порядке найма, так и принудительно.

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, лл. 130 об.—131. Табель, koliko имеется для переводу и поселению по сибирской дороге в приписку к Екатеринбургским заводам и с Кунгурского уезду крестьян по переписной книге и вновь родившимся по данным от кунгурского земского старосты, от сотников и десятников и крестьян выборам, и сколько пожелали своею волею, л. 80.

² Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, л. 99 об.

³ Там же, лл. 27 об.—30.

⁴ Там же, л. 38—38 об.

⁵ I ПСЗ, т. IX, № 6559.

В своем «Наказе шихтмейстеру» он выдвигает ряд положений «О за-
плате мастерам». В них он предлагает установить на частных
металлургических заводах такую же повременную («окладную») и сде-
льную («задельную») плату, что и на казенных заводах.

Татищев требовал от шихтмейстеров надзора за тем, «чтоб промыш-
ленники приписных к заводам крестьян работами надмерно не отягчали
и в заплате не обидели, но платили б за все работы по плакату без вся-
кой убавки», а за работы, которые «в поденщину положить невозможно»,—
по урочным ставкам казенных заводов¹.

Ввиду постоянных злоупотреблений частных промышленников при
продаже продовольствия и носильных вещей из заводских лавок, что вы-
зывало недовольство рабочих, Татищев предлагал установить свободный
привоз съестных припасов и разрешить торговать ими всякому, а не толь-
ко из заводских лавок. По мнению Татищева, нужно было запретить
принудительную замену денежной формы оплаты натуральной — продук-
тами из заводских лавок — и не допускать повышения наценки при про-
даже рабочим сверх 10%².

Понимая, что ремесло и особенно развивающаяся мануфактура нуж-
даются в квалифицированных рабочих, Татищев пропагандировал не-
обходимость устройства специальных школ и сам был организатором
первых горнозаводских школ на Урале³. Он предлагал также организо-
вать подготовку ремесленников и техников в городах путем создания ре-
месленных школ (за счет магистратов) и технических училищ. Татищев
настойчиво ставил вопрос об открытии в России Академии ремесел. Обу-
чение в Академии должно было служить «для пользы мануфактур и вся-
ких ремесел»⁴.

Этот замысел был осуществлен уже после смерти Татищева и притом
в несколько ином виде. В 1757 г. в Петербурге была открыта «Академия
трех знатнейших художеств», преобразованная в 1764 г. в Российскую
императорскую академию художеств.

Наряду с подготовкой мастеров и техников в России Татищев считал
необходимым продолжать широко практиковавшуюся Петром I отправку
русских людей за границу для обучения и освоения технического опыта
Западной Европы. Находясь в Швеции, Татищев наблюдал за техниче-
ским обучением посланных туда русских людей. Но главным и основным
путем подготовки квалифицированных работников для промышленности
Татищев считал их обучение в России. Удельный вес подготовки масте-
ров и техников внутри страны должен был, по его мнению, возрастать с
развитием промышленности и технического образования в России.

Как и Петр I, Татищев полагал необходимым покровительство отече-
ственной торговле, промышленности, сельскому хозяйству. Государство,
по его мнению, должно предоставлять различные льготы и поощрения хо-
зяйствующим лицам, но вместе с тем жестко регулировать их деятель-
ность; государственные органы должны не только наблюдать, но и вме-
шиваться в хозяйственную деятельность.

Как будто в противоречии с характерным для экономических взглядов
меркантилиста протекционизмом находится утверждение Татищева, что

¹ «Исторический архив», т. VI, стр. 220—222.

² Там же, стр. 225.

³ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 50, л. 18; Инструкция В. Н. Татищева о препо-
давании в школах при уральских заводах (с введением и примечаниями Н. Ф. Демидовой) — «Исторический архив», т. V, М.—Л., 1950, стр. 166—178.

⁴ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XVII, № 54, Записка В. Н. Татищева об учащихся
и расходах на просвещение в России..., л. 1.

главнейшим условием развития внутренней и внешней торговли является «вольность купечества»¹. Следует, однако, иметь в виду, что «вольность купечества» понималась Татищевым своеобразно и весьма ограничительно, в сочетании ее с государственным вмешательством и регулированием; он считал, что государство должно давать «побуждение и способы к... торгам»². Более того, по мнению Татищева, именно государство может и должно обеспечить вольность купцам; основным путем к этому является «охранение их от отягощений»³.

Татищев предлагал освободить купцов от военных постоев и прекратить произвол местных властей, притеснявших купцов⁴. Он считал необходимым обеспечить вольность среднего и мелкого купечества также путем его ограждения от притеснений со стороны крупных купцов. В этом отношении характерно мнение Татищева о составе городских магистратов. В соответствии с петровским уставом 1721 г. президенты городских магистратов были из местного купечества⁵. Татищев возражал против такого положения, при котором, как он считал, открываются возможности притеснения этими президентами, обычно крупными купцами, своих конкурентов — других купцов города. Он настаивал, чтобы президентами городских магистратов были не купцы, а дворяне⁶. Объективно это означало усиление влияния дворянства на местах в решении вопросов, связанных с развитием торговли и промышленности.

С большой настойчивостью выступал Татищев против сдачи на откуп казенных доходов и против подрядов на поставки казне. Он считал, что откупщики и подрядчики не только стесняют торг других купцов, но и наносят значительный материальный ущерб государству; подрядная система поставки провианта для армии и флота отрицательно отражается на их снабжении. Выдвинутое Татищевым предложение отменить откупы и подряды соответствовало интересам развития торговли, интересам средних и мелких купцов. Оно было вскоре повторено купеческими депутатами в Уложенной комиссии 1754 г. Купеческие депутаты просили запретить всякие монополии, «дабы никому в одни руки или в компании того не отдавать, от которого многие получают пользу»⁷. Требование отмены монополий нашло осуществление, хотя и неполное, в экономической политике, начиная с 60-х годов XVIII в.

Высказываясь за развитие хозяйственной деятельности купечества, Татищев вместе с тем ревностно охранял монополию дворянства на эксплуатацию принудительного труда. Ссылаясь на Францию, Англию и Голландию (где крупная промышленность развивалась на наемном труде и купцы не имели права эксплуатации принудительного труда), Татищев предлагал отменить предоставленное купцам при Петре I право покупать к своим предприятиям деревни. Сохранение этого права за купечеством,

¹ В. Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной... В кн.: Н. Попов. Указ. соч., Приложение XVI, стр. 719.

² В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями А. И. Андреева, М., 1950, стр. 202.

³ В. Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной. В кн.: Н. Попов. Указ. соч., Приложение XVI, стр. 719.

⁴ В. Н. Татищев. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным. В кн.: «Утро», литературный сборник, стр. 377.

⁵ I ПСЗ, т. VI, № 3708.

⁶ В. Н. Татищев. О купечестве и ремеслах — «Исторический архив», т. VII, стр. 416.

⁷ Н. Л. Рубинштейн. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» — «Исторические записки», т. 38, стр. 270.

предупреждал Татищев, вызовет отвлечение купцов от торговли, которая должна быть, по его мнению, их главным и основным занятием.

Борясь за развитие торговли и промышленности, Татищев вместе с тем придавал большое значение подъему сельского хозяйства, поставляющего сырье, продовольствие, фураж на внутренний и внешний рынок. Развитие промышленности и торговли содействовало росту рынка для продуктов сельского хозяйства, способствовало росту его товарности. Татищев считал, что дворяне-помещики должны использовать это обстоятельство в своих интересах для повышения вотчинных доходов. О том, как помещики должны управлять своими вотчинами для повышения их доходности, Татищев говорит в своем сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742 г.)¹.

Сочинение Татищева разделено на 22 главы. В них говорится о системах земледелия, о животноводстве и птицеводстве в их сочетании с земледелием, о садоводстве и пчеловодстве, об искусственном орошении и прудовом хозяйстве, о домашних промыслах крестьян, об организации магазинов и цейхгаузов для хранения запаса сельскохозяйственных продуктов и инвентаря. Татищев останавливается также «на поспешности в работе», т. е. на чередовании сельскохозяйственных работ в господском и крестьянском хозяйствах.

В «Записках» показаны желательные автору отношения между помещиком и его крестьянами. Отрицательно относясь к управлению помещичьей вотчиной через приказчика или другое доверенное лицо, Татищев рекомендует применять барщинную систему, но лишь при условии сосредоточения деревень около места жительства помещика, «для того чтоб сам всю экономию мог видеть»; отдаленные же от места его жительства деревни должны быть на оброке.

В случае проживания помещика в городе Татищев рекомендует применение оброчной системы с раздачей всей земли крестьянам, ибо это «полезнее, нежели заочно содержать приказчика или старосту»². Если после выделения земли для барщинной обработки не удастся обеспечить каждому крестьянину с женою в надел, по крайней мере, одну десятину в каждом поле, то и в этом случае Татищев рекомендует воздержаться от применения барщинной системы и ввести оброк. Наконец, если даже и существуют все необходимые, по Татищеву, условия для введения барщины, то и тогда он считает необходимым наряду с барщинным вести также и оброчное хозяйство.

Таким образом, Татищев выступает в качестве защитника по преимуществу оброчной системы крепостного хозяйства. Этим объясняется его внимание не только к господскому, но и к крестьянскому хозяйству как источнику оброка. С точки зрения помещика, он считает наиболее выгодным высокую норму крестьянского землепользования, обеспечение крестьян скотом и птицей, вплоть до улучшения породности скота в крестьянском хозяйстве, разведение садов, распространение пчеловодства и т. д. Татищев ратует за широкое развитие домашних промыслов среди крестьян, «дабы ни один без рукоделия не был, а особливо зимою...». Полагая, что для подъема крестьянского хозяйства необходима некоторая подготовка крестьян, он предлагал крестьянских ребят от 5 до 10 лет учить грамоте. Особенно важно для того времени отметить, что это предложение Татищев распространял на «мужеск и женск пол». Дети с 10 до 15 лет, утверждал Татищев, должны обучаться «разным художествам», т. е. ремеслам.

¹ Временник ОИДР, 1852, кн. XII, отд. Смесь, стр. 12—32.

² Там же, стр. 29.

В соответствии с распространенным тогда среди помещиков убеждением, что крестьяне ленивы и «ни о чем больше не пекутся, как только узнать больше праздников», Татищев не полагается на самостоятельность крестьян в деле подъема их же хозяйства, не считает возможным давать «им то на волю». Он возлагает на приказчиков и старост надзор за трудом крестьян не только в помещичьей экономии, но и за сельскохозяйственным и промысловым трудом в самом крестьянском хозяйстве. С этой целью Татищев рекомендует различные меры принуждения, вплоть до тюрьмы. Среди этих мер характерно предложение Татищева в отношении крестьян, хозяйство которых не может обеспечить помещику получение высокого оброка. Он рекомендует такого крестьянина «отдавать другому в батраки без заплаты (т. е. оплаты.— И. Б.), которой будет платить за него всякую подать и землю его владеть, а его, ленивца, будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу»¹.

Стремясь к подъему крестьянского хозяйства, Татищев в то же время хочет оторвать крестьянское хозяйство от рынка. «Крестьянин не должен продавать хлеб, скот и птиц лишних, кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик повольною ценой, а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему»². Цель Татищева ясна — обеспечить помещику добавочный доход при реализации продукции крестьянского хозяйства в виде разницы между рыночной и «повольною», т. е. по существу произвольной, ценой, устанавливаемой помещиком.

В неурожайные годы крестьянам запрещается продажа хлеба. Всем крестьянским хлебом распоряжается приказчик, изыскивающий «разные способы к продовольствию» деревенского населения. На случай «нечаянных приключений», главным образом стихийных бедствий, Татищев рекомендует каждому крестьянину создавать запас путем отчисления не менее одной пятой годового дохода. Для хранения запаса хлеба и фуража помещик должен содержать «запасный магазейн». В магазине должен находиться также сельскохозяйственный инвентарь, «для того, когда в рабочую пору потребует крестьянин, чтобы не ездил для покупки, и не пропускать время в работе ему»³.

В этой заботливости Татищева о крестьянском хозяйстве виден помещик, дворянин, «знающий цену «крещеной собственности» и умеющий пользоваться ее трудом»⁴. Не в пример многим другим помещикам, Татищев, исходя из помещичьих интересов, заботился о материальном положении крестьян. Он говорит о необходимости «в государстве доброй экономии или домостроительства, дабы елико возможно работы и труды крестьянства уменьшить и облегчить, а плодородие в житах, скотах и прочем умножить»⁵.

Понимая значение числа рабочих рук для развития сельского хозяйства, как и промышленности того времени, Татищев был очень обеспокоен побегам крестьян, принимавшими все более угрожающие размеры. Важно отметить, что Татищев в отличие от современных ему государственных деятелей считал главным средством борьбы с побегими не репрессии, а уничтожение причин, вызывающих побег крестьян. В этой связи он говорил о желательности увеличения крестьянского надела, численности скота

¹ Временник ОИДР, 1852, кн. XII, отд. Смесь, стр. 28.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXI, М.—Л., 1925, стр. 73.

⁵ В. Н. Татищев. Рассуждение о ревизии поголовной... В кн.: Н. Попов. Указ. соч., Приложение XVI, стр. 718.

и других мерах, могущих, по мнению Татищева, улучшить положение крестьянства в рамках крепостного строя и для его упрочения.

Будучи идеологом дворянства, защитником феодального базиса, Татищев отстаивал развитие производительных сил и рынка в условиях феодального строя, еще дававшего во второй четверти XVIII в. некоторые возможности для такого роста. Поэтому объективно экономическая программа Татищева была для того времени прогрессивной¹.

Подводя итоги, можно утверждать, что Татищев был крупным представителем развитого меркантилизма — экономической идеологии, имевшей для России того времени прогрессивный характер. В своей практической деятельности Татищев проводил в жизнь положения теории торгового баланса, мануфактурной или коммерческой системы. Экономические сочинения Татищева, особенно такие, как «Например представление о купечестве и ремеслах», «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта», «Рассуждение о ревизии поголовной», являются выдающимися произведениями русского меркантилизма.

---

¹ О В. Н. Татищеве как географе и статистике см. написанный автором данной статьи параграф «Экономические воззрения В. Н. Татищева» в кн.: «История русской экономической мысли», т. I, ч. 1, М., 1955. Эти вопросы специально освещены в следующих трудах: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по географии России (вступительная статья к кн.: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 3—35); Л. Е. Иофа. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, М., 1949, стр. 33—87; М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. I, М., 1955, стр. 65—70 и 163—182; В. К. Яценский. Историческая география, М., 1955, стр. 264—271.

ДИСКУССИЯ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ В РОССИИ

Н. И. ПАВЛЕНКО

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ В РОССИИ

(По материалам XVII—XVIII вв.)

Под первоначальным накоплением К. Маркс подразумевал «накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом»¹. Именно эту особенность первоначального накопления подчеркнул В. И. Ленин в своей статье «Карл Маркс»: «От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста»².

24-я глава «Капитала» имеет острую полемическую направленность. Иронизируя по поводу исторического анекдота о появлении бедных и богатых вследствие того, что в незапамятные времена существовала кучка трудолюбивых и бережливых избранников и масса лентяев, К. Маркс пишет, что «в действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой,— одним словом, насилие»³. В противовес идиллическим представлениям буржуазных историков К. Маркс нарисовал подлинную картину появления нового общественного строя, рождавшегося в условиях гнусного грабежа, предательства, убийств, подлости, мошенничества и дикого произвола. На конкретном примере Англии Маркс показал, что история экспроприации и накопления капиталов вписана в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня. Двухединый процесс экспроприации непосредственных производителей материальных благ и накопления капитала осуществлялся насильственными актами в форме узурпации общинных земель, расхищения государственного имущества и церковных земель, колониальной системы, налогов, протекционизма, чудовищными террористическими законами об организации труда в промышленности и т. д. Само насилие К. Маркс называл экономической потенцией. Именно этими насильственными мерами отличается эпоха первоначального накопления от глубинных экономических процессов медленного и постепенного превращения крестьян в капиталистических фермеров, а владельцев мелких предприятий — в мануфактуристов. Характерно, что, исследуя генезис капиталистических фермеров, К. Маркс наряду с указанием на захваты общинных земель останавливает свое внимание на

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 718.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 48.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 719.

таким решающе важным моменте, как революция цен, увеличившая капитал фермера без всякого содействия со стороны последнего.

Накопление богатств, равно как и осуществляемая толчками экспроприация непосредственных производителей сами по себе еще не создают эпохи первоначального накопления. Известно, что крупные накопления в форме торгового и ростовщического капитала, а также сокровищ, не говоря уже о громадных земельных владениях, создавались еще в период становления феодальных отношений. В тот же период на другом полюсе возникали массы обездоленных людей. Но эти процессы, несмотря на то, что они могли иметь внешнее сходство с явлениями эпохи первоначального накопления, не были таковыми. Предпосылкой, или точнее условием, стимулировавшим развитие процессов первоначального накопления, был соответствующий уровень развития способа производства, а именно — складывание национального рынка, относительно высокая степень общественного разделения труда и появление мануфактурного производства. Необходимым условием первоначального накопления являлась возможность вкладывать денежный капитал, созданный грабежом, ростовщичеством и торговлей, в промышленность и капиталистическое земледелие. Таким образом, эпоха первоначального накопления и характерные для нее процессы порождаются совокупностью общественно-экономических отношений. Но, возникнув, эти процессы становятся мощным фактором в преодолении препятствий, стоящих на пути превращения феодальных отношений в капиталистические. При этом путь капитализму расчищался использованием форм, свойственных рабовладельческим и феодальным отношениям.

К. Маркс отмечал, что непосредственный толчок к сгону крестьян с земли в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть¹. В другом месте К. Маркс указывал, что «сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал»². Колониальная система, таким образом, форсировала рост судоходства, мануфактуры и торговли.

Насильственные рычаги в процессе первоначального накопления используются не только государством. Некоторые из этих рычагов весьма эффективно приводились в действие феодалами и нарождавшейся буржуазией. «Сами крупные феодалы, — писал К. Маркс, — стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с занимаемых ими участков, на которые крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»³.

Изучая процесс первоначального накопления на материалах английской истории, К. Маркс неоднократно предупреждал, что экспроприация сельскохозяйственного производителя, лежащая в основе этого процесса, происходила в различных странах по-разному. Возражая против попытки Н. К. Михайловского превратить положение 24-й главы «Капитала» во всеобщую, применимую для всех стран теорию становления капитализма, К. Маркс писал в редакцию «Отечественных записок»: «Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, что-

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 723.

² Там же, стр. 757.

³ Там же, стр. 722—723.

бы притти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня»¹.

История первоначального накопления в России относится к числу важных и в то же время слабо разработанных вопросов. Более других останавливается на этой проблеме П. И. Ляшенко в т. II своей «Истории народного хозяйства СССР». Он первым среди историков и экономистов попытался применить понятие первоначального накопления к истории России. Однако П. И. Ляшенко ограничился лишь краткой и статичной характеристикой источников первоначального накопления, опустив такие весьма существенные стороны исторического освещения этой проблемы, как удельный вес различных методов первоначального накопления на разных этапах истории России.

Некоторые рычаги первоначального накопления рассматриваются в ряде других исследований. Так, в книге Э. Я. Брегеля (Денежное обращение и кредит капиталистических государств, М., 1950) в вводной главе, где идет речь о роли налогов в феодальной формации, автор относит налоговую систему петровского времени к методам первоначального накопления. Специальный параграф «Темпы начального накопления» имеется в капитальном исследовании акад. С. Г. Струмилина «История черной металлургии в СССР» (т. I, М., 1954). В пределах темы своей монографии С. Г. Струмилин прослеживает чрезвычайно быстрые темпы накопления капиталов такими промышленниками-металлургами, как Демидовы, Баташовы и Мосоловы. Источником обогащения этих металлургических династий С. Г. Струмилин считает не только капиталистическое, но и первоначальное накопление в виде захвата и освоения земельных и лесных богатств, приписки к заводам государственных крестьян и мастеровых, покупки крепостных крестьян. В соответствии со своей концепцией, признающей всякую мануфактуру капиталистической, С. Г. Струмилин относит к явлениям первоначального накопления и получение казенных заводов фаворитами Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Перечисленными материалами почти ограничивается список известных нам специальных работ по затронутой теме².

Между тем изучение явлений первоначального накопления поможет, как нам представляется, глубже понять генезис капиталистических отношений в России, в частности учесть противоречивый характер влияния феодального базиса и надстройки на развитие новой формации, выяснить своеобразные черты русского варианта первоначального накопления, отделиться от односторонней оценки развивавшихся в стране капиталистических отношений как исключительно прогрессивного явления и, наконец, конкретнее представить тот сложный механизм, с помощью которого в феодально-крепостнической России осуществлялось и накопление капиталов и экспроприация крестьянства.

Настоящее сообщение, разумеется, не претендует на решение всего комплекса сложных и слабо изученных вопросов, связанных с первоначальным накоплением в России. Это всего лишь постановка проблемы. Нам представляется, что имеющиеся в научном обороте материалы еще

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2-е, Госполитиздат, 1951, стр. 222.

² Речь идет о специальных исследованиях. Работ, содержащих материал по данной проблеме, как видно из справочного аппарата настоящей статьи, опубликовано немало.

не позволяют достаточно четко представить этот процесс в его конкретных проявлениях. Особенно это относится к важнейшей стороне первоначального накопления — отделению непосредственных производителей от средств производства. Слабая изученность, а порою и отсутствие каких-либо данных о бюджете крестьянской и посадской семьи XVII—XVIII вв., об удельном весе феодальной ренты и государственных налогов в изъятии необходимого продукта крестьянского труда, о росте производительности труда на протяжении этих столетий и т. д. не позволяют осветить некоторые весьма важные стороны процесса первоначального накопления капиталов с желаемой полнотой.

Наиболее существенная особенность первоначального накопления в России состояла в его замедленности, обусловленной сохранением крепостного права. Известно, что феодальный способ производства предполагает наличие у крестьянина личного хозяйства. Помещик не был заинтересован во внезапном и насильственном отрыве крестьянина от средств производства. Напротив, помещики использовали крепостное право, личную зависимость от них крестьян в качестве мощного средства задержки «естественного» расслоения деревни. Многочисленные инструкции как светских, так и духовных феодалов обязывали приказчиков контролировать состояние крестьянского хозяйства. Средней руки вотчинник XVII в. А. И. Безобразов настойчиво требовал от своего приказчика наблюдения за тем, чтобы крестьяне «на себя пахали, а не гуляли», чтобы «у них пашня не залегла», чтобы «их сев и жнитво не остановилось»¹.

В. Н. Татищев считал необходимым, чтобы каждый крестьянин имел у себя двух лошадей, двух волов, пять коров, 10 овец, две свиньи и птицу. Только такое хозяйство, по его мнению, в состоянии обеспечить благополучие помещика².

Инструкция Орлова 1790 г. обязывала приказчика принуждать крестьян «прилежать к хлебопашеству», и тех из них, кто «без воли начальника» оставлял пашню, надлежало наказывать на сходах³. Столь же категорическим было требование П. Шереметева, писавшего в 1740 г. приказчику Юхотской волости: «Смотреть при той пашне за крестьянами, чтоб у кого недопашка не была, а ежели у кого по тяглу явится недопашка, чинить наказание»⁴. Более того, инструкции предписывали наказывать крестьян, если они сдавали свою землю в аренду. Штрафу подвергались не только сдатчик, но и наемщик земли, а с вотчинного начальства, проглядевшего этот факт, взималось 25 руб.⁵

Аналогичные обязанности на приказчиков были возложены и духовными феодалами, причем одна из инструкций так объясняет цели «забот» монастырского начальства о благосостоянии крестьян: «дабы оные от того не могли приходить в каковую нищету и в недостатки, от чего б и к побегу им способу не было, а в государственных зборах и в монастырских остановке б и доимок не чинилось»⁶.

Инструкции, кроме того, запрещали разделы дворов, так как, по мнению вотчинников, крестьяне «от того приходят в убожество». Отход крестьян на промыслы вотчинная администрация регулировала таким обра-

¹ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М.—Л., 1929, стр. 184.

² В. Н. Татищев. Краткие экономические, до деревни следующие, записки — Временник ОИДР, 1852, кн. 12, стр. 27—28.

³ Нижегородский краеведческий сборник, т. II, Н. Новгород, 1929, стр. 191.

⁴ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М., 1947, стр. 67.

⁵ ЦГАДА, ф. Юрьева Новгородского монастыря, д. 4360, л. 17. Инструкция 1759 г.

⁶ Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. — «Исторический архив», т. IV, М.—Л., 1949, стр. 167.

зом, чтобы крестьянское тягло не оставалось «впусте» и не все члены семьи могли одновременно оставить деревню¹.

Наконец, в этом же направлении действовали изданные на протяжении XVII—XVIII вв. десятки указов правительства о сыске и возвращении беглых и об ограничении отхода крестьян радиусом в 30 верст от места жительства.

Но крепостное право не только задерживало отрыв крестьян от средств производства, оно вместе с тем тормозило процесс накопления капиталов у его разбогатевших представителей. Правительственные указы, охраняя сословные права дворянства и отчасти купечества, ограничивали торгово-промышленную деятельность крестьян, лишали крепостного крестьянина прав юридического лица. Если Уложение 1649 г. еще разрешало крестьянам приезжать в Москву «из уездов со всякими товары, и им те товары продавати по вольным торгом безпенно на гостине дворе с возов и стругов»², то в XVIII в. в связи с развитием сословного строя многочисленные указы запрещали крестьянам заниматься оптовой торговлей в городах³, ограничивали запись крестьян в купечество⁴, лишали крестьян права участия во внешней торговле⁵, запрещали крестьянам вступать в откупа и подряды, а также строить суконные фабрики⁶. В соответствии с правительственными указами вотчинники в хозяйственных инструкциях требовали от приказчиков жесткого контроля за крестьянами, чтобы они не вступали в подряды⁷.

Политика ограничения крестьянской торговли нашла наиболее яркое выражение в инструкции Петербургского магистрата от 9 марта 1777 г.: «Крестьянам в городах и слободах отнюдь ни своим, ни посторонним лицам не торговать, и в лавках и погребах не сидеть, и жить им за помещики, а торг производить им в знатных селах и деревнях, кои от городов не ближе 5 верст мелочными для проезжающего народа и необходимых их крестьянских нужд товарами»⁸. Крестьянам было запрещено владеть недвижимым имуществом и крепостными⁹. Монопольное право дворянства на эксплуатацию труда крепостных, равно как и исключительное право помещиков на винокурение и помол зерна ограничивали сферу приложения крестьянских капиталов.

Крепостной крестьянин должен был делиться известной частью получаемых доходов с помещиком. Многие помещики, по свидетельству И. Т. Посошкова, придерживались правила: «Крестьянам не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола»¹⁰. Подслушанная Посошковым посьловица, видимо, не расходилась с практикой, о чем свидетельствует указ правительства, отмечавшего в 1719 г., что среди помещиков «есть некоторые непотребные люди, которые своим деревням сами беспутные разорители суть..., налагая на крестьян всякие несносные тягости»¹¹.

Те из помещиков, кто предусмотрительно не стриг крестьян «до гола», стремились регламентировать их хозяйственную деятельность с таким

¹ И. Ф. Петровская. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. — «Исторический архив», т. VIII, М., 1953, стр. 239; К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 35.

² Уложение царя Алексея Михайловича, СПб., 1820, стр. 151.

³ I ПСЗ, т. XII, № 9372, стр. 657; т. XVIII, № 13247, стр. 829.

⁴ I ПСЗ, т. XV, № 11426, стр. 903—904.

⁵ I ПСЗ, т. XIV, № 10486, стр. 465.

⁶ I ПСЗ, т. VIII, № 6252, стр. 976.

⁷ И. Ф. Петровская. Указ. ст., стр. 239, 253.

⁸ I ПСЗ, т. XX, № 14595, стр. 506.

⁹ I ПСЗ, т. VIII, № 5633, стр. 531—532.

¹⁰ И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве, М., 1951, стр. 177.

¹¹ I ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 628, 629.

расчетом, чтобы извлекать из нее максимальную выгоду. А. П. Волынский, например, предписывал своему приказчику выделять десятских для сопровождения крестьян, отправлявшихся на ближайший торжок для купли или продажи товаров, с тем чтобы эти десятские следили за сделками крепостных¹.

Даже «капиталистическим» крестьянам вотчинник препятствовал сосредоточить все внимание на торговле и промышленности. «Капиталистические» крестьяне в вотчинах Шереметева должны были наряду с промыслами заниматься земледелием. Такой крестьянин, по мнению помещика, при всех обстоятельствах, «хотя в торгу какое несчастье с ним бы случилось», может считаться основательным хозяином, т. е. «приносящим пользу обществу, помещику и самому себе»². Вотчинная администрация Спас-Евфимьева монастыря предписывала взыскивать с крестьян в пользу приказчика определенную сумму со всякой торговой сделки: «А кто продаст лошадь или купит, или корову — явки по 2 деньги с продавца и с купца». Дополнительные пошлины взыскивались с продажи сена, бревен, дров, ржи, овса и т. д.³

Помещик стремился извлечь повышенную феодальную ренту из неземледельческих занятий крестьян. 20 оброчных крестьян, работавших в 1754 г. в Москве башмачниками, кузнецами, портными, столярами и т. д., платили Шереметеву высокий оброк в сумме 20 руб. каждый. Размер оброка крестьян в самих вотчинах находился в прямой связи с доходностью крестьянского хозяйства. В шереметевских вотчинах оброк с крестьян промышленных сел Иваново, Павлово и других был значительно выше, чем оброк, взимавшийся с остальных крестьян.

Сколь велика была доля ограбления крепостных фабрикантов их сиятельными владельцами, свидетельствует пример с Грачевым и Бутримовым. Эти владельцы полотняных мануфактур, являвшиеся крепостными графа Шереметева, платили ему, начиная с 1750 г., по 3 руб. 25 коп. за стан. В 1750 г. чистый доход Шереметева от его двух крепостных составлял 520 руб., а в 1752 г. — 770 руб. 25 коп. Фабрикант из крепостных того же Шереметева И. Торопов, владелец бумажной фабрики, платил оброка 1200 руб. в год. Но наиболее выразительным примером тормозящего влияния крепостного права на накопление капиталов является уплата выкупных денег владельцу за получение личной свободы. Упомянутый выше фабрикант Грачев освободился от крепостной зависимости, уплатив в 1795 г. Шереметеву 135 тыс. руб.⁴

Однако односторонний взгляд на крепостничество как только на тормоз первоначального накопления капиталов вряд ли правилен. Крепостное право в период позднего феодализма являлось в то же время экономической потенцией первоначального накопления капиталов и отделения крестьянина от средств производства.

В отличие от Англии, где в результате роспуска феодальных дружин и насильственного отрыва крестьян от земли «поставленный вне закона пролетариат поглощался развивающейся мануфактурой далеко не с такой

¹ А. Волынский. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревней и регула об лошадях — «Памятники древней письменности», т. XV, СПб., 1861, стр. 6—8.

² К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 67.

³ М. А. Баранов. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации (рукопись).

⁴ А. А. Степанов. Крестьяне-фабриканты Грачевы — «Записки историко-бытового отдела Гос. Русского музея», т. I, Л., 1928, стр. 229, 232; его же. Бумажная фабрика шереметевских крепостных Тороповых — там же, стр. 254.

быстротой, с какой он появлялся на свет»¹, мануфактурная промышленность России значительно опережала рост рынка рабочей силы.

Русский вариант создания кадров для промышленности отличался от классического английского образца тем, что на русских мануфактурах широко использовался труд крепостных крестьян и рабочих людей, не оторванных от средств производства. В. И. Ленин отмечал, что «крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»². Принудительный труд крепостных и государственных крестьян применялся не только в металлургии, но и в других отраслях промышленности — парусно-полотняной, суточной, химической и т. д.

Опыт обеспечения рабочей силой крупной промышленности путем приписки крестьян к предприятиям относится еще к первой половине XVII в., когда в 1638 г. к металлургическому заводу Виниуса были приписаны крестьяне дворцовой Соломенской волости. Но особого развития использование крепостного труда в промышленности достигло в XVIII в. в связи с изданием в 1721 г. указа, разрешавшего промышленникам покупать к заводам крестьян, расширением в 30-х годах XVIII в. практики приписки государственных крестьян к частным и казенным заводам, а также реализацией указа 1736 г., закреплявшего «навечно» за заводами наличный состав рабочих людей с их потомством. Численность приписных и покупных крестьян увеличивалась с необычайной быстротой. В литературе имеются точные данные лишь о приписных крестьянах к горным заводам. В течение 80 лет их численность увеличилась в 10 раз — с 31 383 душ м. п. в 1719 г. до 312 218 душ м. п. в 1796 г.³ По сведениям И. В. Мещалина, на предприятиях легкой промышленности в 1799 г. (включая и металлообработку) было занято 31 146 посессионных рабочих и 12 004 рабочих людей из числа владельческих крестьян⁴. Если к этому прибавить неучтенных крестьян, приобретенных горнозаводчиками за время действия указа 1721 г., а также рабочих людей, закрепленных навечно за предприятиями в 1736—1744 гг., то в общем получатся довольно внушительные масштабы применения принудительного труда в промышленности. Крупнейшие промышленники владели десятками тысяч покупных и приписных крестьян и рабочих людей, отданных по указам. Так, за А. Демидовым к середине XVIII в. значилось 27 338 душ м. п. купленных и приписных крестьян, а также отданных рабочих⁵. После смерти И. Р. Баташова (1821 г.), одного из потомков родоначальника промышленной династии Баташовых, осталось 12 528 душ крестьян и 148 967 дес. земли⁶.

Функции государственной власти, однако, не ограничивались предоставлением прав владельцу капитала эксплуатировать феодально-зависимое население. Государственная власть, кроме того, регламентировала оплату труда приписных крестьян. Шкала оплаты труда приписных крестьян, установленная плакатом 1724 г., как известно, приближалась к рыночной, вольнонаемной, только в первые годы своего применения. В дальнейшем разница в оплате принудительного и наемного труда

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 737.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, СПб., 1901, стр. 304.

⁴ И. В. Мещалин. Текстильная промышленность, в Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, М.—Л., 1950, стр. 94.

⁵ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I, М.—Л., 1949, стр. 228.

⁶ Е. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России, СПб., 1885, стр. 158.

увеличивалась с каждым годом. Крестьяне Толвуйского погоста, приписанного к Олонецким заводам, жаловались в 1743 г., что норма оплаты труда по плакату не достигала «половины настоящей наемной цены», а некоторые работы завод оплачивал только на $\frac{1}{3}$ их реальной, рыночной цены¹. К 1760-м годам, по признанию даже официальных инстанций, не говоря уже о многочисленных представлениях крестьян, нормы плакатной расценки труда стали ниже наемных в 5—10 раз. Так, земляные работы приписных крестьян оплачивались от 4 до 9 коп. за кубическую сажень, «вольные же, по подряду нанимающиеся работники, за такую же сажень получали от 40 и до 50 копеек»².

Кн. Вяземский, направленный на Урал для выяснения причин волнений приписных крестьян, писал в 1763 г., что «приискивать и умножать число вольнонаемных работников удерживает и собственная завододержателей прибыль, потому наипаче, что как по берг-коллежскому положению положена приписным крестьянам за работы весьма малая плата, то за оную вольного работника достать невозможно»³.

О заинтересованности заводоладельцев в эксплуатации принудительного труда свидетельствуют настойчивые домогательства промышленников увеличить нормы приписки государственных крестьян к заводам. Уральские промышленники на совещании 1734—1736 гг. потребовали, например, чтобы вместо установленной нормы в 100 дворов к домне приписывалось 200 дворов, а к медеплавильной печи вместо 40 дворов — 60⁴. Спустя 30 лет, промышленники потребовали отмены указа 1762 г., запрещавшего покупать крестьян к заводам. Купцы города Серпейска в наказе депутату Уложенной комиссии писали, что «без крепостных людей никаким образом в надлежащем навсегда порядке и размножении заводов и фабрик содержать невозможно»⁵.

Доказательством эффективности использования труда крепостных крестьян в накоплении капиталов является быстрый рост уральской промышленности и сказочное обогащение в короткий срок некоторых заводоладельцев. Демидовы, например, в 1700 г. владели одним небольшим заводом в Туле. Через 50 лет в составе их грандиозного промышленного хозяйства действовало 31 предприятие черной и цветной металлургии, один кожевенный и один солеваренный заводы⁶.

Быстрыми темпами первоначальный капитал возрастал у Баташовых. Первый свой завод И. Т. Баташов построил в 1716 г. на р. Тулице. К 1750 г. промышленное хозяйство Баташовых имело еще скромные размеры, состоя из трех заводов⁷. За вторую половину XVIII в. Баташовы умножили количество предприятий в пять раз, причем за 16 лет (1776—1791) было построено 11 заводов. Исследователь заводского хозяйства Баташовых справедливо отметил, что подобные темпы обогащения могут быть сравнимы только с демидовскими, да и то лишь в пору хозяйничанья властного и жестокого Акинфия Никитича, построившего за 18 лет (1726—1744) 17 металлургических заводов⁸.

¹ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., М., 1953, стр. 474.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIX, д. 118, л. 59.

³ Там же, л. 60.

⁴ М. А. Горловский, Н. И. Павленко. Материалы совещания уральских промышленников 1734—1735 гг. — «Исторический архив», т. IX, М., 1953, стр. 431—432.

⁵ Сб. РИО, т. 107, стр. 162.

⁶ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 186—187.

⁷ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 63.

⁸ К. К. Демидовский. История Приокского горного округа в крепостную эпоху (рукопись).

Эксплуатация принудительного труда была основой стремительного роста капиталов и у владельцев парусно-полотняных мануфактур. Посадский человек Переславля Залесского Филипп Угримов оборудовал основанную в 1758 г. фабрику 100 станами. Во втором десятилетии своего существования фабрика была оборудована уже 312 станами. Капитал Угримова умножили купленные им в 1758 и 1762 гг. 1094 крестьянина¹.

Богатства известного мануфактуриста XVIII в. Афанасия Абрамовича Гончарова оценивались в 6 млн. руб. серебром. До 1732 г. Гончаров значился еще приказчиком Фидатова на Малоярославецкой фабрике, затем компаньоном этой фабрики, а с 1735 г. — владельцем самостоятельной мануфактуры. Капитал Гончарова накапливался сказочными темпами. За пять лет (1732—1737) он утроился, достигнув 86 567 руб. В 1737 г. на фабрике Гончарова было 182 стана, в 40-х годах XVIII в. их стало 322. К середине XVIII в. Гончарову, получившему в 1747 г. чин коллежского асессора, принадлежало 4324 души м. п. Характерно, что Гончарову в порядке исключения из общего закона было разрешено в 1763 г. покупать крепостных крестьян «за ревностные труды в заведении и размножении полезных государству фабрик»².

Итак, используемые на заводских работах купленные и приписные крестьяне являлись неэкспропрированными производителями. Это давало возможность держать оплату их труда на низком уровне. Владелец капитала в данном случае использовал в своих интересах экономические резервы феодально-крепостнической системы, поскольку вынуждал крестьянина, труд которого оплачивался на заводе ниже рыночной стоимости, изыскивать дополнительные доходы в занятиях сельским хозяйством. Промышленник, таким образом, присваивал часть прибавочного продукта в форме феодальной ренты.

Совершенно очевидно, что в этом случае приписной или покупной крестьянин был обречен на медленную, а потому мучительную экспроприацию. Одной из причин восстания крестьян Ромодановской волости, купленной Н. Н. Демидовым в 1739 г. к Дугненскому заводу, было их медленное разорение в результате выполнения заводских работ. За 13 лет пребывания у нового владельца крестьяне лишились лошадей, крупного и мелкого скота «без остатку». Свое разорение крестьяне в 1752 г. объясняли тем, что Демидов пахать «во время пашни никогда не дает», не отпускает на сенокос, используя «под струмент и под железа» не только мужчин, но и «баб и девок»³.

Но промышленник действовал, когда ему было выгодно, и более решительно, превращая купленного либо приписного крестьянина в человека, лишенного средств производства, т. е. в кадрового рабочего. В 1720 г. Н. Демидов купил у графа Головина в Нижегородском уезде с. Фокино с деревнями, населенными 2668 душами. В следующем году Демидов перевел 300 семей с. Фокина на свои уральские заводы, превратив переселенцев в рабочих⁴. Сибирский обер-берг-амт ограничивал хозяйственную деятельность мастеровых людей и, чтобы создать заинтересованность в заводских работах, распорядился в 1726 г. по истечении каждого года

¹ Е. Дюбюк. Первые текстильная и лясцбумажная фабрики Угримовых-Каманиных в Переславле — «Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества», вып. 15, Переславль-Залесский, 1926.

² Д. И. М а л и н и н. Полотняный завод в XVIII в., Калуга, 1929; В. Б у х и н а. Малоярославецкая фабрика до закрепощения рабочих (1718—1737) — «История пролетариата СССР», сб. 2-й, М., 1930; ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2710.

³ Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в. М.—Л., 1937, стр. 150.

⁴ Б. Б. К а ф е н г а у з. Указ. соч., стр. 96, 339.

переводить их с одного завода на другой, «дабы они... пропитание имели бы себе определенным им за работы их жалованьем» и не занимались хлебопашеством. Иван Небогатов, отличавшийся необычайной жестокостью, согласно жалобе приписных крестьян, в 1736 г. «отнял у них своим насилием... пахотную землю»¹. Практика отрыва приписных крестьян от земли имела место и в более позднее время, вызывая ожесточенное сопротивление крестьян. Жалобы на это встречаются почти во всех челобитных крестьян. Кн. Вяземский в уже цитированном документе писал: «На некоторых заводах и то усмотрено, что заводосодержатели просят о выборе и об отдаче из тех же приписных крестьян к заводам в разные мастерства, по чему они и определяют иногда и сверх статного числа единственно для того, чтоб тем умножить число живущих при заводах и, отвлекши их вовсе от хлебопашества, воспользоваться заводскою от них работою за малую цену»².

Промышленников, разумеется, устраивала установленная плакатом 1724 г. низкая расценка оплаты труда приписных крестьян. Уральские горнозаводчики поддержали предложение В. Н. Татищева об установлении уравнительной оплаты всем мастеровым людям, принудительно используемым на заводских работах. Промышленники понимали, что там, где действует крепостнический правопорядок, можно обойтись без конкуренции и поэтому согласились с формулой: «Работников, приписанных к заводам или крепостных заводчиковых людей, кто излишне передачею будет принимать и у себя держать, с таких брать штраф против 5-го пункта», т. е. «брать штрафа против помещичьих беглых крестьян вполы». Напротив, промышленники решительно возражали против попытки В. Н. Татищева установить уравнительное жалованье наемным работникам. Они требовали, чтобы «вольным работникам каждой заводчик волен плату давать по договору»³. Таким образом, «рабочее» законодательство России регламентировало размер оплаты труда только принудительных рабочих, но, в отличие от английского, наемных рабочих, выражаясь словами К. Маркса, предоставило власти «естественных законов производства»⁴. Эта особенность русского законодательства о труде станет вполне понятной, если мы вспомним ограниченные резервы наемной рабочей силы, отпущавшейся крепостным хозяйством в промышленность.

Приглядываясь к русскому «рабочему» законодательству XVIII в., трудно заметить еще одно существенное его отличие от английского, а именно его более мягкие формы, отсутствие указов, аналогичных содержанию «кровавых законов», изданных в Англии в течение XVI—XVIII вв. В самом деле, известные указы об отсылке на прядильные дворы «винных баб и девок»⁵, об использовании осужденных и задолжавших казне подрядчиков на заводских работах⁶, о привлечении на мануфактуры незаконнорожденных «мужеска и женска пола»⁷ не идут в сравнение с английскими законами о наказании бродяг и нищих. Эта особенность объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, медленная и во всяком случае не внезапная экспроприация крестьянства не могла создать в России такой массы бродяг и нищих, как это было в Англии. К тому же нищий крестьянин являлся «крещеной собственностью» светского или духовного фео-

¹ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 483, 491.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIX, д. 118, л. 60.

³ М. А. Горловский, Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 65, 67.

⁴ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 741.

⁵ I ПСЗ, т. V, № 3306, стр. 666; № 3313, стр. 669—670; № 3336, стр. 684; т. VI, № 3808, стр. 411.

⁶ I ПСЗ, т. VIII, № 5383, стр. 133—134; № 6205, стр. 937.

⁷ Там же, № 5452, стр. 220—221.

дала, и полицейский аппарат абсолютизма направлял свои усилия в тому, чтобы вернуть его помещику, либо в худшем случае засчитать в рекруты. Экономический интерес помещика, охраняемый абсолютизмом, был противоположен интересу английского лендлорда, стремившегося согнать крестьян с земли. Во вторых, заводовладельцы и не нуждались в специальном законодательстве, поскольку каждый из них широко и неограниченно применял вотчинную юрисдикцию, т. е. в подавляющем большинстве случаев осуществлял суд и расправу силами и средствами заводской администрации. Но из этого не следует, что положение рабочих и мастеровых людей, а также приписных и купленных к заводам крестьян в России было легче, чем положение рабочих в Англии. Напротив, к дисциплине капитала рабочих людей и крестьян приучали самыми жестокими истязаниями.

Положение рабочих людей мало чем отличалось от положения арестантов. Берхгольц, посетивший мануфактуру Тамеса в 1721 г., отметил, что заработная плата работника «не превышает того, во что обходится содержание арестанта»¹. Советник Берг- и Мануфактур-коллегии Михалюк, осматривавший в 1721 г. мануфактуру Щеголина, дал следующее заключение о фабричных постройках и порядке в них: «Весь двор и нижние палаты и светлицы более годно употребить конюшням и сараям, ибо в них такая вонь, что нельзя в них быть»². Через два десятилетия комиссия, составлявшая «работные регулы», отметила то же самое: «Очень срамно было видеть, что большее число мастеровых и рабочих людей так ободранно и плохо одеты находятся, что некоторые из них насили и целую рубаху на плечах имеют». На большинстве суконных фабрик — дырявые крыши и стены, не укрывавшие рабочих от холода, дождя и снега, теснота и грязь³.

Право наказания наемных людей купцами или промышленниками оформлялось иногда даже в документах. Так, в поручной записи работников, нанявшихся в 1699 г. доставить три струга Клима Калмыкова из Астрахани в Саратов, было оговорено право гостя наказывать наймитов: «А за огурство и за воревство смирять ему, хозяину, их, наймитов, всяким смиреньем, смотря по вине»⁴. Предоставление промышленнику права суда и наказания мастеровых людей встречается и в документах XVIII в. Сенатским указом 1749 г. французу Гамбету, собиравшемуся организовать «полезное государству дело», а именно «шелковичный завод в Малой России и штофную фабрику в С.-Петербурге», было разрешено рабочих и мастеровых людей наказывать «самоу, не отсылая ни в какой суд»⁵. Инструкции Геннина должностным лицам уральских казенных заводов, обобщенные им в «Описании уральских и сибирских заводов», являлись не только техническим руководством, но и своеобразным сводом правил о наказаниях рабочих людей и приписных крестьян. За «ленство и слушание», недоковку железа, перерасход угля, поломку инструментов, невыполнение нормы выковки железа и многие прочие «прегрешения» наказывали кнутом, батогами, штрафами, заковыванием в колоду и т. д.⁶ Еще

¹ Дневник Берхгольца, ч. 2, М., 1863, стр. 95.

² Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I, М.—Л., 1947, стр. 140.

³ I ПСЗ, т. XI, № 8440, стр. 487, 493.

⁴ А. Герасимов. К истории волжского транспорта в конце XVII в. — «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 34, ч. 2, Саратов, 1924, стр. 23.

⁵ I ПСЗ, т. XIII, № 9651, стр. 111.

⁶ В. И. Геннин. Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937, стр. 194, 197—199, 201, 204, 205, 244, 262, 270, 280, 340.

большой произвол царил на частных мануфактурах, причем источником, характеризующим положение мастеровых и работных людей, являются не правительственное законодательство, а челобитные и всякого рода следственные дела.

Судебно-полицейские права мануфактуристов в отношении работных людей ярче всего выразил владелец Суконного двора в Москве, строивший свои отношения с ними на тех же основаниях, что помещик с крепостными крестьянами. «Их, мастеровых людей,— писал он в 1742 г.,— иметь нам равным образом, как помещики своих людей и крестьян»¹.

Размер жалованья на Суконном дворе был настолько низким, что «не токмо жены и дети, но из нашей братии питаютца миром»,— писали мастера. Тем не менее владельцы Суконного двора стремились всякими способами урвать в свою пользу часть заработка рабочих. Не выдавая своевременно жалованья, мануфактуристы принуждали работных людей пользоваться хозяйскими продуктами, отпускавшими в кредит «против гороцкого дорогою ценою». С целью снижения жалованья промышленники произвольно переводили подмастерьев в разряд ткачей или принуждали их выполнять неоплачиваемые работы. Дисциплина на Суконном дворе поддерживалась палкой и кнутом².

Получив жалованье, мастеровой человек нередко оставлял его в принадлежащем мануфактуристу кабаке. Владелец Малоярославецкой полотняной мануфактуры Филатов просил разрешения организовать продажу вина при мануфактуре, с тем чтобы был закрыт кабак в с. Товаркове, куда «как в воскресенье, так и в работные дни со оных фабрик уходят и живут по многие дни безвыходно, пропиваясь донуга, а иные от того пьянства умирают без покаяния». Просьба Филатова была удовлетворена, и этот поборник христианских обрядов, получая прибыль от спаивания мастеровых, более не жаловался, что они умирали «без покаяния»³. Примеров, когда промышленник стимулировал повышение производительности труда штрафами и вычетами, батогами и палками, не останавливаясь перед увещаниями крестьян и работных людей, можно привести значительно больше⁴.

Мастеровые люди фактически не имели возможности жаловаться на произвол заводовладельцев. Если крепостным крестьянам было запрещено жаловаться на своих помещиков соответствующими законами, то подача жалоб мастеровыми и работными людьми препятствовали сами промышленники, действовавшие как вотчинники. Мирских челобитчиков Ромодановской волости, пытавшихся в 1752 г. отправиться с жалобой на заводовладельца, Н. Демидов «поковал и сважевал в Дугненский завод в поддомну, на руки и на ноги понабив тяжкие железы»⁵. Проведав о том, что крестьяне собирались жаловаться на притеснения, И. Небогатов поймал двух челобитчиков и «бил дубьем смертно и увес их на свой медной завод и посадил их на большую цепь и морил голодом»⁶.

В том же направлении, что и мануфактуристы, действовало и феодальное государство, административно-полицейский аппарат которого всячески содействовал укреплению форм внеэкономического принуждения работных и мастеровых людей.

¹ Крепостная мануфактура в России, ч. V. Московский суконный двор, М.—Л., 1934, стр. 160.

² Там же, стр. 100, 101, 102, 104, 109, 111, 112, 115, 116, 124, 152 и др.

³ В. Бухина. Указ. ст., стр. 45.

⁴ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 313—314, 479—485, 491—493.

⁵ Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в., стр. 149.

⁶ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 483.

В 1749 г. на суконной фабрике Е. Болотина и П. Докучаева согласно жалобе владельцев мануфактуры «работные люди упрямством своим в работу нейдут и чинятся им противны». Сенат приказал «пущим заводчикам... в страх другим» учинить публичное наказание, десятого бить кнутом, после чего сослать на работу в Рогервик¹. Волновавшихся в 1752 г. мастеровых людей на фабриках А. Гончарова кабинет велел «смирить, дабы были у него, Гончарова, в послушании и при работах своих безотлучны»². На подавление восстания крестьян Ромодановской волости правительство направило два полка драгун. Волнение крестьян Клепиковской парусно-полотняной фабрики Хлебникова также было подавлено отрядом регулярных войск, причем во время усмирения 25 ноября 1776 г. было убито 17 и ранено 34 работных человека³.

Практикой применения вотчинного правопорядка на мануфактурах, надо полагать, объясняется относительно позднее появление в России законодательства, регулирующего взаимоотношения мануфактуристов с работными людьми. Если исключить указы правительства об укомплектовании мануфактур рабочей силой и главу XII Адмиралтейского регламента, устанавливавшую продолжительность рабочего дня и обязанности некоторых должностных лиц на верфи, то появление первых правил, определявших некоторые обязанности мануфактуристов по отношению к мастеровым и приписным крестьянам, относится к 1741 г. 23 октября этого года были введены в действие правила использования приписных крестьян на горных работах. В том же году были утверждены «Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики»⁴. Комиссия, составлявшая «Регламент и работные регулы...», была озабочена не стремлением облегчить тяжкие условия труда и быта мастеровых людей, а улучшением качества сукна, изготавливаемого на мануфактурах. Оно было столь неудовлетворительным, что казна, потреблявшая армейское сукно, терпела постоянные убытки. Это и заставило комиссию, считавшую первопричиной всех зол отсутствие регламентов, «по которым работным людям поступать», рекомендовать мануфактуристам содержать исправные фабричные постройки, соблюдать чистоту в помещениях, завести госпитали и т. д.

Эксплуатация крепостных крестьян, как известно, являлась монопольным правом дворянства. Законы запрещали крестьянам иметь крепостных. Однако противоречия периода зарождения капитализма состояли в том, что некоторые помещики частным порядком делились своими монопольными правами с собственными крепостными крестьянами. Не все помещики следовали приведенной выше пословице И. Т. Посошкова. Учитывая ту простую истину, что богатый крепостной приносит больше дохода, чем бедный, феодал покровительствовал торгово-промышленной деятельности своих крепостных.

С. В. Бахрушин отметил, что наиболее многочисленные и состоятельные крестьяне XVII в. вышли из вотчин «сильных людей» — знати, захватившей в XVII в. богатые торговые районы, а также из вотчин крупных духовных феодалов. В специальном исследовании этот крупнейший знаток социально-экономической истории России XVII в. приводит длинный перечень фамилий крестьян, имевших крупные торги. Крестьяне Шангины и Осколковы, нажившие крупное состояние на торговле в Сибири, принадлежали кн. И. С. Прозоровскому. Крепостными Тихвинского и Троице-

¹ I ПСЗ, т. XIII, № 9643, стр. 102—105.

² Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в., стр. 9.

³ ЦГАДА, ф. Следственной комиссии о волнениях рабочих полотняной фабрики ген. Хлебникова в с. Клепикове, л. 1, лл. 1—17.

⁴ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIX, д. 118, лл. 48—52; I ПСЗ, т. XI, № 8440, стр. 483—497.

Гledenского монастырей были торгующие крестьяне Данило Обросьев, Герасим Спиридонов и др.¹ В некоторых случаях феодалы сами являлись соучастниками торговых операций своих крепостных крестьян, ссужая «торговых людей» деньгами и участвуя в дележе полученной торговой прибыли. «Заинтересованные материально в торговых успехах своих крестьян, привилегированные землевладельцы со своей стороны оказывали им протекцию, выхлопывали им льготы, властно заступались за них, когда они попадали в беду, как заступился Г. И. Морозов за Михаила Колчу, когда он был взят в Казанский дворец по подозрению в утайке десятой пошлыны»².

В XVIII в. участие крестьян в торговле еще более усилилось. Не выполняя тяжелых посадских повинностей, торгующие крестьяне являлись серьезными конкурентами городских купцов. Последние неоднократно выступали с требованием о запрещении крестьянам заниматься торговлей без записи в посад. Среди многочисленных наказов депутатам в Уложенную комиссию от городского населения нет ни одного, который не содержит жалоб на обиды и «помешательства», чинимые купечеству торгующими крестьянами, оставившими ради торговли «потребное для общества хлебопашество». Купечество г. Мологи раскрыло и нехитрую механику использования крестьянами дворянских привилегий: скупку хлеба, кожи, сала крестьяне производили «под видом, якобы для домового господ их прозизии», а потом, заручившись документом от «вотчинных и от домовых господ их управителей», крестьянин отправлял закупленный товар в Петербург, в Москву и другие места для продажи³. Торгующий крестьянин извлекал, таким образом, не только торговую прибыль, но и часть дополнительного дохода, равного денежному выражению купеческих повинностей.

Нередко помещик разрешал «капиталистам» крестьянам либо богатым представителям посада покупать крепостных. Сделка оформлялась на имя помещика, но фактическим владельцем купленных крепостных являлся крестьянин или посадский человек.

Едва ли не первым посадским человеком, купившим крепостных на имя дворянина в обход существовавшего законодательства, был Хвасливый. Село Клишино Зарайского уезда Кондратий Хвасливый приобрел в 1706 г., т. е. за 15 лет до опубликования петровского указа, разрешавшего покупать купцам деревни к фабрикам и заводам. Естественно, что К. Хвасливый, обладая скромным званием посадского человека московской тяглой слободы, не имел юридических прав на покупку крепостных, и поэтому купчая была оформлена на имя подставного лица — будущего государственного канцлера графа Г. И. Головкина. Хвасливый построил в Зарайске парусно-полотняную фабрику и использовал для работы на ней купленных крепостных вплоть до 1741 г., когда имущество Головкина было конфисковано. Наследники имущества Хвасливого вынуждены были объявить свои права на с. Клишино и тем самым признать фиктивность сделки, заключенной их дедом за четверть века до этого⁴.

Подобного рода факты, являвшиеся исключением в начале XVIII в., во второй половине XVIII в. стали относительно распространенным явлением. В 1784 г. 37 «капиталистов» крестьян с. Иваново владели 416 душами м. п., в том числе Е. Грачев — 161, Г. Бутримов — 73. Через 10 лет в

¹ С. В. Бахрушин. Торговые крестьяне в XVII в.— «Научные труды», т. II, М., 1954, стр. 129.

² Там же, стр. 131.

³ Сб. РИО, т. 107, стр. 75—76.

⁴ Е. А. Звягинцев. Русская фабричная деревня первой половины XVIII в.— «Исторические записки», т. 3.

с. Иванове насчитывалось уже 528 душ м. п. и 659 душ ж. п. покупных крестьян. Шереметев в инструкции приказчику 1764 г. писал: «Ежели кому крестьянам моим потребно будет купить у помещиков людей и крестьян в работу, таковых велеть с ведома и свидетельства прикащиков и выборных покупать на мое имя»¹.

Под покровом крепостнических отношений первоначальный капитал увеличивался не только у «капиталистских» крестьян, фактически владевших крепостными душами, но и у богатеев, не имевших крепостных, но выполнявших административные функции в вотчинном и мирском управлении.

В литературе злоупотребления мирских властей и вотчинной администрации выяснены весьма обстоятельно². Мирские сборы, как это выяснил Н. М. Дружинин для XIX в., в несколько раз превышали налоги и феодальную ренту и являлись важным источником обогащения алчных сельских богатеев, всегда являвшихся фактическими распорядителями на мирских сходках и кандидатами в вотчинные администраторы. Некоторые крестьяне, желая попасть в вотчинные начальники, давали писарям крупные взятки, сумму которых с лихвой затем возвращали путем хищения мирских денег и перекладывания обременительных повинностей на плечи деревенской бедноты. Распространенность подобной практики косвенным образом признавали сами помещики в инструкциях приказчикам³. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев деревенские богатеи предпочитали оставаться в тени, не обременять себя хлопотливыми обязанностями мирского выборного и действовали через подставных лиц.

Превращение первостатейного крестьянина в приказчика, а затем — в мануфактуриста прослеживается на примере Ивана Торопова, крепостного графа Шереметева. Торопов был богатым крестьянином оброчных вотчин Шереметева, владельцем мучной и пильной мельницы. В 60—70-х годах XVIII в. он купил у соседних помещиков 14 душ крепостных и несколько сот десятин земли, был «выборным» и приказчиком. В 1784 г. Торопов построил на р. Юхте бумажную фабрику⁴.

Выше речь шла о влиянии феодально-крепостнических отношений главным образом на накопление капиталов. Но крепостническая система вместе с тем являлась одним из рычагов отделения крестьянина от средств производства. В черновом наброске письма к В. Засулич Маркс отметил: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»⁵. В феодально-крепостнической России изъятие у крестьян сверх определенной меры продукта их сельскохозяйственного труда осуществлялось в основном либо прямым повышением размера феодальной ренты, либо дворянским предпринимательством, либо, наконец, государственными налогами.

¹ К. Н. Шепетов. Указ. соч., стр. 103.

² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I, М.—Л., 1940, стр. 114—115, ч. 2, М.—Л., 1945, стр. 130; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 329, 349; К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М., 1951, стр. 49.

³ Н. В. Устюгов. Указ. ст., стр. 158, 167; И. Ф. Петровская. Указ. ст., стр. 228—229.

⁴ А. А. Степанов. Бумажная фабрика шереметевских крепостных Тороповых — «Записки историко-бытового отдела Госуд. Русского музея», т. I, стр. 253.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 685.

Остановимся сначала на двух моментах — росте феодальной ренты и дворянском предпринимательстве. Оба эти явления обусловлены образованием всероссийского рынка, развитием общественного разделения труда и установлением более тесных торговых связей с западноевропейскими государствами. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Со времен Петра началась иностранная торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. Этим было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста *вывоза*, ради которого оно происходило, пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам все более и более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался»¹.

Приспосабливая свое хозяйство к развивавшимся денежным отношениям, помещики неуклонно увеличивали владельческие повинности крестьян. Если размер оброчных повинностей исчислялся плакатом 1724 г. в 40 коп. с ревизской души, то в 60-х годах XVIII в. он достиг 1—2 руб., а в 1790-х годах вырос до 5 руб. С особенной наглядностью рост оброчных повинностей прослеживается на примере государственных крестьян, по отношению к которым всякое увеличение феодальной ренты оформлялось соответствующим указом. В 1745 г. к установленному плакатом 1724 г. четырехгривенному окладу правительство прибавило 15 коп., а в 1760 г. давало оброчный сбор до 1 руб. В последующие годы вотчиннико-государство еще трижды повышало оброчные повинности: в 1768 г. — до двух рублей, в 1783 г. оброк был установлен в 3 руб., а в 1797 г. — от 3 р. 50 к. до 5 руб. с каждой ревизской души².

Если у государственных крестьян 5-рублевый оброк считался максимальным, то у владельческих крестьян, составлявших большинство сельского населения страны, 5-рублевый оброк был средним. В некоторых провинциях, особенно расположенных вблизи столиц и вдоль водных путей, оброк в конце XVIII в. достигал 10 руб. и даже 20 руб. с души м. п.

В среднем можно считать, что денежный оброк в его абсолютных размерах увеличился за 75 лет не менее чем в 12 раз. Это, однако, не означало двенадцатикратного увеличения реальной тяжести крестьянских повинностей. Учитывая падение курса рубля, В. И. Семевский (правда, весьма приблизительно, на основании всего лишь перевода размера оброка на цену четверти ржи) утверждает, что за 30 лет, с 60-х по 90-е годы XVIII в., размер оброка фактически увеличился в полтора раза³. Но даже и такого рода существенная поправка не колеблет общих представлений о тенденции к неуклонному росту тяжести феодальных повинностей. Иной представляется динамика государственных повинностей за XVIII столетие. Если владельческий оброк в абсолютных цифрах увеличился не менее чем в 12 раз, то государственные повинности возросли менее чем в полтора раза — с 70 коп. в 1725 г. до 1 р. 02 к. в 1794 г. По удельному весу феодальные повинности в конце петровского царствования менее чем в два раза превышали налоговое обложение крестьян, а в конце XVIII в. это превышение было почти пятикратным. У дворянства, таким образом, были все основания считать время царствования Екатерины II «золотым веком».

Рост владельческих и государственных повинностей находится в тесной связи с образованием рынка рабочей силы, с формированием отряда крестьян, в известной мере оторвавшихся от средств производства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 370—371.

² Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 48.

³ В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, стр. 53—60.

Одним из источников образования рынка рабочей силы было бегство крестьян. Бремя феодальной эксплуатации и государственных повинностей вынуждало сотни тысяч крестьян покидать насиженные места. Об интенсивности бегства крестьян в XVII и XVIII вв. свидетельствуют прежде всего многочисленные указы и практические меры правительства по сыску беглых. Под напором дворянства, обращавшегося во второй половине XVII в. в правительство с коллективными челобитными не менее 14 раз, сыск беглых был организован во многих уездах страны и особенно в низовых городах¹. Проведенная в 1710 г. подворная перепись обнаружила громадное (на 19,5%) уменьшение населения России. В известной мере «пустота» была фиктивной, так как помещики в целях утайки повинностей в пользу государства сводили по несколько дворов в один двор, но несомненно также и то, что уменьшение количества дворов в 1710 г. по сравнению с переписью 1678 г. было связано с бегством населения на окраины государства, в недостижимые для правительственной администрации районы. Только с 1719 по 1727 г. официальные и далеко не полные источники регистрировали около 200 тыс. беглых. К сожалению, в литературе нет хотя бы приблизительных данных о количестве беглых за предшествующие и последующие годы, но о размерах бегства косвенным образом свидетельствует количество правительственных указов о сыске беглых, которых за первую половину XVIII в. было опубликовано не менее сотни, причем меры репрессий по отношению к самим беглым, а также к лицам, их укрывавшим, имели ярко выраженную тенденцию к усилению. По дворянским наказам депутатам Уложенной комиссии 1767 г. видно, что борьба с бегством крестьян не потеряла своей актуальности и во второй половине XVIII в. В 1767 г. дворяне, как и сотню лет до этого, требовали от правительства более решительных и эффективных мер по розыску беглых².

Какова была судьба беглых? Мы далеки от намерения рассматривать бегство как явление, которое можно целиком отнести к экспроприации крестьянства. Напротив, в условиях феодально-крепостнической России для подавляющего большинства крестьян бегство отнюдь не сопровождалось полным отрывом беглых от средств производства. Кроме того, бегство в большинстве случаев не освобождало крестьян от феодально-крепостнической зависимости.

А. А. Новосельский, специально изучавший имущественное положение крестьян, бежавших в первой половине XVII в. на южные окраины государства, пришел к выводу, что среди бежавших преобладали зажиточные элементы деревни, перевозившие на новое место свои семьи и пожитки, с тем чтобы организовать хозяйство в районе, где в меньшей мере ощущался феодально-крепостнический гнет³. Таким образом, эту категорию беглых нельзя отнести к экспропрированному населению России. Большинство крестьян, бежавших в Сибирь, также не пополняло ряды людей, лишенных средств производства. Крестьянин, проделав длительный путь из Европейской России в Илимский острог, разумеется, садился на землю, не имея ни скота, ни необходимых средств производства для того, чтобы своими силами устраивать «пашенный завод» на новом месте. Но здесь

¹ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов в Московском государстве второй половины XVII века — «Труды Института истории, РАН ИОН», т. I, М., 1927.

² Сб. РИО, т. 4, стр. 229, 335, 365, 366, 373, 387, 424; т. 14, стр. 256, 257, 261, 268, 295; т. 68, стр. 9, 14, 99—100, 117—118, 123, 359, 368, 395, 411, 425, 458, 461, 478, 517, 533, 540, 597, 598, 602 и др.

³ А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в. — «Исторические записки», т. 16.

крестьянину оказывало помощь государство, снабжая его семенами, рабочим скотом и орудиями производства. Получив надел и подмогу, пашенный крестьянин Сибири попадал, таким образом, в феодальную зависимость от государства и не переставал быть мелким собственником¹.

Чаше, чем в Сибирь или на окраины государства, крестьяне уходили в близлежащие уезды, причем едва ли не самым важным следствием такого бегства являлась смена помещика. Ни род занятий, ни место беглого в социальной структуре феодального общества не изменялось, за исключением того, что, быть может, в некоторых случаях новый владелец заставлял беглого выполнять менее обременительные повинности. К тому же, чем ближе от прежнего места жительства обосновывался беглый, тем большей была угроза вернуться к старому владельцу. Об этом красноречиво говорят результаты деятельности сыщиков по розыску беглых в понизовых городах во второй половине XVII в.

Наконец, беглые в течение некоторого времени могли освободиться от крепостной зависимости и выступать в роли организаторов хозяйства, свободного от феодально-крепостнической эксплуатации. Любопытный в этом отношении пример приводит в своей диссертации М. А. Баранов. Беглые крестьяне Спасо-Евфимьева монастыря обосновались в районе Пензы и Симбирска. Монастырь, обнаружив поселения своих беглых крестьян, не стал их возвращать в нечерноземные суздальские вотчины, а, напротив, использовал освоенные беглыми земли для округления своих владений. В 40-х годах XVIII в. в казанских, пензенских и симбирских вотчинах Спасо-Евфимьева монастыря, в свое время основанных беглыми крестьянами, насчитывалось 1562 душ м. п.²

Рассмотренные выше отряды беглых крестьян, как мы видели, не отрывались от средств производства и не имели прямого отношения к явлениям первоначального накопления. И все же небольшая часть беглых крестьян в результате бегства обретала ту двойную свободу, о которой писал Маркс в 24-й главе I тома «Капитала». Они приобретали личную свободу и свободу от средств производства и в XVII в. вливались в ряды гулящих людей, а в XVIII в. — в отряд рабочих людей на мануфактурах.

Под гулящими людьми в XVII в. подразумевались все пришлые люди, навсегда или временно получившие возможность «гулять», т. е., освободившись от феодальной зависимости, свободно передвигаться из одного места на другое. Среди социально пестрой массы гулящих людей было немало беглых крестьян, холопов и посадских. Значительное число гулящих людей обслуживало волжский транспорт и являлось главным источником обеспечения рабочей силой при перевозке грузов. Часть гулящих людей приобретала определенные специальности и выступала на рынке труда в качестве плотников, каменщиков, сапожников и т. д. Наймиты из гулящих людей работали на строительстве в дворцовом ведомстве; к найму иногда прибегали и крупные вотчинники, как, например, Морозов. В Сибири большинство гулящих людей было занято «в работе у крестьян»³. И хотя наем в XVII в., как правило, приводил к закабалению нанмавшегося, кадры гулящих людей непрерывно пополнялись новыми

¹ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, Иркутск, 1949.

² М. А. Баранов. Указ. соч. (рукопись).

³ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сборник статей, М., 1952; В. Н. Шерстобоев. Указ. соч., стр. 501—503; И. В. Степанов. Гулящие — рабочие люди в Поволжье в XVII веке — «Исторические записки», т. 36.

партиями беглых. Беглые являлись составной частью складывавшегося в XVII в. рынка рабочей силы. Несмотря на непостоянство и меняющийся состав продавцов рабочей силы, самый факт появления людей, отрывавшихся от средств производства, свидетельствовал о новых процессах, происходивших в феодальной деревне.

Вопрос о роли беглых в строительстве мануфактурной промышленности в XVIII в. выяснен достаточно подробно. В уральском промышленном хозяйстве Демидова число беглых, разновременными указами оставленных при заводах, в середине XVIII в. превышало 4 тыс. человек. К использованию труда беглых прибегали и другие промышленники Урала — Осокины, Твердышевы и др. Даже на предприятиях Европейской России, где аппарат абсолютистского государства располагал более эффективными средствами борьбы с бегством, чем на Урале, беглые составляли немалый процент среди рабочих мануфактур.

Крестьяне бежали на мануфактуры и во второй половине XVIII в. Рязские дворяне в наказе депутату в комиссию по составлению Уложения считали, что наиболее действенной мерой борьбы против использования труда беглых на мануфактурах могло быть назначение на каждое предприятие «нарочных смотрителей», которые бы пресекали наем «припльх без пашпортов».

Известно, что в течение первой половины XVIII в. беглые крестьяне и посадские люди были навечно закреплены за предприятиями. Не вдаваясь в подробности, достаточно выясненные в специальной литературе, отметим в самых общих чертах, что социальное положение крепостного рабочего было иным, чем крестьянина. В отношениях между мануфактуристом и крепостным рабочим при сохранении старых форм отчетливо выступают качественно новые явления, свойственные капиталистическому производству, — крепостной рабочий был лишен средств производства, получал жалованье и т. д.

Рост феодальных повинностей, кроме того, выбрасывал на рынок труда многочисленную армию отходников. Повышение производительности труда в сельском хозяйстве отставало от роста оброка, и крестьянин, чтобы расплатиться с помещиком и государством, вынужден был уходить на неземледельческие заработки. Этот отлив производительного населения из сельского хозяйства в промышленность и на транспортные работы, с особенной силой начавшийся во второй половине XVIII в., не ускользнул от внимания современников¹. Но отход крестьянства в города и на транспортные работы достаточно убедительно прослеживается и на материалах предшествующего времени. Среди гулящих людей, обслуживавших волжский водный путь в XVII в., было много крестьян-отходников. О масштабах притока отходников в Москву красноречиво говорит число крестьян, записавшихся в московские цехи в 1726—1731 гг.: из 8566 цеховых крестьян было 3920².

Отход крестьян следует рассматривать так же дифференцированно, как и бегство крестьян. В богатых семьях неземледельческие промыслы являлись средством дальнейшего увеличения их «прожиточности». В менее обеспеченных семьях к отходу на неземледельческие заработки прибегали для того, чтобы обеспечить воспроизводство хозяйства, надорванного феодальными повинностями. Наконец, отход крестьян этой группы был связан с полным отрывом крестьянина от средства производства, когда его

¹ И. А. Федосов, Вопросы сельского хозяйства в публицистике М. М. Щербатова — «Ученые записки МГУ», вып. 156, М., 1952.

² «Крестьянская промышленность», т. II, М. — Л., 1950, стр. 65.

связи с деревней ограничивались уплатой помещику феодальной ренты и подушной подати государству.

Независимо от причин, заставлявших крестьянина искать заработки вне пределов собственной деревни, отходник во всех случаях выступал на рынке труда в качестве свободного продавца рабочей силы.

Отходники в самом начале XVIII в. играли заметную роль в обеспечении наемным трудом предприятий легкой промышленности. К середине XVIII в. роль отходников в промышленности возросла еще более, причем их труд стал использоваться и на металлургических заводах. В последнем обобщающем исследовании, посвященном формированию рынка рабочей силы в XVIII в., общая численность наемных работников, занятых в промышленности и на транспорте, для 60-х годов определена (конечно, весьма приблизительно) в 220 тыс. человек, а для конца века — в 420 тыс. человек¹.

Одним из показателей достаточно емкого рынка труда, образовавшегося в России во второй половине XVIII в., является указ 1762 г. о запрещении купцам покупать крепостных крестьян к мануфактурам. Его опубликование следует рассматривать не только как восстановление монопольных прав дворянства на эксплуатацию крестьян, но и как признание того факта, что к этому времени далеко зашедший процесс расчленения деревни привел к созданию кадров для промышленности.

Увеличение доходности помещичьего хозяйства достигалось не только усилением феодальной эксплуатации крестьян, но и внедрением в земледелие и скотоводство сельскохозяйственных улучшений, а также дворянским предпринимательством. Злободневный, особенно во второй половине XVIII в., вопрос о мерах «ко исправлению земледелия и домостроительства» крепостники пытались решать повышением производительности крестьянского труда, при сохранении в неизменном виде феодально-крепостнических отношений. В этом направлении развернуло свою деятельность Вольное экономическое общество; достижению этой цели были посвящены усилия многих помещиков, получивших возможность в связи с расширением дворянских привилегий покинуть гвардейские казармы и бюрократические учреждения, жить в деревнях и выступать в роли организаторов сельскохозяйственного производства².

Потребность в деньгах заставляла многих помещиков заниматься не барским делом. Не только провинциальные дворяне, как, например, ротмистр С. Салтыков, организовавший производство полотна на фабрике в Шацком уезде, или подполковник Алексей Доктуров, построивший полотняную мануфактуру в Дмитровском уезде³, но и вельможи типа Меншикова, Толстого, Репнина, Шувалова не гнушались строить промышленные предприятия, либо заниматься торговлей. Кн. Куракин, вышедший из старинной знати, торговал пенькою у Петербургского порта, граф М. И. Воронцов также вел обширнуюграничную торговлю. Особенно быстро развивались те отрасли промышленного производства, которые дворянину нетрудно было обеспечить сырьем из собственных вотчин — суконное и парусно-полотняное. В 1725 г. из 10 суконных мануфактур дворянской

¹ Н. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рабочей силы в России XVIII века — «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 95.

² К. В. Сивков. Вопросы сельского хозяйства в русских журналах XVIII в. — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I, М., 1952; В. В. Мавродин. Крепостнический характер дворянского предпринимательства конца XVIII и начала XIX вв. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 4.

³ Д. С. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М., 1933, стр. 228, 229.

была только одна, в 1742 г. дворянам принадлежало три мануфактуры из 16, в 1773 г.— 28 из 45, а в 1813 г.— 165 из 235¹.

Конечно, ни вельможи, вдруг проявившие интерес к торговле и промышленности, ни рядовые дворяне, искавшие выхода из кризиса своего хозяйства в предпринимательстве, не становились рыцарями первоначального накопления. В лучшем случае дворяне таким путем приумножали свои богатства, а чаще всего видели в торгово-промышленной деятельности новый источник удовлетворения своих возросших текущих потребностей. Примером могут служить феодальные пожалования, которые дворяне получали от государства в виде готовых предприятий и торгово-промышленных монополий.

Кн. Репнину казна продала в 1755 г. Липецкий завод за 20 168 руб. с рассрочкой на 15 лет. В 1769 г. Репнин вернул казне заводы, кстати находившиеся в расстройстве, но получил за них почти в 5 раз больше. Эта операция принесла Репнину почти 80 тыс. руб. чистой прибыли, не считая текущего дохода от эксплуатации заводов в течение 15 лет².

Китоловным и салыным промыслами на Белом море последовательно владели Евреинов, Шафиров и Шувалов. Монопольное право П. И. Шувалова на сбыт сала приносило вельможе огромные доходы. Он покупал сало по 35—40 коп. за пуд, а продавал из Архангельской конторы по 80 коп. Монополия позволяла Шувалову грабить прежде всего поморских промышленников, но она наносила серьезный ущерб и архангельскому купечеству. Не случайно отмена монополий Шувалова на китоловный промысел и продажу табака вызвала у архангельских купцов бурю восторга, и они решили отметить это событие роскошным празднеством и иллюминацией.

Активная роль государственной власти в процессе первоначального накопления капитала отмечена К. Марксом на многих страницах 24-й главы I тома «Капитала». Государственные налоги и государственные займы, протекционизм и монополии, колониальная система и торговые войны, кровавое законодательство о рабочих и многие другие рычаги первоначального накопления были приведены в действие государственной властью. К. Маркс отмечал, что в процессе первоначального накопления «пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии»³. В другом месте К. Маркс пишет о том, что «нарождающейся буржуазии нужна государственная власть..., чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала»⁴. Протекционизм, например, К. Маркс называл «искусственным средством фабриковать фабрикантов», применяемым государственной властью. Все эти высказывания К. Маркса относятся к истории как дореволюционной, так в еще большей степени пореволюционной Англии, т. е. ко времени, когда буржуазные отношения в английской экономике сначала играли существенную роль, а затем в результате революции стали господствующими.

¹ А. Максимов. Суконные мануфактуры в XVIII в.— «Историк-марксист», 1935, кн. 8—9, стр. 178.

² И. И. Коган. Металлургическая промышленность Воронежско-Тамбовского края (рукопись).

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 754.

⁴ Там же, стр. 741.

Иное мы наблюдаем в России. Если в Англии во второй половине XVII в. государственная власть находилась в руках классов-союзников — буржуазии и обуржуазившегося дворянства, то в политической жизни России в это время безраздельно господствовали дворяне.

В России, как и в некоторых других странах, «образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествия турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций»¹. Нам представляется, что эту мысль И. В. Сталина о роли внешних условий как фактора, ускорившего образование Русского централизованного государства, можно использовать при изучении истории русского абсолютизма и его социально-экономической политики. Внешние факторы выполняли в процессе утверждения абсолютизма в России такую же ускоряющую роль, какую они выполняли при образовании централизованного государства.

XVII и XVIII столетия являлись временем начала образования мировой экономической системы, господствующее положение в которой заняли передовые буржуазные нации — англичане и голландцы. Сохранению независимости других государств в этих условиях стала угрожать не только военная, но и экономическая экспансия.

Потребности обороны и сохранения экономической независимости вынуждали господствовавшее в России дворянство создавать более или менее благоприятные условия для развития национальной промышленности и торговли, а вместе с этим и минимум условий для укрепления нарождавшейся буржуазии. Но поскольку абсолютизм прежде всего имел в виду интересы дворянства, а не буржуазии, постольку вся совокупность его мероприятий, способствовавших концентрации капиталов и отделению крестьян и посадских от средств производства, носила глубоко противоречивый характер и не приобрела столь классически выраженных форм, как это имело место, например, в Англии. Суть этих противоречий сводилась к тому, что системой одних мероприятий государственная власть способствовала процессу первоначального накопления капитала, а другими мероприятиями, наоборот, задерживала его.

С наибольшей выразительностью противоречивое влияние русского абсолютизма на концентрацию капиталов прослеживается в его экономической политике.

Со времени установления торговых связей России с Англией через Белое море англичане почти в течение 100 лет пользовались правом беспошлинной торговли в России. Привилегии английских купцов наносили серьезный ущерб интересам русских торговцев, неоднократно обращавшихся к правительству Алексея Михайловича с челобитными о запрещении иностранным купцам торговать в русских городах, кроме Архангельска. Царь Алексей Михайлович воспользовался казнью Карла I в Англии как поводом, чтобы лишить английское купечество давних привилегий и изгнать его из внутреннего рынка России.

После 1649 г. лишь отдельным английским купцам и только по особому ходатайству разрешался приезд в Москву, но с обязательной уплатой пошлин наравне с другими иностранцами. Английское правительство отправляло несколько посольств в Россию с целью восстановления прежних привилегий своих подданных, однако все домогательства англичан были отклонены².

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 15.

² И. И. Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых — ЖМНП, 1916, № 11 и 12; С. И. Архангельский. Дипломатические

По Таможенному уставу 1653 г. иностранные купцы за ввоз товаров в пограничные города должны были платить дополнительную пошлину в размере 2 коп. с рубля. Новоторговый устав 1667 г. повысил торговую пошлину для иностранных купцов, ввозивших товары внутрь России, до 16% с цены, в то время как русские купцы платили только 6% пошлину. Этими мерами правительство обратило в свою пользу выгоды, которые иностранные купцы получали от русской торговли¹. Если в 1640—1645 гг. сумма собираемых в Архангельске пошлин колебалась от 22 до 33 тыс. руб., то после отмены беспошлинной торговли англичан доходы архангельской таможни резко возросли: в 1651 г. они составляли 59 тыс. руб., в 1660 г.— 89 тыс. руб., в 1670 г.— 66 тыс. руб. и т. д.² Кроме повышения доходов казны, Таможенный устав 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г. создавали благоприятные условия для накопления капиталов русскими купцами. Не случайно эти последние считали, что Новоторговый устав «учинен к великой прибыли».

Элементы меркантилизма в экономической политике русского правительства во второй половине XVII в. не ограничивались, однако, введением повышенных пошлин для иностранных товаров. Правительство учитывало все преимущества организации западноевропейского купечества, сплоченно выступавшего на рынке против разрозненных действий русских купцов. В 1708 г. голландские купцы, торговавшие с Россией, организовали общество, поставившее себе задачу «возвратить и удержать за собою льготы», которыми они пользовались раньше в России. Сила этого общества, как записано в учредительном уставе, «заключается во взаимном нашем единении»³. Правительство стремилось противопоставить сплоченности иностранных купцов такую же организованность русского купечества. Новоторговый устав 1667 г. рекомендовал русским купцам вести торговлю с иностранцами «складом», чтобы «маломочные люди у гостей и у лучших людей были в береженьи» и «собою в продаже иноземцом цены не портили, и в подряд денег у иноземцев не имали»⁴.

Еще резче эта мысль выражена в именном указе 1699 г., предлагавшем купецким людям «торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями», с тем чтобы можно было всем купецким людям иметь «меж собою с общего совета установления»⁵. Зная о том, что посредническая торговля приносила значительные прибыли англичанам и голландцам, правительство пыталось избавиться от этих посредников организацией непосредственной торговли с западноевропейскими государствами. Русский торговый агент в Венеции П. Беклемишев сообщал, что «англичане, галанцы и гамбурцы получают себе немалую прибыль» от продажи русских товаров в Италии и рекомендовал «учредить свою контору в Ливорно ради продажи и тое прибыль самим получать»⁶. В 1724 г. Петр I предпринял даже попытку, впрочем неудачную, орга-

---

агенты Кромвеля в переговорах с Москвой — «Исторические записки», т. 5; Английская буржуазная революция XVII века, т. II, М., 1954.

¹ К. В. Б а з и л е в и ч. Новоторговый устав 1667 г. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1932, № 7.

² Б. Г. К у р ц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 400.

³ Записки Юста Юля, М., 1900, стр. 306, 310.

⁴ I ПСЗ, т. I, № 408, стр. 678.

⁵ I ПСЗ, т. III, № 1706, стр. 653.

⁶ Т. К. К р ы л о в а. Торговая политика в странах юго-западной Европы (1700—1725 гг.) — «Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена», т. 39, Л., 1941, стр. 109.

низовать компанию для торговли с Испанией, причем намечалось оказать ей «сильнейшее вспоможение» кораблями, матросами и деньгами¹.

В XVIII в. протекционистские меры государства проводились еще более решительно. В отличие от XVII в., когда предметом покровительства государства была преимущественно торговля, в XVIII в. основное внимание абсолютизма было обращено на развитие национальной промышленности.

Системой таможенных тарифов, выдачей ссуд промышленникам, предоставлением монополий, передачей казенных заводов в частные руки абсолютизм ускорял процесс накопления капиталов.

Наиболее протекционистскими тарифами в XVIII в. были тарифы 1724 и 1797 гг. Тариф 1797 г. запрещал ввоз многочисленных товаров: галантереи, железа и изделий из него, шелка и т. д. Единственным товаром, запрещенным к ввозу в Россию по тарифу 1724 г., была краска бакан, однако на некоторые изделия была установлена столь высокая пошлина, что это было почти равносильно запрещению ввозить их из-за границы. Пошлина на привозимую бумагу была установлена в 75% ее цены. Такая же высокая пошлина взималась с привозного железа, игл и т. д. Величина тарифных ставок на импортные товары была прямо пропорциональна развитию национальной промышленности: чем больше товаров производила та или иная отрасль русской промышленности, тем выше были тарифные ставки.

Высокий тариф приносил доход государству, однако его значение не исчерпывается фискальным интересом казны. Протекционистский тариф был прежде всего выгоден промышленникам и являлся одним из важных средств накопления капиталов. Комиссия о коммерции 1727 г., собиравшая сведения о внутренней торговле и, следовательно, хорошо осведомленная о рыночной конъюнктуре в России, вынесла о торговле иглами (их ввоз был обложен 75% пошлиной) следующее заключение: «Иностранные иглы продавались временем по 10 алтын тысяча, а негодные здешние продаются по 20 алтын и выше». Столь же невысоко было оценено качество краски бакан, запрещенной к ввозу в Россию: «Бакан венецейский, который здесь делают, ни к чему не угоден, а здешний никогда трех дней краски своей не содержит, но от вишневого цвета в три дня оборотится в желтый цвет, и только служит до великого обманства; понеже, что копейки не стоит, за рубль обманством продают, также и в казну е. и. в. отдают»². В какой мере промышленникам были выгодны высокие таможенные тарифы, свидетельствует протест части владельцев мануфактур, заявленный Комиссии о коммерции в 1763 г. против ее намерения снизить ввозные пошлины на изделия, которые изготовлялись на принадлежавших им мануфактурах.

Первый владелец промышленного предприятия в России А. Д. Виниус был в то же время первым в стране монополистом. Согласно грамоте царя Михаила, выданной в 1632 г., Виниусу разрешалось безоборочно эксплуатировать завод в течение 10 лет, на такой же срок была разрешена беспошлинная продажа изделий.

Возникновение почти каждой новой отрасли промышленности сопровождалось получением монопольных прав на производство и сбыт изделий новых мануфактур. Естественно, что наибольшее количество монополий было объявлено в годы бурного строительства мануфактур и возник-

¹ I ПСЗ, т. VII, № 4540, стр. 332.

² М. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. II, кн. 3, СПб., 1786, стр. 234.

новения новых отраслей промышленного производства — в первой четверти XVIII в.

Жалованная грамота 1717 г. «господам интересентам» объявляла Апраксина, Шафирова и Толстого бессрочными монополистами в области производства шелковых тканей. Большинство предпринимателей, организовавших производство новых видов изделий, становилось абсолютными монополистами на внутреннем рынке, т. е. запрещалось не только строительство аналогичных предприятий, но и ввоз из-за границы аналогичных изделий. Запретительных указов на ввоз шелковых лент добился в 1720 г. мануфактурист Милютин, по настоянию Тамеса в 1721 г. был запрещен ввоз в Россию полотна, в 1718 г. было издано три указа о запрещении ввоза чулок, в том же году владельцу красочного завода Томилину правительство гарантировало «никому нигде оных материй, кроме сделанных на их заводах, не покупать и не торговать»¹ и т. д.

Первоначальный капитал попадал в руки промышленника в виде государственных ссуд и казенных заказов. Некоторые отрасли мануфактурного производства, как, например, металлургия, сукноделие и другие, требовали сложения крупных капиталов, которыми не располагали отдельные промышленники. Развитие этих отраслей крупного производства было связано с государственными ссудами, выдававшимися не только в России, но и в других странах, как, например, во Франции во время Кольбера.

В первой четверти XVIII в. передача казенных заводов в частные руки была более распространена, чем выдача денежных ссуд. Вслед за передачей казенного Невьянского завода Н. Демидову правительство передало в частные руки ряд предприятий легкой промышленности: полотняную мануфактуру и Суконный двор в Москве, кожевенный, воскобелительный и крахмальный заводы в Петербурге, суконную мануфактуру в Казани и др.

Нередко компанейщики вместе с предприятиями получали крупные денежные ссуды. Так, Короткий в придачу к бездействовавшей бумажной мельнице получил ссуду в 3 тыс. руб., компания Щеголина вместе с Суконным двором получила ссуду в 30 тыс. руб. При организации компаний правительство иногда прибегало к насилию — «буде волею не похотят, хотя в неволю». «В неволю» была организована частная компания Андрея Турчанинова и Цынбальщикова, в состав которой было введено 11 кунцов².

В последующие годы казна перестала строить заводы с целью их передачи в частные руки³, однако выдача ссуд продолжалась в более широких размерах. Затрапезному, владельцу полотняной мануфактуры в Ярославле, в 1734 г. было выдано 20 тыс. руб., Шигонину с компанией в 1758 г. — 25 тыс. руб. и т. д.⁴

Однако в образовании первоначального капитала, осуществлявшегося с помощью государственной власти, главная роль принадлежала не ссудам и монополиям, а откупам и подрядам. Среди мануфактуристов XVII—XVIII вв. было значительно больше лиц, у которых первоначальный капитал возник в результате выполнения подрядных и откупных опера-

¹ Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., М., 1953, стр. 211, 223; П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России, т. I, М.—Л., 1948, стр. 58.

² Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I, стр. 50; ее же. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., стр. 217.

³ Передачу казенных металлургических заводов фаворитам и вельможам мы не относим к явлениям первоначального накопления капиталов.

⁴ А. Лаппо-Данилевский. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст., СПб., 1899, стр. 31.

ций, чем промышленников, воспользовавшихся правительственными ссудами для строительства предприятий.

Откупа, в особенности винные, были прежде всего выгодны государству, составляя весьма внушительную и все увеличивавшуюся статью его бюджета. Питейные сборы за время с 1724 по 1765 г. возросли более чем в 3 раза и в 1765 г. составляли около 20% всего бюджета России¹.

Эксплуатация винной монополии приносила огромные доходы не только казне, но и частным лицам — откупщикам и подрядчикам. Откупа и подряды, как источник первоначального накопления капиталов в России, нуждаются в специальном исследовании. Здесь мы ограничимся лишь одним весьма показательным примером, заимствованным из следственного дела «О злоупотреблениях московских компанейщиков питейных сборов».

31 декабря 1729 г. петербургский житель Емельян Маскин вместе с двенадцатью московскими купцами взял на откуп сбор питейных денег в Москве. Откупщики обязались платить ежегодно в казну по 31 тыс. руб. «Дмитрий Железнов с товарищи», надо полагать, конкуренты компанейщиков, подали в 1734 г. в Камер-коллегию доношение, обвиняя откупщиков в том, что они обмеривали потребителей вина и пива. «И от той их продажи приходит народу обида», а откупщикам колоссальный доход — ежегодно утаиваемые от казны 25 тыс. руб. Началось следствие, вскрывшее любопытные стороны деятельности откупщиков. Большинство находившихся под стражей откупщиков во время первых допросов отрицало предъявленные обвинения, но уличенные своими приказчиками и целовальниками на повторных допросах, признали свою вину. Так, компанейщик Андрей Семенов, в ведомстве которого находилось 16 кабаков, во время первого допроса показал, что «прибыльных денег бывает у него в месяц по полтине и по рублю и меньше». Вызванный для второго допроса, Семенов продолжал заперяться, но все же показал, что «приходило ему прибыльных припенных денег (так деликатно назывались деньги, получавшиеся от недолива пива.— Н. П.) сверх настоящих по рублю и по полтора рубли в месяц». Допрошенный в третий раз, Семенов сообщил, что «приходило ему прибыльных припенных денег обще з грошевыми по 100 и по 130 рублей». Наконец, на четвертом допросе Семенов признался, что он ежемесячно получал от 210 до 390 руб. чистого дохода и здесь же «скромно» добавил: «А в прежних де своих допросех оного подлинного не показал забвением своим и второпях, и в той де ево вине воля е. и. в.»

Аналогичным образом вел себя откупщик Максим Демидов, обвиненный доносителями в утайке 6 тыс. руб. в год. В распоряжении Демидова находилось 16 кабаков, расположенных в самых бойких районах Москвы. Во время первого допроса Демидов признал получение сверх указанной прибыли по 100 руб. в год. Однако свое показание подписать отказался, потребовав личного свидания с ответственным за следствие графом С. А. Салтыковым. Ему он и заявил, что «сверх де указных цен з грошевыми деньгами, прибыльных припенных денег бывало у него в месяц со всех ведомства ево кабаков и фартин по 300—600 руб. с лишком». Попав в беду, этот хитрый откупщик решил спасти свое положение разоблачением махинаций своих коллег-компанейщиков и заявлением, что он казне «усердным своим радением учинит против положенной на компанию суммы прибыли в год по 10 000 руб.».

Следствие вскрыло конкретные приемы наживы откупщиков. Компанейщик Андрей Бабушкин, получавший, по собственному признанию, с

¹ Н. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, СПб., 1906, стр. 153.

13 кабаков сверх грошевых денег (от 70 до 200 руб. в месяц) дополнительно 100—200 руб. «прибыльных денег», показал: «А оные де прибыльные деньги собираютца от того, когда купцы питья покупают и у стоек проливают на доски и на лубки, с которых капли стекают в питейные судна. И те де прибыльные деньги держал он на свои нужды, а никуды об них не репортовал». Главный, однако, доход приносили не капли, а прямой обмер покупателей. Приказчик откупщика Иконникова показал, что он приносит хозяину своему «припену на каждую бочку по 10 руб., которой де чинят по приказу». Приказчики, конечно, не все припенные деньги отдавали хозяину, а часть оставляли себе; офицеры, производившие проверку «меры» в кабаках Иконникова, установили, что обмер приносил откупщику 37½ коп. с каждого проданного ведра. У откупщика Маскина этого вида доход был еще выше — по 43¾ коп. с ведра¹.

Случай, описанный выше, не был редким исключением в деятельности откупщиков. Известный прибыльщик Курбатов в октябре 1706 г. сообщал Петру, что «за градскими бурмистры премногое воровство чрез мое бедное усердие сыскано: в одном Ярославле украдено с 40 000 руб., а на псковичей Никифора Ямского и Михаила Сарпунова доносят, что во время шведской войны украдено ими питейной прибыли с 90 000 рублей и больше»².

Историк и дворянский публицист второй половины XVIII в. кн. М. М. Щербатов, ревниво относившийся ко всяким нарушениям сословной замкнутости дворянства, с желчью писал: «Купцы, воровством короны обогатившиеся, большие чины получали, яко Логинов, бывший откупщик, не токмо вор по откупам, но и приличившийся в воровстве комиссариатской суммы, чины штатские получил; Фалеев в подрядах с государем взимал везде тройную цену, не токмо сам штатские чины и дворянство получил, но и всех своих прислужников в штаб-офицеры и офицеры произвел»³.

Крупные доходы давала нелегальная продажа вина — корчемство. Историк русских финансов второй половины XVIII в. сообщает, что в 1754 г., по сведениям Камер-коллегии, было продано около 1,5 млн. ведер вина, в то время как оплачено пошлиною кубов на выкурку было 3 962 тыс. ведер. Следовательно, около 2,5 млн. ведер вина продавалось помимо Камер-коллегии, т. е. помимо государственного обложения, приумножая капиталы купцов. Откупщик петербургских и московских сборов Голиков доносил в 1780 г., что корчемники доставляли вино целыми обозами в сопровождении вооруженной охраны⁴.

На спаивании народных масс нажили огромное состояние С. Яковлев, ставший впоследствии крупнейшим промышленником XVIII в., И. Твердышев, положивший начало промышленного освоения южного Урала, Алексей Ушаков, Андреев и др.

Не всегда, однако, откупа приносили прибыли компанейщикам. При неблагоприятных условиях (неурожай, эпидемии и пр.) откупщик не только лишался возможности получить прибыль, но и попадал под угрозу потери своего имущества вследствие недобора откупных сумм. Вместе с откупщиками репрессиям подвергались их поручители — и те, и другие попадали под контроль Канцелярии конфискации. Такова, например, была

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, рабр. XIX, д. 212, лл. 3—28, 34—36. Чем окончилось следствие, — неизвестно.

² И. Прыжков. История кабаков в России, СПб., 1868, стр. 247.

³ М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России, стр. 80.

⁴ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 154—159.

судьба многих откупщиков и поручителей провинции Переславля Рязанского, чье имущество в 30-х годах XVIII в. было описано Канцелярией конфискации.

Немало купцов обогащалось на выполнении подрядных операций. Подрядчикам, равно как и откупщикам, правительство гарантировало получение определенной прибыли. По указу 1715 г. прибыль подрядчика за поставку в казну припасов, «какое бы оные звание не имели», не должна была превышать 10%. Разумеется, этот указ, как, впрочем, и многочисленные законодательные акты последующего времени, предлагавший соответствующим учреждениям «смотреть накрепко», чтобы подрядчики «больше б того иметь отнюдь не дерзали»¹, систематически нарушался. Судя по тому, что Сенат неоднократно предлагал «смотреть того накрепко, дабы между всеми теми подрядчиками в подряде того вина не было к повышению цены, или к поставке того подрядного вина разделению сообщения и заговоров»², подрядчики часто вступали в сговоры и изыскивали различные способы получения более солидной прибыли, чем 10%. Техникой сговоров, закулисных сделок и действий через подставных лиц купцы неплохо овладели еще в XVII в., о чем свидетельствует подряд на поставку рыбы из Астрахани в Приказ Большой казны, заключенный на имя Калмыкова, хотя фактически в его выполнении неофициально принимали участие те самые купцы, которые конкурировали с Калмыковым во время торга.

В конечном счете выгодность подрядных операций не исчерпывалась возможностью получить 10% прибыли от суммы выполненного подряда. Заинтересованность купцов в выполнении подрядов казна стимулировала авансированием подрядчиков. Упомянутый выше подрядчик Калмыков, за спиной которого стояли гости Василий Шиловцев и Владимир Воронин, а также купцы гостиной и суконной сотен, получил в 1682 г. в счет поставки партии рыбы две доли по 8333 руб., т. е. $\frac{2}{3}$ стоимости всего подряда³. В 1715 г. было определено подрядчикам давать денег «наперед две четверти, а третью четверть в январе 1716 г., а последнюю четверть — по поставке провианта», а в 20-х годах XVIII в. правительство вновь вернулось к практике XVII в. и стало выдавать «наперед» $\frac{2}{3}$ стоимости подряда. Таким образом, возрастание капитала у подрядчика в значительной мере происходило на основе государственной ссуды. Получив ссуду, подрядчик, как правило, не спешил немедленно вкладывать ее в выполнение подряда, а пускал ее в оборот, не имевший никакого отношения к выполнению контракта. Так поступал, например, суконной сотни купец Иван Микляев. Под поставку вина в Казань и Астрахань он получал из казны 3—4 тыс. руб. «Теми денгами,— показывал Микляев,— в отпусках в вышеписанных товарах своих для управления своего промыслу покупаю товары и как из товаров обращаютца деньги и к тому винному куренью хлебные и всякие припасы, что к тому надлежит, покупаютца»⁴. Аналогичным образом действовал Панкрат Рюмин. Подрядившись поставить в 1726 г. в Астрахань провиант и получив ссуду, Рюмин предварительно пустил их в оборот, но своевременно денег не вернул, так как подряд остался невыполненным⁵.

Подрядами и откупами приумножили свои капиталы многочисленные купеческие фамилии XVII и XVIII вв. Нажитый таким образом капитал купцы вкладывали в промышленность. Гости Аристов и Воронин в XVII в.

¹ I ПСЗ, т. V, № 2914, стр. 160.

² I ПСЗ, т. VIII, № 5223, стр. 3.

³ Е. З. Вулих. Из мира торговых отношений в Москве XVII века — «Россия и Запад», т. I, Пгр., 1923.

⁴ ЦГАДА, ф. Подрядной конторы, д. 273, л. 1.

⁵ И. Прыжов. Указ. соч., стр. 257—258.

стали владельцами металлургических заводов, в XVIII в. Микляев и Хвасливый построили суконную и полотняную мануфактуры, братья Миляковы и Рюмины вложили капиталы в металлургическую промышленность и т. д.

Второй результат подрядов и откупов состоял в разорении непосредственных производителей материальных благ. Эту сторону воздействия подрядной и откупной системы на социальную структуру общества подметили современники. И. Прыжов приводит любопытный на этот счет анонимный донос Анне Ивановне. Его автор, вероятно, являлся купцом, не имевшим отношения к подрядам и откупам. В несколько витиеватом стиле доноситель пишет о великом разграблении всего народа откупщиками и компанейщиками. Они «вникнули в народ, яко ядовитые змии» и приводят его «к великой нищете и вечной погибели». С наибольшей неприязнью доноситель относится к винным откупщикам и подрядчикам, которые «для своих плутовских и великих прибытков» в городах и селах «расширяют и умножают множество кабаков». Автора письма более всего волновало то обстоятельство, что откупщики и подрядчики «вражеством своим приводят народ к душевредству и великому непостоянству, от чего имеется в купечестве великая безторжища»¹.

Итак, монополии и откупа, протекционистские тарифы и подряды, ссуды и приписка крестьян к заводам являлись важными рычагами, приводившими в действие государственной властью для ускоренного накопления капиталов у частных лиц.

В то же время государство задерживало концентрацию капиталов у купечества установлением государственных монополий. Внешняя торговля наиболее ходовыми товарами находилась в руках государства. В 1662 г. правительство запретило частным лицам продажу за границу соборей, юфти, поташа, смольчуга, сала и пеньки, составлявших 65—70 % русского экспорта. Только в течение трех лет торговля указными товарами принесла казне около 64 тыс. рублей чистой прибыли². По свидетельству Родеса, царь в середине XVII в. получал ежегодно в свою казну 20—30 тыс. рублей от торговли мехами. Купцам было запрещено покупать в Иране шелк и отвозить туда медь и сукна. Пуд шелка, доставленный в Москву, обходился в 30 руб., а продавался по 45 руб., следовательно, эта операция приносила казне 50 % чистой прибыли³.

Торговля с Китаем также длительное время находилась в руках государства. Монополия была объявлена в 1690—1691 гг., причем контрабандисты, нарушавшие казенный интерес своим соперничеством в торговле с китайцами, по указу 1706 г. карались смертью. Но и эта суровая мера не устрашала контрабандистов: ведь каждый караван, привозивший товары из Китая в Россию, давал чистой прибыли 150—200 %⁴. Монополия на китайскую торговлю была отменена в 1732 г., после того как значительно снизились приносимые ею доходы⁵.

Ущерб, наносимый царскими монополиями частным интересам купечества, был отмечен современниками. Посошков считал, что соляной

¹ И. Прыжов. Указ. соч., стр. 257—258.

² К. В. Базилевич. Новоторговый устав 1667 г. — «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1932, № 7, стр. 591; его же. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича — «Ученые записки МГУ», вып. 41, М., 1940.

³ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, М., 1914, стр. 151, 161; Н. Яницкий. Торговля пушным товаром в XVII в. — «Университетские известия», Киев, 1911, № 9.

⁴ Б. Курц. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст., Киев, 1929.

⁵ И ПСЗ, т. X, № 7906, стр. 908.

продаже «пристойнее быть в свободном торгу», а не «в продаже царского величества»; при свободной продаже соли «многие люди и разбогатеют от нее»¹.

Государственная монополия на торговлю указными товарами, принося известную прибыль казне, ускользавшую из рук рядового купца, вместе с тем таила широкие возможности для обогащения верхушки купечества. Иностранные агенты, специально прибывавшие в Россию для восстановления утраченных привилегий купцов из числа своих соотечественников и поэтому живо интересовавшиеся организацией внутренней и внешней торговли России, отмечали, что царь осуществлял свою монополию посредством своих агентов, выбиравшихся «из значительных купцов» — гостей. Гости, по поручению царя, скупали указные товары во всем государстве и затем продавали их за границу. Они возглавляли купеческую иерархию, охватывавшую своим торговым влиянием местные рынки. Ведя торговлю от царского имени, гости, притесняя купеческую мелкоту, не забывали личных интересов, чем вызывали недовольство рядовых торговцев. Махинации гостей, отметил Кильбургер, «замечает и хорошо знает простой купец, потому и говорит плохо о гостях, и можно опасаться, что если когда-нибудь произойдет бунт, то шеи всех гостей будут свернуты чернью»².

Характерным в этом отношении является накопление капитала Н. Светешниковым. Будучи гостем и торговым агентом по закупке товаров, русских и иностранных, Светешников пользовался в торговых сделках покровительством властей. В 1644 г. его состояние, неполностью учтенное, оценивалось в крупную сумму около полумиллиона золотых рублей. Часть приобретенного в торговле капитала Светешников вложил в соляные варницы Усолья³.

Солеварение привлекло капиталы и другого богатого гостя XVII в. — И. Д. Панкратьева. Ему принадлежал крупный Сереговский промысел, на котором в последней четверти XVII в. вываривалось от 133 тыс. до 310 тыс. пуд. соли в год. Солеваренный промысел приносил гостю грандиозную прибыль — 100—170%. Ежегодно Панкратьев получал примерно от 100 тыс. до 250 тыс. золотых рублей чистой прибыли. По соседству с Сереговским промыслом Панкратьева находились промыслы еще одного богатого гостя — А. И. Филатьева. Конкуренция двух соседей изобилует приемами, свойственными эпохе первоначального накопления, — грубым насилием, вооруженными нападениями с целью подрыва промыслов конкурента⁴.

Торговлю с Китаем царь поручал купчинам. Сопровождая казенный караван, купчина прихватывал собственный товар и таким образом наживался на царской монополии. Фоккеродт отметил чрезвычайно высокую прибыль, получаемую от китайской торговли, и в то же время пояснил, что лишь небольшая ее часть оседала в казне: «мошенничество представленных тут чиновников было причиной того, что большая часть барыша или пропадает, или переходит в их карманы»⁵.

¹ И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 212.

² Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 151; его же. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 164.

³ С. В. Бахрушин. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. — «Научные труды», т. II, стр. 229.

⁴ В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII веке — «Летопись занятий Археологической комиссии», вып. 35, Л., 1929.

⁵ Чтения ОИДР, 1874, кн. II, отд. IV, стр. 62.

Столь же противоречивой была политика правительства в отношении организации купеческого самоуправления.

Уже в Новоторговом уставе 1667 г. было обещано организовать «пристойный приказ», который бы «от воеводских налог купецким людям был защитой и управой»¹. Понадобилось, однако, свыше 30 лет для осуществления этого намерения. Учредительные указы 30 января 1699 г. об организации Бурмистерской палаты и земских изб мотивировали создание новых органов теми же причинами, что и Новоторговый устав, — обидами, волокитой, налогами, поборами и взятками приказных людей и воевод, от которых купцам чинятся большие убытки и разоренье, так что иные из них от торгов своих и промыслов отбыли и оскудели². Более всего законодателя беспокоило то обстоятельство, что в результате притеснения купцов образовалась недоимка окладным доходам, «а пошлинным сборам и иным поборам большие недоборы». Мысль о том, какими способами «возможно еще прибавить прибыли без тягости народа», пронизывает также наказы бурмистрам. Ответственность за сбор прямых и косвенных налогов возлагалась на бурмистров, за которых в свою очередь отвечали выборщики.

Предоставление самоуправления посадскому населению укрепляло его положение, способствовало развитию обмена, что в свою очередь ускоряло процесс накопления капиталов у купцов. Но вместе с тем обусловленная получением этой привилегии обязанность посадского населения выполнять роль финансовых агентов государства — сборщиков косвенных налогов, особенно «в отъезд», т. е. вдали от места жительства, нередко была столь обременительной, что, отрывая купцов от торговли на продолжительное время, вконец их разоряла. Челобитные купцов XVII—XVIII вв. изобилуют жалобами на обременительность купеческих служб. Даже во второй половине XVIII в., когда отпала необходимость в сборе основной статьи косвенных налогов — таможенных пошлин, купечество попрежнему выражало недовольство своими службами, от которых «многие пришли в крайнее разорение». В наказе депутату в Уложенную комиссию от города Мологи купечество просило освобождения от «отяготительных служб», в особенности, «чтоб в другие города в служение купечество определяемы не были»³.

Впрочем, сами органы городского управления в руках верхушки посада становились одним из рычагов умножения своих богатств. Указы предписывали в органы городского управления не выбирать «одиноких не семьянистых людей», отдавать предпочтение при выборах «первым мирским людям». «Первостатейные граждане» не преминули воспользоваться всеми выгодами распоряжения административными функциями. Подобно семьянистым крестьянам, перекладывавшим тяжесть повинностей на деревенскую бедноту, городские богатеи, фактически распоряжавшиеся земскими избами и магистратами, также стремились извлечь максимум выгод из мирских дел. На эту сторону деятельности городских властей обратило внимание само правительство, отметившее в 1706 г. после семилетнего существования ратуши и земских изб, что «едва не во всех городах» окладные тягла «налагают пожиточные, пользуя себя на убогих»⁴. Автор специального исследования о посадском управлении отметил много случаев засилья и злоупотребления властью посадских богачей. В Соликамском посаде в 40-х годах XVIII в. всеми делами вертел

¹ I ПСЗ, т. I, № 408, стр. 689.

² I ПСЗ, т. III, 1675, стр. 600; т. IV, № 2028, стр. 287.

³ Сб. РИО, т. 107, стр. 79—80.

⁴ I ПСЗ, т. IV, № 2127, стр. 359.

крупный купец и соляной промышленник Алексей Турчанинов, в Казанском магистрате руководящую роль играл известный купец и промышленник Дряблов, президент пензенского магистрата Никифоров самовольно накладывал мирские сборы, захватил купеческие покосы и лавочные места¹.

Помимо приписки крестьян к заводам, протекционистской политики и монополий, откупов и подрядов, воздействие государственной власти на разорение крестьянства и городского населения осуществлялось посредством налоговой системы. В сопоставимых цифрах бюджет 1724 г. по сравнению с 1680 г. увеличился более чем в три раза. Даже учитывая, что за это же время несколько возросла численность населения России, а также увеличилась производительность труда в связи с ростом отходничества крестьян на неземледельческие промыслы, можно говорить о весьма существенном увеличении налогового бремени. Тяготы длительной войны, строительство крепостей, мануфактур, городов и каналов были переложены на плечи трудовых масс. Именно с этим связана убыль населения в Европейской России, отмеченная переписью 1710 г., по сравнению с переписью 1678 г. и составлявшая в среднем 19,5%². Факт запустения губерний Европейской России означал, что масса трудового населения, пусть даже не в таких размерах, как это следует из расчетов Милюкова, покидала насиженные места, ища спасения в бегстве на окраины государства.

Все изложенное дает материал для характеристики механизма первоначального накопления капиталов в России. Накопление капиталов, как и экспроприация непосредственных производителей материальных благ, совершались в России более сложными путями, чем, например, в Англии. Особенность русского варианта первоначального накопления определялась тем скромным местом, которое было отведено нарождавшейся буржуазии в сословном строе феодально-крепостнической России.

Огромная масса рядового купечества фактически была лишена возможности непосредственно эксплуатировать крепостной труд, являвшийся основным источником накопления капиталов. Это право было предоставлено лишь немногочисленной верхушке нарождавшейся буржуазии: в XVII в. — гостям, в XVIII в. — купцам, вложившим уже накопленные капиталы в промышленное производство и находившимся в ведомстве Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии. Не помогло купцам и единодушное требование, высказанное в Уложенной комиссии, о том, чтобы им было разрешено «для необходимых купеческих нужд купить крестьян».

Между купцами и крестьянами, т. е. между основными общественными силами, из которых возникли буржуазия и пролетариат, находились посредники — дворянство и защищавшее его интересы дворянское государство. Оба эти посредника отбирали у крестьян прибавочный и часть необходимого продукта в форме феодальной ренты и налогов. Перераспределение этого прибавочного продукта происходило уже в сфере обмена, где купечество, выполняя подряды и откупные операции или выступая посредником между дворянином и рынком, изымало часть результатов крестьянского труда в свою пользу. Это посредничество замедляло развитие явлений, свойственных первоначальному накоплению капиталов.

Чтобы получить государственную ссуду или казенный завод, а также право на эксплуатацию принудительного труда или заключить контракт на подряд, необходимо было уже владеть известным капиталом. Следовательно, ускоряющему влиянию государственной власти на накопление

¹ А. Кизеветтер. Посадские избирательные сходы XVIII столетия, стр. 40.

² П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, СПб., 1905, стр. 202.

капиталов должно было предшествовать наличие капиталов, без которых немисливо было получить ссуду или заключить контракт на подряд. Этот первоначальный капитал возникал в сфере обмена и выступал как купеческий капитал. Накопление капиталов в сфере производства, как известно, происходит очень медленно. Значительно быстрее капиталы накапливались в процессе обращения. Ограбление непосредственных производителей осуществлялось через рыночные отношения.

Исследователь истории купеческого капитала в феодально-крепостнической России В. Н. Яковцевский¹ показал, какие колоссальные возможности для накопления денежного капитала таила существовавшая разница цен. Громадные размеры территории страны, различные почвенно-климатические условия, разный уровень общественного разделения труда, а также различия в производительности труда между отдельными районами страны создавали благоприятные условия для неэквивалентного обмена. Четверть ржи в Пскове продавалась в 6 раз дороже, чем в Воронеже. Следовательно, хлеботорговец, доставлявший рожь из Воронежа в Псков, получал в свою пользу часть дифференциальной ренты, образовавшейся от различного плодородия почвы. Неэквивалентный обмен осуществлялся также на основе сезонных колебаний цен. Закупая, например, крупные партии хлеба по низким осенним ценам, купец продавал этот же хлеб по весенним ценам, причем нередко весной у купца покупали хлеб те же самые крестьяне, которые продавали его осенью.

Б. Д. Греков, изучавший ответы воевод Воронежской губ. на хозяйственные анкеты 60-х годов XVIII в., отметил многочисленные случаи скупки немолоченного хлеба местными купцами, являвшимися всего лишь агентами более крупных иногородних хлеботорговцев. «Елецкие купцы, — отвечал на анкету воевода Елецкой провинции, — желая воспользоваться от перекупу прибылью, в удобнейшее время, когда не столь много приезжих иногородних бывало, скупая сходными ценами, и, как скоро иногородние к покупке появятся, возвышали несравненную цену». Эта нехитрая операция приносила иным купцам «двойной прбыток»².

Важное значение в накоплении капиталов имела внешняя торговля. Ф. Энгельс отмечал, что «торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов»³. Одним из источников быстрого обогащения промышленников-металлургов Демидовых, Баташовых, Мосоловых, Твердышевых и других был сбыт железа и меди за границу. Крупный промышленник А. А. Гончаров в начале XVIII в. занимался торговлей внутри страны, а затем, «оставя бывшие по купечеству его торги», вложил все средства в полотняную промышленность. Историк Малоярославецкой мануфактуры Д. И. Малинин пишет, что, по словам самого Гончарова, его несметные богатства образовались благодаря тому, что на него три раза падал золотой дождь. Два из них были вызваны выгодной внешнеполитической конъюнктурой. В годы американской революции и войны за Канаду Гончаров продавал кусок полотна, обходившийся ему с расходами, включая и доставку в Петербург, менее чем в 7 руб., — по 15—17 руб., причем деньги он получал вперед⁴.

¹ В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953.

² Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. — «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 62, 63, 85.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 917.

⁴ В. Бухина. Указ. ст., стр. 122; Д. И. Малинин. Указ. соч., стр. 13.

Крупные доходы от заграничной торговли получал Микляев. Только в 1701 г. продажа заморских товаров принесла ему 19 533 руб. прибыли.

Любопытны торговые обороты симбирского купца гостиной сотни Ивана Андреева. В Симбирске он скупал кожи и хлеб. За деньги, полученные от продажи в Архангельские кожи, он покупал сукно. Вместо симбирским хлебом иностранные сукна отправлялись в Астрахань, где на вырученные деньги Андреев покупал рыбу, соль и иранские товары. Эта челночная операция, основанная на различиях цен трех рынков, приносила Андрееву немалую прибыль¹. Торговля в Оренбурге, по заявлению местного губернатора, в первые годы после основания города приносила русским купцам огромные прибыли — «российские купцы процент на процент, то есть копейка на копейку получали»².

Впрочем, значительная доля торговой прибыли от внешней торговли попадала иностранным купцам. Даже такой крупный торговец, как упоминавшийся выше Микляев, выполнял роль агента английских и голландских купцов. В 1701 г. он взял у иностранцев в долг товаров на 6 217 руб., и, разумеется, он должен был делиться с ними полученной прибылью. Эту зависимость русского купеческого капитала от иностранного с горечью отмечал «архангелогородский гражданин Василий Крестинин» и в конце XVIII в. По его словам, после отмены монополий на сбыт продуктов сального промысла (1762 г.) торговля производилась «беспрерывным согласием иностранных и всегдашним несогласием наших купцов». Иностранцы использовали русских купцов в качестве подрядчиков, выдавали им вперед деньги, причем подрядчики, конкурируя друг с другом, покупали сало морских зверей дорого, а продавали, по словам Крестинина, «по развратным своим с ними контрактам» дешево, так как иностранцы «умеют несогласием наших купцов пользоваться и понижать цены в сальных подрядах»³.

Источником первоначального накопления являлась Сибирь. Население Сибири подвергалось эксплуатации прежде всего феодальным государством, взимавшим с «инородцев» ясак. Доход Сибирского приказа в бюджете России 1680 г. составлял, как известно, свыше 15%⁴. Вместе с русским царизмом в ограблении местного населения активное участие принимал купеческий капитал. Баснословные доходы приносил прежде всего неэквивалентный обмен. Драгоценная пушнина выменивалась на безделушки.

На сибирской торговле в XVII в. нажили огромные капиталы купцы Панкратьевы, Филатьевы, Усовы, Светешников, Никитин и др. Купцы обогащались не только за счет эксплуатации народностей Сибири, но и русских. Особая форма найма — покруга — обеспечивала пушные промыслы рабочей силой на условиях, выгодных для владельцев капитала. За обеспечение инвентарем, одеждой и продовольствием покрученик отдавал хозяину $\frac{2}{3}$ добытого меха, причем хозяин на время действия соглашения о найме мог «унимать и смирять» покрученика принуждением. Хищническая торговля и хищническая организация добычи пушнины приносила купцам колоссальные прибыли. По данным С. В. Бахрушина,

¹ Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья — сб. «Петр Великий», М.—Л., 1947, стр. 233; е е же. Сказки торговых людей Московского государства 1704 г.— «Исторические записки», т. 17.

² І ПСЗ, т. XII, № 9639, стр. 98.

³ Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым, СПб., 1792, стр. 41, 65.

⁴ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 74.

в 1698 г. 18 сороков соболей с хвостами стоили по якутской цене 720 руб., а в Москве были оценены в 5 раз дороже — в 3 600 руб.¹

Торговля с Сибирью продолжала приносить большие доходы и в XVIII в. В. Крестинин сообщает, что «тотемский посад разбогател от Сибири». Если в начале 40-х годов XVIII в. «лучший» тотемский купец имел не более 300 руб. собственного капитала, то через десятилетие у богатых купцов оказалось уже до 10 тыс. руб. капитала, а в конце века капитал богатейших купцов превышал уже 100 тыс. руб. Обогащение тотемских купцов, по словам Крестинина, достигалось путем «братолюбия», т. е. их организованным выступлением на рынке «как в приращении прибытков, так и в отвращении убытков»².

Во второй половине XVIII в., наряду с неэквивалентной торговлей, огромное значение приобретают захваты земель с богатыми недрами, а также покупка земель за бесценок. Объектом захватов и покупок становятся земли Южного Урала. Так, в 1754 г. для Нязе-Петровского завода у башкир был куплен участок земли, примерно 70 тыс. десятин, за 30 руб.; т. е. 23 десятины обходились в одну копейку. В 1767 г. для Камбарского завода было приобретено 36 тыс. десятин за 12 руб.³ Известный промышленник Твердышев купил у башкир 356,5 кв. версты земли за 200 руб. Для Архангельского завода за 483 кв. версты земли было уплачено 400 руб.⁴ Такие промышленники, как Демидовы, Строгановы и другие, округляли свои владения за счет прямых захватов государственных земель. Не подлежит сомнению, что расхищение государственных земель, равно как и так называемые покупки земель у башкир были одним из источников быстрого обогащения уральских промышленников.

В заключение остановимся на периодизации явлений первоначального накопления в России.

Сила воздействия различных рычагов на процесс первоначального накопления на протяжении XVII—XVIII вв. была неодинаковой.

Явления первоначального накопления с достаточной отчетливостью прослеживаются в XVII в. Накопление капиталов и отделение трудовых масс от средств производства осуществлялись главным образом посредством товарообмена. Наиболее интенсивно эти процессы происходили вдоль важнейших транспортных магистралей страны — на Сухоно-Двинском водном пути, связывавшем центр страны с Архангельском, и на Волжском пути. Сюда стекался обездоленный люд России для обслуживания торговых путей. Москва, Поморье и Поволжье являлись основными центрами концентрации капиталов. Неэквивалентный обмен, особенно с народами Сибири, эксплуатация покручников и внешняя торговля умножали капитал купцов. Наиболее распространенной отраслью промышленности, куда вкладывался накопленный в торговле капитал, было солеварение⁵.

В XVII же веке складываются зачатки протекционизма, элементы меркантилизма, проявлявшиеся как в установлении повышенных пошлин для иностранных купцов, так и в выдаче привилегий промышленникам.

¹ С. В. Бахрушин. Покрута на соболиных промыслах XVII в.; его же. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае — «Научные труды», т. II.

² В. Крестинин. Указ. соч., стр. 96.

³ А. А. Савич. Прошлое Урала, Пермь, 1925, стр. 67.

⁴ Опыт горной статистики Русской империи, СПб., 1878, стр. 62.

⁵ Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. — «Исторические записки», т. 6; И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII веке — «Исторические записки», т. 36.

Второй этап охватывает первую половину XVIII в., причем наиболее яркие проявления первоначального накопления прослеживаются в первой четверти XVIII в., когда частные меры поощрения развивавшейся промышленности и торговли были заменены меркантилистской системой. Выдача ссуд, передача казенных заводов в частные руки, протекционистский таможенный тариф, приписка государственных крестьян к заводам ускоряли накопление капиталов и отделение трудовых масс от средств производства. Но главным рычагом первоначального накопления в это время являлись государственные налоги. Возросший бюджет государства позволил широко применять подрядную систему. Купцы-подрядчики вкладывали капиталы в новые отрасли промышленного производства, ускоренному развитию которых способствовала государственная власть. Развитие промышленности в это время опережало формирование рынка рабочей силы, и широкого развития достигало использование принудительного труда.

Третий этап первоначального накопления капиталов — это вторая половина XVIII в., когда преимущественное значение приобретают значительно возросшие феодальные повинности крестьян. Абсолютный размер государственных повинностей за последние 75 лет XVIII в. увеличился примерно в полтора раза, тогда как владельческие повинности крестьян за это же время возросли в 10—12 раз. Экспроприация достигла того высокого уровня, когда отпала необходимость в обеспечении промышленности принудительным трудом. Капиталы первостатейных крестьян, накопленные в торговле, начинают овладевать промышленностью. В колониальной системе существенное значение приобрело расхищение земель. Однако накопление капиталов происходило главным образом за счет внутренних ресурсов русского народа.

* * *

Подведем итоги:

1. Влияние феодально-крепостнических отношений на процесс первоначального накопления было противоречивым. С одной стороны, они задерживали отделение крестьян от средств производства, поскольку помещики стремились сохранить экономическую дееспособность крестьянского хозяйства, ибо крестьянин, лишенный средств производства, не мог обеспечить, с точки зрения феодала, своевременного поступления феодальной ренты. Феодально-крепостнические отношения задерживали также накопление капиталов у верхушки крестьянства как посредством регулирования размера ренты, так и сохранением бесправного положения крестьянина, лишенного возможности в важных случаях своей деятельности выступать в качестве юридического лица.

С другой стороны, феодально-крепостническая эксплуатация являлась одним из рычагов первоначального накопления. Приспосабливая свое хозяйство к развивавшимся товарно-денежным отношениям, помещики стремились рационализировать свое хозяйство, ввести различного рода сельскохозяйственные улучшения, построить в вотчинах промышленные предприятия, что приводило к отрыву крестьян от средств производства. В нечерноземной оброчной полосе рост товарно-денежных отношений сопровождался увеличением оброка, что также выталкивало население деревни на неземледельческие заработки. Отходник, временно или навсегда порывая с сельским хозяйством и оставаясь крепостным помещика, представлял своеобразную для России фигуру времени первоначального накопления.

В то же время крепостное право создавало некоторые условия для накопления капиталов. С целью получения повышенного оброка помещик разрешал покупать «крещеную собственность» разбогатевшим крестьянам на свое имя, а также оказывал покровительство торгующим крестьянам. Известно, что опорой помещика в деревне были «первостатейные», «прожиточные» крестьяне. Из этих последних состояли вотчинная администрация и крестьянское самоуправление. Использование административных функций в своих интересах позволяло этой верхушке крестьян накапливать капитал средствами насилия. Появляются владельцы крупных капиталов, являвшиеся в то же время крепостными помещика.

2. Целые отрасли промышленности создавались трудом крепостных и приписных крестьян, а также трудом рабочих, отданных по указу. Таковы уральская металлургия, суконная промышленность и т. д.

3. Столь же противоречивой в первоначальном накоплении была роль русского абсолютизма. Время утверждения абсолютизма в России являлось временем начала складывания мировой экономической системы, в которой главенствующее положение занимали два буржуазных государства — Англия и Голландия. Необходимость борьбы с экономической экспансией буржуазных наций вынуждала русское дворянство «фабриковать фабрикантов» и выполняла роль ускоряющего фактора в развитии национальной промышленности и торговли. Укрепляя положение нарождавшегося класса купцов, абсолютизм осуществлял протекционистскую политику, выдавал промышленникам ссуды, предоставлял им право эксплуатировать принудительный труд, объявлял монополии, создавал специальные учреждения, ведавшие промышленниками, и т. д. Этим самым абсолютизм ускорял накопление капиталов у купечества. Вместе с тем, установление государственных монополий на продажу за границу наиболее ходовых товаров ограничивало возможности для накопления от внешней торговли. Обременительным для купечества было исполнение роли финансовых агентов государства. Выполнение купцами финансовых поручений государства, установление системы поручительства тормозили накопление капиталов.

4. Важным рычагом отделения непосредственных производителей от средств производства являлись государственные налоги. Неуклонно повышавшиеся налоги отрывали трудовое население деревни и города от средств производства. В то же время полицейский аппарат абсолютизма вел ожесточенную борьбу с бегством крестьян и посадских людей.

5. Подавляющая масса купечества была лишена возможности непосредственно эксплуатировать крестьянство феодальными методами. Между купцом и крестьянином стояли два посредника — феодальное государство и класс помещиков, которые системой налогов и взиманием феодальной ренты получали значительную часть продуктов сельскохозяйственного труда крестьян. Перераспределение прибавочного продукта от эксплуатации труда крестьян и посадских людей происходило в сфере обращения. Налоги финансировали подрядную систему, реализация барщинного труда крестьян также приносила доходы купцам. Наличие феодальных посредников между купцом и крестьянином тормозило накопление капиталов и экспроприацию крестьянства.

6. Получение ссуды или права на заключение подряда и прочих привилегий, предоставлявшихся купцам дворянским государством, было обусловлено наличием минимума капитала. Этот капитал возникал в процессе складывания всероссийского рынка. Громадные размеры территории России, различия в почвенно-климатических условиях, раз-

ный уровень развития общественного разделения труда благоприятствовали неэквивалентному обмену и накоплению капиталов посредством торговли. Неэквивалентный обмен вместе с тем являлся средством разорения крестьян и посадских людей.

7. Не имея достаточных капиталов, менее организованное русское купечество в известной мере само являлось агентом иностранных торговцев. Хищные посредники во внешней торговле России — английские и голландские купцы — длительное время отнимали часть торговой прибыли у русских купцов. Напротив, русское купечество, выступая более организованно на восточных рынках и в Сибири, извлекало громадные прибыли от торговли.

8. Значение перечисленных выше рычагов первоначального накопления в различные отрезки времени было неодинаковым. В XVII—XVIII вв. можно отметить три этапа первоначального накопления капитала в России. Первый этап — это XVII в.; второй этап — первая половина XVIII в.; третий этап — вторая половина XVIII в.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ В РОССИИ

26—27 мая 1955 г. в Институте истории АН СССР при секторе истории СССР периода феодализма состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная вопросу о своеобразии процесса первоначального накопления в России. Основные доклады сделали Н. И. Павленко (доклад его в значительно расширенном и дополненном виде печатается на стр. 382 — 419) и Б. Б. Кафенгауз.

Основные положения доклада Б. Б. Кафенгауза сводятся к следующему:

1. Первоначальным накоплением следует называть не только медленный процесс зарождения капиталистических отношений внутри феодального общества в виде роста мелкого товарного производства, возникновения мануфактуры, расслоения в деревне и т. п., но главным образом к первоначальному накоплению относятся насильственные меры, резко ускорявшие накопление (работоторговля, сгон крестьян с земли, земельные захваты, экономическая политика государства в форме меркантилизма и т. п.). Накопление при этом происходит не столько в денежной форме, сколько в виде создания крупных предприятий с большим числом рабочих, образования товарных запасов и т. п.

2. Россия переживала процесс первоначального накопления еще в условиях господства крепостного права, в XVII—XIX вв., что значительно замедляло этот процесс. К первоначальному накоплению при этом надо отнести отчасти и меры принудительного феодально-крепостнического характера, если только они способствовали возникновению мануфактур, усилению торговли, приводили хотя бы к частичной экспроприации крестьянства.

3. Особенностью первоначального накопления в России (как и вообще в значительной части континентальной Европы) является лишь частичная экспроприация крестьянства и значительное запоздание в ее проведении.

4. С конца XVI в. и в особенности в XVII в. процесс первоначального накопления проявился, например, в хозяйстве Строгановых, где земельные пожалования и захваты сочетались с крупными соляными варницами с применением наемного и принудительного труда, обнищанием населения и т. п., в предприятиях Светешникова на Волге, в хозяйстве боярина Морозова (железные и поташные заводы). К приемам первоначального накопления следует отнести привилегии, субсидии и другие меры по созданию первых мануфактур в XVIII в., экономическую политику меркантилизма в виде таможенного покровительства (Новоторговый устав) и систему откупов.

5. Первая половина XVIII в. отличается некоторым усилением процесса первоначального накопления, который способствовал созданию

крупной промышленности, особенно уральской металлургии. Сюда относятся пожалования заводчикам привилегий и субсидий, земельные захваты, таможенный протекционизм, а также использование в крупной промышленности как наемного труда, так и труда крепостных, насильственно, хотя и частично, отрывавшихся от сельского хозяйства и становившихся «предпролетариатом». Характерным явлением первоначального накопления были откупа (винные и другие) и хищническая торговля в Сибири.

6. К этим же явлениям следует причислить деятельность Российско-Американской компании с конца XVIII в. и в первой половине XIX в. (торговая привилегированная компания с промысловым хозяйством с применением принудительного труда). Одним из «рычагов первоначального накопления» являлся и государственный долг со второй половины XVIII в.

7. С первой половины XIX в. в черноземной полосе в крепостном хозяйстве происходил рост господской запашки, перевод части крестьян в месячники и дворовые, что было частичным обезземелением крестьян.

8. Реформа 1861 г. была помещичьей чисткой земель, сопровождалась «отрезками», т. е. сокращением крестьянского землевладения путем насильственного присоединения части крестьянской земли к помещичьим землям. Реформой создавались условия для развития капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути». Это была частичная экспроприация крестьянства.

9. После реформы обнищание и расслоение в деревне усиливались в связи с пережитками феодально-крепостного строя (временно-обязанные отношения, выкупные платежи). В последующих условиях развитого капитализма продолжались захваты земель в национальных окраинах (в Башкирии и Казахстане), превращение Средней Азии в сырьевой придаток российского капитала и т. п.

10. В целом царская Россия имела весьма ограниченные источники первоначального накопления. Они не могут идти в сравнение с тем ограблением Америки, Индии, Африки посредством захвата драгоценных металлов, работорговли, создания сахарных и табачных плантаций и деятельности торговых компаний, при помощи которых осуществлялось первоначальное накопление в странах Западной Европы.

По докладам развернулись оживленные прения. Выступивший первым Н. В. Устюгов считает, что доклад Б. Б. Кафенгауза представляет собой скорее характеристику экономического развития России в определенные периоды, чем очерк первоначального накопления в России, причем почти все экономические явления докладчик склонен относить за счет первоначального накопления. Нельзя также, как это делает докладчик, рассматривать хозяйство Строгановых как типичный пример первоначального накопления, поскольку могущество Строгановых основывалось главным образом на использовании ими права феодальной собственности на землю, хотя применявшиеся ими некоторые приемы насилия и напоминали методы первоначального накопления.

Н. В. Устюгов упрекает обоих докладчиков за то, что они незаслуженно мало внимания уделили внутренней торговле и особенно неэквивалентной сибирской торговле, которая позволила накопить значительные денежные средства в сфере обращения. Эти средства уже в XVII в. крупные торговые люди начали вкладывать в промышленность, особенно в солеваренную. Н. В. Устюгов называет около 20 крупных торговых фамилий из Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Вятки, Соли-Камской и других городов, которые, накопив средства в сфере обмена, вло-

жили их в соликамские соляные промыслы. Торговые люди вкладывали свои средства и в соляные промыслы других районов.

Н. В. Устюгов останавливается далее на другой стороне проблемы — на отрыве непосредственных производителей от средств производства и превращении их в продавцов рабочей силы. В этой области богатый и ценный материал содержится в переписных книгах 1678—1679 гг. по Соли-Камской. По данным этих книг, Соликамский посад состоял из 831 двора, из которых 508 дворов, или 61,1%, — это посадская беднота; сюда входят бобыли (330 дворов) и «последние усольцы, нищие и пришлые люди» (178 дворов). Кроме того, во дворах посадских богатеев жили еще 90 работных людей. Среди этой бедноты было 347 человек пришлого населения, из которых 146 человек, или около 10% всего населения, жили по чужим дворам в качестве подворников. Подавляющая часть пришлого населения явилась сюда из посадов и уездов Поморья; из Соликамского уезда пришло только 11 человек. В начале XVIII в., как это видно из дозорной книги 1707—1708 гг., картина значительно меняется. К этому времени уже 132 крестьянина Усольского уезда, или около 9% всего населения уезда, побросали свои крестьянские дворы и переселились на посад в поисках заработка. Всего дозорная книга зарегистрировала 739 тяглецов. Из них 507 дворов, или 68,2% всего населения посада, платили стрелецких денег не более чем по 40 коп. с двора (при этом 108 человек совсем ничего не платили), а в богатую группу, оклад которой составлял от 1 руб. 25 коп. до 11 руб. 25 коп. на двор, входило 49 человек, или 6,7% населения. Были еще пять дворов богатой верхушки (0,7% населения), которые платили 421 руб. стрелецких денег, или 54,6% всего стрелецкого оклада. Получается весьма выразительная картина: 68% бедноты противостоят 7,4% посадских богатеев, причем вся беднота занималась главным образом работой по найму в солеварнях этих богатеев. Было бы чрезвычайно поучительно провести такие же наблюдения по другим крупным промышленным и торговым центрам того времени. Эта большая и трудоемкая работа проводится уже силами молодых историков — студентов Историко-архивного института.

А. А. Преображенский указывает, что К. Маркс в своей работе «Заработная плата, цена и прибыль» рассматривает сущность так называемого первоначального накопления в экспроприации непосредственных производителей. Между тем этой стороне дела докладчики уделили мало внимания, занявшись преимущественно вопросом о накоплении денежных средств, которые были использованы для вложения в промышленное производство. Тем не менее выводы докладчиков заслуживают одобрения, потому что они действительно во многом уточняют наши представления о конкретном ходе процесса первоначального накопления в России.

Далее А. А. Преображенский останавливается на роли окраин в процессе первоначального накопления в России. Бесспорно, что денежные богатства русских купцов в XVII в. в значительной мере вырастали на почве неэквивалентной сибирской торговли. Однако окраины, способствуя накоплению капиталов, в то же время в известной мере задерживали процесс развития буржуазных отношений. Известно, что в России в XVII и даже в XVIII в. феодальные отношения в основном еще соответствовали характеру производительных сил. Феодально-крепостнические отношения в то время распространялись на новые территории. Известно, что Сибирь заселялась преимущественно беглыми крестьянами, которые обосновывались там на пашне; мы наблюдаем здесь, как и на других окраинах, не процесс отделения непосредственного производителя от

средств производства, а прикрепление его к земле. Это явление не могло не вызвать замедления процесса первоначального накопления в целом.

Касаясь приведенных Н. В. Устюговым данных об отделении непосредственных производителей от средств производства в Соли-Камской, А. А. Преображенский отмечает, что в этом районе основу хозяйства составляли промыслы, а не земледелие. Но вот в Кунгурском районе, где основным занятием населения было земледелие, в начале XVIII в. примерно 15% крестьян были вынуждены наниматься на работу к другим крестьянам, и многие из них уже были обезземелены. В самом Кунгурском посаде при переписи до 25% населения заявили, что они занимаются черной работой.

В. Н. Яковцевский считает, что главной характерной особенностью процесса первоначального накопления в России является то, что он начался в недрах феодально-крепостнического строя при сохранении феодально-крепостнических отношений. По мнению выступающего, докладчики не правы, когда утверждают, что процесс первоначального накопления завершился в России в условиях феодализма. Можно согласиться, лишь с тем, что, в отличие от Англии, этот процесс начался в условиях феодализма, но завершиться он мог только после ликвидации крепостного права. Феодально-крепостнические отношения, и в этом заключается вторая особенность процесса первоначального накопления в России, задерживали отрыв крестьян от земли и тормозили накопление капиталов. Первоначальное накопление в России в феодально-крепостнический период осуществлялось как одностороннее накопление денежных капиталов в форме купеческого и ссудного капитала, превращению которого в промышленный капитал мешали феодальный строй и личная зависимость непосредственных производителей. Наконец, накопление купеческого и ссудного капитала в России, в отличие от западноевропейских стран, происходило за счет внутреннего рынка, т. е. за счет экспроприации собственного населения России. В этом третья характерная особенность процесса первоначального накопления в России.

Начавшись в России в период феодализма, процесс первоначального накопления не завершился здесь в этот период и не мог завершиться, так как в понятие первоначального накопления входят ликвидация феодально-крепостнических отношений, превращение непосредственных производителей в юридически свободных лиц и отделение их от средств производства. Это было в известной мере достигнуто осуществленной сверху реформой 1861 г., которая освободила крестьян от средств производства. Однако, по мнению В. Н. Яковцевского, и реформа 1861 г. не завершила процесса первоначального накопления, к явлениям которого следует отнести также столыпинскую аграрную реформу начала XX в. Эта реформа, тоже проведенная сверху, привела к созданию кулацких хуторов, которые создавались не за счет помещичьих земель, а путем передачи кулакам общественной земли, т. е. также за счет экспроприации непосредственных производителей.

С. Д. Сказкин указывает, что в обоих докладах основное внимание было уделено вопросу о том, как были созданы крупные богатства. Между тем это вопрос второстепенный, так как основным вопросом первоначального накопления является вопрос об отделении непосредственного производителя от средств производства и создании таких социальных условий, при которых возникают капиталистические отношения, т. е. оказывается возможным получать прибавочную стоимость. Этим же недостатком страдает и недавно вышедший учебник политической

экономии, который, касаясь проблемы первоначального накопления в России, также уделяет основное внимание накоплению индивидуальных богатств.

С. Д. Сказкин далее отмечает, что до сих пор проблема первоначального накопления не разрешена не только историками СССР, но и историками западноевропейского средневековья. Благодаря замечательной работе К. Маркса процесс первоначального накопления хорошо прослежен в Англии, но совершенно не разработан вопрос о том, как этот процесс происходил, например, во Франции. Можно только утверждать, что в условиях развитого товарно-денежного хозяйства (а товарно-денежные отношения развивались там с XIII в.) во Франции происходила дифференциация крестьянства с выделением низшего слоя крестьян, которые уже в XV в. стояли на грани разорения. Эта категория крестьян окончательно разорилась в связи с налоговым гнетом государства, под тяжестью которого они вынуждены были бросать свою землю и становиться в ряды пролетариев. Длительное и постоянное давление высоких налогов обеспечивало приток определенной части разоряемых крестьян в промышленность.

Что касается России, то здесь вопрос стоит сложнее уже хотя бы потому, что основная масса крестьянства, подвергавшаяся экспроприации в результате первоначального накопления, — это крестьянство крепостное, которое было прикреплено к земле, принадлежавшей не ему, а помещикам. С. Д. Сказкин считает, что принадлежавшее помещикам право свободного распоряжения крестьянским трудом и крестьянским наделом есть один из видов первоначального накопления. Почему-то из поля зрения русских историков исчезает тот факт, что крепостное право в Восточной Европе XVI—XVIII вв. отличается от крепостного права, которое к этому времени сложилось в Западной Европе. Там крестьянин, в труде которого был заинтересован сеньер, фактически был наследственным владельцем своего участка, и поэтому сеньер не мог перевести его с одного участка на другой и по своему произволу увеличить его повинности. Во Франции, например, все цензитарии, т. е. крестьяне, которые владели участком с обязательством платить сеньеру ценз, уже в XVI в. считались собственниками, хотя феодальная собственность на землю продолжала оставаться за сеньером. Напротив, в Восточной Европе, где по условиям мирового и внутреннего рынка сложилось барщинное хозяйство, в силу которого помещики имели право куда угодно пересаживать своих крестьян или приписывать их к своей собственной мануфактуре, — мы имеем своеобразную форму экспроприации непосредственного производителя и отделения его от средств производства. Не настаивая на правильности данного предположения, С. Д. Сказкин призывает разработать этот вопрос и, в частности, вскрыть качественную разницу между крепостным правом в России и в Западной Европе в XVI—XVIII вв.

Е. И. Заозерская указывает, что по Марксу время первоначального накопления для Западной Европы совпадает с мануфактурным периодом и тем самым время первоначального накопления включается Марксом в капиталистическую эру, хотя, конечно, он различает этот период от последующего периода господства капиталистической формации.

Е. И. Заозерская отмечает далее, что сущность внутреннего процесса первоначального накопления сводится к отделению непосредственного производителя от средств производства и к превращению денег в капитал путем помещения их в капиталистическую мануфактуру. Между тем именно об этих обеих сторонах первоначального накопления в докладах говорится очень мало. Кроме того, в докладах процесс первоначального

накопления прослеживается с XVII в., но материал об отделении крестьян от земли докладчики приводят только для первой половины XIX в., не использовав всю ту литературу, по которой можно судить о том, имелись ли элементы первоначального накопления в России в XVII—XVIII вв.

С. М. Дубровский считает, что оба доклада представляют собой лишь общий очерк экономического развития России примерно с конца XVI до середины XIX в. и по существу содержат очень мало материала о первоначальном накоплении. Если пользоваться примером Англии, то там первоначальное накопление происходило в период, когда определился капиталистический путь развития страны. Но разве можно говорить о капиталистическом пути развития в отношении России XVII в., когда капиталистическая эволюция страны полностью не завершилась даже после вступления ее в период империализма?

В основе первоначального капиталистического накопления, продолжает С. М. Дубровский, лежит процесс отделения непосредственного производителя от средств производства, а вовсе не насилие, которое было типично и для рабовладельческого, и для феодального хозяйства. Когда Маркс описывает насилие, которыми сопровождался процесс первоначального капиталистического накопления, он их рассматривает как средства отделения непосредственного производителя от средств производства, а процесс, который описывается в докладах, является скорее процессом прикрепления к средствам производства.

С. М. Дубровский далее отмечает, что не всякое отделение непосредственного производителя от средств производства следует рассматривать как явления первоначального накопления. Если, например, в период опричнины крестьян сгоняли с земли, то это не было первоначальным накоплением, так как обезземеленный работник превращался не в наемного рабочего, а в барщинного крестьянина. Нельзя, далее, смешивать два процесса — накопление ценностей и накопление капитала. Поэтому нельзя зачислить по «ведомству первоначального накопления» Строгановых, Юсуповых и других магнатов XVII—XVIII вв.

А. П. Глаголева отмечает некоторые черты первоначального накопления на примере Олонекских казенных заводов. Северная война поставила перед Россией две неотложные задачи — расширение металлургической базы страны и создание квалифицированных кадров. Если прикрепление крестьян к предприятиям иностранцев в XVII в. было основным условием, без которого они не могли функционировать, то в начале XVIII в., с открытием казенных заводов, потребовались более широкая сырьевая база и более многочисленные кадры рабочих, чем в XVII в. Неудивительно, что вместо одного погоста, прикрепленного в Олонецком уезде к заводам Бутенанта в XVII в., в начале XVIII в. к казенным заводам было приписано уже все население Олонецкого уезда, насчитывавшее по первой ревизии более 48 тыс. душ м. п. В первые десять лет существования заводов работа приписных крестьян не засчитывалась даже в подворную подать и являлась новой и очень обременительной повинностью. Работа крестьян по сооружению Олонецких заводов и обеспечение их в дальнейшем даровой рабочей силой принесла казне огромные прибыли и вместе с тем способствовала отрыву крестьян от сельского хозяйства и их разорению.

Здесь изгнание крестьян с земли не носило внезапного и насильственного характера, а являлось «добровольным», но вынужденным отказом от своего надела или же принимало форму бегства. Характерно и то, что во втором десятилетии XVIII в. появляется слой нищих крестьян, ли-

шившихся уже земельного надела и систематически нанимавшихся на заводские работы в летнее время за своих более зажиточных односельчан.

Формы мобилизации кадровой рабочей силы для Олонецких заводов сводились к принудительному отбору в ученики крестьян из олонецкого рекрутского набора и к принудительной задержке крестьян, работавших на временных разверстках, для постоянной работы на заводах. И в том, и в другом случае крестьяне теряли связь с миром, переселяли свои семьи на заводы и превращались в кадровых рабочих.

Сильно способствовал разорению крестьян и указ 1706 г., который под страхом смертной казни запрещал крестьянам изготовлять уклад и продавать его на рынке, а также предлагал кузнецам «добровольно» записываться в казенные кузнецы, сдать свои «снасти» на заводы и работать за определенную сдельную оплату.

Э. С. Виленская не согласна с Е. И. Заозерской, которая считает, что мануфактурный период в Англии совпадает с периодом первоначального накопления; Маркс говорит о процессе отделения непосредственного производителя от собственных средств производства как о предистории капитализма. Конечно, в мануфактурный период этот процесс еще продолжается достаточно активно, но начало его относится к домануфактурному периоду. Таким образом, процесс первоначального накопления является предпосылкой мануфактурного производства как определенного этапа капиталистического производства. Далее Э. С. Виленская polemизирует с В. Н. Яковцевским, который связывает отрыв непосредственных производителей от средств производства с ликвидацией крепостных отношений, хотя эта связь вовсе не является необходимой, так как отделение производителей от средств производства может происходить и после ликвидации феодально-крепостнических отношений.

В заключение Э. С. Виленская указывает, что особенность экономического развития России состоит не только в замедленности темпов капиталистического развития в связи с господством феодально-крепостнических отношений, но и в том, что разновременные экономические процессы, происходившие на Западе в определенной последовательности, в России наплывали один на другой. Развитие крупной промышленности едва ли не предшествовало здесь процессу отделения непосредственных производителей от средств производства, промышленный переворот начался, когда еще почти не было подлинно свободных производителей, а процесс так называемого первоначального накопления, т. е. процесс отделения непосредственных производителей от средств производства, получил наиболее широкое развитие уже тогда, когда в стране существовала не только мануфактура, но и фабрика.

Ю. А. Тихонов указывает, что докладчики уделили слишком много внимания насильственным мероприятиям и пренебрегли изучением экономической стороны процесса первоначального накопления. Между тем принявший в XIX в. широкий размах переход крестьян на положение работников домашних мануфактур капиталиста и непосредственных рабочих промышленных предприятий был подготовлен в более ранний период развития товарного производства и обращения в городе и особенно в деревне XVII—XVIII вв.

В качестве иллюстрации Ю. А. Тихонов останавливается на рыночных явлениях в Устюжском районе во второй половине XVII в. Рост общественного разделения труда в XVII в. и обусловленное этим формирование всероссийского рынка уже в рассматриваемое время вызвало новые явления в экономике. На Устюжском посаде появляется скупщик, который скупает у мастеров их изделия и продает им сырье. Правда, проникнове-

ние торгового капитала в производство в то время еще не имело места, но зато богатые торговые люди уже размещали крупные заказы из своего сырья среди кузнецов. Затем богатые плотники переходили к подрядному способу ведения строительных работ, эксплуатируя при этом менее состоятельных мастеров. Появляются небольшие предприятия (винокурни, солодовни, мыловарни, салотопни), которые работают, правда, эпизодически; во главе их стоят крупные посадские торговые люди. Имущественное расслоение форсируется также налоговым гнетом. В результате за время с 1620 по 1670 г. количество «самых худых» дворов, т. е. посадской бедноты, увеличивается с 43 до 85%.

Временная работа в мастерских богатеев, к тому же носившая кабальный характер, не могла обеспечить существование посадской бедноте, представители которой начинают заниматься сезонной работой на водном транспорте по обслуживанию Сухоно-Двинского пути и уходят на заработки в другие районы страны.

Примерно такие же явления можно проследить и в крестьянском хозяйстве. Усилившийся феодальный гнет и ограбление крестьян торговым и ростовщическим капиталом приводят к обезземелению наиболее бедных слоев крестьянства. В середине 1640-х годов на посаде и в уезде насчитывалось 9 524 двора, из которых к 1670 г. опустел 2 591 двор. Разорившиеся крестьяне бросали свое хозяйство и уходили в Сибирь, либо становились половниками, а часть их вынуждена была обращаться к продаже своей рабочей силы на транспорте и в городской промышленности.

Таким образом, товарное производство становится одним из факторов первоначального накопления капитала в России. В связи с этим можно утверждать, что процесс первоначального накопления начался у нас в XVII в.

Н. Г. Аполлова отмечает, что в обоих докладах слишком кратко освещаются вопросы, связанные со сферой обращения. Поскольку торговля центральной России с окраинами содействовала накоплению капиталов, Н. Г. Аполлова подробно останавливается на торговле русских купцов с Казахстаном и Средней Азией во второй половине XVIII в. Огромные прибыли приносили русскому купечеству обменные операции с казахами, где главным объектом обмена были овцы, лошади и меха. В 80-х годах XVIII в. сало казахских баранов поступало не только на внутренний рынок Сибири и центральных районов России, но и на внешний рынок. Значительное место в казахском обмене занимали верблюжья шерсть для суконной промышленности и кожи, значительные партии которых крупными обозами отправлялись в Казанский и Нижегородский уезды, а также в другие районы Поволжья, где они перерабатывались в юфть. Характерно, что даже перевозки этих товаров, при неналаженности путей сообщения, являлись источником больших прибылей и злоупотреблений купечества.

Получая огромные барыши от неэквивалентной торговли с казахами, купцы были серьезно обеспокоены конкуренцией развивавшегося крестьянского торга и требовали его запрещения или, в крайнем случае, — ограничения. Богатые крестьяне вели меновую торговлю в Исетском и Уфимском уездах, в Томске, Тобольске, Таре и других сибирских городах. Здесь они выменивали скупленные в центральных районах пеньку, холст и изделия крестьянской промышленности на меха, которые затем продавали в городах России. Они вели также выгодную торговлю и на ярмарках, пограничных с казахской степью, — Оренбургской и Троицкой. Они появлялись со своими товарами и в казахских аулах, что рассматри-

валось некоторыми представителями Оренбургского края как нежелательная конкуренция по отношению к купеческому торгу.

В описываемое время развивалась также караванная торговля со Средней Азией, которая всячески поощрялась царскими властями. Ташкентские, бухарские и хивинские караваны шли в Оренбург через кочевья Среднего жуза, где часть среднеазиатских товаров продавалась казахам. Продвижение среднеазиатских товаров в Оренбург регулировалось казахской феодальной верхушкой, извлекавшей из своего участия в караванной торговле большие доходы и получавшей пошлины за пропуск караванов.

В заключение прений выступила Н. А. Б а к л а н о в а, остановившаяся на том, как отражался в общественном сознании и как воспринимался современниками процесс первоначального накопления, и привлекая для иллюстрации пословицы и поговорки из различных сборников XVII в.

В своем заключительном слове Н. И. П а в л е н к о согласился с замечаниями С. Д. Сказкина и других выступавших, которые упрекали докладчиков в том, что они слишком мало уделяли внимания процессу экспроприации непосредственного производителя. Однако трудность заключается в отсутствии фактического материала и в полной неразработанности этого вопроса в литературе.

Обращаясь к выступлению С. М. Дубровского, докладчик указывает, что когда мы говорим о первоначальном накоплении, то имеем в виду накопление, которое предшествует организации капиталистического производства. Следовательно, мануфактура, основанная на принудительном труде, это и есть первоначальное накопление, а мануфактура, основанная на свободном труде,—это уже мануфактура капиталистическая, конечный результат первоначального накопления. Нечеткость трактовки С. М. Дубровским вопросов первоначального накопления сказала даже в его терминологии. Он все время говорит о первоначальном капиталистическом накоплении, тогда как эти понятия не идентичны, поскольку первоначальное накопление предшествует накоплению капиталистическому.

Что касается упрека Е. И. Заозерской в том, что в докладах не нашла должного освещения мануфактура, основанная на наемном труде, то это сделано сознательно, поскольку такая мануфактура не относится к явлениям первоначального накопления.

Коснувшись приведенных Ю. А. Тихоновым данных, докладчик находит их очень интересными, но надо показать, замечает он, что указанные явления осуществлялись при помощи приемов, свойственных первоначальному накоплению, а не обычному развитию товарного производства.

В заключение докладчик, возражая В. Н. Яковцевскому, указывает, что столыпинскую реформу нельзя относить к явлениям первоначального накопления.

Б. Б. К а ф е н г а у з подробно разбирает все выступления и отмечает, что в них было высказано много интересных мыслей, которые необходимо полностью или частично принять и учесть в дальнейшей работе. Наряду с этим докладчик не согласен с некоторыми замечаниями Е. И. Заозерской и С. М. Дубровского. Если Е. И. Заозерская считает, что процесс первоначального накопления, совпадающий с мануфактурным периодом, происходил с начала XIX в., то данное положение следовало бы доказать, а она этого не сделала. Что касается замечаний С. М. Дубровского, то он не отделяет первоначальное накопление от капиталистического накопления. С. М. Дубровский считает, далее, что явления разложения феодального хозяйства не представляют собой первоначального накопле-

ния, между тем это две близкие стороны одного и того же процесса. В целом же, подчеркивает докладчик, обсуждение дало богатый материал для дальнейшей разработки вопроса о первоначальном накоплении в России.

Подводя итоги обсуждению, председательствующий Л. В. Черепнин подчеркивает важность поставленной проблемы, которая до настоящего времени не нашла своего разрешения в нашей научной литературе. Поэтому надо приветствовать почин Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко, которые взяли на себя инициативу и смелость в постановке данного вопроса. Оба докладчика не претендовали на исчерпывающее разрешение всего комплекса сложных и слабо освещенных вопросов, связанных с процессом первоначального накопления в России. Это лишь начало тех исследований, которые требуют привлечения новых источников и обобщения уже имеющихся в литературе монографий и статей.

Останавливаясь на теоретических вопросах, которые были выдвинуты в ходе обсуждения, Л. В. Черепнин отмечает, что в результате прений следует уточнить само понятие первоначального накопления, поскольку докладчики недостаточно четко определили сущность этого процесса. Второй вопрос — это вопрос о хронологических рамках процесса первоначального накопления в России. В этой области были высказаны различные точки зрения. Е. И. Заозерская считает, например, что процесс первоначального накопления начался у нас с конца XVIII или с начала XIX в. Другие говорили о том, что этот процесс не заканчивается реформой 1861 г.; В. Н. Яковцевский, в частности, считает, что к явлениям первоначального накопления следует отнести и столыпинскую реформу. Над периодизацией истории первоначального накопления в России придется еще, очевидно, много поработать. Говорилось также о необходимости связать явления первоначального накопления с общими экономическими явлениями, причем некоторые выступавшие упрекали докладчиков за то, что они абстрагировали насильственные меры первоначального накопления от других его сторон. Вообще говоря, это естественно: когда занимаешься каким-либо явлением, то для того, чтобы всесторонне его рассмотреть, его приходится абстрагировать; однако, когда делаешь обобщения, то, конечно, любое явление следует рассматривать в связи с общими экономическими процессами. Следует в будущем поработать и над проблемой связи мануфактурного периода и процесса первоначального накопления. Все эти вопросы были поставлены прошедшей конференцией, которая послужит толчком для дальнейшей разработки целого ряда важных проблем истории нашей страны.

Б. П. КОЗЬМИН

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ А. И. ГЕРЦЕНА К I ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

В. И. Ленин в своей замечательной статье «Памяти Герцена» выяснил сущность идейного кризиса, пережитого Герценом под влиянием поражения революции 1848 г. В. И. Ленин указывал, что «духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме»¹. В результате этого краха уверенность Герцена в осуществимости социалистического преобразования в Западной Европе сильно поколебалась. Ему начало казаться, что долговременный режим частной собственности настолько отразился на трудящихся, что Западная Европа сделалась неспособной практически разрешить социальный вопрос. Он начал даже допускать возможность приближения гибели всей западной цивилизации. Скептические настроения Герцена оказались весьма устойчивыми: исцеляться от них он начал только в последние годы своей жизни. «У Герцена,— писал В. И. Ленин,— скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»². Под конец жизни Герцен, как отмечал Ленин, «обратил свои взоры» к Интернационалу, «которым руководил Маркс...»³.

При таких условиях вопрос об отношении Герцена к западноевропейскому рабочему движению того времени и особенно к деятельности Интернационала представляет громадный интерес.

Из работы Герцена «К старому товарищу», написанной им в 1869 г., но опубликованной только после его смерти, видно, какое исключительное значение придавал он международной организации, руководимой Марксом.

Герцен в этой работе указывал, что «международные работничьи съезды», т. е. конгрессы Интернационала, «получают больше и больше организующий склад», «серьезный характер их,— писал Герцен,— поразил врагов. Сильное *их* *покая* испугало фабрикантов и заводчиков». Конгрессы Интернационала представляют, по мнению Герцена, как бы «особое государство в государстве», достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников». Он выражает надежду, что эти конгрессы «составляют первую сеть и первый всход будущего экономического устройства». Герцен убежден в том, что «мир рабочих, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы... и он, отлученный... пойдет на сделки». Если же он будет уклоняться от сделок

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

и упорствовать, — «тем хуже для него..., тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил». Не отказываясь окончательно от веры в возможность мирного исхода, Герцен, как видно из приведенных его слов, не исключает и другого исхода — революционного. Он страшится только преждевременного, недостаточно подготовленного выступления. «Угроза при бессилии вредна», — пишет он¹.

Придавая громадное значение Интернационалу, Герцен тем не менее был далек от вполне правильного понимания исторической роли этой организации. Даже в письмах «К старому товарищу» Герцен утверждает о необходимости «проповеди, равно обращенной к работнику и хозяину»². Он убежден в том, что капиталистам и собственникам надо доказать, что «нелепость» их обладания «пришла к сознанию неимущих, в силу чего оно становится невозможным»³.

Эти высказывания Герцена показывают, что сущность Интернационала, как организации, созданной для борьбы за уничтожение капиталистического строя, оставалась неясной для автора писем «К старому товарищу». Тем не менее в существовании Интернационала он видел доказательство неизбежности гибели старого мира и именно поэтому приветствовал его.

Несмотря на полную ясность высказываний об Интернационале, которые мы находим в письмах «К старому товарищу», имелись исследователи жизни и творчества Герцена, доходившие до утверждения, будто бы Герцен вовсе не интересовался Интернационалом. Такова была точка зрения редактора первого полного собрания сочинений Герцена М. К. Лемке, утверждавшего, что Герцен хотя и «знал об Интернационале и его конгрессах», тем не менее «не проявлял интереса к этому движению, потому что считал, что основа тогда земледельческой России была вне программы нарождавшегося Международного общества рабочих»⁴.

Согласиться с такой точкой зрения ни в коем случае невозможно. Даже помимо тех высказываний об Интернационале, которые приведены выше, в собрании сочинений Герцена, отредактированном самим Лемке, можно найти ряд доказательств живого и глубокого интереса Герцена к Интернационалу.

Герцен внимательно следил за деятельностью Международного товарищества рабочих с самого его возникновения. Еще в 1866 г., говоря о непрочности существующего на Западе порядка, Герцен указывал, что в этом году «французские и немецкие работники сходились на совещание с английскими и швейцарскими в Женеве». Герцен имел при этом в виду первый конгресс Интернационала, происходивший в Женеве в сентябре 1866 г. Далее он писал, что Англия будет продолжать «благодействовать», как она благоденствует в данное время, лишь до тех пор, «пока туго понимающий, но понимающий работник выучит по складам, но твердо такие простые правила, как «мало habeas corpus'a, надобно еще кусок хлеба», и французский комментарий к ней в английском переводе: «У кого есть дубина, у того есть хлеб»»⁵.

Позднее, в 1868 г., полемизируя с русскими реакционерами, утверждавшими, будто социализм давно опровергнут и отжил свой век, Герцен писал: «Легко сказать с видом школьного учителя: «Времена социализма прошли». И это на другой день после Брюссельского конгресса [Интерна-

¹ «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 164.

² Там же, стр. 172.

³ Там же, стр. 163.

⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XX, М.—Л., 1923, стр. 102.

⁵ Там же, т. XIX, Пгр., 1922, стр. 108—110.

ционала], женевской забастовки, в двух шагах от движения немецких рабочих, среди подъема с удесытеренной силой социальных вопросов по всей Европе, не исключая и Англии»¹.

В сентябре того же 1868 г., обращаясь к Огареву с просьбой прислать ему материалы, касающиеся бернского конгресса Лиги мира и свободы, Герцен добавлял: «Да и о брюссельском сборе (т. е. Брюссельском конгрессе Интернационала.— Б. К.) нужно было бы»².

В следующем году, в связи с Базельским конгрессом Интернационала, Герцен в письме к Огареву выразил сожаление, что не присутствовал на этом конгрессе и потому не мог выступить при обсуждении вопроса о коллективной собственности на тему о значении «русской общины, которая показывает коллективное владение органично»³.

Приведенные выше высказывания Герцена доказывают, насколько несостоятельно утверждение, будто бы Герцен не проявлял интереса к работе Интернационала. Наоборот, он внимательно присматривался к его деятельности и относился к нему с явной симпатией.

Помимо его собственных высказываний, о том же свидетельствуют и современники-мемуаристы.

Герцен следил за работой Интернационала и его конгрессов и по прессе того времени, и по рассказам непосредственных участников различных секций Интернационала.

Большое внимание Герцена привлек, между прочим, отчет о заседаниях третьего конгресса Интернационала в сентябре 1868 г. в Брюсселе, напечатанный в ряде номеров русской газеты «Голос», направившей на этот конгресс собственного корреспондента. Это был первый конгресс Интернационала, на котором присутствовал корреспондент русской газеты, и это обстоятельство обратило на себя внимание К. Маркса, который тогда же сообщил Энгельсу: «Был один русский в качестве журналиста. Он сказал, что пришлет Генеральному совету русские издания, касающиеся конгресса»⁴. Этим журналистом был известный беллетрист П. Д. Боборыкин. Знакомясь с его корреспонденциями, приходится признать, что он добросовестно отнесся к своей задаче. Его 14 корреспонденций, подписанных «Б. Б. Б.»⁵, содержали в себе не только весьма подробное, но и довольно объективное изображение всего того, что происходило на конгрессе. Боборыкин не только излагал выступления отдельных делегатов и приводил — часто полностью — резолюции, принятые конгрессом, но и давал краткие характеристики ораторов (с некоторыми из них он познакомился лично) и рисовал бытовую обстановку конгресса. Вследствие этого, отчет его, сильно отличавшийся от отчетов других газет, до сих пор не потерял своего значения и является полезным дополнением к официальным протоколам конгресса.

«Читатели мои видели,— писал Боборыкин в заключение своей последней корреспонденции,— что я держался в моем отчете объективного метода. Мои собственные выводы и соображения выскажу я в особом этюде». Это обещание он действительно выполнил, напечатав, помимо четырнадцати, еще одну корреспонденцию, итогового, так сказать, характера⁶. Конечно, эта корреспонденция, заключавшая в себе рассуждения, а не факты, представляла гораздо меньший интерес, чем первые.

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, М.—Пгр., 1923, стр. 207.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 493—494.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 100.

⁵ «Голос», 1868 г., №№ 239, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 252, 254, 262, 274, 330, 333.

⁶ «Голос», 1869, № 36.

Читая корреспонденции «Голоса», Герцен заинтересовался ими и пожелал повидаться с их автором. Знакомство Герцена с Боборыкиным состоялось при посредстве известного философа-позитивиста Г. Н. Вырубова. Боборыкин впоследствии так описывал свои впечатления от беседы с Герценом о рабочем движении и Интернационале: «У него прорывались грустные ноты, но никак нельзя сказать, чтобы тот пессимизм, который овладел им после июньских дней 1848 г., сделался еще сильнее или подавлял его душевные настроения. Мне кажется, что, напротив, он с переселения на континент стал менее мрачно смотреть на европейскую реакцию, на тогдашний бонапартизм, возлагал больше надежд на французскую молодежь... и, не превращаясь в форменного социал-демократа, последователя теории Маркса, все-таки же, несмотря на долгое нерасположение к автору «Капитала»..., признает Маркса великим инициатором в борьбе пролетариев с капиталистическим строем... Он ставил в великую заслугу Марксу создание Международного товарищества рабочих»¹.

Это сообщение Боборыкина представляет значительный интерес, свидетельствуя, что деятельность Интернационала побудила Герцена объективнее, чем ранее, относиться к К. Марксу и признать большое историческое значение его политической работы.

В частности, обращают на себя внимание передаваемые Боборыкиным слова Герцена относительно французской молодежи, в которой он, по свидетельству Боборыкина, усматривал растущую силу, враждебную бонапартистскому режиму. Во время своих неоднократных наездов в 1860-х годах в Париж Герцен познакомился и сблизился со многими представителями этой молодежи, среди которой были члены секций Интернационала и будущие участники Парижской Коммуны (Делеклюз, Мильер, Дерер и др.).

С неменьшим интересом, чем за событиями во Франции, Герцен следил за рабочим движением, развивавшимся в те годы в Германии. В частности, его интересовала пропагандистская и организаторская деятельность Ф. Лассалья. Отношение Герцена к этому политическому деятелю было довольно сложным. С одной стороны, Герцен, не знавший, конечно, о сношениях Лассалья с Бисмарком, не мог не ценить его, как человека, немало способствовавшего пробуждению германского пролетариата, с другой же стороны, многое в идеях, проповедовавшихся Лассалем, являлось совершенно неприемлемым для Герцена. В частности, он находил ошибкой Лассалья его стремление «вытолкнуть землю из-под ног работника, как гирю, мешающую его свободной личности»².

Герцен, искавший в деревне залог возможности социалистического преобразования общества, не мог принять точку зрения Лассалья, утверждавшего, что только фабрично-заводские рабочие являются людьми будущего. Конечно, теория «русского социализма» Герцена была глубоко ошибочной, но не менее ошибочной являлась и точка зрения Лассалья, рассматривавшего все классы общества, за исключением пролетариата (в том числе и крестьянство), как одну сплошную реакционную массу. Герцен не мог не почувствовать этой ошибки Лассалья.

Иначе отнесся Герцен к взглядам Лассалья на роль государства в преобразовании общества. Когда ему приходилось выбирать между Лассалем, рассчитывавшим на то, что государственная власть сможет сыграть положительную роль в разрешении рабочего вопроса, и Бакуниным, требовавшим немедленного и полного уничтожения государства, Герцен при-

¹ П. Боборыкин. Герцен — «Русская мысль», 1907, № 11, стр. 114.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XIX, стр. 121 — ср. т. XX, стр. 82.

нимал сторону Лассалья. Он указывал при этом, что нецелесообразно «ломать мельницу, когда ее жернова могут молотить и нашу муку». «Между мнением Лассалья и проповедью о неминуемом распушении государства в федерально-коммуную жизнь,— писал Герцен,— лежит вся разница обыкновенного рождения и выкидывания. Из того, что женщина беременна, никак не следует, что ей завтра следует родить. Из того, что государство — форма *преходящая*, не следует, что эта форма уже *прешедшая*»¹.

Конечно, и Герцен и Лассаль исходили из ошибочного представления, будто государственная власть, независимо от того, в чьих руках она находится, способна возвыситься над интересами отдельных классов и выступить в роли суперарбитра в борьбе, происходящей между ними. Эта ошибка являлась характерной для всего утопического социализма. Однако точка зрения Бакунина, отражавшая интересы и настроения бунтующего мещанства, являлась не только еще более ошибочной, но и более вредной для дальнейшего движения рабочего класса.

Ошибочность теоретических установок Герцена не помешала, однако, ему понять большое историческое значение движения немецких рабочих, объединившихся для борьбы за свои интересы. Как мы видели, Герцен, полемизируя с теми, кто утверждал, будто социализм отжил свой век, ссылаясь не только на Брюссельский конгресс Интернационала, но и на «движение немецких рабочих» и на женевскую забастовку. Он имел при этом в виду всеобщую стачку женевских строительных рабочих, происшедшую весной 1868 г. и руководимую русским эмигрантом А. А. Серно-Соловьевичем. Эта стачка должна была особенно заинтересовать Герцена вследствие того, что ею руководили женевские секции Интернационала. Имея в виду женевскую забастовку, Энгельс указывал, что она была важна не только по ее непосредственным результатам, но и потому, что «глупые обыватели сделали из Международного товарищества настоящий рычаг и двигатель всей этой истории, и теперь вся слава достается на его долю»².

24 марта 1868 г., когда началась женевская забастовка, Герцен находился в Женеве. Уехал он оттуда 7 апреля, когда забастовка уже кончилась. Таким образом, женевская забастовка 1868 г., привлекавшая к себе большое внимание западноевропейского общества, вследствие роли, которую играли в ней секции Интернационала, прошла почти полностью на глазах Герцена. Он не только имел возможность видеться и беседовать с ее участниками, но и читать выпускавшиеся ими листовки и брошюры. На примере этой забастовки Герцен мог убедиться, какой мощной силой становится Международное общество рабочих.

Если Герцен и не принимал непосредственного участия в работе женевских секций Интернационала, то он проявлял большой интерес к их деятельности и даже оказывал им некоторую помощь. Об этом мы узнаем из некролога Герцена, напечатанного в газете «L'Égalité», являвшейся органом женевских секций. В 1870 г., когда некролог этот был напечатан, «L'Égalité» находилась в руках сторонников Генерального совета Интернационала, и ближайшее участие в редактировании ее принимал Н. И. Утин. Утин, в прошлом один из членов Центрального Комитета крупнейшего тайного общества 60-х годов «Земля и воля», являлся одним из влиятельнейших представителей так называемой молодой эмиграции,

¹ «Литературное наследство», т. 61, стр. 170.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 39. О женевской стачке см. подробнее в моей статье «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении» — «Исторический сборник», вып. 5, М.—Л., 1936, стр. 95—110.

выросшей на идеях Чернышевского и относившейся к Герцену с недоверием и даже враждебно из-за пережитых им колебаний между демократизмом и либерализмом. Надо думать, что Утин и был автором некролога о Герцене.

Приведем этот, оставшийся до сих пор неизвестным исследователям, некролог полностью:

«С прискорбием сообщаем о смерти русского гражданина, который, посвятив жизнь освобождению своей родины, тем не менее не забывал о делах и других народов. Как все люди с возвышенными чувствами, он отчетливо сознавал, что различные нации в основном имеют одни и те же интересы и что соперничество, существующее между ними, вызвано исключительно монархическими и аристократическими принципами.

Гражданин, об утрате которого мы сожалеем,— Александр Герцен, скончавшийся в Париже.

Женевские интернационалисты не перестанут напоминать себе: **его мы не забудем**, потому что он, как и Серно, был одним из жертвователей нашей библиотеки»¹.

В этом кратком некрологе большой интерес представляет сообщение о том, что Герцен жертвовал свои книги в библиотеку, принадлежавшую женевским секциям Интернационала. Начало этой библиотеки было положено упоминавшимся выше А. А. Серно-Соловьевичем, руководившим стачечной борьбой женевских рабочих. Серно-Соловьевич пользовался большой популярностью в Женеве и принимал деятельное участие в жизни местных секций Интернационала. К сожалению, ранняя смерть неожиданно положила конец его интенсивной деятельности: он умер в 1869 г. Незадолго до смерти Серно-Соловьевич пожертвовал свою библиотеку секциям Интернационала.

Серно-Соловьевич был одним из наиболее упорных и серьезных противников Герцена среди «молодой эмиграции». В 1867 г. он издал брошюру «Наши домашние дела», в которой чрезвычайно резко критиковал Герцена. Однако по некоторым дошедшим до нас сведениям, под конец жизни взаимоотношения его с Герценом сделались менее враждебными, чем ранее. Мало этого, они вели друг с другом переговоры относительно совместного возобновления «Колокола»². Можно думать, что рабства Серно-Соловьевича в секциях Интернационала и интерес, проявленный Герценом к деятельности этой организации, способствовали тому, что эти два выдающихся деятеля нашего революционного движения начали правильнее, чем прежде, понимать друг друга и более объективно относиться один к другому.

Думается, что факты, собранные выше, не оставляют никаких сомнений в том интересе и сочувствии, с которыми Герцен относился к Интернационалу, руководимому Марксом.

¹ «L'Égalité (Женева), № 2, от 12 февраля 1870 г.

² М. О. Гершензон. Письма к брату, М., 1927, стр. 150—151. О взаимоотношениях между Герценом и Серно-Соловьевичем см. подробнее в моей статье «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» — «Литературное наследство», т. 41-42, М., 1941, стр. 1—48.

З. П. БАЗИЛЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. И. ГЕРЦЕНА

(Приложение к «Колоколу» — листы «Под суд!»)

Среди богатого литературно-публицистического наследия А. И. Герцена и обширной продукции его Вольной русской типографии одно его издание до сих пор незаслуженно обойдено научной критикой; это — приложение к «Колоколу» — листы «Под суд!». Ни в нашей советской историографии, ни, тем более, в дореволюционной нет ни одной, хотя бы незначительной, работы, посвященной этому изданию. В исследованиях последнего времени о нем в лучшем случае встречаются лишь самые беглые упоминания¹. А между тем изучение «вольной русской прессы» за границей не может быть полным, когда из него выпадает целое издание, выходявшее в течение длительного времени и имевшее, как указывали издатели, свое особое задание в общем плане работ Вольной русской типографии.

Настоящая статья и имеет целью, рассмотрев содержание всех вышедших 13 номеров «Под суд!», дать оценку этого издания в общем комплексе всей продукции типографии А. И. Герцена, развивавшейся в неразрывной связи с внутренней жизнью тогдашней России.

Уже самые хронологические рамки данного издания заставляют с особым вниманием отнестись к нему: оно издавалось в основном с осени 1859 до осени 1860 г. (только два номера вышли в 1861 г. и один, последний, — в апреле 1862 г.)². Другими словами, издание выходило в период первой революционной ситуации в России.

Одним из характерных элементов этой ситуации было то, что в указанное время «верхи» уже не могли жить по-старому³, и дворянство волей-неволей вынуждено было пойти на отмену крепостного права: в 1859 г. крестьянская реформа перешла в заключительную стадию подготовки в центральных правительственных учреждениях.

В то же время корреспонденции с родины приносят А. И. Герцену множество сведений, в которых наглядно выступает «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»⁴.

¹ В обстоятельной монографии Я. Эльсберга об А. И. Герцене листам «Под суд!» уделено буквально три строки (Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество, М., 1948, стр. 369—370).

² Даты выхода листов «Под суд!» следующие: № 1 вышел 1 октября 1859 г., № 2 — 15 ноября 1859 г., № 3 — 15 декабря 1859 г., № 4 — 15 января 1860 г., № 5 — 1 апреля 1860 г., № 6 — 1 июля 1860 г., № 7 — 15 июля 1860 г., № 8 — 1 сентября 1860 г., № 9 — 15 сентября 1860 г., № 10 — 1 ноября 1860 г., № 11 — 1 августа 1861 г., № 12 — 1 октября 1861 г. и № 13 — 22 апреля 1862 г.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189.

⁴ Там же, стр. 189—190.

Учитывая это обстоятельство, власти принимают все меры к тому, чтобы слухи о предстоящей «воле» не проникли в среду обездоленного и возбужденного крестьянства. Достаточно напомнить хотя бы такие показательные факты, как опубликованная в № 26 «Колокола» корреспонденция, рассказывающая о приказе московского генерал-губернатора Закревского пороть повсюду крепостных лишь за разговоры «о воле», или сообщение о циркуляре военного министерства осенью 1859 г. об усиленной цензуре ротными командирами писем солдат гвардейских петербургских полков ввиду того, что солдаты распространяли в деревне слухи о готовившемся освобождении крестьян¹. Все это усиливало общественное напряжение, и каждый новый повод вызывал «значительное повышение активности масс».

Как известно, 1858—1859 годы отмечены массовыми выступлениями крестьян против винных откупов. Широта движения, стойкость «бунтовщиков», их некоторая организованность так напугали правительство, что почти всюду против «непьющих» были двинуты войска. «Бедное войско, бедные офицеры. Мало было им защищать трон и алтарь, помещичьи розги и чиновничий разбой,— пришлось теперь защищать кабак»,— так горячо отозвался на это А. И. Герцен в заметке, помещенной в «Колоколе»². А в России «Современник», откликаясь на эти же события, сумел даже в подцензурной статье, написанной Н. А. Добролюбовым, вскрыть в этом движении ту потенцию народной силы и массового творчества, которая питала надежды революционеров³.

В это горячее для внутренней жизни всей России «время первого демократического подъема»⁴. Вольная русская типография достигла своего расцвета,— связи с Россией крепко налажены, широко поставлена контрабандная доставка туда всех изданий; тираж этих изданий растет; все дело типографии окупается, и самое важное — авторитет изданий Герцена среди читателей в России прочно завоеван, корреспонденции к нему идут оттуда широким потоком. Это заставляет думать, что новое периодическое издание имело свои особые программно-тактические задачи. Заметка-извещение за подписью «Искандер, Н. Огарев» — об их решении издавать «как прибавление к «Колоколу» листок, озаглавленный «Под суд!», была помещена в № 49 «Колокола» от 1 августа 1859 г. «Мы открываем лобное место для частных лиц и частных дел; от наших соотечественников зависит добросовестно и смело воспользоваться нашим предложением. Мы желали бы, чтоб «Колокол» был голосом всех, а «Под суд!» — голосом каждого»⁵. Так определяли редакторы «Колокола» ближайшую задачу нового издания. Призывая к активности «всех частных людей», предлагая им «обратить внимание на видимую неправду, проследить и обличить ее», они тут же четко указывают и свою роль: не подчиняясь стихийному потоку материала, организовать в новом издании отбор и подбор его. А затем, предоставляя возможность корреспондентам публиковать свои возражения и поправки — так как «за достоверность... слишком частных дел редакторы не могут ручаться», — они оставляют «за собой право делать свои заключения, руководствуясь посильным здравым смыслом и существующими законами»⁶.

Самое заглавие листка «Под суд!», а также и его наименование редакцией «Лобное место» подчеркивают специфику нового издания: если в

¹ «Колокол», № 55, от 1 ноября 1859 г.

² «Колокол», № 52, от 15 сентября 1859 г.

³ См. Н. А. Добролюбов. Народное дело. Собр. соч., т. I, М., 1852, стр. 315.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 250.

⁵ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. X, Пгр., 1919, стр. 62.

⁶ Там же, стр. 62.

«Колоколе» тех лет борьба Герцена с феодально-крепостническим строем России особенно заострялась на общем актуальнейшем вопросе тогдашней русской жизни — отмене крепостного права, то здесь гниль самодержавного строя вскрывалась на частных, отдельных, но характерных фактах, достойных не только общественного осуждения, но и вывода на лобное место, т. е. публичной казни.

В редакции «Колокола» к осени 1859 г. и в этой области имелся уже опыт работы Вольной русской типографии. Еще в самом начале издания «Колокола» А. И. Герцен уже ставил перед собой задачу обличительства. В № 3 «Колокола» от 1 сентября 1857 г. в статье, озаглавленной «Лобное место», он пишет: «Наше положение обязывает нас обличать то, что скованная речь в России не смеет еще высказать дома, Есть учения, есть люди, для которых наш станок превратился в лобное место, мы их выведем и покажем всему честному народу»¹.

Горячее сочувствие, которым встретили этот проект «Колокола» читатели в России, проявилось вскоре в массовом потоке корреспонденций с разоблачающими информацией, подробным описанием и точным указанием дат, имен, мест. Редакция получила возможность проверки и отбора. Отбор же материала и в этом разделе «Колокола», как и во всех публикациях Вольной русской типографии, редакторы подчиняют тому общему принципу, который был заявлен А. И. Герценом в начале работы издательства и постоянно им проводился: «Мы исключаем одно то, что будет писано в смысле самодержавного правительства, с целью упрочить современный порядок дел в России, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтобы его заменить свободными народными учреждениями...»².

Это программное заявление редакции, как и самое содержание «обличительного» материала в «Колоколе», ясно показывают, как чужда была его редакторам задача либерального обличительства, сводящаяся к тому, чтобы, раскрывая недостатки общественной жизни, исправлением их улучшить и укрепить существующий социально-политический строй со всем аппаратом его власти.

Совершенно иное лежит в основе обличительства «Колокола»: его цель и здесь — защита интересов народа. «Одна горячая любовь к России, — заявляет редакционная статья в начале издания, — одно глубокое убеждение, что наш обличительный голос полезен, заставляет нас касаться страшных ран нашего жалкого общественного быта и их гноя. Мы — крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками...»³. Задача, таким образом, заключалась в том, чтобы, защищая интересы народа и указывая ему действительный корень зла в существующем социально-политическом строе, поднимать народ к активной борьбе и, разоблачая этот строй, расшатывать его.

Немало читателей-корреспондентов герценовского журнала в России хорошо это понимали. Один из них пишет: «только обнародование фактов, вырываемых из канцелярских вертепов и известных немногим, в состоянии раскрыть глаза толпе, расшевелить ее или, по крайней мере, разбить очарование, производимое на нее существующим понятием «о важности государственного управления»⁴.

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, Пгр., 1919, стр. 16.

² «Полярная звезда», 1855, кн. 1, стр. 230, статья «К нашим».

³ «Колокол», № 5, от 1 ноября 1857 г.; А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, стр. 53.

⁴ «Колокол», № 23/24, от 15 сентября 1858 г.

Таким образом, к осени 1859 г., к началу выхода листов «Под суд!», в активе «Колокола» имелся уже опыт революционного и демократического обличительства. Новое издание, следовательно, должно было его продолжить и развить.

Для ответа на вопрос, в каком направлении следовало развивать накопленный уже опыт обличительства, главный материал дает, конечно, анализ содержания листов «Под суд!». Однако, чтобы всесторонне понять их значение, надо остановиться более подробно и на тех условиях, при которых готовилось и было начато новое издание.

Как уже указывалось, первое извещение о нем было опубликовано 1 августа 1859 г. Значит, подготовка к изданию шла летом 1859 г., т. е. непосредственно после приезда в Лондон Н. Г. Чернышевского¹.

Эта встреча руководителей двух революционных центров является, безусловно, значительным фактом в развитии русского революционного движения. Поэтому вполне понятно то внимание, которое уделяется ей в последнее время в исследовательской литературе. И если Чернышевский шел твердо к намеченной цели, то и Герцен, несмотря на временные ошибки и колебания, никогда не изменял революционной клятве юности и так вел свой журнал, что имел основание сказать весной 1859 г. (по свидетельству В. Панаева), что «Колокол» «является органом протеста против существующих порядков, т. е. носит в себе характер разрушительный»².

Следовательно, допустимо предположить, что при личной встрече Герцена и Чернышевского обсуждались вопросы всесторонней подготовки массовой крестьянской революции — собирание революционных сил, их проверка и привлечение к активному протесту. Конечно, должен был стоять вопрос и об обличительстве «Колокола», как одном из средств революционного вовлечения и воспитания масс. Это подтверждается и словами самого Чернышевского: «Я нападал на Герцена, — говорил он Стахевичу, — за чисто обличительный характер «Колокола». Если бы, говорю ему, наше правительство было чуточку поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения: эти обличения дают ему возможность держать своих агентов... в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, а не в агентах»³. Допуская полную точность передачи Стахевичем слов Чернышевского во всей резкости их формулировки, надо с большой осторожностью отнестись к оценке их содержания.

Исходя только из цитированного фрагмента, можно было бы прийти к выводу, что Чернышевский видит во всем «Колоколе» лишь либеральные тенденции, а в его обличениях — лишь выступления, способные вызвать благодарность царского правительства. Неправильность такого вывода вскрывается другими фактами, характеризующими отношение Чернышевского к Герцену в то время.

Факты эти с достаточной полнотой приведены в полемических статьях 1954 г.⁴ и не оставляют сомнения в том, что Чернышевский вполне понимал революционную направленность Вольной русской типографии Герцена и, стремясь к усилению влияния его агитации в России, резко оспаривал какую бы то ни было возможность отклонения от революционного

¹ Известно, что Чернышевский пробыл в Лондоне с 26 по 30 июня 1859 г.

² «Литературное наследство», т. 41-42, стр. 603.

³ Н. Г. Чернышевский. Сборник статей, документов и воспоминаний, 1928, стр. 103.

⁴ Статья М. В. Нечкиной в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка», 1954, № 1; статья А. Дементьева в «Литературной газете» от 3 апреля 1954 г.; статья М. В. Нечкиной в «Литературной газете» от 20 мая 1954 г.

демократизма. Что касается обличительства в герценовских изданиях, то в этой области Чернышевский требовал большей силы и четкости в борьбе со всем социально-политическим строем России¹.

Положительные результаты этой личной встречи Чернышевского и Герцена в настоящее время достаточно доказательно раскрыты в упомянутых работах: возникшее по поводу статьи Герцена «Very dangerous» «недоразумение» (как его называет Чернышевский²) было, повидимому, разъяснено, и Герцен в одном из ближайших после отъезда Чернышевского номеров «Колокола» публикует статью в свое оправдание³. А непосредственно вслед за ней в том же № 49 «Колокола» печатается извещение о начале издания листов «Под суд!». Следовательно, необходимость нового издания возникла перед редакторами «Колокола» одновременно с подготовкой ответа «Современнику».

Едва ли такое совпадение случайно. Наоборот, мы имеем полное основание предположить, учтя указанные факты, что Герцен и Огарев, признав справедливым мнение руководителей «Современника» о бессилии подцензурного обличительства в России, решают в своем свободном от цензуры издательстве углубить эту форму революционной агитации и собирания сил для подготовки массового движения.

Сохраняя также и соответствующий раздел «Колокола», издатели могли новыми листами «Под суд!» значительно расширить круг лиц, захваченных делом разоблачения, вовлечь их в совместное обсуждение затронутых фактов, «открыть лобное место для частных лиц и частных дел», обострить их критику и тем самым усилить общественный протест.

Как же выполнялся намеченный план? Самое количество выпущенных номеров нового издания показывает, что редакторы не намного отошли от своих предположений — выпускать листы, «смотря по количеству материала... раз в месяц или в два месяца»⁴: в течение основного времени издания листов — с осени 1859 г. по осень 1860 г. было выпущено 10 номеров.

К этому времени в «Колоколе» уже закончилась широкая дискуссия по основным принципам реформы и шло обсуждение ряда конкретных вопросов, связанных с проектом «Положения», еще не утвержденного официально. Но то волнение в ожидании объявления реформы и та горячая реакция на общественный подъем в России и крестьянское движение, последовавшее в ответ на реформу, которые характерны для изданий Герцена в 1861—1862 гг., не проявлялись еще так рельефно в рассматриваемое время. Однако растущая напряженность русской общественной жизни попрежнему приковывает их думы к систематической подготовке революционной борьбы, к собиранию для нее сил на родине. Это убедительно подтверждается недавно опубликованными бумагами Огарева

¹ В аналогичном анализе лондонского спора Герцена и Чернышевского мы имеем ценное указание М. В. Нечкиной: «В важном политическом споре, который произошел между Чернышевским и Герценом,— пишет она,— вырывались самые резкие и по существу несправедливые квалификации... Можем ли мы строить свою аргументацию только на образных сравнениях, которые вырываются во время острого политического спора?...; если они отнюдь не исчерпывают вопроса об отношении Чернышевского к Герцену, если им противостоят другие суждения Чернышевского о Герцене; то ясно, что надо разбираться во всей совокупности данных, взять вопрос в целом» (М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861) — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1954, № 1, стр. 52—53).

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 731.

³ «Колокол», № 49, от 1 августа 1859 г.

⁴ А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем, т. X, стр. 61.

из «Пражского архива»¹. В это-то время и издается почти ежемесячно наибольшее количество листов «Под суд!». Значит, и недостатка в материале для них не было, и редакторы считали своевременным усилить эту сторону деятельности Вольной русской типографии.

Что же составляет содержание листов «Под суд!»? Самое заглавие внешне как бы ограничивает их содержание вопросами, требующими официального судебного разбирательства. Но уже с первых страниц видно, что редакторы хотя и ссылаются не раз на статьи Свода законов Российской империи, но ссылаются для того, чтобы подчеркнуть их вопиющие нарушения или показать их антинародный характер, а публикуемые дела отдают «под суд» общественного мнения.

По форме материала — здесь на первом месте стоят публикации документов: тексты административных донесений, протоколы судебных следствий, постановления официальных учреждений (провинциальных и центральных), письма должностных и частных лиц, выписки статей из Свода законов. В некоторых случаях очень громоздкий текст документов заменяется их изложением редакцией и часто заканчивается редакционным примечанием. При этом надо заметить, что во всем издании постоянно встречается прием, доказавший свою эффективность в «Колоколе»: отдельным замечанием, примечанием в сноске, пояснением в скобках и подчеркиванием курсивом от редакции — выделить нужную мысль. Для нас этот прием редакции ценен тем, что, просматривая его по всему изданию, можно получить ясную картину общей направленности листов «Под суд!», основной задачи редакторов.

Тематика листов довольно разнообразна и, что бросается в глаза, — широка топографически: кроме нескольких «дел», связанных с Петербургом или Москвой, большая часть публикаций идет с периферии (без повторных публикаций, служащих продолжением ранее напечатанных дел, было опубликовано: из Петербурга — 5; из Москвы — 2, из провинции — 17 публикаций).

Конечно, главная тема изданий Вольной русской типографии — положение крестьянства в царской России — и здесь не обойдена. В нескольких номерах протоколы следствий и другие документы раскрывают не только притеснения крестьян помещиками и начальством, но и прямое издевательство над народом со стороны власть имущих и буквально их уголовные дела. Например, «дело», озаглавленное Герценом: «Честный иерей Чулков», передает факты о священнике Чулкове, который, владея небольшим имением в Шлиссельбургском уезде Петербургской губ., «каждый день менял свои пастырские жезлы, успевая к вечеру изломать их на спинах крестьян, и ежедневной барщиной довел их до крайнего разорения». Исключительное по жестокости наказание, которому он подверг беглого крестьянина², случайно получило такую огласку, что начальство вынуждено было начать следствие. Но собрание предводителей и депутатов дворянства Петербургской губ. нашло, что «хотя Чулков истязал одного крестьянина, из этого нельзя заключить, что он обращается жестоко со всеми. Посему дело прекратить». Однако для поддержания престижа власти генерал-губернатору пришлось назначить второе следствие, и тогда выяснилось, что Чулков «пахал землю, запрягая мужиков в соху». Только после этого «добрый пастырь» был отдан под суд. Эта публика-

¹ «Литературное наследство», т. 61, стр. 493—502.

² После 300 ударов розог крестьянин был прикован на два месяца к стене в ошейнике с гвоздями.

ция завершается краткой, но весьма выразительной припиской от редакции курсивом: «Благословите, батюшка».

В другом случае целый номер отведен «Делу плантатора Жадовского в Оренбургской губ.»¹. Здесь в полном тексте докладной записки старшего чиновника особых поручений Попова оренбургскому и самарскому генерал-губернатору подробно излагаются факты невероятной эксплуатации помещиком Жадовским его крепостных, переброшенных им из разных губерний в новое имение; хозяйство тут организовано так, что при громадных доходах помещика крестьяне буквально умирают с голода, лишены не только своего хозяйства, но и необходимого жилья и даже одежды. И когда Жадовский начал еще их по своему произволу ссылат в Сибирь, разделяя семьи, и сдавать в рекруты, эти доведенные до нечеловеческого существования люди подали жалобу и добились назначения следствия.

Но какой же результат могло иметь следствие? Редакция печатает «дело» без комментариев, но дает ему достаточно поясняющее заключение: непосредственно вслед за докладной запиской Попова, которую автор ее заканчивает — в полном противоречии с обнаруженными им злодеяниями помещика — пожеланием ему, помещику, «от всего сердца возможного оправдания»², напечатан его же, Попова, «секретный рапорт» тому же генерал-губернатору; в нем указывается, что «записка» эта должна быть рассмотрена «его сиятельством», как *частная* (курсив Попова), а «собственно для судебного места, в рассмотрение коего должно поступить производимое следствие», ему, Попову, поручено «начальником Оренбургской губ. составить другую»³.

Для читателя становится более чем ясен итог «дела», по которому помещик, тайный советник Жадовский, будет, конечно, оправдан; ему ясен и классовый характер всего бюрократического аппарата, искажающего и замалчивающего вопиющие факты в интересах всемогущего дворянства.

Отмечен в листах «Под суд!» детальным разбором и факт большого социально-политического значения — массовое крестьянское движение против откупов, захватившее в те годы ряд центральных губерний. Приведенные тут материалы показывают не только жестокости подавления движения, но и дикость административных порядков на местах и гниль центрального правительства⁴. Красноречиво в этом отношении само заглавие, которое дает редакция публикации в листе № 5 от 1 апреля 1860 г.: «Правительствующий откуп и состоящая при нем императорская власть». Более широкую оценку этому делу дают редакторы, упоминая о нем в номере «Колокола» от того же числа: «в этой службе правительства кабакам выразилась вся безнравственность петербургского периода, отсутствие всех юридических понятий и человеческих чувств... Замечательно, что в истории, напечатанной в 5-м листе «Под суд!», все незаконно, начиная с беззаконной откупной системы».

Заканчивается статья многозначительной характеристикой царствования Александра II: «При Николае драли, ссылали, пытали, но все было покрыто молчанием рабства, молчанием повиновения; а это царствование дерет... со спичами. Гласность, прогресс!»⁵.

К этому вопросу — о полной непригодности различных сторон прави-

¹ «Под суд!», № 4, стр. 33—44.

² Там же, стр. 44.

³ Там же.

⁴ «Под суд!», № 7 — «Дело Лихачева», стр. 65—68; № 8 — «Покровительство саратовского начальства откупным проделкам», стр. 73—76; № 12 — «Откупное дело в Шуге», стр. 101—102.

⁵ «Колокол», № 67, от 1 апреля 1860 г., стр. 566.

тельствующего аппарата и прогрессирующего вырождения дворянства, волю которого он творит, направляется внимание читателя почти в каждом номере «Под суд!». Иногда это дается в приписке от редакции, как пояснение причины публикации, например: «Мы печатаем эту умную и дельную ревизию¹, так как правительство запретило ее печатать, потому что в управлении Царскосельской железной дороги, т. е. в воровстве замешаны в а ж н ы е с а н о в н и к и». Иногда сочувственное замечание редакции придает особую значимость словам корреспондента. Так, в иностранной корреспонденции «Еще о стрелке Кочубее»² редакция поддерживает следующее заключение автора: «Оттого и нельзя обвинить наши суды: как добросовестны ни будь они, все усилия их не поведут ни к чему, ибо всегда под сенью самодержавного правительства найдутся средства послать к чорту всякий законный приговор и заменить его шемякиным судом, коль скоро это нужно кому-нибудь из сильных... А незаконно действующему министру Панину опасаться нечего, так как он с государем заодно!». Иногда мысль редактора понятна из одного сравнения, например, в деле о неправильном отказе в судебном иске министр финансов Александра II Княжевич назван Неккером³. А в деле «Мертвое тело» (из № 13) факты, приведенные в подробностях, до того бессмысленны (в отношении административных порядков, распоряжений, традиций), что, не будь приведено в подтверждение развития событий точных документов с именами и датами, вся история (слухи о «мертвом теле», его отыскивание и его исчезновение) могла бы сойти за авторский вымысел остроумного сатирика⁴.

Часто во многих публикациях общая установка издания — раскрывать вопрос в «частных делах» и в «частных лицах» — приводит к показу самого хода разбирательства дела в уездных и губернских учреждениях, к показу деятельности самых мелких винтиков их аппарата. Они, эти «мелкотравчатые» (по выражению «Письма из Сибири»)⁵, занимают наряду с угнетенным крестьянством центральное место во многих публикациях листов «Под суд!».

Номер первый открывает «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова». «Мы помещаем здесь,— заявляют редакторы,— все документы по этому делу, со всеми обычными ответами генерал-губернатора и подлым (да, подлым) предложением министра юстиции». Дав таким заглавием и оценкой установку читателю к пониманию последующего изложения, редакция дальше лишь усиливает акцент курсивом. Яркая картина социальных противоречий раскрывается здесь в безграничном самодурстве высших столичных администраторов, покровительствуемых самим царем, и в полной беззащитности от них всего непривилегированного населения Петербурга, начиная от временного 3-й гильдии купца и портного цеха мастера Малкова, осмелившегося в качестве гласного и члена Распорядительной думы защищать интересы петербургских извозчиков. Особенно здесь подчеркнута гнетущая неприкосновенность сословных границ таким примечанием редакции: «Очевидно, Игнатьев употребляет название: «р е м е с л е н н и к» (по отно-

¹ Подробный отчет (с цифрами и именами) правления акционерного общества Царскосельской ж. д. — «Под суд!», № 2, стр. 22.

² В дополнение известных разоблачений «Колокола» (в № 7 и № 60), которые вызвали в свое время переполох среди высшей российской администрации, («Под суд!», № 6, стр. 59).

³ «Под суд!», № 11, стр. 93.

⁴ «Под суд!», № 13.

⁵ «Под суд!», № 2, стр. 16.

шению к купцу и цеховому мастеру Малкову) ради пренебрежения, весь проникнутый аристократическим достоинством имени гр. Игнатьева»¹. Заканчивается публикация указанием всей незаконности действий генерал-губернатора, министра и прочих под эгидой царя и выражением полной поддержки и сочувствия Малкову, боровшемуся за свое достоинство, несмотря на аресты и убытки.

Дальше в листах мы встречаем интересные данные о положении крепостных рабочих людей и мастеров в Москве, на фабрике Мертваго и в ряде Оренбургских заводов. Конкретные факты этих дел обнаруживаются в расследованиях, произведенных после многократных ходатайств, жалоб и волнений притесняемых. Ценой невероятных страданий (но и известной настойчивостью) добиваются крепостные рабочие некоторого облегчения своей участи². И велик же страх душевладельцев! При малейшем волнении масс они бросаются то к начальству, то в суд, вызывают полицию, войска, привлекают представителей дворянства, грозят вниз и жалуются вверх по социальной лестнице.

В этом отношении интересны приложения к делу — письма владельца Юрюзань-Ивановского чугуноплавильного завода в Уфимском уезде («в 30 верстах от Саткинского казенного завода») генерал-адъютанта Сухозанета оренбургскому губернатору и местному исправнику, письма приказчика на заводе Абаимова и ответ владельца. Приказчик просит своего тестя — конторщика в Петербурге у Сухозанета «приложить всевозможные попечения, чтобы его высокопревосходительство освободил меня от этого греховного места... Я боюсь, — поясняет Абаимов, — как бы вместо подкладки огня под угольные сарай, не подложили огня в людей, которых необузданность опаснее всего. Зажигатели же все около меня, и прошлогондяя искра не погасла...». В грозном ответе Сухозанет требует, чтобы Абаимов и не помышлял оставить должность, но удвоил бы старания. «Зажиги были, — кончает генерал письмо, — не от мужиков, а от твоей братии грамотея».

Одновременно Сухозанет обращается к местному исправнику с просьбой «безотлагательно съездить на завод, наставить глупого трусишку (т. е. Абаимова)». «Вразумите высочайшую волю, чтобы вся и все оставалось в совершенном повиновении и спокойно ожидали решения... Впрочем, — спешит он указать, — юрюзанцев надобно держать в руках: этот народ в старину соединялся с Пугачевым и потом был общий бунт в Юрюзани довольно серьезный». А в *post-scriptum* генерал просит: «Доложите губернатору, что я знаю Юрюзань хорошо... и достоверно знаю, что там много людей с замашками пугачевскими, и потому во всяком случае советую тушить искру прежде, чем она разгорится»³.

Здесь и без редакционных комментариев понятно, как в 1858 г. влиятельный крепостник в Петербурге трепещет при воспоминании о движении Пугачева, боясь пробуждения активности масс.

Чувство протеста охватывает не только крепостных. Об этом свидетельствуют другие документы листов «Под суд!», где рассказывается то о «скромных безвестных заседателях окружного суда», которые осмеливались признать неправильным следствие, проведенное по указке губернатора⁴, то о молодых учителях провинциальной гимназии, заставивших губернатора изменить решение, пригрозив ему печатной гласностью⁵.

¹ «Под суд!», № 1, стр. 2.

² «Под суд!», № 3, стр. 25.

³ Там же, стр. 29.

⁴ «Под суд!», № 2, стр. 16.

⁵ Там же.

С большими подробностями излагается в № 5 деятельность чиновника Тамбовской палаты государственных имуществ Кидошенкова, не побоявшегося выступить против целой комиссии в защиту государственных крестьян и «городского сословия», неправильно обвиненных в грабеже при волнениях по поводу винных откупов. Своим заявлением генерал-адъютанту Толстому, присланному по «высочайшему повелению» в Тамбов для усмирения, Кидошенков частично остановил жестокое наказание целой группы арестованных, указывая на права мещан, бессрочно и временно отпускных нижних чинов, имеющих шевроны и знаки отличия, не быть подвергаемым телесным наказаниям без суда¹. В «Колоколе», где упоминается про этот «Набег немецких татар в Тамбовской губ.», Герцен пишет, что «окружной Кидошенков, один исполнивший долг, кажется каким-то римским героем в звериной пещере»².

Наряду с такими положительными примерами протеста, в листах «Под суд!» приводятся и примеры того, как мелких чиновников, если они остаются терпеливыми и безропотными, постоянно грабят и разоряют крупные.

Такова в основном тематика листов «Под суд!». Сопоставляя их содержание с другими изданиями Герцена, ясно видишь их специфику. Как приложение к «Колоколу», они органически связаны с текстом самого журнала, где почти на все дела, публикуемые в листах «Под суд!», имеются указания. Но если в «Колоколе» это — краткие обличительные заметки с обобщающим выводом, часто в форме иронического заглавия или вопроса с припиской «правда ли?», то в листах «Под суд!» это — документальное обоснование затронутого в журнале дела. Обличения же, поднятые «Колоколом», приобретали от раскрытых в листах «Под суд!» подробностей разящую силу большой доказательности и революционизирующего воздействия. А это и составляло, повидимому, к осени 1859 г. одну из очередных задач Вольной русской типографии.

Другую особенность листов «Под суд!» мы видим в появлении нового адресата изданий Герцена — «забитых, маленьких людей» города. Здесь самый материал, «вырываемый из канцелярских вертепов»³, давал возможность поднять сознание и активность этих социальных групп путем разъяснения их бесправия, а главное — путем показа положительных примеров протеста и попыток борьбы. Ведь только лицам, стоящим близко к канцелярской волоките, самым практически связанным с различными административными и другими официальными учреждениями или испытывавшим на себе их непосредственное давление, могли быть понятны и нужны детали протокольных изложений, самый ход следствия, с указанием статей законов и параграфов распоряжений, которыми полны листы «Под суд!». Путь к этим людям редакторы «Колокола» могли уже в то время обрести через основные, сложившиеся в 1859—1860 гг. кадры своих постоянных читателей-корреспондентов. Являясь самыми усердными распространителями изданий Герцена, эти активные их читатели получали в листах «Под суд!» нужную помощь и необходимый материал, чтобы проникнуть с доходчивой агитацией в среду «безгласных и приниженных», как называл эти социальные группы города Н. А. Некрасов⁴. Как известно, такой же прием использования приложения к «Колоколу» применяли его редакторы и позднее, в 1862—1864 гг., когда изданием при журнале приложения «Общее вече» они также давали своим читателям

¹ «Под суд!», № 5, стр. 53.

² «Колокол», № 67, от 1 апреля 1860 г.

³ «Колокол», № 23/24, от 15 сентября 1858 г.

⁴ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X, М., 1952, стр. 291—292.

в России необходимый агитационный материал, организуя их деятельность среди широких масс поднимавшегося на борьбу крестьянства.

В Россию листы «Под суд!» отправлялись вместе с номерами «Колокола», и поскольку к 1859—1860 гг. уже сложились основные пути и способы доставки герценовских изданий, то и это приложение легко доходило до читателей. Отклики на публикации листков «Под суд!»¹ не раз печатались в «Колоколе»; помещались они и в следующих за первой публикацией листах «Под суд!»².

Откликались из России, и, повидимому, не в малом количестве, и эти мелкие сошки городской жизни, которых не забывали листы «Под суд!». Таких «дел», которые им были близки и которые и могли выйти за стены учреждений именно лишь через руки писцов и других мелких служащих, у Герцена собиралось достаточно. Недаром в № 64 «Колокола» рассказывается, как добивался генерал Сиверс открыть корреспондентов Герцена среди писарей Военного министерства³. А в № 77/78 «Колокола» Герцен должен был сообщить в заметке «От издателей» в ответ на получение материала по различным злоупотреблениям: «...у нас еще есть 5—6 записок по делам чисто гражданским. Общего интереса в них нет. Мы, вообще, отказываемся печатать спорные гражданские дела, когда в них нет каких-нибудь чудовищных нелепостей и беззаконий»⁴. Следовательно, при выборе нужного для основной цели издания материала приходилось немало отбрасывать; зато уж отобранные «дела» били прямо в цель.

Общеизвестно, что Герцен и Огарев главную движущую силу революции видели в крестьянстве. Город воспринимался ими лишь как средоточие администрации и торговли; они не видели основы социальных отношений будущего, складывавшейся в городских и промышленных центрах. Но, рассчитывая исключительно на крестьянство и в то же время ясно представляя себе его темноту, разобщенность, забитость и почти полную невозможность влиять на него непосредственно, Герцен и Огарев ставили своей постоянной задачей вовлекать в общий революционный протест те оппозиционные и демократические слои в России, до которых могли дойти издания Вольной русской типографии, видя в них будущих организаторов массовой крестьянской революции.

Приведенный анализ листов «Под суд!» дает возможность полнее видеть, как эта деятельность Вольной русской типографии развивается в период революционной ситуации 1859—1861 гг. Усиливая революционное обличительство, издания ее сильнее дискредитируют весь строй царской России, подрывают его авторитет. А захватывая своим организующим влиянием придавленные политическим гнетом группы городского населения, они пробуждают к протесту новые демократические слои и, что особенно важно для этого периода, расшатывают самый государственный аппарат, разлагая мелкие его винтики.

Издание листов «Под суд!» с их специфическим содержанием показывает, что городское население не было забыто в революционных планах Герцена и Огарева этого периода.

Подтверждается этот факт и новыми материалами «Пражского архива». В т. 61 «Литературного наследия», в документе, опубликованном

¹ «Под суд!», № 2 — «Колокол», № 60, от 1 января 1860 г.; «Под суд!», № 1 — «Колокол», № 64, от 1 марта 1860 г.; «Под суд!», № 2 — «Колокол», № 67, от 1 апреля 1860 г., и № 74, от 15 июня 1860 г.

² «Под суд!», №№ 2, 3, 6 и 7.

³ «Колокол», № 64, от 1 марта 1860 г.

⁴ «Колокол», № 77/78, от 1 августа 1860 г.

под заглавием. «Идеалы» и датированном публикатором именно 1859 годом, где Огарев излагает организационную сторону будущего революционного общества в России, он говорит о необходимости иметь разветвленную связь членов общества с отдельными пунктами страны. При этом Огарев указывает: «Чем далее от центра к периферии, тем более члены должны переходить в бессознательных агентов, употребляемых для отдельных целей... Агенты общества должны быть: а) служащие, б) пишущие и с) народные...»¹.

Ту же мысль встречаем и несколько позднее (в 1862 г.): в другом документе, опубликованном под условным заглавием «Заграничные общества», Огарев, касаясь также устройства революционного общества и его деятельности, отмечает значение ярмарок, крупных и мелких, и «приречных торговых городов» для вовлечения в организованное движение крестьянских масс, так как «народ всюду группируется по ярмаркам, подразделенным на бесконечное число базаров, которые для него составляют место стачки, митингов, вечей»².

Эти, хотя и конспективно изложенные, пункты проектов, так же как и содержание листов «Под суд!», показывают, что и городу, его непри-вилегированному населению руководители русского зарубежного революционного центра отводили известную роль в деле подготовки массовой крестьянской революции в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в.

---

¹ «Литературное наследство», т. 61, стр. 498.

² Там же, стр. 505—506.

С. Я. ШТРАЙХ

А. И. ГЕРЦЕН и В. О. КОВАЛЕВСКИЙ

Несколько писем из поступившего в Академию наук СССР и переданного в Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР «пражского собрания» документов А. И. Герцена дают возможность разъяснить драматический эпизод в истории русского революционного движения 60-х годов XIX в. Эпизод этот занимает также видное место в истории русской науки. Он тесно связан с личной судьбой одного из замечательных представителей науки, создателя материалистической палеонтологии Владимира Онуфриевича Ковалевского. Тяжело повлиял он на личную жизнь другого выдающегося деятеля науки, русской женщины-математика Софьи Васильевны Ковалевской. В значительной степени отразился этот эпизод на жизни старшего представителя семьи Ковалевских, знаменитого русского биолога, создателя материалистической эмбриологии Александра Онуфриевича Ковалевского. Наконец, разбираемый эпизод в некотором отношении связан с личной биографией еще одного великого русского ученого, Ильи Ильича Мечникова¹.

В этой связи рассмотрены в настоящем сообщении обнаруженные в упомянутом выше собрании письмо А. И. Герцена к В. О. Ковалевскому, письма В. О. Ковалевского к А. И. Герцену и его письмо к М. А. Бакунину и другие документы².

Письма Ковалевского и Герцена за 1863 и 1866 гг. сохранялись в семейном архиве Герцена особенно тщательно. О них раньше не знали биографы Герцена и Ковалевского. В предлагаемом сообщении эти вновь обнаруженные материалы использованы вместе с неопубликованной семейной перепиской Ковалевских и некоторыми документами центральных государственных архивов, не бывшими еще в поле зрения исследователей.

Теперь окончательно установлено, что распространявшиеся в общественно-революционных кругах 60—80-х годов XIX в. гнусные сплетни о причастности В. О. Ковалевского к шпионской деятельности царской жандармерии (III отделения) не имели никакого основания.

До конца рассеяны также бытовавшие в 60—70-х годах слухи о том, что А. И. Герцен якобы разделял сомнения в политической честности человека, который долгое время был близок к нему лично и к его семье,

¹ См. Л. Ш. Давиташвили. В. О. Ковалевский, изд. 2-е, М.—Л., 1951; С. Я. Штрайх. Семья Ковалевских, М., 1948; С. Я. Штрайх. С. Ковалевская, в серии «Жизнь замечательных людей», М., 1935. Ср. Сочинения А. О., В. О. и С. В. Ковалевских со статьями Л. Ш. Давиташвили, Л. К. Габуния, А. Д. Некрасова, Н. М. Артемова и П. Я. Кочиной, изд. АН СССР в 1948—1951 гг.

² «Литературное наследство», т. 62, М., 1955.

был свидетелем его встреч и разговоров с представителями революционной русской демократии, с деятелями подпольных революционных организаций. Хотя письма Ковалевского, до крайности взволнованного и не владевшего собой под влиянием гнусных, клеветнических измышлений, содержат в себе ряд совершенно несправедливых обвинений по адресу Герцена, последний немедленно, после первого же его письма ответил ему. Из сдержанного, явно благожелательного, благородного письма Герцена видно, что он, несмотря на резкость тона В. О. Ковалевского, старался успокоить его, заявляя, что совершенно не верит грязным слухам, а только хочет, чтобы вскрыты были их первоисточник и было объяснено происхождение гнусной клеветы. В 1869 г. Герцен в письме к Огареву также выразил сожаление по поводу травли, которой подвергался Ковалевский в начале 60-х годов¹. А 20 октября 1872 г. Н. А. Огарева писала старшей дочери Герцена — Наталии Александровне: «Вчера он (Ковалевский. — С. Ш.) был здесь внезапно, проездом из Англии в Берлин, много расспрашивал обо всех и особенно об тебе, очень жалел об размолвке с Герценом. Я его хорошо приняла, потому что помню, как Герцен жалел поспешность тех, которые вооружили его против Ковалевского, а доказать ничего не могли. Очевидно, это была ошибка»².

Наряду с разоблачением клеветы эти документы дополняют наши сведения о взаимоотношениях двух выдающихся деятелей русской культуры, талантливейших представителей русской интеллигенции XIX в. — великого писателя-революционера и замечательного ученого.

Владимир Онуфриевич Ковалевский родился в 1842 г. в семье небогатого дворянина Витебской губ. Родители хотели, чтобы он был юристом, администратором, и определили его в тогдашний рассадник крупных царских чиновников — Училище правоведения. Но Владимира Ковалевского интересовали естественные науки. Еще в конце 50-х годов он принимал близкое участие в кружке натуралистов, группировавшихся вокруг его старшего брата Александра (род. в 1840 г.), где наряду с другими важнейшими произведениями биологической науки много занимались «Письмами об изучении природы» А. И. Герцена.

Окончив 29 мая 1861 г. курс Училища правоведения по первому разряду, В. О. Ковалевский был определен на службу в Правительствующий сенат по департаменту герольдии. Присмотревшись к чиновничьей службе, он через три недели после зачисления в Сенат получил, по своей просьбе, четырехмесячный отпуск за границу для лечения.

Прибыв осенью в Лондон, Ковалевский явился к Герцену, на которого произвел хорошее впечатление. Он близко сошелся с В. И. Кельсиевым, учителем младшей дочери Герцена — Ольги³. Собираясь уехать из Лондона, Кельсиев предложил Александру Ивановичу поручить Ковалевскому занятия с Ольгой. В качестве ее учителя Владимир Онуфриевич стал одним из близких людей в доме Герцена — Орсет-гаузе.

За неявкой из отпуска Владимир Онуфриевич был уволен с 7(19) марта 1862 г. от службы в Сенате и остался в Лондоне. Он знал о сношениях А. И. Герцена и Н. П. Огарева с приезжавшими в Лондон русскими, не только с легальными поклонниками издателя «Колокола», но и с различными представителями революционно-демократической об-

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, Пгр., 1923, стр. 490.

² «Литературное наследство», т. 62, стр. 271.

³ Ольга Герцен (1850—1951?) в 1873 г. вышла замуж за французского историка Моно. Вас. Ив. Кельсиев (1835—1872) проездом через Лондон в 1859 г. стал добровольным эмигрантом. Участвовал в «вольных» изданиях Герцена. В 1862 г. уехал в Константинополь. В 1867 г. сдался царским властям. В Петропавловской крепости написал «Исповедь» («Литературное наследство», т. 41-42, М., 1941).

щественности. В списке посетителей Герцена, представленном Кельсиевым по требованию Следственной комиссии после его покаянного возвращения в Россию, значится и Владимир Онуфриевич. Назван он в списке — в данном случае и в дальнейшем изложении — Ковальским. Это сделано Кельсиевым умышленно, чтобы не выдать Ковалевского. Но III отделение знало, что В. О. Ковалевский бывал у Герцена в Лондоне: в сообщениях какого-то жандармского шпиона за 1862 г. в числе посетителей Герцена назван несколько раз Ковалевский. Один раз даже указано точнее: «Ковалевский (кажется, праввед)»¹.

Рассказывая в «Исповеди» о споре П. А. Мартыанова² с раскольным епископом Поликарпом, приехавшим в Лондон для свидания с Герценом и Огаревым и жившим у Кельсиева, последний пишет: «Мартыанов бледнел, кусал губы, становился язвитель и не мог простить мне и одному весьма юному правведу, присутствовавшему при этой сцене... Праввед же... не мог воздержаться, чтобы не подтрунивать над бедняком, не понимая по своей юности его страшной внутренней драмы... Такие сцены повторялись не раз... Я, признаться, прятал (Поликарпа.— С. III.)... не мог утаить его от... помянутого выше восемнадцатилетнего правведа Ковальского, изучавшего английское право... Я краснел (за пошлые разговоры Бакунина с раскольным епископом.— С. III.), Поликарп хлопал глазами, маленький Ковальский посмеивался в кулак, прячась за книгой... Небольшая квартира его (Бакунина.— С. III.) уже полным была полна гостей: тут был и Мартыанов, и Ковальский... Разговор шел о политике, о народе, о революции, о монархии и о республике...; спорили, горячились, проводили с задору самые крайние мнения»³.

Имеется несколько сообщений самого Герцена о близости его с Ковалевским в 1862 г.: в письме от 1 июня 1862 г. к Н. А. Огаревой и в октябрьском письме того же года к В. Т. Кельсиевой⁴.

О близости Владимира Онуфриевича в 1862 г. к революционерам знало тогда же III отделение. На допросе по делу Ветошниковова — о лицах, обвинявшихся «в сношениях с лондонскими пропагандистами» — Герценом и Огаревым — об этом заявил Н. В. Альбертини⁵.

Наступил 1863 год. Развернулось польское национально-освободительное движение. «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши,— писал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена»,— когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»⁶.

Не в такой степени, как Герцен, но с большим риском для себя лично участвовал в спасении чести русской демократии В. О. Ковалевский⁷.

Положительно и точно свидетельствуют об участии В. О. Ковалевского в революционном движении его письма к Герцену.

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, Пгр., 1920, стр. 380 и сл.; ср. стр. 586.

² П. А. Мартыанов (1835—1865), бывший крепостной, в августе 1861 г. прибыл в Лондон. Вернувшись на родину, он был арестован и в 1863 г. осужден на каторгу, где умер.

³ «Литературное наследство», т. 41-42, стр. 303—305.

⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 194 и 532.

⁵ М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «60-х годов», изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 176.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.

⁷ М. В. Нечкина. Общественная и литературная деятельность С. В. Ковалевской — сб. «Памяти С. В. Ковалевской», М.—Л., 1951, стр. 74 и сл.

«Попавши опять на некоторое время за границу после пятимесячного житья в Петербурге,— писал Владимир Онуфриевич 22 октября 1863 г.¹,— мне пришлось написать к Вам несколько слов, именно основываясь на том, что Вы несколько знаете меня. Приехал я в Варшаву и Краков всего дней на 10 и после опять уеду домой в Петербург. Приезд же мой сюда вызван кой-какими делами и желанием увидеть моего приятеля Якоби², о котором и вместе с которым я уже писал Вам еще в апреле³.

Присутствие его здесь оказалось в высшей степени полезным, да и вообще все самые дельные люди в восстании оказались из русских офицеров. Он счастливо участвовал в нескольких драках, получил было предложение сделаться военным распорядителем при Центр[альном] комитете, но отказался и, наконец, был у Тачановского; под Крушиной 30 августа их разбили, и он с 12 другими был отрезан гродненскими гусарами в числе 60 человек; под ним убита лошадь и сам он пробит тремя ударами пики, так что остался на поле[...] гусар измял[...] его лошадью[...] и выстрелил из пистолета в голову; пуля вошла в щеку, пробила мясистую часть челюсти, наружный слуховой проход, ударилась за ухом в кость, отбила от нее осколки и вышла наружу[...]»⁴.

Однако крестьяне через несколько времени после ухода отряда подобрали живых, свели в лазарет, откуда он перешел в другой и, наконец, его перевезли в Краков, куда я, узнавши об этом, и приехал сейчас. Раны его едва ли позволят ему скоро опять идти в отряд, но так как Национал[ное] правительство обратило сильное внимание на него..., то решено, что он поедет осматривать и заказывать оружие и с другими поручениями в Вену, Париж, Лондон и Бельгию; так как в Лондоне он останется всего несколько дней, а ему бы хотелось видеть Вас одного и без всяких собраний воскресных⁵, то он просил известить Вас, и я надеюсь, что вы примете его наедине; моя рекомендация, конечно, тут ни причем и превращается в простое извещение...

Ему поручено формирование, обучение, переход и стратегическая комбинация выходящих из Галиции сил; дела пропасть, и я, живя вместе с ним, как-то поражен даже всем business like⁶ видом этого устройства; совершенный департамент Военного министерства, только участниками его не генеральство, а наши братья.

Главный недостаток здесь не в *chair à saup*⁷, его довольно, а в людях, которые сумели бы хорошенько повести отряд... Мне случалось и провожать ночью отряды до границы, и встречать разбитые, и всегда прямо виноваты предводители.

¹ «Литературное наследство», т. 62, стр. 260 и сл.

² Пав. Ив. Якоби (1840—1910) был дружен с обоими братьями Ковалевскими, переписывался с ними. В письмах В. О. Ковалевского к брату упоминается о недопониманиях между ним и Якоби. Возникли они на почве взаимоотношений Вл. Он. с женой Якоби — сестрой известного критика — В. А. Зайцевой, которая в начале 1860-х годов хотела посредством фиктивного брака с Ковалевским освободиться от тяжелого гнета своего отца. Все это в значительной степени отразилось потом на отношении эмигрантской среды к В. О. Ковалевскому (С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма, стр. 520; С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские, М., 1934, стр. 79; его же. Семья Ковалевских, 1948, стр. 50 и сл.)

³ Апрельское письмо Ковалевского к Герцену пока не найдено.

⁴ Ср. О. К. Буланова-Трубникова. Три поколения, 1928, стр. 139.

⁵ Имеются в виду воскресные приемы у Герцена в Лондоне; на этих приемах бывало много людей, не причастных к революционному движению.

⁶ Деловым, практичным.

⁷ В пушечном мясе.

Из последних №№ «Колокола» можно заключить о впечатлении, произведенном на Вас тем, что делается в продажном и подлом образе жизни и в кругу¹ русском, но видеть все это на деле, жить между недоброжелателями, видеть Ваших прежних друзей и ездивших к Вам еще очень недавно, посылающих денежки с патриотических обедов, — одновременно Каткову и Муравьеву, — это право чего-нибудь да стоит и способно привести человека и в свирепость, и в отчаяние².

Я сам живу кое-как, работаю как вол, занимаюсь в Медицинской академии и через год отправляюсь опять за границу, чтобы, поработавши в каком-нибудь университете, держать экзамен на доктора медицины; одним словом, совершенно изменяю свои занятия.

А в крепости у нас сидят да сидят, а двух сыльных — Гена и Михая — выслали по ложному доносу губернат[ора] Арсеньева из Петрозаводска — первого в Царевосанчурск — Вятской, а другого в Тару Тобольской губернии³.

Вообще не очень утешительно; цензура свирепствует, III-е отделение еще хуже, литература предлагает свои услуги тому министерству, которое заплатит подороже; все благомыслящие люди молятся на Каткова; все молодое поперло в чиновники; даже та несчастная адвокатская деятельность, которая представляется теперь, совершенно отбрасывается молодежью в сторону; всякий хочет захватить казенное местечко при новом порядке.

Что делают Ваши, как здоровье и живописные успехи Натальи Александровны; что делает моя дорогая ученица Ольга; мой низкий искренний поклон и рукожатие Николаю Платоновичу и Наталье Алексеевне⁴.

Вам искренне преданный В. Ковалевский⁵.

Вернувшись осенью 1863 г. в Россию, Ковалевский развил большую переводческую и издательскую деятельность. Он переводил и издавал главным образом книги по различным отделам естественных наук, расширяя и углубляя при этом свои собственные знания. Выбирал он преимущественно сочинения, в которых проводились идеи эволюционного развития органического мира. За короткий срок он издал свыше 50 выдающихся произведений научной литературы, в том числе книги Дарвина, Гексли, Ляйеля, Тиндаля, Бильбота, Брэма.

Среди изданий В. О. Ковалевского имеются также книги по истории, философии и другим наукам. Из них самым интересным в соответствии с темой настоящего сообщения является роман А. И. Герцена «Кто виноват?». Книга была издана в начале 1866 г. Не только сочинения, но самое имя Герцена были тогда в России под строжайшим запретом, а пропаганда их считалась тяжким «государственным преступлением». Из дальнейшего изложения видно, что Ковалевский сознательно шел на это «преступление».

В конце декабря 1864 г. и в начале января 1865 г. состоялся в Женеве съезд русских революционных эмигрантов для согласования их деятель-

¹ Под «образованным кругом» Ковалевский имеет в виду либералов, противников демократического движения.

² Об адресах — см. в «Колоколе», № 167 и сл. — А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, Пгр., 1920, стр. 394 и сл.

³ «В крепости сидят» — участники студенческого движения 1861 г. К. А. Ген (1840—?), один из руксводителей движения. Арестован 25 сентября 1861 г., выслан под надзор полиции в Петрозаводск (у Ковалевского — описка: Петрозаводств). Е. П. Михаялис (1841—1913) — главный руководитель студенческого движения. В 1863 г. выслан в Тару. А. О. Ковалевский содействовал ему в его сибирских научных работах.

⁴ У Ковалевского — описка: он имеет в виду жену Н. П. Огарева и ошибочно называет ее Надеждой Алексидровной.

ности с деятельностью А. И. Герцена. Перед отъездом в Женеву на совещание Герцен виделся с В. О. Ковалевским¹. На съезде присутствовало 15 человек, среди них несколько близких знакомых Владимира Онуфриевича, участвовавших в русском революционном движении. Именно они и выступали против Герцена.

В. О. Ковалевский участвовал в съезде, «повидимому, в качестве представителя петербургских революционных кружков, с которыми был связан»². Позиция его на съезде осталась невыясненной, но, судя по отзыву Герцена, хотя и благожелательному, Владимир Онуфриевич придерживался взглядов группы Утина — Серно-Соловьевича, а может быть, и выступал совместно с ними. Сообщая Н. П. Огареву о результатах своих переговоров с «молодой эмиграцией», Герцен писал 4 января 1865 г.: «Мне с ними ужасно скучно, — все так узко, ясно, лично и ни одного интереса, ни научного, ни на самом деле политического; никто ничему не учится, ничего не читает. У[тин] хуже других по безграничному самолюбию... Ков[алевский] гораздо лучше других»³.

Итак, в январе 1865 г. Герцен расстался с Ковалевским без недружелюбия, во всяком случае, без досады по отношению к нему. Ковалевский попрежнему почитал Герцена и доказал это на деле. В конце 1865 г. была отпечатана в Петербурге без предварительной цензуры и 21 декабря представлена в цензурный комитет для разрешения на выпуск в свет книга с таким титульным листом: «Кто виноват? Роман в двух частях... Санкт-Петербург, Издание В. Ковалевского. 1866». Роман был отпечатан в типографии Ф. С. Сущинского. Последний был близок к участникам польского национально-освободительного движения, был приятелем В. О. Ковалевского, печатал в своей типографии большинство его изданий в кредит.

После отсылки романа «Кто виноват?» в цензурный комитет В. О. Ковалевский сообщил о своей затее А. И. Герцену. Письмо это по своему содержанию датируется концом декабря 1865 г.

«Вас очень удивит, — писал Владимир Онуфриевич⁴, — и даже быть может более, чем удивит, мое бесцеремонное обращение с Вашей литературной собственностью, когда Вы узнаете вдруг из газет, что я издал Ваш роман и собираюсь издать еще мелкие статьи, но прошу не сердиться за это и быть уверенным, что я был побужден к этому в Ваших же интересах... В настоящее время все уже напечатано, и через два дня или будет остановлено, или появится в продаже. В последнем случае я буду ждать Вашего ответа, который прошу написать от имени и рукою Натальи Александровны»⁵.

Распорядитесь изданием, как Вам угодно, назначьте или плату по листно, или за все издание (оно напечатано в числе 3000 экз.), или, наконец, сочтите его своим собственным, и в этом случае, оплативши издержки по печатанию, я буду вести строгую отчетность и высылать все вырученные деньги Вам, вообще поступите, как вздумаете и как сочтете удобнее для себя, только не имейте претензий на меня и не думайте, что я хотел пользоваться Вашим положением.

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII, Пгр., 1922, стр. 428; т. XVIII, Пгр., 1920, стр. 5.

² Б. П. Козьмин. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» — «Литературное наследство», т. 41-42, стр. 22.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, стр. 6 и 8. Н. И. Утин (1845—1883), участник петербургского студенческого движения 1860-х годов. Подлежал аресту, скрылся за границу. Осужден заочно к расстрелу. В 1877 г. подал прошение о помиловании, в 1880 г. вернулся в Россию.

⁴ «Литературное наследство», т. 62, стр. 263 и сл.

⁵ Наталья Александровна — старшая дочь А. И. Герцена (1844—1936).

Второе обращение, или просьба, это относительно Фогта, который, как я слышал, злобен на меня...».

В. О. Ковалевский издал две книги Карла Фогта: «Зоологические очерки» (1864) и «Популярная геология» (1865), уплатив ему обусловленную сумму за право издания. В начале 1865 г. Владимир Онуфриевич заключил с Фогтом соглашение на издание различных произведений этого популярного тогда автора работ в духе эволюционного дарвинизма. Гонорар был установлен в 12 тыс. франков. Фогт получил задаток в 1000 франков. Но осуществить это издание Ковалевский не сумел по не зависевшим от него обстоятельствам. Фогт знал о тяжелом материальном положении Ковалевского, но умел хорошо вести свои денежные дела, умел извлекать прибыль из пропаганды эволюционного дарвинизма. В письме к Владимиру Онуфриевичу, относящемся к более позднему времени, но поясняющем соответственное место письма Ковалевского к Герцену, Фогт заявил, что не считает «себя обязанным вернуть» полученный аванс.

Опуская подробности, характеризующие популярного в 60—70-х годах зоолога как опытного и умелого торговца идеями. Карл Маркс убедительно охарактеризовал эту сторону деятельности Фогта¹. Приведу лишь из упомянутого неизданного письма Фогта его заявление, относящееся к самому началу научно-исследовательской деятельности В. О. Ковалевского: «Весьма благодарен Вам за присылку ваших ценных произведений, которые доставили мне совершенно исключительное удовольствие, так как они принадлежат к немногим палеонтологическим работам, написанным об ископаемых в соответственном духе... Я думаю в недалеком будущем, в ряде статей «О дарвинизме», которые начал печатать во «Франкфуртской газете», вернуться к вашим работам, которые я считаю самым значительным обогащением палеонтологии за последнее время»².

«Ценные произведения» Ковалевского — это его классические работы, положившие основание новой, эволюционной палеонтологии. Дарвин в своих трудах заявлял, что работы В. О. Ковалевского являются наилучшим обоснованием эволюционной теории³.

Сообщив Герцену о своих взаимоотношениях с Фогтом, Владимир Онуфриевич объясняет⁴: «Я так подробно и длинно излагаю все это Вам потому, чтобы оправдаться перед Фогтом, да чтобы и Вас облегчить от неприятного чувства, точно Вы приводили к нему зимою какого-то мазурика, который обманул его...».

Кланяюсь и крепко жму руку Наталье Алексеевне и моей милой ученице Ольге, а Вас крепко и крепко целую и обнимаю. Весною, может быть, это удастся сделать на самом деле и обнять Вас *de facto*; верьте, что я все тот же преданный и искренний Ваш приятель и поклонник».

Ковалевский далее переходит к тому главному, что заставило его «подробно и длинно» распространяться о «зlobe» Фогта. Ведь он понимал, что эта «зlobа» усиливает позицию клеветников. «У Вас там,— пишет он Герцену,— как в котле, кипят самые нечистые сплетни; я слышу, что и меня примешивают к ним; не сомневайтесь ни на минуту, что все это грязь и ложь; мне было бы больнее всего, если бы Вы усумнились во мне.

¹ К. Маркс. Господин Карл Фогт — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 247—248.

² Письмо от 19 февраля 1874 г. (собрание бумаг семьи Ковалевских в Архиве АН СССР).

³ Подробно о взаимоотношениях Дарвина с В. О. Ковалевским см. в моих книгах «Сестры Корвин-Круковские» (1933 и 1934 гг.), «Семья Ковалевских» (1948 г.) и в книгах Л. Ш. Давиташвили (особенно изд. 1951 г.).

⁴ «Литературное наследство», т. 62, стр. 263 и сл.

Что делает Лиза, помнит ли меня, как здоровье Нат. Ал. и супруга ее, крепкое рукопожатие им всем и M-lle Meysenbug»¹.

До этого письма о «толках и сплетнях» по поводу отношения В. О. Ковалевского к участникам революционного движения и к самому этому движению было известно только в связи с историей жандармского террора после покушения Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II. Теперь выясняется, что «толки и сплетни» распространялись задолго до апрельских событий 1866 г. Их полное разоблачение и указание на виновника их распространения находим в сентябрьских письмах В. О. Ковалевского 1866 г., приводимых дальше в соответствии с хронологическим порядком событий, излагаемых в настоящем сообщении. Здесь же подчеркну, что царские жандармы также задолго до события 4 апреля 1866 г. считали В. О. Ковалевского неблагонадежным в политическом отношении.

Вернемся к осуществленному В. О. Ковалевским изданию романа А. И. Герцена «Кто виноват?». Одновременно с декабрьским письмом 1865 г. к Герцену Ковалевский сообщал Фогту для передачи А. И. Герцену, что, подготавливая издание романа «Кто виноват?», он опасался конфискации книги и поэтому не посмел выпустить большой тираж; «напечатал только 2200 экземпляров и, вычтя всякого рода издержки», должен автору 600 руб., которые будет высылать ему «по мере распродажи книги»².

Вместе с тем В. О. Ковалевский принял меры к скорейшему распространению книги. В номере авторитетного критико-библиографического журнала «Книжный вестник», помеченном 30 декабря 1865 г., появилась заметка о романе «Кто виноват?». В ней указано, что книга издана красиво, крайне дешево и добавлено: «Желательно бы было, чтобы г. Ковалевский собрал и издал отдельной книжкой и другие повести и рассказы того же автора, рассеянные по старым журналам». Затем перечисляются «Сорока-воровка», «Письма об изучении природы» и другие произведения А. И. Герцена.

Появилась также с одобрительным отзывом статья А. К. Шеллера (Михайлова) о романе «Кто виноват?» в декабрьской книге журнала «Русское слово» за 1865 г.³

Сообщением Ковалевского о предполагаемом издании других произведений А. И. Герцена последний поделился с сыном (письма от 10 и 15 февраля 1866 г.). А в письме к сыну от 2 марта 1866 г. Герцен сообщал, несомненно, на основании недошедших до нас писем Владимира Онуфриевича: «Теперь он издает «Сороку-воров[ку]», «Крупова» и пр. — и пишет, что будет мне посылать по 600 руб. сер. (1000 фр.) за волюм. Вот до каких чудес мы дожили».

Этих произведений Герцена Ковалевский не мог издать. Выпущенный им роман «Кто виноват?» вызвал сильный переполох, и цензору была «поставлена на вид» его неосмотрительность. Дело кончилось сравнительно благополучно для цензора, издателя и самого романа только потому, что книга была распродана раньше, чем на нее обращено было внимание высшей власти⁴.

¹ Лиза — дочь А. И. Герцена (1858—1875). Наталья Алексеевна — жена Н. П. Огарева. M-lle Мейсенбург, Мальвида (1816—1903) — воспитательница старших дочерей А. И. Герцена после смерти его жены Натальи Александровны.

² «Литературное наследство», т. 62, стр. 272.

³ Статья помещена в сб. «А. И. Герцен в русской критике», вступит. статья и примеч. В. Путинцева, изд. 2-е, М., 1953, стр. 159 и сл., 316.

⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 98; Л. Ш. Давиташвили. Указ. соч., стр. 22 и сл.

Гонорар Герцену не был выплачен. Сам Ковалевский от издания его романа никакой прибыли не получил, как не получал ее вообще от своих изданий. Владимир Онуфриевич выпускал книги не ради торговой прибыли, а для пропаганды материалистических и социальных идей. Книгопродавцы часто не платили ему за взятые у него на склад издания. Вследствие этого он и сам едва перебивался в буквальном смысле слова с хлеба на квас и сотрудникам своего издательства всегда был должен. Такое отношение к делу вызывало сильное недовольство ученых и литераторов, работавших для изданий В. О. Ковалевского. Сообщая брату в письме от 23 декабря 1868 г. обширный список изданных им книг, Владимир Онуфриевич добавлял: «Но дела все так плохи, что я решительно постоянно нуждаюсь в самых мелких суммах. Головкинскому (профессору, переводившему «Геологию» Ляйеля.— С. Ш.) выслать не мог»¹.

Необходимо еще иметь в виду вторую попытку В. О. Ковалевского издать роман «Кто виноват?». Выхав в 1869 г. за границу для научных занятий, он оставил свои издательские и книгопродавецкие дела на попечение В. Я. Евдокимова, компаньона А. А. Черкесова и заведующего его книжным магазином². В 1870 г. Ковалевский поручил Евдокимову снова издать роман «Кто виноват?». Книга была отпечатана в типографии Сушчинского в количестве 3 тыс. экземпляров без предварительной цензуры и представлена в петербургский цензурный комитет 19 марта 1871 г. на выпуск в свет. На основании «высочайшего» повеления от 18 февраля 1871 г. как раз незадолго до этого был уничтожен весь тираж отпечатанных тогда «Писем об изучении природы». Цензурный комитет предложил также арестовать роман «государственного преступника» Герцена «Кто виноват?».

В. О. Ковалевский боролся с цензурным ведомством, требовал выпуска книги в свет, грозил иском за убытки. Книга лежала на складе больше четырех лет, пока, наконец, в 1875 г. министр внутренних дел приказал уничтожить весь тираж книги³.

Издатель вынужден был платить крупную сумму за свою попытку дать русскому читателю произведение великого русского писателя. Еще в декабре 1874 г. В. О. Ковалевский сообщал брату: «Кроме долга Печаткину (за бумагу.— С. Ш.), мне необходимо уплатить 300 за «Кто виноват?»... Все, что я могу заработать, уйдет сюда; просто за голову берешься, когда серьезно посмотришь на свое положение»⁴.

И все-таки, несмотря на преследование царской администрацией сочинений Герцена, Владимир Онуфриевич демонстративно включал роман «Кто виноват?» в списки своих изданий, помещавшиеся на обложках выпускаемых им книг.

Приведу еще из неопубликованных архивных дел небольшую справку об отношении царской полиции и жандармерии к В. О. Ковалевскому в

¹ Ср. письма от 4 декабря 1869 г., за февраль 1870 г., от 25 октября 1871 г., от 2 мая 1872 г. и др. (в сб. «Научное наследство», т. I, М.—Л., 1948). См. также: И. М. Сеченов. Автобиографические записки, М.—Л., 1945, под ред. Х. С. Коштоянца, стр. 120 и сл.; Д. И. Писарев. Письма к Марко-Вовчку — сб. «Шестидесятые годы», Л., 1940, стр. 157 и сл.; Н. Ф. Бельчиков. Рублевое общество (Эпизод из истории революционного движения 60-х годов) — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 10, стр. 953; Л. Ш. Давиташвили. Указ. соч., стр. 425 и сл.

² Евдокимов В. Я., отставной офицер инженерных войск, участник революционного движения 60—70-х годов. Арестован по делу С. Г. Нечаева в 1869 г.; от суда освобожден за недоказанностью улик.

³ Н. Ковалев. Герцен и царская цензура — «Красный архив», 1940, т. I (98), стр. 249 и сл.; ср. А. И. Герцен. Поли. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 308.

⁴ Собрание бумаг семьи Ковалевских в Архиве АН СССР.

рассматриваемый период. 14 декабря 1865 г. он подал в Главное управление по делам печати «прошение» о разрешении ему издавать в 1866 г. ежемесячный журнал «Летописец» объемом от 15 до 30 печатных листов. В журнале предполагалось завести отделы литературы, искусства, естествознания и критики, а также внутреннее и политическое обозрения. При этом Ковалевский заявил, что он будет также «ответственным издателем и редактором» журнала. На запрос Главного управления печати III отделение ответило в начале февраля 1866 г., что В. О. Ковалевский «человек с большими способностями, но образ жизни в политическом отношении не совсем благонадежен». Владимиру Онуфриевичу сообщили, что «разрешения на его ходатайство не последовало»¹.

Хотя Ковалевский об этом не заявлял, но жандармы и цензура знали, что «Летописец» должен заменить закрытую правительством за «вредное направление» двухнедельную «Народную летопись», которая уделяла большое внимание рабочему вопросу². Вокруг этой газеты группировались виднейшие публицисты, близкие к революционным демократам 60-х годов. Участвовал в ней и Ковалевский.

4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозов стрелял в Александра II, после чего Россия была охвачена жандармским террором. В связи с этим в «Колоколе» была напечатана корреспонденция «Из Петербурга», где сообщалось: «Аресты самые безобразные, самые беспричинные продолжаются». В перечне арестованных значится и Ковалевский³. Вскоре выяснилось, что это — ошибка.

«Эмигрантщина и склока неразрывны», — писал В. И. Ленин 11 апреля 1910 г. А. М. Горькому⁴. Не лучше обстояло в этом отношении дело в эмигрантской среде в 60-е годы XIX в. Друзья и недруги распространяли толки о подозрительном участии В. О. Ковалевского при арестах лиц, так или иначе прикосновенных к революционному движению. Сплетни эти докатились до Герцена. Александр Иванович был убежден в невинности Ковалевского, и все эти толки были ему неприятны. Несмотря на это, в эмигрантской среде распространялись лживые слухи о том, что Герцен якобы считает поведение Ковалевского подозрительным в политическом отношении. К. А. Тимирязев, бывший за границей в конце 60-х и начале 70-х годов, интересовался источником этих грязных слухов. С. И. Ламанский⁵, приятель В. О. Ковалевского, сообщил Клименту Аркадьевичу, что один из реакционных участников русской гейдельбергской колонии «по злобе на Вл. Он. Ковалевского пустил гнусную сплетню, будто бы он вертелся около Герцена в качестве шпиона»⁶.

Сплетня была передана в Петербург. Измученный, доведенный клеветой до отчаяния, Ковалевский отправился за границу, чтобы найти первоисточник гнусных сплетен и доказать их лживость. Но раньше он решил присоединиться к отряду Гарибальди, возглавлявшего национально-освободительную борьбу итальянского народа. Гарибальди принял его приветливо. Владимир Онуфриевич пробыл две недели в передовых отрядах освободительной армии и послал в газету «Петербургские ведомости»

¹ ЦГИА, ф. 109, 1 эксп., 1865 г., д. 15, ч. 25 — О журнале «Летописец».

² Б. П. Козьмин. Газета «Народная летопись» (1865 г.) — сб. «От девятнадцатого февраля к первому марта», М., 1933, стр. 92 и сл.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVIII, стр. 409.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 369.

⁵ Серг. Ив. Ламанский (1841—1901), участник студенческого движения 1861 г.; в письмах к брату В. О. Ковалевский в конце 1860-х и начале 1870-х годов сообщал, что Ламанский участвовал в распространении сплетен (семейный архив Ковалевских).

⁶ К. А. Тимирязев. Наука и демократия — Соч., т. IX, М., 1939, стр. 85 и сл.

шесть больших корреспонденций о всем виденном. Они напечатаны в июльских номерах 1866 г.

Все эти статьи Ковалевского выявляют его симпатии к гарибальдийским волонтерам, к демократическому принципу освободительной борьбы. Он порицает в своих корреспонденциях непатриотические действия монархического правительства Италии, ставившего помехи народным добровольцам, которых оно боялось больше, чем врагов своей страны.

Ковалевский ежедневно рисковал жизнью — он как будто искал смерти. Побывав в рядах борцов за свободу Италии, Ковалевский поехал в Женеву и в середине сентября виделся с А. И. Герценом. Вернувшись после этого свидания на квартиру, он набросал два больших, очень резких письма к А. И. Герцену и М. А. Бакунину (датированы 14 сентября). Резкости Ковалевского объясняются, конечно, его страшно возбужденным состоянием, вызванным обрушившимся на него клеветническим обвинением.

«Александр Иванович! — писал В. О. Ковалевский. — Веря на слово всему, что Вы говорили мне при личном объяснении, я хотел еще раз зайти и поговорить с Вами, но Ваш вчерашний разговор с [А. А.] Серно-Сол[овьевичем], переданный им мне, не позволяет мне сделать этого. Я прежде всего замечу, что Вы не должны приписывать этому письму оправдательного или очистительного характера, нет — оно чисто обвинительное [...], я Вам был достаточно известен в течение пяти лет и горжусь тем, что если и имел с кем-либо политические дела, то никто из имевших со мной дело никогда не был арестован по моей вине и неосторожности. Сопоставьте с нынешними обвинениями то, что я знал в подлинности все Михайловское и Шелгуновское дело ¹, что я знал провозивших прокламации, из которых никто не был арестован, что я знал Якубовича ² и его первый проэкт, а после и второй, что я отдал и последние деньги и паспорт, чтобы выручить из Лондона Трубецкого ³, где он погибал, что я знал и видел приезд известного вам раскольника к Кельсиеву, что я собирал и дал сам Кельсиеву все имевшиеся у меня деньги и знал цель его поездки ⁴, сопоставьте все это с тем, что никто из этих лиц не арестован, и всякому разумному человеку ответ ясен. Вспомните, что я никогда не касался, бегал гнусной... партии, ничтожной, самолюбивой, сплетничавшей, представлявшей в своей деятельности прообраз того, что мы видим в эмиграции, после окончания спектакля, — вот чему я обязан своим спасением, я никогда не водился с ослами... Оправдываться я не стану, оно и невозможно, и оскорбительно... разрыв с Вами казался мне всегда делом очень тяжелым и горьким, могущим совершиться только после долгой внутренней борьбы, и который должен был бы оставить сильные следы на моей нравственной личности...

Если Вы хорошенько обдумаете все это, если Вы поставите себя хотя для примера в шкуру человека, которого Вы предположите неправильно обвиненным, то, конечно, Вы поймете, что Вам надо сделать, а если уже заявлять требование по человеческому праву, то я требую, чтобы Вы в письме ко мне, где вы заявляете о том, что не верите этой гнусной

¹ Дело М. И. Михайлова и Н. В. Шелгунова — о прокламации «К молодому поколению».

² Кто этот Якубович и в чем заключается его история, — не удалось выяснить.

³ Кн. Трубецкой Н. П., бывший гвардейский офицер, близкий к придворным кругам; в 1860—1861 гг. был наборщиком в лондонской типографии Герцена (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, Пг., 1919, стр. 355 и сл.; ср. «Литературное наследство», т. 41-42, стр. 609).

⁴ Речь идет о нелегальной поездке В. И. Кельсиева из Лондона в Россию весной 1862 г. с революционными целями.

сплетне, сообщили бы все имена говоривших, и я, переходя от лица к лицу с Вашим письмом, добьюсь, наконец, до того, [кто] был первым виновником этой гадости.

Р. S. Я требую, даже если Вы не сочтете нужным исполнить мою просьбу о письме, передать от меня мое искреннее прощание и рукожатие Наталье Александровне и моей прежней ученице Ольге.

Мой адрес пока в Берн, *poste rest[ante]*, а после — в Бреславль на имя Ламанского».

На этот вопль взволнованной души Ковалевского и отвечал Герцен своим сдержанным, явно благожелательным к Владимиру Онуфриевичу письмом, которое привожу здесь по копии, хранящейся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции¹.

«16-го сент. 1866. Женева.

Письмо ваше я получил. Жалею, что вы употребили² такой тон, после которого всякая переписка становится невозможной. Я бы, разумеется, не отвечал, если бы не был замешан интерес выше личностей.

Я никогда, никому не говорил, что я верю или верил в справедливость обвинения. Но, слыша с двух-трех сторон, — счел необходимым сказать вам прямо. Неужели честнее было бы умолчать в глаза и слушать за глаза? Я думаю, что я вам оказал услугу. Сер[но]-Сол[овьевич] мне сказал, что вас кто-то обвинял у Ламанского. Мне говорили о Неаполе — не лучше ли разом окончить эти слухи.

Вас удивил мой отзыв о близости — не знаю, что и как вам сказал Сер[но]-Сол[овьевич], но мне кажется, что вы неправы — или просто мало знаете меня. Я за исключением двух, трех лиц — ни с кем не близок, хотя выдаюсь со многими часто и многих знаю десять лет.

Так я не считал себя особенно близким с вами — так и не считаю себя близким с самим Сер[но]-Солов[ьевичем], которого и ценю и уважаю.

Если же вы желаете другого — а именно, чтобы я сказал, что в продолжение нашего знакомства мне не приходило мысли вас подозревать, — я это скажу охотно и искренно. Первые нехорошие слухи — и то не о политических, а о финансовых делах — о вас я слышал в Женеве от людей, я думаю, больше вашего круга, чем моего.

Бакунину я писал в пятницу — вероятно, дней через десять получу ответ и сообщу Сер[но]-Сол[овьевичу]³.

Затем я без фраз желаю, чтобы вы рассеяли все эти слухи и очень жалею, что явился случайно на их дороге.

А. Герцен.

Пакеты передал и передам».

14-м сентября 1866 г. датировано также вновь найденное письмо В. О. Ковалевского к М. А. Бакунину. В этом письме уже встречается некоторое, не вполне определенное, указание на первоисточник клеветы, распространявшейся о Ковалевском. Сообщив Бакунину, что он «вчера только» приехал в Женеву, которая встретила его «так, что, ей богу, волосы дыбом встают и голос спирается в горле», Ковалевский пишет о встрече с Герценом, который сказал, что получил из Неаполя известие, будто Утин передает какие-то обвинения против Владимира Онуфриевича. Затем Герцен сказал, что он и находившийся тут же «горбатый Бакст»

¹ ЦГАОР, ф. 5770, оп. I, д. 87. Подлинное письмо Герцена не сохранилось в «пражской коллекции». Нет его также в собрании бумаг семьи Ковалевских, хранящемся в Архиве АН СССР.

² В архивном документе: «употребите».

³ Письмо Герцена к Бакунину от 14 сентября («в пятницу») не обнаружено. Ответ Бакунина, от 22 сентября — см. дальше в тексте.

(Вл. Игн.) получили известие, что Ковалевский — «шпион». Наконец, Серно-Соловьевич ходил «сегодня утром к Герцену», с которым Ковалевский «расстался вчера, повидимому, дружно и который уверял меня, что он не верит ничему и что дом его всегда открыт мне, и этот же Герцен говорил Соловьевичу, что слухи о моем шпионстве ходили громко в Неаполе, что... это было известно всем».

«И до чего эти сплетни гнусны и нелепы, — продолжает Ковалевский. — Я просто теряюсь, когда подумаю, что достаточно одной сплетни, пущенной каким-нибудь скотом, чтобы заставить подозревать человека, которого знают целые годы. И знаете, какое одно из главных обвинений: зачем я не арестован, когда арестованы так многие». Владимир Онуфриевич ссылается на постоянное хорошее отношение Бакунина к нему и просит помочь в опровержении клеветы.

Тогда же и Герцен писал Бакунину, прося сообщить, что он знает о слухах про Ковалевского. В своем ответе Герцену от 22 сентября Бакунин писал: «О том, что будто В. Ковалевский корреспондент III отделения, я услышал впервые от Утина и вот по какому случаю. Услышав, что Утин (Николай) ¹ отзывается таким образом о нем в доме Оболенских ², я, имевший дотоле доброе мнение о Ковалевском, потребовал Утина к ответу. Утин мне отвечал, что он обвинял его, не зная его, на основании положительных фактов, переданных ему многими друзьями; факты: общее мнение в Петербурге — разрыв с невестой ³, разрыв с передовыми кружками, настоятельность, с которой Ковалевский требовал списки имен людей, подписавшихся в пользу сосланных ⁴, наконец, его постоянное и удивительное счастье при аресте большей части его знакомых и приятелей, — факты, как ты сам говоришь, положительно еще ничего не доказывающие...». Друзей, от которых он все это слышал, Утин не хотел называть, но заявил, «что с тех пор, как он лично познакомился с Ковалевским, он сам усомнился в справедливости обвинения». «Важнее было для меня, — продолжает Бакунин, — показание М-ва — натуралиста, которого я от души уважаю, как человека умного, серьезного и добросовестного. Он сам лично также ничего не знал положительного против Ковалевского, но слышал многое от разных людей в Швейцарии и в Германии, особенно же в первой и именно в обществе, окружающем Якоби... Впрочем, ты можешь узнать все подробности, касающиеся до М-ва, из письма, написанного им недавно к брату, вследствие воинственной телеграммы Ковалевского ко мне, в которой, не знаю с какой стати, он грозит М-ву неумолимым гонением».

Натуралист М-в — знаменитый биолог И. И. Мечников, его брат — известный географ и революционер Лев Ильич. Текст «воинственной телеграммы» В. О. Ковалевского неизвестен, но самая «воинственность» Владимира Онуфриевича по отношению к И. И. Мечникову скоро испарилась. Оба они объяснились при первой встрече и снова стали друзьями. Это видно из переписки братьев А. О. и В. О. Ковалевских между собою

¹ Имя Утина названо (в круглых скобках) у Драгоманова («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 167).

² Оболенские — Зоя Сергеевна (1828 — ?) и ее семья. Дочь ген.-адъютанта гр. Сумарокова, жена сенатора кн. А. В. Оболенского, она в середине 1860-х годов разошлась с мужем, жила за границей и была близка к революционным эмигрантам.

³ В начале 1860-х годов В. О. Ковалевский был женихом участницы революционного движения М. П. Михаэлис. Их брак не состоялся по не вполне выясненным основаниям. Однако добрые отношения между ними сохранялись всю их последующую жизнь.

⁴ В. О. Ковалевский собирал среди своих знакомых деньги для помощи арестованным участникам польского восстания и предлагал им содействие в устройстве побегов (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, М., 1934, стр. 384 и сл.).

и с Мечниковым. 9(21) декабря 1867 г. И. И. Мечников писал А. О. Ковалевскому из Одессы, что по приезде в Петербург он «непременно» пойдет к Владимиру Онуфриевичу: «во-первых, потому что просто весьма «желает» его видеть, а также и для того, чтобы продолжать заглаживать свою ошибку». «Неужели Вы можете думать,— пишет И. И. Мечников,— что у меня в голове сидит еще какая-нибудь чушь?»¹.

Письмо Герцена от 16 сентября 1866 г. Ковалевский, как видно, получил в Бреславле — у С. И. Ламанского. Из Бреславля Владимир Онуфриевич послал А. И. Герцену новое письмо — от 2 октября 1866 г. Здесь Ковалевский уже прямо и определенно называет первым распространителем клеветнических слухов Николая Бакста.

В истории революционного движения известны имена двух братьев Бакстов: Владимира Игнатьевича (1835—1874?) и Осипа (1837—1895). Оба они имели в Петербурге в начале 1860-х годов типографии, переводили и издавали книги одновременно с Ковалевским, имели связи с революционным обществом 60-х годов «Земля и воля». В. И. Бакст жил с 1863 г. за границей, был близок к Герцену по его пропагандистским и типографским делам.

В. О. Ковалевский встречался с обоими Бакстами, но нигде в его переписке нет упоминания о каких-либо недоразумениях между ними. Наоборот, до 1865 г. у Владимира Онуфриевича были дружественные отношения с Бакстами, возможно, даже со всеми тремя².

У Владимира и Осипа Бакстов был третий брат, самый младший из них — Николай. Его-то Ковалевский называет, в приводимом ниже письме к Герцену от 2 октября 1866 г., первым распространителем клеветы. Николай Бакст (1843—1904) был ученым физиологом. В биографических справочниках нет даже намека на причастность его к революционному движению; нет указания и на знакомство его с Герценом. Не упоминается он в обширнейшей переписке В. О. Ковалевского с братом. Их имена не встречаются рядом и в других обследованных мною источниках. Но в 1862—1865 гг. Н. И. Бакст проживал за границей, где подготовлялся к научной деятельности. Конечно, он встречался со своим братом Владимиром и с теми участниками революционного движения, к которым был близок В. О. Ковалевский. В этой среде он и мог распространять грязные сплетни.

«Александр Иванович! — читаем мы в письме Ковалевского к Герцену от 2 октября 1866 г. — Полагая, что последняя фраза Вашего письма о желании Вашем рассеять эти н е с л у х и, но систематически распространяемые клеветы искренно, я решился написать Вам еще из Бреславля от Ламанского, у которого остановился на несколько дней, надеясь здесь найти какую-нибудь нить и, конечно, опять оказалось, что эти слухи (есть вероятность) идут от о д н о г о лица, искусно пустившего их с разных сторон через разных лиц...

Теперь я должен предупредить Вас, что один из самых отчаяннейших и бессовестнейших врагов моих есть Николай Бакст, и не без причины; я был невольным поводом, по которому двое лиц (известных даже Вам) доказали ему *preuves en main*³, что он мерзавец и человек нечестный в

¹ Письмо — в собрании бумаг семьи Ковалевских в Архиве АН СССР; там же — связанные с этой историей письма В. О. Ковалевского к брату от 25 мая 1873 г. и 7 апреля 1874 г.

² Ср. П. Д. Боборыкин. За полвека. Ред. и примеч. Б. П. Козьмина, М., 1929, стр. 170. См. там же (стр. 281 и 355) о неосновательном обыске, произведенном у Ковалевского за границей эмигрантами во главе с Н. Утиным.

³ С уликами налицо.

самом простом значении этого слова. Как я, так и эти два лица всегда молчали об этом, я думал, что и Н. Бакст позабудет меня; случилось иначе: он только удвоил рвение...

Вот в чем я счел необходимым предупредить Вас, относительно же других мест Вашего письма я могу только сказать, что если я и говорил о короткости между нами, то совсем не разумел дружбы; разница наших возрастов на целых 30 лет делает ее невозможной; я только подразумевал, что Вы знали меня достаточно коротко, чтобы и защитить меня от подобного обвинения и дать мне в руки средство найти обвинителей...

Вы очень обиделись тоном моего письма, это мне странно, не можете же Вы думать, чтобы человек, надеявшийся на Вас как на короткого знакомого и нашедший в Вас сомневающегося при первом грязном слухе, не сляпавший две ночи под неожиданностью и мерзостью обвинения и пишущий письмо в одну из бессонных ночей, стал бы говорить особенно вежливо.

Я пишу лично Вам и потому просил бы Вас не показывать моих писем. В. Ковалевский».

Неприятное чувство от изложенной здесь истории осталось у Герцена надолго. Так, например, 30 июля 1867 г. он писал Н. П. Огареву из Ниццы, что ему очень неприятно было встретиться там с Ковалевским. «Ковал[евский] здесь и никуда не показывается,— сообщал Герцен 8 августа 1867 г. Огареву.— На мой вопрос: «зачем он здесь?», он отвечал: «По делам». В Ницце — дела...»¹

Сообщая в неизданном письме к брату Александру Онуфриевичу от 24 июня (6 июля) 1867 г. из Петербурга о своем тяжелом материальном положении в связи с издательскими делами, Владимир Онуфриевич добавил: «Жеребцов приехал из Москвы и так насел на меня, что я согласился ехать на месяц за границу и уеду около 2 или 3 июля»².

Здесь, может быть, и заключается ответ на вопрос Герцена, зачем В. О. Ковалевский приехал в Ниццу. Можно с уверенностью предположить, что Жеребцов «насел» на Владимира Онуфриевича в связи с каким-то революционным поручением.

Почти два года после встречи в Ницце Герцен и Ковалевский не виделись и не упоминали друг друга в переписке. Выше отмечено было, что Герцен перед кончиной сожалел о своей размолвке с Ковалевским, скорбел о травле, которой подвергался Владимир Онуфриевич.

Сношения В. О. Ковалевского с семьей Герцена после смерти Александра Ивановича продолжались. Они были многочисленны, разнообразны и очень дружественны. Это видно из писем сестры жены Ковалевского, Анны Васильевны Жаклар, участницы Парижской Коммуны, к Владимиру Онуфриевичу за 1872 г., из его писем к брату и других материалов семейного архива³.

Весною 1874 г. В. О. Ковалевский заканчивал свои научные исследования в западноевропейских музеях и собирался на родину. Он надеялся заняться в России научно-преподавательской деятельностью, но брат писал 8(20) марта Владимиру Онуфриевичу, что в списках Министерства народного просвещения он числится «неблагонадежным, которых допущение в преподаватели средних учебных заведений воспрещено»⁴.

Осенью 1874 г. В. О. Ковалевский вернулся в Россию и возобновил издательскую деятельность. В начале 1876 г. замыслил открыть книжный

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XIX, Пг., 1922, стр. 409 и сл., 423, 427.

² Собрание бумаг семьи Ковалевских в Архиве АН СССР.

³ Ср. С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма. 1951 (по указателю).

⁴ Собрание бумаг семьи Ковалевских в Архиве АН СССР.

магазин. 19 февраля он писал об этом брату: «Мы почти решили соединиться вшестером: я, Суворин, Лихачев, Некрасов, Корш и Щедрин, внесем по 5 тысяч. т. е. 30 тысяч, и заведем новый магазин под какой-нибудь фирмой, «Деятельность» что ли, а циркуляры подпишем всеми нашими именами»¹.

Столичные власти вели с III отделением по этому вопросу переписку, в результате которой открыть магазин было разрешено только Суворину. Жандармы продолжали интересоваться В. О. Ковалевским с точки зрения выявления его политически-революционных связей. Эмигранты же продолжали распространять клевету о его мнимых связях с III отделением и довели его до самоубийства (в апреле 1883 г.).

Последний удар с этой стороны, доведший В. О. Ковалевского до трагической кончины, был нанесен ему известным критиком В. А. Зайцевым, братом В. А. Зайцевой-Якоби, который в № 20 женевского журнала «Общее дело» (февраль 1879 г.) напечатал статью «Нечто о шпионах», содержащую клеветнические измышления о Ковалевском².

---

¹ Собрание бумаг семьи Ковалевских в Архиве АН СССР.

² Ср. С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские, изд. 1934 г., стр. 262 и сл.

С. Н. ВАЛК

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ М. М. СПЕРАНСКОГО В ПЕЧАТИ И В РУКОПИСЯХ

Нет такого общего обзора или монографического исследования по общественно-политической истории СССР начала XIX в., где были бы обойдены молчанием проекты М. М. Сперанского. Среди этих проектов особое значение по своему содержанию имеют законодательные проекты 1802 и 1809 гг. Историографической судьбе этих двух проектов посвящаются нижеследующие заметки.

I

Когда 17 марта 1812 г. Сперанского внезапно постигла опала, и он, даже не собравшись по-настоящему в путь, был немедленно выслан в Нижний-Новгород, среди носившихся по городу слухов об этом сенсационном по тем временам событии не было и намека на разработку Сперанским каких-либо общих законодательных проектов. Не знал о них, несомненно, и Карамзин, посвятивший деятельности Сперанского этого времени свою обличительную записку «О древней и новой России».

После высылки Сперанского разбор его бумаг был поручен комиссии во главе с петербургским главнокомандующим С. К. Вязьмитиновым. Составленная этой комиссией опись бумаг, обнаруженных в кабинете Сперанского, сохранилась и была издана в 1916 г. Комиссией для издания бумаг Сперанского (образованной Историческим обществом при Петроградском университете, а затем перешедшей в Академию наук)¹. В этой описи под двумя номерами значатся рукописи проекта 1809 г. Под № 9 отмечен «Проект уложения государственных законов в Российской империи, о державной власти... и проч.» (заголовок, совершенно явно, не самой рукописи, а описательный), а под № 532 значится под хорошо нам известным теперь заголовком «Введение к Уложению государственных законов». Когда рукописи Сперанского были размечены, куда их следует направить, первая рукопись попала в разряд «представляемых в советные его императорского величества руки»; судя, однако, по пометкам, Александр I ее у себя не оставил. Вторая рукопись, попавшая в рубрику «дел, не следующих никуда к препровождению», была при последовавшем в 1816 г., после распечатания кабинета Сперанского, распределении рукописей принята под расписку Н. И. Тургеневым, который

---

¹ Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 г., под ред. Н. В. Голицына («Труды Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем М. М. Сперанского», вып. I), Пгр., 1916.

получил также другие бумаги Сперанского, предназначенные для передачи в Министерство финансов и в Комиссию составления законов¹.

Первый раз появились в печати сведения о законодательных проектах Сперанского только в 1847 г., когда Н. И. Тургенев издал свою известную книгу «Россия и русские». В приложении к первому ее тому Тургенев поместил небольшую заметку о Сперанском, в которой, между прочим, охарактеризовал проект Сперанского и отметил, что он «весьма мало известен в России». В приложении к третьему тому своей работы Тургенев напечатал, как он сам это определил, «несколько выдержек», которые «сделал из проектов этого государственного деятеля», когда он их «впервые читал». Если судить по заголовкам, которые дал своим «выдержкам» Тургенев, то первая их группа была «выдержками» из «Введения в проект конституционного устройства государства», вторая же — выдержками из «Проекта конституционного устройства государства». Печатая эти выдержки, сам Тургенев отметил, что первые и вторые написаны, повидимому, в разное время, чем можно объяснить, как полагал Тургенев, «противоречия, впрочем мало значительные, которые в них встречаются»².

В течение полувека тексты, напечатанные Н. И. Тургеневым, были единственной основой для всех общих характеристик проектов Сперанского. Правда, в 1859 г. дочерью Сперанского, Е. М. Фроловой-Багреевой, было передано в Публичную библиотеку в Петербурге обширное собрание бумаг Сперанского, до сих пор еще полностью не описанное. В этом собрании оказалась, при просмотре его несколько лет назад, одна копия записки Сперанского 1809 г. Она, несомненно, была в руках биографа Сперанского — М. А. Корфа, но, затерянная в общей массе занимающих целый шкаф неописанных рукописей Сперанского, она не попала и до сих пор в поле зрения исследователей. В «Жизни гр. Сперанского» Корф обнаружил знание проекта 1809 г. Он писал, что план Сперанского был «колоссален», но, опасаясь предавать гласности содержание проекта, Корф ограничился некоторыми намеками и ничтожными, ничего не говорящими, выдержками из него и заявил, что в его книге «не место разбирать начинания, не достигшие полной зрелости»³. В своем разборе книги Корфа Н. Г. Чернышевский мог только иронически написать, что, если Корф «находит неуместным» ознакомление читателей с планом Сперанского, то «мы должны согласиться с бароном Корфом относительно неуместности подобных объяснений»⁴. Таким образом, Н. Г. Чернышевский не мог даже намеком показать, что проект Сперанского ему известен хотя бы по выдержкам, приведенным Н. И. Тургеневым.

Последние впервые были введены в оборот русской исторической литературы А. Н. Пыпиным в его когда-то весьма распространенном труде:

¹ Н. И. Тургенев начал свою службу в 1812 г. почти одновременно и в Канцелярии министра финансов, и в Комиссии составления законов. (Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху, Самара, 1923, стр. 180, примечание 2). Часть бумаг Сперанского, находившихся «вне дома» Сперанского, была, по свидетельству К. Г. Репинского, возвращена Александром I Сперанскому в 1821 г. В докладе Николаю I (23 марта 1839 г.) было указано, что среди возвращенных бумаг были также дела об общем управлении государством и губерниями. Как видно из другого доклада, первая группа дел касалась министерств (копии в фонде Сперанского в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

² N. Tourgueneff. La Russie et les Russes, v. III, Paris, 1847, стр. 423—430 (первая группа «выдержек»), стр. 430—477 (вторая группа); дальше следуют выдержки из плана финансов и из пермского письма.

³ М. А. Корф. Жизнь гр. Сперанского, т. I, СПб., 1861, стр. 110, 113.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 795.

«Общественное движение в России при Александре I». Пыпин дал в этой книге перевод напечатанных Тургеневым выдержек с теми же двумя подразделениями, из которых следовало, что первая группа их взята из «Введения к проекту», а вторая — из самого плана¹. Русские читатели получили теперь отрывки из проектов Сперанского в обратном переводе с французского перевода, сделанного ранее Тургеневым по русской рукописи Сперанского. В своих комментариях к напечатанному Тургеневым тексту Пыпин не смог разобраться в нем настолько, чтобы отметить хотя бы те противоречия в тексте, о которых упомянул уже Н. И. Тургенев.

Казалось, что в 1877 г. должен наступить коренной перелом в изучении проектов Сперанского. В этот год в Рукописное отделение Публичной библиотеки в Петербурге поступило собрание рукописей умершего за год до того сенатора К. Г. Репинского, который со времени пензенского губернаторства Сперанского и до самой смерти Сперанского следовал за ним и в качестве сослуживца и личного секретаря. В составе поступивших рукописей оказалась обширная рукопись «Введение к Уложению государственных законов», являющаяся черновиком этого произведения, с многочисленнейшими правками Сперанского. А. Ф. Бычков, заведывавший тогда рукописным отделением Библиотеки, не только не сделал секрета из этого поступления², но тотчас подготовил его к печати, намереваясь поместить «Введение» в выходившем в том же 1877 г. очередном томе (21) Сборника Русского исторического общества, вместе с отчетом Сперанского за 1810 г. Приготовленная к печати Бычковым записка Сперанского была набрана и даже сверстана, но в том Сборника не попала. А. А. Половцев, секретарь Общества, ведавший всеми его издательскими делами, писал, что печатание «Введения» признается «положительно невозможным» и что «по взглядам министра внутренних дел том даже не был бы выпущен»³. Сохранившаяся корректура 1877 г. показывает, что Бычков подготовил к печати только окончательный текст «Введения», не приводя многочисленных вариантов черновика. Лишенный, таким образом, возможности напечатать проект Сперанского, А. Ф. Бычков обратил на него внимание исследователей, и уже в 1879 г. В. И. Сергеевич сумел использовать в своей работе и цитировать новую рукопись Сперанского⁴. Еще внимательнее отнесся к этой рукописи Сперанского В. И. Семеvский. Пользуясь ею, он прежде всего смог отчасти установить, что именно напечатал в своей книге Н. И. Тургенев. Оказалось, что та группа выдержек, которую Тургенев назвал выдержками из «Введения в проект конституционного устройства государства», целиком была взята именно из записки 1809 г. Зато вторая группа выдержек, источником которой был, по Тургеневу, будто бы «Проект конституционного устройства государства», оказалась в одной (второй) своей части выдержками не из какой-либо другой записки Сперанского, а из того же «Введения» 1809 г., в другой же (начальной) ее части выдержки были взяты из источника, оставшегося Семеvскому неизвестным. Если Тургенев уже заметил некоторые противоречия

¹ А. Н. Пыпин. *Общественное движение в России при Александре I*, изд. 4-е, СПб., 1908, стр. 150—172.

² Все бумаги, переданные в Библиотеку Репинским, в том числе и эта записка, были описаны очень точно в «Отчете Публичной библиотеки за 1877 год», СПб., 1879, стр. 19.

³ Краткий отчет Рукописного отдела Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина за 1914—1918 гг., Л., 1940, стр. 117 (расписка и корректура находятся в Рукописном отделении в составе собрания автографов; корректура помечена стр. 447—502 тома 21) — Сборника Русского исторического общества.

⁴ В. И. Сергеевич. *Государство и право в истории* — «Сборник государственных знаний», т. VII, СПб., 1879, стр. 28, 93.

между отдельными напечатанными им выдержками, то Семевский попытался точнее определить эти противоречия. Так как в выдержках из неизвестного источника устанавливался институт майората, то Семевский усмотрел в этом нововведении для России воздействие английских аристократических взглядов и считал, что содержащая эти взгляды неизвестная записка Сперанского является более поздним консервативным произведением Сперанского, написанным после высылки его и под влиянием пережитых им невзгод¹. В соответствии с этим Семевский и рассмотрел особо взгляды Сперанского на крестьянский вопрос, отразившиеся в каждой из записок.

Заслугой Семевского было то, что, внимательно прочтя не легкую для чтения, вследствие сложности работы над ней Сперанского, рукопись, он обратил внимание на зачеркнутые части ее текста. О значении этих зачеркнутых мест для характеристики взглядов Сперанского можно судить хотя бы по тому, что имея в своих руках один беловой текст «Введения», Н. И. Тургенев упрекал Сперанского за то, что он обошел в ней «главный предмет для России» — «уничтожение рабства». Семевский обнаружил в этой рукописи первоначальный, зачеркнутый впоследствии Сперанским и не вошедший в окончательный текст ее, проект немедленного установления личной свободы крестьян². Несомненно, что Сперанский изъясил эту часть текста при дальнейшей работе над «Введением», считаясь со взглядами Александра I.

В 1892 г. профессор Демидовского юридического лицея В. Г. Щеглов дал в своем исследовании о Государственном Совете более подробное изложение «Введения» по рукописи собрания Репинского и по тексту Тургенева, считая, что тургеневский текст представляет собою только «другую редакцию» того же «плана» Сперанского. Особенности текста, которые обратили на себя внимание и Тургенева и Семевского, Щеглов пренебрег. Довольно элементарный пересказ Щеглова не оставил сколько-нибудь заметного следа в литературе изучения труда Сперанского. Отметим, что Щеглов совсем не воспользовался также еще одной, впервые отмеченной им, рукописью «Введения», которая сохранилась, как он указал, в делах Комитета 6 декабря 1826 г. и с которой мы встретимся еще в дальнейшем изложении³.

Также осталось без всякого значения для последующего изучения «Введения» первое ее издание Н. К. Шильдером в приложении к его труду об Александре I. Совершенно правильную оценку этого издания дал В. И. Семевский, указавший, что Шильдер издал «Введение» «не по подлинной (хотя и черновой) рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке, а по весьма неисправному списку с искажающими смысл ошибками»; к тому же издал ее «с опущением весьма важных мест»⁴. С. М. Середонин, также коснувшийся текста «Введения», напечатанного Шильдером⁵, на-

¹ Сперва В. И. Семевский развил эту точку зрения в своей диссертации «Крестьянский вопрос в России в XVIII в первой половине XIX в.», т. I, СПб., 1888, стр. 341 — 342, примечание; он придерживался ее вплоть до 1906 г., когда полнее всего обосновал ее в статье: Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX в. («Былое», 1906, № 1, стр. 33 и 41).

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос..., т. I, стр. 343—344.

³ В. Г. Щеглов. Государственный Совет в России, в особенности в царствование имп. Александра I, т. I, Ярославль, 1892, стр. 828 и сл.

⁴ Н. К. Шильдер. Император Александр I, т. II, СПб., 1897, стр. 372—394; В. И. Семевский. Проект уложения государственных законов — «Историческое обозрение», т. X, СПб., 1899, стр. 2.

⁵ С. М. Середонин. М. М. Сперанский — «Русский биографический словарь», том «Смеловский — Суворин», СПб., 1909, стр. 197—198.

шел в нем вставку из «совсем другого проекта». Другие, отмеченные Середониним, отличия повели его к предположению, что у Шильдера, «вероятно», была в руках «следующая редакция проекта». Вероятнее всего, что Шильдер, как видно из первого замечания Середонина, произвольно сводил в некоторых случаях разрозненные замечания Сперанского воедино.

Первое и до сих пор единственное полное издание «Введения» по не раз упоминавшейся уже черновой рукописи Публичной библиотеки было сделано В. И. Семевским, причем текст подготовленной к печати копии был сверен с подлинной рукописью таким знатоком рукописей, как И. А. Бычков¹. Можно было бы ожидать, что В. И. Семевский, сам показавший на примере крестьянского вопроса, какое значение имеет для изучения взглядов Сперанского не только окончательный текст «Введения», но и его первоначальный текст, издаст записку с воспроизведением также, по крайней мере, важнейших ее первоначальных чтений. Однако В. И. Семевский издал только окончательный текст записки, и поэтому случилось так, что, пользуясь этим изданием «Введения», наши исследователи никак не соединяют с ним того существенного отрывка, который Семевским же был приведен из зачеркнутого текста «Введения» в его «Крестьянском вопросе». Можно привести еще примеры из черновой рукописи «Введения», которые показали бы интерес изучения первоначальных ее вариантов для истолкования взглядов Сперанского. Так, например, указав, что ко времени царствования Александра I относится ряд мер в отношении крестьян, и закончив перечень их «правилами, принятыми о неотдаче казенных людей в крепость»², Сперанский далее начал писать и зачеркнул затем: «сим чертам государственного устройства наступило бы ныне время дать более твердости». В другом месте Сперанский написал сперва, что власть самодержавия «содержит подданных в двояком рабстве», а потом, смягчая эту мысль, заменил первоначальный текст суждением, что власть самодержавия «обладает свободой подданных, как политическую, так и гражданскую»³. В разделе о «правах подданных» Сперанский в окончательном тексте рукописи писал, что «установления: законодательное, судное и исполнительное» «соединяются в державной власти, яко в первом и верховном их начале»⁴. Первоначально вслед за этим Сперанский написал относительно этих установлений, что «они вместе с тем оканчиваются в народе»; зачеркнув это и избегая слова «народ», он написал все же об отношениях «подданных» к этим «установлениям», что «естьли подданные не участвуют в составе тех установлений, где образуется закон (далее зачеркнуто: «и его исполнение»), то не участвуют они в составлении закона, следовательно, нет прав политических и нет коренных законов». Но и эта последняя фраза была зачеркнута Сперанским и в окончательном тексте так и осталась только одна «державная власть». Вся черновая рукопись испещрена правкою Сперанского, которая показывает упорную и тщательную работу Сперанского над выработкою окончательного текста «Введения». Только при привлечении к изданию этой рукописи можно будет как следует оценить ряд формулировок отдельных мыслей Сперанского, изменившихся в ходе составления «Введения», если не по существу, то в некоторых своих оттенках.

¹ «Историческое обозрение», т. X, СПб., 1899, стр. 1—62; с этого издания текст «Введения» был перепечатан в книге: «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», М., 1905 (в дальнейшем цит.: «План»).

² «План», стр. 25.

³ «План», стр. 51.

⁴ «План», стр. 13.

Однако не черновая рукопись дает нам тот окончательный текст «Введения», который был представлен Сперанским Александру I. С. М. Середонин в упоминавшейся уже выше статье в «Русском биографическом словаре» писал, что, несомненно, была рукопись, которую Сперанский представил государю императору; по всей вероятности, на этой рукописи должны быть пометы государя»¹. Тем удивительнее, что и В. И. Семевский и С. М. Середонин, оба хорошо знакомые с Архивом Государственного Совета, прошли мимо указания В. Г. Щеглова на хранящуюся там, в делах Комитета 6 декабря 1826 г., рукопись «Введения к уложению государственных законов». Ближайшее ознакомление с этой рукописью² показывает, что она является именно окончательною рукописью «Введения», которая была в руках Александра I. Известно, что Николай I передал в Комитет 6 декабря 1826 г. ряд материалов, обнаруженных среди бумаг умершего Александра I. На обложке комитетской рукописи имеется пометка, сделанная рукою Николая I: «В комитет». Пометка эта была сделана, несомненно, Николаем I при передаче этой рукописи из кабинета Александра в Комитет 6 декабря 1826 г. Эта рукопись отличается своей внешностью, соответствующей ее назначению. Текст комитетской рукописи (как мы будем ее для краткости называть) содержит ряд преимущественно редакционных различий по сравнению с черновой («глава» — вместо «отделение»; «сохраняемы» вместо «соображаемы» и др.).

С. М. Середонин, так и не заглянувший в комитетскую рукопись «Введения», хотя другие рукописи Комитета 6 декабря 1826 г. были в его руках, высказал предположение, что на рукописи, представленной Сперанским Александру I, должны быть пометки Александра I. Действительно, на этой рукописи очень много отчеркиваний, подчеркиваний и вопросительных знаков; но есть на полях ее и замечания. Так, например, Сперанский одобрительно говорит о том, что в России было «испровергнуто» право первородства³; против этого места в комитетской рукописи имеется пометка: «почему тот же закон хвалят в хваленной Англии?». Против суждения Сперанского о том, что «общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на неперменном законе»⁴, находим в рукописи пометку: «для этого не нужно конституции». Особое внимание приковал лист рукописи, где сопоставлялись «две системы»; одна — в которой самодержавие облечено не «существом», а только «внешними формами закона», и вторая — где оно ограничено «самым делом», «существенною силою установлений». О первой Сперанский писал, что она «вводит совершенное самовластие» (против этого пометка: «в Австрии?? в Пруссии??») и «издалека готовит сама себе превращения» (на полях вопросительный знак). О второй системе Сперанский полагал, что она может «долгое время без важных перемен постепенно следовать к гражданским усовершенствованиям»; в рукописи против этих слов пометка: «к республике??»⁵. Приведем еще одну пометку. Она касается Петра I, которого Сперанский характеризовал тем, что он «без точного намерения дать своему государству политическое бытие..., по одному, так сказать, инстинкту просвещения... все к тому приуготовил»⁶. Против этого рассуждения Сперанского — ироническая пометка на французском языке: «Il est permit de croire à un royaliste que Pierre le Grand

¹ С. М. Середонин. Указ. ст., стр. 197.

² ЦГИАЛ, ф. Комитета 6 декабря 1826 г., № 65/5, ч. 1; Опись дел Архива Государственного Совета, т. XVI, СПб., 1912, стр. 43.

³ «План» стр. 25, примечание 2.

⁴ «План», стр. 30—31.

⁵ «План», стр. 34.

⁶ «План», стр. 21.

avait de l'esprit et non de l'instinct». По почерку можно полагать, что эта и другие пометки сделаны Александром I.

В нашем распоряжении также имеются такие две копии окончательного текста черновой рукописи. В одной из них, хранящейся в Рукописном отделении Публичной библиотеки, произведены те изменения текста («глава», «сохраняемы» и т. д.), которые находим в комитетском тексте. Вторая копия, имеющаяся в Тургеневском архиве (хранящемся в Пушкинском доме Академии наук СССР), почти полностью совпадает с текстом черновой рукописи.

Итак, мы обладаем несколькими рукописями, которые дают нам возможность восстановить историю текста «Введения к Уложению государственных законов». Новое издание должно будет иметь своей основой не черновой текст «Введения», как это имело место в невышедшем издании А. Ф. Бычкова 1877 г. и в вышедшем издании В. И. Семевского (точнее И. А. Бычкова), а окончательный текст, представленный Сперанским Александру I. В то же время оно должно будет тщательно воспроизвести все важнейшие варианты черновой рукописи, чего не сделали, к сожалению, предыдущие издатели. Две копии (Пушкинского дома и Публичной библиотеки), которые отображают среднюю историю текста записки, найдут также свое место в будущем критическом издании «Введения».

В заключение надо сказать, что, как отметил давно уже В. И. Семевский, Сперанский составил еще сокращение своего проекта на французском языке, в котором изложил свои мысли с иными оттенками, чем в основном своем проекте¹.

II

В 1906 г. в Академию наук поступил в качестве дара сына Н. И. Тургенева хранившийся у него семейный архив². Тотчас после поступления архива всегда неутомимый в своих розысках В. И. Семевский обнаружил в нем ряд рукописей Сперанского. Существенной находкой В. И. Семевского были две рукописи³, содержавшие, по определению В. И. Семевского, «первый политический трактат» Сперанского, который В. И. Семевский отнес к 1802 г.⁴ Теперь только вскрылось, что те из напечатанных Тургеневым «выдержек» из плана Сперанского, источник которых оставался неустановленным, после сопоставления выдержек с «Вве-

¹ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос..., т. I, стр. 344; его же. Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, стр. 41 и сл. В. И. Семевский пользовался французским текстом записки, имеющимся в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в собр. Г. К. Репинского (см. Отчет библиотеки за 1877 г., СПб., 1879, стр. 17). Другой экземпляр, оставшийся вне поля зрения В. И. Семевского, находится в делах Комитета 6 декабря 1826 г., куда попал, несомненно, из кабинета Александра I (см. Опись дел архива Государственного совета, т. XVI, СПб., 1912, стр. 65; ЦГИАЛ ф. Комитета 6 декабря 1826 г. № 65/5, ч. 2).

² До 1931 г. он хранился в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук; в 1931 г. он был передан в Пушкинский дом, где находится и ныне.

³ Обе рукописи (в фонде Тургеневых, №№ 1004 и 1005) не имеют никакого заголовка. На рукописи № 1004 сделана надпись (Н. И. Тургеневым?): *Mémoire sur la législation fondamentale en général (Une espèce d'introduction aux projets suivants)*; на № 1005 есть пометка: «Mémoire... 2 Ex-ge». Для определения назначения рукописи № 1005 без значения может оказаться то, что она написана на очень хорошей бумаге, только на правой половине каждого листа, ровным писарским почерком и сшита одинаковыми тетрадами по 10 листов каждая (ср. далее), причем шнурком, цвета которого употреблялись обычно для министерских докладов царю.

⁴ В. И. Семевский. Первый политический трактат Сперанского — «Русское богатство», 1907, № 1, стр. 46—84.

дением» 1809 г., заимствованы именно из «трактата» 1802 г. Отпала теперь гипотеза В. И. Семевского о более позднем происхождении этих выдержек, а также возможность безразличного пользования всеми «выдержками» как однородным материалом — все это ошибки, наличные в литературе всей второй половины XIX в. и начала XX в., что было отмечено и В. И. Семевским.

Трактат 1802 г. прочно вошел в научный оборот; но его знают до сих пор только по цитатам, которые весьма обстоятельно привел в своей работе В. И. Семевский. Несомненно, что трактат этот должен быть полностью издан. Только с целью помочь будущим издателям трактата пишутся дальнейшие краткие заметки об упомянутых двух рукописях.

Одна из этих рукописей (№ 1005) является основной и содержит ряд поправок рукой Сперанского; вторая (№ 1004) — ее копия, снятая писарем, плохо разбиравшим свой оригинал и иногда в отчаянии оставлявшим белые места для позднейшего восполнения неразобранного им текста. Еще во время пребывания обеих рукописей в семейном архиве была обнаружена недостача текста в обеих рукописях. В рукописи № 1005 на л. 44 сверху сделана (Н. И. Тургеневым?) пометка: «здесь потерян лист или два»; в соответствующем месте № 1004 аналогичная другая пометка: «здесь потерян лист, а может два, и оттого нет связи с предыдущим». Действительно в № 1005 теперешний лист 43 об. кончается словами: «будут думать», теперешний лист 44 начинается: «так обширна». Ошибся Тургенев лишь в размерах пропуска. Выше при описании рукописей уже было указано, что листы ее сшиты тетрадами по 10 листов. Та тетрадка, в которой обнаружен был современниками и затем В. И. Семевским пропуск, не сшита и в ней недостает целых шесть листов. Однако, к счастью, текст утраченных листов сохранился и путь к восстановлению этой утраты был указан не подозревавшим этого В. И. Семевским.

В одной из позднейших своих статей В. И. Семевский обратил внимание на сохранившуюся в делах Комитета 6 декабря 1826 г. рукопись, которая по заголовку на архивной обложке значилась как «Размышления неизвестного о государственном управлении вообще...». Определив, что в «Размышлениях» есть значительные цитаты из «трактата» 1802 г., В. И. Семевский пришел к заключению, что и размышления писаны Сперанским. Упоминание в начале «Размышлений» о работах по составлению Уложения навело В. И. Семевского на мысль, что «Размышления» относятся к началу 1809 г. (Сперанский был назначен в Комиссию составления законов 20 декабря 1808 г., а в начале 1809 г. уже начал работать над общим планом преобразований)¹. Оставляя для будущего исследователя разрешение вопроса, относятся ли действительно «Размышления» к 1809 г. (полагаю, что они относятся к 1802 г.) и действительно ли они отражают мысли Сперанского (возможно, что они писаны для другого лица — уже стиль «Размышлений» наталкивает на эту мысль)², — оставляю внимание будущего издателя трактата на том, что на л. 2 «Размышлений» начинается не отмеченное В. И. Семевским заимствование из

¹ В. И. Семевский. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования Александра I — «Отечественная война и русское общество», т. II, М., 1912, стр. 174—177.

² Примером такой работы Сперанского может служить записка о Сенате, сохранившаяся в Воронцовском архиве (писана не рукой Сперанского); одна из помет здесь кончается словами: «о чем, прошу Михаила Михайловича взять труд на себя поместить рассуждения по приличности». И здесь, и в других местах ряд исправлений сделан затем рукой Сперанского (Архив Института истории АН СССР, Воронцовский фонд, № 401, ч. 4, л. 232 об.).

«трактата» 1802 г. (ср. № 1005, л. 43), которое продолжает оборванный на л. 43 об. текст рукописи и доводит его до сохранившегося в рукописи № 1005 конца. Таким образом, мы в состоянии теперь издать «трактат» 1802 г. полностью, обладая и первоначальной, правленной Сперанским, рукописью, и копией ее, и, наконец, источником для восполнения недостающего в обеих рукописях «трактата» текста.

Надо пожелать, чтобы обе эти записки были теперь изданы в надлежащем виде.

СОДЕРЖАНИЕ

В. К. Яцунский. Николай Михайлович Дружинин	5
Список научных трудов академика Н. М. Дружинина	13
Н. Н. Яковлев. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Ростове-на-Дону	19
Л. М. Иванов. Октябрьская политическая стачка 1905 г. на Украине	53
Г. М. Деренковский, И. М. Расчетнова, М. С. Симонова. 1905 год в Саратове	74
Феликс Тых. Из истории деятельности польской социал-демократии (СДКПиЛ) в 1905 году	105

А. Л. Сидоров. К вопросу о строительстве казенных военных заводов в России в годы первой мировой войны	156
М. Я. Гефтер. Царизм и законодательное «регулирование» деятельности синдикатов и трестов в России накануне первой мировой войны	170
А. М. Паикратова. Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—90-е годы XIX в.).	194
В. Д. Мочалов. Землевладение государственных крестьян в Западной Грузии в конце XIX в.	221
А. С. Нифонтов. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в.	239
Ш. М. Левин. Две демонстрации	251
П. А. Зайончковский. Из истории обнародования Положения 19 февраля 1861 года	271
М. В. Нечкина. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского»?	284
М. К. Рожкова. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России (первая половина XIX в.)	298
П. Г. Рындзюнский. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842—1844 гг.	315
А. В. Фадеев. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX века	327
Н. Л. Рубинштейн. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в.	343
И. С. Бак. Экономические воззрения В. Н. Татищева	362

ДИСКУССИЯ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ В РОССИИ

Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (По материалам XVII—XVIII вв.)	382
Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России	420

ЗАМЕТКИ и СООБЩЕНИЯ

Б. П. Козьмин. К вопросу об отношении А. И. Герцена к I Интернационалу	430
З. П. Базилева. Из истории издательской деятельности А. И. Герцена (Приложение к «Колоколу» — листы «Под суд!»)	436
С. Я. Штрайх. А. И. Герцен и В. О. Ковалевский	448
С. Н. Валк. Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях	464

---

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

*

Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 28-71В. Сдано в набор 12/IX 1955 г.
Подп. в печать 8/XII 1955 г. Формат бум. 70×108⁸/₁₆.
Печ. л. 29,75=41,15+1 вкл. Уч.-изд. лист. 40,90. Тираж 2500.
Т-09170. Изд. № 1407. Тип. зак. 1840. Цена 25 р. 60. к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
99	3 сн.	Петроградского	Петербургского
100	2 сн.	№ 224	№ 244
137	2 сн.	по 1, 2, 4 и 5 пунктам	по 1, 2, 3 и 5 пунктам
139	4 сн.	АВНР, ч. I,	АВНР, 1905, ч. I,
142	1 сн.	„Gazeta Robotnicza“	„Gazeta Robotnicza“
152	8 сн.	Odezwa SDKPiL, 2/I	Odezwa ZG SDKPiL z2/I
177	8 св.	„аутсайдеров“	аутсайдеров
289	11 св.	под Лещином	под Лещиным
341	3 сн.	of the North	of the Norths